

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

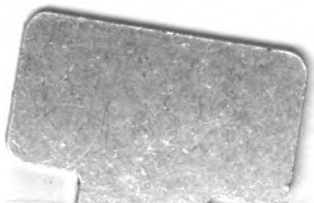
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slav 236.4

**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**

ДѢЛО

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. РОМАНТИЗМЪ РУССКІЙ. (Продолженіе). Н. РАДУКІНА.
- II. ПОГОНЯ ЗА НАЖИВОЙ. Романъ. (Часть третья и послѣдняя. Гл. I — VII). Н. П. КАРАЗИНА.
- III. СНОВИДѢНЬЕ. Стихотвореніе. ПЕТРА БЫКОВА.
- IV. ОЧЕРКН НОВОЙ ИСПАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. ЭМ. ДЕНЕГРИ.
- V. МОЛИТВА. Стихотвореніе. ИВ. Я—НА.
- VI. СУДЬБЫ ИРЛАНДИИ. С. С. ШАНКОВА.
- VII. ГОРОДСКОЕ УСТРОЙСТВО. (Продолженіе). Д. С—О.
- VIII. ВЛЮВЛЕННОЕ МОРЕ. Стихотвореніе. О. Л.
- IX. ПШЕНИЦЫНЫ. (Изъ исторіи забытыхъ людей). ИВХ. АЛБОВА.
- X. ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ ШТАТАХЪ. А. МИХАЙЛОВА.
- XI. ВЪ РОДНОМЪ СЕЛѢ. Стихотвореніе. ИВ. Я—НА.
- XII. ЗАВОТЫ ОБЩЕСТВА О СУДЬБѢ МАЛОЛѢТНИХЪ ПРЕСТУПНИКОВЪ. (Окончаніе). ФОНЪ-ДЕРЪ-ХОВЕНА.
- XIII. НАДЪ МОГИЛОЙ. Стихотвореніе. В. П. СЛАВЯНСКАГО.
- XIV. ЗАРЯ НОВОЙ ЖИЗНИ. Романъ. (Часть первая. Гл. X — XI. Часть вторая. Гл. I — II). ФР. ГЕРШТЕКЕРА.
- XV. ВУРЯ. Стихотвореніе. И. П.

Ом. на оборотѣ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

XVI. ПУШКИНЪ И ЛЕРМОНТОВЪ. (Окончаніе). . . . С. С. ШАНКОВА.

XVII. ПЬЯНСТВО И ВРАЧИ ЕГО.

О вліяніи пьянства на общественное здоровье, нравственность, дѣятельныя силы и о мѣрахъ къ ограниченію его. Доктора медицины М. Лещинскаго. С.-Петербургъ, 1873.

XVIII. НОВЫЯ КНИГИ.

Сборникъ сочиненій по судебной медицинѣ, судебной психіатріи, медицинѣ полиціи, общественной гигиенѣ и пр., издаваемый медицинскимъ департаментомъ. Т. II. Спб. 1873.—Путешествія капли воды. Г. Пиццетты. Переводъ съ французскаго. Спб. 1873.—Двѣ королевы: Екатерина Арагонская и Анна Волейнъ. Соч. В. Г. Днесона, автора «Свободной Россіи», «Новой Америки», «Лондонской башни» и пр. 2 тома. Спб. 1873.—Рассказы изъ исторіи русскаго народа (отъ начала Руса до нашествія татаръ). Н. Алябьева. Изданіе народнаго журнала «Грамотей». М. 1873.—Древніе города Россіи. Историко-юридическое изслѣдованіе Д. Я. Самоковскаго. Спб. 1873.

XIX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

XX. ВЪНШНЯЯ ВСЕМІРНАЯ ВЫСТАВКА. РИГО.

Печальный видъ вѣнскихъ предмѣстій.—Отрицаніе вѣнскими жителями.—Выставка, какъ неудачная спекуляція.—Причина вздорожанія квартиръ въ Вѣнѣ.—Еврейскій характеръ новой Вѣны.—Красота построекъ.—Оборотная сторона медали.—Курьезное заблужденіе агента выставки.—Ротонда.—Хаосъ, господствующій на выставкѣ.—Повѣсть о постройкѣ пратерскаго купола.—Отсутствіе классификаціи и системы на вѣнской выставкѣ лишаетъ возможности производить на ней изслѣдованія.—Международная школа искусства, комерціи и промышленности, какъ средство сдѣлать болѣе полезными всемірныя выставки.—Нѣмцы желаютъ взять если не качествомъ, то, по крайней мѣрѣ, количествомъ.—Характеръ промышленности англійской, французской и нѣмецкой.—Русское отдѣленіе.—Степень участія различныхъ странъ въ художественной выставкѣ.—Замѣчательныя швейцарскіе пейзажисты.—Отсутствіе оригинальности и самостоятельности въ картинахъ бельгійскихъ художниковъ.—Паденіе искусства въ Голландіи.—Спеціальныя колориты норвежскихъ и шведскихъ картинъ.—Датская скульптура.—„Первый шагъ“ Каменскаго.—Русскіе художники: Семирадскій, Рѣпинъ, Гунь, Гѣ, Виллевалдъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНИИ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„Д Ъ Л О“

въ 1874 году.

Журналъ «ДЪЛО» будетъ выходить въ 1874 г. на прежнихъ основаніяхъ, по прежней программѣ и въ томъ-же направленіи, какъ и въ прежнія шесть лѣтъ.

Подписная цѣна журналу на годъ:

безъ пересылки и доставки . . . 14 р. 50 к.
съ пересылкой 16 р.
съ дост. въ Петербургъ . . . 15 р. 50 к.

Подписку просятъ адресовать исключительно въ С.-Петербургъ, въ Контору Редакціи журнала „ДЪЛО“, по Надеждицкой ул. д. № 39; въ Москву, въ книжный магазинъ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева.

Въ случаѣ жалобъ на несвоевременное полученіе книжекъ „Дѣла“, Редакція проситъ покорнѣе гг. подписчиковъ заявлять таковыя жалобы не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ правилъ отъ Почтоваго вѣдомства, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не приметъ.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯТОЙ КНИГИ.

- Романтизмъ русскій. (Продолженіе). *Н. Радюкина.*
Погоня за наживой. Романъ. (Часть третья.
и послѣдняя. Гл. I—VII). *Н. Н. Карзина.*
Сновидѣнье. Стихотвореніе *Петра Быкова.*
Очерки новой испанской литературы *Эм. Денери.*
Молитва. Стихотвореніе. *Ив. Я—на.*
Судьбы Ирландіи *С. С. Шашкова.*
Городское устройство. (Продолженіе) *Д. С—о.*
Влюбленное море. Стихотвореніе. *О. Л.*
Пшеницны. (Изъ исторіи забытыхъ лю-
дей). *Мих. Алъбова.*
Первоначальное образованіе въ Сѣверо-
Американскихъ Штатахъ. *А. Михайлова.*
Въ родномъ селѣ. Стихотвореніе. *Ив. Я—на.*
Заботы общества о судьбѣ малолѣтнихъ
преступниковъ. (Оковчаніе). *Фонъ-деръ-Ховена.*
Надъ могилой. Стихотвореніе. *В. И. Славянскаго.*
Заря новой жизни. Романъ. (Часть первая.
Гл. X—XI. Часть вторая. Гл. I—II). *Фр. Герштекера.*
Буря. Стихотвореніе. *М. Н.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- Пушкинъ и Лермонтовъ. (Ст. вторая). *С. С. Шашкова.*
Пьянство и врачи его.
Новыя книги
Внутреннее обозрѣніе.
Вѣнская всемірная выставка *Е. Трио.*

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

№ 9.

ИЗВ. № 24429

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. ТУШНОВА, ПО НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 39.

1873.

△

PS 60 - 236 (1873)
9

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 сентября, 1873 года.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
APR 3 1963

63 + 2

ИЗДАНИЕ
ВЪ
ИМПЕРАТОРСКОМЪ

РОМАНТИЗМЪ РУССКІЙ.

ІХ.

СЛАВЯНСКОЕ НАСЛѢДІЕ И НАРОДНЫЯ ВѢДСТВІЯ.

Исторія застала славянъ въ такой моментъ умственнаго развитія, когда всѣ ихъ идеи находились въ зачаточной формѣ. Живутъ славяне родовымъ бытомъ, каждый родъ тянетъ въ свою сторону и думаетъ только о своей родовой выгодѣ. Такой бытъ способствуетъ, съ одной стороны, враждѣ, разъединенію и общественному слабосилію, съ другой — поддерживаетъ въ каждомъ членѣ рода стремленіе къ независимости.

Недовольные не прибѣгаютъ къ средствамъ борьбы; они попросту уходятъ, перемѣняютъ мѣсто своего жительства. На эту подвижность славянъ указываютъ уже первые иностранные писатели. Избы у славянъ дрянныя, живутъ они бѣдно, ограничиваясь самымъ скуднымъ; природа вокругъ жалкая, — болота да лѣса, — слѣдовательно, особенно дорожить своей мѣстностью нѣтъ никакой причины: куда ни приди — все одно и то-же. И вотъ, что-бы ни случилось, — усобица-ли внутренняя, набѣгъ-ли казаръ, аваръ, половцевъ, печенѣговъ, — славянинъ бросаетъ свою дрянную избу и бѣжитъ въ другое мѣсто, гдѣ его никто тревожить не будетъ. Появленіе князей не измѣняетъ этой привычки родового быта; напротивъ, еще способствуетъ ея развитію. Чѣмъ больше неурядиць, внутреннихъ смуть, усобиць и внѣшнихъ нашествій, тѣмъ больше народъ бредетъ розно. Ничего другого славянинъ не выдумалъ, чтобы спасти свою независимость; но за то онъ самымъ либеральнымъ способомъ пользуется своимъ средствомъ. Такимъ образомъ, славянскій міръ оставилъ въ наслѣдство Руси свою

родовую разрозненность и вмѣстѣ съ нею порывъ къ личной свободѣ, поддержанію которой благопріятствуетъ низкій уровеньъ потребностей, полудикій бытъ и повсюду одинаковая и скупная природа.

Другое наслѣдіе есть идея рабства. Сначала рабами были только одни плѣнные; но потомъ идея неравноправности развивается все шире и шире и рабство становится всеобщимъ учрежденіемъ. Весь бытъ принимаетъ сословный характеръ, во всемъ проглядываетъ дѣленіе людей на старшихъ и младшихъ, лучшихъ и худшихъ, родовыхъ и безродныхъ. Князь и все княжеское стоятъ на первомъ мѣстѣ; дружинники или *мужи* рѣзко отдѣляются отъ остального населенія, но и *смерды* или *люди* не всѣ равны между собою: городской житель считается важнѣе сельскаго.

Рядомъ съ свободными городскими и сельскими людьми „Русская Правда“ указываетъ и на людей зависимыхъ. Первый видъ несвободнаго состоянія есть *закупъ* или наймитство. Наймитъ — есть работникъ или батракъ, продающійся на извѣстный срокъ. Эта зависимость переходила легко въ полное рабство: если наймитъ дѣлалъ преступленіе передъ правительствомъ, за него отвѣчалъ господинъ, и тогда наймитъ становился полнымъ его холопомъ. Если наймитъ бѣжалъ отъ своего господина до срока, то становился тоже холопомъ. Всякій, кто родился отъ холопа, былъ рабъ; свободный, женитьбой на холопкѣ, превращался въ раба; всякій должникъ, неуплатившій своего долга, дѣлался холопомъ заимодавца.

Холопъ или рабъ считался вещью и рабочей силой. У него не было никакой собственности: все, что онъ пріобрѣталъ, все, что онъ производилъ, принадлежало господину. Хозяинъ былъ полнымъ господиномъ своего раба; онъ могъ его убить, не подвергаясь никакой отвѣтственности; но если холопъ осмѣливался бить свободнаго человѣка, то подвергался смерти. Не имѣя никакихъ гражданскихъ правъ, холопъ стоялъ внѣ общества, внѣ его интересовъ, внѣ всякаго значенія, даже его свидѣтельство, по какому-бы то ни было чужому дѣлу, не имѣло значенія. Такъ какъ холопъ изображалъ собою безгласную чужую собственность, то за всякій вредъ и порчу, причиненную имъ, отвѣчалъ его хозяинъ, который затѣмъ могъ наказать его, какъ хочетъ. Юри-

дическое ничтожество холопа было такъ велико, что за убійство его постороннимъ человѣкомъ уплачивалось господину только пять гривенъ; раба цѣнилась немного выше и за убійство ея платилось шесть гривенъ.

Третье наслѣдіе—грубость нравовъ. То, что говорится обыкновенно о мягкости, кротости и благодушествіи славянъ, нужно, конечно, понимать относительно. Славяне были кротки, но эта кротость не мѣшала имъ нисколько дѣлать ужасы во время своихъ походовъ. Есть факты, что во время усобицъ жестокости доходили до звѣрства: жгли народъ въ избахъ, младенцевъ сажали на колья. Поэтому нѣтъ никакого основанія видѣть преувеличеніе въ словахъ лѣтописца, который говоритъ, что только одни поляне отличались кроткими и тихими обычаями, но что остальные племена жили по-скотски: убивали другъ друга, ѣли всякую гадость, жили въ лѣсахъ, какъ звѣри, и срамословили, не зная никакого стыда.

У насъ установилось мнѣніе, что всему русскому злу причиной византійское вліяніе и татары. Византійское вліяніе, будто-бы, подъ видомъ смиренномудрія, поселило въ русскихъ рабскія идеи, а татары стали вообще причиной нашей отсталости и всей той грубости, которая накопилась у насъ вѣками. Изъ всего предыдущаго достаточно видно, какъ слабы оказались на насъ постороннія вліянія и, напротивъ, какъ сильно было вліяніе традиціоннаго элемента. Славянскія основы чрезвычайно туго уступали всѣму внѣшнему, постороннему, наплывному. Если онѣ и дѣлають уступку, то уступку больше внѣшнюю, формальную, но не въ сущности міровоззрѣнія. Внѣшнее вліяніе никогда не проникало въ самую глубь славянской души и русской бытъ сложился не на постороннихъ вліяніяхъ, а на чисто-славянскихъ основахъ.

Въ развитіи ихъ замѣчается два параллельныхъ теченія: грубость нравовъ и идея рабства легли въ основаніе юридическихъ учреждений, а родовая разрозненность и стремленіе къ независимости создали своеобразную форму протестующаго русскаго романтизма.

Не славяне выдумали свою мѣстность, хотя несомнѣнно, что ихъ вытѣснилъ кто-нибудь болѣе сильный изъ мѣстности лучшей. Не славяне выдумали и своихъ сосѣдей. И вотъ начинается борьба съ внѣшними неотразимыми вліяніями; начинается борьба за обще-

ственное существованіе. Не нормандскій обычай ввелъ Владиміръ, раздѣливъ Русь между своими сыновьями, и не нормандскій обычай выразился въ княжескомъ старшинствѣ и въ погонѣ за почетомъ и первенствомъ: то была чисто-славянская родовая идея и чисто-славянскій обычай наслѣдія, славянское установленіе уваженія старшаго родича. И славянскій принципъ родового быта создаетъ удѣльный періодъ и двухсотлѣтнюю постоянную усобицу.

Ярославъ I передъ смертью говоритъ дѣтямъ: „Я умираю, дѣти мои! любите другъ друга, потому что вы братья родные— дѣти одного отца и одной матери. Если вы будете жить въ любви, то и Богъ будетъ съ вами, если-же станете ненавидѣть другъ друга, то погибнете и сами, погубите и землю отцовъ и дѣдовъ вашихъ. Кіевъ я поручаю старшему сыну моему и брату вашему Изяславу: слушайтесь его, какъ меня слушались, пусть онъ будетъ вамъ вмѣсто меня“. Устанавливая этотъ моральный принципъ, Ярославъ умираетъ съ спокойной совѣстью, увѣренный, что онъ сдѣлалъ свое дѣло. Но скоро обнаружилось, что наслѣдственное славянское родовое начало далеко не обладаетъ тѣмъ юридическимъ могуществомъ, которое требуется для гражданскихъ и политическихъ отношеній. Князья цѣлуютъ крестъ, обязываются жить въ ладу и сейчасъ-же нарушаютъ клятву. По смерти Ярослава меньшіе сыновья его изгоняютъ немедленно своего старшаго брата; цѣловавъ крестъ Всеславу Полоцкому, они тотчасъ-же нарушаютъ клятву и сажаютъ Всеслава въ тюрьму. Такъ начинается удѣльный періодъ и такъ онъ продолжается. Удѣльный періодъ—это постоянный рядъ клятвопреступленій и лжи, насилія и обмана. Только одна идея двигаетъ всѣми побужденіями, только одна имѣетъ могущественное вліяніе на поведеніе каждаго и всѣхъ — идея права и власти, и только подъ ея вліяніемъ слагаются и формируются всѣ отношенія, пока все не стягивается къ одному московскому центру.

Какимъ трудомъ выработывалась идея права въ своемъ столкновеніи съ славянскою идеей родового быта, можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ. Въ періодъ времени отъ 1055 до 1228 года усобицы происходили 80 годовъ или черезъ годъ; нѣкоторыя изъ нихъ продолжались по 12 и по 17 лѣтъ сряду. Въ слѣдующій періодъ, до конца XV столѣтія, есть извѣстіе о 90 усобицахъ. Хотя многіе и стараются ослабить вліяніе княже-

скихъ усобицъ на бытъ народа, замѣчая, что у князей войска было немного и что народъ, жившій въ сторонѣ, не подвергался бѣдствіямъ войны, но это не вѣрно. Князья, дѣйствительно, воевали съ князьями, но сами князья не терпѣли ничего — терпѣлъ народъ. Родовая брань тѣмъ и была дурна, что она не была чисто домашнимъ дѣломъ; князья, чтобы взять верхъ, прибѣгали всегда къ союзникамъ — сначала къ половцамъ, а потомъ къ татарамъ. Половцы были извѣстные грабители: они жгли и опустошали землю еще лучше, чѣмъ татары; не было пощады ни старцамъ, ни младенцамъ; кромѣ того уводились массы народу въ плѣнъ. Такъ половцы, приведенные въ 1160 году Изяславомъ Давыдовичемъ въ Смоленскую область, увели изъ нея больше 10,000 человекъ. Свои не были милостивѣе: кромѣ того, что они грабили сами, они отдавали на грабежъ союзникамъ завоеванныя области. Олегъ Святославовичъ, завладѣвъ черниговской областью, отдалъ ее на грабежъ половцамъ. Обычай рабства еще болѣе усиливалъ бѣдствіе покоряемыхъ областей. Не говоря про половцевъ, не говоря даже про военное время, но и въ мирное сами русскіе забирали своихъ въ рабство. Мстиславъ Мстиславовичъ, посылая въ 1216 году повгородцевъ въ торопецкую волость, наказывалъ ихъ, чтобы они „головъ не брали“. Какъво жилось Руси, когда она выработывала свою идею государственнаго права изъ первоначальной идеи родового права, указываетъ авторъ слова о Полку Игоревѣ. „Земля русская сѣялась и росла усобицами, говорить онъ, — на ней рѣдко раздавались крики земледѣльцевъ, но часто каркали вороны, дѣля между собою трупы, часто говорили свою рѣчь галки, собиравсь летѣть на добычу“.

Родовая разрозненность не позволяла быть слишкомъ разборчивыми въ средствахъ и въ выборѣ союзниковъ. Ей-то и обязана Россія не только набѣгомъ половцевъ и печенѣговъ, но и всему татарскому погрому. При единодушій князей никакіе-бы половцы не посмѣли тревожить Россію и было-бы невозможно татарское иго. Теперь-же усобицы князей и приглашеніе союзниковъ отрывали дорогу въ Россію всемі, кому хотѣлось ее пограбить. Съ половины XIII и до конца XV столѣтія, кромѣ 90 междоусобныхъ войнъ, было 133 непріятельскихъ нашествія и въ томъ числѣ 48 татарскихъ. Всего втеченіи 234 лѣтъ постигло Россію 232 военныхъ опустошенія. Народное выраженіе, что

половцы и татары владѣли землю пуста, вовсе не риторическая фигура. Деревни жгли, народъ побивали, а что оставалось въ живыхъ—уводили въ плѣнъ. Послѣ нашествія татаръ въ нѣкогда богатомъ и цвѣтущемъ Кіевѣ осталось всего 200 домовъ. Оларій пишетъ, что мѣстность ниже Симбирска совершенно необработана и необитаема и покрыта развалинами городовъ и селеній, нѣкогда разрушенныхъ татарами. Флетчеръ говоритъ, что по дорогѣ между Вологдой и Ярославлемъ онъ видѣлъ до 50 большихъ деревень, совершенно пустыхъ. Не считая первой битвы на Калкѣ и мелочныхъ столкновеній, куликовская битва стоила намъ 360,000 человекъ, и московское государство такъ обезлюдѣло, что было не въ состояніи выставить войско противъ Тохтамыша. Если извѣстіе лѣтописца преувеличено, то самая возможность преувеличенія показываетъ, что наша потеря была громадна.

Московское единовластительство нисколько не измѣняетъ дѣла, — напротивъ, узелъ затягивается все крѣпче и крѣпче. При князьяхъ дралась дружина, а народъ шелъ только въ такихъ крупныхъ и исключительныхъ случаяхъ, какъ Куликовская битва; теперь же главная тяжесть ложится на посонныхъ людей. Они должны выставять и контингентъ и давать продовольствіе арміи. Если выставленные посонные люди разбѣгались — слѣдовало выставить вмѣсто нихъ другихъ. А это увеличивало всѣ расходы народа вдвое. Во время похода Ивана IV на Полоцкъ, у него въ войскѣ было 80,000 посонныхъ людей и псковичи давали конному по 5 рублей, а пѣшему по 2 рубля. Когда въ 1570 году царь пришелъ въ Новгородъ, то, перебивъ множество людей, велѣлъ кромѣ того собирать крестьянъ къ себѣ въ войско, и мостить дорогу въ ливонскую землю. Обищавшіе псковичи и новгородцы, не имѣя денегъ для найма людей, пошли сами и перемерли злою смертью отъ голода и отъ мороза, отъ мостовъ и наряду. Въ смутное время, только втеченіи двухъ лѣтъ, погибло на войнѣ 300,000 боярскихъ дѣтей. А сколько еще погибло народу и отъ войны и отъ голода! Царю Михаилу о состояніи углецкаго края было прислано такое донесеніе: „На Угличѣ ратныхъ людей, дворянъ, дѣтей боярскихъ и иноземцевъ нѣтъ: всѣ посланы на твои государевы службы; стрѣльцовъ и воротниковъ нѣтъ-же ни единого человекъ, только шесть человекъ пушкарей, да и тѣ

голодны, и для осаднаго времени хлѣбныхъ запасовъ нѣтъ-же, а съ углицкаго уѣзда хлѣбныхъ запасовъ собрать не съ кого; пороховой казны мало, у острога мосты не домощены, въ башняхъ мосты погнили, посадскіе люди отъ кабацкаго недобора и отъ нынѣшней великой хлѣбной дороговизны съ женами и дѣтьми побрели розно, а которые и остались, тѣ къ осадному сидѣнію страшливы и къ приступнымъ мѣрамъ безъ ратныхъ людей торопки, потому что отъ Литвы были выжжены и высѣчены и раззорены безъ остатка; а изъ уѣзда сошныя люди лѣтнею порою въ осаду совсѣмъ для тѣсноты не пойдуть, да и потому, что въ городѣ у нихъ хлѣбныхъ запасовъ нѣтъ, бѣгають по лѣсамъ“.

Слѣдуетъ удивляться не тому, что русская судьба слагалась подъ такимъ страшнымъ гнетомъ, а тому, что наша славянская натура могла выносить столько бѣдствій. Такого мученичества не зналъ ни одинъ народъ Европы; ни одному изъ нихъ прогрессъ не достался такой дорогой цѣной; ни одинъ изъ нихъ не выработывалъ своихъ социальныхъ понятій такимъ труднымъ процессомъ. И если-бы выработалъ, если-бы нашелъ принципъ твердый и руководящій! Но что-же купила московская Русь, къ чему привели ее ея изолированность и самопогруженіе въ свои собственныя славянскія начала?

Кромѣ виѣшнихъ нашествій и внутреннихъ усобицъ, было еще столько своихъ естественныхъ бѣдствій, столько своихъ домашнихъ бѣдъ, что они одни были-бы въ состояніи подавить всякое стремленіе впередъ и всякое прогрессивное развитіе. Новгородская область, напримѣръ, безпрестанно страдала отъ голода. Въ 1127 году лежалъ снѣгъ до яковлева дня, на осень морозъ побилъ хлѣбъ и зимою былъ голодъ: „люто было“, говоритъ летописецъ. Бѣли люди листь липовый, кору березовую, насѣкомыхъ, солому, мохъ, конину. Люди падали мертвые отъ голода, трупы валялись по улицамъ, по торгу и всюду. Были наняты особые люди, чтобы вывозить мертвецовъ изъ города, потому что некому было хоронить. Отъ смрада нельзя было выйти изъ дому. Отцы и матери отдавали своихъ дѣтей даромъ купцамъ, и изъ народа одни перемерли, другіе разошлись по чужимъ землямъ. Въ 1137 году новый голодъ, въ 1161 году опять; то-же повторяется въ 1170, 1188, 1215 и 1228 годахъ. Особенно сильный моръ, вмѣстѣ съ скотскимъ падежомъ, былъ въ 1158 году, такъ, что

отъ сирада нельзя было пройти сквозь городъ до торгу, ни по рву, ни на поле. Въ 1187 году была сильная смертность въ суздальской области; не было, по словамъ лѣтописца, ни одного двора безъ больного; „въ иныхъ дворахъ не было кому и воды подать“. Въ 1230 году свирѣпствовалъ голодъ во всей Россіи, кромѣ Кіева. Особенно силенъ онъ былъ въ новгородской области. Разошелся весь городъ и вся волость. Оставшіеся начали мереть. Трупы лежали на улицахъ, младенцевъ заѣдали собаки; ѣли все, что можно было ѣсть — мохъ, древесную кору, листь; нѣкоторые изъ простонародья рѣзали живыхъ людей и ѣли, другіе ѣли покойниковъ, лошадей, собакъ, кошекъ. Пошелъ грабежъ и поджоги людей зажиточныхъ, у которыхъ надѣялись найти запасы хлѣба. Между родными не было жалости; родители продавали въ рабство своихъ дѣтей кѹпцамъ своимъ и иноземнымъ; повсюдная скорбь при видѣ труповъ, валяющихся по улицамъ, и при видѣ страдающихъ дѣтей, просящихъ хлѣба, котораго взять негдѣ. Наконецъ, архіепископъ Спиридонъ поставилъ скудельницу и нанялъ нѣкоего Станилу свозить съ улицъ трупы. Въ первый день онъ навозилъ 3,030 труповъ. Поставили другую скудельницу, въ которую онъ навозилъ 3;500 труповъ. Совершенно то-же происходило во Псковѣ. Въ Смоленскѣ было построено четыре скудельницы, въ которыя свезли 32,000 труповъ. Новый голодъ былъ въ 1251 году отъ дождей и мороза, въ 1291 году тоже; въ 1303 зима была хотя и тепла, но снѣгу не было,—и опять неурожай. Въ 1309 году неурожай и голодъ по всей Россіи, въ 1331 году тоже. Въ 1364 году стояла лѣтомъ мгла и повсюдный зной, лѣсные пожары; тоже повторяется на слѣдующее лѣто. Затѣмъ великій голодъ. Въ 1370 году страшный голодъ повсюду; лѣтомъ на солнцѣ показались черныя пятна; мгла была такая, что на сажень нельзя было видѣть ничего передъ собою; люди сталкивались лбами, птицы падали изъ воздуха на головы людямъ; звѣри смѣшивались съ людьми, волки и медвѣди бродили по селамъ; лѣса горѣли, высохли рѣки и озера,—бѣдствіе было страшное. Въ 1373 году была всеобщая засуха. Въ 1407 году явился червь и поѣлъ деревья; въ 1409 году смертность отъ голода, въ 1412 году дороговизна и голодъ, въ 1420 году тоже, въ 1421 году голодъ во всей Россіи, но преимущественно въ

Новгородъ; въ 1436 году морозы во время жатвы и голодъ; зимой 1442 года сильныя морозы, отъ которыхъ погибло много людей и животныхъ; въ 1446 году опять голодъ въ Новгородѣ; дороговизна продолжалась 10 лѣтъ.

Въ промежутки между голодами умиралъ народъ отъ мора и повальныхъ болѣзней. Въ 1284 году былъ сильный моръ на животныхъ въ южной Россіи, въ 1298 году въ сѣверной. Въ 1308 году моръ повсюду на людей, въ 1318 году моръ въ Твери, въ 1341 году моръ на рогатый скотъ въ Новгородѣ и моръ въ Псковѣ на людей. Моръ былъ такъ великъ, что негдѣ было погребать, въ одну могилу клали человѣкъ по семи, по восьми. Въ 1337 году наступилъ въ Псковѣ моръ, какого и не слыхивали: харкаетъ человѣкъ кровью и на четвертый день умираетъ. Смертность была такъ сильна, что священники не успѣвали отпѣвать на дому; велѣли покойниковъ свозить въ церкви; наконецъ, смертность усилилась до того, что негдѣ было хоронить при церквяхъ и отвели подъ кладбище пустыри вдали отъ церквей. Изъ Пскова моръ перешелъ въ Новгородъ и сталъ затѣмъ обходить русскіе города. Во многихъ городахъ не осталось ни одного человѣка. Въ 1353 году былъ моръ въ Москвѣ, въ 1360 году снова въ Псковѣ. Въ 1363 году моръ въ Нижнемъ Новгородѣ, Рязани, Коломнѣ, Переяславлѣ, Москвѣ, Твери, Владимірѣ, Суздали, Дмитровѣ, Можайскѣ, Волокѣ, Бѣлѣозерѣ. Въ 1373 году общій моръ и скотскій падежъ. Въ 1375 году моръ въ Кіевѣ, въ 1387 году сильный моръ въ смоленской области. Въ Смоленскѣ остались въ живыхъ только пять человѣкъ и тѣ вышли изъ города и затворили ворота. Въ 1389 году сильный моръ въ Псковѣ и въ слѣдующемъ году въ Новгородѣ. Въ 1402 году моръ въ Смоленскѣ, въ 1403 году въ Псковѣ, въ 1406 году опять въ Псковѣ, въ 1409 году моръ въ волостяхъ ржевскихъ, можайскихъ, дмитровскихъ, звенигородскихъ, переяславскихъ, владимірскихъ, юрьевскихъ, рязанскихъ, тарусскихъ и въ нѣкоторыхъ московскихъ волостяхъ. Въ 1414 году общій по всей Россіи костоломъ; въ 1417 году моръ съ кривохарканьемъ въ Новгородѣ, Ладогѣ, Русѣ, Порховѣ, Псковѣ, Торжкѣ, Дмитровѣ и Твери. Въ 1419 году моръ въ Кіевѣ и въ другихъ юго-западныхъ сторонахъ, а въ слѣдующемъ году моръ опустошилъ Кострому, Ярославль, Юрь-

евъ, Владиміръ, Суздаль, Переяславль, Галичъ, Плесъ, Ростовъ; даже хлѣба жать было некому: такъ и остался на поляхъ. Изъ этихъ городовъ моръ и голодъ перешель въ Новгородъ и въ Псковъ. Въ 1423 году моръ въ Новгородѣ, Корелѣ и по всей русской землѣ; въ 1425 году моръ въ Галичѣ, въ Москвѣ и по другимъ областямъ, и продолжался онъ въ слѣдующихъ годахъ. Въ 1441 году снова моръ въ Псковѣ. Отъ страшнаго мора, бывшаго въ Новгородѣ въ 1467 году, умерло въ самоѣ городѣ 48,000 человекъ, да во всѣхъ новгородскихъ пятинахъ слишкомъ 250,000 человекъ. Въ 1552 году Новгородъ и новгородская область лишились отъ мора 279,000 человекъ.

Бѣдствія эти не прекращаются и все послѣдующее время: то смутное время, то войны съ литовцами, поляками, нѣмцами, шведами, то опять голодъ и моръ на людей и на животныхъ. Чтобы понять размѣръ народнаго бѣдствія и трудности Россіи отъ подобныхъ потерь людей, нужно припомнить, что при Иванѣ IV населеніе составляло не болѣе $1\frac{1}{2}$ и много двухъ милліоновъ. Такому населенію потерять на Куликовомъ полѣ 360,000 или въ смутное время тысячъ 500—то-же самое, что теперешней Россіи лишиться милліоновъ 15 населенія! На Куликовомъ полѣ пало все молодое поколѣніе, народившееся послѣ свирѣпствовавшей передъ тѣмъ страшной моровой язвы. Объ отношеніи смертности къ населенію можно судить изъ слѣдующихъ цифръ. Въ 1654 году свирѣпствовала во всей Россіи моровая язва и причипила слѣдующее опустошеніе: въ Калугѣ изъ 2,613 жителей умерло 1,836 человекъ, осталось въ живыхъ 777 человекъ; въ Торжкѣ изъ 910 человекъ осталось въ живыхъ 686 человекъ; въ Звенигородѣ изъ 361 человекъ умерло 164; а въ уѣздѣ изъ 1,396 человекъ—707. Въ Коломнѣ жителей 409, умерло 109; въ уѣздѣ 2,447 человекъ, умерло 1,539 человекъ; въ Твери 724 человека, умерло 336; въ Тулѣ 2,568 человекъ, умерло 1,808; въ Угличѣ 695 человекъ, умерло 319. Слѣдовательно, вымирала только въ рѣдкихъ случаяхъ четверть населенія, а то половина и двѣ трети!

Что-же могъ предпринять русскій человекъ противъ всѣхъ этихъ бѣдствій, обрушивавшихся на него съ неотразимостію рока? Его постоянно подавляютъ то усобицы князей, то нашествіе половцевъ, печенѣговъ, татаръ, литовцевъ, поляковъ, нѣмцевъ,

крымскихъ татаръ, то морозы, засуха, пожары, неурожай, голодъ и моръ разныхъ видовъ. Для Руси всё эти явленія имѣютъ характеръ стихійный; въ ея распоряженіи есть только нѣсколько практическихъ приемовъ, составляющихъ результатъ тѣхъ немногихъ основныхъ идей, которыми она владѣетъ по наслѣдству. Стихійно дѣйствуетъ Россія, подчиняясь закону инерціи и развивая свои славянскія основанія. Она защищается отъ насилія извнѣ—насиліемъ внутри; противопоставляетъ идеѣ рабства—идею рабства, идеѣ неравноправности—идею неравноправности и идеѣ родовой славянской розни—идею централизаціи, вытекающую изъ идеи власти и родového деспотизма.

Х.

НЕВѢЖЕСТВО И ИДЕЯ РАБСТВА.

Въ послѣднее время существованія московской Руси ее посѣтилъ сербъ Крижаничъ—патріотъ и славянофилъ. Его поразила косность Россіи и ея самоувѣренность, въ то время, какъ она гнила отъ всеобщей глупости, бѣдности и неумѣнья выйти изъ своего безысходнаго положенія. Указывая на богатство Англіи и Нидерландовъ, Крижаничъ говоритъ, что страны эти богаты потому, что тамъ „разумы у народа хитры“, что тамъ есть и пристани морскія, и торги отличныя, цвѣтетъ всякое ремесло, земледѣліе и морская торговля.

Но еще больше благоденствуютъ народы, у которыхъ хорошіе законы, какъ Франція. А что-же сравнительно со всѣми этими странами Россія? Она растянута на громаднѣмъ пространствѣ, но въ ней нѣтъ ни торговли, ни торговыхъ городовъ, ни промышленности, ни умѣнья въ земледѣліи и домашнемъ хозяйствѣ; „умы народа тупы и косны“, замѣчаетъ Крижаничъ. Русскій человѣкъ не знаетъ ничего, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія въ счетѣ и оттого его обманываютъ иностранныя купцы; русскій человѣкъ не въ состояніи ничего выдумать своимъ умомъ и ничего не въ состояніи сдѣлать, если ему не укажутъ; онъ лѣнивъ и самъ себѣ не хочетъ добра сдѣлать, если его къ тому не принудятъ; языкъ его бѣднѣе всѣхъ главныхъ европей-

сихъ языковъ; поэтому и неудивительно, что „русскіе разумъ тупы и косны,—чего не могутъ словомъ сказать, того не могутъ и думою замыслить“. Крижаничъ плачется русскому перяшеству, тому, что квасъ подается погано, посуда не моется. Датскій король, говоритъ Крижаничъ, сказалъ о русскихъ послахъ: „если эти люди еще ко мнѣ придуть, то долженъ буду построить имъ свиной хлѣвъ, потому что, гдѣ они постоятъ, тамъ полгода никто не можетъ жить отъ смрада“. У русскихъ Крижаничъ не находитъ ни природной бодрости, ни благородной гордости, ни одушевленья, ни умѣнья держать себя съ достоинствомъ. Расплодился въ русскомъ народѣ премеерзкіе нравы, таеъ что сравнительно съ другими народами русскіе оказываются обманщиками, людьми невѣрными, неучтивыми въ бесѣдѣ, нечистоплотными, склопными въ воровству, убійству. Отчего-же все это происходитъ? Оттого, что всякое мѣсто наполнено кабаками, заставами, откупщиками, цѣловальниками, внемщиками, тайными доносчиками; люди отвсюду и вездѣ связаны, ничего не могутъ дѣлать свободно, трудомъ рукъ своихъ не могутъ пользоваться свободно. Все дѣлается тайкомъ, въ молчанку, со страхомъ и трепетомъ, укрывался отъ огромной толпы правителей и палачей. Люди, привыкшіе дѣлать все тайкомъ, какъ воры, со страхомъ, съ обманомъ, забываютъ всякую честь, становятся трусливы, нелюдимы, нескромны и нечистоплотны. Если русскіе въ комъ нуждаются, то не знаютъ мѣры униженія и вообще они не умѣютъ цѣнить чести, не умѣютъ дѣлать различія между людьми. Нигдѣ въ свѣтѣ не видно такого пьянства, какъ въ русской державѣ. По улицамъ въ грязи валяются мужчины и женщины, міряне и духовные, и многіе отъ пьянства умираютъ. Необходимо въ русскомъ государствѣ употребить какія-нибудь средства, чтобы поднять стыдливость противъ содоміи, общественную трезвость противъ гнуснаго пьянства, правосудіе противъ чиновниковъ, о которыхъ Исаія говоритъ: „Начальники твои сообщники воровъ“. Крижаничъ говоритъ о результатахъ, но онъ не знаетъ причинъ. То, что онъ видитъ, есть послѣдствіе восьмисотлѣтняго укладу въ принятомъ разѣ направленіи. Это не больше, какъ практическая логика неравноправности, родового насилія и первобытной грубости, постепенно усиленной насиліемъ внутри и насиліемъ извнѣ. Никакой другой быть и не могъ сло-

житься подѣ вліяніемъ вѣшнихъ обстоятельствъ и тѣхъ внутреннихъ принциповъ, которые окружали русское общество извѣдъ и давали содержаніе его чувствамъ, мыслямъ и стремленіямъ.

Какъ Англія по своей изолированности показала Боклю наиболѣе удобной страной для изученія законовъ цивилизаціи, такъ и московская Россія служитъ наилучшей страной для изученія обособленнаго общественнаго быта, развивавшагося подѣ вліяніемъ только ошибочныхъ принциповъ рабства, неравноправности, безъ всякаго противодѣйствія другихъ болѣе прогрессивныхъ началъ. Въ древнемъ Римѣ замѣчается собственное разсудочное движеніе въ юридическомъ направленіи; у него есть центръ, около котораго группируется вся его интеллектуальная жизнь; Рима никто не обижаетъ,—напротивъ, онъ, какъ „Китъ Китычъ“, самъ всякаго обидитъ; римляне не окружены лѣсами и болотами; ихъ територія не обширна и, по чувству самосохраненія, они должны жаться въ кучу; наконецъ, греческій міръ и завоеванія вносятъ въ Римъ сокровища цивилизаціи, искусствъ, наукъ и матерьяльныя сокровища.

Ничѣмъ этимъ не приходится пользоваться бѣдному славянскому міру. Не говоря про то, что его собственная мысль не раздѣлалась еще съ понятіями первобытнаго дикаго уклада, но и вся вѣшная обстановка, природа, сосѣдство совершенно неспособны дать прогрессивный толчокъ славянскому интеллекту. У славянъ нѣтъ такого центра, который-бы ихъ группировалъ; напротивъ, лѣса и болота, бѣдствія военныя, раздоръ внутри помогаютъ ихъ расплывчатости. Раздоръ питаетъ раздоръ, война питаетъ войну и, подѣ давленіемъ вѣчно раздраженнаго чувства, разрушительныя инстинкты слагаются въ цѣлую систему грубаго животнаго быта. Даже женщину, наконецъ, пришлось запирать въ теремъ, чтобы спасти ее отъ насилія.

Стихійное давленіе вѣшнихъ силъ, казалось-бы, должно было возбуждать противодѣйствіе, постоянная война должна-бы, по видимому, создать воинственность; но еще венгерець Филя говорилъ о русской храбрости, что одинъ камень много горшковъ побиваетъ; Крижаничъ замѣчаетъ: „турки и татары хотя и побѣгутъ, не дадутъ себя даромъ убить, но обороняются до послѣдняго издыханія; а наши ратные люди, когда побѣгутъ, то уже не обороняются, но даютъ себя съчь, какъ мертвые“. Посошковъ о рус-

ской воинственности говорить: „У пѣхоты ружье было плохо и владѣть имъ не умѣли, только боронились ручнымъ боемъ, копьями и бердышами, и то тупыми, и на бояхъ мѣняли своихъ головъ по три, по четыре и больше на одну непріятельскую голову. На конницу смотрѣть стыдно: лошади негодныя, сабли тупыя, сами скудны, безодежны, ружьемъ владѣть не умѣютъ; иной дворянинъ и зарядить пищали не умѣетъ, не только что выстрѣлить въ цѣль; убьютъ двоихъ или троихъ татаръ и дивятся, ставить большимъ успѣхомъ, а своихъ хотя сотню положили — ничего! Нѣтъ попеченія о томъ, чтобы непріятеля убить, одна забота — какъ-бы домой поскорѣй. Молятся: дай Боже рану нажать легкую, чтобы немного отъ нея поболѣть и отъ великаго государя получить за нее пожалованіе. Во время боя того и смотреть, гдѣ-бы за вустомъ спрятаться; иные цѣлыми ротами причутся въ лѣсу или въ долину, выжидаютъ, какъ пойдутъ ратные люди съ бою и они съ ними, будто также съ бою идутъ въ станъ“.

Слѣдовательно, стихійная неотразимость приводитъ къ другому результату, — порождаетъ робость, исканіе защиты, покровительства болѣе сильнаго, такъ что люди добровольно продаются въ крѣпость то болѣе сильныхъ бояръ, то монастырей, лишь-бы найти поддержку и охрану. Весь народный характеръ портится подъ постояннымъ давленіемъ разныхъ видовъ насилія и слабій избираетъ свое обыкновенное оружіе — ложь, обманъ, влятвопреступленіе, хитрость. Бѣгство на войнѣ, бѣгство дома оказываются лучшимъ средствомъ избѣжать бѣды, потому что другого средства въ общемъ сознаніи не выработалось и не могло выработаться. И вотъ все ползетъ врознь, не связанное никакой общей идеей, никакой сознательной гражданской связью, не умѣя выработать никакихъ сознательныхъ средствъ общей самозащиты. Классическое начало власти, живущее внѣ народа и исходящее изъ московскаго центра, напрасно прибѣгаетъ къ своимъ средствамъ, чтобы создать общее единство. Логика и средства права непонятны романтическому чувству, и, наконецъ, все запутывается въ неисходномъ хаосѣ всеобщаго разброда единоличныхъ произволовъ и повсюдной практики насилія. Напрасно народъ вопить и обращается съ своими жалобами къ источнику московской власти; напрасно власть усиливаетъ наказанія, вводитъ постепенно пѣбыва-

ля казни—зарываніе живьемъ въ землю, отрубаніе рукъ и ногъ, четвертованіе, колесованіе, нещадный кнутъ, заливаніе свинцомъ горла,—грубость становится еще грубѣе, насиліе еще наглѣе и произволь произвольнѣе. Въ обществѣ нѣтъ никакой идеи, которая могла-бы его обновить, дать его чувствамъ и мыслямъ иное направленіе, а силамъ—единство стремленія. Славянскія начала, замкнутыя въ изолированномъ мірѣ, неосвѣщенные никакимъ постороннимъ вліяніемъ, развиваются своимъ логическимъ путемъ и приводятъ къ гибели московское государство.

Въ этомъ развитіи противообщественныхъ элементовъ идеѣ рабства принадлежитъ первое мѣсто. Она тоже не ослаблялась противоположными вліяніями. Христіанская идея равнаго достоинства явилась только въ видѣ смутнаго сомнѣнія въ нѣкоторыхъ личностяхъ, но никогда не доразвилась до яснаго, сознательнаго общественнаго представленія. Государственный бытъ, напротивъ, сложился всею на идеѣ рабства, и вся исторія, не только московской Руси, но и всего славянскаго міра, есть собственно исторія крѣпостничества и послѣдствій личнаго рабства.

Виною русскаго крѣпостнаго права дѣлаютъ обыкновенно Бориса Годунова. Но Годуновъ не сдѣлалъ ничего, что-бы противорѣчило основной славянской идеѣ. Рабство, какъ комъ снѣга, катилось и росло съ самаго основанія Руси и могло обойтись и безъ всякаго Бориса Годунова. У рабства была своя историческая логика, независѣвшая отъ лица, занимавшаго московскій престолъ. Первымъ ограниченіемъ свободы было запрещеніе крестьянамъ переходить съ земель внѣ извѣстнаго срока. Такимъ образомъ, самъ прославленный „Юрьевъ день“ былъ ограниченіемъ, а не свободой. Уничтожая Юрьевъ день, Годуновъ идетъ только дальше. Да и почему Борисъ Годуновъ причиной этого указа? Потому, что на него указываетъ Шуйскій, увѣряя, что Годуновъ подговорилъ царя Ѳедора, „не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ“, заказать выходъ крестьянамъ. Но запрещеніе выхода было мѣрой не столько противъ крестьянъ, сколько противъ старѣйшихъ бояръ, которые переманивали къ себѣ народъ отъ мелкихъ и среднихъ помѣщиковъ, вотчинниковъ и монастырей. Въ законности и правильности крестьянскаго рабства никто тогда не сомнѣвался. Вопросъ заключается только въ томъ, кому преимущественно пользоваться ихъ силой. Богатые хотѣли перетя-

нутъ ихъ къ себѣ, средніе къ себѣ, бѣдные къ себѣ и вслѣй, кто могъ,—къ себѣ, желая, быть господиномъ холоповъ. Не въ одной Россіи былъ возбужденъ вопросъ, какъ ограничить переходъ крестьянъ, и только одна Россія рѣшила его такимъ образомъ. Она пошла еще дальше. При томъ-же царѣ Ѳеодорѣ явился, въ 1597 году, указъ о закрѣпленіи холоповъ. Въ указѣ говорилось, что тѣ, которые дали на себя служилую кабалу съ 1 іюня 1586 года, „тѣмъ бытъ въ холоствѣ, денегъ по этимъ служилымъ кабаламъ у нихъ не брать и челобитья ихъ не слушать, а выдавать ихъ господамъ ихъ до смерти. Которые люди вольные послужили у кого недѣль пять—шесть, а кабаль на себя давать не хотятъ, тѣхъ отпускать на волю, а кто послужилъ съ полгода и больше, на тѣхъ служилыя кабалы давать и челобитья ихъ не слушать, потому что господинъ такого добровольнаго холопа кормилъ, одѣвалъ и обувалъ“.

Этотъ указъ возмутительнѣе указа о запрещеніи перехода, ибо вольныхъ людей дѣлаетъ рабами. Но развѣ имъ кто-нибудь возмущался и могъ возмущаться? Въ немъ все такъ логично, такъ вѣрно идеѣ права, что правительство считаетъ необходимымъ объяснить свои причины, увѣренное, что всякій разсудительный человѣкъ пойметъ ихъ резонность. Всей Россіи ясно, что если господинъ полгода одѣвалъ, кормилъ и обувалъ вольнаго человѣка, то онъ по самую смерть долженъ быть его рабомъ. Нельзя было-бы издать подобный указъ, если-бы онъ противорѣчилъ общимъ понятіямъ; мы видимъ обратное: общественное мнѣніе до того окрѣпло въ идеѣ рабства, закрѣпленіе охватило такъ сильно весь русскій строй, что скорѣе было-бы не логично, если-бы подобный указъ не явился.

Государственное тягло лежало на всѣхъ, и не въ видѣ свободнаго отношенія лица къ государству, а именно въ видѣ закрѣпощенія. Какъ служилое лицо было прикрѣплено къ государству, такъ горожанинъ прикрѣпленъ къ городу, земледѣлецъ къ землѣ. Если вольный человѣкъ женился на холопѣ—онъ становился холопомъ, если вольный женился на тяглою вдовѣ или на посадской дѣвицѣ и вступалъ въ домъ тестя—онъ становился тяглымъ. Всѣмъ было одинаково трудно. Какъ вопили земледѣльцы отъ раззоренія, перебѣгали съ мѣста на мѣсто, отъ одного владѣльца къ другому, даже въ Сибирь и на Украину,

стараясь освободиться отъ платежей и раззореній, такъ вопили постоянно и тяглые посадскіе люди. Во время войны они должны были выплачивать извѣстный денежный налогъ и, кромѣ того, поставлять натурой ратнымъ людямъ муку, крупу, толокно, сухари, подводы со всѣми путевыми припасами. Въ обыкновенное время тяглые люди платили деньги на выкупъ плѣнныхъ, стрѣлцкія деньги, ямскія деньги, деньги на содержаніе воеводъ, подъячихъ, сторожей, палачей, тюремныхъ и губныхъ цѣловальниковъ, въ приказы на свѣчи, бумагу, чернила, дрова; они строили и чинили крѣпости въ городахъ, чинили и строили мосты. Тяглые люди точно также бѣжали изъ своихъ городовъ и посадовъ, какъ бѣжали земледѣльцы изъ своихъ деревень. И вотъ общій вопль, шлются мірскія челобитныя царю: „дворы брошены, пусты, намъ платить нельзя, помираемъ на правезѣ“. Каждый старается сбросить съ себя тягость и переложить ее на другого. Богатые и зажиточные надавливаютъ бѣдныхъ, а тѣ опять къ царю: „лучшіе и богатые люди насъ окладомъ и тягломъ не по силамъ загнали, а себя въ окладѣ облегчили и съ тѣхъ своихъ легкихъ окладовъ на многіе года тягла не доплачиваютъ, оскавливаютъ за собою залоги большіе и для того земскихъ старость въ приходахъ и въ держахъ по книгамъ, другъ другу нарочья, не считаютъ, а намъ среднимъ и молодчимъ людишкамъ на счетъ не даютъ“.

Нажимая своихъ городскихъ плательщиковъ, городъ еще больше старался надавить село и закрѣпостить его за собой. Тогда начинаетъ вопить село: „крестьяне у посадскихъ людей во всемъ порабощены и гордостію своею посадскіе земскіе старосты насъ крестьянъ тѣснятъ и вмѣняютъ себѣ вмѣсто рабовъ своихъ и мочью своею и великими пожитками у нашей браться у скудныхъ крестьянъ покупали себѣ лучшія деревни въ уѣздѣ и начали быть во многихъ волостяхъ владѣльцами. А какъ стали владѣть деревнями, и они всякими притѣсненіями подати съ себя считали на насъ худыхъ крестьянишекъ и мы отъ ихъ изгони оскудѣли и обнищали и послѣднія деревнишки имъ иззакладывали на малые сроки, а въ закладныя писали изъ скудости двойныя и тройныя цѣны, и они такими большими закладными, съ приписными деньгами, деревнями нашими завладѣли и многихъ крестьянишекъ у себя въ половникахъ удержали, а иныхъ

и въ половинѣ не держать, и они отъ такихъ ихъ налоговъ врознь разбрелись безвѣстно“.

Здѣсь идея крѣпостничества и кабалы хотя, повидимому, и принимаетъ новое направлѣніе, ибо капиталъ обнаруживаетъ тенденцію подавить трудъ, но въ дѣйствительности новаго нѣтъ ничего. Всегда, съ самаго начала Руси, бѣдный закладывался богатому, становился его работникомъ, всегда, съ самаго начала, городъ считалъ себя важнѣе села. Теперь мы только видимъ стремленіе обобщить ту-же идею: захотѣлъ быть господиномъ городъ. Это, конечно, логично; но, къ счастью для Россіи, идея рабства не успѣла дорости до такой практики: наступила петровская реформа.

Петровскія преобразованія потребовали необыкновеннаго напряженія всѣхъ государственныхъ силъ. Если ужъ прежде было тяжело народу, — теперь ему стало гораздо тяжелѣе: одна постройка Петербурга стоила Куликовской битвы. Постоянныя войны, рекрутскіе наборы, увеличеніе податей, необычайное усиленіе натуральныхъ повинностей и особенно личнаго труда на государственныя надобности — легли на народъ новой небывалой до того тягостію. Но въ смыслѣ идеи рабства петровскій періодъ замѣчателенъ не въ этомъ отношеніи.

До петровскаго періода все шло своимъ бытовымъ порядкомъ, какъ-бы само собой, подъ вліяніемъ набѣгавшихъ обстоятельствъ; юридической послѣдовательности не замѣчается. Крестьянъ то прибрѣняютъ къ землѣ, какъ это было въ 1592 году, то издають указы, ослабляющіе силу этого распоряженія, то правительство дѣйствуетъ въ пользу богатыхъ помѣщиковъ, то въ пользу среднихъ и мелкихъ; то оно старается облегчить положеніе народа, который вопить и шлеть безпрестанно царю жалобы на конечное раззореніе. Даже понятіе о холопствѣ и крестьянствѣ не было выработано точно и опредѣленно юридически. Въ понятіи народа холопъ отличался отъ крестьянина: первый былъ несомнѣнный рабъ, если онъ далъ на себя кабалу; второй сохранялъ извѣстную долю личной свѣбоды. По „Уложенію“ Алексѣя Михайловича, господамъ запрещалось брать кабалы на своихъ крестьянъ, также и при переписи 1446 года велѣно строго различать крестьянскіе дворы отъ холопскихъ. Холопами завѣдывалъ холопій приказъ, а крестьянами приказъ

помѣстный. Несмотря на то, строгой выработки и строгаго юридическаго различія въ разныхъ видахъ несвободнаго состоянія установлено не было.

Въ петровскій періодъ всё прежнія неясности уясняются, всё неточности становятся точностями, и крѣпостное право приводится въ законченную систему. Петровскій періодъ, отличавшійся юридической логичностью во всемъ, долженъ былъ установить вполне и ея крѣпостныя отношенія. Но петровскій періодъ не ввелъ въ этомъ случаѣ ничего своего, ничего такого, что-бы не выработалось раньше, начало чему не было-бы положено московскимъ періодомъ. Онъ только кончилъ прежнюю смутность понятій и обобщилъ то, что жило въ видѣ частныхъ идей и положеній.

Всегда существовало стремленіе болѣе сильныхъ сдѣлаться еще сильнѣе. Уже до смутнаго времени боярство старается всѣми мѣрами эксплуатировать идею рабства въ свою исключительную пользу. Избирая Владислава, бояре выговариваютъ условіе, „чтобы на Руси' промежъ себя крестьянамъ выходу не быти“, и, во исполненіе желанія бояръ, „Уложеніе“ прекращаетъ всякіе сроки для поимки бѣглыхъ и закрѣпляетъ крестьянъ окончательно. До „Уложенія“ дѣти, братья, племянники, жившіе съ хозяиномъ нераздѣльно, были люди свободные; послѣ „Уложенія“ помѣщикъ продаетъ уже своихъ крестьянъ вмѣстѣ съ женами, дѣтьми, племянниками и со всѣмъ ихъ имуществомъ. Владѣльцы вотчинныхъ крестьянъ, какъ видно изъ актовъ XVII столѣтія, отдавали ихъ въ приданое за своими дочерьми безъ земли. „Уложеніе“ отличаетъ крестьянъ отъ холоповъ, хотя и ничѣмъ не ограждаетъ крестьянина отъ произвола владѣльца, и строго устанавливаетъ юридическое различіе между боярствомъ и крестьянствомъ. Уже тогда устанавливалось различіе въ вѣрѣ крестьянину и господину. Правда, крестьянамъ и холопамъ давалось право жаловаться на своихъ господъ, но простого отрицанія помѣщика было достаточно, чтобы признать жалобу крестьянина или холопа недействительною. Права дворянъ шли еще дальше: они могли высылать на правезъ вмѣсто себя своихъ людей; если господинъ или боярскій сынъ не является на службу—забирали его холоповъ и крестьянъ и держали ихъ въ тюрьмѣ, пока господинъ не явится; если помѣщица не являлась, когда, въ случаѣ осады, загонали всѣхъ людей въ городъ,—наказывали, вмѣсто нея, ея крестья-

янь и людей; помѣщикъ безъ всякаго суда и слѣдствія могъ наказывать своихъ крестьянъ и тѣ безропотно ложились подъ розги.

Въ петровскій періодъ многое изъ этого отмѣняется; законъ не признаетъ такой личной солидарности между помѣщикомъ и его людьми, чтобы выводить ихъ на правезъ за господина, сажать за него въ тюрьму и наказывать непокорныхъ помѣщицъ сѣченіемъ ихъ неповинныхъ крестьянъ. Но за то законъ уничтожаетъ различіе между холопствомъ и крестьянствомъ и крестьянъ превращаетъ въ холоповъ.

Доставшаяся намъ по наслѣдству славянская грубость выродилась въ холодное жестокосердіе, и гуманность никогда намъ не была извѣстна. Таково было и наше отношеніе къ крѣпостнымъ. Строгость отношеній переходила въ чистую свирѣпость, безпощадность эксплуатаціи—въ самое безграничное утѣсненіе. Мало того, что крестьяне были доведены лишеніями до оупѣнія, что они въ XVIII столѣтіи жили почти такъ-же, какъ славяне времянъ императора Маврикія, но и суровость обращенія выработалась въ ту римскую безжалостность, которая не хотѣла видѣть въ рабѣ челоуѣка. Съ собаками и лошадьми обращались помѣщички лучше, чѣмъ съ людьми. И у насъ были свои Катоны, и у насъ надѣвали на людей колодки, и у насъ кровожадность и мучительство были возведены въ сладострастіе. У насъ дѣлалось даже то, чего не дѣлалось въ Римѣ,—женщинамъ въ грудь опускали каленные плитки, барыни, сердившіяся на своихъ горничныхъ, сажали ихъ голымъ тѣломъ на горячую кухонную плиту, истязали ихъ щипцами, кололи булавами. Все, что было дурного въ славянской натурѣ, все это развилось и созрѣло въ крѣпостничество, и про Россію XVIII столѣтія можно было сказать съ новгородскимъ лѣтописцемъ, что „у насъ крикъ и рыданіе, вопль и клятва и что стали мы въ поруганіе сосѣдямъ нашимъ“.

XI.

ГРАЖДАНСКАЯ НЕУЯДИЦА.

„Удивительно, говоритъ Флетчеръ про русскихъ,—какъ люди могутъ выносить такой порядокъ и какъ правительство, будучи

христіанскимъ, можетъ быть имъ довольно“. Порядки были, дѣйствительно удивительные. Не было ни суда, ни правды, ни справедливости, а законы были хуже Драконовыхъ. Господинъ, наприимѣръ, не платитъ долга—и берутъ его крестьянъ и каждый день у приказной избы бьютъ ихъ по ногамъ палками. Крестьянинъ убѣжить отъ тягости—берутъ его жену, дѣтей и родныхъ, всѣхъ, кто жилъ съ нимъ вмѣстѣ, и сажаютъ ихъ въ тюрьму. Въ какой-нибудь деревнѣ ограбили боярина, преступникъ скрылся—и всю деревню подвергаютъ взысканію. Злой человѣкъ изъ мести дѣлаетъ ложный оговоръ—доносчика подвергаютъ пыткѣ; онъ ее выноситъ—и это служитъ доказательствомъ правдивости его извѣта и неповиннаго человѣка подвергаютъ наказанію, ссылаютъ въ Сибирь. Извѣтамъ и ябедамъ при такомъ порядкѣ вещей было легко превратиться въ ремесло. Ябедничество стало, наконецъ, промысломъ. Настрочить ябедникъ жалобу, что такой-то будто-бы его ограбилъ или прибилъ, и угрожаетъ подать жалобу воеводѣ. Если отвѣтчикъ дастъ отступного—дѣло кончается миромъ; нѣтъ—подается жалоба, подводятся фальшивые свидѣтели; судья, зная, что и ему будетъ пожива, съ видомъ безпристрастія допрашиваетъ лжесвидѣтелей и обвиняетъ невиннаго. Воеводы были за-одно съ ябедниками, потому что дѣло это было выгодно и законы поддерживали всякую ложь и неправду, ложные доносы, оговоры и иски. Даже такой богобоязненный и благочестивый человѣкъ, какъ Курбскій, велъ цѣлый рядъ процессовъ съ своей женой,—процессы, въ которыхъ съ той и другой стороны было наполовину лжи и клеветы. Всякій разъ эти процессы кончались мировой и стороны объявляли, что они выдумывали другъ на друга. Но что-же они выдумывали? Супруги взаимно обвиняли одинъ другого въ насиліи, въ побояхъ, въ хищническомъ завладѣніи имуществомъ, деньгами, въ составленіи подложныхъ документовъ. Какое-же было состояніе юридическихъ нравовъ обыкновенныхъ московскихъ людей, если московскій сановникъ былъ не прочь отъ клеузъ, ябедничества, насилій и подлоговъ!

Вмѣстѣ съ судебнымъ гнетомъ, дававшимъ просторъ ябедѣ, клеветѣ и осужденію невинныхъ, давило народъ гражданское управленіе и всеобщій воеводскій произволъ. Ни одно дѣло въ приказахъ не обходилось безъ поборовъ, и, должно быть, служба въ приказахъ была выгодна, когда треть приказныхъ обходилась

безъ государева жалованья и жила насчетъ просителей. Не говоря про тяжущихся, дѣла которыхъ намѣренно затягивали, чтобы выманить больше денегъ, но даже посадскіе, пріѣзжавшіе по общественнымъ дѣламъ, должны были закупать дьяковъ, подъячихъ, сторожей, ихъ домашнихъ и прислугу. Чтобы собрать побольше, прибѣгали къ самымъ безсовѣстнымъ уловкамъ, давали фальшивыя справки и когда проситель убѣждался, что это не то, ему давали новую справку и снова съ него брали. Приказъ и административное управленіе было такимъ-же приложеніемъ и развитіемъ идеи рабства, какъ крѣпостничество и холопство; во всемъ и повсюду проходилъ одинъ принципъ, проводилось одно начало: сильный эксплуатировалъ слабого, знатный незнатнаго, богатый бѣднаго, умный глупаго, знающій незнающаго. Нигдѣ не видно даже слѣдовъ чести и гуманности. Умъ настраивался только въ мошенническомъ направленіи, изощрялся въ обманѣ, лжи и надувательствѣ. Производительныхъ средствъ въ странѣ почти не существовало кромѣ земледѣлія и тѣхъ естественныхъ произведеній, которыя давала природа въ сыромъ видѣ. Кормильцемъ, слѣдовательно, являлся только земледѣлецъ, только онъ былъ дѣйствительнымъ производителемъ предметовъ матеріальнаго благосостоянія; все остальное существовало трудомъ этого единственнаго производителя и направляло всѣ свои мысли, всѣ свои способности на то, чтобы выдумать новый способъ, новое средство для эксплуатаціи, ибо собственными руками не производило ничего.

Эксплуатація сложилась въ систему, въ которой начальствующіе не только прикрывали подначальныхъ, но даже находились въ завѣдомыхъ связяхъ, въ прямомъ заговорѣ съ мошенниками и негодяями противъ народа. У каждаго приказнаго, у каждаго воеводы, у каждаго царскаго приказчика, у каждаго губнаго старосты, у каждаго сборщика были свои подручники, которые помогали имъ высасывать изъ народа неправдами и насиліемъ деньги и все, что можно. Даже люди, избранные міромъ, были съ начальствомъ противъ народа и помогали грабительству воеводъ и приказныхъ. Наконецъ, въ міру, гдѣ-бы, повидимому, долженъ былъ существовать общинный интересъ, богатые, такъ называемые *мужики-горланы*, забирали власть въ свои руки и тоже эксплуатировали бѣдняковъ.

Была мѣра зла, которую народъ узаконивалъ и которой онъ

готовъ былъ подчиниться; онъ безропотно кормилъ воеводъ, приказныхъ, приставовъ, давая земскимъ старостамъ деньги на ихъ кормленіе; онъ при всякомъ сношеніи съ властію посылалъ ей подарки натурой и деньгами. Не забывались при этомъ ни боярыня, ни дворецкій, ни дѣти, ни племянники, ни дворца, ни ключникъ, ни юридивый, котораго держалъ у себя воевода. Въ имлины и праздники начальству тоже приносились подарки; въ царскіе дни, „въ почестъ дня царскаго величества“, чтобы начальство могло отпраздновать ихъ съ торжествомъ, доставлялись и пироги, и провизія, и деньги уже не въ счетъ. Но та деликатная черта, которая-бы разграничивала зло, принимаемое народомъ добровольно, и за которой наступало уже насиліе, никогда не была отыскана людьми власти. Воеводы смѣнялись безпрестанно, и каждый новый, смотрѣвшій на свою должность какъ на „кормленіе“, заботился только о томъ, чтобы покориться сытѣе.

Нѣкоторые воеводы вели себя, какъ настоящіе разбойники; они ѣздили по деревнямъ съ своими людьми и вымучивали деньги изъ народа всякими истязаніями. Другіе, кромѣ обыкновенной кормовой дачи деньгами и натурой, налагали на народъ чрезвычайные сборы.

Въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ Москвѣ, воеводы были скромнѣе, потому что жалобы народа могли легче дойти до царя; но чѣмъ дальше лежали провинціи, тѣмъ больше была наглость начальства и подъячихъ; всѣ знали очень хорошо, что „до Бога высоко, а до царя далеко“. Не платить, что требовали, было нельзя, потому что народъ выставляли на правезь. Отягощеніе народа было такъ велико, жестокость такъ безчеловѣчна, что разоренный народъ дѣлалъ займы за большіе проценты, совершенно нищаль, и, чтобы спастись отъ правеза и тюрьмы, разбѣгался врознь.

Бывали, впрочемъ, случаи, что мірскіе люди, доведенные до отчаянія, иногда и возставали на своихъ притѣснителей. Но это было средство слишкомъ рискованное. Такъ въ 1673 году жители Кайгородка отказали въ платежахъ воеводѣ и даже хотѣли убить его и прогнали отъ себя все свое начальство. Противъ бунтовщиковъ были высланы стрѣльцы и дѣло кончилось пытками и смертными казнями. Народу съ воеводами и вообще съ начальствомъ бороться было трудно. Народъ, наприимѣръ, жа-

луется царю на воеводу, что нельзя жить отъ его грабительства и утѣсеній, что, кромѣ безмѣрныхъ поборовъ, онъ не позволяетъ міру избирать земскихъ старостъ, дѣловальниковъ и приставовъ, а назначаетъ самъ отъ себя, и именно тѣхъ, кто дастъ больше. А воевода пишетъ царю, что „волостные посольщики денежные доходы платятъ оплошно, а съ правезу мнѣ говорятъ большимъ невѣжествомъ, чтобъ на нихъ не правилъ; однажды, на правезѣ закричали на меня съ большимъ невѣжествомъ, забунтовались и съ правезу отъ сѣзжей избы сошли, отъ приставовъ отбились, приставовъ побили, на дворъ ко мнѣ приходила съ большимъ невѣжествомъ и похвалялись на меня всякими недобрими дѣлами, а посадскій и всеуздный староста лаялъ меня... и называлъ воровомъ при многихъ людяхъ, и государевыхъ доходовъ править не велить“. Дѣло принимаетъ уже другой характеръ: оказывается, что воевода воръ не потому, что онъ дѣйствительный воръ, а потому, что онъ отстаиваетъ и сохраняетъ царскій интересъ; а народъ бунтуетъ, не повинуется, отказывается платить въ казну. Московское правительство, ревнивое къ своей власти, конечно, даетъ большую вѣру воеводѣ и правый народъ оказывается виновнымъ.

Сборы податей были самымъ страшнымъ бичомъ для народа. Правительство, нуждавшееся постоянно въ деньгахъ, не хотѣло знать причинъ, по которымъ народъ не платитъ. Оно точно не видѣло, что крестьяне подавлены повинностями, что крестьяне кормили своихъ помѣщиковъ, воеводъ, приставовъ, подъячихъ съ ихъ прислугою и домочадцами всякихъ видовъ, — кормили хлѣбомъ, говядиной, рыбой; что они строятъ города, мосты, мостятъ дороги, строятъ дома для воеводъ и помѣщиковъ, косятъ для нихъ сѣно, ловятъ рыбу, даютъ подводныя и кормы всѣмъ проезжающимъ, затѣмъ на нихъ лежатъ еще денежные платежи; а промышленности нѣтъ никакой; торговля совершенно неразвита; жить нечѣмъ; народъ бѣжить врознь; оставшіеся должны платить за бѣжавшихъ и гибнуть на правезѣ. Бѣлозерскому воеводѣ Андрею Образцову былъ сдѣланъ выговоръ за медленность въ сборѣ денегъ, и онъ оправдывался такъ: „Я, государь, посадскимъ людямъ не норовилъ и сроковъ не даю... я правилъ на нихъ твои государевы всякіе доходы нещадно — побивалъ на смерть“. И такое усердіе было прямымъ слѣдствіемъ правительственныхъ рас-

поряженій. Въ 1624 году, за медленность въ сборѣ стрѣлцаго хлѣба, велѣно неплательщиковъ каждый день ставить передъ съѣзжею избою и бить ихъ съ утра до вечера батогами, пока не внесутъ недоимки. Народу оставалось одно средство—бѣжать, а кто оставался, тѣмъ становилось еще хуже, и, наконецъ, бѣжали и они. Въ 1633 году разбѣжалось много крестьянъ въ Тотемскихъ волостяхъ и по разслѣдованію оказалось, что народъ ушелъ отъ тяжелыхъ податей, невыносимыхъ правей, отъ солдатскихъ кормовъ и отъ тягостныхъ натуральныхъ повинностей. Въ 1640 году жители Шуй жаловались царю, что въ 1631 г. считалось у нихъ по писцовымъ книгамъ 154 тяглыхъ двора, а потомъ изъ 32 дворовъ народъ ушелъ, а 82 двора сгорѣли и затѣмъ осталось 40 разломанныхъ дворешекъ, и, несмотря на то, жителей держать на правей и требуютъ недоимокъ за всѣхъ бѣжавшихъ и обнищавшихъ.

Эксплуатація, насиліе, развѣвшія весь русскій бытъ, привели, наконецъ, къ организованному грабежу и разбою. Народу оставалось платить тою-же монетою, какою онъ самъ получалъ. Его мучили на правей, его грабили всѣ—и онъ самъ сталъ тоже грабить и разбойничать. Дѣло шло сверху внизъ. И вотъ нѣкоторые факты, какъ оно развивалось. Князь Мышецкій, отправленный для набора и высылки солдатъ, посылалъ своихъ стрѣльцовъ вымогать съ народа деньги, и „тѣ стрѣльцы и приставы, изъ-за смертнаго правей, вымучили себѣ съ цѣловальниковъ и съ денежныхъ сборщиковъ 1,732 руб.“. Архангельскій воевода доносилъ въ 1630 году, что стрѣльцы, посланные въ Пустозерскій острогъ, дорогой воровали и грабили, били крестьянъ и безчестили ихъ женъ. Приказчики мелкихъ и большихъ господъ составляли изъ крестьянъ шайки и грабили проезжающихъ и разбойничали среди бѣлаго дня. Купцы, прѣзжавшіе на ярмарки въ деревни, били и грабили крестьянъ, травили ихъ хлѣбъ и сѣно и вмѣстѣ съ мѣстными властями утѣсняли народъ всякими средствами. Народъ сталъ составлять шайки и разбойничать. „Многіе крестьяне пропиваются, говорилось въ одной мірской челобитной,—и, собравшись человекъ по двадцати и больше, приходятъ въ лѣтнее время разбоемъ; многихъ крестьянъ мучать, огнемъ жгутъ и вымучиваютъ рублей по сту“. Въ 1672 г. пришла къ царю такая челобитная: „Бьютъ челомъ хо-

лопи твои заоцкіе, помѣщики и вотчинники; люди наши и крестьяне, заворовавъ, многіе побивъ помѣщиковъ своихъ, а инне пожегши, бѣгають отъ насъ за рубежъ, въ малороссійскіе города, и живутъ за епископами и за казаками въ городахъ и на посадахъ, въ селахъ и деревняхъ; мы съ твоимъ указомъ, съ грамотами и отпусками отъ воеводъ къ нимъ въ малороссійскіе города для тѣхъ своихъ бѣглыхъ людей и крестьянъ ѣздимъ и они, епископы, старшина и казаки, бѣглыхъ людей и крестьянъ намъ не выдаютъ, насъ бьютъ и грабятъ, многіхъ побиваютъ до смерти, иныхъ въ воду сажаютъ; и тѣ воры, бѣглые люди наши и крестьяне, надѣясь на нихъ, что они ихъ намъ не выдаютъ, приходятъ къ намъ въ села наши и деревни въявь, насъ до конца разоряютъ, послѣднихъ людей и крестьянъ нашихъ подговариваютъ, лошадей и всякую животину крадутъ, дворы и гумна съ хлѣбомъ жгутъ, насъ многіхъ побиваютъ до смерти и иныхъ, заперши въ хоромахъ, пожигаютъ съ женами и дѣтьми. Въ новгородскомъ и черниговскомъ уѣздахъ за епископомъ Лазаремъ поселилось бѣглыхъ драгунъ и нашихъ бѣглыхъ людей и крестьянъ и иныхъ прихожихъ людей больше 5,000, и выдачи никому нѣтъ, хотя съ висѣлицы придетъ". И подобныхъ челобитныхъ была не одна. Въ послѣднее время царствованія Алексѣя Михайловича разбой, воровство, смертоубійство распространились повсюду. Даже въ самой Москвѣ убивали и грабили на улицахъ. Правительство стало преслѣдовать разбойниковъ, послало дѣтей боярскихъ и служилыхъ людей для поимки ихъ и для разоренія ихъ становъ, уполномочивъ власти самимъ судить и казнить разбойниковъ на мѣстѣ. На сѣверъ, на югъ, на востокъ — повсюду были разосланы сыщики, предписано воеводамъ помогать имъ, давать людей для поимки, велѣно казнить злодѣевъ смертью и мучить ихъ разными муками. Смертная казнь грозила не только укрывателямъ, но и тѣмъ, кто не шелъ на помощь противъ разбойниковъ. Ничто не помогало. Было замѣчено только, что удалцы, скрываясь отъ преслѣдованія, бѣгутъ на югъ и въ низовья Волги и снова оттуда пробираются въ Русь, чтобы грабить, жечь и убивать. Слѣдовательно, эти грабежи, убійства и поджоги имѣли особенный характеръ, они являлись поведеніемъ съ тенденціей; въ нихъ заключался не одинъ разбойничій элементъ, а, вмѣстѣ съ удалью, чувство озлобленія и мести. Какъ говоритъ

челобитная заоцкихъ помѣщиковъ, убѣгавшіе люди являлись вѣльвѣ, чтобы до конца разорить помѣщиковъ, они подговариваютъ дворню и крестьянъ, крадутъ лошадей, жгутъ гумна съ хлѣбомъ, побиваютъ помѣщиковъ на смерть, а иныхъ пожигаютъ съ женами и дѣтьми. Флетчеръ, бывшій въ Россіи при Федорѣ Ивановичѣ, замѣтилъ, что народъ ненавидитъ своихъ правителей за взятки и утѣсненія; авличавинъ удивляется, какъ люди могутъ выносить такой порядокъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ тотъ-же Флетчеръ сказалъ-бы о народѣ другое. Дѣйствительно, что-то зрѣло и готовилось.

ХІІ.

ИДЕАЛЪ ВОЛИ.

Казачество развилось изъ тѣхъ-же славянскихъ основъ, которыя создали и противоположныя ему явленія. Правда, славяне не имѣли героическаго періода, — по крайней мѣрѣ, они ничего изъ него не запомнили или не сохранили никакихъ о немъ воспоминаній, — но за то они переживали героическій періодъ на памяти исторіи и приурочили всѣ свои подвиги къ временамъ „Краснаго солнышка, ласковаго князя Владиміра“. Народное воображеніе, не желая звать хронологіи, незнакомое съ исторической точностію, спутало времена и событія и создало свой идеалъ, спутавъ въ одно и Мамай и Кіевъ, Ермака и Владиміра, X вѣкъ и XVII. Любимѣйшій народный герой — Илья Муромецъ — „старый казакъ“, а по другимъ сказаніямъ „атаманъ донской“.

Богатырь-казакъ есть опоэтизированное народное представленіе о волюшкѣ; это мечта бѣдняка о кладѣ, о томъ, чего у него нѣтъ; это — инстинктивный отпоръ стихійнаго гнета, который лежалъ на народѣ; это дума народная, непокидавшая его втеченіи восьми вѣковъ, о другой, болѣе счастливой, долѣ; это идеалъ того благополучія, къ которому народъ стремился постоянно, о которомъ онъ никогда не переставалъ мечтать, который поддерживалъ въ немъ энергію и живучесть и безъ котораго онъ-бы забился, заглохъ, пересталъ-бы быть историческимъ народомъ. Мечта народа о казачествѣ, о волюшкѣ еще въ про-

шедшемъ столѣтіи расколыхала всю Россію и грозила всеобщей анархіей и распаденіемъ государственному организму; но именно эти-то мечты и спасли народную душу, спасли государство. Только ея живучесть и энергія служили повѣркой ошибокъ русской мысли и не допустили идеѣ права дойти разсудочнымъ движеніемъ до ея послѣдняго вывода.

Казакъ-богатырь есть антитеза крестьянину-земледѣльцу, челоуѣку земскому и „мужику“. Казаку нуженъ просторъ, безпредѣльность, ему нуженъ просторъ, какъ вѣтру въ полѣ. Казакъ только тамъ и счастливъ, гдѣ онъ чувствуетъ самого себя, гдѣ для него, кромѣ его внутреннихъ побужденій, нѣтъ никакихъ другихъ законовъ, ничего внѣшняго, ограничивающаго; гдѣ онъ чувствуетъ свою силу; гдѣ его ничто не стѣсняетъ; гдѣ его никто не останавливаетъ; гдѣ онъ можетъ быть на полной своей волюшкѣ, не зная никакихъ законовъ, учрежденій и порядковъ, кромѣ тѣхъ, которыя даютъ полный просторъ его порыву и удали. Поэтому казакъ-богатырь совершенно выдѣляется изъ стараго общества и уходитъ въ степь, въ которой одной онъ и чувствуетъ себя привольно.

Только въ образѣ русскаго казака-богатыря выразился наиболѣе полно романтическій порывъ и романтическое стремленіе. Ни одинъ народъ Европы не создалъ ничего подобнаго русскому идеалу о безграничной волѣ и безпредѣльномъ личномъ произволѣ. Романо-германскій міръ, въ своемъ католическомъ порывѣ къ вѣвземному, создалъ рыцарство, которое, надѣвъ схиму на шлемъ, пошло освобождать гробъ господень и въ лицѣ храмовыхъ рыцарей соединило несоединимое—крестъ и мечъ; наконецъ, чувство міровой любви возвело въ платоническое обожаніе и не однѣхъ земныхъ женщинъ. Такого цвѣта русскій романтизмъ никогда не имѣлъ; русскій романтизмъ чуждъ всякаго религіознаго мистицизма, всякаго идеальнаго порыва. Онъ, правда, менѣе восторженъ, менѣе блестящъ, менѣе утонченъ и цивилизованъ, но за то онъ болѣе практиченъ и держится твердо земли. Русскій романтизмъ не создалъ ни готической архитектуры, ни платонической любви; онъ не хотѣлъ освобождать никого, кромѣ себя, и вмѣсто цивилизованной утонченности обнаруживалъ больше широкія, грубыя наклонности. Европейскій рыцарскій романтизмъ заковалъ свое тѣло въ булатныя латы и заперся въ замкахъ съ неприступ-

ными стѣнами; онъ связалъ себя съ наружи, связалъ и внутри, назначивъ, что ему именно слѣдуетъ дѣлать. Нашъ романтизмъ не хотѣлъ знать никакихъ латъ и никакихъ укрѣпленій; онъ ходилъ на распашку и не только не могъ уживаться за крѣпкими стѣнами, но ему было тѣсно и въ городѣ. Городу не вытерпѣть его богатырскихъ потѣхъ: тому онъ выломить руку, тому снесетъ голову; богатырь-казакъ только и можетъ жить, что въ степи; ему вездѣ тѣсно. Европейскій рыцарь—олицетвореніе галантерейности; онъ по-преимуществу дамскій кавалеръ и угодинокъ. Нашъ рыцарь-казакъ очень невыгоднаго мнѣнія о прекрасномъ полѣ; женщина не только не воодушевляетъ его на богатырскіе подвиги—она мѣшаетъ ему, отнимаетъ отъ него силу. Казакъ не поклоняется никакой Дульцинеѣ, и Разинъ самымъ неделикатнымъ образомъ поступаетъ съ любимой имъ женщиной, чего-бы никогда не сдѣлалъ ни одинъ рыцарь.

Нашему идеальному герою если приходилось искать укрѣпленій, онъ шелъ не въ замокъ, огораживался не стѣнами и рвами, а садился на двѣнадцать дубовъ или прятался въ лѣсныхъ трущобахъ и Жигулевскихъ горахъ. Казакъ защищалъ не страдающую добродѣтель и угнетенную невинность,—такія отвлеченности были для него недоступны,—онъ не боролся съ таинственными видѣніями и призраками, а самымъ не поэтическимъ образомъ нападалъ на поганого татарина, раззорялъ турецкіе и польскіе предѣлы, да подчасъ, если расходилась его силушка, не давалъ спуска и своимъ. Когда Василій Буслаевъ пригласилъ къ себѣ на пиръ мужиковъ, то кормилъ и поилъ только свою дружину, а мужиковъ чествовалъ въ-зашей.

Европейскій рыцарь окруженъ обаяніемъ изящества, его доспѣхи, вышедшіе изъ мастерской Бенвенуто Челлини, до сихъ поръ образецъ высшаго искусства, до котораго доходилъ когда-либо рѣзецъ гравера, и народная память Европы сохранила сказаніе о рыцарственныхъ баярдахъ, этихъ благородныхъ воинахъ безъ страха и упрека, сіяющихъ царственнымъ величіемъ. Нашъ казакъ отличался однимъ обаяніемъ безграницной удали, но не обаяніемъ внѣшняго изящества; отъ его лохмотьевъ не сохранилось ни одной тряпки и народная фантазія опоэтизировала въ немъ не благородно-царственнаго бойца, а удалого, безстраш-

наго атамана, и воспѣла въ своихъ пѣсняхъ Илью Муромца, Василья Буслаева, Ермака Тимофѣевича, Стеньку Разина.

Вотъ въ чемъ именно и разница между западно-европейскимъ и восточно-европейскимъ романтизмомъ. Западный рыцарскій романтизмъ вышелъ изъ феодализма; онъ есть не плодъ непосредственнаго чувства, а скорѣе плодъ неудовлетвореннаго воображенія, воспитаннаго довольствомъ; тогда какъ нашъ романтизмъ, сказавшійся въ казачествѣ, выросъ изъ нужды, воспитался въ избѣ. Западное рыцарство преслѣдовало цѣли если не всегда чисто-небесныя, то всегда идеальныя; нашъ романтизмъ всегда стоялъ на своей родной почвѣ и зналъ цѣли исключительно земныя. Западный романтизмъ имѣетъ подъ собою цѣлую погибшую культуру греко-римскаго міра, изъ котораго онъ вышелъ; нашъ — результатъ демократической непосредственности, неимѣвшей за собой никакого наслѣдія. Западный романтизмъ никогда не забывалъ своего аристократическаго происхожденія, не опускался до народа и облекся въ золоченыя латы; нашъ — ходилъ въ сермягѣ, какъ мужикъ, потому что онъ и былъ мужикомъ. На Западѣ рыцарскій романтизмъ есть выраженіе извѣстныхъ, болѣе развитыхъ, стремленій одной части общества; нашъ — чисто-народная струя, охватывающая всю народную жизнь, онъ ея восьмисотлѣтній пульсъ, никогда неперестававшій биться. На Западѣ римскій романтизмъ созданъ обществомъ, достигшимъ извѣстной высоты гражданственности, и потому онъ уживается рядомъ съ государственнымъ, нашъ — чистый народный продуктъ неустановившихся силъ, ищущихъ устойчивости, и потому онъ не слился съ государствомъ. Западный, обнимающій кругъ болѣе опредѣленныхъ понятій и выясненнѣхъ стремленій, написалъ на своемъ знамени „свобода“, нашъ не хочетъ никакихъ ограниченій, требуетъ полного простора и пишетъ на своемъ знамени — „воля“.

Въ этомъ словѣ заключалась для казака-богатиря вся программа его поведенія. Въ „воля“ для него нѣтъ никакого опредѣленнаго понятія: это безграничная нравственная степь, въ которой душѣ его свободно, какъ вѣтру въ полѣ; а быть на воля — значитъ „гулять“. И казакъ гуляетъ; вся жизнь его вѣчный праздникъ, вѣчный разгулъ; казакъ не знаетъ труда, потому что онъ всегда дѣлаетъ только то, что онъ хочетъ; онъ не знаетъ никакого принужденія, и потому его трудъ всегда сво-

бодное дѣйствіе. Казакъ подвергается страшнымъ лишеніямъ: онъ не слѣзаетъ съ коня цѣлыя недѣли, терпитъ и холодъ и голодь, жажду и непогоду, рискуетъ на каждомъ шагу своею жизнью, онъ знаетъ, что за свои геройскіе подвиги можетъ пасть на колъ, что съ него живого могутъ содрать кожу,—и все это ему не въ трудъ и не въ опасность; это его жизнь, его воля, его добровольное поведеніе.

Казакъ—чистый органическій продуктъ, цѣльный, какъ сама природа; его побужденіе всегда дѣйствіе, его порывъ переходитъ всегда въ активность и его силу можетъ сдержать только одна невозможность. Поэтому для казака, въ моментъ его порыва, нѣтъ ничего святаго, онъ не уважаетъ ничего, никакого обычая, никакого установленія. Когда Илью Муромца не пригласили на пиръ, онъ, разсердившись, сталъ стрѣлять по храмамъ Божиимъ, сшибалъ золотые кресты, маковки церквей и отдавалъ ихъ своей голытьбѣ на пропивку. Василій Буслаевъ говоритъ своей матери, что счастье ея, что она не подошла къ нему спереди, а то-бы онъ убилъ ее замѣсто мужика новгородскаго.

Но казакъ знаетъ, что онъ сильно грѣшитъ; казакъ добрый христіанинъ; его религіозное чувство сильно, потому, что въ немъ много любви, что онъ весь сердечность и страстность; вся жизнь его—жизнь чувства смутнаго, темнаго, безсознательнаго, никогда непереходящаго въ глубоко и всесторонне обдуманную мысль, и тѣмъ не менѣе чувства всегда добраго и побужденія благороднаго. Сырая сила несознающаго себя порыва подавляетъ человѣка и онъ отдается ей, живя минутой. Но вотъ жизнь изжилась, силъ мало, порывъ охладѣлъ, страстность смѣняетъ размышленіе, казакъ смотритъ съ боязнью впередъ и задумывается надъ прошлымъ. „Пора тебѣ, старому, въ монастырь идти“, говоритъ удалая молодежь ослабѣвшему витязю. Есть преданіе, что Илья Муромецъ пошелъ въ монастырь, чтобы спасти свою душу и отомолить грѣхи молодости.

Народная фантазія въ лицѣ сказочнаго казака-богатыря сгруппировала всѣ живыя черты дѣйствительности. Правда, она преувеличиваетъ: подвиги героя иногда гиперболически велики, пьянство его непохоже на человѣческое; но этимъ преувеличеніемъ народная мысль хочетъ только указать на большой размѣръ силъ героя, а можетъ быть, и средства своей собственной

народной громады олицетворяетъ въ героѣ. Психологическая вѣрность придаетъ всѣмъ народнымъ героическимъ произведеніямъ особенную жизненность; въ нихъ такъ и чувствуется сгруппированная правда и обобщенная дѣйствительность, приуроченная къ поведенію одного лица. Оттого-то героическія произведенія народнаго вымысла всегда такъ понятны народу и всегда вѣрно затрагиваютъ его чувство. Живой человѣкъ чувствуетъ себя въ сказочномъ героѣ, а герой олицетворяется въ живомъ человѣкѣ. Мы сейчасъ будемъ имѣть возможность провѣрить это.

ХІІІ.

СТЕНЬКА РАЗИНЪ.

Конечно, Разинъ не думалъ подражать ни Ильѣ Муромцу, ни Василю Буслаеву, ни Алешѣ Поповичу; а между тѣмъ онъ таковой-же сказочный герой, поражающій неопредѣленностью и ширью порыва и смутностью бродившаго въ немъ чувства. Разница между нимъ и этими героями не въ качествѣ и силѣ внутреннихъ душевныхъ процессовъ, а во внѣшнемъ поведеніи, въ практическихъ дѣлахъ, которыя онъ преслѣдовалъ.

Всѣ нравственныя душевныя силы казачества точно соединились въ одной душѣ Разина, въ его истинно-желѣзномъ тѣлѣ, въ его порывчатой и энергической натурѣ. Разинъ не драматическій герой; въ немъ нѣтъ трагическаго элемента, нѣтъ сознательной интеллектуальной силы; но въ немъ есть все, что нужно, чтобы сдѣлать его героемъ народнаго романтизма и истиннымъ представителемъ того славянскаго порыва къ безграничной, незнающей никакой сдержки, волѣ, которая создала казачество.

Какъ психологическое явленіе, Разинъ единственное лицо въ исторіи Европы; на Западѣ онъ не можетъ быть понятенъ, онъ не будетъ понятенъ и современному русскому цивилизованному человѣку, познакомившемуся съ гуманними ощущеніями; но онъ становится совершенно понятенъ, если взглянуть ближе въ отдѣльныя теперешніе народные характеры и вникнуть въ эпоху, вызвавшую его страшную дѣятельность.

Разинъ былъ сырая, бушующая сила, какой-то нечеловѣчскій

порывъ озлобленнаго и расходившагося чувства. Возмутился-ли Разинъ, увидѣвъ угнетеніе народа во время своего странствованія на богомолье въ Соловецкій монастырь, зрѣла-ли въ немъ страстность постепенно или-же озлобленіе явилось въ немъ моментально, когда Долгорукой повѣсилъ его брата,—се азать нельзя. Извѣстно только, что Разинъ выступаетъ на свое страшное поприще черезъ годъ послѣ казни брата.

По теоріи Разина, все мірское зло происходило отъ злоупотребленія бояръ, дворянъ и приказныхъ. Когда къ Царицыну плыли московскіе стрѣльцы, посланные для защиты городовъ, Разинъ сказалъ царицынцамъ: „это плывутъ злодѣи, посланные измѣнниками-боярами“. Когда взяты имъ въ плѣнъ стрѣльцы начали тужить, что они измѣнили царю, Стенька сказалъ имъ: „вы деретесь за измѣнниковъ-бояръ, а я бьюсь за великаго государя“. И это было совершенно вѣрно народному и казачьему идеалу царской власти. Народъ возвелъ власть въ высшій идеалъ, какой только можно для нея создать, обоготворилъ свой идеалъ и олицетворилъ его въ образъ русскаго царя. Изъ этого чистаго источника не могло, по мнѣнію народа, выходить ничего печистаго, и, слѣдовательно, все нечистое и вредное зарождалось только внѣ этого источника. Какъ-бы трудно ни жилось народу, онъ былъ увѣренъ, что зло не отъ царя. Но до Бога высоко, а до царя далеко; и далеко только потому, что на пути къ царю стоятъ бояре да дворяне, воеводы и приказные, которые не допустить до него правды и изъ корысти извратятъ всякую истину. Какъ-же это не измѣна! Измѣна и царю, которому они цѣловали крестъ служить по правдѣ, и народу, который они взялись оберегать.

Но какъ-же эту вѣрность великому государю согласить съ новыми гражданскими порядками, которые вводилъ Разинъ, какъ согласить съ отрицаніемъ всѣхъ формъ и учреждений государственныхъ и съ казачьимъ кругомъ, который Разинъ вводилъ во всѣхъ имъ занятыхъ мѣстахъ? Разинъ чтитъ „великаго государя“, въ день тезоименитства царевича Федора онъ дѣлаетъ въ Астрахани визитъ митрополиту; въ торжественныхъ случаяхъ пѣть за здоровье царя и въ то-же время разрушаетъ весь государственный порядокъ и разсылаетъ по всей Россіи своихъ эмиссаровъ возмущать народъ противъ вла-

сти. Въ своихъ рѣчахъ къ народу Разинъ повсюду говорилъ, что идетъ истреблять бояръ, дворянъ, приказныхъ и всякую власть, что онъ хочетъ, чтобы всякъ всякому былъ равенъ, и что самъ онъ не хочетъ быть царемъ и хочетъ жить со всѣми, какъ братъ. И въ то-же время онъ велѣлъ изрубить стрѣльцовъ, которые положились на его слово, — что они могутъ идти куда хотять, — когда эти стрѣльцы не пристали къ нему. Объявляя равенство и свободу, Разинъ подавляетъ своимъ деспотизмомъ и не переноситъ ни малѣйшаго противорѣчія. На Дону, послѣ персидскаго похода, Разинъ привлекаетъ сердца всѣхъ простыхъ казаковъ привѣтливостью, добротою, обходительностью и щедростью; онъ живетъ въ землянкѣ, какъ и всѣ, и держитъ себя какъ равный между равными, какъ братъ; а на Волгѣ поражаетъ царскою пышностію, одѣвается въ драгоценныя персидскія матеріи, носить соболью шубу, покрытую чуть не парчею, и на своемъ суднѣ натягиваетъ шелковыя снасти и паруса. Разинъ говоритъ, что онъ хочетъ искоренить всякое правосудіе и по простому извѣсту велитъ жечь и заколачивать людей, которые ему служатъ. То онъ изрубить человѣка безъ всякой причины, ограбить все, что можно ограбить; онъ палитъ людей огнемъ, чтобы допытаться, гдѣ у нихъ деньги, и тутъ-же находитъ царскую казну и не беретъ ея и даже не трогаетъ пальцемъ провожатаго. Стенька, ходившій въ Соловки на богомолье, въ Астрахани въ постные дни ѣлъ молоко и мясо; а когда въ Черкасскѣ, зная его щедрость, у него просили денегъ на сооруженіе только-что сгорѣвшей церкви, онъ отвѣтилъ: „На что церкви, къ чему попы?“ Стенька любить свою плѣнницу красавицу персіянку, онъ чувствуетъ на себѣ ея укрощающее вліяніе и подчиняется ему, — и въ моментъ дикаго порыва хватаетъ ее за горло и бросаетъ въ Волгу. Проповѣдникъ равенства и братства, вводившій повсюду казацкій обычай, Стенька не только допускалъ, но и любилъ, когда народъ звалъ его „батюшка“, снималъ передъ нимъ шапки и становился на колѣни. Повидимому, простой и обходительный, считавшій всѣхъ людей братьями, Стенька не переносилъ ничего, что выше его. Онъ изрубилъ ни въ чемъ неповиннаго казака, привезшаго ему оскорбительное письмо отъ персидскаго шаха, и обласкалъ астраханскихъ нѣмцевъ, которые принесли ему въ подарокъ двѣ бутылки водки. Демократъ Разинъ обнаруживалъ на каждомъ

шагу аристократическіе порывы, и простой съ простыми, съ тѣми, кто повиновался ему безпрекословно, онъ былъ надмененъ, гордъ и неумолимъ съ тѣми, кто передъ нимъ не склонялся. Жестокосердый и кровожадный, истреблявшій людей массаами, выдумывавшій самыя мучительныя казни и вѣсившій за ноги младенцевъ, Стенька чувствовалъ какое-то благоговѣнное уваженіе къ своему крестному отцу, атаману Корнилѣ Яковлеву, — который и погубилъ его — и питалъ нѣжное чувство къ своей женѣ и дѣтямъ.

Разинъ, поведеніе котораго нельзя, повидимому, подвести ни подъ какую систему, человекъ, въ которомъ примирялись самыя противоположныя крайности, былъ, однако, вѣренъ себѣ. Это была цѣльная сердечная натура, человекъ не только чувства, но чувства хорошаго. Въ его душѣ шевелются какіе-то планы и грандіозныя стремленія, но все это неясно и темно. Онъ громитъ Персію, и громитъ ее не какъ простой разбойникъ: онъ думаетъ, что совершаетъ патріотическій подвигъ. Онъ совершаетъ страшныя злодѣйства, и думаетъ, что служить царю и освобождаетъ народъ отъ власти бояръ. Онъ мечтаетъ быть атаманомъ всего донского казачества и думаетъ получить награду отъ царя. Разинъ не разбойникъ и не человекъ заурядъ. Онъ это и самъ хорошо знаетъ и даетъ чувствовать всѣмъ, кто имѣетъ съ нимъ дѣло. Съ воеводами и боярами онъ говоритъ какъ „власть имущій“, и все склоняется предъ его нравственной силой. Его гордость такъ велика, что самыя страшныя пытки онъ выноситъ съ улыбкой презрѣнія къ своимъ мучителямъ и умираетъ съ гордымъ величіемъ человека сознающаго свое превосходство. Единичный произволь, выдѣляющійся изъ общества, отрицающій всѣ его учрежденія и преданія, непризнающій никакого внѣшняго давленія, никакой чужой воли надъ собою, не могъ выразиться полнѣе, какъ онъ выразился въ лицѣ Разина. Въ Разинѣ, въ живомъ человекѣ, сказались всѣ идеалы казачества, весь его безграничный порывъ къ волѣ. И только какъ олицетвореніе идеала воли Разинъ понятенъ и послѣдователенъ. Все, что кажется противорѣчіемъ въ поведеніи этой удивительной, желѣзной природы, перестаетъ быть противорѣчіемъ и оказывается послѣдовательностію. Разинъ, какъ человекъ чувства и чувства страстнаго, порывчатаго, живетъ минутой; онъ всегда живетъ непосредственными ощущеніями и подъ вліяніемъ непосредственныхъ впечатлѣній. Онъ

не знаетъ никакихъ принциповъ, никакихъ предвзятыхъ правилъ и идей, но каждое впечатлѣніе переходитъ у него непосредственно въ активный рефлексъ и выражается всегда страшнымъ, громаднымъ, чудовищнымъ порывомъ. Въ западной Европѣ бывали фанатики, какъ Фома Мюнцеръ, какъ Гусъ, какъ Лютеръ даже, но ихъ фанатизмъ—результатъ критической мысли и выработаннаго убѣжденія. Разинъ не критикъ и не мыслитель; его фанатизмъ выработался не философскимъ мышленіемъ, не логическими построеніями; его убѣжденіе есть просто естественное чувство безграничной потребности жить, какъ живется, не подчиняясь ничему внѣшнему, ничему его чуждому. Разинъ мраченъ и страшенъ, когда у него тяжело на душѣ, и тогда у него нѣтъ ни милости, ни пощады; онъ встанетъ лѣвой ногой—и за это другіе должны заплатить жизнью. Но тотъ-же Разинъ, впадая въ веселый порывъ гуляетъ, пьетъ, милостивъ и добръ. Ощущенія смѣняются у него быстро и каждое изъ нихъ всегда сильно и глубоко. Онъ кровожаденъ и жестокъ не по безчеловѣчю, а только потому, что способенъ къ однимъ глубокимъ чувствамъ; всѣ ужасы, которые онъ производитъ,—только слѣдствіе его страстной, любящей натуры. Но онъ любитъ не по-нашему и ни за какую земную красоту въ мірѣ не отдастъ ту красавицу волю, чувство которой онъ носить въ своей душѣ. Онъ не дорожитъ ничѣмъ, ни своею жизнью, ни своими сокровищами; онъ щедръ до того, что отдаетъ послѣднее, что имѣетъ; онъ кротокъ, тихъ и способенъ къ нѣжнымъ чувствамъ, и все это пока его личный произволь не возбуждепъ никакимъ противодействиемъ, пока онъ не почувствуетъ на себѣ посторонняго, внѣшняго давленія. Тогда тотъ-же ласковый и щедрый „батюшка“ начинаетъ метать и рвать, какъ левъ, попавшій въ сѣти, и, отуманенный виномъ, совершать свои страшныя безчеловѣчія, все во имя той-же воли. Тосковаль-ли когданибудь Разинъ, жалѣль-ли онъ о томъ, что онъ дѣлалъ,—неизвѣстно. Разумѣется, у него бывали въ жизни тяжелыя минуты, и кто знаетъ, не въ эти-ли именно минуты онъ бывалъ такъ неукротимъ?..

Отдаваясь исключительно сердечности, одному романтическому порыву и протесту, Разинъ былъ слабъ головнымъ сознаниемъ. Онъ съ необыкновенной, нечеловѣческой силой выразилъ протестъ подавленнаго народнаго романтическаго чувства, но никогда не

могъ возвести его въ сознannую, законченную и зрѣлую мысль. Разинъ былъ сила отрицающая и разрушающая, но не созидаящая. У него не было другого идеала общественнаго устройства, кромѣ казачьяго круга, и другого личнаго идеала, кромѣ „воли“. Уничтожая московскій порядокъ, онъ замѣнялъ его порядкомъ казачьимъ, и не понималъ того, что этотъ порядокъ годился только для военной казачьей общины и не годился для обширнаго и разбросаннаго земледѣльческаго московскаго государства. Разинъ замѣчательный атаманъ; но онъ не больше, какъ атаманъ; его воля есть безграничный, подавляющій произволь, неимѣющій ничего опредѣленнаго, точнаго, заранѣе извѣстнаго; это не классическій абсолютизмъ, подчиняющійся разсудочному движенію и потому проявляющійся въ системѣ стройнаго поведенія, а простая смѣна ощущеній, причудъ и капризовъ, ведущихъ къ безконечному ряду насилій. Если Разинъ долженъ былъ выразить собою порывъ наиболѣе народнаго чувства, онъ выразилъ его съ такою полнотою, съ какою развѣ Франція при Робеспьерѣ и Дантонѣ выразила свой протестъ противъ стараго режима. Но во французскомъ протестѣ былъ государственный моментъ; въ немъ участвовалъ элементъ сознательной мысли и организаціонный планъ, составленный по прогрессивному общественному идеалу. Бунтъ Разина только бунтъ, только громадная смута, необнаружившая никакого отрезвляющаго вліянія на русскую мысль, потому что въ самомъ Разинѣ не было никакого головного содержанія, ни одного изъ тѣхъ гражданскихъ идеаловъ, который онъ могъ-бы противопоставить старому московскому порядку. Оттого-то у Разина не было ни настоящихъ властительческихъ, ни настоящихъ полководческихъ талантовъ. Истинный казакъ, онъ олицетворялъ собою Илью Муромца, его-же безграничную ширь и удаль и годился только для степи. Не будучи настоящимъ военачальникомъ, онъ не могъ ничего сдѣлать въ Персіи и совершалъ только блистательные грабежи и опустошенія. И въ Россіи онъ не могъ довести своего дѣла до конца по тому-же. Его эмиссары подняли почти половину Россіи, но Разинъ не могъ организовать ничего изъ этого повальнаго возстанія и въ первой-же стычкѣ съ московскимъ войскомъ подъ Симбирскомъ проигралъ все свое дѣло и бѣжалъ, оставивъ въ жертву народъ, къ нему приставшій.

„Стенка—это мука мірская, это кара Божія; не дай Богъ

никому дожить до того времени, когда опять придетъ Стенька“, говорить волжское преданіе. И дѣйствительно, время Стеньки Разина было карой Божіей для Россіи. Народъ поднялся во всей восточной половинѣ и, не добившись ничего, страшно потерпѣлъ. Московскіе воеводы были жестокосердѣе Разина. Они выжигали селенія, казнили и мучили всякими муками и сѣкли нещадно кнутомъ виновныхъ и истребили болѣе ста тысячъ крестьянъ. Вотъ единственный результатъ народнаго романтическаго порыва, извѣстнаго подъ названіемъ бунта Стеньки Разина. Много было истреблено дворянъ, дѣтей боярскихъ, всеводъ, подъячихъ и людей оставшихся вѣрными царю, но еще болѣе было истреблено крестьянъ, сожжено деревень; непріютный народъ бродилъ безъ пристанища и погибалъ отъ голода. Бѣдствіе было громадное, но русская мысль не выиграла ничего, не выработала никакой новой идеи, не сдѣлала никакой поправки своего сужденія и не внесла никакого улучшенія въ государственннй и соціальннй строй. Послѣдующая реформа Петра миновала тѣ вопросы, которые вызвали движеніе Разина, и пора Разина повторилась еще разъ въ царствованіе Екатерины.

Н. Радюкинъ.

(Продолженіе будетъ.)

ПОГОНЯ ЗА НАЖИВОЙ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

I.

Кишлакъ Ташъ-Огырь.

Въ горномъ кишлакѣ „Ташъ-Огырь“ было замѣтно какое-то особенное, необыкновенное оживленіе. Тихіе, малонаселенные горные поселки казались и людны и шумны.

Плоскія, расположенныя терасами по скатамъ горъ, крыши сложенныхъ изъ дикаго камня сакель пестрѣли группами дѣтей и женщинъ; мужское населеніе тѣсною кучкою стояло у выѣзда или-же по-одиночкѣ бродило по улицамъ, переговариваясь и перекликаясь съ тѣми, кто былъ на крышахъ. Все это указывало другъ другу нальцами, смотрѣло вдаль, по направленію къ западу, и помчутно прикрывало глаза руками,—такъ трудно было выносить ослѣпительный блескъ известняка и обломковъ мрамора, сверкавшихъ на солнцѣ по ярко освѣщеннымъ горнымъ скатамъ.

Тамъ змѣилась узкая конная тропа, спускаясь съ высотъ въ ущелье. Шла эта тропа зигзагами—иначе совсѣмъ невозможно было-бы спускаться и подниматься на эту гору. Собственно ничего особеннаго не было видно на этой тропѣ, кромѣ четырехъ всадниковъ-туземцевъ, чалмы которыхъ кивали вдали, то прячась за обломками скаль, то снова показываясь, когда тропа выводила ихъ на болѣе открытое мѣсто.

Всадники эти ѣхали не въ кишлакъ „Ташъ-Огырь“, а изъ него: это было замѣтно потому, что чалмы ихъ, очень большія,

почтенныя чалмы, на каждую изъ которыхъ пошло, по крайней мѣрѣ, по тридцати аршинъ индѣйской кисеи, не увеличивались въ своемъ размѣрѣ, а, напротивъ того, все уменьшались и уменьшались, и въ настоящую минуту казались чуть замѣтными точками; онѣ, наконецъ, исчезли совсѣмъ за выдвинувшеюся, почти на самую дорогу, изрытою, угловатою скалою „шайтанъ-каикомъ“ (чертовой лодкою). Въ формѣ этой скалы ничего, впрочемъ, не напоминало лодку; зловѣщее-же прилагательное „шайтанъ“ она получила, вѣроятно, вслѣдствіе того, что особенно какъ-то мрачно смотрѣла своею черною массою между остальными свѣтлыми горными породами.

— Уѣхали!

— Ну, и слава Аллаху!

— Пошли имъ пророкъ дорогу гладкую, какъ сама лысина почтеннаго муллы Касима.

— Это отъ насъ; а къ намъ, чтобы она была корява и изрыта, какъ его собственныя щеки.

— Все равно доберется. Тамъ ты что хочешь дѣлай, а въ свой срокъ доберется. Жди вотъ черезъ восемь мѣсяцевъ.

— Жадные!

— Да вѣдь они не отъ себя: посылаютъ—ну, и ѣдутъ. Они, можетъ быть, сами, по своей волѣ, и не хотѣли-бы, да посылаютъ,—ну, какъ-же тутъ быть?

— Да, „не хотѣли-бы“, ха-ха! Небойсь, скажи ему: мулла, что хочешь: или сиди дома и спи со своими бабами, ѣшь пашлыкъ, пилавъ, запивай его айракомъ или даже хотъ русскимъ аракомъ, и вотъ тебѣ за эту благодать, ни за что, ни про что, сто кокановъ; или, поѣзжай по киплакамъ за сборомъ, шатайся по горамъ день и ночь, спи одинъ, гдѣ попало, безъ крыши, да еще подай за это двѣсти?—такъ онъ и думать не станетъ: самъ побѣжить сѣдлатъ свою лошадь.

— То-же свою выгоду понимаютъ.

— Мало-ли ему въ свой карманъ перепадетъ! Чай, изъ того, что наши акъ-сакамы собрали съ насъ, Акъ-пашѣ и половины не видать.

— А замѣтили, какая у того лошадь хорошая: за двѣ тысячи кокановъ не купишь! А халать-то, ухъ! мнѣ-бы только хотъ одинъ часикъ поносить такой. Блестять, какъ чешуя на рыбѣ.

— Не по ишаку сѣдло!

— Чего не по ишаку? Пошли меня сборщикомъ,—не такой заведу.

— То-то тебя и не посылають.

— А все-таки хорошо, что уѣхали. Слава Аллаху!

— Еще ладно, что только два дня прожили у насъ.

Вотъ такіе разговоры и болтовня шли по всему Ташъ-Огыру, съ крыши на крышу, со двора на дворъ, изъ одного закоулка въ другой, и разносились дальше, по другимъ кишлакамъ, пестрящимъ дикіе горные скаты.

Суровый, неразговорчивый, старый Аминъ-Аллаяръ и тотъ даже веселѣй взглянулъ изъ-подъ своихъ нависшихъ бровей, потеръ костлявыя руки и произнесъ:

— Ну, теперь мы мѣсяцевъ на восемь вздохнемъ по-свободнѣй: подати сдали, ну и да благословить Аллахъ наши достатки!

Слышалъ эти слова другой старшина, Джанъ-Оглы, подошелъ къ Амину и говоритъ:

— А все-таки мы теперь много меньше Акъ-пашѣ платимъ, чѣмъ платили прежде бекамъ да коканскому хану.

— Это еще посмотримъ! пожалъ плечами Аллаяръ и покопился влѣво, къ востоку, гдѣ синѣла щель „караколь-лощины“.

— Ну вотъ, чего бояться! понялъ намекъ Джанъ-Оглы.—Мы вѣдь теперь не ихніе: мы подъ Акъ-пашею состоимъ. Они не смѣють!

— А кого они бояться будутъ? Спросятъ, что-ли?

— Пришлютъ бѣлыхъ солдатъ (акъ-сарбазъ)—небось испугаются! Нѣтъ, не посмѣють.

— А гдѣ эти акъ-сарбазы?—за сто верстъ стоятъ; что случится—они насъ не прикроють. Ну, пожалуй, дадимъ имъ знать... Э, да что говорить: самъ понимаешь, не маленькій!

— Аллахъ многомилостивъ!

— На него больше и надѣмся... Ты, мулла, домой?

— Домой, а что?

— Заходи ко мнѣ, коли будетъ время: у моего сына боекъ вотъ какъ раздуло! (Аллаяръ показалъ на пол-аршина отъ своего бока.) Посмотри, что такое: ты вѣдь ученый.

— Зайду.

На одной изъ ближайшихъ крышъ, присѣвъ на клеверные снопы, старая Ханымъ угрюмо посматривала на свой опустѣлый дворикъ, гладко-утоптаннымъ квадратикомъ разстилавшійся у нея подъ ногами.

— Что, Ханымъ, пошутилъ съ ней мимоходомъ Джанъ-Оглы, — гдѣ твои бѣлыя куры? Здоровы, что-ли? Много-ли яицъ теперь нести будутъ?

— Въ своихъ животахъ увезли, проклятые! покосилась та опять на ту-же тропинку.— Да что ты присталъ ко мнѣ съ курами,—твои бараны цѣлы-ли? Поди сосчитай лучше!

— О-охъ! вздохнулъ въ отвѣтъ Джанъ-Оглы.

— Избави насъ пророкъ отъ всякаго лиха! поддакнулъ ему Аминъ-Аллаяръ.

И оба старика медленно, сановито пошли по улицѣ, спускаясь все ниже и ниже, къ опаленнымъ кустамъ горнаго можжевельника, гдѣ расположились болѣе просторныя и почище немного на видъ савли авъ-сакала Аллаяра-Амина.

И остальные обитатели кишлака Ташъ-Огыръ, должно быть, уже вдоволь наглядѣлись вслѣдъ уфхавшимъ сборщикамъ и мало-помалу начали расходиться по домамъ.

Солнце не свой братъ, печетъ такъ, что страсть; прогрѣваетъ даже мохнатые бараныи малахай, накаливаетъ плечи и спины сквозъ верблюжье сукно халатовъ и словно кричитъ съ верху: „эй, вы тамъ, убирайтесь-ка поскорѣе по своимъ норамъ, подъ крыши, куда кто можетъ; боли не хочешь бѣды нажить, ищи себѣ такого мѣста, куда моиъ жгучимъ лучамъ не подъ силу будетъ проложить дорогу!“

И покорные этому влику люди скоро всѣ до одного попрятались по своимъ норамъ и осталось на виду только нѣсколько бродячихъ куръ-хохлатокъ, да большой золотистый пѣтухъ съ красною головою, наивно поглядывающій вверху, въ эту молочно-дымчатую мглу накаленного воздуха.

Тамъ, распутивъ свои полутора-аршинныя крылья, плавалъ громадный ягнятникъ и зорко смотрѣлъ внизъ, словно раздумывая: какую-бы изъ этихъ вкусныхъ хохлатокъ удобнѣе ему сцапать?

Солнечный зной, разогнавший по домамъ ташь-огырскихъ горцевъ, должно быть не очень пугалъ всадника, приближавшагося въ эту минуту къ кишлаку.

Всадникъ былъ весь въ бѣломъ; на немъ былъ поверхъ всего костюма накинуть широкой парусинный плащъ съ капюшономъ, напоминающій своимъ покроемъ бурнусы бедуиновъ; его степная, рыжая лошадь, съ тяжелою, горбопосою головою, непривыкшая къ горнымъ тропинкамъ, бѣжала лѣниво, спотыкаясь, и то-и-дѣло получала по своему откормленному крупу легкіе удары киргизской нагайки.

Старая Ханымъ, первая замѣтившая всадника, знала, что путешественникъ былъ хорошо вооруженъ. Она знала это, во-первыхъ, уже потому, что по ихъ мѣстамъ никто безъ оружія не ѣздитъ, а во-вторыхъ, она видѣла, какъ за плечами и у пояса всадника нѣсколько разъ вспыхнули на солнцѣ яркіе металлическіе отблески.

— Опять никакъ къ намъ тотъ-же „русскій кротъ“ ѣдетъ, проворчала она, и тихонько, поберегая свои старческія кости, стала спускаться съ крыши.

„Русскій кротъ“ остановился на минуту, откинулъ капюшонъ на спину и слѣзъ съ лошади. Закинувъ поводья на шею коня, онъ пѣшкомъ началъ взбираться на кручу, къ кишлаку, а его рыжій, легонько заржавъ и покосясь по сторонамъ, поплелся слѣдомъ за своимъ хозяиномъ. Теперь ясно была видна русая борода прѣзжаго и чехоль отъ револьвера, отъ котораго на шею шли красные шелковые шнурки съ кисточками, дуствольный карабинъ топырился сзади изъ-подъ плаща, привязныя шпоры рѣзко звякали по камнямъ извиистой дорожки.

— Ишь, словно повимерли всѣ! произнесъ Бурченко, пріостановившись у сухой можжевелевой жерди, перегородившей входъ въ улицу.—Эй, тамыръ, какъ тебя звать? Эй, ты, чего тамъ за угломъ прячешься?

Онъ замѣтилъ темно-коричневое, смуглое лицо съ желтоватыми бѣлками, выглянувшее-было изъ-за стѣны крайней сакли и синеватыхъ тряпки рваной рубахи.

— Да тебѣ кого? хрипло окликнула его рваная рубаха.

— Аллаяръ-бай дома или уѣхалъ куда изъ аула? спросилъ Бурченко, откидывая жердь и проводя рыжаго въ улицу.

— Никуда не у́халь... Эге! да это вотъ ты кто! веселѣи отозвалась рваная рубаха.

— Узналъ? Куда это: кажется, сюда? Тутъ у васъ запутаешься. Я вотъ четвертый разъ пріѣзжаю, а все не пригляжусь.

— За мной ступай.

Рваная рубаха пошла впередъ, мелькая своими голыми, мозолистыми, какъ у добраго верблюда, пятками. Бурченко шелъ за нею, расправляя на ходу усталыя отъ длиннаго горнаго переѣзда ноги.

— А у насъ это время гости были изъ „русскаго кургана“ Зякетчи, мулла Касимъ и амлакдари (сборщики). Сегодня только у́хали; раньше-бы пришелъ—засталь-бы, сообщалъ Бурченкѣ его провожатый.

— Жаль. Много собрали?

— Про то акъ-сакалы знаютъ... Ну, вотъ тебѣ и аллаярова сакля; давай „силау“ (наше „на воду“)!

— Ладно, больно легко зарабатывать будешь. Чего на мои расконки не идешь, коли деньги любишь?

— У тебя работы много, тяжело!

— За то и зарабатываютъ акчи (денегъ) много.

— А очень они мнѣ нужны, акчи-то эти! зѣвнула во весь ротъ рваная рубаха. — Ну, прощай! вечеромъ чай будешь пить, меня позови: я это люблю. Позовешь, что-ли?

И оборвышь, не дожидаясь отвѣта, пошелъ прочь, отмахиваясь отъ золотисто-зеленыхъ мухъ-навозницъ своими спущенными съ плечъ рукавами.

Мулла Аллаяръ встрѣтилъ своего гостя на порогѣ, и пока они размѣнивались обычными привѣтствіями, одна изъ трехъ женъ хозяина, сухощавая Наръ-беби, приняла рыжую лошадь отъ Бурченко и, прикрываясь стыдливо халатомъ, повела ее куда-то въ уголъ, гдѣ уже махалъ какой-то бѣлый хвостъ и слышалось тихое привѣтственное ржаніе. Сѣрый, старый, какъ самъ хозяинъ, аргамакъ Амина-Аллаяра тоже приготовился встрѣтить своего, знакомаго уже ему, гостя.

Давно еще прежде бывалъ здѣсь Бурченко; послѣдній разъ онъ пріѣзжалъ сюда почти мѣсяцъ тому назадъ: ему нужны были рабочія руки; и съ большимъ трудомъ, съ помощью самыхъ краснорѣчивыхъ уговоровъ, а главное—раздачею денегъ частями впередъ ему удалось добыть десятка два работниковъ. Недовѣрчи-

вне дикари были неподатливы и никакъ не хотѣли повѣрить, что у этого *русскаго крота* (такъ его всѣ называли по роду его занятій) не было какихъ-нибудь другихъ, враждебныхъ имъ дѣлей; а тутъ еще примѣшался и суевѣрный страхъ къ гауру-иноземцу, который осмѣливается рыскать по ихъ мѣстамъ одинъ-одинехонекъ: они такъ привыкли видѣть русскаго тюра не иначе, какъ въ сопровожденіи цѣлаго конвоя „акъ-сарбазовъ“. „Не безъ „шайтанлыхъ“ (чертовщины) дѣло обходится. Съ нимъ, пожалуй, свяжись—бѣды наживешь. Ну его, не надо намъ его денегъ“, думали наивные дикари. Но эти самыя деньги были такія свѣтленькія, новенькія, такъ привѣтливо звенѣли! „Что-же, не все-ли равно: деньги, какъ и вездѣ деньги. Развѣ на нихъ написано, отъ кого они въ руки наши попали?“ подшептываль имъ другой, болѣе убѣдительный, голосъ, и находились смѣльчаки, рисковавшіе связаться съ гауромъ и заработать у него десятка два-три этихъ бѣленькихъ, серебрянныхъ кокановъ. Ничего, все обошлось благополучно. Случилось, эдакъ недѣли черезъ двѣ, вернуться въ кишлакъ одному изъ шести первыхъ, рѣшившихся идти за Бурченкомъ работниковъ. Смотрятъ всѣ на него—ничего, человекъ, какъ человекъ: не скорчило его, не покрыло его никакой болѣзнью; говорить, что жить хорошо, кормить всякій день мясомъ; хотѣлъ-было сказать, что араку даютъ каждый день тоже по два стакана, да промолчалъ: увидѣлъ въ толпѣ муллу Аллаяра и побоялся.

Побылъ въ кишлакѣ денька два мардигоръ (работникъ) и назадъ въ горы пошелъ, да еще не одинъ: четверыхъ съ собою увелъ.

Случилось одно обстоятельство, подорвавшее-было расположеніе горцевъ къ русскому „кроту“. Разнесся слухъ по горамъ, что всѣ подати будутъ увеличены вдвое противъ прежняго. Это написали извѣтамъ Бурченко. „Вотъ онъ тутъ шляется, тычется всюду съ своимъ носомъ,—вѣрно, далъ знать, что ми хорошо живешь, вотъ на насъ и набавили!“ говорили тѣ, кто по какимъ-либо причинамъ былъ недоволенъ нашимъ инженеромъ. Другіе имъ охотно вѣрили. Дѣло могло-бы окончиться очень плохо; изъ одного кишлака Бурченко былъ просто-на-просто выгнанъ силою; въ одномъ изъ горныхъ проѣздовъ по немъ даже стрѣляли. Мардигоръ Джонгыръ, привязавшійся къ своему хозяину, шеп-

нулъ ему какъ-то на ухо: „уѣзжай, тюра, лучше отсюда, пока цѣль! Вѣрь — дѣло тебѣ говорю“. Но Бурченко не уѣхалъ, и дурное время миновало такъ-же быстро, какъ и пришло; слухъ о надбавкѣ остался только слухомъ, а аккуратно выплачиваемыя за-работныя деньги своей привлекающей силы не потеряли; все шло хорошо до катастрофы съ Лопатинныъ.

Теперь, когда присылка денегъ изъ Ташкента, изъ конторы Ивана Иларіоновича, прекратилась, надо было прискивать другія средства. Долго ломалъ голову предприимчивый малороссъ, какъ-бы извернуться, не прибѣгая къ просьбѣ объ официальной по-собѣи, и, наконецъ, додумался. Съ этимъ-то рѣшеніемъ онъ и при-ѣхалъ въ вишлакъ Ташъ-Огыръ, въ самый значительный изъ гор-ныхъ кишлаковъ; и теперь, когда чашка съ пловомъ, поставлен-ная передъ нимъ гостепріимнымъ хозяиномъ, была покончена, выпить былъ и чай кирпичный, сваренный съ молокомъ и барань-имъ саломъ, онъ принялся излагать передъ Аминомъ-Аллаяромъ свой планъ, убѣдительно и толково поясняя ему всѣ обстоятель-ства.

Бурченко говорилъ спокойно, взвѣшивая и обдумывая каждое слово, внимательно выслушивалъ всѣ возраженія, какъ-бы ни ка-зались они наивны съ перваго раза, подбиралъ самыя удобопо-нятныя и неотразимыя доказательства и съ удовольствіемъ ви-дѣлъ, какъ на умномъ лицѣ старшины ясно выражалось понима-ніе и даже согласіе съ его доводами. Часа два битыхъ говорили они. Джанъ-Оглы и шелъ въ половинѣ разговора, сѣлъ на кор-точки и тоже все поддакивалъ. Соглашались молчаливыми кив-ками головы и еще двое стоявшихъ въ дверяхъ.

— Ну, такъ какъ-же? закончилъ Бурченко и глазами повелъ вокругъ себя въ ожиданіи отвѣта.

— Хорошо! лаконически промолвилъ Аминъ-Аллаяръ.

— Хорошо, поцугаемъ повторилъ за нимъ Джанъ-Оглы.

Еще разъ молча кивнули чалмами гости въ дверяхъ.

— Такъ что-же, пойдутъ? варьировалъ свой вопросъ Бур-ченко.

— А не знаю! пожалъ плечами Аллаяръ.

— Какъ тутъ можно знать? также пожалъ плечами Джанъ-Оглы.

Гости въ дверяхъ только переглянулись.

— У сына твоего боже ничего, скоро пройдетъ, обратился Джань-Оглы къ хозяину, пододвинувшись поближе,—это его зеленая ящерица оплевала. Ты возьми черного козленка, перерѣжь ему шею тѣмъ ножомъ, что послѣ человѣчьей никакой еще крови не пробоваль,—есть такой?

— У меня нѣтъ; откуда такого взять?

— У сосѣда Искандера есть: онъ третьяго дня... началъ было гость въ дверяхъ.

— А ты рассказывай, бей въ бубень по всему околодку! шепнулъ ему другой.

— Я тебѣ принесу этотъ ножъ, вызвался первый.

— Ну, такъ вотъ ты зарѣжь этимъ ножомъ козленка, продолжалъ наставленіе Джань-Оглы, — а потомъ вымажь кровью большой боже и лѣвую пятку. Печень-же козлиную...

— Слушай, Аллаяръ-бай, не безъ досады перебилъ знахаря Бурченко,—я къ тебѣ за десять ташей *) пріѣхаль, о дѣлѣ тебя спрашиваль, какъ къ своему лучшему другу за совѣтомъ пришель, а ты настоящаго отвѣта дать не хочешь.

— А что-же я тебѣ скажу? удивился немного мулла Аллаяръ.

— Согласятся они на мое предложеніе или нѣтъ? Ты старшина ихній, ты знаешь. Коли ты мою сторону держать будешь...

— Ничьей я стороны держать не стану. Я вотъ соберу народъ къ вечеру,—всѣхъ соберу, кого найдутъ дома: ты имъ самъ и говори. А мнѣ что? Самъ я къ тебѣ въ работники не пойду, другихъ отговаривать не стану. Пойдутъ—ихъ охота.

— Всякій знаетъ, что ему лучше, такъ пускай и дѣлаетъ, согласился тоже Джань-Оглы.—Такъ вотъ эту самую печень...

— Такъ сегодня вечеромъ соберешь народъ, это вѣрно?

— А я развѣ когда тебя обманываль?

— Ну, ладно, буду ждать вечера... Э-эхт! замаялся я по вашимъ дорогамъ! потянулся Бурченко и подтащилъ къ себѣ какую-то мягкую рухлядь.

— А ты отдохни до вечера. Здѣсь, въ саклѣ, прохладно, пригласилъ его хозяинъ.

— Да ужъ больше дѣлать нечего, произнесъ гость и, заложивъ шпору въ кабую-то щель, принялся стаскивать свои тяже-

*) Ташъ — восемь верстъ.

лые походные сапоги, подбитые крупными остроголовыми гвоздями.

II.

Рѣчь Бурченко.

Солнце спустилось уже къ самой зубчатой окраинѣ горъ; загорѣлись, словно залитые золотошъ, далекіе ледники; вечернимъ холодошъ повѣяло съ низу. Прыгая съ камня на камень, поднимая красноватя облака пыли, наполняя воздухъ разнообразнымъ блѣяніемъ и ревомъ, подходили къ ауламъ стада, пасшіяся днемъ по заросшимъ сухою травою и горькою полынью каменистымъ откосамъ.

Бучи навоза, зажженные у входа въ кишлакъ, мимо которыхъ долженъ былъ проходить скотъ, обкуриваясь такимъ образомъ во избѣжаніе чумной заразы, распространяли на далекое разстояніе ѣдкій дымный запахъ.

Оживленный говоръ пошелъ по кишлаку; со всѣхъ сторонъ потянулся народъ къ площадеѣ передъ саклями Амина-Аллаяра.

Проснулся Бурченко и началъ одѣваться. Та-же женщина, что убрала его лошадь, принесла ему большую чашку съ кислымъ молокомъ. Жажда жорила русскаго „крота“ и онъ, окунувъ свои усы въ густую бѣлую массу, чуть не залпомъ вытянулъ всю чашку и отеръ ротъ рукавомъ своей рубахи.

— Собирается народъ! оповѣстилъ его Аллаяръ, заглянувъ въ саклю.

— Сейчасъ выйду! отозвался Бурченко, заглянувъ на всякій случай въ револьверный кобуръ: все-ли, молъ, тамъ въ порядкѣ?

Громче и громче становился говоръ вокругъ. Слышалась топотня босыхъ ногъ и сухой стукъ по камню кованныхъ, остроконечныхъ каблуковъ. Лошадь ржала и билась гдѣ-то неподалеку. Даже крыша той сакли, гдѣ одѣвался Бурченко, тряслась и вздрагивала подъ тяжестью взобравшихся на нее ташъ-огырцевъ.

„Ну, либо панъ, либо пропаль! Чѣмъ-то окончится этотъ митингъ?“ промелькнуло въ головѣ малоросса.

И онъ рѣшительно шагнулъ черезъ порогъ прямо на ярко-

освѣщенную послѣдними лучами вечерняго солнца сборную площадку.

Шумъ толпы нисколько не стихъ и не усилился при появленіи *русскаго крота*, словно его и не замѣтили. Только всѣ разомъ взглянули на него, кто прямо, кто искоса, и въ этомъ бѣгломъ взглядѣ отразилось минутное любопытство, тотчасъ-же успокоившееся, коль скоро ташъ-огырцы убѣдились, что Бурченко все тотъ-же самый Бурченко, котораго они видѣли послѣдній разъ, и въ наружности его не произошло никакихъ перемѣнъ, болѣе или менѣе могущихъ обратить ихъ вниманіе.

— Здравствуйте! Да пошлетъ вамъ пр... Что-же это они въ самомъ дѣлѣ?! озадачился немного малороссъ этою холодностью.

— Аманъ! Аманъ! Амансызъ! Кудакъ-кунакъ! послышались въ говорѣ толпы отрывистыя привѣтствія.

— Вотъ я къ вамъ въ гости пріѣхалъ, началъ Бурченко, — да встати и дѣло надо сдѣлать вмѣстѣ съ вами.

— Что-жъ, отъ дѣла никто не бѣжитъ.

— Дѣла всякія бываютъ: дурныя и хорошія, послышались голоса.

— Съ дурнымъ дѣломъ я къ вамъ не пойду: вы меня ужъ знаете! возвысилъ голосъ Бурченко.—Говорилъ я объ этомъ съ тампромъ своимъ, Алаяръ-баемъ; онъ вотъ васъ собралъ, чтобы я могъ сообщить это дѣло всѣмъ вамъ разомъ. Будете слушать—я начну, а нѣтъ—такъ что и толковать: я даромъ ломать своего языка не стану.

— Что-же, говори.

— Кричать очень громко приходится: васъ вѣдь всѣхъ не перекричишь. А вы-бы призатихли на часикъ..

— Эй! вы, тамъ на крышѣ, тише! вамъ говорятъ! прикрикнулъ Джанъ-Оглы.

— Да будетъ вамъ о своей ослицѣ говорить: и послѣ наговоритесь! обратился онъ къ двумъ „гальча“, громче всѣхъ кричавшимъ и то-и-дѣло хватавшимъ другъ друга за обшивки халатовъ.

— Молча-ать! Тсъ! выскочилъ оборвышъ съ желтыми бѣлками глазъ, тотъ самый, что провожалъ Бурченко, и, вооружившись длинною палкою, сталъ изображать изъ себя полицейскаго ко-

васа, гордо поглядывая на толпу и мѣрно шагая изъ одного угла площадки въ другой.

— Нашъ-то дивона расхотился!

— Дуракъ-то, дуракъ! ха-ха-ха!

— Тсъ! тише-же, въ самомъ дѣлѣ!

— Зачѣмъ я въ горы сюда къ вамъ пріѣхалъ, и что здѣсь дѣлаю—вы уже хорошо знаете, говорилъ Бурченко.

— Знаемъ! равеннулъ желтоглазый.

— Молчи!

— Теперь ты говоришь, что тавро у ней на лѣвой ляжке и ухо зубцомъ надрѣзано... дощептывалъ гальча о своей ослицѣ, да во-время замѣтилъ нахмуренныя брови самого Амина-Аллаяра и затихъ, одною мимикою дополняя окончаніе своей рѣчи.

— Много вашихъ работали у меня и теперь еще работаютъ; никто не жаловался: всѣмъ было хорошо. Все можетъ и дальше такъ-же хорошо пойти, только съ небольшою пережвоню. Вотъ объ этой-то пережвонѣ я и пріѣхалъ говорить съ вами. Я до сихъ поръ вамъ за вашу работу платилъ деньги. Деньги эти мнѣ давалъ другой человекъ; давалъ онъ ихъ мнѣ взаймы, потому что вѣрилъ мнѣ и рассчитывалъ получить ихъ обратно съ хорошиимъ барышомъ. Ну, дѣло наше шло хорошо больше половины сдѣлано; осталось уже немного; барышъ былъ на носу, и мы-бы его съ тѣмъ человекомъ поровну-бы раздѣлили...

— А намъ что пришлось-бы изъ этого барыша? нерѣшительно выдвинулся молодой парень въ синей длиннополой рубахѣ и въ бязевыхъ короткихъ чембарахъ, засученныхъ по колѣно.

— Вамъ-бы ничего не пришлось, потому что вы каждый день получали плату за свою работу. Вы на *кость* *) ничего не ставили; барышъ-бы остался только тому человеку, что деньги свои тратилъ, да мнѣ, потому что я, главный *уста* (мастеръ), заправя всему дѣлу, тоже изъ одного этого барыша и хлопоталъ и работалъ безъ жалованья.

— И много-бы вамъ пришлось этого барыша-то? полюбопытствовалъ кто-то изъ заднихъ рядовъ.

— Полагаю, что на нашу жизнь хватило-бы съ излишкомъ.

*) Не рисковали.

Ужъ во всякомъ случаѣ побольше, чѣмъ вы всѣ зарабатывали вѣстѣ:

— Ишь вы какіе ловкіе! А вы съ нами-бы подѣлились, замѣтилъ тотъ-же голосъ.

— Вотъ за этимъ-то я и пріѣхалъ сюда, чтобы предложить вамъ это. Только намъ надо сговориться.

— Что-жь, это хорошо!

— Надо прибавки къ платѣ просить: онъ дастъ.

— Понимаемъ, къ чему онъ клонить.

— Еще по ярмъ-теньга въ сутки, и меньше чтобъ не ходить.

— Не дастъ!

— Дастъ: за тѣмъ и пріѣхалъ. Ты вѣдь слышалъ.

— Тише вы, слушайте!

Перешептывалось многочисленное собраніе.

— Теперь тотъ человѣкъ мнѣ денегъ больше не даетъ, а работу кончить надо, вамъ тоже платить надо, а у меня самого денегъ нѣтъ,—значить, платить нечѣмъ.

— Эге! вонъ оно что!

— Прогорѣлъ, значить!

Въ толпѣ послышался полусдерживаемый смѣхъ. Бурченко перевелъ духъ. Дѣло его подходило къ самой сути.

— Теперь, если вы будете по-прежнему работать у меня, то, вмѣсто платы, вы раздѣлите между собою весь тотъ барышъ, что получилъ-бы тотъ богатый человѣкъ, что отсталъ отъ нашего дѣла. И тогда на вашу долю придется гораздо больше, чѣмъ полтора кована въ сутки. По меньшей мѣрѣ, каждый принесетъ домой свой „гамонъ“ набитый деньгами, да навяжетъ, пожалуй, еще узелки на обоихъ концахъ пояса. И все за то только, что вы поработаете еще съ мѣсяцъ, не получая денегъ. Согласны на это или нѣтъ—говори прямо. Всякъ, что хочетъ сказать противъ этого, говори.

Бурченко замолчалъ и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ выжидалъ отвѣта. Онъ не могъ разсмотрѣть выраженія лицъ своихъ слушателей, потому что ступившіеся сумерки рисовали передъ нимъ только темные, движущіеся силуэты. Онъ замѣтилъ только, какъ нѣсколько изъ этихъ фигуръ стали мало-по-малу отходить дальше и уменьшаться въ размѣрѣ; онъ замѣтилъ даже нѣсколько

концовъ отъ чалмъ, висящихъ обыкновенно сзади: ясно было, что обладатели этихъ чалмъ повернулись къ нему затылкомъ.

У *русскаго крота* заворочалось на сердцѣ что-то неловко: онъ предчувствовалъ неудачу своей мисси, а съ этою неудачею если не полное прекращеніе, то, по крайней мѣрѣ, длинный перерывъ такъ успѣшно начатаго дѣла.

Толпа-же, какъ нарочно, молчала. Трудно было опредѣлить, что заключало въ себѣ это гробовое молчаніе: полное-ли пренебреженіе и нежеланіе даже объясняться по поводу „такого дикаго предложенія русскаго крота“ или-же всякій пытался обдумать это предложеніе, и въ такомъ случаѣ...

— Ты вотъ насъ, кромѣ денегъ, еще кормилъ на свой счетъ, и—зачѣмъ неправду говорить—хорошо кормилъ; теперь-же кормить будешь?

— Нѣтъ ужъ теперь кормитесь сами, какъ знаете, за то...

— Общай хоть кормить, а то пропадетъ все, тихонько шепнулъ на ухо Бурченкѣ подошедшій сзади Аминъ-Аллаяръ. — Другой и шелъ къ тебѣ больше изъ-за плова съ бараниной, чѣмъ изъ-за денегъ.

— Ну, насчетъ корма, пожалуй, еще особо переговоримъ, поправился Бурченко.

— А скажи ты намъ, только, смотри, правду говори! громко возвысился рѣзкій голосъ справа.

Бурченко насторожилъ уши.

— Отчего тотъ человѣкъ деньги пересталъ давать? Можетъ, увидалъ, что изъ всего-то дѣла проку не будетъ, и порѣшилъ лучше потерять то, что уже потрачено, чѣмъ еще больше вертѣть дыру въ своемъ карманѣ?

— Что-жъ я, по-вашему, совсѣмъ дуракъ, что-ли? Вы-же меня всѣ умнымъ человѣкомъ называли прежде, уклонился отъ прямого отвѣта Бурченко.

Онъ не хотѣлъ раскрывать настоящей причинъ: она была слишкомъ сложна, по его мнѣнію, чтобы ее могли усвоить себѣ слушатели, а ко всему, что только останется непонятнымъ, они, само собою, отнесутся съ сомнѣніемъ, чтобы не сказать больше—съ полнымъ недоумѣніемъ.

— Нѣтъ, ты не дуракъ, этого никто не говоритъ, дребезжалъ все тотъ-же голосъ,—ты умный...

— Такъ какъ-же это могло случиться, что я, который началъ дѣло и всёми имъ орудую, не увидалъ-бы этого прежде? Я-бы прежде его бросилъ, если-бъ оно было невыгодно.

— Такъ-то такъ, такъ отчего-же?

— Умеръ тотъ человѣкъ, вотъ и все! отрѣзалъ Бурченко.

Онъ рѣшился на этотъ категорическій отвѣтъ. Вѣдь все равно: Лопатинъ, дѣйствительно, умеръ для ихъ дѣла, — значить, мало-россы вовсе не уклонился отъ истины.

Снова молчаніе воцарилось въ толпѣ; кто-то даже присвистнулъ. Двѣ или три груди протяжно вздохнули, съ приличнымъ сему печальному извѣстію отгѣнкомъ во вздохъ.

— А ну, пошлетъ ему Аллахъ на томъ свѣтѣ все, что онъ заслужилъ хорошаго на этомъ! пробормоталъ Джанъ-Оглы.

Только совершенно наступившая темнота не позволила Бурченкѣ замѣтить, что едва-ли только треть всѣхъ слушателей осталась на мѣстѣ; большинство разошлось по домамъ. Трудно было придумать болѣе краснорѣчивый отвѣтъ на предложеніе русскаго крота, какъ это молчаливое удаленіе.

— Такъ на чемъ-же мы порѣшимъ, говорите? Ну, говори хоть ты первый.

Бурченко обратился въ ту сторону, гдѣ слышался знакомый голосъ, задавшій послѣдній вопросъ.

— Погоди до завтра, отвѣчалъ за того Аминъ-Аллаяръ. — „Всякое дѣло яснѣе, когда на него свѣтитъ солнце“; что мы тутъ въ потьмахъ толковать будемъ? Они выслушали тебя, ну и довольно пока. Теперь вотъ спать пойдутъ. Бабы-то ихъ по саклямъ, думаю, уже заждались. Можетъ, имъ Аллахъ во снѣ настоящій совѣтъ пошлетъ. Подожди до завтра.

— Подожди до завтра! повторилъ за Аллаярѣмъ его поддосокъ Джанъ-Оглы.

— Прощай пока, спи спокойно! завтра, можетъ, и порѣшимъ на чемъ-нибудь. Прощай! послышались голоса.

— До завтра, такъ до завтра! согласился Бурченко.

Толпа начала расходиться.

Не прошло и часу послѣ того, какъ разошлись по своимъ домамъ ташъ-огырцы, какъ весь кишлакъ затихъ, погруженный въ

глубокой сонъ. Погасли послѣдніе огни, чуть-чуть мерцавшіе въ горномъ туманѣ, и только вершины горъ выплывали изъ этого тумана скалистыми островами, да ближе виднѣлись темные, конусообразные силуэты расположенныхъ на крышахъ кучъ клевера, джугарры и рогатня вязанки коряваго топлива.

Душно было въ саклѣ, да и не спалось къ тому-же. Бурченко выбрался на свѣжій воздухъ, влѣзъ по приставленной къ стѣнѣ сломанной арбѣ на одну изъ крышъ и усѣлся на клеверной кучѣ.

Весь аулъ виднѣнъ былъ ему, какъ на ладони, только послѣднія, крайнія сакли расплывались какъ-то въ туманѣ. Тамъ-же пропала и свѣтлая полоска кремнистой дороги. Съ легкимъ трескомъ вылетали изъ чернаго закопченаго дымового отверстія искорки; должно быть, тамъ не совсѣмъ еще погасъ огонь подъ таганомъ и тлѣли уголья, раздуваемые струею ворвавшася сквозь дверную щель ночного вѣтра. Вонъ его рыжій прыдетъ ушами и чесать зубами въ подстриженной холкѣ своего сѣраго сосѣда. Вонъ какой-то старикъ съ длинною сѣдою бородою тоже взобрался на крышу, столбомъ сталъ на самомъ краю, протянулъ сухія руки къ востоку и медленно опустился на колѣна. Сѣрая кошка, не слышно ступая, крадучись, шмыгнула по самому гребню стѣны.

„Какъ далеко слышно въ горахъ тихою ночью. Разъ-два, разъ-два—вѣдь это тамъ, внизу, за Шайтанъ-Кайкомъ? Нѣтъ, это эхо только отдается, а топочуть лошади совсѣмъ не въ той сторонѣ, а напротивъ. Это, должно быть, ѣдутъ по Караколь-ущелью. Только кого-же это нелегкая несетъ по горамъ въ такую пору? прислушивался Бурченко.—Что-жь, дороги въ горахъ никому не показаны, значить, имъ надо, коли ѣдутъ. А ну, какъ?..“

Чуть замѣтная полоска утренней зари скользнула по вершинамъ и заискрились по ледникамъ серебристыя блески. Холщевая рубаха отсырѣла на туманѣ; совсѣмъ мокрые стали снопы; утренній холодъ пробѣжалъ по всѣмъ жиламъ. Поежился малороссъ и сталъ потихоньку спускаться съ крыши.

„Что хорошаго принесетъ мнѣ день?“ подумалъ онъ и заснулъ съ этою мыслью, завернувшись съ головою въ свое байковое одѣяло попопу.

III.

Критическое положеніе.

— Эй, тамыръ, вставай! шепнулъ ему на ухо мулла Аллаяръ. — Вставай, да тихонько, безъ шуму.

И онъ сильно потрясъ его за плечо, прикрывъ ему ротъ, на всякій случай, рукою, какъ-бы не вскрикнулъ громко съ про- сонья.

— А, что такое? что случилось? приподнялся Бурченко на локтѣ и сразу догадался, что случилось что-то особенное, далеко изъ ряда вонъ выходящее.

Тревога и сильная озабоченность выражались на умномъ лицѣ Аллаяра. Тревожная бѣготня слышалась и по всему кишлаку.

Яркій разсвѣтъ сквозилъ въ дверныя щели и чертилъ поло- сами шероховатая стѣны сакель. Заглянулъ Бурченко въ одну изъ этихъ щелей. Вся площадка видна была отсюда, большая улица вплоть до самаго поворота. Часть горы противоположной синѣла между двухъ сакель. Ярко-красное пятно такъ и рисо- валось на этомъ синемъ фонѣ.

Всадникъ въ красномъ халатѣ, голова, шея и плечи въ сталь- ной кольчугѣ, держалъ въ рукахъ длинную пику, занесъ ее, оперся тупымъ концемъ въ землю и приготовлялся слѣзть съ коня. Другой всадникъ уже слѣзъ, привязывалъ коня къ концу сухой жерди и зорко глядѣлъ сюда, прямо на ихъ дверь. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось Бурченкѣ, сразу угадавшему: что та- кія за птицы прилетѣли! Еще нѣсколько красныхъ халатовъ вы- сыпали верхами изъ за поворота. За стѣною, словно тонкія камы- шины, качивались пики съ волосяными кистями подъ остриемъ.

— На вотъ тебѣ „балту“ *). Тутъ стѣна тоненькая, всего въ полтора вершка, не больше, сразу проломишь, шепталъ ему Аллаяръ. — Въ дверь тебѣ нельзя выйти—увидать, а тамъ ты на женскую половину попадешь. Проползешь на крыши и въ солому забейся. Тамъ и лежи, пока я не приду. Проворнѣй!

*) Топоръ.

И онъ сунулъ въ руки Бурченко короткій топоръ, а самъ всталъ около двери, положивъ руку на задвижку и нетерпѣливо поглядывая на своего гостя, скоро-ли онъ выберется изъ сакли, указанной ему дорогою.

Съ одного удара топоръ просунулся насквозь. Меньше чѣмъ въ полминуты, Бурченко выломалъ такую дыру, что въ нее могли свободно пролѣзть его широкія плечи. Захвативъ свое оружіе онъ полѣзъ.

— Ай! взвизгнула Акъ-Алма (бѣлое яблоко), молодая жена Аллаяра, замѣтивъ на своемъ дворѣ мужчину, да еще русскаго.

Она была въ одной рубахѣ и расчесывала косы большимъ мѣднымъ гребнемъ.

— Шайтанъ, самъ шайтанъ! закричала „Тилла“ (золотая), другая жена, быстро отвернулась лицомъ къ стѣнѣ и присѣла на корточки.

Двѣ остальные тоже розинули рты, чтобы кричать, да замѣтили въ той-же дырѣ, откуда вылѣзъ *шайтанъ*, строгое лицо Аллаяра и его кулакъ, явно грозившій крикуньямъ, и затихли, недоумывая, что-же такое все это значить?

Быстро перебѣжалъ Бурченко черезъ женскій дворикъ. Большая, желтая, какъ шафранъ, скирда соломы такъ и горѣла, освѣщенная восходящимъ надъ горами солнцемъ. „Русскій кротъ“, вскарабкался къ ней и сталъ поспѣшно зарываться, оставивъ себѣ для наблюденія достаточное отверзгіе.

Только-только во-время успѣлъ спрятаться Бурченко: вся площадь уже была покрыта всадниками.

— Ну, бѣда! Отъ сосѣдняго бека за сборомъ податей пріѣхали, говорилъ, проходя мимо, Джакъ-Оглы.

— Да вѣдь мы уже русскимъ платимъ, мы уже очистились за двѣ трети! протестовалъ кто-то другой.

— И этимъ тоже платить придется. Не заплатимъ—хуже: силой возьмутъ... безъ счету.

„Вотъ оно что!“ подумалъ Бурченко и сталъ пальцемъ ощупывать револьверные стержни—всѣ-ли капсюли на своемъ мѣстѣ. Неровень часъ—понадобится...

Высокій, широкій въ плечахъ мужчина, по типу узбекъ, слѣзъ съ лошади, порасправился не спѣша, молча указаль однимъ кивкомъ своей чалмы мѣсто подъ навѣсомъ и расправиль пальцами свою подстриженную бороду. Два джигита постлали коврикъ на указанное имъ мѣсто и расправили полы его халата, когда онъ грузно усѣлся, сердито поглядывая по сторонамъ, на группы растерявшихся ташъ-огырцевъ.

Это былъ самъ сборщикъ. Ему подали кожаный мѣшокъ, висѣвшій за его сѣдломъ и онъ систематически принялся вытаскивать оттуда письменныя принадлежности и цилиндрическіе сверточки прозрачной, мелко исписанной бумаги.

Красные джигиты, кто конный, кто пѣшій, рыскали уже по всему вишлаку и только человекъ шесть осталось у навѣса, въ видѣ почетной стражи бекскаго сановника.

— Э-ги! откашлялся сборщикъ. — Ну, мулла, здравствуй! какъ тебѣ живется съ новыми сосѣдами? обратился онъ къ Аллаюру, угрюмо стоявшему передъ нимъ и пощипывавшему концы пояса.

— Обижаетъ васъ бѣлыя рубахи, должно быть? Коли что, можете пожаловаться, я передамъ хану и онъ накажетъ русскихъ.

— Угощеніе что-же не приготовили? въ подголоса говорилъ Аллаюру одинъ изъ пріѣзжихъ джигитовъ. — Смотри! вотъ онъ разсердится, — бѣды наживешь!

— Не ждали, потому и не приготовили.

— Не ждали! пропустилъ сквозъ зубы сборщикъ. — Мы васъ нарочно прошедшій годъ не трогали и сбору не брали. Послѣ войны съ русскими ханъ далъ вамъ немного поправиться. Ну, а теперь вотъ пріѣхали... все-ли у тебя готово? Ты вѣдь прежде всегда былъ такой авуратный.

— О чемъ ты спрашиваетъ — я не знаю. Умъ у меня маленькій, не то, что у тебя. Гдѣ мнѣ понять? говорилъ Аллаюръ.

— Сѣдая у тебя борода, а такихъ простыхъ словъ осилить не можешь. Сборъ всѣ, за прошедшій годъ и за нынѣшній, готовъ?

— Не то что готовъ, а и уплочены сполна: у меня и записи есть съ печатями.

— Кому-же ты это платилъ? грозно надвинулъ брови сборщикъ. — Бѣлымъ рубахамъ?

— Да, русскимъ. Подъ кѣмъ живемъ, тому и платимъ. Жили прежде подъ вашимъ ханомъ—вамъ платили, теперь подъ Акъ-пашею состоимъ—ему платимъ.

— А вотъ за то, что платили невѣрнымъ, ханъ вамъ прислалъ неласковое слово и подати за то увеличилъ. Вотъ ты и знай! На, смотри.

Онъ протянулъ Аллаяру развернутую полоску бумаги съ болтающеюся на шелковомъ шнурѣ треугольною печатью изъ зеленого воска.

— Слушай, тюра, взглянулъ на бумагу Аллаяръ.—Ну, твоя сила теперь: можешь все забрать—что видишь, то и забирай, да развѣ это будетъ по правдѣ?

— По правдѣ; зачѣмъ русскимъ передались? усмѣхнулся сборщикъ.

— Въ прошломъ году, когда миръ держали, и отъ русскихъ и отъ васъ высланы были люди. Вмѣстѣ, сообща, землю дѣлили. Вонъ по ту сторону горъ ваше, по эту—къ русскимъ отошло.

— А ты коранъ читаешь? ты вѣдь грамотный?

— Гдѣ мнѣ знать столько, сколько въ твою голову входить!

— Развѣ какіе договоры ведутъ съ невѣрными? Эхъ ты! А еще самъ муллою считаешься! Знаешь, гдѣ русская граница?

— Гдѣ-же, по-твоему?

— А только тамъ, куда достаютъ ихъ пушки. Только то ихнее, гдѣ они солдаты своихъ держать. А сюда когда могутъ придти русскіе, по-твоему?

— А тогда, понурилъ голову Аллаяръ, — когда отъ нашего кишлака одинъ пепель останется.

— Догадливъ, то-то!

— Большой поклонъ тебѣ дѣлаю.

Аллаяръ нагнулся и тронулъ землю пальцами.

— Не жми ты насъ, началъ онъ,—мы люди бѣдные, по два раза одну и ту-же подать платить не подъ силу... Бери съ насъ, что дѣлать, только бери хоть по-меньше.

— Сколько по закону слѣдуетъ, столько и возьмемъ.

— Что законъ? Онъ вѣдь въ твоей волѣ! Что положишь, то такъ и будетъ. Да ужъ за одно еще тебѣ поклонъ: уйми

своихъ джигитовъ. Слышишь, на томъ краю какой крикъ? какъ-бы худа какого не сдѣлали!

— А скорѣй собирай, мы и уѣдемъ. Намъ здѣсь долго дѣлать нечего.

— Да что, къ полудню все будетъ готово, а пока нашимъ хлѣбомъ тебѣ кланяюсь. Не взъщи на угощеніи!

Мулла Аллаяръ посторонился и пропустилъ двухъ парней съ блюдами плова въ рукахъ и мѣшкомъ мелкихъ, желтыхъ, какъ лимоны, мѣстныхъ дынь и другихъ сластей.

— Великій жаръ Аллахъ посылаетъ! смѣнилъ ханскій сборщикъ офиціальнѣе тоны разговора на болѣе частный.

— Я ужь пойду хлопотать, понятился Аллаяръ.

— Не держу! лаконически произнесъ сборщикъ и захрипѣлъ поданнымъ ему тьевянымъ кальяномъ.

Долго лежалъ Бурченко въ соломѣ. Большая половина всего происходившаго ему была видна, какъ на ладони. Близко подходили красные джигиты (визыль-чапанъ) къ соломенному скирду. Одинъ даже легъ повалиться немного, не болѣе, какъ шагахъ въ трехъ отъ спрятавшагося. Была минута, что малороссъ совсѣмъ уже считалъ себя погибшимъ, и чуть-чуть не пустилъ въ ходъ свое оружіе.

„Хорошо, что я въ солому залѣзъ, а не во что другое! думалъ онъ, поглядывая какъ рядомъ разбирались для корма клеверныя кучи.— На солому-то никто не зарится... Э!..“ Онъ вздрогнулъ и высвободилъ руку съ револьверомъ.

Что-то холодное прикоснулось къ его шеѣ.

— Пей, а то сомлѣешь, пожалуй, тихо шепталъ ему женскій голосъ.— Да лежи смирно; можетъ, скоро уѣдутъ.

Бурченко узналъ Наръ-беби, ползкомъ подобравшюся къ его скирду. Женщина протягивала ему кувшинъ съ молокомъ, заткнутой мокрою тряпкою, и сухую лепешку (чурекъ).

Минута была удобная, всѣ джигиты, какъ нарочно, собрались на площадѣ, гдѣ стогали барановъ для податей, и Бурченко успѣлъ благополучно воспользоваться приношеніемъ. Ушла женщина и унесла съ собою пустую посуду.

А съ площадки несся металлическій, тихій звукъ перебираемаго

серебра и мѣди,—это на разостланномъ бѣломъ войлокѣ Аллаяръ вмѣстѣ съ ханскимъ сборщикомъ считали кованы и чеки и раскладывали ихъ въ кучки по десяткамъ и сотнямъ.

Потомъ одежду сносить начали: пятьдесятъ халатовъ простыхъ, бязевыхъ двадцать, верблюжьихъ зимнихъ и двадцать адрасныхъ полосатыхъ. Чуть не со всего кишлака собиралъ Аллаяръ податную одежду и самъ ужъ отъ себя поднесъ сборщику дорогой лисій халатъ, крытый краснымъ сукномъ и вышитый на спинѣ и полахъ шелками и мишурою.

— Якши... Алда-рас-былсыхъ *)! кивнулъ чалмою сборщикъ и, для соблюденія этикета, накинулъ поднесенный халатъ поверхъ своего костюма.

— Носи на здоровье! приложилъ руки къ желудку и потомъ поднесъ ихъ ко лбу и губамъ Аллаяръ, а самъ подумалъ: „чтобы тебѣ провалиться сквозь землю со всею твоею шайкою, чтобы на тебя Шайтанъ-Кайкъ обвалился, когда ты погонишь мимо него нашу скотину, чтобы...“

Далеко перешло за полдень, когда окончился сборъ и джигиты стали приготовляться къ отъѣзду.

Впередъ погнали барановъ и коровъ (кара-маль). Джигиты тупыми концами пикъ подгоняли отстающихъ животныхъ и сбивали ихъ въ кучи. Одинъ только молодой, черный, какъ уголь, бычекъ не хотѣлъ, должно быть, повидать свою родину, злобно косился все на красныхъ джигитовъ и, наконецъ, нагнувъ свою широколобую голову съ кудрявымъ завиткомъ между рогъ, скачками кинулся на ближайшаго всадника.

— Э-гей-кой! крикнулъ джигитъ и поставилъ быку остріе. „Пикадоры! Просто Испанія, да и шабашъ!“ думалъ Бурченко, глядя изъ-подъ скирды на всю эту живую, оригинальную сцену.

Ему почему-то стало очень весело; онъ чувствовалъ, какъ отъ его сердца отваливалось мало-по-малу что-то тяжелое, скверное. Онъ чувствовалъ то, что долженъ чувствовать человекъ, наблюдая, какъ, шагъ за шагомъ, все дальше и дальше удаляется отъ него смертельная опасность.

„Вотъ и самъ толстый сборщикъ поднялся, наконецъ, на но-

*) Хорошо! благодаренъ.

ги; аргамака ему подвели, всть ужь садится... Экъ его подхватываютъ и подсаживаютъ со всѣхъ сторонъ! Сѣлъ, оправился. Аллаяра нѣтъ, онъ ушелъ куда-то. Джанъ-Оглы провожаетъ: такъ и не разгибаетъ спины, все за животъ держится и напутственные пожеланія произноситъ. А, подозвалъ его *тотъ-то*, нагнулся, говоритъ и рукою показываетъ, никакъ сюда!? Нѣтъ, это въ другую совсѣмъ сторону, туда, гдѣ бѣлѣтъ тропа, ведущая къ русскому кургану. Суматоха! Человѣкъ шесть красныхъ дьяволовъ отдѣлились въ сторону, переговариваются о чемъ-то....

— Сюда, скорѣе, спускайся проворнѣй! торопливо шепчетъ сзади самъ Аллаяръ и рукою тянетъ его за нолу рубахи. — „Тинтянь“ (дуракъ) проговорился, искать тебя собираются!

Оглянулся Бурченко, смотреть, на Аллаярѣ лица нѣтъ, даже пожелтѣлъ весь, самъ руками солону сзади спѣшно раскидываетъ.

— Ну, ужь живой не дамся въ руки, да и дешево тоже не обойдется имъ! стиснулъ зубы Бурченко и спустился на женскій дворикъ.

— Уходи лучше; тамъ тебѣ баба лошадь держитъ, не твою, — твоя хороша, да къ нашимъ горамъ не привычна, — а я тебѣ дам моего сѣраго. Будешь гнать, не бей въ бока гвоздями, что къ сапогамъ у тебя прилажены, а гладь по шеѣ рукою да кричи на лѣвое ухо: „гайда, каракъ-баръ“ *)! тогда тебя развѣ вѣтеръ одинъ догонитъ.

За стѣною проскакалъ всадникъ, еще и еще... Собака жалобно завывла, забившись въ канаву: задъ у ней отдавили и чѣмъ-то вдоль спины огрѣли.

— Здѣсь, должно быть, больше некуда ему спрятаться! слышался близко хриплый голосъ желто-глазаго.

Бѣгомъ пробѣжалъ Бурченко черезъ женскій дворикъ, пролѣзъ въ калитку. Женщина, закрывъ лицо накинутымъ на голову халатомъ, „сѣраго“ въ поводу держитъ.

— Ну, прощай! Скоро провѣдаю; живъ буду, дастъ Богъ увидимся! наскоро простился малороссъ съ хозяиномъ и вскочилъ на сѣдло.

*) Уходи, воры!

— Ге-ге-гей! мона-мона (вонъ)! завнли джигиты, едва только бѣлый плащъ „русскаго врата“ мелькнулъ между савель, быстро спускаясь къ лошинѣ, по узкому, кривому переулку.

— Лови, лови! Урь (бей)! послышалось съ другой стороны.

Словно дикая коза, прыгая съ камня на камень, черезъ глиняныя стѣнки, сползал на задѣ съ такой кручи, что въ другое время и пьяному не пришла-бы охота спускаться, неся сѣрый. Онъ чувствовалъ, какъ рука всадника нѣжно гладила по его тонкой, сухой шеѣ. Онъ слышалъ, какъ надъ самымъ его ухомъ хотя и незнакомый голосъ произносилъ знакомыя слова: Гайда, гайда, каракъ-баръ!

Да, хорошо, что Аминъ-Аллаяръ догадался дать ему своего сѣраго: на рыжемъ степнякѣ онъ давно-бы сломалъ себѣ голову и ужъ навѣрное съ первой-же угонки попался-бы въ руки красныхъ халатовъ...

IV.

Старая лисица.

Юлій Бржицицкій принадлежалъ къ числу тѣхъ темныхъ личностей, которыя руководствуются однимъ правиломъ: *ubi bene — ibi patria*. Онъ явился въ Ташкентъ въ то самое время, когда Перловичъ только-что занялъ мѣсто первокласснаго торговаго дѣятели.

Сочувственно отнесся Stanislawъ Матвѣевичъ къ новоприбывшему; не трудно было сообразить, что такая личность, какъ Юлій Бржицицкій, не будетъ ему бесполезна.

Изучивъ въ совершенствѣ, за послѣдніе года своего пребыванія въ Вѣрномъ и Ауль-Ата, мѣстные языки и обычаи, Бржицинскій оказался надежнымъ помощникомъ въ торговыхъ операціяхъ Перловича. Не прошло и года, какъ онъ положительно сталъ правою его рукою. Онъ работалъ не изъ-за жалованья, а изъ извѣстнаго процента въ барышѣ; значитъ, его личные интересы были тѣсно связаны съ интересами его патрона.

— Эка пройда, эка пройда! Кабы нашему такого! говорили про него приващики распадающейся фирмы Хмурова.

— Талейраномъ обзавелись, батенька! заявилъ Перловичу даже самъ генералъ за завтракомъ.

— Землякъ и преданная личность, уклончиво произнесъ Станиславъ Матвѣвичъ.

Появился Лопатинъ на ташкентскомъ торговомъ горизонтѣ. Бржицицкій первый натолкнулъ Перловича на ту идею, что новый дѣятель не можетъ не повредить ихъ дѣлу, монополизированному уже потому, что, съ окончательнымъ паденіемъ Хмурова, остальные мелкіе торговые дѣятели не представляли Перловичу опасной конкуренціи.

Юлій Бржицицкій исчезъ.

— Куда это вы „своего“ командировали? спрашивалъ Иванъ Иларіоновичъ Станислава Матвѣвича, встрѣтившись съ нимъ на туземномъ базарѣ.

— А я его въ Ирбитъ послалъ: мѣха приторговать. Тамъ еще кое-что я затѣвалъ, отвѣчалъ Перловичъ.

Лопатинъ повѣрилъ и не справлялся, да и справки ни къ чему-бы не повели, потому что въ чимкентской почтовой книгѣ значилось, что Бржицицкій уѣхалъ именно на Вѣрный, значить, по сибирскому тракту.

Почтовая телѣжка-гарантасикъ только-что остановилась у навѣса станціоннаго дома. Весь въ бѣлой парусинѣ, съ дорожною сумкою черезъ плечо, запыленный такъ, что невозможно было распознать цвѣта волосъ на головѣ и бородѣ, усталый и нѣсколько разбитый, впрочемъ, несмотря на эту усталость, привѣтливо кругомъ улыбающійся, Юлій Адамовичъ Бржицицкій выдѣзъ изъ повозки, произнесъ: „наконецъ-то!“ — и послалъ сартенка, одного изъ тѣхъ, что толпились у крыльца съ лотками винограда и абрикосовъ, за извожикомъ-долгушкою.

— Съ прїѣздомъ имѣю честь... Долгонько изволили въ отсутствіи находиться, показался на крыльцѣ смотритель изъ отставныхъ казачьихъ офицеровъ.

— Да, таки-поволяжировалъ! перехватилъ Юлій Адамовичъ саквояжъ въ лѣвую руку, чтобы освободить правую для рукопожатія.

— Станиславъ Матвѣевичъ прїѣзжали намедни... очень беспокоились...

— Дѣла, да и далеконько.

— До Иркутска доѣзжать изволили?

— Въ ту сторону... Тамъ никого нѣтъ?

Юлій Адамовичъ кивнулъ на окно общей прїемной комнаты.

— Офицера два изъ Чиназа: казначей съ адъютантомъ, барыня съ ними, — зайдете?

— Нѣтъ ужъ, я слышу... Сюда подкатывай, ближе къ крыльцу. Ребята, помогите-ка.

— Вещи накладывай на дрожки, живо! скомандовалъ смотритель ребятамъ, дюжимъ ящичкамъ-туземцамъ, дремавшимъ на припекѣ у заваленки.

— Иванъ Демьяновичъ вчера приходилъ подъ-вечеръ; справлялся, между прочимъ, не прїѣхали-ли... Прикажете?

Смотритель черкнулъ о подошву своего собственнаго сапога спичкою, замѣтивъ, что прїѣзжій вертѣлъ въ рукахъ только-что обрѣзанную сигару.

Юлій Адамовичъ пристально взглянулъ на смотрителя; тотъ щурился на солнцѣ и прикрывалъ рукою мигающее пламя спички.

— Что это онъ такъ интересуется? произнесъ Бржицицкій, помолчавъ немного. — А онъ самъ давно прїѣхалъ?

— Съ недѣлю будетъ. У нихъ тутъ бѣда стряслась, не изволили слышать?

— Что такое?

Смотритель поспѣшилъ черкнуть другую спичку, потому что первая была потушена неловкимъ движеніемъ Бржицицаго при закуриваніи сигары.

— Караваны лопатинскіе, того-съ, обработали до-чиста: машины и все прочее; кто говоритъ туркменцы, кто говоритъ адаевцы, кто думаетъ, что ни тѣ, ни другіе, а...

— Какія машины?

Бржицицкій повернулся спиною къ собесѣднику. Надо было поправить какой-то ящикъ, слишкомъ свѣсившійся съ дрожекъ.

— А ужъ не знаю доподлинно. Говорятъ, шелкоматальня, прядильня и разныя прочія. На большой капиталъ потеря. — За-городъ или въ караванъ-сарай?

— За-городъ! трогай, братецъ! усѣлся Бржицицкій верхомъ

на дрожки, по-прижавъ чемоданъ колѣномъ, прихватывъ все сверху лѣвою рукою.

— Прощенья просимъ!

Въ углу двора, въ сторонѣ противоположной той, гдѣ находились ворота, стоялъ большой полуразобраннй тарантасъ. На фордекѣ этого тарантаса сидѣлъ красный пѣтухъ, ворочалъ шейю, хохлился, расправлялъ крылья и, повидимому, приготовлялся запѣть; пониже его, на подножкѣ козелъ, сидѣла мохнатая шавка, томно склонивъ голову, высунувъ языкъ на бокъ и бросая на пѣтуха самыя умильные взгляды. Эта-ли сцена или что-нибудь другое такъ увлекло Юлія Адамовича, что тотъ сосредоточилъ все свое вниманіе въ данномъ направленіи и положительно не видѣлъ, какъ въ ворота, навстрѣчу выѣзжавшему экипажу, показалась конская голова, за нею свѣтлое пальто, такая-же свѣтлая шапка, изъ-подъ козырька которой краснѣлись полныя, одутловатая щеки Ивана Демьяновича.

Катушкинъ нисколько не озадачился, встрѣтившись на почтовомъ дворѣ съ Бржицицкимъ; онъ зналъ уже о его пріѣздѣ—ему дали знать съ этой-же станціи, и онъ поспѣшилъ сюда только для того, чтобъ лично удостовѣриться въ этомъ.

— Отвернулся, не глядитъ,—совѣсть не чиста, видимое дѣло улыбнулся онъ, глядя на маневры Юлія Адамовича.

— Потрогивай, братецъ! толкнулъ тотъ въ спину кучера, все еще интересуюся сценою на сломанномъ тарантасѣ.

— Юлій Адамовичъ! сколько лѣтъ!..

Катушкинъ сталъ въ воротахъ, такъ-что дрожкамъ нельзя было миновать его лошадь. Бржицицкій видѣлъ, что избѣжать встрѣчи невозможно.

— А! повернулся онъ въ эту сторону и изобразилъ на лицѣ что-то въ родѣ улыбки.

— А тутъ васъ поджидали! Станиславъ Матвѣевичъ даже захворалъ отъ безпокойства; что это вы такъ замѣшкались? Ну, что Ирбитъ, что новенькаго? Бывалъ я тамъ, давно еще, мальчишкой... Да вы спѣшите, что-ли, куда?

— Да, да, спѣшу! Ну, здѣсь, что, какъ? Все-ли благополучно? Я слышалъ, не знаю, насколько это вѣрно, но еще въ Чемкентѣ...

— Это насчетъ каравановъ нашей фирмы? пристально погля-

дѣлъ Иванъ Демьяновичъ прямо въ глаза Бржизицкаго и тихонько началъ поворачивать лошадь.

— Да, говорили, что-то очень серьезное?.. Трогай-же, братецъ!

Извозчикъ почувствовалъ еще толчекъ въ спину.

— Ничего, пустяки; оно точно, что убытокъ, да супротивъ судьбы нѣшто пойдешь? А, впрочемъ, дѣло маловажное... какъ по чьему, впрочемъ, капиталу. Сегодня вечеромъ, можетъ, по-свободнѣе будетъ—пріѣзжайте къ Тюльпаненфельду, поболтаемъ.

— Не знаю, будетъ-ли время; впрочемъ, меня такъ интересуютъ подробности „этого дѣла“...

— Какого это-съ?

Бржизицкій вскинулъ глазами и усиленно затынулся дымомъ сигары.

„Ишь, пытаетъ!“ подумалъ онъ.

— Да вотъ все насчетъ каравана. Вѣдь этакій, подумаешь, случай!.. Постараюсь быть, постараюсь! До свиданья!

— Прощайте!.. То-то, чай, Станиславъ Матвѣевичъ обрадуется; а онъ, сердечный, сильно осунулся, сильно!

— Что такъ?.. Трогай-же!

— Отъ безпокойства душевнаго, полагаю... Такъ до вечера?

— До вечера!

Дрожки покатались по шоссе. Катускинъ, не вѣзжая во дворъ станціи, повернулъ лошадь и рысцєю поплелся къ дому Ивана Иларіоновича.

Едва онъ отѣхалъ нѣсколько шаговъ, какъ ему навстрѣчу продребезжала еще почтовая повозочка парюж; что-то похожее на узелъ выскочило изъ этой повозочки и подкатилося къ ногамъ его лошади.

— Стой, стой! крикнулъ вслѣдъ Иванъ Демьяновичъ.

— Стой! ревъла басомъ шинель въ повозкѣ, собственноручно хватаясь за возжи.

— Обронили-съ! указалъ на узелъ Катускинъ, взявшись за козырекъ фуражки.

— Покорнѣйше благодарю! самъ во-время замѣтилъ, произнесла шинель, тоже раскланиваясь.

Катускинъ поѣхалъ дальше. Шинель снова усѣлась въ повозку, втащивъ за собою узелъ, и кривнула: „пошелъ!“

Повозка въѣхала во дворъ.

— Эка нынче разносила нелегкая: телѣга за телѣгой! проворчалъ смотритель, глядя въ окно на новаго пріѣзжаго.

— А гдѣ тутъ комната для пріѣзжающихъ? покажи-ка, братецъ!.. Эй, ты, лѣшій, скуластое рыло, тащи чемоданъ! Сюда, что-ли? озирался во все стороны пріѣзжій, видимо не узнавая мѣстности.—Фу ты, дьяволь! ничего не пойму—эка городъ выстроился на пустыряхъ-то, ха-ха!..—Мое почтеніе! Вы здѣшній смотритель?

Опъ замѣтилъ въ дверяхъ форменную фуражку съ кокардою.

— Точно такъ: хорунжій Дрыгинъ! подорожную пожалуйста.

— Сипаковъ, изъ форта Забытаго, по открытому предписанію.

— Проходите въ горницу-съ. Самоваръ потребуется?

— Не дурно-бы... Эка обстроились, эка обстроились! то-есть, ни за что-бы не узналъ... мѣста-бы не узналъ даже!.. Осторожнѣе, братецъ, что объ уголь шаркаешь? видишь—вещь цѣнная!.. Ухъ! фу ты, ну и жара-же!

— Вы, вѣрно, давно не были въ Ташкентѣ? поинтересовался хорунжій Дрыгинъ, входя вмѣстѣ съ пріѣзжимъ въ горницу.

— Съ самаго занятія... я еще изъ черняевскихъ—изъ старыхъ... Да прошу со мною чашку чаю... что-же, право?

— Ежели съ благороднымъ человѣкомъ въ компаніи, притомъ-же по попѣвшему жаркому времени...

— Я, знаете, съ ромомъ... изъ самаго Забытаго везу: „ромъ-головоломъ“ прозывается.

— Да вы веселый! можетъ, на крылечко столикъ вынести?

— На вольномъ воздухѣ? Важно!

Два ямщика принесли столъ, накрыли его чѣмъ-то въ родѣ попки, принесли и самоварчикъ зеленовато-бурый, нечищенный, вѣроятно, тоже съ черняевскихъ временъ. Самоварчикъ этотъ бойко шипѣлъ, посвистывалъ и во все стороны брызгалъ горячимъ паромъ. Усѣлись.

— Въ мое время вотъ и тутъ, и тутъ, и даже тамъ-съ — все это, вѣрите-ли, былъ чистѣйшій пустырь: сакляшки кое-какія татарскія были,—впрочемъ, самая малость, а больше все такъ—пустопорожнее мѣсто... А теперь, ишь ты, вплоть до Салара за-

строилось, и важно застроилось... я проѣзжалъ, видѣлъ. Въ очю чуда, право!

— Соборъ новый воздвигается... Позвольте, я наливать буду?

— Прошу покорно... Видалъ, видалъ, какже! Извоцники, биржа!.. а это что за домики на выѣздѣ?

— Бани громовскія, а правѣе—окружный совѣтъ... Я сливокъ велю подать?

— А вотъ мы этихъ, отъ бѣшеной коровы, хе-хе!

— По казенной надобности или по своей?

— Я-то?

— Да-съ.

— По своей... а, можетъ, и по чьей другой... Еще прошу стаканчикъ, да лейте больше этого-то „головолому“.

— Можно-съ.

— Знаете вы, позвольте васъ спросить, милостивый государь, господина комерсанта Перловича?

Сипаковъ подбоченился, глотнулъ изъ стакана и вопросительно посмотрѣлъ на собесѣдника.

— Какъ не знать! Вы это къ нему?

— Къ нему, да-съ... А не изволите-ли вы, милостивый государь, знать господина Бржицицкаго?

— Юлія Адамовича? какже, и его знаю.

— Юлія Адамовича, вы говорите? — Такъ, литера Ю дѣйствительно: „Ю. Бржицицкій“, такъ, такъ.

— Да, онъ сейчасъ здѣсь былъ. Вы должны были съ нимъ встрѣтиться: только-что передъ вами выѣхалъ.

— Полный такой, круглолицый, весь въ бѣломъ?

— Онъ самый.

— Какже, встрѣтились, точно; любезный господинъ: „оборонили-съ!“ говорить, а я ему: „покорнѣйше благодарю, самъ видѣлъ“. Узелъ тутъ съ тряпьемъ, ящикъ въ повозкѣ дыравый... Какже, встрѣтились. Такъ это онъ самый и есть?

— Да, Юлій Адамовичъ Бржицицкій, повѣренный и компаньонъ Станислава Матвѣевича.

— Гмъ! будемъ знать, каковъ онъ изъ себя видомъ... Пожалуйста еще стаканчикъ!

— Не лишнее-ли? Такъ у васъ къ нимъ и дѣло есть? Что-же, по комерціи или такъ, административное?

Хорунжій Дрыгинъ долго силился, чтобы отчетливо выговорить послѣднее слово, и даже крякнулъ отъ удовольствія, — знай, молю нашихъ!

— А какъ придется. Оно, пожалуй, что коммерческое, а то и до администраціи можетъ коснуться, какъ выгорить... Лейте больше!

— Да вы-то что-же сами? Позвольте-съ, какое-же такое дѣло-съ?

— А такое, что секретности требуетъ,— такъ-то-съ!

— Конфиденціальное-съ! такъ-сказать, инкогнитное... Долей, братъ, самоваръ, да подбавь угольковъ... Развѣ яичницу съ сухарями сработать?

— Не дурно-бы!

— Мы ее, знаете, съ лукомъ...

— Первый сортъ!

— Эй, позови тетку Марью!..— Да мы не переберемся-ли на мою полсвину? А то, знаете, ежели заснешь вплотную...

— Да, оно здѣсь немножко людновато.

— Санъ-фасонисто очень... милости просимъ!.. Фу ты, дьяволь, экъ качнуло!

— Потому „головоломъ“...—Тащи все за нами!

— Пожалуйте напередъ.

— „Обронили-съ“, говоритъ, хе-хе-хе! Политичный человекъ! Сами, молю, знаемъ, покорнѣе благодаримъ!

— Ты слушай, ежели проѣзжающій будетъ или тамъ что еще, такъ чтобы у меня все въ порядкѣ...

Хорунжій Дрыгинъ взглянулъ особенно строго на писарское пальто, наблюдавшее за всею сценою, сдѣлалъ внушительный жестъ, и метнулся къ двери. Синаковъ зашагалъ за нимъ, задръвъ ногою за табуретъ и поваливъ его вмѣстѣ съ лежащимъ на немъ саквозжемъ.

— Ухъ, чуть не забылъ! Подыми, братецъ!.. Вотъ оно тутъ мы его для прочности черезъ плечо, рукою за ушко прихватимъ! „Обронили-съ!“ хе-хе!.. покор...

За стѣной загудѣлъ приближающійся колокольчикъ. Синаковъ и хорунжій Дрыгинъ скрылись за дверями.

— Ежели, паче чаянія, самъ генераль... высунулась-было изъ окна голова Дрыгина.

— Да уж будьте покойны: знаемъ свое дѣло! успокоило его писарское падыто.

ГЛАВА V.

Грозовыя тучи уже надъ головой.

— Вы мнѣ писали объ этомъ. Въ письмѣ, какъ вы сами говорите, сообщались всѣ подробности дѣла. Этого письма здѣсь нѣтъ. Гдѣ оно? Гдѣ оно можетъ быть? Это письмо наша улика, — поймите вы это, Бржизицкій!

Станиславъ Матвѣевичъ остановился передъ своимъ повѣреннымъ и пристально взглянулъ ему прямо въ глаза. Въ этомъ взглядѣ выражался и страхъ, и надежда. Онъ думалъ, онъ былъ почти увѣренъ, что отвѣтъ Бржизицкаго успокоитъ его; стиснувъ зубы, затаивъ дыханіе, онъ ждалъ этого отвѣта съ такимъ точно чувствомъ, съ какимъ приговоренный, стоя уже на эшафотѣ, смотритъ, какъ вскрываютъ только-что сію минуту присланный конвертъ; въ этомъ конвертѣ, можетъ быть...

Можетъ быть, опасность вовсе не такъ велика; можетъ, она только мнимая? пробѣгало у него въ головѣ. — Вотъ сейчасъ Юлій Адамовичъ вынетъ изъ кармана это письмо и скажетъ: „Да вотъ оно, почтеннѣйшій Станиславъ Матвѣевичъ; бросьте его въ каминъ, если угодно, благо онъ такъ жарко топится. И сгорятъ на этихъ красныхъ угольяхъ всѣ эти страшныя улики, отнявшія у васъ сонъ, спокойствіе, сдѣлавшія изъ васъ въ какія-нибудь три недѣли ходячую мумію“.

— Ну что-же?

Перловичъ положилъ руку на плечо Бржизицкаго; тотъ сдѣлалъ невольное движеніе: такое непріятное чувство произвело прикосновеніе этихъ сухихъ, костлявыхъ пальцевъ, холодъ которыхъ ощущался даже сквозь парусину его пальто.

— Потеря или исчезновеніе этого письма для меня новость, и новость весьма непріятная, произнесъ Юлій Адамовичъ.

— Ага!

Перловичъ чуть не отскочилъ назадъ и нервно зашагалъ по комнатѣ.

— Что-же намъ теперь остается дѣлать? ждать, какъ бараны, когда придутъ къ нимъ съ ножомъ? Ждать ареста, суда, потери всего? Письмо это теперь въ рукахъ...

— Оно можетъ не находиться ни въ чьихъ рукахъ. Оно, можетъ быть, потеряно на дорогѣ и уничтожено. Наконецъ, оно могло попасть и въ такія руки, которыхъ намъ опасаться нечего. Во всякомъ случаѣ отчаяваться не слѣдуетъ,—по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока мы не убѣдимся, что письмо попало именно туда, откуда намъ можетъ грозить настоящая опасность.

— Это письмо въ рукахъ Лопатина.

— Почему знать!

— У меня есть проклятое предчувствіе, что оно именно тамъ. Вчера я встрѣтился съ Катужкинымъ, сегодня утромъ я видѣлъ самого Лопатина: эти взгляды, эти намеки... я не могу ихъ переносить!

— Это для насъ было-бы самое худшее.

— Вы говорите такъ покойно. Вы говорите, какъ-будто я не рискую потерять разомъ все—и средства, и...

— Рискуете? И я рискую столько-же, сколько и вы, даже больше.

Юлій Адамовичъ задумался, пошевеливая щипцами уголья въ каминѣ. Онъ даже рукою отмахнулся, когда Перловичъ опять началъ распространяться о своихъ предчувствіяхъ. Озадачило сильно его исчезновеніе этого письма. Вотъ передъ его глазами, застилая черный силуэтъ каминной рѣшетки, стали проходить всѣ подробности дѣла, всѣ эпизоды его разнообразнаго, полного приключеній путешествія „съ коммерческими цѣлями“. Онъ взвѣшивалъ теперь каждый шагъ, каждое положеніе. Онъ соображалъ.

Станиславъ Матвѣевичъ шагаль изъ угла въ уголь; проходя мимо своего повѣреннаго, онъ задерживалъ шагъ, словно хотѣлъ остановиться, пожималъ плечами и нервно ломалъ свои пальцы.

— Да, они напали на слѣдъ, ясно и отчетливо произнесъ Бржицицкій послѣ довольно продолжительнаго молчанія.

— „На слѣдъ“... машинально повторилъ Станиславъ Матвѣевичъ.

— Эта хитрая лисица гналась за мною отъ самыхъ Барсуковъ, говорилъ ровнымъ голосомъ и, повидимому, совершенно спокойно Бржицицкій.— Онъ обнюхалъ всѣ мои слѣды, онъ рыскалъ по

ауламъ и собиралъ свѣденія. Мнѣ нужно было убѣдиться въ этомъ; я нарочно выждалъ его въ Большомъ фортѣ—и убѣдился. Меня не спасло-бы даже переодѣваніе. Со всѣхъ сторонъ оцѣпили дворикъ, мнѣ некуда было дѣться. Меня предупредили поздно и я ушелъ только чудомъ.

Станиславъ Матвѣевичъ пересталъ ходить по комнатамъ, звукъ его шаговъ по ковру прекратился. Бржизницкій поднялъ голову.

— Они искали аптекаря Нигебауера, продолжалъ онъ,—господина съ рыжею бородою, въ синихъ очкахъ. Они не тронули оборваннаго „лаучи“, протазившаго мимо нихъ верблюжье сѣдло на своей спинѣ.

— Аптекаря Нигебауера, вы говорите?

— Да, такъ думали другіе, но эта старая лисица знала, за кѣмъ гонится; я обманулъ ее, я спуталъ свои слѣды такъ, что она потеряла меня изъ вида. Я пробрался на сибирскую дорогу. Катущинъ былъ уже здѣсь, въ Ташкентѣ.

— Онъ пріѣхалъ уже давно?

— Не знаю. Онъ встрѣтилъ меня на станціи, и эта встрѣча не была случайной. Это ясно было видно по всему. Онъ ждалъ меня, ему надо было только видѣть меня, только взглянуть на меня.

— И теперь, когда вы тоже убѣждены, что Лопатинъ знаетъ настоящихъ виновниковъ этого „дѣла“, когда мы уже открыты...

— Я этого не говорилъ.

— Но сейчасъ, сію минуту!

— Они могутъ догадываться, они могутъ знать даже навѣрное, но куда нѣтъ уликъ—нѣтъ и опасности.

— Это письмо...

— Это письмо можетъ намъ только очень дорого стоить. Оно нашихъ рукъ миновать не можетъ.

— Я не понимаю васъ.

— Допустимъ, что вскрывшій это письмо сумѣлъ оцѣнить его значеніе и намѣренъ извлечь изъ него для себя пользу. Прежде всего онъ обратится къ намъ. Кто дастъ ему дороже насъ за его молчаніе? Кто болѣе всего заинтересованъ этимъ? Мы. Это сообразить нетрудно.

— Но до сихъ поръ еще никто не являлся.

— Это меня крайне радуетъ. Можетъ быть, никто и не явит-

ся. Во всякомъ случаѣ, мы будемъ предупреждены во-время. Нельзя-же допустить, чтобы тотъ, въ чьихъ рукахъ находится это письмо, не предпочелъ-бы скорѣе получить отъ насъ хорошія деньги, чѣмъ удовольствоваться какою-нибудь грошевою официальной наградою.

— „Отъ насъ“, повторилъ Перловичъ. Его почему-то покорило отъ этихъ словъ, да и вообще фразы: „мы, наше дѣло, наши средства“—производили на него какое-то весьма непріятное чувство.

— Да, отъ насъ. Что дѣлать, придется, можетъ быть, заплатить, а можетъ быть, и такъ сойдеть; но чтобы отчаиваться и считать все потеряннымъ...

— Вы мнѣ дали этотъ совѣтъ, вы, ссылаясь на свою опытность, увѣрили меня въ полномъ успѣхѣ этой интриги... рѣзко заговорилъ Станиславъ Матвѣевичъ.

— А развѣ мы не успѣли, развѣ мы не достигли того, что намъ нужно, и если-бы только не это письмо...

— Проклятое письмо!

— Сегодня вечеромъ я буду говорить съ Катушкинымъ. Мы условились видѣться съ нимъ у Тюльпаненфельда. Если-бы вы могли подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ поѣхать къ Лопатину, это было-бы тоже очень недурно. Надо постараться выпытать у нихъ все, что только возможно; надо хорошо изучить оружіе своего противника, и я начну это сегодня-же вечеромъ.

— Бржизицкій!

Станиславъ Матвѣевичъ хотѣлъ что-то сказать своему повѣренному, но, должно быть, раздумалъ. Онъ потеръ себѣ лобъ, глотнулъ изъ стакана, въ которомъ, въ чашъ-то розовомъ, плавалъ кусокъ льда, и началъ закуривать сигару.

— Я слушаю, произнесъ Юлій Адамовичъ, не поворачивая головы.

— Видите, я хочу вамъ сказать, предупредить васъ.— (Въ тонѣ голоса Перловича зазвучали нерѣшительныя ноты).— Мнѣ было-бы очень грустно, если-бы вы перетолковали мои слова въ другую сторону.

— Въ чашъ-же дѣло?

— Вы не можете быть настолько наивны, чтобы не знать, что мы оба, то-есть и вы, и я (Перловичъ сдѣлалъ особенное

удареніе на словѣ *сы*), рискуемъ совершенно одинаково. Оба равно виноваты.

— Ну-съ?

— Вы понимаете, что я хочу сказать; я не могу подыскать настоящаго выраженія.

— Говорите прямо. Вы боитесь, чтобы я того... не продалъ васъ, просто-на-просто? Ну, хорошо-съ, откровенность за откровенность. Я пріѣхалъ сюда и сошелся съ вами года два тому назадъ; у меня не было тогда ничего, а теперь я смотрю на ваше дѣло, какъ на свое-собственное, во всѣхъ отношеніяхъ, и, значить, поднимать руки самому на себя мнѣ не приходится.

— Я васъ понялъ, произнесъ Станиславъ Матвѣевичъ и взглянулъ на своего собесѣдника.

Хорошо, что Бржицицкій отвернулся въ это мгновеніе и искалъ свою фуражку, иначе онъ замѣтилъ-бы сколько злости, сколько непримиримой ненависти блеснуло въ этомъ, повидимому, совершенно безжизненномъ, апатичномъ взглядѣ.

— До свиданія пока, поднялся Юлій Адамовичъ. — А хорошо-бы, если-бы вы сегодня-же съѣздили къ Лопатину. Вѣдь у васъ, за это время, до открытаго разрыва не доходило?

— Буду. Вы къ Тюльпаненфельду?

— Да; надо быть акуратнымъ.

И, не протягивая руки хозяину, Бржицицкій вышелъ изъ комнаты, притворилъ за собою дверь, постоялъ минутку, прислушался и, не слѣша, направился по галлерей, тянувшейся съ этой стороны вдоль всего дома Станислава Матвѣевича.

Весь день и вечеръ Перловичъ не выходилъ изъ дома. Поѣзду къ Лопатину подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ, онъ отложилъ до другого дня.

Запершись у себя въ кабинетъ, онъ все время рылся въ книгахъ, считалъ что-то такое, откладывалъ въ сторону разные бумаги и документы, провѣрялъ сосчитанное и снова принимался шелкать костяжками счетовъ. Все это онъ дѣлалъ торопливо, вздрагивая и даже озираясь по сторонамъ при каждомъ неопредѣленномъ стукѣ. Со стороны его можно было-бы скорѣе счесть за что угодно, только ни какъ не за хозяина, занимающагося у себя въ кабинетѣ своими собственными дѣлами.

Массивныя металлическія дверцы негоряемаго шкафа нѣсколько

разъ отворялись и затворялись, безъ шума поворачивался на своихъ ловко прилаженныхъ, смазанныхъ петляхъ.

Съ особеннымъ вниманіемъ Станиславъ Матвѣвичъ отнесся съ довольно увѣсистой пачкѣ наличныхъ денегъ, какъ нарочно вчера только полученныхъ и непущенныхъ еще въ оборотъ; онъ пачку эту положилъ особенно, тщательно уложивъ ее предварительно въ дорожную сумку.

Далеко за полночь возился Станиславъ Матвѣвичъ у себя въ кабинетѣ, наконецъ, кончилъ.

— Если придется бѣжать, то, по крайней мѣрѣ, все будетъ готово, рѣшилъ онъ, кутаясь въ пледъ и ежась отъ несноснаго лихорадочнаго озноба.

Онъ былъ почему-то увѣжденъ, что бѣгство неизбѣжно.

ГЛАВА VI.

Недоразумѣніе.

Въ ресторанѣ Тюльпаненфельда давно уже горѣли его новые канделябры; зажжены были и матовые стеклянныя шарики, развѣшанные на проволкахъ между кустами запыленнаго тутовника вдоль всей наружной рѣшетки. Офиціанты во фракахъ и въ кожаныхъ туземныхъ шароварахъ убирали остатки обѣда съ большого стола посреди залы и мѣняли залитыя виномъ салфетки... Гдѣ-то за стѣною надгрывала шарманка и слышался сильный женскій голосъ, напѣвающій „скажите ей“; въ бильярдной шелкали шары и кряхтѣли игроки, сытыми, переполненными желудками наваливаясь на бильярдные борта... Двое изъ посѣтителей спали въ креслахъ, замаскировавшись газетами, изъ-подъ которыхъ виднѣлись только ноги ихъ въ синихъ панталонахъ съ лампасами и сапогахъ со шпорами. Человѣка три сидѣли въ темнотѣ на балконѣ, гдѣ виднѣлись только красные огоньки ихъ сигаръ, то потухающіе, то разгорающіеся, озарявшіе на мгновеніе щетинистые усы и свѣже-выбритые подбородки... Старшій прикащикъ Тюльпаненфельда сводилъ счеты и, между прочимъ, придерживая пальцемъ то мѣсто, гдѣ останавливался, объяснялъ облокотившемуся на прилавокъ чиновнику, почему, со вчерашняго дня, рюмба обыкновенно

новенной очищенной стала не пять, какъ прежде, а десять копеекъ.

— Такъ это для контроля? недоумѣвалъ чиновникъ.

— Да-съ, для правильности, потому какъ не у всякаго совѣсть въ должной наличности состоитъ...

— Ну вотъ! все народъ благородный...

— Положимъ, а все-таки... Да вотъ, сами знаете, прежнее положеніе—рюмка пять, закуска—пять, итого тѣ-же десять, только порознь... За водкою я усмотрѣть всегда могу, потому графинъ у меня подъ рукою; а тутъ—гдѣ-же? Одинъ вилкою тычетъ, другой тычетъ — посѣтители навалить къ прилавку, гдѣ углядѣть?! Съ него десять слѣдуетъ, а онъ говоритъ только пять: „я, молъ, не закусывалъ“, а гдѣ ужъ тутъ не закусывалъ, коли и прожевать не успѣлъ порядкомъ... Нѣтъ-съ, теперь я знать ничего не хочу. Не въ примѣръ удобнѣе.

— Такъ, такъ...

— Десять копеекъ подай и шабашъ! — Ивану Демьяновичу-съ!

— Здравствуй, братъ, здравствуй! Комнатка желтенькая свободна?

— Пожалуйте-съ!

— Прійдетъ „ляхъ“ — скажи ему, гдѣ я. Да онъ не былъ еще, не показывался?

— Юлій Адамчъ-то? слышалъ, что пріѣхать изволили, а здѣсь еще не были.

— Чайку собрать и красеньяго...—Здравствуйте, батюшка, здравствуйте, наконецъ-то, замѣтилъ Катушкинъ шестой разъ возобновлявшаго свои поклоны чиновника у прилавка.

— Иванъ Иларіоновичъ какъ-съ, въ своемъ здоровьѣ?

— А ничего—что ему дѣлается, Христось съ нимъ!

— Сродственницы какъ?

— Сродственницы? хе-хе! сродственницъ-то этихъ мы скоро того-съ—тю-тю!—Листокъ нинѣшній гдѣ? Да вонъ онъ нивакъ на судкѣ лежитъ? Подай-ка его сюда!

И, захвативъ газету, у которой одинъ уголь былъ уже оторванъ особенно любознательнымъ читателемъ, Иванъ Демьяновичъ бочкомъ поклонился и съ перевальцемъ направился въ угольную.

— Сколько съ меня? полюбопытствовалъ какъ-то вскользь чиновникъ.

— Что кушали?

— Водки очищенной рюмка, этой вотъ, зелененькой, тоже, этой маленькая, вотъ той еще одна и одинъ бутербродъ съ языкомъ.

— Осетрину въ укусъ кушали?

— Нѣтъ, осетрины не ѣлъ.

— Охъ, кушали!

— Одинъ только бутербродъ... Четыре водки и одинъ бутербродъ!

— То-то вотъ оно и есть! Безъ пяточка полтина.

— Запишите тамъ...

Послѣдніе слова были произнесены совсѣмъ уже на-лету. Чиновничья спина, суетливо пробиравшаяся между стульями, виднѣлась уже у самой выходной двери и ступевалась во мракъ.

— Это сукно уже было прорвано, мерзавцы! И здѣсь, и тутъ, и тутъ вотъ еще наклеена заплата, — ишь, мошенники!.. горячилась чей-то баритонъ въ бильярдной.

Недолго пришлось Ивану Демьяновичу дожидаться въ „угольной-желтепкой“: не успѣлъ онъ пробѣжать и перваго столбца „Туркестанскихъ“, какъ въ общей залѣ послышались привѣтственные восклицанія, верадчивый, мягкій голосъ Юлія Адамовича, о чемъ-то освѣдомлявшійся, и фраза: „сюда пожалуйста; проводи барина!“ „Одинъ?“ — „Одни-съ!“ — „Э... гм!“

Вржизицкій развязно вошелъ въ комнату, произнесть: „каюсь, опоздалъ. Добрый вечеръ, colega!“ и еще издали протянуль объ руки, обнаруживая намѣреніе дружески заключить Ивана Демьяновича въ свои объятія.

— Я только-что, только-что передъ вами! оставилъ газету Катускинъ.— Сюда не садитесь: ножка что-то не того... на диванчикъ лучше. Ну, что, какъ патронъ вашъ, въ добромъ-ли все порядкѣ найти изволили?

— Все какъ должно: что хорошо, что дурно. Въ контору забѣгалъ, дѣла о подрядахъ просматриваль... Вы намъ съ ва-шимъ-то немного... сомше-са!

Бржизицкій наглядно изобразилъ ногою, какъ даютъ подножку.

— Дѣло торговое!

— То-то торговое! вы-бы меня подождали, а то двое на одного рады навалиться!

— Извините-съ: Иванъ Иларіоновичъ все одинъ орудовалъ, своимъ собственно только умомъ, потому я былъ въ отлучкѣ.

— Куда-же это вы вояжировали? крайне озадачился Юлій Адамовичъ.

„Ишь прикидывается, каналья“, подумалъ Иванъ Демьяновичъ. — За мамзелью командированъ былъ, а потомъ по стени колесилъ по случаю этой огази.

— Да, да, слышалъ, еще на дорогѣ слышалъ. Скажите, весьма любопытно! И какъ все это вышло? рассказывайте.

Бржизицкій даже ближе немного подвинулся, такъ ужъ ему было любопытно. Поглядѣлъ искоса Катускинъ на своего „колегу“: смотреть такъ просто, ложечкой въ стаканѣ помѣшиваетъ, сахарцу подложилъ кусочекъ, бестія!

— Да что рассказывать: чай, сами все хорошо знаете! нежданно произнесъ онъ, да такъ и воззрился на своего собесѣдника, какъ ястребъ на закопшвшуюся въ живѣ перепелку.

— Позвольте, у васъ муха въ стаканѣ, качнулся къ самому столу Бржизицкій и тщательно принялся ловить ее на кончикъ своей ложечки.

— Откуда-же мнѣ знать? спокойно произнесъ онъ, окончивъ эту операцію.

— Откуда-съ? повторилъ Катускинъ, сдѣлавъ значительную паузу и добавилъ: — хоть изъ газетъ, положимъ; чай, все уже давно описано въ листкѣ-то.

— Не читаль.

— Да-съ, дѣла! такой, я вамъ доложу, непредвидѣнный пассажъ, что только развѣ наша фирма и могла выдержать. Все было кругомъ покойно, ничего худого не слышно. Четыре каравана въ Бухару передъ нами прошли благополучно, а тутъ—на-кось! Симсона знаете?

— Какого Симсона?

— Не знаете?—гм! Англичанинъ, машинистъ. Да, позвольте, вѣдь вы еще съ нимъ въ Самарѣ, въ „Златокрыломъ Лебедѣ“ разговаривали.

— Я?! я васъ не понимаю. Я, въ Самарѣ?!

Бржилицкій передернулъ плечами съ видомъ полнѣйшаго недоумѣнія.

— Фу-ты! Все я забываю, что вы въ Ирбитѣ ѣздили. Мнѣ показалось... чортъ знаетъ, что это мнѣ показалось. А тутъ еще Симсонъ покойникъ говорилъ мнѣ, будто видѣлъ васъ. Да-съ, убили бѣднягу, ухлопали сердечнаго! такъ ни за что сгибъ парень; коли-бы его еще въ полонъ повели, ну, еще-бы ничего: нашъ выручилъ-бы, денегъ не пожалѣлъ-бы, выкупилъ; а тутъ, безъ всякаго проку, самымъ разбойничьимъ манеромъ... Да и не одинъ Симсонъ.

— Кто-же еще? закашлялся Бржилицкій, быстро поднялся и отошелъ въ уголъ, гдѣ стояла плевальница.

Не то посмѣиваясь, не то просто шурясь, глядѣлъ Иванъ Демьяновичъ на эту спину и плечи, вздрагивающія отъ какого-то подозрительнаго кашля.

„Покусываетъ!“ подмигнулъ онъ однимъ глазомъ, словно въ комнатахъ былъ еще кто-нибудь третій.

„Пытка, это пытка! процѣдилъ сквозь зубы Бржилицкій.— Онъ все знаетъ. Онъ убѣжденъ теперь вполнѣ, и если-бы только улика, хотя какая-нибудь улика...“

Онъ вздрогнулъ и быстро обернулся. Дверь пріотворилась какъ-то очень подозрительно, оттуда выглянула незнакомая фізіономія, кашлянула легонько и опять скрылась. Въ головѣ Бржилицкаго мелькнула мысль о западнѣ, объ арестѣ.

— Ну что-же? вѣроятно, было слѣдствіе; открыли что-нибудь? говорилъ Бржилицкій слишкомъ уже спокойнымъ голосомъ, снова подходя къ столу.

— Все открыли. Что надо было, то все открыли! произнесъ Иванъ Демьяновичъ, потирая руки и не спуская своихъ прищуренныхъ глазъ съ лица Бржилицкаго.

Положеніе Юлія Адамовича было невыносимое. Въ его мозгу копошилось страшное подозрѣніе: неужели это письмо у него въ рукахъ? Этотъ рѣшительный тонъ, эта увѣренность...

Опять скрипнула дверь; опять мелькнуло тамъ что-то воин-

ственное. Бржицицкій невольно покосился на открытое окно, откуда лѣзли въ комнату запыленные вѣтви. Онъ чувствовалъ, что начинаетъ теряться, онъ чувствовалъ потребность перевести свободно духъ, оправиться. Ему предстояла схватка, а онъ былъ къ ней такъ мало подготовленъ. Противникъ оказался гораздо сильнѣе, чѣмъ предполагалось.

— То-есть вотъ какъ! продолжалъ въ томъ-же тонѣ Иванъ Демьяновичъ. — Все дѣло теперь, какъ на ладони. Недаромъ сороеъ восемь дней по степи рыскалъ, за то вотъ-съ...

Онъ протянулъ руку впередъ, почти къ самому лицу Бржицицаго, и сжалъ въ кулакъ.

— Все тутъ! Такъ-то-съ!

— Дай Богъ, дай Богъ!

— Ровно знакомый кто-то? присмотрѣлся Иванъ Демьяновичъ черезъ плечо Бржицицаго къ еще разъ пріотворившейся двери. — Въ Большомъ фортѣ встрѣтилъ я. — Куда-же это вы?

— Я сейчасъ, на одну минуту: портеягаръ въ пальто.

Бржицицкій быстро поднялся и вышелъ изъ комнаты. Сюртукъ шарахнулся отъ двери, пропустилъ мимо себя стремительно пронесшагося Юлія Адамовича, подумалъ немного, пощупалъ что-то въ грудномъ карманѣ своего сюртука, откашлялся основательно и шагнулъ черезъ порогъ.

— Мое почтеніе-съ! началъ Сипаковъ.

— Здравствуйте! произнесъ Батушкинъ, узнавъ, наконецъ, встреченнаго имъ сегодня утромъ пріѣзжаго.

— Имѣя крайнюю надобность въ личномъ объясненіи, я покорнѣйше прошу удѣлить мнѣ нѣсколько времени для онаго. Сипаковъ, имѣю честь рекомендоваться; пріѣхалъ изъ форта Забытаго!

— Что прикажете-съ?

Сипаковъ стоялъ въ той позѣ, въ какой обыкновенно являются къ начальству съ докладомъ, только на фізіономіи его выражалась не та изысканная, доведенная до крайнихъ предѣловъ почтительность, а что-то себѣ на умѣ. Его осовѣлые немногo глаза, его усы, лихо закрученные помадою съ воскомъ, эти шевелящіяся морщинки на вискахъ такъ вотъ и говорили: „а какъ я тебя, любезный, сейчасъ передергивать стану, держись!“

— Съ господиномъ Бржицицкимъ имѣю честь говорить?

Иванъ Демьяновичъ пристально посмотрѣлъ на капитана и отвѣтилъ не съ разу.

— Да вамъ что угодно? предпочелъ онъ, немного помолчавъ, эту уклончивую форму.

— Не блаугодно-ли будетъ устроить обстановку такъ, чтобы намъ не могли помѣшать. Господинъ, что сейчасъ вышелъ, общалъ скоро вернуться, а дѣло такое, что всякій посторонній...

— Подождите четверть часика въ сосѣдней горницѣ; я сейчасъ къ вашимъ услугамъ, заинтересовался Иванъ Демьяновичъ и не безъ досады посмотрѣлъ на дверь, въ которую снова долженъ былъ войти Юлій Адамовичъ.

— Буду ожидать. Я здѣсь налѣво, сейчасъ у крайняго столика.

— Очень хорошо-съ.

Сипаковъ вышелъ.

Катушкинъ началъ соображать.

„Бржизицкій сегодня только пріѣхалъ, этотъ тоже. Очевидно, они другъ друга не знаютъ. Хочетъ что-то сообщить; видимо, дѣло важное. А ну, какъ?..“

Иванъ Демьяновичъ даже на диванъ заерзалъ отъ нетерпѣнія.

Въ дверяхъ появился Павлушка официантъ.

— Юлій Адамовичъ... началъ-было онъ во все горло.

— Тс! говори тише.

— Юлій Адамовичъ просили извинить-съ: нездоровье какое-то приключилось; взяли дрожжи и домой поѣхали... договорилъ Павлушка совсѣмъ ужъ шопотомъ.

— Домой уѣхалъ, гм... Это вѣрно?

— Самъ видѣлъ-съ. Я имъ еще фуражечку на крыльцо вынесъ. Съли и поѣхали, говорятъ: поди, моль, скажи...

— Ну, ладно, проси господина, что былъ здѣсь сейчасъ.

— Э, гм!.. откашлялся за дверями Сипаковъ.

— Пожалуйте-съ!

Иванъ Демьяновичъ сдѣлалъ рукою пригласительный жестъ. Сипаковъ собственноручно заперъ за официантомъ дверь и даже поискалъ глазами крючка или какой-нибудь задвижки.

— Къ вашимъ услугамъ, привсталъ Катушкинъ.

— Это тоже, позвольте-съ... все вѣрнѣе будетъ; а то тутъ народъ, я вамъ доложу, чуткій!

«Дѣло», № 9.

Сипаковъ направился къ окну и тоже тщательно прихлопнул его, хотѣлъ-было притворить даже каминную дверцу, да должно быть раздумалъ.

— Видите-ли въ чемъ дѣло-съ, началъ онъ, присѣвъ на стуль.—Люди вы это богатые, съ капиталомъ, я-же человѣкъ маленькій, кромѣ жалованья ничего не имѣю...

„Вотъ тебѣ разъ, никакъ, просто-на-просто, на бѣдность просить пришелъ?“ подумалъ-было Катушкинъ.

— Не приобрѣтете-ли вы у меня одинъ документикъ?

— Какой документъ?

— Акція такая, что ни на одной биржѣ не появлялась еще, а на охотника ежели—большихъ денегъ стоитъ.

— Ну-съ?

Катушкинъ смотрѣлъ на Сипакова, Сипаковъ на Катушкина. Первый недоумѣвалъ, въ чемъ дѣло, второй, видимо, собирался, что-называется, огоршить.

„Вѣдь и не сморгнешь!“ подумалъ Сипаковъ, запуская руку за пазуху.—Да что тутъ долго тянуть. Это вотъ видали-съ? извольте прочитатъ.

И Сипаковъ, вытащивъ изъ кармана акуратно сложенный большой листъ, четко и крупно исписанный, подалъ его Ивану Демьяновичу.

Молча взявъ въ руки Катушкинъ бумагу, развернулъ ее и началъ читать, подвинувши къ себѣ канделябръ поближе. Сипаковъ наблюдалъ за читавшимъ, поглядывая черезъ верхній край развернутаго листа.

Лихорадка начала трясти лопатинскаго повѣреннаго при чтеніи этого документа, пальцы впивались въ прыгающій передъ глазами листъ и оставляли на немъ потныя пятна.

— Э, гм! откашлялся Катушкинъ и, не отрывая глазъ отъ строкъ, ощупавъ дрожавшею рукою стаканъ и жадно глотнулъ изъ него раза два. У него въ горлѣ все пересохло и даже въ глазахъ зарябило отъ сильнаго прилива крови.

„Разобрало!“ замѣчалъ Сипаковъ все измѣненія на широкомъ, побагровѣвшемъ лицѣ читавшаго.

Катушкинъ снова принялся перечитывать.

— Это не его рука, это копія! произнесъ онъ и самъ не узнавъ своего голоса.

— Копія-сь, улыбнулся Сипаковъ.—А вы думали, вамъ оригиналь-то, документъ самый, такъ и вручать сразу? Мы то же не ногой сморкаемся...

— Письмо это съ вами, настоящее?

— А тамъ какъ прійдется... пока въ немъ не предстоитъ надобности. Вотъ мы, какъ слѣдуетъ порядочнымъ людямъ, потолкуемъ, въ цѣнѣ сойдемся, а тамъ изъ руки въ руки...

— Однако вы изъ ловкихъ.

— По простотѣ-сь.

— Какую цѣну желательно вамъ получить за это письмо?

— А какъ вы полагаете?

— Гдѣ вы его взяли?

— Невидимо Господь снискалъ свою милостью.

— Дѣло, знаете, вышло серьезное... Что намъ тутъ въ трактирѣ рѣшать! Не поѣдемъ-ли мы лучше къ моему хозяину: совмѣстно и порѣшимъ? Можетъ, и кончимъ сразу... вѣрадиво началъ Катускинъ.

— Если вы насчетъ чего такого замышляете, такъ это напрасно, потому со мною вы ничего не подѣлаете иначе, какъ по доброму согласію. Письма со мною въ наличности нѣтъ; гдѣ оно находится,—вамъ не будетъ извѣстно.

— Напрасно беспокоитесь. Силой отъ васъ ничего отнимать не будутъ, а потому больше, что много удобнѣе... Угодно-сь?

— Что-же, поѣдемъ; за-городомъ живете, я слышалъ?

— Въ самомъ центрѣ-сь... пожалуйста.—Павлушка, къ счету приспособь! кивнулъ Иванъ Демьяновичъ на столъ и, прихвативъ Сипакова подъ локоть, направился къ двери.

Ужъ очень онъ боялся выпустить изъ руки такъ неожиданно появившагося Сипакова. Онъ даже нарочно чернымъ ходомъ прошелъ съ нимъ, чтобы не встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь въ залахъ ресторана.

— И притомъ позвольте предупредить... я не совсѣмъ съ пустыми руками... уперся-было капитанъ.

— Э, батюшка! махнулъ рукою Иванъ Демьяновичъ.—Поддай, долгушка! крикнулъ онъ, когда имъ въ лицо пахнуло свѣжестью ночного воздуха, и тотчасъ-же попятился назадъ, на крыльцо,—такъ неистово хлынули на него со всѣхъ сторонъ на-

летѣвшія изъ мрака конскія морды, подъ самыми разнообразными дугами.

— Легче вы, черти! отмахнулся Сипаковъ.

— Садитесь, милости просимъ, приглашалъ его Катушкинъ, поправляя рваную полосатую подушку, изъ-подъ которой торчала солома.

Сѣли и тронулись.

„Что за оказія, думалъ хорунжій Дрыгинъ, разбуженный стучкомъ шаговъ и голосами въ сосѣдней комнатѣ, которую занялъ для себя пріѣзжій изъ форта Забытаго.—Вдвоемъ пріѣхали, шепчутся о чемъ-то. А ну-ко!..“ И хорунжій, въ одномъ бѣльѣ, босикомъ, вылѣзъ изъ-подъ своего ватнаго одѣяла, тихонько подобрался къ двери, да такъ и впился въ свѣтящуюся сердцеобразной звѣздочкой замочную скважину.

А пріѣзжій только-что проводилъ Ивана Демьяновича и въ десятый разъ говорилъ: „Владѣйте на здоровье. Топите ихъ, разбойниковъ, что ихъ баловать“, на что Иванъ Демьяновичъ отвѣчалъ: „а вы, родной, богатѣйте съ нашей легкой руки: вѣдь тысяча-то рублей большія деньги—съ ними чего-чего нельзя подѣлать умному человѣку, страсть!“

— Ишь-ты! облизнулся за дверями хорунжій Дрыгинъ.

— Ну, баня! глубоко вздохнулъ Сипаковъ, оставшись одинъ, и сѣлъ пересчитывать полученную отъ Ивана Демьяновича пачку.

Онъ все еще не могъ придти въ себя отъ всего, что случилось съ нимъ въ этотъ вечеръ.

„Продешевилъ, продешевилъ! соображалъ онъ, припоминая, какъ они пріѣхали къ Лопатину, какъ его огорошило то обстоятельство, что Юлій Адамовичъ Вржицкій оказался Иваномъ Демьяновичемъ Катушкинымъ. На попятный-было, да нельзя: судомъ припугнули, даромъ-бы все пропало!—Да-съ, влопался... и какъ это я могъ ошибиться? Онъ самый, какъ хорунжій, бестія, сказывалъ намеренно, такъ и есть: изъ себя полный, въ бѣломъ парусинномъ пальто, только-что со станціи сѣхалъ... эка дьявольщина!“

— Ну, куда ни шло: и тысяча—деньги. А все жаль! много-бы больше дали, если-бы на настоящихъ покупателей попалъ,— жаль! Да и народъ-же какой акуратный: все на-чистоту, изъ рукъ въ руки... Ты ему письмо, онъ тебѣ деньги. Травленные волки!.. Те! что за лѣшій!

Подъ дверями послышался шорохъ и что-то въ родѣ сопѣнія.

Послѣшно собралъ свои деньги Сипаковъ, акуратно обернулъ ихъ листомъ сахарной бумаги, обвязалъ веревочкою и уложилъ въ себѣ за пазуху. Потомъ онъ прислушался еще немного; шорохъ не повторился. Задулъ свѣчу капитагъ, раздѣлся, обернулся лицомъ въ уголъ и началъ въ потьмахъ отвѣшивать земные поклонны.

VII.

«Потому — шабашъ!»

Со дня ночной сцены въ саду прошла уже почти цѣлая недѣля. Иванъ Иларіоновичъ не разу не показывался на дамской половинѣ. Онъ даже избѣгалъ возможности показываться на глаза кому-нибудь изъ ея обитательницъ.

Съ самаго утра онъ, обыкновенно, или уѣзжалъ на весь день въ свои караванъ-сарай, или-же запирался съ Катушкинымъ въ кабинетъ. Даже завѣтная дверь изъ кабинета въ спальню Адели была заперта на ключъ и завѣшана массивнымъ ковромъ.

Недавно онъ получилъ записку, подписанную, впрочемъ, Фридерикою Казиміровою. Въ этой запискѣ умоляли его придти выслушать объясненія, — объясненія, которыя и для него были-бы весьма полезны. Въ этой запискѣ увѣдомляли его, что Адель очень дурно себя чувствуетъ, что она такъ разстроена, и сама Фридерика Казиміровна, какъ мать, хорошо знающая дсихическую натуру своей дочери, не можетъ ручаться, что болѣзнь эта не приметъ серьезные размѣры, если положеніе дѣлъ не измѣнится. Въ заключеніе дружески пожималась почтенная рука уважаемаго Ивана Иларіоновича и высказывались надежды, что по полученіи этой записки... и прочая, и прочая; Лопатинъ не отвѣчалъ на эту записку. Иванъ Демьяновичъ, уже отъ себя, зайдя передъ вечеромъ, сообщилъ,

что напрасно-моль беспокоятъ Ивана Иларіоновича: „потому—шабашъ!“

— Но вѣдь онъ думаетъ... онъ убѣжденъ! пыталась-было madame Брозе удержатъ раскланивающагося Катюшкина, и даже за рукавъ его прихватила.

— Напрасно и вы беспокоитесь изволите, потому что Иванъ Иларіоновичъ, хотя и порѣшилъ, чтобы всю это исторію кончить, однако, обиды вамъ никакой не сдѣлаютъ, и все какъ должно: на проѣздъ обратно и прочее вознагражденіе...

— Уйдите вонъ! ворвалась въ эту минуту Адель, слышавшая изъ своей комнаты эти переговоры, „скажите этому старому дураку...“

Но Иванъ Демьяновичъ уже не слышалъ остального. Онъ ша-рахнулся назадъ въ двери и нисколько не поинтересовался узнать, что такое поручали ему передать „старому дураку“?

„Хе, хе! „старому дураку!“ посмѣивался онъ, шагая черезъ дворникъ къ себѣ во флигель.— Не знаете вы этого стараго дурака! Конечно, отъ сильнаго чувства, особенно ежели не легко дается, можно въ разстройство свою сообразительность привести, но при должномъ охлажденіи, къ тому-же добрый совѣтъ со стороны... покажетъ вамъ себя этотъ „старый дуракъ“ совсѣмъ въ иномъ видѣ“.

— Пѣшкомъ пойду! ни одной его тряпки, ничего изъ этой дряни не возьму съ собою!.. металась по комнатамъ Адель въ истерическомъ припадкѣ, разшвыривая разнообразныя футлярчики и бездѣлушки, стоявшіе на туалетѣ и шифоньеркахъ.

— А дочка, благоразуміе! Молю тебя о благоразуміи! бѣгала за нею со стаканомъ въ рукахъ Фридерика Казиміровна, подбирая на ходу разбросанныя вещи и припрятывая ихъ въ болѣе благонадежное мѣсто.

— Послѣ всего этого... послѣ такихъ оскорбленій, чтобы я отъ него, хотя-бы одну копейку... рыдала Адель, падая на кушетку.

— Но вѣдь согласись сама: вѣдь онъ обязанъ обезпечить! обняла ее за талію madame Брозе.— Вѣдь это вовсе не какая-нибудь милость съ его стороны, не подаваніе: это должно... и если только онъ...

— Ничего мнѣ не надо, ничего!

— Ахъ, Адочка! Ну, положимъ, слава Богу, что все это обошлось безъ послѣдствій,—ну, а если-бы?..

И она сдѣлала округленный жестъ передъ своимъ желудкомъ.

— Я-бы тогда отравилась... повѣсилась... утопилась... я-бы тогда...

— Адочка, темнѣеть, скоро ночь, а ты говоришь такія ужасныя слова...

— Старый проклятый сатиръ! нервно вздрогнула и съежилась на кушеткѣ Адель, припоминая, вѣроятно, что-нибудь ужь очень неприятное.

Фридерика Казиміровна вздохнула очень глубоко и продолжительно, зѣвнула въ руку, подняла еще одинъ бархатный, яйцо-видный футлярчикъ, попавшій ей подъ ногу, и полѣзла осторожно на стулъ, придерживаясь за шнуры драпировки.

Она нашла необходимымъ зажечь лампадеу передъ образомъ и нѣжнымъ, разслабленнымъ голосомъ попросила дочь подать ей китайскую вазочку со спичками.

На другой день Адель, утомленная слезами и истерическими припадками, еще крѣпко спала у себя на постели, какъ въ дверь кто-то легонько стукнулъ, подождалъ и еще стукнулъ, нѣсколько громче.

— Кто тамъ? прислушалась Фридерика Казиміровна.

— Письмецо отъ Ивана Иларіоновича и послочка, говорилъ за дверь голосъ Катюшкина.

— Ахъ, Иванъ Демьяновичъ, подождите минутку, я сейчасъ, заторопилась Фридерика Казиміровна и торопливо начала одѣваться.

— Ничего-съ, подождемъ: время имѣется, успокоительно произнесъ лопатинскій повѣренный, и слышно было, какъ онъ задвигалъ креслами, рассчитывая, вѣроятно, на довольно продолжительное ожиданіе.

Фридерика Казиміровна хотѣла-было сначала разбудить Адель, но раздумала и притворила даже плотнѣе дверь ея спальни.

„Только мѣшать будетъ своими сценами“, рѣшила она, на-

скоро проводя растушкой по своимъ бровямъ и ловко изображая въ углахъ глазъ черныя, весьма эффектные точки.

— Мнѣ такъ, право, совѣстно, говорила она, наводя на затылокъ ручное зеркальце и невольно морщась (такъ много видѣлось тамъ чего-то серебристаго).

— Не торопитесь! Что-же, коли въ окраску пойдетъ—нельзя тоже, чтобы скоро, дѣло извѣстное! шутливо говорилъ Иванъ Демьяновичъ.

Фридерика Казиміровна нисколько не обидѣлась этимъ замѣчаніемъ, хотя кончики ея ушей побагровѣли мгновенно.

Немедленно повѣшенное на дверную ручку полотенце закрыло отверстіе замка и Иванъ Демьяновичъ принужденъ былъ прервать дальнѣйшія наблюденія.

— Ну-съ, какія вѣсти вы принесли намъ? произнесла madame Брозе, одною рукою принимая пакетъ, а другою любезно приглашая Катуськина переступить черезъ порогъ.

— Самыя прекрасныя! извольте прочесть, сосчитать, получить и росписаться въ полученіи онаго вотъ въ этой книжечкѣ...

— Что-же это такое? удивилась Фридерика Казиміровна.—Садитесь!

Катуськинъ оглянулся кругомъ, покосился на дверь спальни Адели, прислушался, сообразилъ, что барышня, должно быть, еще почиваютъ, и, произнеся шепотомъ: „покорнѣйше благодарю-съ“, на цыпочкахъ подошелъ къ дивану и осторожно опустился.

Madame Брозе начала читать.

— Это къ дочери? остановилась-было она и взглянула на Ивана Демьяновича.

— Все единственно-съ, привсталъ немного тотъ,—читайте!

„Милостивая государыня Адель Александровна!“ читала madame Брозе, забѣгая глазами впередъ, такъ—ужь ее заинтересовало содержаніе полученнаго посланія.

„Года два тому назадъ я имѣлъ „несчастіе“ познакомиться съ вами. Извините, что я употребилъ именно это выраженіе; могло-бы быть совершенно наоборотъ, но случилось такъ, что это выраженіе для меня совершенно умѣстно.

„Ваша наружность произвела на меня такое впечатлѣніе, что я, несмотря на свои лѣта, несмотря на то громадное разстоя-

ніе (я говорю про возрастъ), которое находилось между нами, я полюбилъ васъ; я не могъ сладить съ своею страстью, я сталъ искать сближенія,—это было очень смѣшно, очень, пожалуй, гадко, но вотъ мои оправданія:

„Предложить вамъ свою руку я не могъ, по причинамъ, вамъ хорошо извѣстнымъ; добиваться отъ васъ любви, такой, конечно, которая-бы отвѣчала моей, было-бы существомъ нелѣпностью; нелѣпность эту я могъ себѣ представить, даже несмотря на мое ослѣпленіе. Я рассчитывалъ только на одно: вы были въ крайнемъ положеніи, вы были почти нищія (положимъ, вы лично еще не успѣли испытать тяжесть этого положенія), но у меня не хватило духу подвергнуть васъ этому, и я спасъ васъ въ послѣднюю уже, крайнюю минуту. Вы были обставлены комфортомъ, ласкою, предупредительностью, самымъ внимательнымъ попеченіемъ. Всѣ ваши капризы, прихоти исполнялись почти безпрекословно. Вамъ обѣщалась вся эта обстановка и впредь. Я полагалъ, я былъ такъ недалководивѣнъ, что смѣлъ рассчитывать, что вы способны, наконецъ, привязаться къ человѣку, отъ котораго все это исходило. Сперва, думаю, чувство благодарности и признательности, затѣмъ, моль, и другое, конечно, не страстное, но спокойное чувство привязанности. Къ тому-же, признаться вамъ сказать, и ваша маменька поддерживала меня именно въ томъ пріятномъ заблужденіи, увѣряя меня, что эту-то привязанность вы ко мнѣ и питаете, только высказывать сего не желаете, по причинѣ, моль, вашего капризнаго характера...“

Фридерика Казиміровна, дочка до этого мѣста, подумала немного и тщательно зачеркнула перомъ послѣднія строки.

Письмо Лопатина проходило, такъ-сказать, черезъ ея, материнскую, пензюру.

„Къ несчастію, продолжала она читать, — я имѣлъ много данныхъ,—я уже не говорю о послѣднемъ пассажѣ,—убѣдиться мало-по-малу, что о подобной привязанности не можетъ быть и рѣчи; мало того-съ: съ каждымъ разомъ, когда я былъ съ вами, я видѣлъ, что у васъ растетъ и растетъ другое чувство,—чувство крайняго ко мнѣ отвращенія и ненависти.

„Повѣрьте, я умѣлъ понять, въ какомъ ужасномъ положеніи находились вы, когда... И если я не могъ сладить съ своею страстью въ данную минуту, то въ другое время, при должномъ,

хладнокровномъ взвѣшиваніи всѣхъ обстоятельствъ, при добромъ совѣтѣ со стороны...“

Фридерика Казиміровна не совсѣмъ-то ласково вскинула глазами на Ивана Демьяновича. Тотъ въ эту минуту спокойно подлавливалъ рукою какую-то зелененькую мушку, летавшую надъ его лысиною.

„Я пришелъ къ тому заключенію, результатомъ котораго явилось это письмо.“

„Ну-съ, родная моя, поѣзжайте съ Богомъ обратно въ Питеръ; будьте счастливы, коли встрѣтите челоуѣка по душѣ, а Иванъ Иларіоновичъ свое дѣло тоже знать будетъ. Извѣстное обезпеченіе, подробно изложенное въ приложенномъ при семъ документѣ, будетъ высылаться вамъ акуратно... Насчетъ обратнаго пути тоже все устроено и данъ будетъ вамъ, какъ и тотъ разъ, надежный провожатый.“

„Прощайте и не поминайте лихоу, а коли что понадобится, то всегда помните, что я къ вашимъ услугамъ. Маменьку вашу мнѣ, признаться, видѣть не желательно: ужъ очень она мнѣ не по сердцу за ея ложь, двуличность и всякія пакости (насчетъ послѣдняго пассажа мнѣ тоже все какъ слѣдуетъ извѣстно). Съ вами-же лично проститься мнѣ-бы очень хотѣлось. А впрочемъ, какъ вамъ Господь на душу положить“.

Опять заиграло перо въ пухлой рукѣ Фридерики Казиміровны; на этотъ разъ съ несравненно большимъ ожесточеніемъ.

„За симъ остаюсь. Все тотъ-же самый Иванъ Лопатинъ“.

„P. S. Считаю долгомъ заявить вамъ, что, по случаю кончины супруги моей (я на прошлой еще недѣлѣ получилъ о семъ извѣщеніе), по прошествіи узаконеннаго траурнаго времени, намѣревался я скрѣпить все законнымъ бракомъ съ вами, но, при вашихъ чувствахъ ко мнѣ, оное счелъ немислимымъ“.

У Фридерики Казиміровны въ глазахъ позеленѣло; она даже не замѣтила, что послѣднія слова были написаны совсѣмъ другимъ почеркомъ; она даже не замѣтила легонькой улыбочки, промелькнувшей на довольномъ лицѣ Катускина, когда тотъ замѣтилъ, какое впечатлѣніе произвела его приписка, сдѣланная, впрочемъ, безъ вѣдома Ивана Иларіоновича.

— Гдѣ-же росписаться, вы говорили? тожно спросила та-

Madame Брозе, окончивъ чтеніе и прикладывая платокъ къ своимъ покраснѣвшимъ глазамъ.

— А вотъ книжечка-съ! Тутъ уже все приготовлено. Черкните только-съ званіе, имя, отчество и фамилію вашу; извольте писать: по сему... вотъ и все-съ! окончилъ онъ диктовку, глядя черезъ плечо на еле разборчивую, волнообразную строчку, изобрѣтенную дрожащей рукою Фридерики Казиміровны.

— Прощенія просимъ-съ. День отъѣзда Иванъ Иларіоновичъ просили назначить какъ вамъ будетъ угодно, только чтобы дня за два ихъ увѣдомить, для соотвѣтственнаго по сему распоряженія. Счастливо оставаться!

И Иванъ Демьяновичъ, захвативъ разносную книжечку, бочкомъ направился къ выходной двери.

Фридерика Казиміровна еще разъ тщательно процenzуровала письмо, загерла конвертъ съ деньгами и документомъ къ себѣ въ бюро и пошла въ спальню Адели.

Красавица-дочь крѣпко спала, разметавшись въ своей взбудораженной постели; ея сухія губы были раскрыты и оттуда вылетало горячее, не совсѣмъ здоровое дыханіе; щеки сонной горѣли, какъ въ огнѣ. Свѣча на ночномъ столикѣ, видимо, не была потушена и догорѣла сама собою. На полу, у постели, валялась закрытая книга.

Madame Брозе положила письмо на столикъ, на видное мѣсто, и разбудила свою дочь самымъ нѣжнымъ, самымъ искреннимъ материнскимъ поцѣлуемъ.

Н. Карзинъ.

(Продолженіе будетъ.)

С Н О В И Д Ъ Н Ь Е.

Пригрезилась ты мнѣ прошедшую ночь,
Глядѣла мнѣ въ очи ты съ нѣжной улыбкой, —
И страсти порывъ я не могъ превозмочь,
Я вѣрноп сжалъ станъ твой красивый и гибкій.

Но грустно склонивши головку свою
Ко мнѣ на плечо, ты шептала мнѣ съ жаромъ:
«Я жить не хочу въ этомъ мертвомъ краю,
«Мой умъ, мои силы здѣсь тратятся даромъ...

«Минуты не медля, сейчасъ я бѣгу,
«На вѣки простаясь съ этой дикой страной;
«Не вѣрить любви я твоей не могу:
«Я знаю, мой путь ты раздѣлишь со мною...»

...И вотъ къ намъ красавцевъ-коней подвели,
На нихъ мы вскочили, — почувявши волю,
Отъ радости ржали они и несли
Безъ отдыха насъ по широкому полю.

Но шибче и шибче мы гнали коней,
Послышались грома глухіе раскаты,
Беззвѣздная ночь становилась чернѣй,
Дождь полилъ; и страхомъ невольнымъ объятый,

Я думалъ: по волѣ капризной судьбы,
Куда мы стремимся? — не знаемъ и сами...
Вдругъ бѣшено конь твой взвился на дыбы:
Бездонная пропасть зіяла предъ нами.

Испуганный конь и дрожалъ, и храпѣлъ,
И землю отъ гнѣва взрывалъ онъ копытомъ;
Я вымолвить слова тебѣ не успѣлъ,
Когда въ нетерпѣнны, движеньемъ сердитымъ

Вонзила ты шпоры коню своему.
 «Впередъ!» приказалъ ему голосъ твой страстный;
 Конь сдѣлалъ ужасный скачекъ—и во тьму
 Онъ ринулся храбро, несчастный!...

И вскорѣ раздался мучительный стонъ,
 Одинъ и другой разъ еще повторился
 С лабѣй и слабѣй все, и замеръ вдругъ онъ...
 И тутъ, наконецъ, я отъ сна пробудился!..

...Мнѣ сонъ этотъ, другъ мой, напомнилъ твою
 Всю горькую жизнь, безотрадную долю,
 Въ глуши прозябая, въ пустынномъ краю,
 Къ акъ птичка изъ клѣтки рвалась ты на волю...

Туда, гдѣ свободная жизнь, какъ волна,
 Клокочеть, кипитъ, всей душой ты стремилась;
 Завѣтныхъ надеждъ и желаній полна,
 Ты въ городъ шумномъ, большомъ очутилась...

И вотъ началась изъ-за жизни борьба, —
 За силы свои ты могла поручиться:
 Ты тѣломъ и духомъ была не слаба;
 И стала ты много работать, учиться...

Годъ минулъ. Подъ ношей тяжелой труда
 Одной, безъ поддержки, пришлось тебѣ жутко...
 А тутъ неудачи, невзгоды, нужда...
 Ты начала чахнуть, хирѣть не на шутку.

Всѣ свѣтлыя грезы твои, всѣ стремленья, мечты
 Слѣпая судьба безпощадно разбила...
 Жестокихъ мученій не вынесла ты —
 И скоро могила тебя приютила!..

...И лучше гораздо, что ты умерла:
 Настало теперь очень *трудное время* —
 Подъ гнетомъ всей массы царящаго зла
 И жизнь намъ не въ жизнь, а тяжелое бремя...

Петръ Выковъ.

ОЧЕРКИ НОВОЙ ИСПАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

„А вы что придумали для блага человѣчества?“ поддразнивалъ Вольтеръ современныхъ ему французовъ, которыхъ онъ, ради пущей оскорбительности, называетъ даже не французами, а *сельщами*.

Если-бы иной зоилъ обратился съ подобнымъ-же вопросомъ къ испанской націи, то она была-бы поставлена въ непріятную необходимость дать приблизительно такой отвѣтъ: „мы придумали *autos da-fé* и братство *иезуитовъ*; придумали государственный деспотизмъ à la Филиппъ II, т. е. деспотизмъ такой, который самъ для себя служить цѣлью, и держится опираясь на инквизицію, которая искусно эксплуатируетъ рѣшительно все въ пользу католицизма, и изо всего этого сплетаетъ одну неразрывную политическо-духовную сѣть и этою сѣтью, какъ тисками, обхватываетъ испанскую націю. Мы придумали то единство церкви и государства, которыми столь недавно еще похвалялся донъ-Салюстьянъ Олозага, вождь прогрессистовъ, и которое повсюду признается за наиболѣе дѣйствительный тормазъ всякаго политическаго, соціальнаго и умственнаго развитія“. Въ итогъ, по весьма распространенному мнѣнію, испанская нація придумала для блага человѣчества даже не нуль, а нѣсколько величинъ, весьма уважительныхъ въ отрицательномъ смыслѣ. За то и достается-же ей отъ историковъ и публицистовъ, особливо-же протестантскихъ, которые и по нынѣшній день не могутъ забыть ей герцога Альбу въ Нидерландахъ; поздравленія мадридскаго двора Карлу IX по случаю варфоломеевской ночи; войны или, точнѣе, бойни Филиппа II за инквизицію въ Аррагоніи, которая столь упорно не хотѣла признать совместиости этого учрежденія со своими пресловутыми *fuegos y libertades* (феодалными и муниципальными вольностями и льготами),

и т. п. При такихъ историческихъ заслугахъ Испаніи, Гизо можетъ показаться черезъ-чуръ милостивымъ, когда онъ говоритъ, что историкъ, занимающійся развитіемъ европейской цивилизаціи, можетъ очень удобно даже не поминать и самаго имени Испаніи. Бокль относится къ ней еще строже. Вотъ къ какимъ мрачнымъ заключеніямъ приводитъ его обзоръ „умственного развитія Испаніи съ V до половины XIX столѣтія“ вклучительно:

„Чувство слѣпago уничтоженія, принявшее форму унижительнаго и позорнаго раболѣпія, составляетъ главный и существенный порокъ испанскаго народа. Идея свободы вымерла въ Испаніи, если только можно сказать, что она когда-либо существовала тамъ въ настоящемъ своемъ значеніи. Народъ былъ часто распущенъ, но не былъ свободенъ. Въ немъ сохранилась еще та особенность, которая заставляетъ предпочитать случайное неповиновеніе систематической свободѣ...“

„Въ связи съ этими склонностями ума, и какъ-бы составною ихъ частью, является здѣсь благоговѣніе къ древности и необычайное упорство въ старыхъ мнѣніяхъ, старыхъ вѣрованіяхъ и старыхъ обычаяхъ, напоминающія намъ тропическія цивилизаціи, процвѣтавшія въ древнія времена. Довольные своимъ древнимъ наслѣдіемъ, испанцы были исключены изъ великаго европейскаго движенія, которое распространило свое всеулучшающее вліяніе даже на такія варварскія страны, какъ Турція... Между тѣмъ, какъ среди общаго шума и возбужденія общественный духъ, склоняясь то туда, то сюда, колеблется и волнуется,—Испанія спитъ, безмятежная, беззаботная, вялая, не воспринимаетъ впечатлѣній отъ остальнаго міра и сама не производитъ на него впечатлѣній. Тамъ, на далекомъ краю континента, лежитъ она, какъ громадная мертвая масса, какъ единственный представитель средне-вѣковыхъ чувствъ и понятій. И, что хуже всего, она довольна своимъ положеніемъ...“

Исторія одного имени Испаніи составляетъ исторію почти всѣхъ невзгодъ, къ какимъ способенъ родъ человѣческій. Результатъ всей этой исторіи, по Боклю, выходитъ тотъ, что „наперекоръ усиліямъ цѣлаго ряда правительствъ, наперекоръ вліянію иностранныхъ обычаевъ и наперекоръ физическимъ улучшеніямъ, которыя касаются только поверхности общества и не могутъ проникнуть внутрь его,—нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ національ-

наго прогресса; положеніе духовенства скорѣе упрочивается, нежели ослабляется, малѣйшее нападеніе на него возмущаетъ народъ, между тѣмъ какъ ни развратность испанскаго духовенства, ни недостатки правителей Испаніи въ нынѣшнемъ столѣтіи не въ состояніи были ослабить ни суевѣрія, ни раболѣпія, которыя соединенною силою нѣсколькихъ столѣтій вѣзались въ умы и вѣзли въ сердца испанцевъ“.

Въ заключеніе знаменитый историкъ говоритъ: „*все это отдѣляетъ Испанію отъ цивилизованнаго міра и дѣлаетъ улучшения въ странѣ невозможными*“ („Исторія цивилизаціи въ Англіи“, т. II, вып. 1 и 2-й, С.-Петербургъ, 1864 г.).

Подобное огуловое осужденіе цѣлой страны и цѣлаго народа по справедливости можетъ быть названо отлученіемъ отъ цивилизаціи, историческою анафемою. Что Испанія, своимъ вмѣшательствомъ въ европейскія дѣла при первыхъ своихъ Габсбургахъ, можетъ возбуждать негодованіе въ протестантски-либеральномъ историкѣ,—объ этомъ мы спорить не станемъ. Что Бокль въ своемъ очеркѣ „умственного развитія Испаніи“, особливо въ позднѣйшемъ ея историческомъ періодѣ, уклоняется отъ роли безпристрастнаго оцѣнщика историческихъ явленій, что онъ самъ относительно Испаніи платитъ дань предрасудкамъ,—принимаетъ за дѣйствительность призраки и фантомы,—это, по нашему мнѣнію, тоже не можетъ составить предметъ спора, послѣ того, какъ мы видѣли хоть и неудачную, по примѣру всѣхъ предъидущихъ, но очень назидательную во многихъ отношеніяхъ революцію 1868 г. Можно ли серьезно вѣрить въ то, что намъ говорятъ про клерикальный фанатизмъ испанскихъ народныхъ массъ, когда хунты маленькихъ городковъ являлись инициаторами введенія гражданскихъ браковъ *); когда конфискація церковныхъ имуществъ не встрѣтила со стороны этихъ массъ даже того сопротивленія, которое встрѣтила эта правительственная мѣра со стороны сельскаго населенія, на примѣръ, Италіи, которую никто не считаетъ странюю косности и застоя; когда многочисленныя толпы горцевъ Сьерра-Морены стекались, на митинги, въ Кордовѣ, собиравшіеся въ помѣщеніяхъ, только-что отнятыхъ у церковныхъ орденовъ, и т. п.?

*) См. «Поѣздка въ Испанію», въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1869 г.

Мы, впрочемъ, вовсе не намѣрены брать на себя реабилитацію Испаніи, которую самыя ея обитатели, при всемъ своемъ классическомъ самообольщеніи и самообожаніи, считаютъ странною отпѣтою въ политическомъ отношеніи. „El suelo y el cielo es bueno, — такъ характеризуетъ Испанію мѣстная народная поговорка, — el entra suelo y cielo muy malo“ („Небо и земля хороши; то-же, что между землею и небомъ, никуда не годится“). Причина этой негодности точно также удовлетворительно объясняется здѣшней народною мудростью. Извѣстно, что когда Сант-Яго, повровитель Испаніи, предсталъ передъ престоломъ Всевышняго и сталъ просить у него всякихъ благъ для своей родины, Господь даровалъ ему все: и благораствореніе воздухонъ, и плодородіе почвы, и богатство всякихъ естественныхъ произведеній. Когда-же угодникъ, неудовлетворенный щедростью этихъ даровъ, заикнулся о хорошемъ правительствѣ, то Богъ отказалъ ему наотрѣзъ: „кто-же захотѣлъ-бы жить въ раю спросилъ онъ его — если-бы въ Испаніи было хоть сколько-нибудь сносное правительство?“

Вокль утверждаетъ, будто въ Испаніи всѣ благія начинанія правительства фатально разбиваются о косность, фанатизмъ и невѣжество народныхъ массъ. Мы-же полагаемъ, что испанская масса несколько не хуже французской, нѣмецкой и всякой иной массы. Правда, іезуиты и инквизиція умѣли ловко пользоваться для своихъ цѣлей дурными качествами испанской массы и, конечно, не только не останавливали ихъ развитія, а напротивъ, постоянно возбуждали и раздражали ихъ. Габсбургскія и бурбонскія правительства, одинаково опиравшіяся на инквизицію и клерикаловъ, естественно должны были держаться той-же политики въ отношеніи народныхъ массъ, какой держались ихъ союзники. И въ другихъ странахъ клерикальное господство приводило къ событіямъ, аналогичнымъ съ испанскими. Достаточно вспомнить варфоломеевскую ночь во Франціи, дѣятельность іезуитовъ въ Парагваѣ, боины въ Германіи во время войнъ Реформаціи и пр.

Мавританское завоеваніе Испаніи несомнѣнно оказало большое вліяніе на развитіе характера испанскаго народа и отразилось на характерѣ его политическихъ учрежденій. Когда мы судимъ теперь объ испанскомъ халифатѣ по остаткамъ великолѣпныхъ дворцовъ Альгамбры, очаровательнаго севильскаго Алькасара, Кордуанской мечети и т. п., когда мы принимаемъ во вниманіе ту громадную услугу, кото-

рую завоеваніе это несомнѣнно оказало общеевропейской цивилизаціи, когда мы сравниваемъ богатство и промышленную силу арабской Испаніи съ нищетою и неурядицею, которою надѣлили эту страну ея короли-освободители, начиная съ севильскаго дона Педро, прозваннаго жестокииъ, и кончая доньею Изабеллою, когда-то прозывавшеюся либеральною, — то мы готовы, пожалуй, даже съ точки зрѣнія самого испанскаго народа, пожалѣть о томъ, что короли эти тратили столько силъ и крови на освобожденіе, кажущееся хуже самой неволи. Однако, безъ особенной эрудиціи и безъ особеннаго усилія воображенія можно себя представить тѣ тягости и невзгоды, которыя долженъ былъ выносить испанскій народъ для того, чтобы дать своимъ арабскимъ завоевателямъ возможность удивить отдаленное потомство всякаго рода архитектурными, научными и художественными чудесами.

„Жизнь арабскихъ халифатовъ въ Испаніи, говорили мы въ другомъ мѣстѣ, — сложилась при довольно исключительныхъ условіяхъ, хорошо всѣмъ извѣстныхъ и недопускающихъ примѣненія къ ней тѣхъ обыкновенныхъ мѣрокъ, которыми мы совершенно вправѣ измѣрять жизнь и развитіе другихъ государствъ и обществъ. Гонимые непріютностію своей родины и жаромъ религиозной пронаганды, эти сыны пустыни добрались до одного изъ блаженнѣйшихъ уголковъ земного шара, населеннаго жалкими рабами мелкихъ феодаловъ, которые даже въ минуту самой грозной опасности не умѣли соединить противъ общаго врага свои разрозненныя силы. Раздавивъ этихъ ничтожныхъ противниковъ и овладѣвъ ихъ землею, мавры обращаютъ ее очень скоро въ земной рай, дѣлаютъ изъ нея не только сказочно-роскошный садъ и дворецъ для своихъ халифовъ, но и богатую житницу, дѣятельную мастерскую, пепиньерку просвѣщенія для всей Европы“.

„Величіе арабской цивилизаціи въ Испаніи выказывается не одною только постройкою волшебнороскошныхъ дворцовъ и мечетей, но еще болѣе тѣмъ, что никто не умѣлъ такъ удачно, какъ мавры, пользоваться природными богатствами этой страны; удѣляя изъ нихъ львиную часть въ пользу немногихъ избранниковъ, мавры оставляли, однакожь, и для массъ такую долю благъ земныхъ, какою онѣ съ тѣхъ поръ никогда не пользовались. Отрицательною стороною этой цивилизаціи было отношеніе побѣдителей къ побѣжденнымъ, обращенныхъ въ рабовъ. Неудивительно, что рано

или поздно эта сторона заявила себя, и дѣйствительныя страданія научили испанцевъ тому, чему не могла научить ихъ грозившая опасность, такъ что они низвергли, наконецъ, зданіе, созданное ихъ потомъ и кровью подъ бичемъ мусульманина.

„Въ угнетенномъ первомъ, наиболѣе естественное и наиболѣе законное желаніе—избавиться отъ гнета. Неудивительно, что угнетенные маврахи испанскіе христіане отказываются отъ всякихъ свойственныхъ человѣку стремленій, отдають себя, какъ безотвѣтный, сырой матеріалъ, въ руки каждаго, кто беретъ выработать изъ нихъ военную машину на погибель и истребленіе ненавистныхъ враговъ. Мало-по-малу начинаютъ слагаться такія машины сперва въ небольшихъ размѣрахъ: это севильское, кастильское, аррагонское королевства. Затѣмъ онѣ сливаются въ одну. Врагъ пораженъ, уничтоженъ, угнетенъ въ свою очередь. Местъ была ужасна и равна оскорбленію. Краснорѣчивъ, напрімѣръ, хоть такой фактъ: Сельмапворъ заставилъ христіанскихъ плѣнниковъ перенести на собственныхъ плечахъ колокола Сант-Яго Компостельскаго изъ Галисіи въ Кордову. Король Фердинандъ Святой, найдя эти колокола въ кордуанской мечети, заставилъ точно такимъ-же образомъ плѣнныхъ мавровъ перенести ихъ обратно. Впрочемъ, все, что вытерпѣли мавры отъ испанцевъ въ послѣдующее время гоненія, при Филипахъ, достаточно краснорѣчиво само по себѣ и по немъ легко заключить о томъ, какова была жестокость побѣдителей въ первое время побѣды, когда остервененіе еще не успѣло пройти. По свирѣпой отместкѣ можно, въ свою очередь, судить и о томъ, каково было оскорбленіе, вызвавшее такую отплату.

Остановивъ напоръ мавровъ, Испанія этимъ оказала Европѣ немаловажную услугу. Послуживъ грунтомъ для зданія арабской цивилизаціи, испанскій народъ заплатилъ тѣмъ извѣстную дань общему дѣлу историческаго развитія.

Однакожь, и то, и другое досталось испанскому народу вовсе не даромъ. Освобожденіе, какъ это часто бываетъ, обошлось дороже самого пораженія. Для достиженія его пришлось гипертрофировать до крайности объединяющія функціи общественности, пришлось жертвовать самыми законными человѣческими стремленіями ради созданія сильнаго боевого механизма. Единство государства и церкви тяжело отозвалось на исторіи испанскаго народа,

но въ самомъ этомъ единствѣ историкъ едва-ли позволительно видѣть плодъ будто-бы африканскаго, стихійнаго фанатизма испанскихъ массъ: оно являлось необходимымъ орудіемъ и, вѣстѣ, результатомъ борьбы за освобожденіе отъ мусульманскаго ига, поглощающей всю историческую жизнь Испаніи въ средніе вѣка.

При самомъ выходѣ изъ боевого періода испанская централизація даритъ Европу открытіемъ Америки. При наслѣдникѣ Фердинанда католическаго, Карлѣ V, вся Европа заимствуетъ у Испаніи ея идеаль государственной централизаціи и единства.

Этимъ, однакожь, и заканчивается блестящій періодъ испанской исторіи, ея несомнѣнно благодѣтельнаго вліянія на судьбы своихъ европейскихъ сосѣдей. Когда задача національнаго освобожденія и объединенія окончена, боевой механизмъ, созданный для борьбы, по настоящему не имѣетъ уже законнаго повода къ дальнѣйшему существованію. Однакожь, освободители вовсе не намѣрены разставаться съ властью, хотя имъ и предстоитъ выдержать новую жестокую борьбу, но уже не съ врагами христіанства, а съ тѣми самыми христіанами, которыхъ они только что освободили. Неправильно утверждаютъ историки, увѣряющіе, будто испанскій народъ безъ сопротивленія, съ раболѣпствомъ и слѣпою покорностью, соглашается на уничтоженіе своихъ правъ и его-же усліями прибрѣтенной свободы. Изъ многочисленныхъ народныхъ или муниципальныхъ возстаній, которыя пришлось подавлять Карлу V и Филипу II, особенно упорнымъ и энергическимъ характеромъ отличается борьба Аррагоніи за свои *fueros* у *libertades* и противъ учрежденія въ Аррагоніи инквизиціи. Тотъ упадокъ, который и въ настоящее время еще замѣчается въ Аррагоніи въ значительной степени есть дѣло этой борьбы, закончившейся, какъ извѣстно, торжествомъ централизаціи.

Послѣ этого наступаетъ время инквизиціи, время постепеннаго упадка Испаніи, — такое время, когда всѣ національныя силы приносились въ жертву влерикальнымъ притязаніямъ, когда ставились преграды просвѣщенію и всякому проявленію независимой мысли.

Наполеоновскія войны послужили для всѣхъ европейскихъ государствъ какъ-бы сигналомъ для болѣе или менѣе рѣшительнаго разрыва съ тѣми формами политическаго быта, которыя выработаны ими въ средніе вѣка; съ вѣнскаго конгресса начинается въ

общевропейской исторіи эпоха конституціонализма. Испанія не только не отстаетъ отъ другихъ европейскихъ державъ въ дѣлѣ усвоенія себѣ конституціонной идеи, а занимаетъ въ ихъ ряду одно изъ передовыхъ, блестящихъ мѣстъ. Испанская конституція служитъ для французскихъ и итальянскихъ либераловъ образцомъ, и дѣйствительно она оказывается совершеннѣе и буржуазной хартии Луи-Филиппа, и пьемонтскаго статута Карла-Альберта, изданныхъ уже много лѣтъ спустя. Пренная правительственная форма въ Испаніи послѣ нашествія Наполеона I не выживаетъ и пяти лѣтъ: Фердинандъ VII вынужденъ принять эту образцовую конституцію. Французское вмѣшательство реставрируетъ его вновь въ смыслѣ неограниченнаго государя, но не надолго. Съ тѣхъ поръ политическія декорации мѣняются здѣсь съ баснословною быстротою. Возведеніемъ на престолъ четырнадцати-лѣтней дочери Фердинанда VII, Изабеллы, нынѣшней экс-королевы, съ либеральною диктатурою Эспартеро, прозваннаго дон-Кихотомъ конституціонализма, въ Испаніи окончательно упрочивается конституціонный порядокъ.

Мы далеки отъ намѣренія излагать здѣсь исторію Испаніи, и всего менѣе ея парламентарную исторію, отличающуюся слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстнымъ характеромъ путаницы и неурядицы, часто съ весьма кровавымъ и постоянно съ милитаристическимъ оттѣнкомъ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что общевропейскій парламентаризмъ первой половины текущаго столѣтія, пересаженный на испанскую почву, не принесъ утѣшительныхъ плодовъ. Но ошибочно было-бы утверждать, будто Испанія заимствовала у европейской цивилизаціи одну только внѣшнюю форму, а не самую идею представительнаго образа правленія. Сущность парламентаризма или конституціонализма, въ его теоретической, абстрактной формѣ, заключается, какъ извѣстно, въ поставленіи центральной государственной власти подъ контрольъ націи. Избирательный цензъ служить при этомъ опредѣленіемъ тѣхъ элементовъ народонаселенія, которые предполагаются способными къ подобному контролюванію. Первоначально, пока еще представительный образъ правленія былъ новинкою въ нашемъ политическомъ мірѣ, избирательному цензу придавали очень большое значеніе. Консервативное, осторожное міровоззрѣніе настаивало на удержаніи ценза, и часто даже высокаго, изъ опасенія, чтобы массы народонаселенія, по ихъ мнѣнію недозрѣвшія до самоуправленія и до способ-

ности контролированія правительственныхъ дѣйствій, не оказали своего вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ. Міровоззрѣніе либеральное, напротивъ того, ратовало за пониженіе избирательнаго ценза или за совершенное его упраздненіе, изъ боязни, чтобы національное представительство, оставаясь достояніемъ только избранныхъ частей народонаселенія, не преобразилось въ сословную привилегію. Нѣсколько десятковъ лѣтъ парламентской практики, однакъ, показали, что опасенія и тѣхъ, и другихъ довольно неосновательны. Есть ли нѣтъ избирательный цензъ, благодѣяніемъ представительства въ дѣйствительности могутъ воспользоваться только тѣ національные элементы, которые уже пришли къ политическому самосознанію, обособились и имѣютъ болѣе или менѣе опредѣленную и ясную политическую программу. А такъ-какъ только что перечисленные атрибуты политической зрѣлости нигдѣ въ Европѣ не составляютъ принадлежности цѣлой націи, а только отдѣльныхъ ея группъ или сословій, то и парламентаризмъ или представительное правленіе повсюду въ Европѣ перешло въ управленіе націи такими группами или сословіями. Въ Англіи такихъ сословій два: земельные лорды и буржуазія; и англійскій парламентаризмъ получилъ соотвѣтственный этой двойственности дуалистическій характеръ. Во Франціи на томъ-же самомъ основаніи парламентаризмъ обратился въ самодержавное владѣтельство третьяго сословія. Въ Испаніи средняго сословія нѣтъ въ общепотребительномъ значеніи этого слова. Изъ 6¹/₂ милліоновъ испанскихъ производителей, 4¹/₂ милліона земледѣльцевъ и только 600,000 (безъ малаго) человекъ показаны въ статистикѣ, какъ занимающіеся ремеслами и торговлею *). При общей цифрѣ народонаселенія въ 15 милліоновъ, здѣсь нельзя насчитать пяти городовъ съ населеніемъ въ 100,000 человекъ. За то элементъ чиновничества, военнаго и штатскаго, играетъ въ Испаніи такую значительную роль, какой ему еще нигдѣ не удавалось играть на земномъ шарѣ. При полномъ почти отсутствіи въ Испаніи всякихъ путей, на которыхъ человекъ, получившій нѣкоторое образованіе, могъ-бы производительно употребить свои силы, вся масса народонаселенія, избавленная отъ необходимости добывать свой хлѣбъ тяжелою матеріальною работою, наполняетъ собою канце-

*) «Resena estadística», Firmin Cavallero, 1862.

лярин и министерства или-же идти въ военную службу. Такимъ образомъ, военное и штатское чиновничество, равно обособленное и отъ аристократическаго, и отъ плебейскаго сословія, является здѣсь какъ-бы суррогатомъ французской буржуазіи. Становясь въ Испаніи милитаристическимъ (эта партія представляется въ кортесахъ такъ-называемою *Union Liberal*) или бюрократическимъ (партія эта имѣетъ во главѣ древняго Эспартеро и уже упомятаго выше дон-Салюстьяна Олосагу), испанскій парламентаризмъ остается вполнѣ вѣренъ своей идеѣ.

Въ какой мѣрѣ испанская разновидность парламентаризма способна надѣлать страну сколько-нибудь состоятельными политическими и гражданскими формами? — На этотъ вопросъ въ значительной мѣрѣ уже отвѣтила испанская исторія за послѣдніе нѣсколько десятковъ лѣтъ. Но для насъ собственно важно не это. Мы хотѣли показать, что мысль о совершенномъ изолированіи Испаніи отъ Европы кажется намъ абсолютно невѣрною. Испанія, переживъ тяжелые вѣка отчужденія, разорвала со своимъ средневѣковымъ строемъ въ то-же самое время, какъ и остальные европейскія государства (да и то не всѣ, а только передовыя изъ нихъ) и выступила на новую дорогу. Она, точно также какъ и другія европейскія государства, ищетъ своего спасенія въ принципѣ представительнаго образа правленія. Принципъ этотъ она беретъ изъ той общей вѣкъ народамъ сокровищницы, которую мы называемъ европейскою цивилизаціею. Въ заключеніе, — точно также какъ и другія европейскія государства, хотя и съ нѣкоторымъ своеобразнымъ оттѣнкомъ, — она не находитъ требуемаго спасенія въ этомъ пресловутомъ и либеральномъ принципѣ.

Мы очень удобно можемъ оставить безъ возраженія вышеприведенное мнѣніе Гизо будто въ исторіи общеевропейской цивилизаціи незачѣмъ упоминать даже самаго имени Испаніи. Мы, правда, не совсѣмъ понимаемъ, какимъ образомъ историкъ цивилизаціи Европы можетъ умолчать о маврахъ; объ открытіи Америки; о централизованной дѣятельности Карла V, враждебной протестантизму и муниципально-буржуазному началу, но весьма многозначительной съ точки зрѣнія развитія демократически-государственнаго идеала? Какимъ образомъ историкъ, въ особенности французскій, обойдетъ, напримѣръ, испанскую драматическую литературу, столь долго служившую классическимъ образцомъ для дру-

гихъ романскихъ литературъ и, черезъ ихъ посредство, оказавшую весьма рѣшительное вліяніе на всѣ безъ исключенія европейскія литературы? Мы положительно убѣждены, что реалистическая сатира и нравоописательный романъ, сдѣлавшіеся повсюду за послѣднее время преобладающею беллетристическою формою, ведутъ свое начало отъ „дон-Кихота“.—Но, вознамѣрившись представить читателю рядъ очерковъ новой испанской литературы, мы не могли предварительно не показать, что послѣднее пятидесятилѣтіе испанской исторіи (къ которому относятся наши литературные очерки), насквозь пронизанно вовсе не двухсмысленнымъ стремленіемъ усвоить себѣ плоды европейской мысли; такъ-сказать, приобщить Испанію къ обще-человѣческому цивилизаціонному движенію, хотя и съ сохраненіемъ ея своеобразной, національной фізіономіи.—Для насъ было важно предварительно показать, что такое настроеніе испанской новой литературы вовсе не представляетъ явленія изолированнаго; что оно выражаетъ собою не только настроеніе одного какого-либо кружка, группы или сословія, а находится въ полнѣйшемъ настроеніи съ тѣмъ цѣлымъ, которое мы можемъ назвать испанскимъ національнымъ міросозерцаніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, парламентаризмъ въ Испаніи водворился междуособною войною, въ которой, волею или неволею, должны были принять дѣятельное участіе всѣ живые элементы націи. Въ подобной войнѣ склоненіе побѣды на сторону либеральной доктрины, не менѣе пресловутаго *Suffrage universel*, даетъ намъ право сказать, что испанскій народъ усвоилъ себѣ наиболее распространенныя ученія политическаго прогресса совершенно въ такой-же мѣрѣ, въ какой ихъ усвоилъ себѣ какой-бы то ни было другой изъ европейскихъ народовъ. Усвоить этотъ взглядъ на современный характеръ политическаго положенія Испаніи для насъ весьма важно, не въ смыслѣ реабилитаціи испанскаго народа, а для должной оцѣнки того литературнаго движенія, съ представителями котораго мы намѣрены познакомить читателя.

Теперь нѣсколько словъ объ общемъ характерѣ новой испанской литературы.

Должно сознаться, что она не богата особенно блестящими дарованіями и въ весьма слабой степени способна представлять безъ-относительный интересъ. Она настолько связана мѣстными литературными преданіями, настолько представляется своеобразнымъ пло-

дожъ національной испанской почвы, что едва-ли хоть одно изъ ея произведеній способно удовлетворить требованіямъ читателя, взрослого среди иныхъ этнографическихъ и культурныхъ условій; особливо же въ переводѣ, при чемъ неизбѣжно должны утратиться тѣ чисто внѣшнія стилистическія красоты, которыя столь цѣнятся еще и теперь романскою публикою, — французскою и итальянскою ничуть не менѣе, чѣмъ испанскою.

Литературныя традиціи, унаслѣдованныя Испаніею отъ тѣхъ временъ, когда она играла блестящую роль въ исторіи всей Европы, двоякаго рода: во 1-хъ, традиція Сервантеса, котораго мы уже выше назвали родоначальникомъ реалистической сатиры и нравоописательнаго романа; во 2-хъ, традиція романтическая, поклонникомъ которой служитъ знаменитая старо-испанская литература. „Дон-Кихоть съ неразлучнымъ своимъ дополненіемъ Санчо-Пансой — вѣковѣчный представитель первой изъ этихъ двухъ, почти діаметрально противоположныхъ одна другой, тенденцій. Не менѣе знаменитый дон-Хуанъ Тенеріо — такой-же представитель второй. Извѣстно, что дон-Кихоть и его авторъ пользуются въ Испаніи такою популярностію, которой нигдѣ и никогда, кажется, не пользовалось ни одно литературное произведеніе. Безграмотные и полудикіе крестьяне Ла-Манчи вѣрятъ въ реальное существованіе „Рыцаря печальнаго образа“, причисляютъ его къ ряду національныхъ историческихъ героевъ, правда, иногда смѣшивая имя самого Сервантеса съ именемъ донъ-Кихота; указываютъ мѣста, гдѣ происходили важнѣйшія событія этого романа. Такъ, неподалеку отъ Алькасара-де-Санъ-Хуанъ, гдѣ расходятся лиссабонская и андалузская линіи желѣзныхъ дорогъ, вамъ укажутъ цѣлый рядъ мельницъ, съ которыми ламанчскій рыцарь столь неуспѣшно вступалъ въ бой. Маршалъ Эспартеро, въ которомъ замѣтили физическое и моральное сходство съ дон-Кихотомъ, принялъ это за комплиментъ. „Да, говоритъ онъ въ одной журнальной статьѣ: — какъ онъ, я родомъ изъ Ла-Манчи; какъ онъ, я не считаю ничего невозможнымъ во имя своего принципа и дамы своего сердца (т. е. конституціонной королевы)“.

Но при такой громадной популярности своего родоначальника и его капитальнаго произведенія, сервантесовская традиція все-таки несравненно менѣе жива въ новой испанской литературѣ, чѣмъ противоположная ей романтическая традиція драматурговъ. Произведенія

сатирическія и правоописательныя, при равномъ талантѣ, пользуются несравненно меньшимъ вниманіемъ публики, нежели произведенія съ романтической и сентиментальною завескою. Читающая публика остальной Европы весьма естественно отдаетъ свое вниманіе именамъ испанскихъ авторовъ, уже излюбленныхъ ихъ соотечественниками. Такимъ образомъ, нѣкоторыя даже весьма посредственныя произведенія романтика Эспронседа (напримѣръ, его „Саламанскій студентъ“) или сентиментальной романистки, писавшей подъ псевдонимомъ Фернанъ-Кавальеро, извѣстны вездѣ и переведены на всѣ европейскіе языки; тогда какъ сатирическій бытописатель Месоверо-Романосъ, едва-ли не единственный представитель здѣсь реалистической беллетристики въ первой половинѣ текущаго столѣтія, вовсе не пользуется громкимъ именемъ, хотя по самому своему содержанію его произведенія (*Escenas Madrilenas*) несравненно интереснѣе множества испанскихъ и не испанскихъ романовъ, съ жадностью глотаемыхъ въ переводѣ или въ подлинникѣ общеевропейскою публикою; а по силѣ таланта, Месоверо-Романосъ несомнѣнно не уступаетъ ни полу-нѣмцу Гарценбушу, ни Лоренцану считаемыхъ за первостепенныя изъ современныхъ беллетристическихъ знаменитостей.

I.

Дон-Хосе де-Эспронседа.

Поэмы: «*El Estudiante di Salamanca*» («Саламанскій студентъ»).

«*El diablo-mundo*» («Чортвъ-Свѣтъ»).

Лирическія стихотворенія.

Эспронседа, независимо отъ своего безспорно выходящаго изъ ряда поэтическаго дарованія, интересенъ для насъ въ особенности, какъ отраженіе въ испанской литературѣ двухъ первоначальныхъ европейскихъ вліяній: байронизма и философской поэзіи Гёте. То почетное мѣсто, которое назначила ему испанская литературная критика и испанское читающее общество въ ряду первоначальныхъ поэтическихъ знаменитостей нашего времени, показываетъ достаточно, что Эспронседа, слѣдуя по только что указанному подра-

жательному направленію, выражалъ не свое личное пристрастіе, даже не настроеніе одного какого-либо кружка или группы, а цѣлаго читающаго общества.

Эспронседа, и по рожденію, и по развитію, принадлежалъ къ той столичной, безсловной средѣ, которая во всякой странѣ представляетъ собою какъ-будто среднюю пропорціональную всѣхъ разнообразныхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается національность: мы говоримъ про тотъ умственный пролетаріатъ, который по воспитанію, принадлежитъ къ привилегированнымъ классамъ; по необеспеченности-же своего матеріальнаго положенія и по отсутствію какихъ-бы то ни было своихъ кастальныхъ, обособленныхъ интересовъ,—принадлежитъ къ народу.

Сынъ незначительнаго военнаго офицера, Эспронседа родился гдѣ-то на походѣ, во время наполеоновскаго нашествія, въ 1810 году; совершеннымъ ребенкомъ онъ попалъ въ казенную обстановку мадридскаго училища Сан-Матео, гдѣ, благодаря своей живой и воспримчивой натурѣ, быстро научился всему тому, чему не поучаютъ съ кафедры официальные профессора и наставники, но чему учить общежитіе. Въ училищѣ уже Эспронседа своими стихотвореніями обращаетъ на себя вниманіе и товарищей, и учителей, въ числѣ которыхъ находился извѣстный классическій поэтъ Альберто Листа, принявшій юнаго стихотворца подъ свое покровительство.

Четырнадцать лѣтъ отъ роду Эспронседа подвергается преслѣдованію. Онъ былъ сосланъ въ монастырь въ небольшомъ провинціальномъ городѣ Гвадалахарѣ. Его официальное образованіе было, такимъ образомъ, прервано слишкомъ преждевременно. По счастью, Эспронседа уже въ эту раннюю пору своей жизни оказывается настолько зрѣлымъ, что уединеніе и насильственный досугъ монастырской жизни не пропадаютъ для него даромъ. Онъ погружается въ изученіе отечественной исторіи, имѣя подъ рукою довольно хорошую монастырскую библіотеку. Природное поэтическое дарованіе въ это время въ немъ уже настолько развито, что предохраняетъ его отъ схоластическаго дилетантизма и освѣщаетъ для него жизненнымъ свѣтомъ кабинетную работу, вообще мало свойственную тому полурбяческому возрасту, въ которомъ онъ тогда находился. Эспронседа вдохновился на эпическую поэму „El Reláuо“, которая никогда не была кончена, но изъ которой отрывки, напечатанные въ посмертномъ изданіи его сочиненій, изобли-

чаютъ въ авторѣ уже не только замѣчательный даръ стихосложенія и поэтическаго отношенія къ природѣ и къ исторіи, но и такую установленность нравственно-соціальныхъ воззрѣній, какую мы рѣдко встрѣчаемъ у поэтовъ романтической эпохи, хотя-бы взрослыхъ и среди болѣе благопріятной обстановки. Его бывший учитель, Альберто Листа, которому онъ посвящалъ пѣсни и главы своего эпоса по мѣрѣ ихъ окончанія, отнесся къ нему съ крайне-дружескимъ участіемъ, вполне основательно предугадывая въ этихъ полудѣтскихъ опытахъ ту силу таланта, которая вскорѣ поставила Эспронседа во главѣ современныхъ испанскихъ поэтовъ.

По свидѣтельству друзей близко знавшихъ его, Эспронседа уже въ это время всего болѣе страшился впасть въ поэтическое самозаблуженіе, пѣть для самого себя. Въ испанскихъ лѣтописяхъ онъ ищетъ предмета, поэтическое описаніе котораго представляло-бы „интересъ для народа“. Такимъ предметомъ кажется ему борьба противъ мавровъ за восстановленіе испанской національности. Замѣчательно, однакожь, что на этой скользкой дорогѣ онъ уже умѣетъ воздержаться отъ узкаго націонализма и либеральной реторики на манеръ поэтовъ альфіеріевской школы. Онъ говоритъ, что, отдавая свое сочувствіе своимъ предкамъ въ ихъ суровомъ стремленіи отстоять свою попоранную свободу, онъ не можетъ, однакожь, не признать превосходства той артистической и гуманной цивилизаціи мавровъ, на развалинахъ которой должно водвориться торжество испанской независимости. Планъ былъ слишкомъ широкъ, и неудивительно, что онъ такъ и остался неисполненнымъ.

Повончивъ срокъ своего монастырскаго заключенія, Эспронседа вернулся въ Мадридъ; но тщетно искалъ онъ примѣненія дѣятельности и своимъ талантамъ: строгій полицейскій порядокъ опутывалъ каждый его шагъ своею сѣтью. Восемнадцати лѣтъ отъ роду Эспронседа очутился уже эмигрантомъ на торговой баржѣ, отправлявшейся въ Лиссабонъ. Въ своемъ „Pensamiento“ Эспронседа, вообще—противъ обыкновенія лирическихъ поэтовъ—скупою на подробности о самомъ себѣ, передаетъ, однакожь, нѣсколько интересныхъ приключеній и впечатлѣній относительно этой цыганской поры своей жизни. Такъ, наприимѣръ, мы узнаемъ, что португальскія карантинныя власти потребовали съ пассажировъ при входѣ въ лиссабонскій портъ какую-то плату. Эспронседа отдалъ

единственный пиастръ (около полутора рубля), составлявшій все его тогдашнее богатство, и получилъ сдачи какую-то мелочь. „Пришлось, говоритъ онъ,—измѣнить свой планъ. Не могъ-же я явиться въ столь великую столицу со столь малыми деньгами“. Проскитавшись нѣсколько времени по предмѣстьямъ Лиссабона, ведя бѣдственную жизнь, онъ встрѣтилъ, наконецъ, какихъ-то добрыхъ людей, своихъ соотечественниковъ, такихъ-же, какъ и онъ, изгнанниковъ, избравшихъ своимъ убѣжищемъ португальскую столицу. Съ этимъ временемъ у Эспронседы связаны какія-то романтическія воспоминанія, о которыхъ онъ и его біографы отзываются, впрочемъ, глухо.

Собраніе испанскихъ эмигрантовъ въ Лиссабонѣ возбудило, однако, спасенія въ испанскомъ правительствѣ. Нашему поэту, вмѣстѣ съ другими, пришлось перебираться въ Лондонъ. Скитальчество въ этомъ негостепримномъ—и въ социальномъ, и въ климатическомъ отношеніяхъ—краѣ приняло болѣе суровый и тяжелый характеръ. Перебиваясь кое-какъ литературными трудами и уроками, пріобрѣлъ онъ здѣсь ту грудную болѣзнь, которая преждевременно свела его въ могилу. За то здѣсь онъ впервые сводитъ весьма тѣсное знакомство съ англійскою литературою, въ которой особеннымъ его расположеніемъ пользуются Шекспиръ и еще болѣе Байронъ. Легко объяснить себѣ причину, почему въ этомъ періодѣ Эспронседа пишетъ очень мало и почти исключительно мелкія лирическія стихотворенія: первое знакомство съ образцами дотолѣ новой для него міровой поэзіи естественно должно было произвести крутой переворотъ во всемъ его внутреннемъ строѣ. Нужно было время для того, чтобы, такъ-сказать, переварить вновь усвоиваемые элементы.

Въ „El Pelayo“, самомъ первомъ и совершенно еще отроческомъ своемъ произведеніи, Эспронседа выказываетъ почти бессознательную рѣшимость порвать съ испанскою литературною традиціею; но рѣшимость эта пока еще проявляется только во внѣшности. Должно замѣтить, что въ Испаніи того времени было уже довольно смѣлымъ нововведеніемъ самое облеченіе объемистаго поэтическаго произведенія не въ традиціонную драматическую, а въ эпическую форму. „El Pelayo“, весьма сильно напоминающій намъ итальянскія классическія поэмы, и всего болѣе Ариостова „Orlando furioso“, для

испанской публики долженъ былъ представлять прелесть новизны и оригинальности.

Менѣе оригинальны, — по крайней мѣрѣ, по формѣ, — небольшія лирическія стихотворенія, созданныя Эспронседою во время этого перваго изгнанія. Но изъ нихъ только одни патріотическія обращали на себя вниманіе, по преимуществу либеральной молодежи. Въ этомъ родѣ Эспронседа имѣлъ уже себѣ предшественника и соперника въ лицѣ Мартинеса де-ла-Роза, часто превосходящаго его изяществомъ отдѣлки. За то на сторонѣ Эспронседы оказывается вполне оцѣненное публикою преимущество энергіи чувства и мысли. Онъ не плачетъ, подобно Мартинесу, надъ судьбами своей павшей родины, а призываетъ ее къ новой жизни. Онъ вздохновляется не на элегію, а на желчный протестъ, на военный вѣличъ или на эпиграмму. Таково его извѣстное стихотвореніе „Бѣ отечеству“, хоть и названное имъ элегію:

Quan solitaria la nacion que un dia
Poblara inmensamente!
La nacion cuyo imperio se certendia
Del ocaso al oriente!..
Ay! de sus hijos en la Lumilde frente
Esta el rubor grabado... ¹⁾

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ (на смерть Торрихоса и его товарищей):

Espanoles, clorad; masvuestro llanto
Lagrimas de dolor y sangre sean,
Sangre que ahogue á siervos y opresores... ²⁾

Либерально-патріотическіе мотивы одни въ это время вдохновляютъ Эспронседу на стихотворенія, заслуживающія вниманія: здѣсь у него въ избытѣ оказывается существеннѣйшій элементъ лирики — искренность и страстность чувства, вполне искупающія недостатки внутренней установленности, о которомъ мы только-что говорили. За то чуждое вліяніе, неполнѣе переваренное, слишкомъ сказывается въ такихъ его произведеніяхъ, какъ, на примѣръ, „Пиратъ“, „Пѣснь казака“ (слишкомъ напоминающая Беранже, но

¹⁾ «Въ какомъ запустѣннѣй странѣ, нѣкогда заселенная великимъ народомъ! Нация, которой могущество распространялось на оба полушарія!.. Увы! теперь чела ея сыновъ запечатлѣны краскою позора».

²⁾ «Испанцы, плачьте; но пустьъ ваши слезы будутъ кровавымъ потокомъ, и да утонуть въ этомъ потоцѣ рабы и притѣснители».

не въ мѣру растянута и риторическая), „Прощаніе молодого грека съ дочерью отступника“). Послѣднее, правда, содержитъ въ себѣ нѣсколько энергическихъ строфъ и, по всей вѣроятности, имѣло въ свое время значеніе политическаго à propos.

Подъ тѣмъ-же вліяніемъ новой для него и для его соотечественниковъ сѣверной поэзіи Эспронседа пытается создать оссіаническую поэму „Оскаръ и Мальвина“ (онъ самъ ее озаглавливаетъ по-англійски: „A tale of the times of old“), но попытка эта, даже сравнительно съ его первою національною поэмою, написанною въ гвадалахарскомъ монастырѣ, не можетъ быть названа удачною. Освоившись съ иностранными вліяніями на столько, чтобы уже не быть вынужденнымъ рабски копировать прельстившіе его образцы, Эспронседа принимается за новую испанскую историческую поэму: „Донъ Санчо-де-Салданья“, изъ которой онъ успѣлъ, впрочемъ, окончить только немного строфъ. Іюльская революція (1830г.) аставляетъ его бросить и Лондонъ и поэзію, и ѣхать въ Парижъ, на этотъ разъ очень не надолго, такъ-какъ амнистія вскорѣ отерла ему путь въ возвращенію на родину.

Среди междоусобной борьбы, раздиравшей тогда Испанію, Эспронседа мало помышляетъ о поэзіи. Относительная свобода, предоставленная съ этихъ поръ политической литературѣ и мысли въ Испаніи, манитъ его на публицистическое поприще. Вмѣстѣ съ Бернардино Нуньесъ-Аренасъ онъ начинаетъ издавать передовую газету для того времени, подъ названіемъ „El Siglo“, но скоро прекращаетъ ее и удаляется въ Парижъ.

Въ 1839 году, Эспартерс, какъ извѣстно, во главѣ христіансовъ, принудилъ карлистскаго вождя Марото, замѣстившаго только что умершаго вождя Зумала-Карегу (Zumala-Caregu), подписать капитуляцію de los Matas, въ силу которой приверженцы донъ-Карлоса сложили оружіе и четырнадцатилѣтняя дочь Фердинанда VII была утверждена на испанскомъ престолѣ наперекоръ вѣковымъ испанскимъ законамъ и традиціямъ, съ регентствомъ матери своей, Христины.

Эспронседа, видя осуществленною, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую часть своихъ стремленій, спѣшитъ снова въ столицу. Онъ до такой степени простираетъ свою преданность водворившемуся порядку, что поступаетъ въ военную службу, гдѣ остается, однакожь, очень недолго.

Новое правительство начало свою дѣятельность очень неудачно, съ знаменитаго закона объ *auntamientos*, т. е. о волостныхъ и муниципальных совѣтахъ. Урѣзывая слабыя остатки федеративнаго устройства, регентша Христина и ея совѣтники имѣли главнѣйшимъ образомъ въ виду нѣкоторыя горныя сѣверныя провинціи, гдѣ полудикія пастушескія общины еще продолжали служить оплотомъ для карлизма. Однакожь, эта крупная мѣра, придуманная неловкимъ правительствомъ для исцѣленія зла, слишкомъ мелкаго и ничтожнаго, возбудила ропотъ вездѣ и въ средѣ самаго народонаселенія, и въ тѣхъ политическихъ кружкахъ, которые отдали свое сочувствіе и содѣйствіе правительству Христины не изъ династическихъ симпатій, а ради той идеи, которую оно представляло. Къ сожалѣнію, регентша въ заявленіяхъ всеобщаго неудовольствія по поводу преобразованія *auntamientos* увидѣла только интригу Эспартеро, безъ согласія котораго эта мѣра была ей предложена. Желая заявить свою независимость, она продолжала настаивать на требуемомъ преобразованіи, предлагая сверхъ того распустить кортесы и министерство, президентъ котораго Алаисъ былъ подставленнымъ лицомъ „диктатора“ (такъ всѣ называли Эспартеро, отказавшагося отъ всякой официальной власти). Упорство регентши вызвало новое возстаніе въ разныхъ мѣстностяхъ, въ томъ числѣ и въ Мадридѣ (сентябрь, 1840 г.). Войско, въ числѣ 100,000, стало на сторону инсургентовъ и регентша должна была уступить.

Слабое здоровье Эспронседы не выдержало тревогъ политической борьбы. Послѣ событій сентября 1840 года, онъ рѣдко появляется въ столицѣ. Въ это время онъ написалъ цѣлый рядъ стихотвореній. Въ это-же время выходитъ въ свѣтъ первое собраніе стихотвореній, которымъ упрочивается его извѣстность. Рядомъ съ очерченною уже здѣсь стороною характера разбираемаго нами поэта, въ этомъ собраніи своихъ стихотвореній Эспронседа обнаруживаетъ элементъ пластической страстности, доходящей даже до эпикуреизма, и смѣлаго скептицизма съ оттѣнкомъ юношеской отваги. Испанскій критикъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ талантъ и самую личность Эспронседы:

„Поэтъ съ мощною и роскошною фантазіею, съ энергическими порывами, смѣлый въ мысляхъ и въ образахъ, онъ самому своему слогу умѣетъ придать какой-то оттѣнокъ изящной и раздражи-

тельной убѣдительности. Никто не воспѣвалъ отважныхъ подвиговъ, смѣлыхъ дѣяній нашихъ предковъ съ такимъ совершенствомъ, какъ Эспронседа, инстинктивно любившій опасность и включенія въ самой дѣйствительности. Въ Афинахъ изъ него выработался-бы опасный соперникъ Алкивиаду. Въ средніе вѣка онъ обратился-бы въ одного изъ тѣхъ героевъ, которыхъ воспѣваетъ Торквато Тассо. Въ началѣ новой эры онъ, навѣрное, очутился-бы на кораблѣ, на которомъ Христофоръ Колумбъ отправлялся въ поиски Новаго свѣта. Въ нашъ прозаическій вѣкъ ему недоставало только большого состоянія, чтобы стать однимъ изъ совершеннѣйшихъ типовъ столько разъ воспѣтаго дон-Жуана*).

Намъ остается сдѣлать немного словъ, чтобы закончить біографическій очеркъ, который мы сочли лишнимъ предпослать обзору двухъ замѣчательнѣйшихъ произведеній Эспронседы. Желая во что-бы-то ни стало избавиться отъ своего союзника и вѣстѣй противника, либеральное министерство дало ему мѣсто секретаря при посольствѣ въ Голландію, которое просили для него его друзья, надѣясь, что удаленіе отъ политической агитации подѣйствуетъ благотвительно на его все болѣе и болѣе слабѣющее здоровье. Но было уже поздно. Эспронседа пріѣхалъ въ Гаагу за тѣмъ, чтобы быть высланнымъ оттуда врачами обратно на югъ (зимой 1841 г.), и умеръ вскорѣ послѣ своего возвращенія на родину.

„El estudiante de Salamanca“ (Саламанскій студентъ) и „El Diablo Mundo“ (причудливое заглавіе, которое не вполне точно можетъ быть передано по-русски словами „Чортовъ свѣтъ“) — два капиталнѣйшія произведенія Эспронседы.

Первое изъ нихъ, по нашему мнѣнію, наименѣе зрѣлое и совершенное, пользуется, однакожь, большими симпатіями испанской публики, чѣмъ второе, оставшееся не конченнымъ по причинѣ смерти автора. Преимущество „Саламанскаго студента“, въ глазахъ здѣшней читающей публики, заключается въ томъ, что эта поэма болѣе національна, чѣмъ „Чортовъ свѣтъ“.

*) Ант. Ферреръ-дель-Ріо.

„Дѣло“, № 9.

Мы уже сказали, что роль Эспронседы состояла въ сближеніи испанской беллетристической литературы съ обще-европейскою поэзіею того времени. Если таланта и дарованія этого замѣчательнаго писателя недостало на то, чтобы упрочить заброшенной и пренебрегаемой испанской литературѣ почетное мѣсто въ ряду обще-европейскихъ литературъ (впрочемъ, такое предположеніе, по нашему мнѣнію, не вполне справедливо), то, по крайней мѣрѣ, онъ сумѣлъ внести въ эту испанскую литературу задачи и направленія, интересовавшія тогда всю Европу. Байронъ и Гёте (особенно первый изъ нихъ) были для него образцами, которыхъ онъ не боялся копировать, иногда даже рабски, но въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ—съ сохраненіемъ своей рѣзкой индивидуальной и національной фizioноміи.

Можно-ли вообразить себѣ болѣе испанское, чѣмъ нижеслѣдующее, начало первой и любимой поэмы Эспронседы.

Поэтическая картина мрачной осенней полуночи. Со своими готическими башнями и колокольнями, объята непроницаемымъ мракомъ, погружена въ могильный сонъ „la antigua ciudad que riega Tormes, fecundo rio“,—та, которую поэты называютъ la famosa Salamanca, славная своимъ оружіемъ и своей ученостью, родина многихъ доблестныхъ мужей, благородный архивъ науки. Вдругъ слышится бряцанье шпагъ. Раздается тотъ ужасный стонъ умирающаго, который приводитъ въ трепетъ и ледянитъ кровь въ жилахъ каждаго, кому удавалось его слышать.

El ruido
Ceso,
Un hombre
Paso
Embozado,
Y el sombrero
Recatado
A los ojos...
Y en sa sombra
Se perdia *).

Этотъ таинственный незнакомецъ—герой поэмы,

Segundo don Juan Tenorio,
Alma fiera e insolente,

*) Шумъ утихъ. Человѣкъ, закутанный въ плащъ и въ надвинутой на глаза шляпѣ, прошелъ и исчезъ въ темнотѣ.

Jrreligioso y valiente,

Altanero y renidor...

Siempre el insulto en los ojos.

En los labios la ironia...

Mezcla en palabra impia

Un chiste à una maldicion...

„Второй дон-Жуанъ, съ душою гордою и кичливою, нечестивый и доблестный, надменный и задорный. Въ глазахъ его вѣчно читается вызовъ; съ устъ не сходить иронія. Въ его порочномъ сердцѣ нѣтъ мѣста сграху за будущее или сожалѣнію о прошломъ. Его насмѣшливая рѣчь есть смѣсь каламбуровъ и провлятій...“
Таковъ дон-Федиксъ де-Мортемаръ.

En Salamanca famoso

Por sa vida y buen talante,

Al atrevido estudiante

Le senalan entre mil...

По обыкновенію, тогдашніе критики увѣряли, что въ саламанкскомъ студентѣ Эспронседа рисуется свой собственный портретъ. Но публика очень хорошо поняла, что Мортемаръ есть новое возрожденіе классическаго дон-Жуана, столько разъ уже проваливавшася къ чертямъ на сценахъ всевозможныхъ театровъ, и всего болѣе театровъ Севильи, для жителей которой онъ служить и до сихъ поръ такимъ-же національнымъ героемъ, какимъ дон-Кихотъ является для народонаселенія Ла-Манчи. Въ саламанкскомъ студентѣ дон-Жуанъ является прикрытый плащомъ Чайльдъ-Гарольда, байроновскаго скептицизма и гордой презрительности, но безъ того элемента непризнаннаго страданья, который считался необходимою принадлежностью байроновскихъ героевъ въ другихъ литературахъ и преимущественно въ русской. Испанскій дон-Жуанъ и Чайльдъ-Гарольдъ заранѣе знаетъ, что онъ безапелляціонно обреченъ на вѣчную погибель,—обреченъ потому, что онъ въ сущности есть ничто иное, какъ воплощеніе тѣхъ сторонъ челоувѣческаго существа, которыя не вошли въ кодексъ идеалистической морали: жажды чувственныхъ наслажденій и неутомимаго умственнаго скептицизма, котораго нельзя ни застрашать картиною вѣчныхъ мученій, ни обмануть призраками, обманчивыми только для того, кто самъ хочетъ вѣрить въ ихъ реальность.

Въ этомъ все содержаніе „Саламанкскаго студента“, который въ подлинникѣ или въ изящномъ поэтическомъ переводѣ можетъ

имѣть и не для однихъ только испанскихъ читателей нѣкоторый относительный интересъ, но въ сжатомъ изложеніи—никакого. Собственно фабула поэмы крайне педантична и незамысловата. Въ своихъ эротическихъ набѣгахъ на женщинъ Саламанки, дон-Феликсъ повстрѣчался съ Эльвирою.

Bella y mas pura que el azul del cielo
Con dulces ojos languidos y hermosos.

При всей своей противоположности натурѣ дон-Жуана, Эльвира—какъ и всѣ созданія поэзіи Эспронседы—держится пластической философіи *Sagre diem*. Скоро покинутая своимъ любовникомъ, она умираетъ отъ любви, но передъ смертію пишетъ къ нему письмо, въ которомъ благодаритъ за доставленныя минуты счастья, которыя для нея дороже долгихъ лѣтъ ничѣмъ несогрѣтой и неосвѣщенной жизни. Мортемаръ такъ мало тронутъ и письмомъ, и смертію недавней своей возлюбленной, что тотчасъ-же въ игорномъ домѣ проигрываетъ ея портретъ, украшенный драгоценными камнями. Но у Эльвиры есть братъ, дон-Діего Пастрано, нарочно явившійся изъ Фландріи, чтобы отомстить за сестру. Дон-Феликсъ отвѣчаетъ островами на его свирѣпыя вызовы и спокойно досчитываетъ выигранныя деньги. Онъ такъ-же невозмутимо убиваетъ своего противника ночью, на улицѣ Саламанки, какъ человѣкъ совершающій обыденную и нѣсколько докучливую житейскую обязанность.

Съ окровавленнымъ клинкомъ въ рукѣ идетъ Мортемаръ по улицѣ дель-Атаудъ, когда на встрѣчу ему является призракъ Эльвиры. Саламанскій студентъ видитъ въ призракѣ только хорошенькую женщину, которой самая таинственность разжигаетъ его любопытство, и онъ произноситъ богохульную клятву проводить ее домой во что-бы то ни стало. Половина поэмы состоитъ изъ описанія фантастическаго шествія Мортемара вслѣдъ за призракомъ мертвой своей любовницы. Напрасно Эльвира предостерегаетъ его, напрасно на пути постепенно возникаютъ передъ нимъ фантастическіе адскіе ужасы: чѣмъ болѣе дон-Феликсъ чувствуетъ себя во власти невѣдомыхъ ему силъ, тѣмъ непоколебимѣе разгорается въ немъ желаніе дойти до конца.—На утро, къ великой радости благонравныхъ жителей Саламанки, разносится вѣсть, что чортъ, въ образѣ красивой женщины, явился, наконецъ, за Мортемаромъ и прибралъ его, какъ свою законную собственность.

„Чортовъ свѣтъ“, какъ мы уже сказали, значительно шире и разностороннѣе по концепціи и зрѣлѣе по исполненію. Относительно внѣшней формы поэма эта, можетъ быть, болѣе всѣхъ другихъ произведеній своего автора напоминаетъ байроновскаго Манфреда и дон-Жуана. По содержанію она есть ничто иное, какъ переложеніе Фауста Гёте на испанскіе нравы и понятія. Такъ опредѣляетъ ее Росъ-де-Олано, испанскій писатель и одинъ изъ ближайшихъ друзей автора, которому онъ и посвятилъ эту послѣднюю свою неоконченную поэму. Это стремленіе поэта написать не просто поэму, а *испанскаго Фауста*, отразилось слишкомъ на всемъ его произведеніи и на самой его фабулѣ, такъ-что насчетъ памфленія автора, даже за неимѣніемъ его собственнаго признанія, сомнѣніе едва-ли возможно.

Но какъ понимаетъ испанскій авторъ образцовое произведеніе обще-европейской поэзіи, которое онъ задумалъ возсоздать съ приданіемъ ему своего національнаго оттѣнка?

„Эспронседа видитъ въ Фаустѣ не болѣе, какъ второго Манфреда, болѣе холоднаго и разсудительнаго, менѣе страстнаго, менѣе пластически страдающаго, а потому и менѣе симпатичнаго его испанской душѣ. Для него въ Гёте, какъ и въ Байронѣ, было ясно одно: современный человѣкъ въ Европѣ страдаетъ“. Но почему?

Нѣсколько раньше Эспронседы одинъ итальянскій писатель задался тѣмъ-же самымъ вопросомъ и разрѣшилъ его для себя слѣдующимъ образомъ: „Въ этомъ произведеніи, говоритъ онъ по поводу гётевскаго Фауста,—весьма осязательно выражена та вѣчная мучительная неудовлетворенность, которая преслѣдуетъ человѣка, изолировавшаго себя, ищущаго счастья не въ устройствѣ коллективнаго благополучія всѣхъ, а въ удовлетвореніи своихъ личныхъ, индивидуальныхъ побужденій. Въ обществѣ низшемъ себя человѣкъ неизбѣжно страдаетъ, какъ и вовсе безъ общества, и никакое личное благополучіе не можетъ заглушить въ немъ вѣчной боли. За то одно стремленіе создать или содѣйствовать созданію коллективнаго счастья всѣхъ способно доставить человѣку ощущеніе личнаго благосостоянія даже въ такихъ случаяхъ, когда его индивидуальная требовательность удовлетворена весьма слабо или же вовсе остается неудовлетворенною“.

Испанецъ Эспронседа иначе относится къ дѣлу. По его мнѣ-

вію, страданія европейскаго человѣчества происходятъ отъ того, что ему недостаетъ того цѣлостнаго, беззавѣтнаго отношенія къ жизни, которое такъ пластически воплощено въ испанскомъ національно-политическомъ типѣ дон-Жуана. Если это возрѣніе воодушевляеть уже его „саламанскаго студента“, то въ послѣдующемъ своемъ произведеніи, т. е. въ „Чортовомъ свѣтѣ“, испанскій поэтъ рѣшительнѣе и сознательнѣе задаетъ цѣлю привить этотъ испанскій плодъ къ стеблю общеевропейской цивилизаціи. Фаустъ не знаетъ матеріальной нужды, уменъ, образованъ, любитъ, любимъ, — короче говоря, обладаетъ всѣмъ тѣмъ, при чемъ пластическій сынъ юга мирно благоденствовалъ-бы всю свою жизнь. Страдаетъ онъ отъ рефлексіи. Можно-ли ему логически доказать, что страдать при этомъ не слѣдуетъ? Оказывается, что доказать нельзя. Самъ Эспронседа, начиная разсуждать, находить, что богатство — тлѣнъ, о которомъ въ поэтическомъ произведеніи и говорить не подобаетъ. Знаніе, въ свою очередь, тоже тлѣнъ и самообольщеніе. Эту тему онъ исчерпываетъ въ фантастической интродуціи своей поэмы.

Интродуція эта начинается чрезвычайно звучнымъ въ стихотворномъ отношеніи хоромъ демоновъ, праздноующихъ свой ввѣдъ во владѣніе міромъ. Разбуженный ихъ зловѣщими голосами, поэтъ совершенно теряется въ хаосѣ таинственныхъ, противорѣчивыхъ явленій, залпомъ произноситъ около сотни тоже очень звучныхъ стиховъ и, наконецъ, соображаетъ, что

Breve compendio es del mundo

Ea tartarea baccanal *):

Хоръ демоновъ поддразниваетъ человѣчество изображеніями его безпомощности и ничтожества. „Голоса“ протестуютъ, предъявляя каждый съ своей стороны нѣчто такое, передъ чѣмъ привыкли преклоняться люди, что они чтутъ, какъ кумиръ, и чѣмъ наполняютъ свое существованіе. Знаніе, слава, любовь, богатство, вѣра и т. п., все это по-очереди провозглашается человѣческими голосами и на все, съ презрительнымъ хохотомъ, отвѣчаютъ демоническіе хоры, поражая и разрушая одну вслѣдъ за другою всѣ эти игрушки взрослоаго человѣчества. На призывъ къ знанію они

*, Вкратцѣ міра повтореніе
Этотъ адскій карнавалъ.

возражаютъ апологією лжи и скептическими указаніями на недостаточность критеріумовъ истины. Стремящемуся въ величію и въ славу они рисуютъ картину толпы, побивающей камнями своихъ истинныхъ друзей и возвеличивающей своихъ утѣснителей, и т. п. По внутреннему своему содержанию и достоинству эта интродукція представляетъ блестящій и художественный компендіумъ монологовъ Манфреда, Фауста и другихъ, имѣющихъ предметомъ тщету всего земного.

Поэтъ, смущенный демоническими хорами, съ недоумѣніемъ спрашиваетъ себя, какъ можетъ презрѣнная толпа, *la muchedumbre vana*, улаживать себя столь ничтожными побрякушками. Затѣмъ онъ резюмируетъ слѣдующимъ образомъ свое міровоззрѣніе отъ лица какого-то мистическаго существа:

Con pensami ento di angel, con mesquindez di hombre *).

Весь міръ въ своемъ бытіи есть безграничное поле битвы. Каждый элементъ—печальный узникъ, стремящійся освободиться отъ оковъ.

Фантастическая интродукція кончена. Изъ таинственныхъ областей, гдѣ человѣческіе голоса бесѣдуютъ съ хорами демоновъ, мы переносимся въ Мадридъ тридцатыхъ годовъ, въ наемную комнату средняго разряда. На столѣ мѣдная лампа слабо освѣщаетъ человѣка дряхлаго вида. Бьетъ полночь. Онъ закрываетъ книгу и внимательно считаетъ удары. Затѣмъ онъ опираетъ на руку свой сморщенный и мрачный лобъ. Его одолеваетъ роковое, гнетущее раздумье.

„*Todo es mentira y vanidad, locura!*“ (все ложь и суета, безумье) восклицаетъ онъ съ саркастическою усмѣшкой.

Это и есть герой поэмы, испанскій Фаустъ, которому Эспронседа въ первой главѣ не даетъ никакого имени, а со второй—называетъ Адамомъ.

Продекламировавъ довольно длинный монологъ на тему, прямо заимствованную изъ Фауста нѣмецкаго, герой отправляется спать. Во снѣ онъ видитъ смерть, очаровывающую его своими величественно-спокойными красотами. Онъ уже готовъ броситься въ ея объятія, когда въ еще болѣе очаровательномъ видѣ предстаетъ передъ нимъ природа и предлагаетъ ему даръ вѣчной молодости.

*) Съ мечтою ангела, съ ничтожествомъ человѣка.

Сонъ оказывается въ руку. Адамъ просыпается чуднымъ апрѣльскимъ утромъ, въ прежней своей квартирѣ, но уже не прежнимъ человѣкомъ: онъ чувствуетъ въ себѣ мощные порывы юноши и видитъ себя облеченнымъ въ античной прелести отроческую наготу. Это приводитъ его въ восторгъ, выражаемый имъ столь шумно, что домохозяинъ, дон-Пабло, бойко очерченный авторомъ въ нѣсколькихъ строкахъ, избиратель, держащійся умѣренно-консервативныхъ воззрѣній, пробужденъ отъ сна и считаетъ нужнымъ образумить своего жильца, дабы отъ его шумныхъ излияній не произошло ущерба ему, дону-Пабло, въ качествѣ домохозяина.

Почтенный домовладѣлецъ такъ поглощенъ своими соображеніями, что не обращаетъ даже вниманія на переѣзду, совершившуюся въ его жильцѣ. Онъ сухо замѣчаетъ ему о неприличіи его поступка вообще, въ особенности-же при томъ усиливающимъ вину обстоятельствѣ, что Адамъ уже долженъ ему за нѣсколько мѣсяцевъ за квартиру. Но преобразившійся юноша совершенно утратилъ память о прошломъ и обладаетъ пониманіемъ вещей и житейскою опытностью не болѣе новорожденнаго младенца. Онъ доступенъ только одному ощущенію счастья бытія и стремится обнять своего несговорчиваго собесѣдника въ бархатной ермолкѣ и въ халатѣ. Хозяинъ, убѣдившись, что жилецъ сошелъ съ ума, кричитъ о помощи и ищетъ спасенія въ бѣгствѣ.

Между тѣмъ ревнивая сорока-пяти-лѣтняя жена его, проснувшись и увидя себя одну на брачномъ ложѣ, заподозриваетъ своего сожителя въ любовныхъ пашняхъ. Она первая прибѣгаетъ на крикъ, но, увидя природную наготу Адама, съ воплемъ выбѣгаетъ на лѣстницу, гдѣ и сталкивается съ сбѣжавшими на помощь сосѣдями. Происходитъ одинъ изъ тѣхъ скандаловъ, безъ которыхъ не обходится ни одинъ испанскій романъ, но тутъ скандалъ принимаетъ нѣсколько своеобразное развитіе.

„Сбѣгаются люди, шумъ усиливается. Каждый выдаетъ свое предположеніе за истину. Одинъ увѣряетъ, что схватили вора; другой говоритъ, что наносится оскорбленіе мадридскому народонаселенію, арестуютъ будто-бы рехидора (мера).

„На улицахъ образуются толпы. И вдругъ въ секретариатѣ разносится слухъ, будто поколеблены священнѣйшія основы и бука всѣхъ правительствъ—*анархія* появилась въ Алькала...

Въ результатѣ Адамъ, со своею невинностью новорожденнаго младенца, попадаетъ въ тюрьму.

Въ четвертой пѣснѣ мы застаемъ Адама уже цѣлый годъ прожившимъ въ тюрьмѣ, среди общества философовъ, которые не поставили ему въ осужденіе то, что онъ явился къ нимъ въ природной наготѣ. За это они даже приняли его лучше, чѣмъ еслибы онъ явился къ нимъ въ джентльменскомъ убранствѣ.

Общество закоренѣлыхъ злодѣевъ, среди которыхъ очутился Адамъ, ощущаетъ къ нему невольную симпатію за атлетическую его красоту и силу, за его дѣтскую душевную простоту. Они съ любовью занимаются воспитаніемъ своего юнаго сотоварища. Воспитаніе, конечно, выходитъ своеобразное и чисто-практическое. Адамъ не умѣетъ ни читать, ни писать, но онъ отлично владѣетъ *навахю* (складнымъ ножомъ), знаетъ всѣ азартныя игры, поетъ и играетъ на гитарѣ. Однимъ словомъ, въ одинъ годъ онъ обратился въ совершеннаго тюремнаго дэнди. Онъ въ совершенствѣ владѣетъ жаргономъ мадридскихъ воровскихъ шаекъ и не подозрѣваетъ даже существованія на свѣтѣ другого какого-нибудь языка. Онъ никогда не слыхалъ словъ добро и зло.

Въ числѣ тюремныхъ воспитателей Адама особеннымъ почетомъ пользуется *tío Lucas* (дядя Лука), сторбленный старичокъ, уже въ седьмой или восьмой разъ сводящій знакомство съ уголовнымъ судомъ за грабежъ-убійство и теперь, повидимому, терпѣливо ожидающійся, пока *la Vinda* (*вдова*—что на воровскомъ жаргонѣ обозначаетъ гильотину) покончить его земное страстіе. Эспронседа рисуетъ это лицо съ особенной яркостью и знаніемъ отверженныхъ словъ испанскаго общества.

Старикъ тоже любитъ Адама за его тюремную *hidalguia*. Къ тому-же онъ задумалъ планъ бѣгства, для приведенія въ исполненіе котораго ему нуженъ надежный товарищъ. Онъ и затѣялъ образовывать себя таковаго изъ Адама, отъ котораго, впрочемъ, тщательно скрываетъ свои намѣренія. По ночамъ, при тускломъ свѣтѣ ночника, притаившись, какъ дикій звѣрь, въ углу, на своей соломѣ, онъ читаетъ ему длинныя и практическія поученія въ родѣ слѣдующихъ:

„Смотри, сынъ Адамъ, никому не вѣрь; держи въ тайнѣ отъ себя самого, если можно, свои завѣтныя мысли. Если убивать кого-случится — норови въ сердце. Дурного намѣренія не забываютъ,

а забываютъ добрыя дѣла. Кто дурно сѣетъ, тотъ дурно и жнетъ. Мнѣ ни до чего нѣтъ дѣла. Осмотрительный человѣкъ долженъ умѣть ничего не видѣть, а правду пусть говоритъ *Иванъ-знаю-не-знаю* (Juan Niega)“.

Дядя Лука имѣетъ на свѣтѣ всего одну привязанность: родную дочь, Саладу. Она почти родилась и воспиталась въ тюрьмѣ, куда послѣдовала за отцомъ и гдѣ ведетъ непоэтическое существованіе маркитантки и контрабандистки. Она далеко не идеальная дѣвица, мастерски обдѣлываетъ свои дѣла, добываетъ отцу деньги на табакъ и на прочее и копить копейку на черный день. Но среди грязи и разврата, окружающихъ ее съ самаго дѣтства, она осталась непорочною, природнымъ инстинктомъ отличаетъ добро отъ зла и умѣетъ вселять къ себѣ уваженіе даже въ своемъ отцѣ.

Салада скоро полюбила Адама и онъ всецѣло отдалъ свое сердце тюремной красавицѣ. На скопленные про черный день деньги она выкупаетъ его изъ тюрьмы, чѣмъ и отнимаетъ у своего отца послѣднюю надежду на спасеніе. Старикъ даже и глазами не моргнулъ, онъ только прочелъ имъ напутственную рѣчь, не то благословеніе, не то проклятіе.

Испанскій Фаустъ влачитъ на свободѣ со своею юною подругою нищенское существованіе, вращаясь въ самыхъ низшихъ слояхъ мадридской черни. Тѣмъ не менѣе они счастливы, потому-что юношески цѣлостно относятся къ жизни. Оба они мастера постоять за себя, оба, однакожь, пользуются своими нравственными и физическими преимуществами только на благо себѣ и людямъ.

Мало-по-малу счастье раздѣленной любви перестаетъ удовлетворять возмужалаго Адама. Накопившійся избытокъ праздныхъ силъ требуетъ исхода. Но и это пробужденіе неудовлетворенныхъ чувствъ для него не составляетъ страданія, которое, по мнѣнію Эспронседы, является только плодомъ подавленности, а Адамъ и Салада ничего въ себѣ не подавляютъ. Съ полнымъ прямотушіемъ человѣка, видѣвшаго ложь и зло какъ нѣчто ему совершенно постороннее и чуждое, онъ рассказываетъ своей возлюбленной чудные сны, въ которыхъ по ночамъ представляются ему новыя и еще невѣдомыя ему стороны существованія.

Это пробужденіе стремленія къ подвигамъ поджигаетъ въ Адамѣ подозрительная личность „el cuga“ (попъ).

„El cuga“ объявляетъ, что онъ ищетъ себѣ надежнаго товарища на совершеніе подвига, который обогатитъ ихъ обоихъ и откроетъ имъ возможность такой жизни, о которой онъ, Адамъ, вѣроятно, никогда и не мечталъ. Адамъ охотно соглашается. Салада пытается удержать его, говоря, что „суга“ замыслилъ злое дѣло.

„Послушай, Салада, говоритъ онъ, — я не знаю, хорошее или дурное дѣло онъ замышляетъ, и не знаю вообще, что хорошо и что дурно. Я ѣду, куда меня влечетъ моя душа. Неужто я для того родился, чтобы жить въ вѣчной борьбѣ съ собою и никогда не слѣдовать проснувшемуся во мнѣ влеченію? Воображеніе рисуетъ мнѣ чудные образы, я хочу видѣть и осязать то, что подсказываетъ мнѣ мое воображеніе“.

Адамъ уходитъ съ патеромъ и съ нѣсколькими бандитами.

Вся толпа прокрадывается въ домъ богатой графини де-Альсира. Между тѣмъ, какъ бандиты расхищаютъ ея богатство, Адамъ, пораженный никогда невиданною имъ роскошью, совершенно не отдавая себѣ отчета въ томъ, что происходитъ вокругъ него и какая связь существуетъ между всѣмъ этимъ и блестящими общаніями, которыя надавалъ ему „el cuga“, бродитъ изъ комнаты въ комнату по мягкимъ коврамъ и входитъ въ спальню. На великолѣпной постели онъ видитъ передъ собою рѣдкой красоты спящую женщину. Между тѣмъ какъ онъ стоитъ, пораженный ея красотою, въ спальню прокрадывается одинъ изъ его сообщниковъ съ намѣреніемъ убить графиню. Адамъ защищаетъ ее. Но графиня уже проснулась. На крикъ сбѣжались люди.

Завидя хорошо ему знакомые мундиры полиціантовъ, Адамъ выскакиваетъ въ окошко. Къ разсвѣту случай приводитъ его къ дому, окна котораго ярко освѣщены и откуда ему слышатся то рыданія, то пѣсни и веселые крики. Заглянувъ въ окно, онъ увидѣлъ гробъ и около него рыдающую старуху...

Смерть помѣшала автору окончить это причудливое и замѣчательное произведеніе, о содержаніи котораго читатель можетъ теперь судить. Весьма сожалѣемъ, что не можемъ ему дать хотя приблизительное понятіе о художественныхъ его достоинствахъ и красотахъ.

Эм. Денегри.

М О Л И Т В А.

Въ порывѣ тайныхъ мукъ души моей разбитой
Ищу порой я Бога въ небесахъ,
И съ робкимъ лепетомъ молитвы позабытой
Передъ царемъ царей склоняюся во прахъ...

Я не прошу себѣ ни счастья, ни славы—
Ни на землѣ, ни въ дальней жизни—тамъ...
И не о родинѣ сурово-величавой
Моя мольба несется къ небесамъ.

Но близъ меня, въ постелѣ одинокой
Младенецъ спитъ безгрѣшнымъ, тихимъ сномъ,—
И я, съ тоской и вѣрою глубокой,
Молюсь Творцу о немъ одномъ:

Чтобы его тѣ бури миновали,
Чѣмъ жизнь моя отравлена была.
Чтобъ безъ борьбы мятежной и печали
Его душа младая разцвѣла.

Ив. Я—въ.

СУДЬБЫ ИРЛАНДИИ.

(J. A. Froude, the English in Ireland in the XVIII century, in 2 volumes, 1872.—H. J. Jervis, Ireland under the British Rule, 1868.—Gustave de Beaumont, l'Irlande sociale, politique et religieuse, 7-me édition, précédée d'une notice sur l'état présent de l'Irlande, 2 volumes, 1863. — W. H. Lecky, the Leaders of public opinion in Ireland, 1871.—John Stuart Mill, Chapters and Speeches on the Irish land question, 1870.—Gerald Fitzgibbon, the Land Difficulty in Ireland with an effort to solve it, 1869. — O'Connor Morris, Letters on the Land Question in Ireland, 1870.—John George Mac Carthy, Irish Land Questions plainly stated and answered, 1870.—Land Tenures and their consequences, Westminster Review, № LXXIII. — W. N. Molesworth, the History of England from the year 1830, in 2 volumes, 1872. — F. Broemel, O'Connell, в Staats-Lexicon von Rotteck und Welcker, Band.—Cobden, Club Essays, 1 and 2 volumes, 1872.—The Irish National School System, British Quarterly Review, 1869.—The Ministry and University Education in Ireland, Quaterly Review 1873, january. — Владѣніе и пользованіе землей въ различныхъ странахъ, собраніе статей современныхъ экономистовъ. Спб. 1871.—Новое хозяйство. Кооперативное земледѣіе. Издаѣль Баллинь. Спб. 1872.—С. Трэнчъ, Очерки ирландской жизни, пер. съ англійскаго. Спб. 1873.

I.

Исторія несчастной страны, о судьбахъ которой мы хотимъ говорить, начинается тысячи за двѣ лѣтъ до нашего времени. „Зеленый островъ“ находился тогда въ состояніи первобытной дикости; дѣвственная земля его была покрыта непроходимыми лѣсами и болотами; дожди и туманы дѣлали его климатъ чрезвычайно сырмъ и нездоровымъ. Неизвѣстно, кто были первые жители этой небольшой страны, на почвѣ которой суждено было рѣшаться въ продолженіи столѣтій самымъ важнымъ вопросамъ политики и социальныхъ отношеній. Но еще задолго до первыхъ нашествій англичанъ въ южной части острова поселились иберійскія племена, а на сѣверѣ скотты. Когда они размножились и разсѣялись по странѣ, то хотя и начали посредствомъ постепеннаго смѣшенія сливаться въ одну націю, но все-таки отдѣльные

роды находились въ состояніи постоянной борьбы между собой за землю, которая, по причинѣ своей первобытной дикости, могла доставлять средства существованія только немногимъ жителямъ. Предпринимая разбойничьи набѣги на Шотландскіе острова и Валлисъ, гдѣ они захватывали много рабовъ, ирландцы, въ свою очередь, подвергались частнымъ набѣгамъ скоттовъ, датчанъ и нормановъ. Но нездоровый климатъ зеленого Эрина, его лѣса и болота препятствовали завоевателямъ прочно утвердиться на островѣ. Даже Агрикола съ своими легионами, призываемый однимъ изъ ирландскихъ вождей въ 82 г. по Р. Х., не рискнулъ двинуться въ глубь острова для покоренія этой страны, суровость и дикость которой не мѣшали, однакожь, христіанскимъ миссіонерамъ дѣлать въ ней свое дѣло. Очень рано здѣсь возникли христіанскія общины и школы, сдѣлавшіяся первыми на всемъ западѣ и привлекавшія многочисленныхъ учениковъ даже изъ Британіи и Галліи. Но религиозные раздоры, возбужденные римскими агентами, обвинившими ирландцевъ въ VI в. въ ереси, и потомъ въ IX в. нашествіе норманновъ повели за собой паденіе зарождавшейся христіанской цивилизаціи. Хотя въ Дублинѣ и другихъ мѣстахъ продолжали существовать церкви и епископства, но даже сами епископы не соображались съ уставами римской церкви, а масса народа, хотя и обращаемая номинально въ христіанство, оставалась въ сущности языческою. Народъ раздѣлялся на племена, которыя избирали себѣ вождей, давали имъ поземельные участки, раздѣляли остальную землю между всѣми законнорожденными и незаконнорожденными родичами и управлялись своимъ обычнымъ правомъ, хранителями котораго были брегоны, жрецы-барды въ родѣ друидовъ. Границы родовыхъ земель то расширялись, то суживались, смотря по способностямъ и воинской предприимчивости вождей. Культура страны находилась на самой низкой ступени развитія. Занимаясь скотоводствомъ, ирландцы жили въ гористыхъ мѣстностяхъ или около озеръ въ убогихъ лачугахъ изъ плетня, обмазаннаго глиной. Въ минуты опасности они бросали эти лачуги и перебирались въ сосѣдніе лѣса. Ихъ копья, длинные ножи, еще болѣе длинные боевые топоры и лодки были крайне плохи, а употребленія сѣделъ они вовсе не знали. Въ XII в. на всемъ островѣ было не больше 300,000 жителей. Первый городъ былъ основанъ только въ IX столѣтіи норманами. Страш-

ная неприятелямъ своимъ климатомъ, лѣсами, болотами и туманами, Ирландія не имѣла политической силы. Междоусобія родовъ дополнялись еще междоусобіями королей, какъ назывались наиболѣе значительные вожди. Четыре провинціи, Лейнстеръ, Мюнстеръ, Ульстеръ и Коннотъ управлялись каждая своимъ королемъ. И хотя одинъ изъ этихъ королей считался главою всей Ирландіи, но его власть была только номинальная. Вслѣдствіе своей политической разъединенности, ирландцы не могли оказывать надлежащаго сопротивленія неприятельскимъ нашествіямъ, и когда въ половинѣ IX в. на нихъ напали датчане, то они хотя и успѣли отстоять свою независимость, но оказались не въ силахъ окончательно вытѣснить враговъ съ своего острова. Датчане поселились во многихъ прибрежныхъ мѣстностяхъ, основавъ здѣсь торговныя конторы и города Дублинъ, Уатерфордъ, Уэксфордъ.

При слабости свѣтской власти народъ все болѣе и болѣе подчинялся вліянію католическаго духовенства. Но это духовенство долго не было поставлено въ такую зависимость отъ Рима, какой требовалъ послѣдній. Въ XII в. папская власть начала энергически хлопотать объ организаціи и обычной эксплуатаціи ирландской церкви. Въ то-же время ирландскіе набѣги на Валлисъ и морскія разбои заставили англичанъ серьезно подумывать о покореніи острова, сосѣдство котораго невыгодно отзывалось на Англіи и которому суждено было быть втеченіи многихъ столѣтій самымъ больнымъ мѣстомъ могучаго британскаго государства. Папа Адрианъ IV, англичанинъ по происхожденію, рѣшился покорить островъ англійскому королю, а черезъ него и своей верховной власти. Въ 1156 году своею буллою онъ подарилъ Ирландію Генриху II, который, по словамъ лѣтописца, „считалъ завоеваніе дѣломъ легкимъ, зная, что ирландцы народъ невѣжественный и дикій“. Но этотъ расчетъ оказался совершенно неосновательнымъ. Завоеваніе началось въ 1169 году и кончилось только въ 1603 году, т. е. черезъ четыреста слишкомъ лѣтъ. Внутреннія дѣла самой Англіи и ея иностранныя отношенія, дикость Ирландіи, ея губительный климатъ, независимый духъ ея жителей, патриотизмъ въ соединеніи съ религіознымъ одушевленіемъ, несостоятельность англійской системы колонизаціи и управленія— все мѣшало окончательному покоренію острова. Англичане легко овладѣли извѣстною частью страны, но покорить ее всю

не могли втеченіи столѣтій. Вплоть до царствованія Елисаветы покоренная территория, называвшаяся *палисадникомъ*, по причинѣ палисадовъ и укрѣпленій на ея границахъ, не обнимала болѣе одной трети Ирландіи. Вслѣдствіе постоянныхъ войнъ съ туземцами, пространство палисадника то увеличивалось, то уменьшалось иногда до такой степени, что въ 1406 г. ирландцы безнаказанно могли опустошать предмѣстья Дублина, а въ половинѣ царствованія Генриха VIII палисадникъ занималъ не болѣе 20 кв. миль.

Генрихъ II, начавшій завоеваніе Ирландіи, не могъ покорить и удержать ее безъ своихъ вассаловъ; имъ слѣдовало платить за службу, а такъ-какъ платить было нечѣмъ, то, по феодальному обычаю, Генрихъ, получившій Ирландію въ подарокъ отъ духовнаго владѣнника міра, началъ дѣлить ее между своими сподвижниками. Такіе раздѣлы и передѣлы, продолжавшіеся до конца XVII в., вели за собой феодальное переустройство Ирландіи. Господа, получившіе отъ королей громадныя земли, дѣлались сюзеренами, въ зависимости отъ которыхъ стояли второстепенные бароны. Прежде земля принадлежала народу, который часть ея уступалъ своимъ вождямъ во временное пользованіе; теперь она переходила въ полную собственность феодаловъ и народъ за пользованіе ею былъ обязанъ платить обременительные налоги и повинности; если туземцы не покорялись ненавистному для нихъ порядку вещей, то они бросали свою родную землю, которую въ такомъ случаѣ феодалы старались заселить переселенцами изъ Англіи. И народъ и вожди скоро воспитали въ себѣ наслѣдственную ненависть къ феодальной системѣ, съ представителями которой они не переставали бороться и въ войнахъ, и въ открытыхъ мятежахъ, и посредствомъ частныхъ убійствъ, поджоговъ, отгона скота и т. п. Вѣковая борьба ирландцевъ за свою землю и независимость не могла имѣть желаннаго успѣха уже по одному тому, что ихъ племена и роды не соединялись во имя общаго національнаго дѣла, а, напротивъ, продолжали разорять несчастную родину своими междоусобицами, которыя сопровождались ужасными жестокостями. Когда, напримѣръ, Мак-Мурро разбилъ банды своего заклятаго врага Мак-Джилли Патрика, то въ видѣ трофея ему было представлено 300 человѣческихъ головъ; узнавъ въ одной изъ нихъ голову особенно ненавистнаго ему человѣка, Мурро отсѣкъ ей носъ и

уши. Англійскіе сеньоры, завоевавшіе Ирландію, вели дѣла не лучше ирландскихъ вождей. Нѣкоторые изъ нихъ, владѣя обширными землями, жили съ королевскою роскошью посреди своихъ многочисленныхъ вассаловъ, посвящали сами въ рыцари, имѣли свои собственные суды и даже королевскіе чиновники не допускались въ ихъ владѣнія. Король не жилъ въ Ирландіи и его власть не могла обуздывать своеволія феодаловъ, которые, вслѣдствіе этого, постоянно дрались другъ съ другомъ не на животъ, а на смерть. Въ XVI в. въ Лейнстеръ, Мюнстеръ, Кларъ, Килькенни и на сѣверѣ пользовались верховнымъ владычествомъ четыре фамиліи. Подъ ихъ властью страна была раздѣлена между 60 ирландскими вождями старой крови и 30 „великими шефами изъ благороднаго англійскаго народа“. Каждый изъ этихъ 90 предводителей имѣлъ среднимъ числомъ около 800 мечей и занимался единственно грабительскими войнами съ своими сосѣдами. Иногда само правительство поддерживало эти пагубныя распри и, не имѣя возможности, какъ слѣдуетъ, обуздать непокорнаго феодала, поднимало противъ него другихъ бароновъ, обѣщая его владѣнія тому, кто отниметъ ихъ. Желавшихъ оказывалось, конечно, много—и начиналась кровавая война, переходившая обыкновенно въ неменѣе кровавыя междоусобицы этихъ соперниковъ, которые мѣшали другъ другу овладѣть призомъ. Среди этой феодальной анархіи, которая въ Ирландіи была сильнѣе и продолжительнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, жизнь и благосостояніе человѣка ежеминутно находились въ опасности. Почти ни одинъ изъ ирландскихъ вождей не умиралъ естественною смертію. Въ 1422 г. анархія дошла до того, что, спасаясь отъ нея, землевладѣльцы, ремесленники, купцы ежедневно выселялись въ Англію.

„Право cadaго воевать, когда захочется, съ своимъ сосѣдомъ было великою хартіей ирландской свободы“, говоритъ Фраудъ. Англичане впродолженіи пѣлыхъ столѣтій не могли замѣнить этой хартіи своими законами. Они принесли сюда свою хартію и судъ присяжныхъ, они составляли законы въ ирландскомъ парламентѣ, состоявшемъ изъ лордовъ и представителей общинъ, они ставили судей и администраторовъ, издавали строгія постановленія противъ нарушителей общественнаго мира, но ничто не обуздывало анархіи. Короли не жили въ Ирландіи и втеченіи четырехъ сотъ лѣтъ только трое изъ нихъ пріѣзжали сюда не надолго. Вице-короли-же были

обыкновенно или слишком могущественны или совершенно бессильны. Если они выбирались изъ ирландскихъ феодаловъ, то держали ихъ сторону противъ короля; въ противномъ-же случаѣ, не имѣя подъ собой твердой почвы во враждебной странѣ, они не оказывали никакого вліянія на сильныхъ вассаловъ и старались только о томъ, какъ-бы поскорѣе и побольше нажитья отъ своей должности. При этомъ и вице-короли, и всѣ другіе чиновники, и крупные землевладѣльцы пріѣзжали изъ Англіи только на время и старались какъ можно скорѣе вернуться съ полудикаго зеленого острова въ свое цивилизованное отечество. Почти всѣ англо-норманы, получившіе земли въ Ирландіи, владѣли вмѣстѣ съ тѣмъ значительными помѣстьями въ самой Англіи и жили въ нихъ или въ Лондонѣ, рѣдко заглядывая въ свои ирландскія имѣнія и заботясь только о томъ, какъ-бы больше получать доходовъ съ своихъ ирландскихъ арендаторовъ. Англійское правительство боролось противъ этого абсентеизма не менѣе, чѣмъ противъ феодальной анархіи. При Эдуардѣ I оно заявляло, что страна волнуется и страдаетъ вслѣдствіе отсутствія крупныхъ землевладѣльцевъ, которые не живутъ въ ней и не защищаютъ ее. Ричардъ II обложилъ абсентеистовъ податью. Генрихъ VIII постановилъ конфисковать двѣ трети земель ихъ въ пользу короны. Но всѣ подобныя строгости были больше на словахъ и на бумагѣ, чѣмъ на дѣлѣ, и англійское правительство прибѣгало къ подобнымъ угрозамъ только по временамъ, отличаясь большею частью слабостью, естественною при его безсиліи. Англія никогда не могла твердо и долгое время держаться одной извѣстной политики относительно Ирландіи. Прибѣгая по временамъ къ строгостямъ и деспотизму, она вслѣдъ за тѣмъ перемѣняла характеръ насильственнаго управленія, сознавая его дороговизну, надѣясь, что оно болѣе не нужно, или-же признавъ его ошибкою. Слѣдовали ослабленіе, компромиссы, уступки; затѣмъ возобновлялись прежнія смуты и волненія и правительство снова обращалось къ строгимъ мѣрамъ, пока не проходилъ припадокъ его суровой раздражительности, вызванной обстоятельствами.

Постоянные бунты и междоусобія ирландцевъ, отсутствіе короля и крупныхъ феодаловъ, распри второстепенныхъ англійскихъ землевладѣльцевъ—все это мѣшало утвержденію въ странѣ англійской власти и культуры. Всѣ усилія англинизировать

Ирландію не вели ни къ чему. Изъ Англіи сюда выселялось не мало колонистовъ, которые большею частью жили по городамъ, занимаясь торговлей и промышленностью. Эти городскія общины получали извѣстныя привилегіи и составляли изъ себя муниципальныя корпораціи, въ которыя ирландцы не имѣли доступа. Повидимому, это былъ элементъ самый годный для англонизированія страны; но подобно тому, какъ потомки англичанъ, поселившихся въ Шотландіи, превратились въ шотландцевъ и храбро бились потомъ за шотландскія права во главѣ шотландскихъ клановъ, такъ и эти англо-ирландцы быстро акклиматизировались въ своемъ новомъ отечествѣ. „Англичане въ Ирландіи, говорится въ одномъ официальномъ документѣ XIV в.,—превратились совершенно въ ирландцевъ по языку, именамъ, обычаямъ и всему образу жизни; оставивъ свои родные законы, они подчинились законамъ ирландцевъ, съ которыми они посредствомъ браковъ и другими способами, входятъ постоянно въ союзы, угрожающіе паденіемъ колоніи“. Англійское правительство энергично вооружалось противъ такого превращенія и старалось остановить его законами, столько-же нелѣпыми, сколько и жестокими. Эдуардъ III объявилъ неспособными быть землевладѣльцами всѣхъ англичанъ, родившихся въ Ирландіи, и замѣнилъ ихъ выходцами изъ Англіи. Этотъ король, посредствомъ парламента, составленнаго изъ его креатуръ, издалъ и такъ-называемые килькеннскіе статуты. Вступленіе въ какой-бы то ни было союзъ съ ирландцами, подчиненіе ихъ законамъ, вступленіе съ ними въ бракъ объявлялось государственной измѣной, и при Эдуардѣ IV графъ Десмондъ былъ казненъ смертью за свою женитьбу на ирландкѣ. Конфискація имущества и тюремное заключеніе угрожали каждому англичанину, который жилъ по ирландскому обычаю, носилъ, какъ ирландецъ, усы и не брилъ верхней губы, „по крайней мѣрѣ, однажды въ двѣ недѣли“, ходилъ въ разноцвѣтномъ платьѣ, назывался ирландскимъ именемъ или говорилъ по-ирландски. Англичанинъ, дозволявшій на своихъ земляхъ пасти скоту, тѣмъ самымъ совершалъ преступленіе. Принимать ирландцевъ въ общественную и государственную службу было строжайше воспрещено. Туземцы, желавшіе пользоваться покровительствомъ англійскихъ законовъ, должны были жить на англійской территоріи и превращаться во всѣхъ отношеніяхъ въ англи-

чанъ. Жившіе внѣ границъ англійской колоніи назывались „ирландскими врагами короля“. Англичанамъ запрещено было даже посѣщать ихъ и торговать съ ними. Ирландецъ, зашедшій на территорию англійской колоніи, подлежалъ аресту и суду, какъ шпионъ. Каждому „вѣрнооподданному“ дано было право убивать каждаго ирландца, котораго онъ считалъ „завѣдомымъ воромъ“, хотя бы и не поймалъ его на мѣстѣ преступленія. Эти законы большею частію были рѣшительно невыполнимы при тогдашнихъ условіяхъ и возмущали почти одинаково обѣ стороны, — и англійскихъ колонистовъ, и ирландцевъ. Правда, что туземцы не всегда жили въ мирѣ съ англо-ирландцами, но за то послѣдніе всегда соединялись съ ними общимъ чувствомъ недовольства англійскимъ управленіемъ. Англо-ирландцы особенно возмущались тѣмъ, что вице-короли, созывая парламенты по своему произволу, заставляли ихъ издавать законы, служившіе только интересамъ партій или отдѣльных лицъ и нерѣдко лишенные малѣйшихъ признаковъ справедливости. На жалобы ирландцевъ правительство отвѣчало въ 1494 г. такъ-называемымъ Poining's Act'омъ, въ силу котораго ирландскому парламенту было предоставлено обсужденіе только тѣхъ мѣръ и биллей, которые одобрены англійскимъ кабинетомъ. Но забота о расширеніи правъ и конституціонныхъ вольностей, англо-ирландцы имѣли въ виду исключительно себя. Устраненные изъ городскихъ общинъ, туземцы вообще ненавидѣли всякое англійское право и жили по своимъ древнимъ обычаямъ, по-прежнему выбирали своихъ вождей, дрались между собой и съ англичанами. Англійскіе бароны, съ своей стороны, учинявшіе всевозможные беспорядки и безмѣрно угнетавшіе ирландцевъ, тоже препятствовали распространенію на послѣднихъ покровительства англійскаго права. Англійская культура не прививалась къ ирландцамъ, которые даже въ XVI в., какъ и до нашествія англичанъ, жили въ землянкахъ, ѣздили безъ сѣделъ, жили вмѣстѣ съ скотомъ даже въ нѣкоторыхъ графскихъ замкахъ, а дочери знаменитѣйшихъ ульстерскихъ вождей не стѣснялись показываться посѣтителямъ въ костюмѣ Евы до грѣхопаденія. Англичане, стараясь отдѣлать туземныхъ вождей отъ народной массы, хлопотали о цивилизованіи первыхъ. Много труда имъ стоило убѣдить этихъ дикарей носить шелковые штаны и чулки, ѣздить на сѣдлахъ, не держать министредей, не ѣсть за однимъ столомъ и

изъ одной чашки съ своею прислугой и т. д. Вѣковая связь вождей съ народомъ и зависимость отъ послѣдняго мѣшали своекорыстнымъ цивилизаторскимъ попыткамъ англичанъ, вожди чрезвычайно туго превращались въ аристократовъ, а народная масса тѣмъ болѣе оставалась при своихъ старыхъ понятіяхъ и обычаяхъ. Лѣса и болота покрывали страну; дорогъ было мало и между многими провинціями не было сообщенія. Торговля находилась въ самомъ плачевномъ положеніи, угнетаемая множествомъ пошлинъ. Въмѣсто денегъ уплачивали скотомъ. Торговать съ Англіей было опасно, вслѣдствіе морскихъ разбоевъ. Торговать съ ирландцами часто запрещалось, за что они мстили ограбленіемъ купцовъ, встрѣчая, однакожь, въ этихъ разбояхъ сильныхъ соперниковъ—англо-ирландскихъ бароновъ.

II.

Впродолженіи четырехъ столѣтій своего владычества англичане успѣли занять не больше одной трети ирландской территоріи, и правительство, имѣя въ Ирландіи только горсть вѣрноподданныхъ англичанъ, должно было бороться съ безусловно враждебною массою туземцевъ и съ непокорнымъ народонаселеніемъ англо-ирландской колоніи. Но что не удавалось втеченіи четырехъ вѣковъ, то было совершено въ сто лѣтъ; Генрихъ VIII, Елисавета и Кромвель обратили на несчастный островъ всѣ силы Англіи и Ирландія была окончательно завоевана.

Ко всѣмъ остальнымъ мотивамъ ожесточенной вѣковой борьбы двухъ странъ и ихъ взаимной ненависти присоединился еще новый—религія.

Англійская реформація была дѣломъ государственнымъ. Сущность ея заключалась не въ отиѣнѣ нѣкоторыхъ римско-католическихъ обрядовъ и догматовъ, а въ выходѣ англійской церкви изъ-подъ власти папы. Главою англиканской церкви и ея непогрѣшимымъ папою сдѣлался король. Переворотъ совершенъ имъ при помощи аристократіи, которая воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы присвоить себѣ богатія монастырскія имущества. Англиканская церковь, высшее духовенство которой поставлено въ первыхъ рядахъ аристократіи, сдѣлалась опорой аристократиче-

скихъ учрежденій страны. 39 параграфовъ ея кодекса возведены на степень государственныхъ узаконеній, нарушеніе которыхъ преслѣдуется поэтому свѣтскимъ уголовнымъ закономъ. Объявивъ себя господствующею церковью, англиканство отказалось признавать церковью на ряду съ собою какъ католицизмъ, такъ и дѣйствительно реформаторскія вѣроисповѣданія пуританъ, квакеровъ и другихъ сектантовъ. Въ великой религіозной борьбѣ, раздѣлившей Европу на два враждебныхъ лагеря, Англія приняла на себя дѣятельную защиту протестантства, между тѣмъ какъ Ирландія осталась католической и сдѣлалась еще болѣе враждебной Англіи, чѣмъ прежде. Эта вѣчно возбужденная страна, непризнававшая англійскаго короля ни своимъ государемъ, ни главою церкви, должна была сдѣлаться протестантскою и собственностью англійскихъ протестантовъ. Столь враждебныя между собою англиканская монархія и протестантская республика относительно Ирландіи слѣдовали одной политикѣ и горѣли религіозною ненавистью къ католикамъ,—ненавистью, которая сливалась съ жаждою власти и присвоенія ирландской земли. Но если религіозный фанатизмъ былъ такъ силенъ въ Англіи, то въ Ирландіи онъ былъ еще сильнѣе; здѣсь онъ соединялся съ вѣковой враждою къ англичанамъ, съ патриотизмомъ, съ упорнымъ желаніемъ сохранить національную независимость и право собственности на землю. Въ Ирландіи не было подготовлено никакой почвы для протестантства, которое даже въ своей англиканской формѣ соединяется съ извѣстною свободою мышленія и основано на научномъ изслѣдованіи. Но англичане, старавшіеся обезсилить Ирландію посредствомъ раззоренія и бѣдности, не только не заботились объ умственномъ развитіи ирландцевъ, но даже преднамѣренно удерживали ихъ въ состояніи глубокаго невѣжества. При Генрихахъ V и VI ирландскіе студенты были изганы изъ англійскихъ университетовъ, которые съ тѣхъ поръ перестали принимать ирландцевъ. Въ 1311 и 1465 гг. были сдѣланы попытки основать ирландскій университетъ, но попытки эти не удались и вся система народнаго образованія по-прежнему ограничивалась немногими монастырскими школами. Умами народа безусловно управляло католическое духовенство, масса котораго равнялась своимъ невѣжествомъ съ народомъ, а образованнѣйшіе представители были воспитанниками іезуитовъ Испаніи и Италіи. Агенты католическихъ правительствъ,

папскіе эмиссары, отряды иностранныхъ католиковъ постоянно волновали Ирландію и надежда на помощь заграничныхъ единовѣрцевъ поддерживала ея духъ даже въ критическіе моменты. Правовѣрные ирландцы считали папу своимъ верховнымъ владыкою, а возстаніе противъ англійскаго короля—подвигомъ вѣры и благочестія. Пуританская республика, принципы революціи и вытекшаго изъ нея конституціоннаго режима были для нихъ такъ-же ненавистны, какъ и 39 пунктовъ англиканскаго символа. Реставрація абсолютной монархіи была ихъ завѣтной мечтой, а, въ случаѣ успѣха, искорененіе протестантской ереси — первою обязанностью.

При такихъ условіяхъ одна изъ этихъ странъ неизбѣжно должна была покорить другую. Генрихъ VIII, Елисавета, Кромвель не пожалѣли ни людей, ни денегъ, чтобы завоевать Ирландію и сдѣлать ее протестантскою. Цѣлое столѣтіе войнъ привело, наконецъ, къ покоренію всего острова; ирландскій парламентъ, составленный изъ клевретовъ Англій, призналъ англійскаго короля верховнымъ владыкою страны, англиканская церковь объявлена господствующей, католицизмъ—преступною ересью, а вся земля—собственностью протестантовъ. Немногіе туземные вожди, примирившіеся съ вѣрою и властью англичанъ, передавали свои права въ руки короля, а онъ потомъ жаловалъ имъ земли ихъ племенъ и, облакая ихъ всѣми привилегіями феодальныхъ бароновъ, тѣмъ самымъ отдѣлялъ ихъ отъ массы народа и сливалъ съ англійскою аристократіей. Но такихъ личностей было немного; большинство-же ирландскихъ вождей стояло за свою вѣру и за свой народъ, а потому и лишилось вмѣстѣ съ послѣднимъ всѣхъ своихъ земель.

Усмиряя „мятежи“ ирландцевъ, Елисавета первая положила основаніе системѣ конфискаціи всей ирландской земли. Въ провинціи Мюнстеръ она конфисковала 600,000 акровъ и раздала ихъ въ собственность своимъ любимцамъ и другимъ лицамъ на различныхъ условіяхъ, изъ которыхъ главное состояло въ томъ, что эти новые бароны не должны были имѣть на своей землѣ никакихъ земледѣльцевъ или фермеровъ ирландскаго происхожденія. Туземные собственники этой территоріи принуждены были удалиться въ дикіе лѣса и въ горы, негодные къ воздѣлыванію. Здѣсь, отвыкая отъ земледѣлія, они превращались въ охотни-

ковъ, скотоводовъ, воинственныхъ партизановъ, которые, постепенно увеличиваясь въ числѣ посредствомъ естественнаго разнорженія и переселенія новыхъ изгнанниковъ и бѣглецовъ, дѣлались грозой англійскихъ колоній. Яковъ I, воспользовавшись мнимымъ или дѣйствительнымъ заговоромъ нѣсколькихъ ирландскихъ вождей, конфисковалъ въ шести сѣверныхъ графствахъ около 500,000 акровъ земли и началъ раздавать ее въ собственность англичанъ и шотландцевъ, принадлежащихъ къ господствующей церкви. Но этого показалось мало, и Яковъ учредилъ комиссію для повѣрки правъ ирландскихъ землевладѣльцевъ. Толпа законовѣдовъ бросилась на Ирландію, начала разсматривать старыя пергаменты и грамоты, открывать въ нихъ подлоги, формальную несостоятельность и объявлять недѣйствительными основанныя на нихъ владѣльческія права. Такимъ образомъ, было конфисковано еще 450,000 акровъ. Англійское общество съ жадностью бросалось на эти земли. Офицеры, всевозможные авантюристы, любимцы двора, прислужники аристократовъ и чиновниковъ—всѣ стремились сдѣлаться ирландскими землевладѣльцами. Въ виду такого запроса, при Карлѣ I вице-король, лордъ Страффордъ, рѣшился конфисковать цѣлую обширную провинцію Коннотъ. При Елисаветѣ открылось, что коннотское дворянство не имѣетъ никакихъ формальныхъ правъ на занимаемую имъ землю; за извѣстную плату Елисавета дала имъ эти права; но такъ-какъ они не были надлежащимъ образомъ оформлены, то при Яковѣ I землевладѣльцевъ принудили просить о подтвержденіи ихъ правъ новыми патентами. Они заплатили 3,000 ф. ст. за надлежащую регистрацію ихъ патентовъ, но правительство, взявъ деньги, опять не выполнило этой формальности. Страффордъ отнялъ у нихъ всѣ земли. Онъ отправился въ Коннотъ съ юристами и солдатами. Первые доказывали несостоятельность землевладѣльческихъ актовъ и правъ, а послѣдніе споняли землевладѣльцевъ съ земель, которыя юристы объявляли коронною собственностью. Въ одномъ только графствѣ Галвѣй Страффордъ встрѣтилъ оппозицію своимъ захватамъ, которымъ онъ желалъ придать видъ легальности, и отдалъ дѣло на судъ двѣнадцати присяжныхъ, предоставивъ имъ рѣшить, принадлежитъ-ли земля графства королю Англій. Ни подкупъ, ни угрозы, ничто не могло заставить присяжныхъ и шерифа Дѣрси дать на этотъ вопросъ утвердительный отвѣтъ.

Вице-король наложилъ на шерифа штрафъ въ 1,000 ф. ст., арестоваль его и вмѣстѣ съ присяжными отправилъ Дублингъ, гдѣ ихъ подвергли ужаснымъ пыткамъ: жгли раскаленнымъ желѣзомъ, прокалывали языкъ иглками, обрѣзали уши, наложили штрафъ по 4,000 ф. ст. на каждого, такъ-какъ они не захотѣли исполнить судебного приговора и признать свое рѣшеніе преднамѣренно лживымъ. Страффордъ требовалъ казни шерифа, но послѣдній скоро умеръ въ тюрьмѣ, и новый составъ присяжныхъ призналъ, что Галвей, какъ и вся коннотская провинція, принадлежитъ королю. Для подавленія мятежа 1641 года англичане заняли у многихъ частныхъ лицъ 1,750,000 ф. ст. и въ уплату этого долга роздали имъ 2,500,000 акровъ ирландской земли. Реставрація Карла II заставила трепетать этихъ новыхъ землевладѣльцевъ, состоявшихъ большею частію изъ кромвелевскихъ солдатъ и ярыхъ республиканцевъ. Карлъ началъ жестоко преслѣдовать ирландскихъ католиковъ и, чтобы отдѣлаться отъ ихъ жалобъ, безусловно запретилъ имъ выѣзжать изъ Ирландіи въ Англію, бросая въ тюрьмы и объявляя бунтовщиками тѣхъ, которые послѣ этого осмѣливались показываться въ Лондонѣ. Въ Ирландіи былъ открытъ судъ жалобъ (court of claims) для возстановленія правъ тѣхъ землевладѣльцевъ, которые были незаконно лишены ихъ во время предыдущихъ конфискацій. Судъ началъ возстановлять многихъ въ правахъ ихъ, но невинныхъ оказалось такое множество, что правительство принуждено было прекратить дѣятельность этого суда, и Карлъ продолжалъ прежнюю систему конфискацій. Его фаворитъ Ормондъ получилъ земли, приносяшія въ годъ 70,000 ф. ст. дохода; герцогу юркскому было дано 120,000 акровъ; даже придворные лакеи и ихъ жены участвовали въ выгодахъ конфискаціи. При Вильгельмѣ III четыре тысячи ирландскихъ сторонниковъ изгнаннаго изъ Англіи Якова II были объявлены измѣнниками и ихъ земли, составлявшія 1,600,000 акровъ, конфискованы.

Путемъ этихъ систематическихъ конфискацій изъ 11,000,000 акровъ ирландской земли къ началу XVIII в. во владѣніи католиковъ осталось около 1,000,000 акровъ, да и тѣ принадлежали не болѣе, какъ пяти-шести католическимъ фамиліямъ англійскаго происхожденія. Передъ мятежомъ 1641 г. въ Ирландіи считалось 2,200,000 жителей, изъ нихъ 220,000 англій-

свихъ поселенцевъ, болѣе 100,000 шотландцевъ и 1,100,000 англо-ирландцевъ, изъ которыхъ болѣе 800,000 были католиками. Во время мятежа погибло и эмигрировало около 500,000 ирландцевъ и англо-ирландцевъ и 112,000 англичанъ. Всѣ мѣры были приняты, чтобы сдѣлать Ирландію протестантскою, но, въ концѣ концовъ, на 1 протестанта все-таки приходилось 8 католиковъ. Чтобы обезпечить за протестантами власть и значеніе, конфискованныя и неконфискованныя земли были заселяемы такъ, чтобы самыя выгодныя и важныя мѣстности оставались въ рукахъ протестантовъ, а чтобы парализировать мятежныя силы ирландцевъ, со временъ Елисаветы было принято переселять и расселять ихъ въ перемежку съ протестантами. Когда эта система оказалась недостигающею цѣли, то рѣшились переселить всѣхъ ирландцевъ въ одну провинцію, а три остальныхъ провинціи острова сдѣлать исключительно протестантскими. Составителемъ этого чудовищнаго плана былъ Кромвель, который „нашелъ крайне затруднительнымъ окончательное искорененіе ирландскаго народа, замышляемое имъ сначала, и рѣшился замѣнить его переселеніемъ“, говоритъ одинъ старинный историкъ. Провинція Коннотъ, увеличенная присоединеннымъ къ ней графствомъ Клэръ, была объявлена единственнымъ мѣстомъ, въ которомъ дозволялось жить ирландскимъ католикамъ. Всѣ, разоренныя войной, всѣ, преслѣдуемые, всѣ, нежелавшіе измѣнить своей вѣрѣ и даже по наружности быть англичанами, вся ирландская бѣдность со своими лохмотьями, со своимъ фанатизмомъ и любовью къ родинѣ, бросились въ Коннотъ, обратный переходъ границы котораго имъ былъ запрещенъ. Каждый ирландца, встрѣченнаго на лѣвомъ берегу рѣки Шаннонъ, бывшей границею, могъ убить всякій совершенно безнаказанно. Заперевъ католиковъ въ одну провинцію, англичане сочли необходимымъ и въ этой провинціи утвердить господствующее вліяніе протестантовъ. Оставивъ католикамъ деревни, они рѣшили сдѣлать протестантскими города, населенные исключительно англичанами католическаго вѣроисповѣданія. Республиканскій генералъ Кутъ живо „очистилъ города“ и изгналъ всѣхъ буржуа изъ домовъ ихъ, оставивъ только въ Галвеѣ нѣсколько преклонныхъ и больныхъ стариковъ, которыхъ невозможно было выгнать въ тогдашнее холодное время; но правительство Кромвеля предписало ему изгнать и ихъ, коль

скоро наступитъ менѣе суровая погода. Изгнанные были замѣнены новыми горожанами, преимущественно солдатами и офицерами кромвелевской арміи. Что-же касается остальныхъ трехъ провинцій, то онѣ были отданы исключительно англійскимъ и шотландскимъ протестантамъ, среди которыхъ было дозволено селиться кальвинистамъ и другимъ протестантскимъ эмигрантамъ континента. Въ разное время изъ этихъ выходцевъ составился въ ирландскихъ городахъ довольно значительный контингентъ промышленнаго населенія, составлявшаго вмѣстѣ съ кромвелевскими колонистами лучшую и наиболѣе развитую часть протестантскихъ переселенцевъ, остальная масса которыхъ состояла изъ людей самой сомнительной репутаціи, разныхъ спекуляторовъ, прихвостней сильныхъ англійскаго міра, плутоватыхъ барышниковъ и такъ-называемыхъ „авантюристовъ“, которые ссужали правительство деньгами на завоеваніе и усмиреніе Ирландіи и въ уплату получали ирландскія земли.

Такимъ образомъ, Ирландія сдѣлалась протестантскою собственностью: протестанты владѣли землей въ качествѣ феодаловъ, протестанты господствовали въ городскихъ общинахъ, протестанты выбирали протестантскихъ депутатовъ въ ирландскій парламентъ, а протестантско-англиканская церковь, содержащая на счетъ католической Ирландіи, сдѣлалась государственною. Но при всемъ этомъ ирландцы не обратились въ протестантовъ и, въ довершеніе всѣхъ ужасовъ, несчастная страна болѣе двухъ столѣтій принуждена была выносить всю тяжесть систематическаго религіознаго гоненія. Вѣроисповѣданіе господствующихъ классовъ и религіозная политика Англій измѣнялись нѣсколько разъ, но при каждой перемѣнѣ находились предлоги къ угнетенію ирландскихъ католиковъ. Ихъ преслѣдовали даже тайные паписты Стюарты, а Вильгельмъ III, сторонникъ вѣротерпимости, вынужденъ былъ поступать съ ними такъ-же жестоко, какъ и ярые фанатики кромвелевской республики. Во всѣхъ этихъ случаяхъ къ религіозному фанатизму присоединялись своекорыстные политическіе, сословные и частные интересы, удовлетворять которымъ было такъ удобно подъ предлогомъ искорененія богопротивной ереси. Предлогъ же этотъ всегда можно было найти, благодаря фанатизму и постояннымъ матажамъ ирландцевъ. Религіозно-національные матажи и усмиренія ихъ сопровождались не только конфискаціей земли, но

и истребленіемъ и раззореніемъ значительной части народа. Ирландское духовенство, папскіе эмиссары, высадки испанскихъ и французскихъ войскъ, интриги низложенныхъ Стюартовъ поддерживали народный фанатизмъ, который и безъ того имѣлъ достаточно жизненныхъ силъ, чтобы не быть подавленнымъ англійскимъ игомъ. Но причины мятежей, какъ увидимъ ниже, невозможно объяснять однимъ религіознымъ фанатизмомъ, который, подобно фанатизму протестантовъ-завоевателей, соединялся съ политическими интересами, съ стремленіями національнаго чувства, и прикрывалъ ихъ своимъ священнымъ знаменемъ.

Такъ-называемые „мятежи“ или борьба ирландцевъ за національную независимость значительно усилились и приняли характеръ священной войны съ тѣхъ поръ, какъ Англія сбросила съ себя иго папы. Война противъ англійскихъ еретиковъ сдѣлалась религіозною обязанностью, а окончательное истребленіе ихъ проповѣдывалось съ церковныхъ кафедръ и обсуждалось на соборахъ ирландскаго духовенства. Первый общій мятежъ былъ при Елисаветѣ и война продолжалась цѣлыхъ шесть лѣтъ. Четыре ирландскихъ провинціи возставали сначала поодиночкѣ и были усмиряемы, потомъ онѣ возстали все разомъ, поддерживаемыя иностранными католиками, и снова были усмирены, раззорены, залиты кровью. Второй великій мятежъ начался въ 1641 г., будучи вызванъ политическимъ гнетомъ и угрозами англійскаго парламента искоренить въ Ирландіи католичество. Въ октябрѣ мѣсяцѣ все ульстерскіе ирландцы, которыхъ согналъ съ ихъ земель Яковъ I, чтобы замѣнить ихъ протестантами, возстали подъ предводительствомъ О'Нейля и дали клятву не оставить въ странѣ ни одного англичанина. Сначала они ограничивались только изгнаніемъ протестантовъ и отнятіемъ ихъ имущества, но сопротивленіе скоро довело ихъ до самыхъ варварскихъ жестокостей. Они начали избивать протестантовъ, не пада ни пола, ни возраста, насилуя женщинъ, разможжая головы дѣтей, сожигая фермы, избивая коровъ и овецъ безъ всякой пользы для себя. „Захвативъ плѣнниковъ, они нерѣдко запирали ихъ въ какое-нибудь зданіе, зажигали его и, подъ вопли несчастныхъ жертвъ, пожираемыхъ пламенемъ, предъвались адской радости. Многихъ плѣнниковъ топили въ рѣкахъ. Ирландскіе священники поощряли бойню. Женщины осыпали несчастныхъ англичанъ

своими проклятіями и обагрѣли руки въ крови ихъ. Даже дѣти, руководимыя безсильною злобой, пробовали свое желѣзо на груди беззащитнаго протестанта“ (Leland). Въ первый годъ мятежа было истреблено не менѣе 37,000 англичанъ. Множество ихъ, избѣгнувъ смерти отъ руки мятежниковъ, бѣжало въ города, преимущественно въ Дублинъ, умирая дорогой съ голоду, холоду, наполняя городскія улицы и разнося съ собою смертоносную эпидемію, жертвами которой въ одномъ только Дублинѣ было наполнено два новыхъ кладбища. Возмущенное общественное мнѣніе Англій требовало „истребленія злодѣйскаго народа“. Религіозный фанатизмъ и національная ненависть готовили смертоносную войну Ирландіи, а жажда поживы имуществами мятежниковъ доходила до того, что лордъ, судья Ирландіи, Парсонсъ со своими товарищами преднамѣренно раздувалъ мятежъ и старался запутать въ него какъ можно болѣе лицъ, чтобы потомъ поживиться ихъ конфискованными богатствами. Англійскій парламентъ, торжественно заявивъ, что онъ не потерпитъ больше папизма въ Ирландіи, отправилъ въ нее 50,000 англичанъ и шотландцевъ. Комиссары парламента въ своихъ инструкціяхъ начальству этой арміи предписывали „поражать, убивать, истреблять всѣхъ бунтовщиковъ, ихъ соучастниковъ и приверженцевъ; сожигать, опустошать, разворять, грабить, разрушать всѣ мѣста, города, дома, въ которыхъ мятежники находятъ убѣжище или помощь, истреблять въ нихъ съѣстные припасы, убивать и уничтожать каждаго носящаго оружіе, встрѣченнаго въ этихъ мѣстахъ“. Инструкціи исполнялись точно. Ирландцы имѣли подъ ружьемъ больше 200,000 человекъ, но ихъ силы были разсѣяны и ослаблены обычными раздорами. Англичане, подъ предводительствомъ Кромвеля, имѣли рѣшительный успѣхъ, поголовно избивая жителей взятыхъ съ бою городовъ, оскверняя святыя мѣста, разрывая и грабя могилы, превращая въ казармы и конюшни католическіе церкви и монастыри. Гарнизонъ Дрогеды, послѣ упорной защиты сданный на честное слово, что ему будетъ сохранена жизнь, по приказанію Кромвеля былъ перебитъ до одного человѣка. Разсвирѣпѣвшіе солдаты, покончивъ съ гарнизономъ, начали рѣзать беззащитныхъ жителей и умертвили тысячу человекъ, искавшихъ убѣжища въ церкви. Точно такъ-же было поступлено съ гарнизономъ и жителями Уэксфорда. Страхъ, внушенный Кромвелемъ,

былъ таковъ, что города, лежавшіе миль за пятьдесятъ отъ его пути, послали къ нему заявленія покорности и предлагали подъ его конюшни свои церкви. Страпа была разорена. Многіе жители проданы въ рабство въ Вестъ-Индію по 25 ф. за душу. Однажды разомъ схватили 1,000 молодыхъ дѣвушекъ и отправили ихъ для продажи на Ямайку. Мятежъ 1641 года и его усмиреніе стоили Ирландіи около 600,000 человѣческихъ жизней. Черезъ сорокъ лѣтъ слѣдовало новое общее возстаніе, когда Ирландія поднялась во имя изгнаннаго изъ Англіи и принятаго ею Якова и была усмирена Вильгельмомъ. Но этимъ дѣло не кончилось. Мятежи, поддерживаемые сначала Стюартами, а потомъ иностранными государствами, продолжались вплоть до половины XVIII вѣка, когда они потеряли свой преимущественно-религіозный характеръ.

При усмиреніи этихъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ мятежей и заговоровъ ирландскіе католики гибли тысячами, въ конецъ разорялись, умирали съ голода, бѣжали за-границу, но не вымирали окончательно, а, напротивъ, размножались, превращаясь въ плотную революціонную націю, неперестававшую вызывать своихъ англійскихъ властителей на смертельную борьбу. Искорененіе католицизма силою оружія оказалось невозможнымъ и для содѣйствія этой силѣ пустили въ ходъ еще другую—силу законовъ, которая должна была окончательно подавить Ирландію. Начиная съ Генриха VIII и до конца XVIII вѣка, ирландскіе католики были подчинены системѣ такъ-называемыхъ уголовныхъ законовъ. Съ самаго начала реформаціи католическій культъ былъ запрещенъ въ Англіи подъ страхомъ тяжкихъ наказаній, и хотя этотъ законъ никогда не прилагался къ дѣлу въ Ирландіи, но упомянутая система и здѣсь стремилась къ совершенному искорененію католицизма. Въ 1-му мая 1698 года всѣ архіепископы, епископы, и другія духовныя лица высшаго сана должны были навсегда покинуть Ирландію, чтобы католическій культъ палъ самъ собою, какъ скоро вымрутъ всѣ наличные священники. Если кто изъ изгнанныхъ оставался въ Ирландіи послѣ упомянутаго срока, то подлежалъ тюремному заключенію, а затѣмъ пожизненной ссылке на острова или въ другое мѣсто. Возвратившійся въ отечество подвергался смертной казни. Тяжкія наказанія, начиная съ денежныхъ штрафовъ и кончая из-

гнаніемъ, ожидали каждаго, кто помогаль этимъ лицамъ или скрываль ихъ въ своемъ жилищѣ. За открытіе этихъ лицъ полагалась награда: за архіерея 50, за школьнаго учителя 10 фунтовъ и т. д. Иностранному духовенству былъ строжайше воспрещенъ вѣздъ въ Ирландію, въ которой могли существовать только тѣ немногіе приходскіе священники, которые давали клятву отреченія отъ Стюартовъ, вносили залогъ въ 50 фунтовъ стерлинговъ, съ обязательствомъ не выходить за-границу своего графства и служить только въ тѣхъ приходахъ, въ которыхъ они были утверждены правительствомъ. Колокольный звонъ и религиозныя процессіи были запрещены безусловно; чудотворныя иконы, кресты, стоявшіе внѣ зданій, святныя могилы подлежали истребленію, а ходившіе поклоняться имъ пилигримы — бичеванію. Нерегистрованые священники, которыхъ, несмотря на всѣ гоненія, въ Ирландіи было всегда гораздо больше, чѣмъ регистрованныхъ, навлекали на себя самыя ужасныя кары. Въ 1720 году ирландскій парламентъ постановилъ: каждому пойманному нерегистрованному попу выжигать на щекѣ особый знакъ раскаленнымъ желѣзомъ. Но вскорѣ-же эта мѣра оказалась нецѣлесообразною, такъ-какъ ирландцы начали захватывать протестантовъ и выжигать имъ на щекѣ такой-же знакъ. Тогда въ ирландской палатѣ лордовъ состоялся и былъ принятъ билль о томъ, чтобы кастрировать всѣхъ нерегистрованныхъ священниковъ, но этотъ чудовищный билль не былъ утвержденъ англійскимъ совѣтомъ... Всѣ католическія школы были закрыты, учителя изгнаны и въ случаѣ возвращенія подвергались смертной казни; ирландское юношество должно было или оставаться въ безграмотномъ невѣжествѣ, или обращаться въ протестантство. Посылать дѣтей за-границу для обученія было запрещено подъ страхомъ тяжкихъ наказаній. Каждый чиновникъ имѣлъ право требовать отъ католика, чтобы тотъ представилъ ему своихъ дѣтей и тѣмъ доказалъ, что они не отосланы за-границу. Мировой судья могъ всегда потребовать отъ католика отчета, какъ онъ провелъ день, гдѣ былъ у обѣдни, кто служилъ ее и присутствовалъ на ней; если допрашиваемый не отвѣчалъ или показывалъ ложно, то подлежалъ штрафу въ 20 ф. стерлинговъ или-же годичному тюремному заключенію. Католикъ не имѣлъ права ни наследовать своимъ протестантскимъ родственникомъ, ни принимать отъ нихъ

подарки, ни быть опекуномъ, какъ своихъ собственныхъ, такъ и чужихъ дѣтей. Священникъ, повѣнчавшій католика и протестантку или наоборотъ, подлежалъ смертной казни. Сынъ католика, обратившись въ протестантство, дѣлался собственникомъ всего родительскаго имущества. Католикъ не могъ быть ни избирателемъ, ни избираемымъ въ члены парламента; не могъ занимать никакихъ государственныхъ и общественныхъ должностей, не могъ быть ни адвокатомъ, ни стряпчимъ, ни присяжнымъ. Не имѣя права быть поземельнымъ собственникомъ, католикъ могъ быть только арендаторомъ протестанта, и то не долѣе, какъ на срокъ въ тридцать одинъ годъ и съ платою за землю не менѣе $\frac{2}{3}$ валового дохода. Щедрая награда ожидала доносчика, который укажетъ правительству католика, арендующаго землю на болѣе выгодныхъ для него условіяхъ. Торговля и промышленность были отданы въ руки муниципальныхъ корпорацій, изъ которыхъ были устранены всѣ католики. Католику было предоставлено свободно пользоваться только ремесломъ чернорабочаго поденщика. Если католикъ-рабочій отказывался работать въ праздникъ, непризнаваемый протестантами, то подлежалъ наказанію по произволу судьи. Католическій ремесленникъ не могъ держать больше двухъ учениковъ. Ни одинъ католикъ не имѣлъ права владѣть лошадыю, стоящую больше 5 фунтовъ стерлинговъ, и каждый протестантъ могъ отобрать у него лошадь, стоящую хотя-бы 500 фунтовъ, вручивъ ему за нее 5 фунтовъ. Такимъ образомъ, католикъ долженъ былъ нанимать протестантскую землю, законы составлялъ для него протестантскій парламентъ, его судили протестантскіе судьи и присяжные, защищалъ адвокатъ протестантъ; его облагали государственнымъ, провинціальнымъ, приходскими и городскими налогами протестантскія собранія, начиная съ парламента и кончая муниципальной корпораціей. Когда собиралась милиція, то лошадей для нея отбирали у католиковъ и содержали ее на счетъ католиковъ-же. Если въ известной мѣстности усиливались воровства, разбои, поджоги, а виновныхъ не открывалось, то пострадавшія лица вознаграждались посредствомъ сбора съ графства католиковъ. Въ 1695 году католикамъ было строжайше запрещено имѣть оружіе, а оружейнымъ мастерамъ обучать католиковъ своему ремеслу, и этотъ Disarming Act постоянно возобновлялся вплоть до половины

XVIII вѣка. При Георгѣ III „паписты, отказывавшіеся выдавать начальству свое оружіе или объявлять, какое оружіе они имѣютъ, подлежали штрафу, тюремному заключенію или наказанію плетью по опредѣленію суда“.

Таковы были законы, но преслѣдованіе и угнетеніе далеко не ограничивались ими. Дикій произволь господствовалъ въ Ирландіи, поддерживаемый общественнымъ мнѣніемъ протестантовъ, англійскихъ и ирландскихъ. Въ 1771 году вице-король готовъ былъ помиловать одного невинно осужденнаго католика, но „я вижу, писалъ онъ, что безусловно хотятъ его казни, и онъ долженъ умереть немедленно“; католикъ былъ казненъ. Грабежи и насилія солдатъ, казнокрадство и взяточничество чиновниковъ обрушивались всею своею тяжестью также на католиковъ, равно какъ и жестокій произволь бароновъ. Католическая прислуга, католики-арендаторы, вообще всякіе паписты третировались протестантами съ крайнимъ презрѣніемъ, какъ нечистыя животныя. Законъ не запрещалъ католикамъ участвовать въ общественныхъ увеселеніяхъ, но они не могли наслаждаться даже ими. Въ театральныхъ представленіяхъ, напр., ихъ вѣрванія и обычаи постоянно подвергались циническому осмѣянію, и они, естественно, не ходили въ театры смотрѣть.

Если-бы Англія могла поддерживать во всей строгости и безусловно выполнять изложенную нами въ общихъ чертахъ систему уголовныхъ законовъ, то окончательная погибель ирландскаго народа была-бы неизбежна. Но сила этой системы оказалась столь же неэффективною, какъ и сила оружія. Невозможно было превратить въ острогъ цѣлую страну, въ арестантовъ цѣлую націю, въ сыщиковъ и неумолимыхъ тюремщиковъ всѣхъ жившихъ въ Ирландіи англійчанъ. Законы выполнялись съ неумолимою строгостью во времена смутъ и особеннаго возбужденія національныхъ страстей. Но затѣмъ энергія протестантовъ ослабѣвала, а католики, посредствомъ интригъ, взятокъ, угрозъ и, пользуясь ослабленіемъ гнета, обходили упомянутые законы, которые вдобавокъ ко всему нерѣдко противорѣчили одинъ другому и не достигали цѣли вслѣдствіе своей нецѣпости. Во время этихъ періодическихъ послабленій, католики являлись въ роли адвокатовъ, купцовъ, землевладѣльцевъ; возобновлялись монастыри, снова звонили колокола католическихъ церквей, снова устраивались

публичныя процессіи и пилигримства, страна наполнялась монахами, монахинями и нерегистрованными попами; архіепископы и епископы въ глазахъ правительства дѣлали свое дѣло, толпы дѣтей посѣщали католическія школы, всякій истый ирландецъ имѣлъ на всякій случай достаточный запасъ оружія. Но каждый политическій переполохъ, каждый заговоръ палистовъ, возстаніе шотландцевъ въ пользу Стюартовъ, извѣстіе о высадкѣ въ Ирландію испанцевъ или французовъ возбуждали уснувшую энергію англичанъ; снова наставалъ терроръ; снова разрушались церкви, изгонялись священники, исполнялись во всей своей строгости уголовныя законы, пока все это опять не кончалось новымъ послабленіемъ до какого-нибудь повода къ возобновленію террора. Но ни та, ни другая система управленія не примиряла ирландцевъ съ ихъ властителями. Терроръ только усиливалъ ихъ патріотическій и религіозный фанатизмъ, доведившій ихъ до бѣшеныхъ, отчаянныхъ мятежей, а временемъ послабленій они пользовались для организаціи болѣе правильныхъ возстаній и болѣе систематической борьбы съ англичанами. Уголовныя законы, какъ и управленіе силой оружія, достигли только того, что примиреніе ирландцевъ съ англійскимъ владычествомъ сдѣлалось невозможнымъ, а Ирландія обратилась въ язву, ослабляющую британское государство. Поднимали-ли свою голову Стюарты, замыслили-ли войну съ Англіей испанцы или французы—Ирландія тотчасъ волновалась и стѣшила имъ на помощь. Ирландцы толпами стремились въ чужія католическія страны, преимущественно во Францію, гдѣ изъ нихъ состояла извѣстная своею храбростію ирландская бригада, которая принудила одного англійскаго короля воскликнуть: „да будутъ прозяты законы, лишающіе меня такихъ подданныхъ!“ Эти эмигранты были одними изъ главныхъ агитаторовъ и пособниковъ католическихъ государствъ противъ Англіи. Съ другой стороны, уголовныя законы, раззоря Ирландію, ожесточая туземцевъ, развивали въ нихъ нравственныя недостатки и пороки, неизбѣжныя у народа, угнетеннаго впродолженіи вѣковъ. У ирландцевъ выработалась та національная мораль, на основаніи которой они считаютъ дозволенными относительно англичанъ всякій обманъ, всякое преступленіе. „Эти законы, говорилъ Боркъ,—самое ловкое и самое сильное орудіе угнетенія, которое когда-либо изобрѣталъ развратный гений че-

ловѣка для того, чтобы разорить, унижить, развратить народъ и заглушить въ немъ самыя чистыя источники человѣческой природы“. Но при всей своей развратительности, уголовныя законы не могли искоренить въ ирландцахъ всѣ хорошія черты ихъ характера и порожденнымъ ими порокамъ и недостаткамъ народа придали то-же политическое направленіе, какое имѣли и его доблести.

III.

Уголовныя законы, особенно въ XVIII столѣтіи, были не столько продуктомъ религіознаго фанатизма, сколько маскою совершенно мірскихъ, политическихъ расчетовъ англійской политики, суть которой заключалась въ стремленіи обогатить и усилить Англію на счетъ Ирландіи. „Эти законы, говоритъ Артуръ Юнгъ, — направлены больше противъ имуществъ, чѣмъ противъ религіи католиковъ. По закону, напр., священникъ подлежитъ изгнанію за служеніе мессы, но ему дозволяютъ безнаказанно нарушать законъ. Пусть тотъ-же священникъ накопитъ денегъ отъ своихъ мессъ — и онъ немедленно сдѣлается предметомъ законнаго преслѣдованія“. То-же самое дѣлалось и относительно землевладѣнія, торговли, промышленности, политики. Религіозныя предлоги служили къ достиженію самыхъ мірскихъ, самыхъ корыстныхъ цѣлей.

Конфискованныя земли Ирландіи, какъ мы видѣли, перешли въ собственность протестантовъ англійскаго, а частію шотландскаго и ирландскаго происхожденія. Явились громадныя помѣстья, владѣльцы которыхъ по-прежнему не жили въ нихъ, а предавались удовольствіямъ въ большихъ городахъ, въ Лондонѣ, Дублинѣ, за-границей. Абсентеизмъ совершенно узаконился въ жизни и уже не возбуждалъ противъ себя легальныхъ преслѣдованій. Въ 1682 году абсентеистамъ принадлежало до 800,000 акровъ земли. Въ 1779 году, по вычисленію Юнга, они получали съ Ирландіи до 732,000 фунтовъ стерлинговъ. Ихъ земли плохо обрабатывались и разорялись управляющими. Большое количество земель, принадлежавшихъ крупнымъ собственникамъ, не воздѣлывалось и не приносило пользы ни имъ, ни народу,

въ то время, какъ безземельные крестьяне нерѣдко тысячами погибали голодною смертью, дороги были покрыты нищими, а въ каждой хижинѣ былъ или мертвецъ, или умирающій. Правительство требовало, чтобы известное количество акровъ въ каждомъ имѣннн было непременно обработано, но неоднократныя повторенія этого требованія показываютъ, что оно плохо исполнялось. Выгодность скотоводческаго промысла на большихъ земляхъ заставляла крупныхъ собственниковъ бросать пашни и превращать ихъ въ пастбища, что въ .XVI столѣтн вызвало въ Англіи горькія жалобы Бэкона, Мура и другихъ мыслителей, видѣвшихъ, что „овцы сдѣлались источникомъ бѣдствій для Англіи и изгнали изъ страны земледѣліе“. Такой-же точно переворотъ совершился и въ Ирландіи; огромное количество земель было обращено изъ пашень въ пастбища, а жившіе обработкою ихъ крестьяне очутились въ самомъ безвыходномъ положеніи, такъ-какъ земледѣліе было единственнымъ, доступнымъ для нихъ, занятіемъ. Собственники старались сдавать свои земли крупнымъ фермерамъ, которые имѣли-бы достаточно средствъ для постройки каменныхъ домовъ, безопасныхъ отъ поджоговъ, и для содержанія многочисленныхъ работниковъ, которые могли-бы защищать фермы отъ нападений враждебныхъ ирландцевъ. Земли поэтому были раздѣляемы на большіе участки, нерѣдко въ нѣсколько тысячъ акровъ каждый, и сдаваемы на продолжительные сроки. Но эти фермеры, не занимаясь сами обработкою всей земли, разбивали ее на мелкіе участки, сдавали ихъ ирландскимъ крестьянамъ и превращались въ откупщиковъ ренты, въ независимыхъ, праздныхъ джентльменовъ. Хотя долгосрочныя аренды были дозволены только протестантамъ, но и туземные ирландскіе аристократы имѣли возможность превращаться въ крупныхъ фермеровъ, обходя законъ разными путями или исполняя по наружности нѣкоторыя формальности, которыя давали имъ права протестантовъ. Въ XVIII вѣвѣ крупные фермеры этихъ двухъ сортовъ господствовали на всемъ пространствѣ трехъ южныхъ провинцій острова, и всѣ они, стремясь избавиться отъ заботъ крупнаго хозяйства, раздѣляли землю на мелкія аренды. Владѣлецъ каждой фермы, которую можно было раздробить на миниатюрныя участки, дробилъ ее до послѣдней возможности, превращался въ ландлорда и жилъ на свою ренту. Сами крупные соб-

ственники, жившіе въ Дублинѣ, Лондонѣ или за-границей, имѣли возможность получать аристократическое воспитаніе и дѣлаться красою англійскаго барства. Но помѣщики, жившіе въ ирландскихъ захолустьяхъ, крупные фермеры, ирландское джентри, по выраженію поклонника британской аристократіи, Фрауда, „причиняли стыдъ и позоръ сословію, къ которому они любили принадлежать“. Невѣжественные, пьяные, сварливые, они проводили время въ оргіяхъ, въ псовыхъ охотахъ, въ ссорахъ и дракахъ между собой, и для поддержанія такой жизни доводили мелкихъ арендаторовъ до самаго бѣдственнаго положенія. Крупные фермеры или откупщики ренты старались постепенно возвышать ее какъ можно больше. Фарнейская территорія, напр., была раздѣлена въ 1692 году на два участка, изъ которыхъ каждый давалъ 1,313 фунтовъ стерлинговъ ренты; въ 1769 году на одномъ изъ этихъ участковъ рента была возвышена до 3,000, а на другомъ до 5,000 фунтовъ стерлинговъ. Если мелкій арендаторъ не хотѣлъ или не могъ возвысить своей платы за землю, то его сгоняли съ нея. И независимо отъ этого, сколько гнета и униженія вынуждены были сносить ирландскіе крестьяне отъ своихъ протестантскихъ помѣщиковъ! Вопреки закону, крупные землевладѣльцы имѣли въ своихъ владѣніяхъ тюрьмы, въ которыя и заключали, по своему произволу, людей нисшаго класса. „Въ Ирландіи, говоритъ Юнгъ, бывшій въ ней въ 1778 году,—владѣтель земли, занятой католическими земледѣльцами, есть совершенный деспотъ; въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ онъ не признаетъ другого правила, кромѣ своего произвола. Нѣтъ приказанія, котораго его слуга или земледѣлецъ осмѣлился-бы не исполнить. Онъ требуетъ безусловной покорности и при малѣйшемъ ослушаніи безбожно употребляетъ бичъ и палку. Несчастный, который-бы осмѣлился оказать хоть признакъ сопротивленія, былъ-бы мгновенно повергнутъ и уничтоженъ подъ ударами. Такого рода убійства совершаются безъ опасенія суда присяжныхъ. Правда, такіе случаи теперь довольно рѣдки, потому что законъ сталъ смотрѣть на нихъ строже, но прежде они повторялись почти ежедневно.

Подавляя и преслѣдуя ирландскихъ католиковъ, Англія, какъ мы уже замѣчали, дѣйствовала подъ вліяніемъ не столько религиозныхъ мотивовъ, сколько своекорыстныхъ политическихъ раз-

счетовъ. Если-бы Ирландія не была католической, то система англійской политики относительно нея оставалась-бы въ сущности тою-же, какая мотивирована религіозными предлогами. Ирландія должна была обогащать Англію, а такъ-какъ она постоянно бунтовала, то ее слѣдовало обезсилить и смирить бѣдностью. Мы уже говорили, что ирландскимъ католикамъ былъ закрытъ доступъ къ обширнымъ промышленнымъ и торговымъ занятіямъ, которыя всѣ были захвачены протестантами, что городскія корпораціи, состоявшія исключительно изъ протестантовъ, заправляли всею торговлею, промышленностью, владѣли богатствами, пользовались кредитомъ и вліяніемъ, устраняя отъ всѣхъ этихъ выгодъ католиковъ. Но Англія, нежелавшая оставлять за католиками никакихъ земныхъ благъ, всегда косо смотрѣла на увеличеніе и развитіе ихъ даже въ рукахъ протестантскихъ жителей Ирландіи. Промышленный прогрессъ Ирландіи былъ одинаково страшенъ и ненавистенъ Англіи, исходилъ-ли онъ отъ католиковъ или протестантовъ, и англійская торговая политика въ этомъ отношеніи почти одинаково давила тѣхъ и другихъ. Въ XVII вѣкѣ постепенно усиливавшійся вывозъ ирландскаго скота въ Англію былъ главнымъ источникомъ богатства Ирландіи. Но это было невыгодно англійскимъ землевладѣльцамъ, и вотъ актомъ 1663 года вывозъ скота изъ Ирландіи былъ запрещенъ. До этого запрещенія торговля съ Англіей составляла $\frac{3}{4}$ всей ирландской торговли, а съ этого времени она не составляла уже и $\frac{1}{4}$. Въ то-же время на Ирландію были распространены всѣ стѣснительныя мѣры навигаціоннаго акта, въ силу котораго Ирландія не могла ни отправлять въ колоніи своихъ, ни получать оттуда ихъ товаровъ иначе, какъ на англійскихъ корабляхъ, черезъ англійскіе порты, посредствомъ англійскихъ вупцовъ. Вся торговля Ирландіи съ сѣверной Америкой была, такимъ образомъ, убита. Послѣ запрещенія вывозить скотъ ирландцы усиленно принялись за овцеводство и шерстяныя мануфактуры ихъ, благодаря отличнымъ качествамъ шерсти, дешевизнѣ жизни, наплыву рабочихъ изъ Англіи, приобрѣли скоро чрезвычайно важное значеніе и сдѣлались новымъ источникомъ богатства. Но англійскіе торговцы и промышленники не могли выносить столь убыточнаго и опаснаго для нихъ соперничества. Они громко требовали, чтобы „напомнить ирландцамъ, что они народъ

завоеванный“; объ палаты парламента энергически просили короля о запрещеніи ирландской шерстяной торговли, и въ 1699 году эта торговля, а вмѣстѣ съ нею и шерстяныя мануфактуры Ирландіи, получили смертельный ударъ въ актѣ запрещенія. Огромная масса народа обратилась въ нищихъ. Тысячи рабочихъ бѣжали за-границу и въ Америку. Западные и южныя округи почти обезлюдѣли, въ странѣ водворился хроническій голодъ, и только благодаря сильному развитію контрабанды гибельность этого національнаго бѣдствія была нѣсколько ослаблена. Въ Ирландіи начали развиваться полотняныя мануфактуры, но лишь только онѣ достигли важнаго значенія, какъ Англія уничтожила и ихъ, запретивъ вывозъ ирландскихъ полотенъ въ колоніи и обложивъ ввозимыя въ Англію такими пошлинами, которыя равнялись запрещенію. Точно также постепенно запрещалось вывозить изъ Ирландіи пиво, солодъ, стекло, производство котораго начинало-было развиваться, запрещалось и ввозить ихъ изъ другихъ странъ, кромѣ Англіи. Ирландія должна была заниматься исключительно земледѣліемъ и получать всѣ мануфактуры изъ Англіи,—таковъ смыслъ этихъ запретительныхъ законовъ, которые, по выраженію Кобдена, „напоминаютъ собою узкую и мелочную тираннію лавочника надъ своимъ бѣднымъ конкурентомъ, а не мѣры болѣе благородныя народа-побѣдителя“.

Ирландскій народъ, принужденный, такимъ образомъ, жить исключительно земледѣліемъ, лишенный своихъ земель и своихъ мануфактуръ, страдавшій подъ давленіемъ поземельной системы, на которую властители указывали ему, какъ на источникъ жизни и благосостоянія, — ирландскій народъ превратился въ массу нищихъ. Страна еще ранѣе была въ конецъ разоряема войнами и мятежами. Послѣ войнъ Елисаветы лѣтописи такъ описывали положеніе Ирландіи: „страна, прежде богатая, плодородная, очень населенная, покрытая богатыми пастбищами, пашнями, садами, нынѣ сдѣлалась пустынною и безплодною. Она ничего не производитъ: нѣтъ болѣе жатвы на поляхъ, нѣтъ стадъ на пастбищахъ, нѣтъ птицъ въ воздухѣ, нѣтъ рыбы въ рѣкахъ“. Послѣ мятежа 1641 года Ирландія была буквально устѣяна развалинами. „Эпидемія и голодъ, говоритъ одинъ изъ кромвелевскихъ офицеровъ,—до того опустошили цѣлыя графства, что на протяженіи 20 или 30 миль не встрѣчашь никакого живого существа, ни

человѣка, ни животнаго, ни птицы,—всѣ они мертвы или оставили эти опустошенныя мѣста“. Въ мятежѣ этомъ погибло до 600,000 человекъ. Во время и послѣ подобныхъ смуть, а также голода, эпидемій, народонаселеніе сильно уменьшалось, какъ вслѣдствіе естественной убыли, такъ и эмиграціи. Ирландцы все болѣе и болѣе выселялись на европейскій континентъ и въ Америку. И не одни только католики бѣжали съ несчастнаго острова; протестантскіе сектанты, пресвитеріане, пуритане, квакеры, притѣсняемые господствующею церковью, стремились въ Америку и устроились тамъ въ вольныхъ общинахъ, развившихся впоследствии въ великую республику. Страна пустѣла и по-прежнему оставалась мало-культурною. Масса ирландцевъ въ половинѣ XVII вѣка не знала употребленія бѣлья, была покрыта грязью и насѣкомыми жила въ землянкахъ вмѣстѣ со скотомъ, при паханіи земли привязывала плугъ къ хвосту лошади. Доходы страны при Генрихѣ VIII не превышали 4,000 ф. ст. въ годъ. Въ 1555—1565 годахъ управленіе Ирландіею стоило Англій 255,000 ф. ст., въ числѣ которыхъ ирландскихъ денегъ было только 30,000. Елисавета изтратила на Ирландію 86,000,000 франковъ—громадную сумму для того времени. Усмиреніе Ирландіи во время великаго мятежа 1641 года стоило 9,000,000 ф. ст. Въ 1707 году Ирландія не имѣла средствъ даже для содержанія войска, а долгъ въ 100,000 возбуждалъ въ ней серьезное безпокойство. Невѣжество народа равнялось его бѣдности. Католическія школы были запрещены, а англійскія возбуждали въ католикахъ одно только отвращеніе, такъ-какъ онѣ служили орудіемъ протестантской пропаганды. Но и протестантскихъ школъ было мало,—въ 1710 году было только 30, а послѣ образованія народопросвѣтительной ассоціаціи въ 1719 году—130 школъ съ 3,000 учениковъ. Съ половины XVIII вѣка въ ремесленныя школы начали силою забирать католическихъ пищихъ и сиротъ обоего пола, воспитывать ихъ въ протестантскомъ духѣ и по окончаніи курса распоряжаться ими совершенно произвольно, отдавая ихъ въ подмастерья протестантскимъ ремесленникамъ. Ирландцы возмущались этими школами тѣмъ болѣе, что въ нихъ господствовали страшныя злоупотребленія, доходившія до того, что учителей не разъ публично сѣкли плетью за растлѣніе ученицъ... Ирландцы, такимъ образомъ, оставались при своихъ немногихъ школахъ, а во времена гоне-

ній, когда приходилось закрывать и эти послѣднія, учились гдѣ-нибудь между развалинами или въ лѣсной чащѣ у своихъ жалкихъ учителей, профессія которыхъ была государственнымъ преступленіемъ. Культура и образованіе развивались только въ англійскихъ сферахъ. Дублинъ росъ и превращался въ европейскій большой городъ; ирландскіе ландлорды равнялись по своему свѣтскому образованію съ англійскими; протестантская провинція Ульстеръ была богаче всей остальной Ирландіи, въ которой если путешественникъ видѣлъ чистенькій городокъ, хорошо обработанная земля, зажиточную ферму, то могъ быть увѣренъ, что они принадлежали англичанамъ; торговля и ремесла, превосходныя дороги, проложенныя въ XVIII вѣкѣ, театры, дворцы, дублинскій университетъ — все было создано протестантами и для протестантовъ, создано на деньги Ирландіи, которая, при своей бѣдности, при ужасающихъ дефицитахъ, вдобавокъ ко всему принуждена была еще платить на содержаніе англиканской церкви и пенсіи разнымъ особамъ.

Управленіе Ирландіей отличалось безпорядками и злоупотребленіями. Казнокрадство и взяточничество достигали ужасающихъ размѣровъ. Въ половинѣ XVIII вѣка, напр., муниципалитетъ и мэръ Дублина, пользуясь своею властью, совершенно произвольно арестовывали кого вздумается, выпускали на волю за деньги и эксплуатировали, какъ свои помѣстья, тюрьмы, торгуя въ нихъ водкой, взимая съ арестантовъ плату за входъ, за выходъ, за казенную пищу, за постель, не топя печей, моря заключенниковъ голодомъ въ смрадныхъ логовищахъ. Когда парламентъ возсталъ противъ этихъ безобразій, то въ 1732 году распорядился вмѣсто тюремнаго заключенія продавать арестантовъ колоніальнымъ плантаторамъ. Конституція и парламентъ не имѣли другого значенія, кромѣ отягощенія страны. Парламентъ управлялся англійскими министрами, масса католиковъ была безконтрольно подвластна ему, онъ состоялъ почти исключительно изъ послѣдователей высокой церкви, диссентеры-же попадали въ него очень рѣдко и въ ничтожномъ меньшинствѣ. Въ половинѣ XVIII вѣка изъ 300 членовъ парламента 216 были представителями мѣстечекъ, созданныхъ Стюартами, и помѣстій, находившихся въ рукахъ немногихъ ландлордовъ; 200 депутатовъ выбирались какой-нибудь сотней избирателей и безъ участія народа. Въ 1784 году лордъ

Шеннонъ имѣлъ въ парламентѣ 16 своихъ представителей, фамилія Понсонби 14, Гильсборо 9, герцогъ Лейнстеръ 7. Въ томъ-же году 130 членовъ зависѣли вполне отъ правительства, будучи его чиновниками или пенсіонерами. Собственники мѣстечекъ, усердно поставлявшіе покорныхъ членовъ въ нижнюю палату, въ награду дѣлались пѣрами и, такимъ образомъ, вышло, что 53 пѣра верхней палаты назначали 123 члена въ нижнюю палату. Вслѣдствіе абсентеизма ланлордовъ, верхнюю палату наполняли преимущественно епископы, а нижняя стояла совершенно внѣ народнаго контроля, такъ-какъ обыкновенно одни и тѣ-же депутаты засѣдали въ ней въ продолженіи цѣлаго царствованія, если только ихъ не распускалъ король. При Георгѣ II ирландскій парламентъ продолжался 33 года! Депутаты садились на скамьи оппозиціи для того только, чтобы получить подкупныя деньги. Въ 1769 году для проведенія одного важнаго для правительства билля было истрачено на подкупъ членовъ парламента до 1,000,000 ф. ст.... Въ 1767 году первые вельможи страны, наполнявшіе верхнюю палату, торговались съ вице-королемъ за свои голоса; одинъ просилъ сдѣлать его несмѣняемымъ лордомъ-судьей Ирландіи, другой соглашался оставить оппозицію, если двумъ его сыновьямъ дадутъ должности съ жалованьемъ по 500 ф. ст. въ годъ, и т. д. Въ 1759 году ирландскій канцлеръ казначейства вмѣстѣ съ однимъ членомъ парламента основали въ Дублинѣ частный банкъ, пустили въ оборотъ казенныя деньги, нажились, какъ слѣдуетъ, а потомъ объявили себя несостоятельными!.. Втеченіи пятидесяти съ лишнимъ лѣтъ въ ирландскомъ парламентѣ не было ни одного даровитаго дѣятеля, ни одного замѣчательнаго оратора. Политическіе люди, адвокаты, медики, писатели—все стремились въ Англію, оставляя Ирландію на произволь ея продажнаго парламента.

IV.

Ирландскіе мятежи были періодическими взрывами народнаго недовольства, которое, выражаясь въ нихъ съ особенною силою, не переставало дѣйствовать и въ относительно мирное время. Борьба завоевателей съ побѣжденными не прекращалась ни на одно мгно-

веніе. Ирландцы, лишеныя своихъ земель, торговли и промышленности, униженныя безправіемъ, превратились въ закоренѣлыхъ ненавистниковъ всего англійскаго, у которыхъ убить, отравить, обворовать англичанина, изнасиловать англичанку, истребить или разграбить англійскую собственность считалось подвигами доблести и патріотизма. Какъ скоро дѣло касалось англичанъ, то пороки и добродѣтели народа дружно направлялись къ одной и той-же цѣли. Сгоняемые съ своихъ земель, вытѣсняемые изъ центровъ англійской культуры, одичавшіе въ своихъ лѣсныхъ и горныхъ захолустьяхъ, среди постоянныхъ мятежей, междоусобиць, разбоевъ, ирландцы всѣхъ классовъ принимали участіе въ непрерывной борьбѣ съ англичанами. Гонимое духовенство, терпѣвшее одинаковую участь съ народомъ, зависимое отъ него и находившееся въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ нимъ, стояло во главѣ движеній. Ирландскіе фермеры и крестьяне, сыновья и внуки старинныхъ обезземеленныхъ ирландскихъ фамилій, люди, составлявшіе воинственныя банды ирландскихъ вождей, всѣ разоренныя войнами, конфискаціями, уголовными законами, — всѣ были противъ англичанъ. Убіиства англичанъ, сожженіе англійскихъ фермъ, угонъ скота и тому подобныя преступленія постепенно усиливаясь, въ XVIII вѣкѣ начали принимать форму систематической, организованной борьбы. Зимой 1711 года въ Коннотѣ начали дѣйствовать банды вооруженныхъ людей въ бѣлыхъ рубашкахъ, истреблявшія по ночамъ скотъ протестантскихъ фермеровъ. всюду появились прокламаціи, заявлявшія, что началась война противъ гуртовщиковъ скота, которая не кончится до тѣхъ поръ, пока не будутъ истреблены всѣ ихъ гурты. Каждую ночь слышались ревъ убиваемаго скота, ружейныя выстрѣлы и крики разбойниковъ, которые въ утру словно сквозь землю проваливались и всѣ усилія открыть слѣды ихъ оставались напрасными. Въ Коннотѣ не осталось ни одного протестантскаго скотопромышленника: всѣ они были разорены и выселились. Когда-же черезъ сорокъ лѣтъ послѣ этого одинъ лордъ снова вздумалъ заселить протестантами часть Коннота, то всѣ построенныя для нихъ дома, амбары, сараи, скотскіе дворы вскорѣ-же были по-прежнему истреблены, а колонисты вытѣснены тѣми-же таинственными разбойниками. Въ 1760 году во всѣхъ провинціяхъ Ирландіи появились организованныя банды такъ-называемыхъ *блэкх*

парней (whiteboys), носившихъ поверхъ платья бѣлыя рубашки. „Они, говоритъ Артуръ Юнгъ,—рыскаютъ по странѣ соединенныя въ отряды, заставляютъ сельскихъ жителей давать клятву, что не выдадутъ ихъ, и принуждаютъ къ этой клятвѣ угрозами, которыя часто приводятъ въ исполненіе. Они выдають себя за истребителей несправедливости, наказываютъ лицъ, спекулирующихъ землею или чрезмѣрно возвышающихъ арендную плату, заставляютъ хозяевъ облегчать положеніе работниковъ... Часто они сожигаютъ жилища и истребляютъ все движимое имущество своихъ враговъ. Совершаемыя ими варварства возмутительны“. Бѣлые парни рѣдко воровали; они брали только оружіе для своей партіи. Организациія ихъ была раскинута по всей странѣ. Каждый членъ ихъ общества обязывался, подь страхомъ смертной казни, хранить тайну и безпрекословно исполнять данныя ему приказанія. Народъ былъ обложенъ налогомъ, который бѣлые парни собирали для покупки оружія, веденія процессовъ, найма адвокатовъ, подкупа свидѣтелей и обезпеченія тѣхъ, которые спеціально занимались ихъ профессіей. У нихъ были правильныя собранія, постановленія которыхъ оглашались посредствомъ прокламацій и приводились въ исполненіе назначенными для того агентами. Если землевладѣлецъ чрезмѣрно возвышалъ арендную плату, то могъ быть увѣренъ, что черезъ нѣсколько дней на дверяхъ его будетъ прибито такое объявленіе: „Симъ вы извѣщаетесь, что мы не будемъ болѣе терпѣть несправедливости, обязывающей платить аренду, возвышенную вдвое противъ надлежащаго. Кто не приметъ во вниманіе сего заявленія, будетъ наказанъ съ примѣрною строгостью. Подписано: *Мать Террера*“. Если гдѣ-нибудь работники получали слишкомъ низкую задѣльную плату, являлся таинственный декретъ: „Начиная съ сегодня, ни одинъ рабочій не будетъ работать менѣе, чѣмъ за 10 шиллинговъ въ день. Горе тому, кто согласится работать за меньшую плату!“ Или-же повсюду появляются такія объявленія: „Долой десятины! долой десятины! долой десятины! Подумайте хорошенько о послѣдствіяхъ; если вы будете платить церковную десятину, то гробъ для васъ готовъ; останетесь-ли вы въ странѣ или покинете ее, ваша смерть неизбѣжна. Подписано: *капитанъ Рокъ*.—Гробъ“ (*рисункъ гроба*). Наказанія, налагавшіяся бѣлыми парнями, или преступленія, которыя они совершали надъ своими врагами, со-

стояли въ убійствѣ, тѣлесномъ наказаніи, истребленіи собственности, въ похищеніи и изнасилованіи протестантскихъ дѣвицъ. Последнее, столь оригинальное преступленіе, въ половинѣ XVIII вѣка приняло ужасающіе размѣры. Шайки ирландцевъ, въ числѣ которыхъ находились юноши первыхъ аристократическихъ фамилій страны, силою врываются въ дома, фермы и замки богатыхъ протестантовъ, захватываютъ дѣвушекъ, взбрасываютъ ихъ на сѣдла и мчатъ куда-нибудь въ глушь, гдѣ ихъ насиловали или вѣнчали при содѣйствіи католическаго попа. Подобныя умыканія и насильственные браки случались постоянно и поощрялись духовенствомъ, какъ одно изъ средствъ католической пропаганды. Нерѣдко случалось, что толпа вооруженныхъ ирландскихъ наѣзниковъ, среди бѣлаго дня, врывается въ протестантскую церковь, захватываетъ всѣхъ хорошенькихъ дѣвушекъ, увозитъ ихъ, насиловала, а потомъ католическіе попы насильно-же вѣнчали похищенныхъ съ похитителями. Виновники этихъ преступленій большею частію были аристократы и ловко увертывались отъ отвѣтственности. Что-же касается плебейскихъ бѣлыхъ парней, то они не вѣнчались съ изнасилованными протестантками, а преслѣдованіе ихъ было положительно невозможно среди массы застрашеннаго ими и враждебнаго англичанамъ народонаселенія. Судьи, присяжные, свидѣтели,—всѣ или боялись разбойниковъ, или держали ихъ сторону. Едва только начинался какой-нибудь процессъ по дѣлу о бѣлыхъ парняхъ, какъ вся ассоціація ихъ приходила въ движеніе и пускала въ ходъ всѣ средства, чтобы помѣшать дѣйствию закона. Появлялись прокламаціи, заявлявшія, что „каждый свидѣтель противъ бѣлыхъ парней будетъ наказанъ смертью“, что и выполнялось часто даже прежде, чѣмъ свидѣтель могъ дать свои показанія передъ судомъ. Правительство принуждено было, ради безопасности свидѣтеля, садить его подъ стражу, но по окончаніи процесса ему все-таки предстояло или быть убитымъ, или навсегда бѣжать изъ Ирландіи.

Движеніе бѣлыхъ парней, вызванное вѣковою анархіей, бѣдностью и голодомъ, не было уже движеніемъ католическимъ. Ксендзы проклинали ихъ ассоціаціи и страдали отъ нихъ не меньше, чѣмъ англиканскіе пасторы. Они боролись противъ землевладельцевъ и фермеровъ, а большинство послѣднихъ были католики. Къ этому движенію присоединились въ 1764 и 1772 го-

дахъ и протестантскіе крестьяне сѣверныхъ провинцій, стонящіе съ своихъ участковъ, обремененные арендой и протестантской десятиной. „Такъ-какъ южные бунтовщики были католики, говоритъ лордъ Чарльмонтъ, — то протестанты воображали, что всё эти движенія произведены золотомъ и интригами Франціи. Но не таковы дѣйствительныя причины волненій. Этими причинами, очевидно, были бѣдность, угнетеніе и голодъ народа“. Протестанты и католики, подѣ одинаковымъ давленіемъ англійской системы, соединялись и въ этихъ преступленіяхъ и въ другихъ случаяхъ для общей борьбы за свое существованіе. Англія запретила ирландскую торговлю, но, вопреки этимъ законамъ, вопреки тамошнямъ и крейсерамъ, сторожившимъ берега острова, Ирландія продолжала тайно торговать съ иностранцами, преимущественно съ Франціей. Цѣлая нація вступила въ организованный союзъ противъ закона. Религіозныя различія были забыты и сопротивленіе закону сдѣлалось связью, соединявшею католика съ протестантомъ, ирландскаго кельта съ англійскимъ колонистомъ, богатаго ландлорда, имѣвшаго тысячи овецъ, съ таможеннымъ надсмотрщикомъ, муниципальнаго чиновника, погреба котораго были наполнены контрабандными винами, съ судьей, которому тоже выгодно было кривить совѣстью при разборѣ контрабандныхъ дѣлъ. Вся промышленность и торговля страны приняли это незаконное направленіе, и выгодами ихъ пользовались даже сами вице-короли Ирландіи. Контрабандой занимались цѣлыя вооруженныя банды; онѣ отправлялась на хорошо вооруженныхъ корабляхъ: контрабандисты смѣло выдерживали нападенія таможенныхъ солдатъ, жестоко карали доносчиковъ, убивали чиновниковъ, нежелающихъ исполнять относительно ихъ свои обязанности. Правительство не имѣло силъ для борьбы съ этой системой, поддерживавшей въ націи и безъ того уже сильныя противозаконныя чувства и заставлявшей ее отождествлять съ своими насущными интересами сопротивленіе закону. Кромѣ того, контрабандная торговля велась преимущественно съ врагами Англіи, французами, симпатіи къ которымъ у ирландцевъ вслѣдствіе этого увѣрлялись и которые въ своихъ постоянныхъ секретныхъ сношеніяхъ съ островомъ поддерживали въ немъ всеобщій духъ недовольства. И не одни поземельныя стѣсненія, не одна только торговая политика болѣе и болѣе соединяли противъ Англіи всѣхъ жителей

Ирландіи, безъ различія происхожденія и вѣроисповѣданій. Выше мы уже говорили, каково было положеніе такъ-называемыхъ англо-ирландцевъ въ началѣ англійскаго владычества. Съ постепеннымъ возрастаніемъ числа ихъ ухудшалось и ихъ положеніе. Торговая система разоряла ихъ наравнѣ съ ирландцами. Чтобы парализовать политическую силу англо-ирландцевъ, Стюарты создали множество зависимыхъ отъ короны мѣстечекъ (boroughs), превратили въ города и муниципальныя корпораціи мѣста, состоявшія изъ нѣсколькихъ нищенскихъ коттеджей, парламентскіе представители которыхъ были совершенно въ рукахъ вице-короля. Недовольство, возбуждаемое въ англо-ирландцахъ подобными мѣрами побуждало, въ свою очередь, англичанъ относиться къ нимъ съ такою-же непріязнью, какъ и къ чистымъ ирландцамъ, подвергая ихъ одинаковому гнету съ послѣдними. Это повело къ постепенному сліянію партій. И католики и протестанты начали склоняться къ взаимнымъ уступкамъ, вѣротерпимости, сознавать необходимость отміны уголовныхъ законовъ, парламентской реформы и т. д. Распространеніе образованія повело за собой развитіе политической мысли и литературы. Когда въ 1698 году ирландская шерстяная торговля была убита, другъ Локка, Молинеъ издалъ первое по времени замѣчательное произведеніе ирландской политической литературы, „Ирландское Дѣло“, въ которомъ онъ доказывалъ, что Ирландія должна управляться сама собой и получать законы только отъ своего парламента. Книга была сожжена рукою палача, но духъ ея продолжалъ дѣйствовать. Въ Ирландіи формировалась политическая интеллигенція, выставившая нѣсколько замѣчательныхъ талантовъ.

Въ ряду этихъ талантовъ первое мѣсто по времени и по достоинству принадлежитъ великому англо-ирландцу Джонатану Свифту, этому О'Коннелю XVIII вѣка.

Въ 1720 г. появились его первые ирландскіе памфлеты, въ которыхъ онъ самыми яркими красками обрисовывалъ бѣдствія своей страны и съ демонскою ироніей совѣтовалъ нищимъ ирландцамъ ѣсть своихъ дѣтей, описывая способы приготовления различныхъ блюдъ изъ дѣтскаго мяса. Призывая ирландцевъ на защиту общаго національнаго дѣла, онъ доказывалъ, что Ирландія не поправится до тѣхъ поръ, пока не будетъ сожигать всего привозимаго изъ Англій, кромѣ людей и угля. Духовенство

должно проповѣдывать объ этомъ съ церковныхъ кафедръ. Вся нація должна соединиться для этого дѣла, для развитія туземной промышленности и изгнанія съ ирландскаго рынка какихъ-бы то ни было товаровъ. Первый изъ этихъ памфлетовъ былъ схваченъ правительствомъ, а такъ-какъ авторъ былъ неизвѣстенъ, то предали суду типографщика. Девять разъ присяжные выносили приговоръ „не виновенъ“ и девять разъ судья отсылалъ ихъ назадъ обсудить дѣло снова, но обвиненія все-таки не могъ добиться.

Въ 1723 году метреса короля, герцогиня Кендаль, нуждаясь въ деньгахъ, выхлопотала нѣкоему Вуду дозволеніе начеканить для Ирландіи новой монеты на 108,000 ф. ст. Отъ этой операціи Кендаль и Вудъ должны были получить барыша около 40,000 ф. ст. Вся Ирландія пришла въ волненіе, а Свифтъ началъ выпускать „Письма Сукопщика“, подливавшія масло въ огонь. „Пускай, писалъ онъ,—Вудъ съ шайкою своихъ мѣдниковъ и литейщиковъ перечеканиваетъ все въ монету, пока не останется въ странѣ ни одного стараго котла; пусть онъ чеканить старую кожу, табачныя трубки, глину, уличную грязь и дасть этому какое угодно названіе, — мы не будемъ принимать его монеты. По его милости мы и то уже платимъ 3 шиллинга за то, что стоитъ 1. Всѣ мы въ опасности быть съѣденными заживо этимъ деспотикомъ, насъ готовится сожрать живыми крыса. Если Гэмпденъ согласился скорѣе идти въ тюрьму, чѣмъ платить 5 шиллинговъ Карлу I, то я предпочитаю лучше быть повѣшеннымъ, чѣмъ подвергать все существо мое обложенію по произволу и капризу достопочтеннаго мистера Вуда“. Въ четвертомъ письмѣ къ монетѣ Вуда Свифтъ присоединилъ всѣ угнетенія Ирландіи и кончилъ такимъ воззваніемъ къ своимъ соотечественникамъ: „средство освобожденія у васъ въ рукахъ; я уклонился немного отъ своего первоначальнаго предмета только для того, чтобы оживить тотъ духъ, который поднялся теперь между вами, чтобы двинуть его впередъ, чтобы вы увидѣли, наконецъ, что, по законамъ Бога, природы, народовъ и вашей собственной страны, вы такой-же свободный народъ и должны быть такимъ-же свободнымъ народомъ, какъ и ваши братья въ Англіи“. Вся Ирландія читала эти памфлеты и волновалась ими. Хотя всѣ знали, кто авторъ, но судить его не смѣли, а книгопродавца присяжные

оправдали. Волненіе усилилось до того, что правительство уничтожило патентъ Вуда. Послѣ этихъ писемъ Свифтъ приобрѣлъ безграничное вліяніе на народъ. Вальполь хотѣлъ арестовать его, но его остановили вопросомъ: имѣеть-ли онъ въ своемъ распоряженіи 10,000 человекъ, необходимыхъ для произведенія ареста? Когда сержантъ Беттесвортъ, оскорбленный сатирою Свифта, угрожалъ поволочить его, народъ добровольно составилъ стражу для его защиты. Когда примасъ Боултеръ укорялъ его въ возбужденіи народа, то Свифтъ возразилъ; „если-бы я для возбужденія поднялъ только одинъ палецъ, то васъ тотчасъ-же растерзали-бы въ клочки“. „Онъ, говоритъ Лекки,—первый научилъ ирландцевъ полагаться на самихъ себя. Онъ велъ ихъ къ побѣдѣ въ то время, когда вѣковое угнетеніе и паденіе энергіи лишили ихъ всякой надежды. Онъ далъ голосъ ихъ нѣмымъ страданіямъ и начерталъ путь ихъ будущему прогрессу. Съ этого времени вопросы о свободѣ торговли и законодательной самостоятельности уже не оставляли умовъ ирландцевъ, а реформа 1779 г. и законодательная эманципация 1782 г. была развитіемъ идей Свифта. Уличныя баллады, которыя онъ писалъ для развлеченія, простота и прозрачность его памфлетовъ, богатый юморъ распространяли его вліяніе въ самыхъ низшихъ классахъ. Однажды онъ подарилъ горничной денегъ на платье, непременно изъ ирландской матеріи. Черезъ нѣсколько времени, на упрекъ, что она не исполнила его желанія, дѣвушка показала купленный ею томъ его сочиненій, говоря, что лучше этой „ирландской матеріи“ она ничего не знаетъ“.

Не одинъ Свифтъ былъ представителемъ новаго времени. Одновременно съ нимъ общественными вопросами Ирландіи занимался извѣстный Беркелъ, имѣвшій также важное вліяніе на развитіе ирландской политической мысли. Въ 1747 г. въ Дублинѣ началъ выходить „Журналъ Гражданина“, печатавшій парламентскія пренія, обличавшій судебныя и административныя злоупотребленія, разрабатывавшій вопросы поземельный и торговый. Основателемъ и главнымъ публицистомъ этого журнала былъ Люкасъ, такъ смѣло писавшій о независимости Ирландіи и разоблачавшій англійскую политику, что въ 1749 г. былъ объявленъ ирландскимъ парламентомъ врагомъ отечества и бѣжалъ въ Англію. Возвратившись, онъ былъ избранъ депутатомъ отъ Дублина и въ

этой роли оживилъ парламентскую оппозицію, а своимъ журналомъ положилъ основаніе ирландской либеральной прессѣ. Въ то же время появился на парламентской сценѣ первый по времени великій ораторъ Ирландіи, Генри Флудъ, организовавшій въ парламентѣ сильную оппозицію, а за стѣнами его направившій общественное мнѣніе на парламентскую реформу, независимое управленіе Ирландіи, образованіе конституціонной милиціи, отмѣну уголовныхъ и торговыхъ законовъ.

Вѣкъ мятежниковъ въ старинномъ духѣ кончился; начинался вѣкъ Гратановъ и О'Коннелей.

С. Шашковъ.

ГОРОДСКОЕ УСТРОЙСТВО.*)

IV.

Хотя въ нашей городской реформѣ нельзя не видѣть тѣхъ главныхъ основаній, на которыхъ построены системы общественнаго самоуправления въ большей части городовъ западно-европейскихъ государствъ, — системы, подвергшіяся кореннымъ преобразованіямъ въ пятидесятихъ и шестидесятихъ годахъ; за всѣмъ тѣмъ, въ существѣ, городовныя реформы на Западѣ и у насъ не только выразились въ различныхъ видахъ, но и къ конечнымъ своимъ цѣлямъ идутъ нерѣдко рѣшительно разными путями. Правда, многое пересажено отсюда, повидимому, цѣликомъ, многое перенесено на нашу почву только съ надлежащими осторожными приспособленіями къ условіямъ этой почвы, тѣмъ не менѣе и тамъ и здѣсь осталась нетронутою историческая почва, на которой выросли города и сложились, отчасти путемъ обычая и рутины, отчасти подъ давленіемъ необходимости, тѣ или другія формы гражданскаго сожителства.

Въ статьѣ „Новая Вѣна и ея самоуправленіе“ (Вѣстн. Европы, 1873, кн. I) баронъ Корфъ говоритъ, что, „начиная съ 1867 года, самоуправленіе Вѣны демократизируется, такъ-какъ законъ увеличиваетъ число избирателей въ городѣ, облегчаетъ условія избранія и предоставляетъ большую автономію городскому управленію, назначаемому расширеннымъ кругомъ избирателей“ (стр. 157). У насъ, напротивъ, вслѣдствіе именно того, что историческая почва подъ ногами у городовъ нѣсколько иная, чѣмъ на Западѣ, въ городское самоуправленіе вмѣстѣ съ реформой влился элементъ *аристократизаціи*, тогда-какъ въ прежнемъ городскомъ общественномъ управленіи въ самой основѣ лежали

*) См. первую ст. въ 5-мъ №-рѣ «Дѣла».

демократическія начала, настолько сильныя, что имъ какъ-бы нечувствительно подчинился даже „такой важный для городовъ историческій законодательный актъ, какъ „городовая грамота“ 1785 года императрицы Екатерины II“ (Город. полож. съ объясн., стр. 11). Наши города до послѣдней реформы продолжали жить нѣсколько вѣчевымъ складомъ жизни, когда на вѣчѣ, какъ въ Новгородѣ и Псковѣ въ ихъ вѣчевыя эпохи, общественнымъ дѣломъ не всегда заправляли бояре, но и торговые люди, и „посадскіе людишки“, и „препростая чадь“, и „смерды“, даже простые „изорники“ и, наконецъ, въ весьма значительной степени „худые мужики-вѣчники“. Этихъ-то „худыхъ мужиковъ-вѣчниковъ“ городова реформа и устранила отъ участія въ городскомъ общественномъ самоуправленіи, опершись на принципъ „всесловности“ или, вѣрнѣе, „безсловности“ и въ силу этого принципа поддѣржившись „началами имущественной заинтересованности“, „имущественнаго представительства“ и т. д. Вмѣстѣ съ удаленіемъ отъ городского вѣча, говоря языкомъ древней Руси, безценныхъ или „худыхъ мужиковъ-вѣчниковъ“, бездомныхъ горожанъ, „мѣщанъ изъ дворовыхъ“ и „рабочихъ изъ ссыльныхъ“, реформа приблизила къ городскому вѣчу аристократизирующія силы въ видѣ дворянъ и чиновниковъ домовладѣльцевъ, духовенства и проч.

Это, по нашему мнѣнію, болѣе существенныя черты, отличающія нашу городовую реформу отъ реформъ западныхъ, чѣмъ тѣ вѣдншіе признаки, на которыхъ строятъ тожество этого важнаго дѣла у насъ, и на Западѣ.

Тожества этого, въ сущности, нѣтъ и быть не могло. Реформа городского управленія въ Пруссіи послѣдовала въ 1853 году, а потомъ вновь дополнена и измѣнена законоположеніемъ 14 мая 1860 года. Какъ и у насъ, въ Пруссіи городское общественное управленіе подвело подъ общую мѣрку всѣ города и только для Берлина оставило нѣкоторыя весьма существенныя и самостоятельныя отклоненія отъ общаго правила. Въ Берлинѣ есть таковая же городская дума, какъ и у насъ: это — Staatsverordneten Versammlung. Гласные въ думу избираются по отдѣльнымъ группамъ кварталовъ. Этихъ группъ считается 36. Каждая группа даетъ въ думу только трехъ представителей или гласныхъ. Избирателями считаются всѣ обыватели Берлина, но только тѣ, ко-

торые принадлежать къ прусскимъ подданнымъ, притомъ не къ „худымъ мужикамъ-вѣчникамъ“, а къ гражданамъ, болѣе или менѣе обезпеченнымъ имущественно, т. е. непринадлежащимъ къ категоріи пользующихся общественнымъ призрѣніемъ, которые имѣютъ ежегодный доходъ въ размѣрѣ не менѣе 300 талеровъ и которые проживутъ въ Берлинѣ не менѣе года до выборовъ. Это—существенная разница съ тѣмъ, что принято въ послѣднемъ отношеніи у насъ,—разница, истекающая изъ болѣе либеральныхъ воззрѣній на принципъ представительства: у насъ слѣдуетъ прожить въ городѣ не менѣе двухъ лѣтъ, чтобы получить избирательныя права гражданства. Въ чемъ есть тожество съ нашимъ городовымъ положеніемъ—это раздѣленіе избирателей на три группы и то, чтобы каждая группа, какъ-бы численно ни была велика или мала въ сравненіи съ другими, избирала изъ среды себя только одну треть всего числа гласныхъ: каждый разрядъ имѣетъ, слѣдовательно, 36 своихъ представителей въ думѣ; а у насъ—по 24 гласныхъ въ каждомъ разрядѣ, а всѣхъ 72, или 30 въ малыхъ городахъ, а въ столицахъ—150, 252 и т. д., но именно такое число, которое могло-бы всегда дѣлиться безъ остатка на 2 и на 3. Въ Пруссіи гласные избираются на шесть лѣтъ, но такъ, что выборы возобновляются черезъ каждые два года, для того, чтобы одна треть гласныхъ могла выбыть изъ состава городской думы, а на мѣсто выбывшихъ могли-бы быть избраны новыя. У насъ-же городскія избирательныя собранія для выбора гласныхъ созываются разъ въ четыре года (Город. полож., ст. 16) и, слѣдовательно, каждый гласный удерживаетъ за собою право представительства четыре года. Но нѣчто подобное прусскому городовому положенію внесено у насъ въ сроки службы членовъ городскихъ управъ: по ст. 94 Город. полож., срокъ служенія членовъ городской управы полагается четырехлѣтній, однако, черезъ каждые два года половина членовъ управы выбываетъ по-очереди и замѣщается вновь избираемыми, *которыми могутъ быть и выбывшіе*, и только черезъ первые два года по введеніи въ дѣйствіе городского положенія половина членовъ управы выбываетъ по жребію. Установленіе подобныхъ сроковъ у насъ мотивировалось тѣмъ соображеніемъ, что такъ-какъ выборомъ головы и членовъ управы руководствуютъ извѣстные представители городскихъ интересовъ, т. е. гласные одного избранія,

то изъ этого ясно, что эти гласные могутъ давать свое полномочіе на управленіе дѣлами города избираемымъ ими должностнымъ лицамъ только на четыре года, на тотъ періодъ времени, на который они сами избраны всѣмъ городомъ; но если-бы гласные избирались на меньшій срокъ, то данное ими головѣ и членамъ управы полномочіе продолжалось-бы долѣе предоставленнаго имъ самимъ отъ города полномочія; мало того; члены управы, при новомъ составѣ гласныхъ, могли-бы уже и не пользоваться довѣріемъ этого новаго состава: новые гласные могли желать имѣть и новаго голову и новыхъ членовъ управы, а сдѣлать-бы этой замѣны не имѣли права.

Дальше этого ни тожество, ни сходство, ни даже подобіе нашихъ городовыхъ законовъ съ прусскими нейдетъ.

Разширеніе до извѣстныхъ границъ права городского представительства въ Пруссіи и боязнь наплыва въ городское самоуправленіе чуждыхъ и подвижныхъ элементовъ вызвали въ тамошнемъ законодательствѣ слѣдующую ограничительную или охранительную мѣру: изъ числа избираемыхъ въ думу гласныхъ мѣстные домовладѣльцы должны составлять *не менѣе половины*. Значить, тамъ возникало не безпричинное опасеніе, что пришлые элементы свочимъ наплывомъ могутъ побѣдить мѣстное, коренное представительство, — представительство старожиловъ, домовладѣльцевъ и наиболѣе осѣдло-консервативныхъ элементовъ. И, дѣйствительно, это легко могло случиться даже въ виду такихъ внѣшнихъ, но, повидимому, угрожающихъ консервативному принципу признаковъ: въ Берлинѣ, какъ и у насъ, паниматели жилыхъ помѣщеній, неимѣющіе своихъ собственныхъ домовъ, устранены отъ участія въ выборахъ; они у насъ не обложены квартирнымъ сборомъ въ доходъ городскихъ кассъ и потому, понятно, не могутъ и претендовать на устраненіе ихъ отъ участія въ городскихъ общественныхъ дѣлахъ; но въ Берлинѣ они обложены квартирнымъ налогомъ; налогъ этотъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ давалъ тамошней городской кассѣ около милліона трехсотъ тысячъ талеровъ — эту прибыль давали городу, значить, пришлые элементы и во всякомъ случаѣ квартиранты; домовладѣльцы-же съ своихъ недвижимыхъ имуществъ не могли дать городу прибыли и полумилліона талеровъ. Неудивительно послѣ этого, что въ Европѣ, гдѣ почти повсемѣстно существуетъ квартирный налогъ, платель-

щики этого налога неоднократно протестовали — не противъ обложенія ихъ поквартирнымъ сборомъ, а противъ недопущенія къ завѣдыванію, совмѣстно съ домовладѣльцами, общественными дѣлами.

Въ Берлинѣ собраніе городскихъ представителей, какъ у насъ дума, избираетъ предсѣдателя только на годъ; у насъ — на четыре года. У насъ, по ст. 56 город. полож., засѣданія городской думы назначаются или по усмотрѣнію городского головы, или по требованію губернатора, или, наконецъ, по желанію не менѣе одной пятой части гласныхъ, заявленному городскому голове; для рассмотрѣнія городскихъ бюджетовъ и отчетовъ управы должно быть не менѣе двухъ засѣданій въ годъ, въ сроки, назначаемые опредѣленіями думы, съ утвержденія губернатора. Устанавливать опредѣленные сроки для засѣданій не представлялось необходимымъ и даже казалось неудобнымъ, чтобы не стѣснять общественное управленіе. Другое дѣло земскія собранія: тамъ гласнымъ приходится съѣзжаться изъ отдаленныхъ мѣстъ въ городъ, и потому эти съѣзды, по положенію о земскихъ учрежденіяхъ, назначаются „не позже“ сентября, разъ въ годъ, когда дороги еще не испорчены осенними дождями и когда гласные изъ крестьянъ могли-бы покончить съ лѣтними полевыми работами; экстренныя-же собранія, для большей осторожности, разрѣшаются только министромъ. Но въ городѣ гласные думы всегда на мѣстѣ, кромѣ временныхъ отлучекъ; слѣдовательно, ихъ легче собрать когда угодно и когда представится надобность; но только губернаторъ долженъ наблюдать, чтобы собранія городскія не совпадали съ земскими и не отвлекали отъ участія въ нихъ лицъ, которыя въ одно время могутъ состоять гласными и въ городѣ, и въ земствѣ. Въ Берлинѣ-же публичныя засѣданія общаго собранія городскихъ представителей бывають каждую недѣлю. У насъ, по 62 ст. город. полож., городская дума можетъ приглашать, чрезъ посредство городского головы, въ свои засѣданія и постороннихъ лицъ, отъ которыхъ, по ея мнѣнію, можно ожидать полезныхъ объясненій; но только эти приглашенные голоса не имѣютъ. Въ Берлинѣ, напротивъ, въ собраніи засѣдаютъ разные делегаты и члены специальныхъ комиссій по завѣдыванію городскими школами, богадѣльнями, наблюденіемъ за сборомъ налоговъ и проч.

Въ нашихъ городахъ, подчиненныхъ новому положенію, городская управа является исполнительнымъ органомъ общественнаго управленія. На нее возлагается непосредственное завѣдываніе дѣлами городского хозяйства и управленія, на основаніи городского положенія и согласно правиламъ и указаніямъ, преподаваемымъ ей городской думою; она ведетъ текущія дѣла по городскому хозяйству, изыскиваетъ мѣры къ его улучшенію, исполняетъ опредѣленія и порученія думы, собираетъ нужныя для нея свѣденія, составляетъ проекты городскихъ бюджетовъ, смѣты, взимаетъ и расходуетъ городскіе доходы на основаніяхъ, установленныхъ думою, наконецъ, представляетъ, въ назначенные думою сроки, отчеты о своей дѣятельности и состояніи подвѣдомственныхъ ей частей, что все, вмѣстѣ съ заключеніями думы, и печатается „для всеобщаго свѣденія“, не такъ, какъ въ земствѣ— только для свѣденія земскихъ и нѣкоторыхъ правительственныхъ учреждений, подъ цензурою губернатора и въ томъ количествѣ экземпляровъ, какое назначитъ губернаторъ. Но городской голова, въ случаяхъ чрезвычайныхъ и нетерпящихъ отлагательства, можетъ дѣйствовать и помимо управы, но только обязанъ доводить о своихъ дѣйствіяхъ до свѣденія управы въ первое засѣданіе. Это—для устраненія медленности. Другой мотивъ состоитъ въ томъ, что такъ-какъ городамъ предоставлены положеніемъ весьма широкія права, то, въ случаѣ неправильныхъ дѣйствій управы, голова, какъ отвѣтственный передъ правительствомъ предсѣдатель ея, можетъ приостанавливать эти дѣйствія, когда признаетъ ихъ незаконными. „Нѣтъ сомнѣнія, сказано по этому поводу въ „объясненіяхъ“ къ городскому положенію,—что голова, дорожа довѣріемъ къ нему общества, не будетъ злоупотреблять этимъ правомъ“ (стр. 74). Съ другой стороны, въ случаѣ злоупотребленій или неудобствъ въ исполненіи опредѣленій думы, и управѣ предоставляется приостанавливаться исполненіемъ таковыхъ опредѣленій и о своихъ затрудненіяхъ представлять думѣ; только при подтвержденіи думою своего опредѣленія управа обязана его исполнить; если-же управа признаетъ опредѣленіе думы противозаконнымъ, то, не приводя его въ исполненіе, представляетъ о томъ думѣ, а ужь потомъ, если послѣдняя будетъ настаивать на первоначальномъ опредѣленіи, вноситъ дѣло, черезъ губернатора, на разрѣшеніе губернскаго по городскимъ дѣ-

лажь присутствія. Въ такое относительно независимое положеніе управа ставится для того, чтобы, съ одной стороны, имѣть свое вліяніе на ходъ городскихъ дѣлъ, съ другой—устранять возможность рѣшеній, „недостаточно обдуманыхъ“ городомъ,—рѣшеній, не рѣдко принимаемыхъ въ многочисленныхъ собраніяхъ вслѣдствіе увлеченія или случайнаго большинства. При всемъ томъ управа—ни болѣе, ни менѣе, какъ исполнительный органъ думы, которая „есть главный судья о томъ, что для города наиболѣе полезно“ (ст. 72, 78—80 гор. полож.).

По берлинскому городовому положенію, тамошній исполнительный органъ города далеко не имѣетъ общаго характера съ нашей городской управой. Берлинскій магистратъ хотя и имѣетъ въ себѣ членовъ, выбранныхъ городомъ, но въ немъ въ то-же время засѣдаютъ два бургомистра, назначаемые правительствомъ, которые и должны быть какъ-бы стряпчими въ общественномъ дѣлѣ, тогда какъ у насъ функціи казеннаго стряпчаго въ городскихъ и земскихъ дѣлахъ соединяетъ въ себѣ губернаторъ, не-присутствующій, однако, ни въ думѣ, ни въ управѣ, ни въ земскомъ собраніи, что, впрочемъ, и не относилось къ обязанностямъ стряпчихъ.

Городское общественное самоуправленіе Лондона всего менѣе могло быть образцомъ для нашей городской реформы. Тамъ надъ городскими дѣлами нѣтъ, повидимому, никакой правительственной опеки. Городской голова, лордъ-мэръ, является полнымъ хозяиномъ города, преимущественно ядра лондонскаго населенія, стараго города или Сити. Его общественное положеніе поставлено въ уровень съ положеніемъ самыхъ первыхъ государственныхъ сановниковъ. Какъ главный хозяинъ въ городѣ, онъ принимаетъ государей и своихъ, и иноземныхъ. По важнѣйшимъ городскимъ дѣламъ онъ самъ входитъ съ биллемъ въ парламентъ и, какъ представитель города, участвуетъ лично въ разрѣшеніи парламентомъ этихъ дѣлъ.

Лондонъ пользуется самымъ широкимъ правомъ представительства. Городскимъ избирателемъ тамъ можетъ быть всякій обыватель Лондона, не только домовладѣлецъ, купецъ, содержатель торговаго и промышленнаго заведенія, но и каждый квартирантъ, наниматель жилого помещенія, если только за свою квартиру онъ платитъ не менѣе 10 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, что почти равняется

квартирной платѣ самаго бѣднаго чиновника въ нашихъ уѣздныхъ городахъ, не говоря уже о губернскихъ и столичныхъ. Лондонъ, такимъ образомъ, не затруднился допустить къ участию въ общественныхъ городскихъ дѣлахъ, можно сказать, даже тѣхъ „худыхъ мужиковъ-вѣчниковъ“, которыхъ не допускаетъ Берлинъ, собирая съ нихъ въ доходъ города до милліона трехсотъ тысячъ талеровъ квартирнаго налога, и которые еще не допущены и нашимъ городовымъ положеніемъ, но, повидимому, имѣютъ быть скоро допущены, какъ на то положительно указываетъ 5 п. III ст. мѣнія Госуд. Сов. 16 іюня 1870 года.

Лондонская дума, говоря языкомъ нашего законодательства, или городова палата метрополиі (metropolitan board of works) состоитъ изъ 45 гласныхъ или отдѣльныхъ представителей городскихъ округовъ. Собственно Лондонъ состоитъ изъ Сити и 23 предмѣстій или нашихъ слободъ, собственно пригородныхъ; кромѣ того, въ Лондону причислены 59 приходовъ, раздѣленные на 15 отдѣльныхъ городскихъ округовъ или частей. Весь Лондонъ, поэтому, съ слободами и приходами составляетъ 39 округовъ, въ которыхъ находятся отдѣльныя городскія общественныя управленія, соединяющіяся черезъ своихъ гласныхъ въ общую городскую думу или палату метрополиі. Гласные каждаго изъ 39 округовъ избираются своими избирателями, которыми, какъ мы сейчасъ упомянули, можетъ быть всякій, отправляющій какія-либо обязанности по городу или платящій за квартиру до 10 фун. стерл. въ годъ.

Что касается городского общественнаго управленія въ Парижѣ, то оно положительно не напоминаетъ собой ни лондонскаго, ни берлинскаго, ни вѣнскаго. Внѣшній блескъ города не свидѣтельствуетъ собственно о дѣятельности тамошней думы (hôtel de ville) или городскихъ головъ и гласныхъ; онъ свидѣтельствуетъ только о громадныхъ налогахъ, выносимыхъ на себѣ городомъ, и не по опредѣленіямъ думы, а по приказамъ правительства. Другой городъ, менѣе богатый, можетъ быть и не вынесъ-бы своей собственной блестящей обстановки, потому что черезъ нѣсколько лѣтъ увидѣлъ-бы себя совершенно разореннымъ; но Парижъ переживаетъ всѣ встряски, начиная отъ революцій и кончая послѣдними политическими бойнями, и все-таки выходитъ изъ этихъ общественныхъ бѣдъ по-прежнему чистымъ, роскошнымъ и далеко

не разореннымъ, потому что, какъ въ центрѣ міровой цивилизаціи, въ этотъ городъ, вмѣстѣ съ людьми, постоянно приливаютъ и богатства.

Напротивъ, если какой-либо изъ всѣхъ европейскихъ образованныхъ народовъ можетъ служить образцомъ въ дѣлѣ доведенія городского общественнаго самоуправленія до желательнаго совершенства, то это граждане Вѣны, втеченіи какихъ-нибудь пяти лѣтъ выработавшіе себѣ дѣйствительно лучшее, разумнѣйшее и благотворнѣйшее, въ смыслѣ государственномъ и общественномъ, городское управленіе.

Желающихъ познакомиться съ тѣмъ, что сдѣлала Вѣна за эти пять лѣтъ, мы отсылаемъ къ цитированной нами выше статьѣ барона Корфа. Съ своей-же стороны мы укажемъ только на главныя основанія, на которыхъ стоитъ справедливо прославляемое вѣнское городское общественное самоуправленіе.

По городскому общественному управленію Вѣна представляется въ видѣ обширной общины, которою завѣдуетъ общинный совѣтъ—*Gemeinderath*. Это наша городская дума. Исполнительный органъ общины—магистратъ, соотвѣтствующій нашей городской управѣ. Затѣмъ есть особыя, тоже выборныя, инспекторы городскихъ кварталовъ, въ вѣденіи которыхъ находятся отдѣльныя участки города. Вѣнская городская дума состоитъ изъ 120 гласныхъ — цифра, какъ и у насъ, могущая безъ остатка дѣлиться на 3. Разница въ выборѣ гласныхъ у насъ и въ Вѣнѣ состоитъ въ томъ, что вмѣсто четырехъ лѣтъ или шести, какъ въ Берлинѣ, Вѣна избираетъ своихъ гласныхъ только на три года. За то выборы производятся каждый годъ, для того, чтобы выбывающая треть гласныхъ могла замѣниться вновь избранными.

Г. Корфъ справедливо замѣтилъ, что общественное управленіе Вѣны значительно „демократизируется“. Дѣйствительно, вѣнское самоуправленіе все болѣе и болѣе обновляется приливомъ разнородныхъ силъ, и въ томъ числѣ допущеніемъ къ городскому представительству тѣхъ элементовъ, которые въ нашей старой гражданской терминологіи слыли подъ именемъ „худыхъ мужиковъ-вѣчниковъ“. Такъ каждый обыватель города можетъ быть избирателемъ, если платитъ прямыхъ налоговъ не менѣе 10 гульденовъ въ годъ—это немногимъ болѣе 6 рублей. Но весь городъ, какъ и по нашему городскому положенію, дѣлится на три избирательныя группы —

крупныхъ плательщиковъ, среднихъ и мелкихъ, изъ которыхъ и первая группа, и послѣдняя, если-бы въ ней было даже нѣсколько сотъ тысячъ избирателей, должны избрать только по 40 гласныхъ: это значитъ, что первые 40 гласныхъ должны представлять и защищать интересы, положимъ, 400 крупныхъ домовладѣльцевъ, а послѣдніе 40 должны вынести на своихъ плечахъ интересы, можетъ быть, 40,000 мелкихъ домовладѣльцевъ и всѣхъ прочихъ небогатыхъ и положительно бѣдныхъ горожанъ.

Послѣ всего сказаннаго мы имѣемъ полное право ожидать, что наша городская реформа, которая имѣла возможность черпать свободною рукою все лучшее изъ городскихъ законоположеній западныхъ государствъ и, въ виду богатства опытовъ, сопровождавшихъ введеніе въ жизнь городовъ Европы современныхъ системъ общественнаго управленія, выбрать изъ этихъ системъ наиболѣе подходящую къ условіямъ нашей городской жизни,—дѣйствительно воспользовалась выгодами своего положенія и изъ всего богатства опытовъ, представляемаго западною жизнью, выбрала для себя все лучшее; но это мы можемъ видѣть только при ближайшемъ обзорѣ явленій и фактовъ, уже совершившихся въ жизни и дѣятельности нашихъ городовъ послѣ принятія ими городской реформы.

V.

Чтобы перейти къ оцѣнкѣ уже совершившихся фактовъ и явленій въ общественной дѣятельности нашихъ городовъ послѣ реформы или съ самаго ея момента, мы должны предварительно оговориться.

Такъ-какъ со времени реформы прошло въ сущности не болѣе двухъ лѣтъ, а въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ, напр., въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ и въ большинствѣ уѣздныхъ городовъ и того менѣе, то и приговоры о совершившихся фактахъ и явленіяхъ, само собою разумѣется, не могутъ быть окончательные, да и оцѣнка этихъ явленій можетъ страдать, до извѣстной степени, односторонностью; а потому, чѣмъ осторожнѣе и осмотрительнѣе мы будемъ относиться къ этимъ явленіямъ, тѣмъ меньше рискуемъ

впадать въ ошибки и произносить преждевременные приговоры. Весьма можетъ статься, что то, что, въ самый моментъ реформы, когда городскіе дѣятели еще не успѣли, что-называется, оглядѣться, освоиться съ своимъ новымъ положеніемъ, стать на ноги и измѣрить свои силы,—вышло, повидимому, неудачнымъ, какъ первый блинъ на слишкомъ разгоряченной сковородѣ, — въ другой разъ выйдетъ болѣе удачнымъ; что если, вступая въ новую жизнь, нѣкоторые города, не понявъ серьезности этого момента, по-старому отнеслись къ своему дѣлу небрежно, равнодушно и спустя рукава выбрали себѣ такихъ гласныхъ, членовъ управъ, городскихъ головъ, городскихъ казначеевъ и проч., которые на первыхъ-же порахъ не только обманули довѣріе городовъ, но и вывернули городскіе карманы, какъ это уже, къ сожалѣнію, и испытали на себѣ нѣкоторые города, — то въ слѣдующій разъ они отнесутся къ этому дѣлу серьезнѣе, обдуманнѣе; что если эти новые дѣятели въ одномъ городѣ ничего не дѣлаютъ, въ другомъ опустошили городскую кассу на мнимые водопроводы, въ третьемъ изъ городского освѣщенія сдѣлали себѣ, а не городу, доходную статью, не освѣтивъ все-таки города и оставивъ его при мнимомъ освѣщеніи, въ четвертомъ—устроивъ мостовыя такъ, что по нимъ ни ходить, ни ѣздить нельзя, все-таки на крупницы, падавшія съ этихъ мостовыхъ, приобрѣли себѣ, а не городской казнѣ, не мало разныхъ акцій, облигацій и проч.,—то въ слѣдующій разъ такихъ молодцовъ не изберутъ и, вслѣдствіе этого, безводные города будутъ снабжены водою, темные—освѣщены, немощные—вымощены и городскія кассы не будутъ расхищены, и т. д. Все это мы говоримъ только къ примѣру.

Да и дѣйствительно теперь было-бы преждевременно говорить о результатахъ городской реформы, когда реформа только совершается. Только четырехлѣтній опытъ существованія городскихъ общественныхъ установленій на новыхъ началахъ, когда терминъ перваго избранія кончится и послѣдуютъ вторичные выборы новыхъ дѣятелей, только оцѣнка самими городами результатовъ своей дѣятельности и оглашеніе этихъ результатовъ посредствомъ печатныхъ отчетовъ, наконецъ, только окончательное удостовѣреніе въ томъ, насколько первая серія городскихъ дѣятелей оправдала или обманула довѣріе городовъ и насколько процентовъ поднялось благосостояніе ихъ, улучшилась внѣшняя го-

родская обстановка, пополнились городскія кассы, открылись новыя благотворительныя заведенія, учредились городскія училища и т. д.,—только подобнаго рода свѣденія могутъ дать матерьялъ для болѣе или менѣе правильной оцѣнки городской реформы и критическаго отношенія къ тому, что ею внесено въ жизнь городовъ непригоднаго, неудобопримѣнимаго или останавливающаго свободное и естественное развитіе городской самодѣятельности. Теперь-же позволительно лишь обсужденіе самаго процесса реформы и степени примѣнимости ея къ исторической почвѣ городовъ, которую какъ-бы приходится взрывать и удабривать реформою, практическое разъясненіе нѣкоторыхъ теоретическихъ вопросовъ, на которые натолкнулись, такъ-сказать, городскія общества, поставленныя въ небывалое положеніе, и, наконецъ, оцѣнка тѣхъ фактовъ, недоразумѣній, столкновеній, путаницы, непониманія предѣловъ власти и обязанностей, налагаемыхъ на города реформою, ложныхъ толкованій, неожиданныхъ столкновеній и явныхъ абсурдовъ, которыми неизбежно сопровождается всякое новое, непривычное дѣло.

Такъ, напр., въ самый короткій промежутокъ времени послѣдовалъ цѣлый рядъ столкновеній городскихъ обществъ съ губернаторами, съ губернскими по городскимъ дѣламъ присутствіями, съ полиціею, съ лицами прокурорскаго надзора, столкновеніе Лямина съ Дурново, кіевской думы съ княземъ Демидовымъ-Сан-Дonato и т. д.

Явились даже попытки закрѣпощенія городской общественной службы. Такъ, напр., при введеніи новаго городского положенія въ Новосилѣ, тульской губерніи, тамошняя дума, еще до выбора городского головы и членовъ управы, сдѣлала странное постановленіе—просить *того, кто будетъ избранъ* городскимъ головой, служить безъ жалованья, а членамъ управы назначить каждому по 400 р. въ годъ. Съ такими условіями выборы, дѣйствительно, и были произведены. Но въ первый-же годъ, при разсмотрѣніи росписи городскихъ доходовъ и расходовъ, сама-же дума, постановившая это странное опредѣленіе, взяла да и исключила изъ числа расходовъ жалованье, назначенное членамъ управы, въ виду, вѣроятно, того соображенія, что странное опредѣленіе было постановлено лишь для приманки охотниковъ на службу, а такъ-какъ нашлись охотники, которые на приманку пошли и

стали работать въ управѣ, то теперь безопасно можно отнять у нихъ жалованье—не уйдутъ. Но члены управы, гг. Губановъ и Алтуховъ, заявили, что безъ жалованья они служить не станутъ. Тогда дума вновь постановила: „такъ-какъ не имѣется въ виду законныхъ причинъ къ увольненію членовъ управы отъ ихъ должности, и, тѣмъ болѣе, такъ-какъ, по 94 ст. город. полож., члены управы избраны на четыре года, а по истеченіи двухъ лѣтъ выбываютъ по жребію, то, на основаніи этого, и должны они продолжать службу до истеченія опредѣленнаго закономъ срока, почему городская дума и не можетъ сдѣлать распоряженія объ увольненіи ихъ отъ должности“. Сколько ни протестовали закрѣпощенные члены управы, сколько ни ссылались на законъ, на здравый смыслъ, на свои человѣческія и гражданскія права, — ничто не помогло: новосильская дума стояла на своемъ—хоть умри съ голоду, а служи безъ жалованья. Понятно, какого страху нагналъ бы на всѣ города этотъ случай, если-бъ упрямая новосильская дума осталась побѣдительницей, чего, впрочемъ, трудно ожидать. Въ случай, если гг. Губановъ и Алтуховъ будутъ взяты думою, какъ военноплѣнные, то можно ожидать, что общественная городская служба станетъ для горожанъ такимъ-же ужасомъ, какъ слово „жупель“ для одной робкой купчихи въ комедіи Островскаго. „Кто, впрочемъ, знаетъ, говорить по поводу этого новосильскаго столкновенія „Голосъ“, — быть можетъ, и теперь, послѣ введенія новаго городского положенія, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, подъ вліяніемъ старыхъ понятій, иные члены городскихъ управъ несутъ покорно тотъ служебный крестъ, отъ котораго такъ энергично, но все-таки безуспѣшно отбивались въ Новосилѣ гг. Губановъ и Алтуховъ?“ А въ заключеніе говорить: „Любопытно будетъ знать, чѣмъ можетъ окончиться это курьезное дѣло, и какія могутъ быть приняты понудительныя мѣры, если гг. Губановъ и Алтуховъ станутъ упорно заявлять, что они безъ жалованья не пойдутъ на службу, а городская дума, съ своей стороны, также упорно станетъ требовать, чтобъ они отправились туда для исполненія своихъ обязанностей? Вѣдь тогда думѣ не останется ничего болѣе, какъ только прибѣгнуть къ содѣйствію полиціи или же получить исполнительный листъ противъ упорствующихъ членовъ управы“ (1873, № 28).

По поводу этого, не единичнаго, впрочемъ, недоразумѣнія мы

смѣло можемъ утверждать, что въ слѣдующее четырехлѣтіе новой жизни нашихъ городовъ такихъ странныхъ столкновеній въ средѣ городскихъ обществъ и такой оригинальной борьбы городовъ съ своими гражданами не будетъ, хотя и могутъ явиться столкновенія совершенно иного рода, какъ этого и нельзя не предвидѣть изъ настоящаго хода городскихъ дѣлъ.

Выше мы замѣтили, что городовая реформа, вслѣдствіе своего нѣсколько консервативнаго отношенія къ идеѣ городского представительства, — отношенія, вытекавшаго изъ весьма понятной осторожности, влила въ городскую общественную жизнь гораздо менѣе новыхъ элементовъ, чѣмъ можно было-бы ожидать. Въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ примѣсь новыхъ элементовъ къ старымъ выразилась ничтожнымъ процентомъ, иногда не болѣе 5⁰/₀, 6⁰/₀ или 7⁰/₀. Чрезвычайно знаменательными съ той точки зрѣнія, на которую насъ поставило новое городское положеніе, представляются результаты выборовъ гласныхъ городского общественнаго управленія въ Петербургѣ. Извѣстно, что число всѣхъ избирателей въ этомъ городѣ, имѣющихъ, по силѣ городского положенія, право выборнаго голоса, значилось по спискамъ только 18,590; на 800-тысячное населеніе этого очень мало. Въ первый разрядъ этихъ избирателей, какъ видно изъ 15-го № „Извѣстій санктпетербургской городской общей думы“, вошло только 224 человѣка, во второй разрядъ 887 и въ третій 17,479. Но и изъ этого скромнаго числа на такой сравнительно обширный общественный индивидъ, какъ Петербургъ, къ выборамъ явилось всего только 1,411 человѣкъ! Это значить, что не болѣе 8⁰/₀ изъ тѣхъ счастливецъ, которые призваны заправлять хозяйствомъ такого обширнаго города, какъ Петербургъ, и которые, по натурѣ вещей, должны быть заинтересованы какъ въ судьбѣ своего города, въ его благоустройствѣ, такъ и въ судьбѣ своихъ собственныхъ домовъ и кармановъ, изъ коихъ должны извлекаться необходимыя деньги на поддержаніе городского благоустройства, — пожелали воспользоваться этой честью и, дѣйствительно, хотя въ незначительной степени, доказали свое неравнодушіе къ общественному дѣлу. Такое явленіе было-бы положительно необъяснимо, если-бъ мы отрѣшились отъ исторической почвы, на которой продолжаютъ стоять наши города. Какъ-бы то ни было, но на выборы явилось такое число городскихъ представителей, что нельзя не удивляться, какъ

это Петербургъ до сихъ поръ не выразилъ желанія, чтобъ у него совсѣмъ отняли право общественнаго самоуправленія, какъ излишнее, и почему городское положеніе еще болѣе не сгузило правъ городского представительства, повидному, бесполезно расточаемыхъ передъ горожанами и этими послѣдними положительно не цѣнимыхъ.

Хотя городская реформа, какъ мы видѣли, и опиралась главнымъ образомъ на принципъ „бессословности“, однако, въ томъ равнодушіи, съ какииъ Петербургъ отнесся къ своему выборному дебюту, весьма ярко обрисовались степени сословнаго равнодушія къ дѣлу, которыя могутъ поддаться правильному объясненію только при помощи историческаго анализа.

Такъ, посословно, равнодушіе и сочувствіе къ выборамъ въ Петербургъ наглядно выражается слѣдующею табличкою:

	Процентъ сочувствія.	Процентъ равнодушія.
Въ сословіи почетныхъ гражданъ		
и купцовъ. . . .	16 ⁰ / ₁₀₀	84 ⁰ / ₁₀₀
„ дворянъ	10 ⁰ / ₁₀₀	90 ⁰ / ₁₀₀
„ ремесленниковъ. . .	6 ⁰ / ₁₀₀	94 ⁰ / ₁₀₀
„ мѣщанъ и крестьянъ.	4 ⁰ / ₁₀₀	96 ⁰ / ₁₀₀
„ приказчиковъ. . .	2 ¹ / ₂ ⁰ / ₁₀₀	97 ¹ / ₂ ⁰ / ₁₀₀

Или, выводя средній процентъ сочувствія и равнодушія, т. е. раздѣливъ сумму всѣхъ вышепоказанныхъ процентовъ, положительныхъ и отрицательныхъ, на число 5, выражающее категоріи сословности, мы получимъ только около 8⁰/₁₀₀ сочувствія и болѣе 92⁰/₁₀₀ равнодушія.

При опубликованіи выборныхъ цифръ, нѣкоторые изъ нашихъ газетъ не безъ справедливаго сожалѣнія замѣчали, что „привилегированное сословіе (дворяне), отъ котораго можно было-бы ожидать наибольшаго сочувствія къ дѣлу, имѣющему связь съ благосостояніемъ столичныхъ жителей, уступило въ этомъ отношеніи торговому классу“. Фактъ такого несвоевременнаго, повидному, преобладанія торгующихъ классовъ надъ привилегированными старались объяснить каждый по своему разумнію и съ той точки зрѣнія, на которой стоялъ каждый изъ толкователей: такъ, между прочимъ, процентъ равнодушія, достигшій въ при-

„Дѣло“, № 9.

вилегированномъ сословіи цифры 90, извиняли тѣмъ соображеніемъ, что будто-бы наша интеллигенція не выросла еще изъ того понятія, — конечно, ложнаго и побиваемаго даже самыми основами городского положенія, — будто-бы завѣдываніе городскими дѣлами всегда должно остаться историческимъ и по преимуществу неотъемлемымъ достояніемъ торговаго класса; съ другой стороны, брали на помощь, для объясненія этого явленія, и то оригинальное предположеніе, что въ среднемъ торговомъ сословіи начинается значительно повышаться уровень образованія совмѣстно съ повышеніемъ уровня умственнаго развитія, и что, поэтому, среднее сословіе, сознавая важность и пользу самоуправления, „оставило, въ этомъ отношеніи, далеко за собою привилегированную часть столичныхъ собственниковъ“ („Голосъ“, 1873, № 47). Процентъ равнодушія къ выборамъ выступаетъ еще ярче при показаніи въ спискѣ числа всѣхъ петербургскихъ домовладѣльцевъ, явившихся на выборы: ихъ явилось только 12⁰/о. Неудивительно, говорилось по этому поводу, — если какой-нибудь приказчикъ апатично отнесется къ городскому общественному дѣлу или пришлый крестьянинъ, для которыхъ чужды интересы столицы, такъ-какъ они не участвуютъ самостоятельно въ составленіи городской кассы или принимаютъ грошовое участіе; но удивительна эта апатія въ средѣ коренныхъ столичныхъ домовладѣльцевъ, которые для составленія городской кассы несутъ на себѣ довольно солидную тяжесть, выражающуюся 10-ю процентами съ чистаго дохода, и которые, дѣйствительно, сами съ своимъ добромъ составляютъ замѣтную, даже на планѣ, частицу столицы; вѣдь всякій лишній грошъ, который вздумаютъ накинуть на городъ его полномочные дѣатели, будетъ 10-мъ процентомъ накидываться на его собственный доходъ, на его столъ, домъ, пищу.

Газетный плагиатъ этотъ понятенъ. Но источникъ равнодушія къ общественнымъ дѣламъ, повидимому, все-таки не понятъ, а только ошибочно, а, можетъ быть, и намѣренно ложно истолкованъ. Признавая-же, что ошибочное или ложное толкованіе чего-либо вреднѣе для дѣла, чѣмъ полное отсутствіе толкованія, при искреннемъ сознаніи непониманія факта и его стимула, мы полагаемъ, что нашимъ газетамъ, вмѣсто изверженія бесполезныхъ плагиатовъ, не мѣшало-бы почаще изучать или хоть ощу-

пывать историческую почву явленій, которыя они берутся разбирать и разъяснять.

Источникъ даннаго явленія лежитъ въ прошедшемъ нашихъ городовъ, отъ котораго мы, повидимому, безсильны отбиться даже и новымъ оружіемъ, даннымъ намъ въ руки городовою реформою. Въ Петербургѣ повторяется только извѣстная намъ исторія города Новосила, тульской губерніи, съ членами управы гг. Губановымъ и Алтуховымъ, хотя петербургская исторія не кончится такъ скоро, какъ новосильская, — въ губернскомъ по городскимъ дѣламъ присутствіи.

„Процентъ рванодушія“, какъ извѣстно изъ логики, всегда бываетъ обратно пропорціоналенъ „проценту заинтересованности“. Эту истину имѣлъ въ виду новый законъ о городскомъ общественномъ управленіи, говоря, въ объясненіи къ 26 ст. город. полож., что „при примѣненіи новыхъ началъ для городского представительства“ онъ въ основаніе этого представительства „полагаетъ не личную, а имущественную заинтересованность въ устройствѣ города со стороны жителей онаго, въ всякой зависимости отъ принадлежности ихъ къ тому или другому состоянію въ государствѣ“ (город. полож. съ объясн., 37). Слѣдовательно, „имущественная заинтересованность въ устройствѣ“ Петербурга „со стороны жителей онаго“ выразилась, пословно, какъ мы видѣли выше:

16-ю процентами въ сословіи почетныхъ гражданъ и купцовъ,

10-ю въ сословіяхъ привилегированныхъ,

6-ю въ сословіи ремесленниковъ,

4-мя въ сословіяхъ мѣщанъ и крестьянъ,

2¹/₂ приказчиковъ.

Ясно изъ этого, что почетные граждане и купцы „имущественно заинтересованы въ устройствѣ“ Петербурга слишкомъ *въ полтора раза больше*, чѣмъ привилегированныя сословія, почти *втрое больше*, чѣмъ ремесленники, *вчетверо больше* мѣщанъ и крестьянъ и почти *въ восемь разъ больше*, чѣмъ приказчики. Но почему явилась такая градация въ заинтересованности? Едва ли потому, что почетные граждане и купцы богаче дворянъ или образованнѣе ихъ, т. е. сознательнѣе послѣднихъ относятся къ пользамъ и къ важности самоуправленія, какъ объясняютъ нѣ-

которые органы печати, или потому, что богаче и развитѣе ремесленниковъ, мѣщанъ, крестьянъ и приказчиковъ. Это объясненіе было-бы, по нашему мнѣнію, слишкомъ дѣтское, внѣшнее, поверхностное объясненіе; напротивъ, представляется вполне яснымъ, когда самый законъ мы сопоставимъ съ мотивами, его вызвавшими, именно опять-таки съ „имущественной заинтересованностью“. Купецъ и почетный гражданинъ можетъ имѣть въ Петербургѣ и домъ, и торговое заведеніе, и товарный складъ, и магазинъ, и т. д. Со всѣхъ этихъ недвижимыхъ имуществъ и помѣщеній онъ можетъ платить и государственный имущественный налогъ, и имущественный городской налогъ, и известную пошлину съ торговыхъ и промышленныхъ заведеній. Имуществомъ своимъ и своимъ карманомъ онъ разнообразно и дѣйствительно заинтересованъ въ томъ или другомъ устройствѣ города, гдѣ его дѣла такъ усложнились. Онъ органически связанъ съ городомъ. Ему не все равно, хороша-ли пожарная часть въ городѣ, хороша-ли мостовая около его заведенія, потому что, въ противномъ случаѣ, въ это заведеніе не легко могутъ попасть покупатели; ему не все равно даже, каково освѣщеніе въ городѣ и хорошо-ли полиція исполняетъ свои обязанности. Къ нему, ко всему его имуществу и къ карману проведены нити отъ всѣхъ функцій, которыми проявляется сложная жизнь города. То или другое направленіе этой жизни, тѣ или иные распорядки на рынкахъ, на площадяхъ—все это, такъ или иначе, отражается на его имуществѣ, на его карманѣ. Биржа близка его сердцу и карману, пристань—также близка: все переплелось съ его интересами, и переплелось непосредственно—имущественно. Тутъ образованіе и развитость не при чемъ. Если все это и не „все равно“ для дворянина, имѣющаго въ Петербургѣ свой домъ, однако, не въ такой мѣрѣ, какъ для купца и почтеннаго гражданина. Дворянинъ платитъ въ доходъ города только съ своего дома и только этой долей своего личнаго пожертвованія онъ имущественно заинтересованъ въ устройствѣ города. Это пожертвованіе можетъ быть для него ничтожно, потому что пожертвованіе это выражается 10-мъ процентомъ съ чистаго дохода, приносимаго ему домомъ, который онъ, можетъ быть, занимаетъ самолично. У него нѣтъ ни товаровъ, ни складовъ въ городѣ, а онъ живетъ только отъ дома или отъ земли, которая лежитъ гдѣ-нибудь въ

курской или воронежской губерніи. Слѣдовательно, когда и тутъ процентъ равнодушія къ устройству города обратно пропорціоналенъ проценту заинтересованности, то первый процентъ будетъ очень большой, такой, — какой на языкѣ ростовщиковъ называется безсовѣстнымъ, безбожнымъ, еврейскимъ. Притомъ въ привилегированномъ сословіи не умерли еще историческія традиціи: историческая почва подъ ихъ ногами слишкомъ непосредственна; она еще не удобрена подчиненіемъ требованіямъ современности, потому что и безъ этого подчиненія привилегированному сословію пока еще живется. Точно также и ремесленникъ заинтересованъ въ устройствѣ города менѣе, чѣмъ купецъ и почетный гражданинъ, менѣе, чѣмъ дворянинъ, но за то болѣе, чѣмъ мѣщанинъ и крестьянинъ, потому что у ремесленника можетъ быть свое заведеніе, свой магазинъ, котораго нѣтъ у мѣщанина и крестьянина. Менѣе всего заинтересованъ приказчикъ, потому что у него въ городѣ можетъ и не быть дома и своего заведенія, а есть въ карманѣ только приказчицье свидѣтельство, съ котораго онъ и платитъ въ доходъ города извѣстный процентъ и которое собственно и связываетъ его съ судьбою города.

Вотъ, такимъ образомъ, гдѣ объясненіе казавшейся непонятною градаціи сочувствія и равнодушія петербургскихъ обывателей къ дѣламъ своего города.

Изъ этого-же объясненія послѣдовательно долженъ вытекать и слѣдующій логическій выводъ: *процентъ заинтересованности* долженъ быть *прямо пропорціоналенъ* проценту участія въ за-вѣдываніи городскими общественными дѣлами, а слѣдовательно, и *проценту ожидаемаго вліянія на ходъ* этихъ дѣлъ. Такимъ образомъ, процентъ ожидаемаго вліянія на общественныя дѣла избранныхъ въ Петербургѣ гласныхъ, находясь въ прямомъ отношеніи къ числу избранныхъ отъ каждаго сословія лицъ, по-сословно выразится въ нижеслѣдующей таблицѣ:

	Число избранныхъ гласныхъ.	Процентъ ожидаемаго вліянія.
Отъ почетныхъ гражданъ		
и купцовъ	122	48%
» дворянъ	99	около 38%
» мѣщанъ	21	» 8%
» ремесленниковъ . .	14	» 7%
» крестьянъ	2	менѣе 1/2%

Слѣдовательно, главное вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ въ Петербургѣ должны раздѣлить между собою преимущественно два сословія—торговое и привилегированное.

Но все-таки тотъ фактъ, почему изъ 18,590 имѣвшихъ право явиться на выборы и долженствовавшихъ быть имущественно заинтересованными въ ходѣ городскихъ общественныхъ дѣлъ, явились къ избранію своихъ представителей только 1,411 человекъ—остається необъясненнымъ. По точному толкованію, приложенному къ закону, они, значить, менѣе заинтересованы и лично и имущественно въ устройствѣ города и въ томъ или другомъ направленіи его общественныхъ дѣлъ, чѣмъ слѣдовало-бы ожидать.

VI.

Городовая реформа составляетъ, безспорно, важную историческую эпоху въ жизни нашихъ городовъ тѣмъ, что она, предоставивъ имъ извѣстную степень самостоятельности дѣйствій, возвышаетъ города въ ихъ собственномъ мнѣніи. Этотъ нравственный подъемъ—не говоримъ уже о матеріальномъ—долженъ быть прямымъ послѣдствіемъ предоставленной городскимъ обществамъ, какъ отдѣльнымъ и до извѣстной степени самостоятельнымъ гражданскимъ группамъ, полной самодѣтельности въ сферѣ городскихъ общественныхъ интересовъ. Реформа указала грани, на которыхъ общественная самодѣтельность должна соприкасаться съ административными, а равно и со всеми другими правительственными, общественными и сословными учреждениями, и характеръ этого соприкосновенія еще болѣе долженъ утвердить города въ томъ убѣжденіи, что предоставленное имъ самоуправленіе имѣть подъ собою реальную и прочную почву. Особенную цѣну для городовъ должно имѣть строгое и точное опредѣленіе ихъ отношеній къ ближайшимъ и непосредственнымъ правительственнымъ функціямъ—къ губернатору и къ полиціи. Это именно тѣ пункты, въ которыхъ города, при прежнихъ порядкахъ, чувствовали себя и самостоятельность своихъ дѣйствій всего менѣе гарантированными отъ произвола, и потому не могли не сознавать слабости своей гражданской позиціи, неопредѣленности своихъ правъ, а

вмѣстѣ съ тѣмъ не могли не воспитать въ себѣ чувства апатіи, гражданской распущенности и полного равнодушія къ общественнымъ интересамъ, которыхъ они какъ-бы не признавали своими собственными интересами.

Эту грань проводить уже самая первая статья городского положенія, въ которой говорится, что попеченіе и распоряженіе по городскому хозяйству и благоустройству предоставляются городскому общественному управленію, а *надзоръ* за законнымъ сего исполненіемъ—губернатору (ст. 1). Нѣсколько далѣе выражено, что городское общественное управленіе, въ предѣлахъ предоставленной ему власти, дѣйствуетъ *самостоятельно* (ст. 5). Для устраненія возможности столкновеній лично съ губернаторомъ и для ограниченія какого-бы то ни было вмѣшательства, неоснованнаго на законѣ, а еще менѣе произвола со стороны послѣдняго, въ болѣе важныхъ случаяхъ, касающихся городскихъ интересовъ и соприкасающихся вмѣстѣ съ тѣмъ съ правительственными функциями, губернатору не предоставлено даже дѣйствовать самолично, по своему собственному усмотрѣнію, а свой „надзоръ“ за дѣйствіями городского общественнаго управленія онъ долженъ раздѣлять съ цѣлымъ коллегіальнымъ мѣстомъ, специально для этого учрежденнымъ—съ губернскимъ по городскимъ дѣламъ присутствіемъ, которое и рассматриваетъ возникающія по жалобамъ, пререканіямъ или непосредственному усмотрѣнію губернатора дѣла о незаконности опредѣленій городского общественнаго управленія, а равно для обсужденія составленныхъ городскою думою обязательныхъ для жителей постановленій, въ тѣхъ случаяхъ, когда губернаторъ встрѣтитъ препятствіе къ изданію ихъ или когда относительно изданія такихъ постановленій не состоится соглашения между городскимъ общественнымъ и мѣстнымъ полицейскимъ управленіями, и, наконецъ, для разсмотрѣнія пререканій между городомъ и постороннимъ установленіемъ или вѣдомствомъ (ст. 11).

Слѣдовательно, законъ ставитъ губернатора въ положеніе блюстителя законности дѣйствій городского общественнаго управленія, предоставляя ему ясныя, но болѣе примѣненные къ цѣли, специальные атрибуты казеннаго стряпчаго, цензора и т. п. Онъ только наблюдаетъ за теченіемъ городской общественной жизни, указываетъ, въ опредѣленныхъ положеніяхъ случаяхъ, когда это

теченіе уклоняется отъ опредѣленнаго ему закономъ русла, и направляетъ его на законный путь опять-таки не самолично, а соединенными силами коллегіальнаго учрежденія, въ которомъ городской голова *имѣетъ такой-же голосъ*, какъ и прочіе члены городского присутствія (loc. cit.). Дѣйствуя такимъ образомъ, опъ самъ лишенъ возможности уклоняться въ сторону произвола, если только самовластно не перейдетъ ту грань, которая и для него и для города начертана закономъ, и тогда ужъ это будетъ произволомъ, превышеніемъ власти. Самостоятельность дѣйствій города и цѣлость его интересовъ, такимъ образомъ, вполне ограждены и вторженіе администраціи въ сферу общественныхъ и хозяйственныхъ городскихъ распорядковъ является немыслимымъ, если только ни городъ, ни администрація ошибочно или пристрастно не нарушатъ этого строгаго равновѣсія, поставивъ свои дѣйствія внѣ закона.

Въ видахъ болѣе успѣшнаго „надзора“ за законностью дѣйствій городского общественнаго управленія, городская дума представляетъ губернатору всѣ свои опредѣленія (ст. 68); къ губернатору-же поступаютъ жалобы частныхъ лицъ, заявленія правительственныхъ, земскихъ и сословныхъ установленій по пререканіямъ ихъ съ городомъ, представленія самого города о нарушении кѣмъ-либо его правъ, разногласія городского общественнаго управленія съ полиціею по дѣламъ городского благоустройства, пререканія между думою и городскою управою (ст. 11, 12, 29, 45, 77, 93, 150—151, 158). Чтобы точнѣе опредѣлить отношенія губернатора къ городу, какъ видно изъ мотивовъ, руководившихъ составителями городского положенія, возникали предположенія: „какъ направлять далѣе всѣ эти дѣла, кому и въ какомъ порядкѣ предоставить ихъ разсмотрѣніе, дабы они были разрѣшаемы, по возможности, основательно, безпристрастно, съ сохраненіемъ силы закона, *но безъ нарушенія даруемой городамъ хозяйственной самостоятельности*, и притомъ безъ проволочекъ и медленности, столь пагубныхъ для хода управленія“ (Гор. Полож. съ объясн., 12—13). Являлось предположеніе (впоследствии отвергнутое) объ установленіи, по примѣру земскаго положенія, такого порядка, чтобъ губернаторъ, при замѣченной имъ незаконности распоряженій думы, сообщалъ ей свои возраженія, а дума, обсудивъ ихъ, постановляла-бы вторичное опредѣленіе и

могла тотчасъ-же его исполнять на дѣлѣ; тогда только губернаторъ, подѣ личною своею отвѣтственностью, могъ-бы приостановить это исполненіе и перенести дѣло въ сенатъ. Но такой порядокъ признанъ былъ для губернатора „затруднительнымъ“, особенно въ виду „единоличнаго“ разрѣшенія спорныхъ дѣлъ, и потому былъ отвергнутъ. Въмѣсто него создано особое коллегіальное учрежденіе—губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе. Въ такомъ учрежденіи, которое—по словамъ „объясненій“—могло-бы правильно, безпристрастно и безъ замедленія разрѣшать возникающіе по дѣламъ управленія споры, пререканія и всякіе вообще вопросы судебно-административнаго свойства (*contentieux administratif*), давно чувствовался недостатокъ и въ общемъ строѣ нашей администраціи, и среди различныхъ распорядительныхъ и исполнительныхъ инстанцій, тогда какъ въ другихъ государствахъ, часть эта, „бывшая предметомъ глубокаго изученія“, вездѣ получила болѣе или менѣе удовлетворительное устройство. Созданіемъ этого учрежденія, слѣдовательно, должна была еще болѣе ограничиться сфера личныхъ воздѣйствій губернатора на городское общественное управленіе и расшириться сфера внутренней самодѣятельности городовъ,—такъ осторожно законъ обходилъ все, что могло поставить города въ какую-либо зависимость отъ личной воли ближайшаго представителя правительственныхъ функцій. Въ этомъ отношеніи земство является болѣе зависимымъ отъ губернатора, чѣмъ города: протесты противъ постановленій земскихъ собраній предоставлены самоличному усмотрѣнію губернатора; здѣсь-же отъ него отпадаетъ даже право самоличнаго протеста и онъ раздѣляетъ его съ коллегіальнымъ учрежденіемъ, въ которомъ съ такимъ-же правомъ голоса, какъ и губернаторъ, заседаетъ городской голова. Мало того, при составленіи новаго городского положенія высказывалось опасеніе даже въ томъ смыслѣ, „не будетъ-ли губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе *стѣснять самостоятельность* городского общественнаго управленія“ (*loc. cit.* 16),—такъ заботливо новый законъ рѣшился оберегать эту дорогу для городовъ самостоятельность.

Что-же касается *личной* власти губернатора по отношенію къ городскому общественному управленію, то она, послѣ реформы, имѣетъ возможность проявляться только въ слѣдующихъ случаяхъ:

- 1) въ случаѣ неисполненія правительственными установленіями,

земскими и сословными учреждениями законныхъ требованій городского общественнаго управленія, это послѣднее обращается къ губернатору, который, по собраніи надлежащихъ свѣденій, и поступаетъ указаннымъ въ законѣ порядкомъ (ст. 6);

2) въ случаѣ наложенія на городъ неустановленныхъ закономъ податей, тягостей или службъ, а равно другихъ относящихся до города неправильныхъ распоряженій правительственныхъ, земскихъ и сословныхъ установленій, городское общественное управленіе обращается къ губернатору для принятія зависящихъ отъ него мѣръ къ возстановленію законнаго порядка (ст. 8);

3) въ случаѣ, если городскимъ общественнымъ управленіемъ не будетъ сдѣлано распоряженія къ исполненію тѣхъ повинностей, отправленіе которыхъ законъ признаетъ обязательнымъ для города, то губернаторъ напоминаетъ о томъ общественному управленію, а при безуспѣшности напоминаній, приступаетъ (съ согласія только губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія) къ непосредственнымъ исполнительнымъ распоряженіямъ на счетъ города и безотлагательно доводитъ о томъ до свѣденія министра внутреннихъ дѣлъ (ст. 12);

4) губернаторъ обязанъ представлять высшему начальству съ своимъ заключеніемъ свѣденія, заключенія и ходатайства городского общественнаго управленія по предметамъ, касающимся мѣстныхъ польвъ и нуждъ города (ст. 13),

и 5) губернаторъ имѣетъ право требовать назначенія засѣданія городской думы, когда признаетъ это необходимымъ (ст. 56).

Этими немногими статьями опредѣляется та демаркаціонная линія и тѣ пункты, черезъ которые администрація можетъ проникать въ область городского общественнаго права; переходъ въ эту область въ другихъ пунктахъ, неуказанныхъ закономъ, будетъ уже равносильнъ вторженію въ чужое право и долженъ быть понимаемъ какъ превышеніе власти. О подчиненіи городского общественнаго управленія губернатору во всемъ городскомъ положеніи нѣтъ и помину, а, напротивъ, дѣйствія самого губернатора по болѣе или менѣе существеннымъ вопросамъ изъ области городского права подчиняются коллегіальному одобренію или неодобренію, и были случаи, гдѣ личная воля губернатора положительно разбила о большинство голосовъ городского присут-

ствія, особенно по такимъ вопросамъ и по такимъ требованіямъ со стороны губернатора, неисполненіе которыхъ городомъ, при прежнемъ порядкѣ, казалось рѣшительно немислимымъ, какъ, напр., по требованіямъ объ усиленіи средствъ полиціи, объ открытіи новыхъ городскихъ полицейскихъ частей, объ усиленіи пожарныхъ средствъ, объ организаціи ночныхъ карауловъ по городамъ, объ усиленіи наблюдательныхъ разъѣздовъ на счетъ городскихъ суммъ во время появленія околѣ городовъ шаекъ воровъ и неблагонамѣренныхъ людей.

Равнымъ образомъ на томъ-же принципѣ самостоятельности установлены и отношенія губернатора къ городскимъ головамъ. Только въ уѣздныхъ городахъ городскіе головы, послѣ своего избранія, утверждаютъ въ должностяхъ губернаторомъ, подобно тому, какъ утверждаютъ имъ и уѣздные предводители дворянства. Постановленіе это вызвано тѣмъ, что „изъ числа лицъ городского общественнаго управленія, городской голова есть главный представитель сего управленія передъ правительствомъ, которое, въ свою очередь, не иначе обращается и къ обществу, какъ чрезъ его посредство“, а потому городскихъ головъ и „признано необходимымъ допускать къ исполненію обязанностей тогда лишь, когда правительство не встрѣтитъ *законныхъ* къ тому препятствій“ (Город. пол. съ объясн., 87).

Далѣе, городскіе головы могутъ отлучаться изъ города, брать отпускъ на два мѣсяца, ни у кого не испрашивая разрѣшенія и только доводя о томъ своевременно до свѣденія губернатора (ст. 100); на болѣе-же продолжительные отлучки они испрашиваютъ надлежащее разрѣшеніе.

Д. С—о.

(Продолженіе будетъ).

ВЛЮБЛЕННОЕ МОРЕ.

На скалѣ у моря дѣвушка сидѣла,
О любви, о счастье свѣтлыхъ грезъ полна;
Поджидала друга и вѣнокъ душистый
Для него сплетала изъ цвѣтовъ она.

Въ голубомъ пространствѣ звѣздочка сверкнула,
Но не къ ней; къ красотѣ, полное любви,
Обращало море голубые очи,
Напѣвая пѣсни чудныя свои:

„О, какъ ты прекрасна, какъ тебя люблю я!
Сжался надо мною, приходи скорѣй,
Приходи и въ волны опустись... Въ восторгѣ
Я на мигъ забудусь на груди твоей!

„Приходи скорѣе, чудное созданье,
Будь моею женою, полюби меня;
Царскій сынъ не можетъ молодою невѣстѣ
Принести сокровищъ болѣе, чѣмъ я.

„Я со дна достану жемчугъ многоцѣнный,
Ярко онъ заблещетъ въ темныхъ волосахъ
И предъ этимъ блескомъ яркимъ потемнѣетъ,
Какъ предъ блескомъ солнца, у людей въ глазахъ.

„Но не дамъ тобой я людямъ любоваться:
Унесу тебя я въ отдаленный край,
На востокъ далекій, на пустынный островъ,
Гдѣ цвѣтеть, какъ прежде, первобытный рай.

„Тамъ ручьи сверкаютъ радугою цвѣтною,
Тамъ душистый воздухъ чище, чѣмъ алмазь,
Тамъ подъ яснымъ небомъ поле украшаетъ
Новыми цвѣтами каждый новый часъ.

„Тамъ прекраснѣй ночи, чѣмъ у васъ здѣсь утро,
Тамъ зима прекраснѣй, чѣмъ у васъ весна,
Тамъ свѣтлѣе—птица; въ воздухѣ порхая,
Будеть надъ тобою пѣсни пѣть она.

„Будь моею женою, чудное созданье,
Отзовись скорѣе на горячій зовъ,—
Унесу тебя я на востокъ далекій;
Навсегда съ тобою свяжетъ насъ любовь.

„Сядь въ ладью смѣлѣе, кроткими волнами
Стану я баюкать бережно тебя,
Ты залремлешь сладко—и въ волшебномъ царствѣ
Радостно проснешься, милое дитя!“

Говорило море и молящій шопотъ
Былъ какъ-то страстью непонятной полнъ,
Но остался чуждымъ сердцу молодому
Однозвучный ропотъ набѣгавшихъ волнъ.

Между тѣмъ окончень былъ вѣнокъ душистый,
Наконецъ, явился и желанный другъ,—
Увидало море юношу-красавца,
Услыхало море поцѣлуевъ звукъ,—

Зашумѣло море въ бѣшеной тревогѣ,
Видя, какъ исчезъ онъ съ милой за лѣскомъ,
Какъ подъ темной ризой непроглядной ночи
Постепенно скрылось все отъ глазъ кругомъ.

На другое утро на корабль взбирался
Юноша съ безпечнымъ смѣхомъ на устахъ
И корабль могучій море добродушно
Въ дальній край помчало на своихъ волнахъ.

„Отправляйся съ мпромъ, думалось морю,—
И да будетъ счастливъ твой далекій путь;
Но страшися смерти, если милой въ очи
Вздумаешь ты снова хоть на мигъ взглянуть!

„Я за то корабль твой уношу такъ быстро,
Что ты самъ отъ милой въ дальній край летишь;
Но дрожи при встрѣчѣ съ бурями мопми,
Если только къ милой вновь ты поспѣшишь.“

Дни неслись и снова дѣвушка у моря

На скалѣ стояла, полная тревогъ,
 Распелелись у бѣдной косы и видѣлся
 Въ нихъ давно увядшій порванный вѣнокъ.

Здѣсь она стояла; межъ землей и небомъ
 Въ голубомъ пространствѣ взоръ блуждалъ кругомъ;
 Такъ усталый голубь, отъ орла спасаясь,
 Мечется, махая сломаннымъ крыломъ.

„Здѣсь я съ нимъ встрѣчалась, здѣсь я съ нимъ про-
 стилась,

Онъ ушелъ, онъ бросилъ навсегда меня,
 Бросилъ не одну онъ: я вдвоемъ осталась,—
 Со своимъ позоромъ здѣсь осталась я!“

Горечью звучали жалобы живыя
 И дошелъ до моря каждый скорбный звукъ—
 И на всемъ пространствѣ возмущились волны
 И покрылось пѣной море все вокругъ.

За коварнымъ другомъ дѣвушки любимой
 Разослало море рать могучихъ волнъ—
 И корабль огромный съ юношею вмѣстѣ
 Поглощенъ былъ ими, какъ негодный челнъ.

Вновь шептало море: „Бѣдное созданье,
 Что ты станешь дѣлать въ этомъ мѣрѣ зла?
 За любовь обманомъ заплатилъ твой милый,
 Отъ моей-же страсти ты ушла сама.

„Чѣмъ теперь ты можешь дорожить насвѣтъ?
 Мнѣ въ объятія бросься, бѣдная, скорбѣй,
 Сдѣлаться хочу я хоть твоей могилкой
 И съ своимъ позоромъ скроешься ты въ ней.“

Этотъ тихій шопотъ сталъ ей вдругъ понятенъ
 И въ объятія моря со скалы крутой
 Бросилась, бѣдняжка, и на вѣки скрыла
 И себя и стыдъ свой въ глубинѣ морской.

О. Л.

ПШЕНИЦЫНЫ.

(изъ исторіи завѣтыхъ людей).

I.

Передъ вами супруги Пшеницыны — Андрей Федоровичъ и Авдотья Семеновна, да около полудюжины молодыхъ отпрысковъ обоого пола. Со всѣми ими вы сейчасъ и познакомитесь.

Наружность Пшеницына нельзя сказать, чтобы особенно, какъ говорится, презентабельна. Роста онъ немного ниже средняго, худощавъ, блѣдень и сутуловатъ, что, въ соединеніи съ дряблымъ голосомъ, мутнымъ, словно недоумѣвающимъ взглядомъ Андрея Федоровича, даетъ ему видъ человѣка не то болѣзненнаго отъ природы, не то подавленнаго гнетомъ житейскихъ обстоятельствъ. Дѣйствительно, особенно крѣпкимъ здоровьемъ онъ похвалиться не можетъ, что-же касается до второго предположенія, то, на сколько оно умѣстно, вы сами сейчасъ увидите. По наружности онъ, по крайней мѣрѣ, на десятокъ лѣтъ кажется старше своего возраста, хотя ему съ небольшимъ тридцать.

Вотъ Авдотья Семеновна—совершенно другая статья. Глядя на нихъ обоихъ, какъ-то странно видѣть около рослой, полной, съ высокой грудью, веселыми глазами и звонкимъ голосомъ Авдотьи Семеновны непредставительную фигуру Пшеницына, который немного выше плеча жены и котораго, по счастливому русскому выраженію, „плевокъ расшибить можно“.

Уже по самому свойству натуры Пшеницыну невозможно выносить на своихъ плечахъ все бремя, которое взвалила на него судьба въ видѣ залоговъ двѣнадцатилѣтней супружеской любви Авдотьи Семеновны, счетомъ до пяти экземпляровъ, извѣстныхъ

подъ именами Саши, Коли, Феди, Маши и Даши, находящихся въ различныхъ степеняхъ отроческаго и младенческаго возрастовъ, начиная съ десятилѣтняго и кончая одиннадцати-мѣсячнымъ. И Сашу, и Колю, и Федю, и Машу, и Дашу надобно одѣвать, кормить, поить, и всѣ эти обязанности попечительнаго отца заставили-бы Пшеницна рѣшительно потерять голову, если-бы подлѣ него не было Авдотьи Семеновны. Весь домъ лежитъ на ея рукахъ. Съ шести часовъ она уже на ногахъ. Ходить съ кухаркой въ рынокъ, снаряжаетъ старшаго сына въ гимназію, помогаетъ кухаркѣ въ стряпнѣ, до прихода Андрея Федоровича изъ должности учить втораго сына грамотѣ, не позабывая покормить грудью маленькаго. Она одѣваетъ и обряжаетъ всю семью, причѣмъ не пропадаетъ ни одинъ лоскутокъ, изъ котораго можно-бы сдѣлать какое-нибудь употребленіе. Она владѣетъ удивительною способностью распредѣлять средства мужа, не переплачивая ничего лишняго и рассчитывая каждую копейку.

При такомъ умѣньи распоряжаться всѣмъ, что лежитъ на ея рукахъ, при умѣньи правильно распредѣлять и свое время, и скудныя средства мужа, Авдотья Семеновна ввела въ своемъ семействѣ самый строгій порядокъ, который никогда не нарушается. И обѣдъ всегда, ровнехонько минута въ минуту, поспѣваетъ къ четыремъ часамъ, потому что около этого времени Пшеницннъ приходилъ изъ должности, и дѣти всегда одѣты въ чистыхъ рубашкахъ, съ бѣлыми фартучками, и во всей квартирѣ порядокъ.

Кстати о квартирѣ.

Она состоитъ только изъ двухъ комнатъ, перегороженныхъ такимъ образомъ, что выходитъ четыре помѣщенія. По кромѣшно-темной, узкой и грязной лѣстницѣ, черезъ дверь, обитую посконной черной клеенкой, вы входите въ первую комнату, большую, о двухъ окнахъ, обращенныхъ на дворъ, раздѣленную перегородкой. Въ глубинѣ стоитъ русская печь, широкая и неуклюжая, какъ московская купчиха; здѣсь-же, рядомъ съ дверью на лѣстницу, прибита вѣшалка для платья и виситъ зеркальце. Это вмѣстѣ и кухня, и прихожая. Дверь перегородки ведетъ въ слѣдующее помѣщеніе, опять раздѣленное на двѣ части ситцевой драпировкой, перпендикулярно къ перегородкѣ, проходящей поперекъ комнаты. Небольшое полутемное пространство за драпировкой служитъ спальнею для дѣвочекъ, свѣтлая-же половина имѣетъ одно

окно; тутъ стоять круглый обѣденный столъ, старинный клеенчатый диванъ, комодъ краснаго дерева, маленькій чайный шкафъ и нѣсколько стульевъ. На диванѣ или на стульяхъ, сдвинутыхъ вмѣстѣ, спать мальчики.

На стѣнахъ висятъ портретъ отца Андрея Федоровича, снятый съ него въ молодыхъ годахъ, въ вицъмундирѣ и съ розою въ рукѣ для чего-то, благодаря затѣливой фантазїи художника, и нѣсколько гравюръ за стеклами, между которыми попадаются двѣ или три и духовнаго содержанія: смерть игумена Серафима, видъ Саровской пустыни и т. п. Эта часть квартиры Пшеницныхъ служить имъ гостиной, залой, столовой и чѣмъ хотите. Дверь отсюда ведетъ въ слѣдующую комнату, исполняющую назначеніе спальни хозяевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и кабинета Андрея Федоровича. Здѣсь стоять: широкая двуспальная кровать, кроватка маленькаго, платяной шкафъ и, у стѣны, ближе къ окну, бюро; въ немъ спрятаны разныя мелкія вещи Пшеницныхъ, деньги, серебряныя ложки, бѣлье и проч.; оно-же служитъ письменнымъ столомъ Андрею Федоровичу: стоитъ только отгнуть доску. Въ этой комнатѣ виситъ портретъ какого-то невѣдомаго міру генерала съ штыремъ воротникомъ до макушки. На окошкѣ нѣсколько горшковъ растений въ родѣ китайскаго розана, алоэ, герани. Въ углу большой краснаго дерева кіотъ съ образами, форфоровыми яйцами, вѣнчальными свѣчами супруговъ и богоявленской водой въ продолговатомъ пузырькѣ; подъ окномъ — проволочная вѣтѣа съ весьма гордастой канарейкой.

II.

Андрей Федоровичъ сынъ чиновника. Отца онъ помнитъ хорошо. Онъ умеръ, когда Андрею было одиннадцать лѣтъ.

Послѣ смерти мужа, матери Андрея осталась небольшая пенсія, которая сдѣлалась для нея единственнымъ жизненнымъ ресурсомъ. Со многими затрудненіями ей удалось выхлопотать, чтобы Андрей, за котораго при отцѣ платили, былъ принятъ въ гимназію на казенный счетъ, что нѣсколько облегчило ея положеніе. Пенсіи хватало ровно на столько, сколько было нужно, чтобы нанять плохенькую квартиру да съ грѣхомъ пополамъ одѣться; для пропитанія-же собственно она брала на домъ швейную работу, что

болѣе или менѣе обезпечивало вдову съ сыномъ, хотя и не всегда, такъ-что Пшеницына иногда была поставляема въ необходимость закладывать или продавать нѣкоторыя вещи. Нерѣдко приходилось ей просиживать, не разгибая спины и не смыкая глазъ, далеко за полночь, исполняя какую-нибудь спѣшную работу, между тѣмъ какъ дома оставалась буквально только черствая корка хлѣба.

Андрей росъ тихимъ и серьезнымъ ребенкомъ. Въ немъ не было живости дѣтскаго возраста, рѣзвости, свойственной мальчикамъ. Онъ любилъ сидѣть въ углу и смотрѣть на мать, какъ она работаетъ. Онъ былъ ребенокъ, что-называется, „бука“. Нѣкоторая скромность и молчаливость были также одними изъ главныхъ свойствъ его характера. Съ лѣтами эти качества въ немъ укоренялись. Онъ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ гимназiи, хотя способностей особенныхъ не имѣлъ, а бралъ прилежанiемъ, и, благодаря этому, ежегодно переходилъ изъ класса въ классъ. Ужь и тогда видѣлось по всему, что изъ него долженъ образоваться серьезный человекъ и усердный служака. Онъ, дѣйствительно, готовилъ себя къ бюрократическому поприщу и мечталъ о томъ времени, когда будетъ носить фуражку съ кокардой и вице-мундиръ со свѣтлыми пуговицами, — „и тогда мы съ вами, маменька, заживемъ!“ говорилъ онъ. Мать и сынъ жили между собою дружно.

Наконецъ, Андрей кончилъ курсъ и поступилъ на службу въ то-же присутственное мѣсто, гдѣ служилъ его отецъ. Матерiальное положенiе Пшеницыныхъ значительно улучшилось. Они наняли небольшую, но болѣе удобную квартиру, и зажили спокойнѣе прежняго. Не было нужды матери Андрея по ночамъ гнуть спину за утомительной, неблагоприятной работой, беречь и прятать огарки. Пшеницыны зажили тѣмъ скромнымъ жѣщанскимъ счастьемъ, которое вполне удовлетворяло ихъ, какъ людей, интересы которыхъ нейдутъ далѣе загадыванья о завтрашнемъ днѣ. Жизнь ихъ текла ровно и гладко — да вдругъ и запнулась.

Однажды какъ-то Пшеницына, не поберегшись скверной осенней погоды, вышла изъ дому, простудилась и слегла. Благодаря не особенно крѣпкой организацiи матери Андрея и гнилому времени года, болѣзнь развивалась съ прогрессивной скоростью, и Андрей вторично осиротѣлъ. Первое время горе его было без-

утѣшно. Андрей плакалъ, какъ женщина, бросался на гробъ, рвался изъ рукъ тѣхъ, которые удерживали его, когда гробъ стали опускать въ могилу.

Скучно и мертвенно потекли дни Андрея, похожіе одинъ на другой, какъ вчера, такъ и сегодня, не обѣщая ничего заманчиваго въ будущемъ. Онъ былъ совершенно одинокъ. Придя изъ должности, онъ обѣдалъ, потомъ ложился спать съ единственною цѣлью какъ-нибудь сократить время, съ которымъ онъ рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать. Остальное время до вечера, если не предстояло никакой работы, проходило въ безцѣльномъ шатаніи по комнатѣ, пока не наступалъ часъ питья чая, послѣ чего Пшеницынъ укладывался спать. Короткаго знакомства со своими товарищами по службѣ онъ не водилъ, поэтому они рѣдко бывали у него, а самъ Андрей еще рѣже посѣщалъ ихъ. Иногда по вечерамъ онъ ходилъ гулять. Видъ оживленныхъ улицъ представлялъ болѣе развлеченій, чѣмъ стѣны квартиры, гдѣ ему приходилось сумрачно слоняться изъ угла въ уголъ или спать до одурѣнія. Эта тоска одиночества возбудила въ немъ мысль, которой онъ предался весьма дѣятельно и которая не могла не родиться при подобныхъ обстоятельствахъ. Онъ задумалъ жениться. Эта мысль, когда онъ напалъ на нее, весьма ему понравилась и наполнила пустоту, изъ которой Пшеницынъ искалъ себѣ выхода. Эта мысль обратилась для него въ пріятную мечту, которую онъ крѣпко забилъ себѣ въ голову, съ твердымъ намѣреніемъ привести ее въ исполненіе.

Одинъ неожиданный случай окончательно рѣшилъ судьбу Пшеницына.

Придя домой со службы и пообедавъ, Андрей имѣлъ обыкновеніе нѣкоторое время посидѣть у окна, наблюдая происходящее на дворѣ. Противоположное окно принадлежало небольшой квартирѣ, находившейся въ другомъ флигелѣ и состоявшей всего только изъ одной комнаты; жилецъ этой квартирѣ незадолго до описываемаго нами событія выѣхалъ и комната нѣсколько дней стояла пустою.

Но вотъ вдругъ однажды билетикъ, извѣщавшій объ отдачѣ внаймы квартиры „снѣбилію отжилъцовъ“, исчезъ со стекла, окно распахнулось и сдѣлало видимыми постороннему глазу стѣны комнаты, оклеенной свѣтлыми бумажками; квартира „провѣтрива-

лась“, — значить, готовилась къ принатію новаго жильца, который не замедлил явиться въ видѣ молодой женской особы. Она подѣхала на извозчикѣ къ подъѣзду, соскочила съ дрожекъ, захватила два узелка и скрылась въ дверяхъ, а извозчикъ понесъ за нею небольшой чемоданъ.

Спустя нѣкоторое время, новая жилища появилась у окошка, прикрѣпила кисейную занавѣску, отдернула ее, оглядѣла весь дворъ, остановивъ на нѣсколько секундъ вниманіе на торчавшей изъ окна головѣ Пшеницына (дѣло происходило лѣтомъ) и принялась за лежавшую на подоконникѣ швейную работу.

На видъ ей можно было дать лѣтъ двадцать. Стройная, рослая для женщины фигура ея обладала бѣлыми и полными руками и румянымъ, съ карими глазами, лицомъ, носившимъ очевидный отпечатокъ доброты.

Спустя нѣсколько дней, Пшеницынъ узналъ, что его сосѣдку зовутъ Авдотьей Семеновной Мотыльковой, что она дѣвица и круглая сирота (эти свѣденія были доставлены Андрею его кухаркой, совершенно помимо его воли). Что-же касается профессіи сосѣдки, то объ этомъ можно получить понятіе изъ ея постоянного занятія: весь день, съ утра до сумерекъ, она шила у окна; изъ дому она выходила рѣдко, и то, по большей части, съ узелкомъ или картонкой въ рукахъ. Раза два Пшеницыну удалось встрѣтить ее на дворѣ. Она была одѣта въ старенькій драповый бурнусъ, изъ-подъ котораго виднѣлся подолъ свѣтлаго и чистаго ситцеваго платья, и гроденаплевую шляпку, а на рукахъ были желтыя перчатки, тоже далеко не первой молодости. По всему видно было, что она ведетъ скромный образъ жизни, существуетъ исключительно „трудами рукъ своихъ“ и далеко не имѣетъ солидарности съ большинствомъ изъ особъ ея класса, пенитающихъ вообще отвращенія къ болѣе или менѣе близкимъ отношеніямъ съ непрекраснымъ поломъ; по крайней мѣрѣ, за исключеніемъ двухъ, трехъ женщинъ, которыхъ Пшеницынъ видѣлъ въ продолженіи трехъ недѣль у сосѣдки, онъ не замѣтилъ въ числѣ ея посѣтителей мужчинъ.

Поселеніе сосѣдки произвело нѣкоторую переѣмку въ привычкахъ Пшеницына: онъ уже не спалъ послѣ обѣда, а большую часть свободнаго времени проводилъ у окна, наблюдал, между

прочимъ, сосѣдку и пристально слѣдя за взмахами ея красивой руки, проворно летавшей надъ шитьемъ.

Такимъ образомъ, прошло около двухъ мѣсяцевъ. Ежедневное созерцаніе Пшеницынымъ сосѣдки, одиночество, крѣпко запавшая въ голову мысль о женитьбѣ, — все это сдѣлало свое дѣло: дѣвушка понравилась Пшеницыну. Послѣ многихъ размышленій онъ рѣшился познакомиться съ Мотыльковой и сдѣлать ей предложеніе... Такая прыть была не въ характерѣ Пшеницына, и мысль, которая явилась въ его головѣ, прежде, чѣмъ созрѣла въ окончательное рѣшеніе, подверглась сперва долгому обсужденію. Но какой найти предлогъ къ знакомству? Андрей подумалъ, подумалъ, да и выдумалъ. Предлогъ былъ весьма простъ: купить полотна, заказать Мотыльковой штуки двѣ бѣлья — и войти, такимъ образомъ, въ сношеніе съ ней, — а тамъ ужъ дѣло въ шляпѣ. Съ этимъ планомъ Пшеницынъ проносился нѣсколько дней, не рѣшаясь привести его въ исполненіе, и только по убѣжденію, что ничего другого, болѣе подходящаго, изобрѣсти невозможно, принялъ его. Полотно было куплено, а на другой день Андрей, пообѣдавъ и одѣвшись по-щеголеватѣе, съ дрожющими отъ волненія колѣнами, отправился къ сосѣдкѣ съ заказомъ. Спусти два дня онъ опять къ ней пошелъ, потомъ опять, и т. д.

Нѣтъ нужды описывать эти свиданія. Скажу только, что, спустя мѣсяць послѣ перваго знакомства, все дѣло устроилось какъ нельзя лучше. Пшеницынъ объяснился и, вѣроятно, успѣвъ втеченіи мѣсяца произвести на сосѣдку благопріятное впечатлѣніе, получилъ ея согласіе.

Вотъ вамъ и романъ Андрея Федоровича.

Итакъ, прошлое его, въ краткихъ чертахъ, вамъ извѣстно: мнѣ пришлось немного расписатьъ, и при всемъ томъ вы видите, что это прошлое нельзя назвать интереснымъ. Попадается въ немъ нѣсколько эпизодовъ, памятныхъ самому участнику ихъ, но, должно сознаться, до крайности обыденныхъ. Юность, опредѣленіе на службу, смерть матери, женитьба на Авдотѣ Семеновнѣ, рожденіе перваго ребенка, полученіе чина — все это эпохи въ жизни Пшеницына, но неужели-же можно долѣе на нихъ останавливаться? Этими эпизодами обилень тотъ періодъ жизни Андрея Федоровича, когда онъ только еще устанавливался въ своей рамѣ, а теперь онъ уже установился и идетъ ровно и неторопливо по разъ на-

всегда намѣченному направленію. Жизнь его начертана по опредѣленному масштабу и въ его голову не приходитъ мысль о томъ, что теченіи этой жизни подѣ влияніемъ чего-либо можетъ измѣниться... Не пускаясь въ философскія размышленія, онъ смотритъ на жизнь практическими глазами простого человѣка, какъ на такую вещь, которую каждый, владѣющій ею, долженъ отстаивать по мѣрѣ силъ своихъ, что выражается въ необходимости всѣми способами обеспечивать свой „кусокъ“, снискиваніе котораго сопряжено съ большими или меньшими трудностями. Что касается самого Андрея Федоровича, то постепенное приращеніе семейства и сопряженное съ этимъ обстоятельствомъ прогрессивное увеличеніе потребностей плуце и плуце укореняетъ Андрея Федоровича въ усвоенномъ имъ міросозерцаніи и въ усугубленіи тѣхъ средствъ, которыя необходимы для обезпеченія этого „куска“. Съ перваго-же года супружеской жизни всѣ его помышленія и способности сосредоточились на этой цѣли и отбросили все остальное, какъ постороннее. Получая относительно недостаточное содержаніе, онъ находилъ возможность увеличивать свои ресурсы изъ частныхъ источниковъ: доставалъ бумаги для переписки, клеилъ коробки для кондитерскихъ, иногда дежурилъ не въ очередь за своихъ товарищей, за что получалъ по полтиннику или трехрублевому, и проч.

Постоянно въ одну сторону направленная дѣятельность и гнетущая необходимость труда мало-по-малу вгоняли Андрея Федоровича въ ту форму, которая присуща человѣку, поставленному въ подобныя обстоятельства. Мало по малу горбилась его спина, тускнѣли глаза, лицо принимало какое-то окаменѣлое, тупо-озабоченное выраженіе. Обстоятельства имѣли влияніе и на его характеръ. Онъ совсѣмъ отсталъ отъ общества (и прежде онъ былъ неохотникъ до него), одичалъ, весь какъ-то сжался и опустился нравственно. Выѣстъ съ тѣмъ это-же способствовало развитію въ немъ тупого, механическаго терпѣнія, благодаря которому Пшеницынъ былъ способенъ всю ночь на пролетъ просидѣть за исполненіемъ какой-нибудь спѣшной работы, не разгибая спины и не отвлекаясь привлекательнымъ видомъ приготовленной постели.

Еще мальчикомъ онъ былъ робокъ и застѣнчивъ; и въ болѣе зрѣлыя лѣта эти свойства остались въ немъ.

Вставъ утромъ и напившись чаю, онъ проворно облакался въ

виць-мундиръ, тщательно вычищенный бухаркой, скорымъ шагомъ отправлялся въ должность и приходилъ одинъ изъ первыхъ. По окончаніи присутствія, возвратившись домой около 4-хъ часовъ, онъ обѣдалъ и потомъ ложился, на часокъ или на полтора, отдохнуть. Вечеромъ, если предстояла какая-нибудь работа (что случалось почти всегда), онъ усаживался за свое бюро и строчилъ. Когда дѣти приходили къ нему проститься на сонъ грядущій, онъ торопливо благословлялъ ихъ, цѣловалъ и, примолвивъ: „ну, прощай, Христосъ съ тобой!“ — опять принимался писать, что продолжалось иногда часу до третьяго, такъ что Авдотья Семеновна поворочается, поворочается на постели, поджидая его, да и уснетъ. Если работы не было, онъ слоная весь вечеръ по комнатѣ, въ халатѣ, съ заложеными за спину руками, или сидѣлъ у окошка и неподвижно глядѣлъ на дворъ, чтò дѣлалось только лѣтомъ. Иногда, подъ веселый часъ, онъ напѣвалъ вполголоса, теноромъ, одну и ту-же пѣсню, которая начиналась словами:

«На дубу кукушечка
Куковала:
Ку-ку, ку-ку!
Ку-укова-ала...»

Причемъ слово „куку“, которое составляло собственно всю соль пѣсни, произносилъ съ особымъ удареніемъ, весьма искусно подражая крику кукушки. Эту пѣсню Авдотья Семеновна не любила и замѣчала Андрею Федоровичу, — впрочемъ, безъ всякаго неудовольствія, — чтобы пересталъ „куковать“, такъ-какъ это тоску на нее нагоняетъ. Пшеницнъ смущенно улыбался и умолкалъ.

Пшеницны жили въ полномъ согласіи: ни споровъ, ни разнорѣчій никогда между ними не происходило. Андрей Федоровичъ ни во что не вмѣшивался, ввѣривъ все Авдотѣ Семеновнѣ. Къ тому-же онъ былъ весьма уступчиваго характера, цѣнилъ жену и даже немного побаивался ея, чувствуя надъ собою ея вліяніе.

— У Федя рубашечки совсѣмъ износились, замѣчаетъ, напримѣръ, Авдотья Семеновна, — надо-бы ему хоть двѣ новенькихъ сшить... Ишь, какъ на немъ платье, точно горить.

— Что-жь, шей, безпрекословно соглашался Андрей Федоровичъ.

— Люстринцу или муслину купить ему — я, право, не знаю, задумчиво произносила Авдотья Семеновна.

И Андрей Федоровичъ тоже задумается, хотя ему рѣшительно все равно, лустринцу или муслину купить жена.

Прочитавъ мое описаніе одного дня изъ жизни Пшеницыныхъ, вы уже знаете и всю ихъ жизнь. Развѣ только къ замѣчательнымъ событіямъ этой жизни можно отнести такіе эпизоды, какъ крестины отъ времени до времени прибывающихъ членовъ семейства, да празднованіе именинъ супруговъ, на которыя собирались четверо, пятеро человекъ изъ близкихъ ихъ знакомыхъ, съ неизбѣжнымъ преферансомъ или ералашемъ,—но вѣдь это, право, такія обыкновенныя, періодически-повторяющіяся событія, что даже странно и упомянуть о нихъ; если-же я это дѣлаю, то только потому, что, по мѣрѣ возможности, стараюсь соблюдать полноту и обстоятельность въ своемъ разсказѣ. Есть еще нѣкоторая вещь, которая по справедливости можетъ быть отнесена къ обстоятельствамъ, нарушающимъ обыденный порядокъ явленій, но объ этомъ сказано будетъ въ своемъ мѣстѣ.

III.

Итакъ, Андрей Федоровичъ служилъ, т. е. жилъ, что рѣшительно одно и то-же, такъ-какъ то и другое было тѣсно связано между собою и одно безъ другого существовать не могло. Пшеницынъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, кажется, и рождены для того положенія, которое занимаютъ, какъ лошадь предназначена для того, чтобы возить тяжести, паукъ—плести паутину. Человекъ вообще существо весьма покладливое, которое можетъ очень легко примѣняться къ обстоятельствамъ, не ограничиваясь одною какою-либо сферою дѣятельности. Пшеницынъ былъ рѣшительно исключеніемъ изъ общаго правила. Есть люди, которыхъ можно раскусить съ перваго взгляда, такъ-какъ индивидуальность ихъ сквозитъ во всемъ, что имъ принадлежитъ, и при одномъ поверхностномъ наблюденіи вы сразу опредѣлите, съ кѣмъ имѣете дѣло, какова обстановка находящагося передъ вами субъекта и чѣмъ онъ занимается. Пшеницынъ отчасти принадлежалъ къ ихъ чину. Глядя на его серьезную, озабоченную фигуру, облеченную въ форменный вицъ-мундиръ, гладко выбритое лицо и другія подробности его внѣшняго вида, вы необходимо придете къ

тому заключенію, что всё эти частности вполне гармонируют между собою, составляя полное представление о личности. Вы согласитесь, что геморроидальный цвѣтъ его физиономіи, до нѣкоторой степени служащій отраженіемъ петербургскаго неба, и небольшая лысина на макушкѣ, и гладко выбритый подбородокъ, — какъ нельзя лучше изображаютъ передъ вами бюрократа.

Когда Андрей Федоровичъ изъ бобыля обратился въ семьянина, и житейскія обстоятельства начали показывать ему свои когти, онъ проникся мыслию о необходимости дать имъ отпоръ. Въ его распоряженіи были только терпѣніе и трудъ, и онъ вооружился ими и покорно понесъ бремя, навалившееся на его плечи. Онъ несъ это бремя съ тѣмъ спокойствіемъ, которое имѣетъ своимъ источникомъ не избытокъ энергіи, не безотрадную покорность судьбѣ, а чисто-механическое, пассивное терпѣніе, которое, съ одной стороны, было выработано обстоятельствами, а съ другой — лежало въ основѣ его характера.

Онъ совершенно замѣнулся въ своей маленькой сферѣ, ограничивъ всё свои заботы заботами о томъ, чтобы встать поутру вовремя да представить къ сроку притащенные изъ должности бумаги, изрѣдка волнуясь періодически повторяющимися озабочиваніями о сапожкахъ или рубашкахъ того или другого изъ ребятъ или необходимостію расплатиться въ лабазѣ или мясной, развлекаясь соблазнительной перспективой полученія „награды“, „пособія“ и т. п.

Но неужели такъ-таки безъ всякихъ переходовъ, сразу и отлился мой герой, — которому въ данную эпоху было съ небольшимъ тридцать лѣтъ, — въ форму безупречнаго трутня, закрывшаго глаза на все, что мало-мальски выходило изъ тѣсныхъ границъ обиходной жизни? Подобное міросозерцаніе обыкновенно приобрѣтается людьми уже въ періодъ вылѣзанія волосъ и по минованіи той эпохи, въ которую увлеченія и дурачества, какъ-бы ни были они безобидны, составляютъ неизбѣжную принадлежность человѣческой натуры. У Пшеницына не было молодости. Болѣзненная организація его еще въ дѣтствѣ сообщила его характеру серьезность, нѣкоторую замкнутость въ себѣ. Онъ всегда казался старѣе своихъ лѣтъ. Точно онъ съ той эпохи, когда началъ еще лепетать и сознавать окружающіе предметы, уже понялъ, что жизнь — это тропинка, идя по которой нужно какъ можно меньше

глядѣть по сторонамъ изъ опасенія поскользнуться и слетѣть въ болото. Избѣгая, по возможности, столкновений съ людьми и съ различными явленіями жизни, держась въ сторонѣ отъ всего, что могло смутить его спокойную сосредоточенность, Андрей Федоровичъ былъ настоящій младенецъ въ практическомъ смыслѣ. Чуждаясь людей, Пшеницынъ мало зналъ ихъ и былъ до крайности доступенъ постороннему влиянію. Какъ я сказалъ, вслѣдствіе болѣзненности своей природы и отчасти пуританской стыдливости, юность его прошла безъ увлеченій. До Авдотьи Семеновны онъ не былъ близокъ ни съ одной женщиной.

Если вы выведете изъ моихъ словъ такое заключеніе, что Пшеницынъ былъ любопытный экземпляръ человѣка со строгой выдержанностью въ мысляхъ и поступкахъ, то ошибетесь. Человѣческая природа всегда вѣрна себѣ въ каждой личности и, несмотря на долгое заглушеніе своихъ правъ, беретъ свое и прорывается, какъ говорится. Спотыкаться и падать до того присуще натурѣ человѣка, что, несмотря на всю безупречную выправку послѣдняго, онъ не огражденъ со всѣхъ пунктовъ отъ дѣйствія этого закона и, осторожно ступая между всѣми неровностями житейской дорожки, неизбѣжно гдѣ-нибудь да запнется о какой-нибудь камень. Эта старая истина съ успѣхомъ подтвердилась на нашемъ героѣ. И насколько сурова была его выдержанность, настолько силенъ и неожиданъ былъ кризисъ, случившійся съ нимъ въ первый-же годъ супружеской жизни и сдѣлавшійся рѣзкимъ и памятнымъ періодомъ въ его существованіи. Женившись, Андрей Федоровичъ нѣсколько оживился. Онъ пересталъ на нѣкоторое время быть нелюдимымъ, сдѣлался общительнѣе съ своими товарищами по службѣ, а съ нѣкоторыми даже сблизился. Короче всѣхъ сошелся онъ съ нѣкимъ Петрушкинымъ, обнаруживъ этимъ поступкомъ совершенную неспособность выбирать людей, такъ-какъ Петрушкинъ не имѣлъ съ нимъ ничего общаго, былъ изъ пьющихъ, отчасти вивѣръ средняго калибра, но разбитной и, что-называется, теплый паренъ. Трудно опредѣлить, какія обстоятельства способствовали этой связи, только Петрушкинъ сдѣлался самымъ частымъ гостемъ у Пшеницыныхъ, зачастую обѣдывалъ у нихъ и занималъ втихомолку у Андрея Федоровича деньги. Пшеницынъ нерѣдко бывалъ у него, засиживаясь иногда до поздняго вечера. У Петрушкина собиралось по временамъ пять, шесть со-

служивцевъ и устраивалась картежная игра. Вліяніе новаго знакомства скоро сказалось на нашемъ героѣ. Увлекаясь примѣромъ, онъ иногда присоединялся къ гостямъ Петрушкина, игралъ — и чаще, конечно, проигрывалъ. Это дѣлалось втайнѣ отъ Авдотьи Семеновны, которая, возставая прежде противъ сидячей жизни мужа, не видѣла ничего подозрительнаго въ отлучкахъ мужа. Между тѣмъ эти отлучки все учащались и заключились одинъ разъ совершенно неожиданнымъ пассажемъ: Андрей Федоровичъ пришелъ домой позже обыкновеннаго и сильно подхмѣлькомъ. Прежде этого съ нимъ ни разу не бывало, такъ-какъ онъ совершенно не бралъ въ ротъ вина. Авдотья Семеновна сперва не придавала этому обстоятельству особеннаго значенія, основываясь на томъ разсужденіи, что нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что если мужчина, хотя-бы и ея мужъ, иногда и выпьетъ. Вскорѣ повторилось подобнаго-же рода обстоятельство, а потомъ еще и еще. Это, наконецъ, обезпokoило Авдотью Семеновну. Пьянство Андрея Федоровича было до того непривычно, до того несовмѣстно съ его характеромъ, что Авдотья Семеновна сразу поняла, откуда происходитъ порча. Она рѣшилась серьезно поговорить съ мужемъ, пустивъ въ ходъ всѣ силы своего убѣжденія и своего нравственнаго на него вліянія. Пшеницынъ клялся и просилъ у нея прощенія, завѣряя ее честнымъ словомъ, что подобнаго болѣе не повторится. Петрушкину, когда онъ, въ непродолжительномъ времени явился къ Пшеницынымъ, до того ясно было выражено Авдотьей Семеновной нежеланіе продолжать съ нимъ знакомство, что онъ сряду-же послѣ этого объясненія и ушелъ и болѣе не повторялъ своихъ посѣщеній. Этимъ дѣло, однако, худо поправилось. Пшеницына скоро убѣдилась въ недостаточности этой мѣры, рядомъ послѣдующихъ событій пріявъ къ заключенію, что съ Андреемъ Федоровичемъ творится что-то недоброе. А съ нимъ, дѣйствительно, очень странное творилось. Онъ запилъ самымъ отчаяннымъ образомъ, запилъ съ тѣмъ лихорадочнымъ самоабвеніемъ, съ которымъ запиваютъ заправскіе кутилы, которыхъ послѣ долгаго воздержанія вдругъ „прорывають“, и тѣмъ съ болѣею силою, чѣмъ долѣе продолжалось ихъ воздержаніе. Авдотья Семеновна рѣшительно не знала, что ей дѣлать. Новость и неожиданность дѣла и самый характеръ его, грозившій обратиться въ хроническое зло, повергли Пшеницыну въ омутъ самыхъ мучитель-

ныхъ тревогъ и волненій. Убѣжденія не могли помочь—она сознавала это хорошо, и чувствовала свое безсиліе сдѣлать что-нибудь подходящее. Запой Андрея Федоровича имѣлъ самый болѣзненный характеръ: точно въ немъ поселился какой-то бѣсъ, который неодолимо тащилъ его на соблазнъ. Всѣ пьютъ или съ хмѣлю забиться, или въ видахъ наслажденія хмѣльнымъ угаромъ, или покоряясь силѣ болѣзненной страсти,—однимъ словомъ, всѣ руководятся въ этомъ случаѣ какимъ-нибудь болѣе или менѣе сознательнымъ побужденіемъ,—но ничего этого не было въ систематическомъ пьянствѣ Пшеницына; повторяю, это былъ положительный недугъ, отъ котораго онъ не могъ освободиться и которому безсильно покорялся. Во хмѣлю онъ былъ мраченъ, буенъ; въ этомъ состояніи трудно было узнать скромнаго и деликатнаго Пшеницына. Отрезвившись, онъ просилъ у жены прощенія, влялъ себя самыми унижительными эпитетами... Во время этого состоянія въ немъ крѣпко сидѣло мучительное сознаніе безобразности своего поведенія. Постоянная мысль о своемъ униженіи давила его въ періоды между нетрезвымъ состояніемъ, которымъ и заканчивались его терзанія. Точно какая туча налегла на домъ Пшеницыныхъ.

— Господи, когда все это кончится? съ отчаяніемъ шептала Авдотья Семеновна, между тѣмъ какъ Андрей Федоровичъ, на третьемъ взводѣ воинствуетъ въ другой комнатѣ.

— Не подходи! кричитъ онъ, когда жена появляется въ дверяхъ, и, съ намѣреніемъ броситься на нее, срывается со стула и падаетъ на полъ.

Жена уговариваетъ его лечь спать, и долго продолжаются ея препирательства съ Пшеницынымъ, который сопротивляется и все порывается къ буйству.

— Разр-ражу! лопочетъ онъ косящимъ языкомъ.

Авдотья Семеновна оставляетъ его въ повоѣ. Черезъ нѣсколько минутъ Андрей Федоровичъ засыпаетъ сномъ мертвыхъ, сидя на стулѣ и уронивъ на столъ свою побѣдную голову. Авдотья Семеновна съ кухаркой поднимаютъ его, какъ какую-нибудь безжизненную массу, и осторожно укладываютъ на кровать. Авдотья Семеновна садится на диванъ работать, но долго, долго она сидитъ безъ дѣла, точно опѣявъ на нѣсколько минутъ, и глаза ея, наполнившись слезами, напряженно устремлены въ уголъ; по-

томъ, съ тяжело-вырвавшимся вздохомъ, она принимается за шитье. Все замирало въ это время въ квартирѣ Пшеницыныхъ. Тишина, въ которой было нѣчто мертвенное и напряженное, только и нарушалась чиканьемъ маятника, мѣрно и равнодушно отчеканивающаго секунды. Такая точно тишина бываетъ въ томъ случаѣ, когда въ домѣ есть трудно больной или покойникъ.

По отрезвленіи Андрея Федоровича, въ немъ подымались угрызения совѣсти. Онъ казнилса, молчалъ и избѣгалъ взглядовъ жены, предъ которою чувствовалъ себя виноватымъ. Обоиъ было очень тяжело. Пшеницынъ совѣтъ опустилса, пожелтѣлъ и осунулса. Будучи вообще неразговорчивъ, онъ совѣтъ пересталъ говорить, за исключеніемъ самаго необходимаго. Взглядъ его принялъ выраженіе постоянной разсѣянности и какой-то пугливости. Дѣло валилось у него изъ рукъ; лицо приняло тупо-задумчивое выраженіе, голова была постоянно опущена, — и все это разрѣшилось опять-таки тѣмъ-же, что, пропавъ до вечера, Андрей Федоровичъ являлся въ возбужденномъ состояніи и принималса рвать и метать.

Крайняя натянутость отношеній поселилса между супругами. Протянулись четыре мѣсяца такой каторги, — и вдругъ дѣло приняло совершенно другой оборотъ. Кутежъ Пшеницына шелъ сгезендо и кончилса тѣмъ, чѣмъ обыкновенно это кончается: Андрей Федоровичъ допилса до бѣлой горячки. Осаждаемый фантастическими видѣніями, онъ не давалъ покоя Авдотѣ Семеновнѣ, вскакивалъ съ кровати и порывалса совершить черезъ окно воздушное путешествіе, съ настойчивостью, достойною лучшей цѣли. Авдотья Семеновна, съ кухаркой и призваннымъ на помощь дворникомъ, едва были въ состояніи удерживать порывы Пшеницына, нѣсколько разъ возобновлявшіеся съ повтореніемъ приступовъ чертовщины. Авдотья Семеновна совѣтъ сбилса съ ногъ въ этихъ передрыгахъ, не пила, не ѣла порядкомъ, представляя изъ себя полное олицетвореніе тревоги.

За кризисомъ вскорѣ послѣдовала реакція. Андрей Федоровичъ нѣсколько оправилса, но это не успокоило Авдотью Семеновну, потому что ничего не было такого, что-бы давало ручательство въ томъ, что этого не повторится. Необходимо было принять какія-нибудь мѣры, способныя вырвать зло съ корнемъ. Случай вскорѣ помогъ ей. Отъ добрыхъ людей, какъ говорится, она узнала о существованіи въ Петербургѣ нѣкоего благодѣтеля рода человѣ-

чесаго, лечащаго отъ запоя. За это спасительное средство ухватилась она. Андрей Федоровичъ, конечно, съ своей стороны ничего не имѣлъ противъ этого. Послѣ надлежащихъ розысканій и необходимыхъ справокъ, Авдотья Семеновна лично отвезла мужа къ благодѣтелю.

Во всѣхъ этихъ передрыгахъ прошло почти полгода. Этотъ мрачный періодъ оставилъ памятную черту на горизонтѣ семейной жизни Пшеницыныхъ, и я долженъ былъ упомянуть о немъ, какъ о важномъ отдѣлѣ въ біографіи моего героя, положившемъ многія основанія для развитія его характера. Эта эпоха въ исторіи моего героя замѣчательна тѣмъ, что она не была необходимымъ слѣдствіемъ стеченія тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, почти ничѣмъ не была вызвана и объяснялась совершенной случайностью, какъ нѣчто невольное или неотразимое, вслѣдствіе каприза неисповѣдимыхъ судебъ, выкидывающихъ по-временамъ престранныя штуки на зло всѣмъ логическимъ основаніямъ.

Припадокъ, поломавшій нѣсколько времени Пшеницына, кончился. Онъ совсѣмъ оправился, сдѣлавшись опять тѣмъ-же, чѣмъ былъ. Онъ только сдѣлался еще серьезнѣе, молчаливѣе и озобоченнѣе. Онъ совсѣмъ отдалился отъ своихъ сослуживцевъ, зажилъ своею прежнею изолированную жизнью, переставъ обращать вниманіе на все, что выходило изъ сферы его домашнихъ интересовъ. Семья его увеличилась новымъ членомъ: Авдотья Семеновна родила сына.

Жизнь Пшеницына окончательно сложилась въ опредѣленную программу и въ ней застыла. Сегодняшній день проходилъ точно такъ-же, какъ вчерашній, а завтрашній будетъ точно такой-же, какъ сегодняшній. Пшеницынъ не раскидывалъ мыслию о будущемъ. Онъ жилъ текущею жизнью опять-таки потому, что завтрашній день не принесетъ ему съ собою никакой переменны, да онъ и не желалъ ея, привыкнувъ къ однообразной сферѣ явлений, какъ къ стѣнамъ своей квартиры, въ которой онъ жилъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ и во всѣхъ предметахъ, наполнявшихъ ее. Самая дѣятельность его носила характеръ механической, привычный, чуть что не безсознательный... Весь день распадался у него на двѣ части: утро и значительная часть дня проходили въ канцеляріи, а вечеръ—дома. Это были два міра, которые онъ только и зналъ. Путешествія свои изъ дому въ должность и обратно до-

мой онъ совершалъ всегда спѣшнымъ шагомъ, глядя себѣ подъ ноги и не развлекаясь многочисленными явленіями уличной жизни, которыя происходили вокругъ него. И, несмотря на всю отдѣльность этихъ двухъ міровъ, они представлялись Андрею Федоровичу, какъ нѣчто общее цѣлое, составляя продолженіе другъ друга, и одинъ безъ другого не могли существовать.

Онъ вель сидячую жизнь и поэтому до того облѣнился, что выходить изъ дому хотя-бы для прогулки по улицѣ было для него до нѣкоторой степени неприятнымъ дѣломъ, противъ котораго онъ и заявлялъ всегда протестъ, хотя и слабый, въ тѣхъ случаяхъ, когда Авдотья Семеновна, въ видахъ его пользы, прогоняла его со двора.

Полгода той эпохи въ жизни Пшеницна, о которой я только что говорилъ, не прошли, однако, безслѣдно, образовавъ новую особенность въ его привычкахъ. Эта особенность часто встрѣчается въ подобныхъ обстоятельствахъ, имѣя совершенно физиологическое значенія, и натура Андрея Федоровича приобрѣла новое свойство, которое было послѣдствіемъ этой мрачной эпохи и должно было служить ей воспоминаніемъ. Спустя около года послѣ излеченія, около года полного воздержанія, съ нимъ повторилось то-же самое, что и прежде: Пшеницнъ опять неожиданно занилъ, періодически и съ постепенно возрастающей силой, какъ и прежде. На этотъ разъ запой его продолжался недѣлю. Повторилась та-же исторія. Андрей Федоровичъ пилъ неудержимо, подъ-конецъ опять появились призраки и дѣло заключилось горячкой. Этимъ все и кончилось. Припадокъ прошелъ самъ собою и Пшеницнъ оправился такъ-же скоро и радикально, какъ и занемогъ. Съ этихъ поръ онъ сталъ повторяться отъ времени до времени, впрочемъ, рѣдко болѣе двухъ разъ въ годъ, и сопровождался одними и тѣми-же обстоятельствами. Въ эти періоды съ Андреемъ Федоровичемъ точно совершался какой переворотъ, который скоро проходилъ, не оставивъ послѣ себя никакихъ послѣдствій. Это была единственная особенность, появившаяся въ его жизни, съ которою онъ свыкся и которая составляла нѣчто въ родѣ привычнаго событія въ его однообразномъ существованіи и будоражила нетерпливое теченіе его дней.

А жизнь все сильнѣй и сильнѣй, хотя исподоволь, продолжала запускать въ него свои когти, хотя онъ мало замѣчалъ усиленіе

ихъ дѣйствіа, такъ-какъ работу свою она производила постепенно, не ошеломляя его рѣзкостью переходовъ, а мало-по-малу всасывала его въ тину тяжелыхъ обстоятельствъ, которымъ Пшеницынъ покорялся, самъ того не замѣчая. Семья его приумножилась новыми членами, которыхъ чуть не ежегодно производила на свѣтъ Авдотья Семеновна. Извѣстно, что по наибольшей плодовитости, послѣ семейства кроликовъ, должно поставить классъ недостаточныхъ петербургскихъ чиновниковъ. И это нарощеніе потомства еще болѣе было-бы замѣтно, если-бы нѣкоторые изъ членовъ его не умирали, едва достигнувъ младенческаго возраста. Авдотья Семеновна рожала съ такою легкостью, которая была-бы удивительна, если-бы не объяснялась ея очень крѣпкою организаціею, а также тѣмъ, что это свойство въ большинствѣ присуще русской женщинѣ. Обыкновенно на третій день послѣ родовъ она была уже на ногахъ.

Въ кругу семьи своей Андрей Федоровичъ очень мало походилъ на главу домохозяевъ. Центромъ была его жена, которая опытной рукой держала бразды правленія и вліяніе которой видѣлось во всей обстановкѣ. Относительно издержекъ по хозяйству, она мужа въ этотъ предметъ не посвящала, денегъ у него никогда не спрашивала, такъ-какъ все его жалованье отдавалось ей на руки сполна, — такъ уже было освящено временемъ. Она сама назначала кушанья къ обѣду, не спрашивая никогда Андрея Федоровича, что-бы онъ хотѣлъ, чтобы было приготовлено, потому что вкусы его хорошо были извѣстны ей. Впрочемъ, Андрей Федоровичъ былъ до крайности неприхотливъ и съ одинаковою охотою ѣлъ все, что ни подадутъ. Индифферентизмъ его происходилъ оттого, что онъ привыкъ, чтобы его не тревожили, не мѣшали ему и какъ можно менѣе обращали на него вниманія. Ему, дѣйствительно, никто не мѣшалъ и не тревожилъ его; если-же кто и обращалъ на него вниманіе, то менѣе всего онъ самъ. Онъ въ этомъ отношеніи былъ настоящимъ ребенкомъ, который только потому и ведетъ себя какъ слѣдуетъ, что за нимъ наблюдаетъ нянька.

Всѣ вещи на его бюро были тщательно прибраны, платье всегда вычищено и, въ случаѣ надобности, починено, хотя онъ никогда не дѣлалъ на этотъ счетъ распоряженій; все это совершилось помимо его, и онъ привыкъ къ порядку, очень мало о немъ заботясь.

Осенью, когда наступали холода, Авдотья Семеновна всегда настаивала, чтобы онъ надѣвалъ шарфъ, потому что самъ онъ объ этомъ не заботился. Когда онъ занимался, дверь притворялась и дѣтямъ строго-на-строго внушалось „не мѣшать папашѣ“. Андрей Федоровичъ очень мало замѣчалъ всѣ эти знаки заботы о немъ; ему казалось, что все это онъ одинъ дѣлаетъ, никто не входитъ въ его дѣла, и что онъ совершенно предоставленъ самому себѣ, сознавая только, что все кругомъ него дѣлается какъ нельзя лучше, — само собою, что-ли...

Самыя отношенія супруговъ имѣли характеръ привычки, которая необходимо является при сожителствѣ людей, имѣющихъ одни вкусы и интересы; и этотъ характеръ отношеній въ большинствѣ случаевъ прекрасно замѣняетъ и часто смѣшивается съ тѣмъ, что называютъ любовью, потому что этотъ характеръ отношеній показываетъ уже нѣчто крѣпко установившееся, — установившееся сознательно и навсегда, нѣчто такое, что очень трудно поколебать.

А годы все идутъ да идутъ въ вѣчность, производя въ мірѣ нашихъ героевъ очень немного перемѣнъ. Авдотья Семеновна все полнѣетъ, что совершенно незамѣтно для глазъ ея мужа, такъ же, какъ незамѣтно для него и то обстоятельство, что онъ и самъ дѣлается все сутуловатѣе, что лицо его желтѣетъ, принимая геморроидальный видъ, и лысинка на макушкѣ просѣдаетъ замѣтнѣе. Старшій сынъ учится въ гимназiи, а немного погодя и второго придется отдать въ нее. Чувствуется, что будто жить чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе, а остальное все по-старому. Длинный рядъ одинъ на другой похожихъ дней остался позади и такой-же точно рядъ стоитъ впереди, ожидая своей очереди придти на смѣну отжитымъ...

IV.

Выйдя изъ дому въ часъ, рѣдко измѣнявшійся, Пшеницынъ поспѣвалъ на службу всегда въ одно и то-же время. Онъ приходилъ одинъ изъ первыхъ, когда въ канцелярiи еще висѣлъ тотъ сѣрый полусвѣтъ, который знаменуетъ наступленіе петербургскаго „дѣла“ № 9.

дня. Мало-по-малу набирались чиновники. У печки, на лѣстничной площадкѣ, составлялась небольшая группа отчаянныхъ курильщико́въ, торопливо затягивавшихся папиросами прежде, чѣмъ разсѣсться на своихъ обычныхъ мѣстахъ. Иные прохаживались, другіе, кучками по двое и по трое человекъ, стояли у оконъ и вели разговоры. Мало-по-малу канцелярія оживлялась. Въ одномъ мѣстѣ слышались шаги, въ другомъ—шелестъ переворачиваемыхъ бумагъ, сдержанный смѣхъ, разговоръ вполголоса, громко произносимыя отрывистыя слова да скрипъ перьевъ. Утро яснило все болѣе и болѣе, стекла свѣтлѣли постепенно. Гулъ городской ѣзды становился все слышнѣе. Началась обѣчная дѣловая жизнь, разговоры стихали, уступая свое мѣсто скрипу перьевъ, который нерѣдко прерывался чьимъ-нибудь откашливаньемъ или сдержаннымъ сморканьемъ.

Послѣ двѣнадцати часовъ вся канцелярія мгновенно поднималась на ноги, привѣтствуя пріѣхавшаго директора, плотнаго старичка съ желтовато-сѣдыми бакенбардами, который дробной и спѣшной, такъ-называемой сорочьей, походкой проходилъ чрезъ канцелярію и скрывался въ дверяхъ кабинета, съ чувствомъ почтенія и услужливости отпертаго Карауловымъ, за нѣсколько минутъ становившимся передъ дверью для исполненія своей обязанности. Дверь затворялась и канцелярія съ тѣмъ-же шумомъ усаживалась по мѣстамъ. Становилось еще тише. Слышно было даже, какъ трещать дрова въ печкѣ, отъ времени до времени издавая звукъ, похожій на выстрѣлъ изъ дѣтскаго пробочнаго пистолета, да изрѣдка прозвенять стекла оконъ, потрясенныя стремительно прокатившимся по улицѣ громоздкимъ экипажемъ. Изрѣдка встанетъ кто-нибудь, распрямить усталую спину, лѣнивой, переваливающейся походкой подойдетъ къ окну и сумрачно уставится въ него. А изъ окна видна была вся улица, видна была стѣна возвышавшагося напротивъ четырехэтажнаго дома съ ярко-синей, блестящей золотыми литерами вывѣской трактира, и фигура торговца на углу предъ ларемъ, покрытымъ разной съѣдобной дрянью, уже нѣсколько лѣтъ мозолящаго глаза скачущаго чиновничества.

Пройдетъ еще около часу—и канцелярія опять зашевелится. Большинство идетъ позавтракать, т. е. торопливо перехватить нѣсколько кусковъ въ трактирѣ, помѣщающемся напротивъ, а иные отправятся къ печкѣ, чтобы разъ цатокъ затануться втихомолку.

Спустя четверть часа канцелярія приходила въ прежнее состояніе молчаливаго порядка и опять все смолкало. А между тѣмъ мало-по-малу все темнѣло. Зажигались лампы. Многіе вставали и разминали члены. На всѣхъ лицахъ появлялось чувство утомленія.

Въ четыре часа опять широко распахивалась дверь директорскаго кабинета. Канцелярія опять поднималась на ноги, и директоръ, просеменявъ прежнюю сорочью походкою черезъ всю комнату, отправлялся во свояси. Канцелярія оживлялась. Всѣ вставали, говорили полнымъ голосомъ; нѣкоторые потягивались и зѣвали, другіе взглядывали на часы. Чиновники гурьбою спускались съ лѣстницы, безмолвная швейцарская оживлялась на нѣсколько минутъ и затѣмъ все стихало. Дѣловая жизнь прекращалась и проголодавшіеся отцы семействъ сѣли на свои пенаты, развлекаясь отрадной перспективой тарелки горячаго супу съ рюмкой водки, послѣ чего должна послѣдовать здоровеннѣйшая выпивка.

Такъ велось изо дня въ день. Порядокъ дѣлъ существовалъ, повидимому, незбылемо, а между тѣмъ случился, однако, переворотъ, долженствовавшій подтвердить старую истину относительно непрочности всего житейскаго.

Однажды Андрей Федоровичъ, противъ своего обыкновенія, какъ-то немного запоздалъ въ должность. Хотя было довольно еще рано, однако значительная часть канцелярії была въ сборѣ. Общество было оживлено сильнѣе обыкновеннаго. При первомъ бѣгломъ обзорѣ можно было замѣтить, что произошло что-то необыкновенное, близко касающееся всѣхъ. Никто ничего не дѣлалъ. Нѣкоторые сидѣли на подоконникахъ, другіе стояли кучками, большинство говорило съ жаромъ, размахивая руками; нѣкоторые съ мрачною сосредоточенностію слонялись изъ угла въ уголъ безмолвно; безмолвно-же и съ тою-же мрачною сосредоточенностію сидѣли на подоконникахъ иные и меланхолически болтали ногами. Что-то зловѣщее носилось надъ головами всѣхъ; и это сразу инстинктивно и безотчетно почувствовалъ Пшеницынъ, лишь только вошелъ въ дверь. Нѣсколько человѣкъ тотчасъ-же подошли къ нему и, не здороваясь, осадили вопросомъ, знаетъ-ли онъ новость. На отрицательный отвѣтъ его, произнесенный недоумѣвающимъ и отчасти тревожнымъ тономъ, тотчасъ-же послѣдовало объясненіе. Тѣ-же, которые задали ему вопросъ, не слушая другъ друга и

явно проникнутые торжественностию минуты, въ одинъ голосъ повѣдали ему новость, которая произвела на него ошеломляющее своею неожиданностью впечатлѣніе. Изъ нея явствовало, что директора, котораго онъ, вмѣстѣ съ прочими, не дальше какъ вчера, видѣлъ живымъ и здоровымъ, не существовало. Пассажъ былъ такъ неожиданъ, что Андрей Федоровичъ не нашелся, что сказать, молчалъ и съ оторопѣлымъ видомъ вращалъ глазами. Благодаря этой неожиданности извѣстія, онъ сначала не повѣрилъ ему, но одинъ взглядъ на вытянутыя фізіономіи присутствующихъ убѣдилъ его въ справедливости сообщаемаго. Пока онъ приходилъ въ себя, ему во всѣхъ подробностяхъ, торопливо и въ нѣсколько голосовъ передавались обстоятельства дѣла. Смерть начальника послѣдовала отъ аневризма. Она произошла мгновенно, такъ что за нѣсколько минутъ даже не было никакихъ признаковъ, предвѣщавшихъ катастрофу. Онъ сидѣлъ наканунѣ съ семействомъ за чаемъ, былъ веселъ, разговаривалъ и шутилъ. Въ серединѣ рѣчи онъ вдругъ остановился, замолчалъ, хотѣлъ что-то сказать, потомъ вдругъ охнулъ и началъ падать со стула. Когда его подняли, оказалось, что онъ уже мертвъ.

Вотъ сущность того, что передавали сослуживцы Андрея Федоровича. Что-же касается подробностей, то свѣденія были разнорѣчивы. Одни говорили, что смерть директора произошла за чайнымъ столомъ; другіе-же настаивали, что въ кабинетѣ; нѣкоторые даже прибавляли, что онъ собирался въ это время въ клубъ. Эти послѣднія сообщали еще такія подробности, которыя исключали возможность того обстоятельства его смерти, о которомъ разсказывали первые. Отстаивавшіе тотъ фактъ, что директоръ умеръ въ кабинетѣ, говорили, что онъ разговаривалъ въ это время съ камердинеромъ; онъ давалъ ему приказаніе, которое начиналось словами: „подай мнѣ“... Что означало это „подай мнѣ“—неизвѣстно, потому что эти слова были послѣдними словами покойника. Хотя подробности не измѣняли существа самаго факта, однако о подробностяхъ толковалось, что совершенно въ порядкѣ вещей, потому что чѣмъ новость свѣжѣе, чѣмъ болѣе она имѣетъ характеръ слуха, хотя и несомнѣннаго, но недостигшаго еще значенія очевиднаго факта, тѣмъ болѣе о ней толкуется. Андрей Федоровичъ не интересовался этими толками, онъ слушалъ ихъ разсѣянно, потому что его поразила самая по-

вость, и подробности не могли ни усилить, ни ослабить впечатлѣнія, ею произведеннаго. Послушавъ, что говорилось въ нѣсколькихъ кучкахъ, онъ отошелъ въ уголокъ, сѣлъ на подоконникъ и разсѣянно уставился глазами въ окно, изъ котораго видно было все то, что давнымъ-давно приглядѣлось всѣмъ. По-прежнему виднѣлась напротивъ грязно-желтая стѣна высокаго зданія съ вывѣскою трактира, казавшаяся еще грязнѣе сквозь мглу сѣраго дня. По-прежнему на углу виднѣлся торговецъ съ своимъ ларемъ. Кучка извозчиковъ стояла поодаль и похлопывала руками по бедрамъ. Спѣшными шагами мчался по тротуару чиновникъ съ портфелемъ подъ мышкой. Вдоль улицы лѣниво ползли дрожки съ „желтоглазымъ“, апатично покачивавшимся на сидѣньѣ; густой паръ валилъ съ лохматой лошаденки. Согнувшись на бокъ, выныла мальчишка съ деревяннымъ ящикомъ на перевязи и пронзительнымъ голосомъ заливался: „спички хоро-оши, вотъ спи-ички!“ И вывѣска трактира, и мужикъ на углу съ ларемъ, и косматая взопрѣвшая лошаденка, и мальчишка, распѣвавшій о спичкахъ, и сумрачный колоритъ всего этого знакомаго пейзажа своею стереотипностью еще пуще увеличивалъ впечатлѣніе новости.

По мѣрѣ того, какъ канцелярія наполнялась новоприбывшими, новость о перемѣнѣ привычныхъ обстоятельствъ распространялась. Вопреки общепринятому порядку вещей, на лѣстничной площадкѣ, передъ печкою, не было ни одного курильщика. Экстренность событія парализовала отправление обычной жизни.

Даже не вѣрилось, что случился такой неожиданный казусъ, хотя онъ и имѣлъ всѣ качества достовѣрнаго факта. И если-бы что-нибудь показывало, что произошла важная перемѣна, а то все по-прежнему, такъ что кажется, что вотъ-вотъ всѣ зашаркаютъ, какъ всегда, дверь отворится и плотненькій старичекъ съ желтовато-бѣлыми бакенбардами своею сорочьею походкой просеменитъ черезъ канцелярію въ кабинетъ, какъ это было вчера и прежде, постоянно... Только и разницы, что нѣкоторые нахмурены и молчатъ, а другіе толкуютъ между собою съ непривычнымъ оживленіемъ, и всѣ озабочены болѣе, чѣмъ когда-либо, и самымъ очевиднымъ образомъ на всѣхъ лицахъ лежитъ одна и та-же дума. Толковали о томъ, кто заступитъ мѣсто умершаго. Большинство держалось того мнѣнія, что, по всей вѣроятности, въ его должность произведутъ нынѣшняго вице-директора. Несогласные съ

этимъ мнѣніемъ приводили свои соображенія; къ ораторамъ подходили другіе, молча выслушивали тѣхъ и другихъ и молча-же отходили, еще болѣе задумавшись.

Во всѣхъ головахъ возникалъ вопросъ: „каковъ-то будетъ новый?“ — затѣмъ неволью мелькала тревожная и безотчетная мысль: „а что, если..?“ и, не достигнувъ своего развитія, немедленно прогонялась, однимъ привосновеніемъ своимъ успѣвъ усилить мрачное настроеніе.

Въ этотъ день работалось туго, какъ изъ-подъ неволи. Время тянулось дольше обыкновеннаго. А между тѣмъ, когда часовая стрѣлка приближалась къ четыремъ, — часъ окончанія присутствія, — никто не испытывалъ нетерпѣливаго ожиданія, какъ прежде. День кончился, какъ всегда, будто ничего особеннаго не случилось.

А между тѣмъ необыкновенное событіе все-таки занимало каждого. Оно взбудоражило всѣхъ безъ исключенія. Головы работали подѣ влияніемъ новыхъ мыслей, сердца бились ускореннѣе. Тяжелый камень, упавшій въ сонную трясину, колыхалъ ея недавно-спокойную поверхность.

V.

Быль десятый часъ вечера. Вся семья Пшеницныхъ, за исключеніемъ самыхъ младшихъ отпрысковъ, давно уже уложенныхъ Авдотьей Семеновной въ ихъ постели, сидѣла передъ круглымъ столомъ за самоваромъ, который уже не кипѣлъ, а какъ-то по временамъ всхлипывалъ, находясь въ послѣдней агоніи угасанія. Рѣдко Пшеницны засиживались такъ долго за самоваромъ. Если же это случилось теперь, то благодаря тому обстоятельству, что у нихъ былъ гость. Послѣдній былъ высокій, плотный господинъ среднихъ лѣтъ, съ густымъ баритономъ, длинными, влочкиватыми бакенбардами и широкими, багровыми руками, густо засѣянными волосами. Звали его Павломъ Ивановичемъ Преполовенскимъ. Это былъ хорошій знакомый Пшеницныхъ, кумъ, крестившій почти всѣхъ ихъ дѣтей и служившій журналистомъ въ одномъ присутственномъ мѣстѣ съ Андреемъ Федоровичемъ.

Разговоръ шелъ по поводу извѣстнаго обстоятельства, занимавшаго всю канцелярію. Преполовенскій былъ нахмуренъ и ожесточенно дымилъ папиросой. Пшеницынъ сидѣлъ, облокотившись на столъ, разсѣянно свертывалъ въ трубочку уголь скатерти, смотрѣлъ внизъ и молчалъ. Авдотья Семеновна перемывала чашки, задумчиво углубившись въ свое занятіе. Красноватый огонь лампы подъ колпакомъ молочнаго стекла слабо освѣщаль собесѣдниковъ.

— Вотъ и не было печали, да черти накачали, говорилъ Преполовенскій, продолжая начатый разговоръ. — Все такъ ладно, какъ по маслу шло, жили безпечально, да благодумствовали, а тутъ вдругъ—трахъ, кувыркоть... Все такъ-то оно идетъ; кажется, все обстоитъ благополучно, живешь, не оглядываешься, а тутъ вѣдакъ какая-нибудь пакость подойдетъ негаданно, да все и повалить... Только и останется руками развести.

Пшеницынъ вздохнулъ сочувственно, но ничего не присовокупилъ къ философскому заключенію своего пріятеля и только перенесъ глаза на другую точку.

— Вѣрите-ли, Авдотья Семеновна, продолжалъ Павелъ Ивановичъ,—что я въ эти два послѣдніе дня точно самъ не свой сдѣлался. Прежде, бывало, придешь это со службы, пообѣдаешь такъ обстоятельно, свѣжъ, спокоенъ; на боковую ляжешь—спитъ отлично, трубнымъ гласомъ, кажется, до утра не разбудишь. Право. А теперь, ровно будто со мною что сдѣлалось. Не то, чтобы я эдакое какое-нибудь нездоровье чувствовалъ,—нѣтъ, отъ этого Богъ милуетъ,—не изъ слабенькихъ я,—а что-то такое скверное чувствуется, и самъ назвать не умѣю, что это такое, не то хандра какая-то, не то эдакое вотъ чувство, когда непріятности какой-нибудь ждешь,—скверно, однимъ словомъ! И аппетита какъ-будто меньше стало и сонъ не тотъ. Ей-Богу-съ! Подите-ка,—нервы, видно, разстроились. Что вы смѣтаете?

— Да странно какъ-то отъ васъ это слышать. Неужели на васъ этотъ случай произвелъ такое дѣйствіе?

— Самъ знаю, что странно слышать. Не къ лицу вѣдь эдакому, какъ я, пятидесятилѣтнему дурню о нервахъ, какъ барышнѣ-институткѣ, толковать,—понимаю я,—а вѣдь это такъ! Самъ со-знаю, что непристойно, да ничего не подѣлаешь. Эдакихъ штукъ со мной прежде отродясь никогда не бывало. Просто изъ рукъ

вонъ! И вотъ именно въ послѣдніе два дня это со мною творится, а всему причиной это проклятое обстоятельство!

— Половицынъ сказывалъ, что Картузовъ вмѣсто Петра Петровича будетъ, вставилъ свое слово Пшеницынъ.

— А откуда это Половицынъ узналъ?

— Не знаю, сказывалъ такъ. Да оно и по правилу-бы такъ слѣдовало, чтобы вице-директоръ. Я такъ думаю.

— Вздоръ. Половицынъ это по своему соображенію говорить, потому—узнать ему не откуда. Только это старуха еще на двое сказала. Правила для этого нѣтъ, вотъ оно что! А лучше, ты думаешь, при Картузовѣ-то будетъ?

Пшеницынъ вздохнулъ и не возражалъ, продолжая созерцать узоръ на скатерти.

— Упаси Богъ отъ Картузова, вотъ что я скажу.

— А что?

— А то, что скверная будетъ штука. Подтянетъ онъ всѣхъ. Не знаешь ты еще его...

— Онъ, кажется, такой мягкій.

— То-то мягкій. Лучше, если-бы онъ былъ не такой. Эдакіе-то и не годятся. Что онъ говорить-то тихо да улыбается все, такъ и хорошъ, по-твоему?

— Совсѣмъ не потому... ну, да хоть-бы и такъ. Вѣдь онъ, какъ и начальникъ, былъ до сей поры для насъ хорошъ.

— Стелеть-то мягко...

— Да развѣ ты знаешь за нимъ что-нибудь... эдакое...

— Простая ты душа, Андрей Федоровичъ,—по дружеству, откровенно тебѣ скажу,—и потому дальше своего носа ничего не видишь, извини. Ты на все эдакъ какъ-то просто смотришь, ну, а у меня на нѣкоторыя вещи маленькій нюхъ есть. Понатерся, братъ, я; школу-то житейскую прошелъ... Ты возьми одно, что человекъ и начальникъ двѣ штуки разныя...

— Ну, ужъ это ты, Богъ знаетъ, что такое говоришь... Взгляды у тебя какіе-то...

— Убѣжденіе, братъ, убѣжденіе, ничего не подѣлаешь. Каковъ есть, а только искренно говорю. Ужъ такой у меня взглядъ. У тебя другой и ты можешь со мной не соглашаться; а стоитъ только разобрать дѣло во всей строгости, такъ и увидишь, что я правду говорю... Такіе вотъ темные и незамѣтные людишки,

какъ мы съ тобою, оскотиниться не можемъ. Ужь какими уродились да какими обстоятельства насъ сдѣлали, такими и останемся... Какъ пословица говоритъ, каковы вы изъ колыбельки, таковы и въ могилку. Польза отъ насъ маленькая, а вредъ и того меньше. Польза развѣ для себя, да и вредъ тоже для себя, да еще развѣ для семьи, у кого она есть, а другимъ ни тепло, ни холодно. Хоть разорвись, а заявить о себѣ такъ, чтобы другіе это чувствовали, мудрено... вѣдь такъ? И желалъ-бы, положимъ, своему ближнему въ иной часъ напакостить, да руки-то связаны, сфера очень мала, и выходитъ, значитъ, что себѣ-же развѣ напакостить и на тебѣ-же эта пакость отзовется, а пройти безслѣдно — не пройдетъ: сторицею воздастся непримѣнно. Ну, а поставь насъ-же въ такое положеніе, чтобы мы ни отъ кого не зависѣли, сами себѣ были господа, да сдѣлай отъ насъ зависящими нѣсколько десятковъ человѣкъ, съ которыми мы могли-бы такъ поступать, что пальцемъ кивнулъ—и осчастливилъ, бровью повелъ—чуть что не въ порошокъ стеръ, не давая никому отчета, зачѣмъ такъ сдѣлалъ, — совсѣмъ другая статья будетъ! Главная штука въ томъ, что ты вотъ бровью повелъ или пальцемъ кивнулъ—и совѣсть твоя чиста, потому что это необходимо, по высшимъ тамъ соображеніямъ такъ нужно... Когда-же поле для дѣйствія обширное представляется,—въ такомъ случаѣ и трудно совершенно безъ свинства обойтись... Хоть маленькое да рѣдко, а будетъ, потому—всѣ люди-человѣки... Вотъ какъ на свѣтѣ ведется, безъ этого нельзя. Такъ-то, Андрей Федоровичъ! А вотъ я опять скажу насчетъ Картузова. Онъ до тѣхъ поръ и хорошъ, пока ему руки придерживаютъ, а дай имъ волю, такъ и *швагъ* дѣло будетъ. У меня, братъ, на этотъ счетъ проницательность, нюхъ, такъ-сказать.

Вышла пауза въ нѣсколько секундъ. Бренчатъ только чайныя ложки въ полоскательной чашеѣ, которая перемываетъ Авдотья Семеновна. Преполовенскій, пыхтя, медленно пускалъ колечки дыма и слѣдилъ за ихъ колебаніемъ въ воздухѣ.

— А, впрочемъ, чортъ съ ними со всѣми! неожиданно разразился Павелъ Ивановичъ, бросая окурокъ папироски и заложивъ руки за спину, принялся ходить. — Какъ тамъ уможъ не раскидывай, а все придешь къ тому результату, что темна вода во облацѣхъ и никто не скажетъ чего-нибудь опредѣленнаго.

— Агафья, прими самоваръ! крикнула въ отворенную дверь Авдотья Семеновна. Она поставила посуду въ шкафъ, сѣла на прежнее мѣсто и достала съ окна какое-то вязанье.

— И много у васъ толкуютъ на счетъ перемѣнъ? спросила она, немного погодя, внимательно глядя на спицы, быстро вращавшіяся въ ея рукахъ.

— А столько толкуютъ, что и не переслушаешь всѣхъ. Каждому вѣдь нужно заявить свое мнѣніе. Кавардакъ, однимъ словомъ. Вѣдь какъ обухомъ насъ эта штука-то сразила, — немудрено, что всѣ языкомъ колотятъ. Подумайте одно, матушка, какой это для всѣхъ пассажъ былъ. Наканунѣ человѣкъ какъ есть въ полномъ здоровьѣ обрѣтался, — кому-бы и въ голову могло придти, что на завтра перемѣна декорацій предстоитъ? И вдругъ эдакъ, безъ всякаго-то приготовленія, какъ свѣтъ на голову, на-кось! Всѣ рты и разинули. Больно неожиданно это было. Н-да! — онъ помолчалъ и посмотрѣлъ задумчиво въ пространство. — Жилъ, жилъ человѣкъ, да и померъ, какъ-будто и на свѣтѣ его никогда не было. Поневолѣ о разныхъ эдакихъ вещахъ подумаешь, что значить жизнь-то человѣческая... смерть-то... Вотъ ужъ именно, какъ говорится, „яко тать въ нощи“... истинно, тать... У какого-то стихотворца, у Пушкина, вѣжета, — не помню хорошенько, — на счетъ жизни отлично сказано: „тяжелый нѣкій шаръ, на тонкомъ волосѣ висящій“... Самая истина, именно шаръ... н-да! Вотъ она, жизнь-то!

— Правда ваша, Павелъ Ивановичъ, вымолвила Авдотья Семеновна, не переставая двигать своими спицами, и вздохнула. Вздохнули и Преполовенскій съ Андреемъ Федоровичемъ, который поднялъ голову и съ разсѣянной задумчивостью посмотрѣлъ попеременно на обоихъ и опять потупился. Снова всѣ примолгли на нѣсколько секундъ тѣмъ молчаніемъ, которое бываетъ тогда, когда одна и та-же мысль подавляетъ собесѣдниковъ. Раздавались только среди тишины медленные и мѣрные шаги Преполовенскаго по комнатѣ, который ходилъ, наклонивъ нѣсколько голову на бокъ и устремивъ неподвижный взглядъ куда-то въ даль, и щипалъ бакенбарду. Наконецъ онъ круто повернулся на каблукахъ и усѣлся на прежнее мѣсто.

— Жалѣютъ Петра Петровича? спросила Авдотья Семеновна.

— Еще-бы! Онъ былъ старикъ славный — это разъ, а во-

вторыхъ—двадцать лѣтъ у насъ на службѣ выжилъ;—это ужь одно много значить: привыкли, вотъ что главное. Да! подождать да подождать намъ еще такого начальника. Всѣ объ немъ жалѣють, да дѣло-то не въ жалости, а въ томъ, что обстоятельства пере-мѣнились. Какъ-то все это разыграется—вотъ что больше всего смущаетъ. Кто будетъ, да какъ дѣло повернетъ,—это пуще всего заботить. Да, пережвѣнъ будетъ не мало, это непремѣнно.

— Ну, новый поступить, только и всего, остальное по-старому пойдетъ.

— Это еще вопросъ.

— Да чѣмъ-же вопросъ, не понимаю... да и наконецъ, что-же можетъ быть худого?

— Всякъ молодець на свой образецъ.

— Нельзя-же безъ этого.

— То-то вотъ и есть, промолвилъ онъ въ раздумьи.—Говоря примѣрно, у васъ хозяйство на рукахъ; вы привыкли, что такая-то вещь на этомъ мѣстѣ стоитъ, другая на томъ, дѣлаете вы все такъ, какъ у васъ уже временемъ освящено, все у васъ въ порядкѣ,—ну, однимъ словомъ, вы привыкли, чтобы все, что вы видите, было такъ, а не иначе,—я къ примѣру все это говорю; пріятно-ли вамъ будетъ, если вашъ порядокъ вверхъ дномъ пойдетъ?

— Ну, само-собою, конечно... кто-же говорить!

— Ну, вотъ видите! И нашему брату непріятно, если придется со старымъ порядкомъ разставаться. Привычка — великое дѣло. Про себя скажу. На службѣ уже девятнадцатый годъ (въ мартѣ ровно девятнадцать будетъ), дорогу-то къ должности выучилъ такъ, что, кажется, и съ завязанными глазами пройду, не запнусь; каждая трещинка на столѣ въ канцеляріи мнѣ извѣстна, т. е., кажется, къ родному дому такъ не привыкнешь, какъ ко всѣмъ этимъ вещамъ привыкъ. Отправившись въ должность—ужь хорошо знаешь все, что въ тотъ день тебѣ предстоитъ, будто въ свою семью придешь, ей-богу! Бобыль вѣдь я, дома-то точно постоемъ живешь, а настоящее-то мое мѣсто въ канцеляріи. Дома, кромѣ Антона своего, кого я другого увижу? Да и что мнѣ въ Антонѣ, какіе у меня могутъ быть съ нимъ разговоры? Только и словъ у меня съ нимъ, что самоваръ велишь поставить или пошлешь куда,—вотъ и вся наша бесѣда. До гостей я не охотникъ,

развѣ вотъ только къ вамъ завернешь, а то все по комнатѣ слонаешься или со скуки спать завалишься, — такъ и маешься. Тоска вѣдь одному-то въ четырехъ стѣнахъ; на службу утромъ, какъ въ царствіе небесное, идешь, право. Лица все знакомыя, давнишнія, привыкъ къ нимъ. Изъ дому-то точно въ свою сферу поадешь, какъ-будто свѣжѣ себя почувствуешь; вѣрите-ли, даже дышется какъ-будто легче; безъ шутокъ вамъ говорю. Вотъ какой я человекъ!

— Я перебую вашу рѣчь, Павелъ Ивановичъ, замѣтила Авдотья Семеновна: — давно мнѣ въ голову приходило спросить васъ, отчего вы не женитесь? Вотъ вы сами говорите, что вамъ тоска одному... Съ женою-то некогда было-бы скучать.

— Да какъ-бы вамъ объяснить эту штуку, матушка? Видите, не особенно я и подумывалъ объ этомъ: расположенія нѣтъ. Противъ семейной жизни, собственно, я ничего не имѣю. Напротивъ, приходится иной разъ на женатыхъ людей, на эдакую картину семейнаго счастья, такъ-сказать, посмотреть: самоваръ, значить, на столѣ, за столомъ парочка пискунчиковъ сидитъ; жена тутъ-же чай разливаетъ, а мужъ въ халатѣ прохаживается... ну, или что-нибудь въ эдакомъ родѣ. Вѣдь вчужѣ сердце радуется. Видишь, что всѣ это довольны, да и подумаешь о себѣ, что вотъ, молъ, ничего этого у меня нѣтъ: приду я домой, и никто меня не встрѣтитъ, никому до меня дѣла нѣтъ, какъ-будто меня и на свѣтѣ не существуетъ; умри я — и никому отъ этого ни тепло, ни холодно не сдѣлается (а вѣдь бывало, что и подумаешь такъ), — и какъ-будто и завидно немного станеть... ну, хоть и не завидно, положимъ, а все эдакъ точно подумаешь, что вотъ, дескать, недурно-бы и мнѣ какимъ-нибудь пузанчикомъ обзавестись; право, бывали такія мысли, а все, какъ видите, не обзавелся. А между тѣмъ изъ меня вышелъ-бы семьянинъ, — это я отъ чистаго сердца могу засвидѣтельствовать, — потому не пьяница я и не мотыга какой-нибудь — это вы сами можете засвидѣтельствовать; самодурства во мнѣ тоже нѣтъ, — однимъ словомъ, все есть, чтобы отца семейства изъ себя изображать... А вы, какъ ни раскидывайте, на то выходитъ, что одному, какъ перстъ, придется свой вѣкъ скротать. Раньше о женитбѣ не думалъ, а теперь уже и поздно; ушло мое время. На роду мнѣ, знать, такъ написано. Положимъ даже, что и не совсѣмъ поздно жениться (женятся вѣдь и позже)

и не врагъ я семейной жизни, а все-же вотъ, подите, не могу я эдакій шагъ сдѣлать... Характеръ ужь у меня такой. Хоть и бобылемъ живу, хоть и тоска меня подь-часъ одолѣваетъ, а все-же я лучшаго не желаю, то-есть, ни-ни; ей-богу не лгу. Другіе тамъ о будущемъ загадываютъ, а я такъ никогда объ этомъ и не думаю. У меня, знаете, на первомъ планѣ — привычка. Коли я привыкъ къ чему, такъ для меня первое благополучіе, чтобы это всегда такъ было. Такая натура; я привыкъ жить одинъ, такъ мнѣ даже кажется, что оно иначе и быть не можетъ, право! Положимъ, что оно и лучше-бы было, если-бы перемѣнилось, и сознаю я, что можетъ быть лучше, да только не желаю я перемѣниться. Рѣшиться на это нужно, переломить себя, а я на это неспособенъ. Даже вотъ и подумать не могу, что все, что у меня издавна идетъ, должно иначе пойти. Такъ вотъ какія дѣла-то, матушка!

Преполовенскій помолчалъ.

— Да, вотъ я опять-таки насчетъ нашихъ перемѣнъ, снова началъ Павелъ Ивановичъ, — почему меня такъ кончина Петра Петровича смущаетъ? Все-же потому, что привычка. Жилъ, жилъ, ни о чемъ не тужилъ, девятнадцать лѣтъ видѣлъ одно и то-же, — а тутъ вдругъ и закорючка. Вѣдь старое-то въ архивъ, значить, приходится сдавать, новые порядки пойдутъ, перемѣны будутъ, много перемѣнъ, переворотъ, да-съ! Доселѣ нашъ департаментъ такое благодатное мѣсто было, что и умирать не надо, жили себѣ мирно, а теперь вотъ многимъ придется матушку-рѣпку за-пѣть. У многихъ мѣста-то насижены, не особенно легко будетъ ихъ покидать... А придется! Многимъ придется, церемониться не будутъ. Запѣчаешь, небойсь, какой переполохъ? прибавилъ Преполовенскій, обращаясь къ Пшеницыну.

Андрей Федоровичъ до этого времени довольно разсѣянно слушалъ тирады Преполовенскаго, углубившись въ свои размышленія, но теперь поднялъ голову и внимательноѣе посмотрѣлъ на своего пріятеля.

— Ну-да, переполохъ... Что-же, развѣ многихъ отставятъ?

— Въ томъ-то, братъ, и штука. Многимъ будетъ на руку, если Картузова директоромъ сдѣлаютъ, потому что если другого опредѣлятъ, то дѣло будетъ *швахъ*: ревизія можетъ пройзойти.

— Это такъ. Очень можетъ быть.

— Даже не только можетъ, а должно такъ быть. Всенепремѣнно. Знаешь вѣдь ты, какое наше мѣсто? Все такъ спокойно да безмятежно было. Жило, не оглядываясь. Известно, не безъ грѣшновъ, — всё подъ Богомъ ходимъ... Ну, а теперь и проберутъ, благо раньше-то никто нашихъ слабыхъ струнозъ не шупалъ. Всплыветъ кой-что на верхъ, что прежде подъ спудомъ обрѣталось... Что эзекуторъ, какъ въ воду опущенный, ходитъ, — замѣтилъ? Знать, сердце не совѣмъ на мѣстѣ. Н-да, дѣла скверныя! прибавилъ онъ послѣ небольшой паузы.

Помолчали.

— Что плохо, то плохо, никто одобрять не будетъ и я не одобряю, продолжалъ Преполовенскій, — только дѣло-то въ томъ, что всё мы люди, всё человѣки, поэтому кто-же Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ, какъ говорится? У всѣхъ грѣшки есть и у насъ имѣются, только по-снисходительнѣе къ нимъ относиться нужно. Дай человѣку поправиться, чтобы онъ, значить, успѣлъ концы въ воду спрятать, а потомъ его и свидѣтельствуй, а то вѣдь все нахрапомъ дѣйствуютъ, такъ что и опомниться не успѣешь. Безъ грѣховъ нельзя, по человѣчеству надо судить.

Павель Ивановичъ опять всталъ и началъ ходить. Онъ въ этотъ день былъ нѣсколько въ возбужденномъ состояніи, и потому почти исключительно поддерживалъ разговоръ, такъ-какъ Пшеницынъ очень мало принималъ въ немъ активнаго участія, углубившись въ разсматриванье узоровъ на скатерти, изрѣдка кивалъ головою и иногда тихо вздыхалъ. Это была его обыкновенная манера вести разговоръ.

Молчаніе нѣкоторое время не прерывалось. Преполовенскій ходилъ, заложивъ руки въ карманы брюзъ и что-то насвистывая вполголоса. Пшеницынъ изподлобья слѣдилъ за нимъ глазами, по-прежнему погруженный въ молчаніе.

Часы зашипѣли и захрипѣли, собираясь бить, точно старикъ передъ взрывомъ хроническаго кашля, и пробили десять. Преполовенскій вернулся съ полпути, подошелъ къ окну и взялъ шапку.

— Ну-съ, пора и по домамъ. Счастливо оставаться, Авдотья Семеновна.

— Уходите уже?

— Пора: одиннадцатый часъ.

— Да вѣдь дѣтки у васъ, небойсь, дома не плачутъ?

— Не плачуть-то, не плачуть, положимъ такъ, а все-таки пора. Я, знаете, передъ сномъ грядущимъ имѣю обыкновеніе немного пошляться. Когда выплюсь послѣ обѣда, такъ ночью чуть не до утра проворочаюсь. Ну, а какъ промнешься нѣсколько на воздухъ, такъ и спится, какъ слѣдуетъ. Въ пивную еще зайду, кружечки двѣ пропустить слѣдуетъ...

— Да послать можно. Я сейчасъ Агафью пошлю, Павелъ Ивановичъ.

— Нѣтъ, не безпокойтесь, пожалуйста. У меня ужъ привычка такая: погуляю немного, а потомъ въ низкъ. Газету возьмешь, сидишь да проклаждаешься... шибъ, однимъ словомъ. Самое это любезное для меня дѣло. Ну-съ, прощайте.

— Не удерживаю, коли такъ.

— Почаще, братъ, захаживай, прибавилъ отъ себя Пшеницынъ.

-- Ваши гости.

Пшеницыны проводили Павла Ивановича въ прихожую. Онъ ушелъ.

— Ишь, наговорилъ-то сколько; рѣдео вѣдь это съ нимъ случается, замѣтила Авдотья Семеновна, задумчиво смотря на пустой стулъ, только-что оставленный гостемъ, и, немного погодя, опять принялась за свое вязанье.— Пиво пошелъ пить... Чудакъ, право!

Она вздохнула и вязальные спицы быстро замелькали въ ея рукахъ.

Андрей Федоровичъ зажегъ свѣчку.

— Долго сидѣть будешь?

— Часа два. Преполовенскій задержалъ, а то-бы раньше принялся.

Онъ ушелъ въ спальню, сѣлъ за бюро, разложилъ бумаги, вздохнулъ, потянулся и, наклонивъ немного набокъ голову, принялся строчить.

Совсѣмъ тихо стало въ квартирѣ Пшеницыныхъ. Ребята уже улеглись сряду по уходѣ гостя. Бодрствовали только мужъ да жена. Пшеницынъ неумолкаемо скрипѣлъ неромъ, углубившись въ свою работу. Авдотья Семеновна вязала и отъ времени до времени позѣвывала, но не ложилась, такъ-какъ одинадцати часовъ еще не было, а ранѣ этого времени ложиться спать не было въ ея привычкахъ. Маятникъ мѣрно чикалъ да перо неудержимо скрипѣло

въ другой комнатѣ,—только и всего было слышно среди вечерней тишины. Пробило, наконецъ, и одиннадцать. Авдотья Семеновна съ видимымъ удовольствіемъ встала, сложила свое вязанье и погасила лампу. Ублаживаясь въ постель, она спросила мужа, долго-ли онъ еще просидитъ. Тотъ, неповорачивая головы, промычалъ что-то и продолжалъ писать. Авдотья Семеновна скоро захрапѣла. Спустя около часу перестало скрипѣть и перо Андрея Федоровича. Онъ вздохнулъ, распрямилъ спину и, зѣвая, сталъ раздѣваться. Уже раздѣвшись, подойдя къ столу босикомъ, онъ погасилъ свѣчку, и немного погодя глубокая тишина воцарилась въ квартирѣ Пшеницныхъ, взрѣдка прерываемая чьимъ-нибудь храпѣньемъ.

Мих. Альбовъ.

(Продолженіе будетъ.)

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

ВЪ СЪВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ ШТАТАХЪ *).

I.

Съверо-американскіе штаты, болѣе чѣмъ какое-нибудь другое государство въ мірѣ, возбуждаютъ непримиримую ненависть однихъ и безграничную симпатію другихъ. Обѣ эти партіи или безусловно порицаютъ, или безусловно хвалятъ все, происходящее въ этой странѣ. Такое отношеніе къ дѣлу едва-ли соотвѣтствуетъ цѣлямъ этихъ партій. Врагъ, невидящій въ своемъ противникѣ ни одной свѣтлой черты, и другъ, не находящій въ любимомъ предметѣ ни одного темнаго пятна, всегда возбуждаютъ въ постороннемъ человѣкѣ сомнѣніе въ справедливости этихъ огульныхъ порицаній и похвалъ и, въ сущности, оказываютъ плохую услугу своей партіи и своему дѣлу. Человѣкъ не можетъ представить себѣ такое уродство, которое исключало-бы всякую привлекательную черту; человѣкъ не можетъ себѣ представить такое совершенство, которое не имѣло-бы никакихъ темныхъ штриховъ.

О врагахъ съверо-американскихъ штатовъ мы не будемъ здѣсь говорить; мы не принадлежимъ къ ихъ числу и намъ очень при-

*) *R. Dulon*. Aus Amerika, 1366.—Handwörterbuch für den deutschen Volksschullehrer von *Dr. Petzoldt*, 1873.—*Portalis*: Les Etats-Unis, 1869.—Le Système du gouvernement américain, par *Ezra C. Seaman*, 1872.—*Э. Циммерманъ*: Соединенные штаты Америки, 1873, и Путешествіе по Америкѣ, 1872.—*Гинно*: Общественное образованіе въ Америкѣ, 1873.—*Les Etats-Unis*, par *Adalbert Froust de Fontpertuis*, 1873.—*В. Г. Диксонъ*: Вильямъ Пеннъ, 1873.—*Encyklopaedie des gesammten Erziehungs-und Unterrichtswesens*, von *K. A. Schmid*, erster Band. A.—D. и т. д.

ятно, когда они, черня все бѣлое въ этой странѣ, пробуждаютъ сомнѣніе въ истинѣ своихъ словъ и, въ сущности, оказываютъ услуги не своей партіи, а всѣмъ людямъ, искренно любящимъ эту страну и смотрящимъ съ надеждой на ея свѣтлое будущее. Но мы не можемъ не сказать нѣсколькихъ словъ о ея восторженныхъ поклонникахъ. Они, какъ мы сказали, описываютъ эту страну исключительно розовыми красками, приходя въ умиленіе отъ всего, совершающагося въ ней. Мы ничего не имѣли бы противъ этого умиленія и этихъ розовыхъ красокъ, если-бы мы относились къ этой странѣ вполнѣ равнодушно и не чувствовали къ ней особенной симпатіи. Но такъ-какъ мы смотримъ на эту страну съ свѣтлой надеждой, то насъ всегда нѣсколько смущаютъ эти хвалебныя гимны. Нечего и говорить о томъ, что они безплодны, какъ всякіе хвалебныя гимны, отзывающіеся только склонностью къ лиризму и свидѣтельствующіе о малой способности ихъ авторовъ къ серьезному, кропотливому изслѣдованію. Но этого мало: читая подобныя лирическія признанія въ любви къ этой странѣ, мы сами всегда въ смущеніи останавливались надъ вопросами: не ложь-ли это, не преувеличеніе-ли это? Эти вопросы закрадывались намъ въ голову, несмотря на то, что мы сами симпатизировали этой странѣ, но они должны были еще сильнѣе возникать въ умахъ людей, равнодушно смотрящихъ на эту страну и еще неуспѣвшихъ примкнуть къ числу ея сторонниковъ; что-же касается враговъ этой страны, то сомнѣніе въ справедливости безусловныхъ восхваленій должно было возникнуть въ ихъ головахъ уже не въ формѣ вопросовъ, а въ формѣ полного убѣжденія въ томъ, что всѣ эти гимны—положительно ложь и преувеличеніе, сдѣланныя съ извѣстной задней мыслью, съ извѣстной предвзятой цѣлью. При извѣстной ловкости, враги всегда могли опровергнуть эти гимны и, подобравъ одни неблагопріятные факты, освѣтить страну другимъ свѣтомъ въ глазахъ тѣхъ людей, которые еще мало знакомы съ нею.

Да какъ-же и не зарождаются этимъ сомнѣніямъ подъ звуки этихъ торжественныхъ гимновъ? Развѣ населеніе сѣверо-американскихъ штатовъ состоитъ изъ какихъ-нибудь новыхъ людей, неимѣющихъ ни одного изъ нашихъ пороковъ, ненаслѣдовавшихъ ни одной изъ нашихъ наслѣдственныхъ болѣзней? „Кто-то, говорить Бауеръ, назвалъ Соединенные Штаты плавильной печью,

въ которой собираются самыя различныя національности: англичане, шотландцы, ирландцы, нѣмцы, швейцарцы, французы, голландцы, испанцы, шведы, поляки, мадьяры съ ихъ различными старо-европейскими особенностями, чтобы быть переплавленными въ новую массу и получить своеобразный американскій закалъ. Но и среди совершенно новыхъ условій новаго отечества прирожденныя національныя свойства и прежнія особенности не со-всѣмъ изглаживаются. Въ Виргиніи можно встрѣтить англійскаго джентльмена временъ Елизаветы и позднѣйшихъ Стюартовъ; въ Пенсильваніи—эвакера временъ Джоржа Фокса и Вильяма Пенна; въ Восточной Пенсильваніи—шваба и уроженца Пфальца начала прошедшаго столѣтія; въ Новой Англіи—пуританина временъ Кромвеля и Бакстера; на берегахъ Гудсона и въ Нью-Джерсеѣ—истаго голландца; въ Южной Каролинѣ—гугенота и французскаго дворянина XVII столѣтія или очень характеристическіе остатки его, которые уже давно ступевались въ Европѣ“. И развѣ строй сѣверо-американской жизни не имѣетъ ничего общаго съ строемъ жизни старой Европы? Развѣ сѣверо-американскіе граждане разрушили и уничтожили всѣ традиціи и внесли въ общественную и политическую жизнь совершенно новыя начала, новыя основанія? Ни чуть не бывало. Когда восторженные друзья сѣверо-американскихъ штатовъ въ восторгѣ описывали совершенства политической системы этой страны, говоря, что въ мірѣ не можетъ быть ничего лучшаго,—враги этой страны язвительно указывали на подкупы, на взятки и на казнокрадство, и какъ торжествовали они, когда въ началѣ семидесятыхъ годовъ было открыто громадное расхищеніе общественныхъ суммъ, искусно организованное и превышавшее размѣрами даже продѣлки знаменитаго парижскаго Османа! Приведемъ для ясности одинъ примѣръ. Мы видѣли сотни страницъ, посвященныхъ гимнамъ въ честь положенія рабочихъ въ сѣверо-американскихъ штатахъ; авторы этихъ хвалебныхъ гимновъ перечисляли, какъ велики заработки этихъ рабочихъ, какъ рабочіе отълаживаютъ капиталы и дѣлаются собственниками. Но взглянемъ поближе на экономическія отношенія этой страны. Сѣверо-американскіе штаты отложились отъ Англіи и сдѣлались самостоятельнымъ государствомъ относительно недавно. Цѣлью войны Америки съ Англіей было завоеваніе свободы для Америки и дарованіе всѣхъ политическихъ правъ ея

гражданамъ. Далѣе этого не шли вожаки временъ освобожденія Америки; это были не мечтатели, не утописты, — это были англичане-практики, понявшіе, что имъ выгоднѣе самостоятельно управлять страной, чѣмъ находиться въ зависимости отъ Англїи. Вслѣдствіе этого переворотъ былъ чисто-политическій, невносившій никакихъ новыхъ элементовъ въ экономическія отношенія гражданъ. Но страна была богата, неразработана, просторна и потому въ ней закипѣла промышленная и торговая дѣятельность. Она начала привлекать къ себѣ эмигрантовъ, состоявшихъ, большею частью, изъ бѣдняковъ — иѣмцевъ, французовъ, швейцарцевъ, славянъ и другихъ національностей старой Европы, знавшихъ, что въ молодой республикѣ требуются рабочія руки и потому хорошо оплачивается трудъ. Эти люди большею частью тоже не приносили съ собой ничего особенно новаго въ сферѣ экономическихъ отношеній: они были рады, что они пользуются политической свободой, что ихъ трудъ оплачивается хорошо, и старались только заработать столько, чтобы запастись клочкомъ земли и изъ наемныхъ работниковъ сдѣлаться нанимателями. Такимъ образомъ, все обстояло благополучно: люди работали и наживались; нажившись, давали работу и возможность нажитья другимъ. Тутъ не было никакихъ новыхъ экономическихъ принциповъ; здѣсь были просто хозяева, понявшіе, что за хорошее содержаніе работники трудятся лучше, чѣмъ за дурное, и работники, понявшіе, что здѣсь можно существовать только тогда, когда будешь хорошо и упорно работать по десяти и по двѣнадцати часовъ въ сутки, имѣя въ перспективѣ будущность собственнича и работодателя. Это отлично понялъ авторъ статей объ американскомъ рабочемъ, помѣщенныхъ недавно въ „Вѣстникъ Европы“. Но это умиляло тѣхъ, кто всегда видитъ только извѣстные существующіе факты и не трудится попристальнѣе вдуматься въ принципы этихъ фактовъ. Эти люди съ восторгомъ говорили о 4—5 долларахъ подневной заработной платы, о томъ, что многіе рабочіе, въ концѣ-концовъ, дѣлались фермерами, о томъ, что дѣвочки могли заработать себѣ порядочную сумму на приданое. Это факты, дѣйствительно, очень и очень отрадные, особенно для тѣхъ, кому приходилось получить за свой подневный трудъ эти пять долларовъ, эти фермы, эти тысячи приданого. Объ этихъ фактахъ можно, пожалуй, упомянуть, но если-бы намъ стали описывать

ихъ во многихъ томахъ, на множествѣ страницъ, то мы не стали бы утомлять себя чтеніемъ этихъ страницъ: мы не видимъ пользы въ подобномъ чтеніи. Поучительны-ли эти факты? Нисколько. Поучительно то, что даетъ намъ не только возможность затвердить рядъ новыхъ пустыхъ именъ, цифръ, событій, но что въ то-же время и развиваетъ наши понятія, расширяетъ нашъ кругозоръ, даетъ намъ возможность дѣйствовать иначе, чѣмъ мы дѣйствовали прежде. Эти-же факты говорятъ намъ только о томъ, что есть страна, гдѣ люди еще до сихъ поръ получаютъ за свой трудъ довольно много,—вотъ и все. Если мы прочтемъ и заучимъ сотню томовъ, наполненныхъ подобными фактами, то мы все-таки не научимся поднимать заработную плату въ Европѣ и, открывъ фабрику, будемъ, въ концѣ-концовъ, платить своему рабочему обыкновенную рыночную плату, существующую въ данный моментъ въ данной мѣстности, или раззоримся въ конецъ, такъ какъ другіе фабриканты будутъ платить менѣе насъ рабочимъ и потому будутъ продавать свои издѣлія дешевле насъ. Но этого мало. Мы не приходимъ въ восторгъ отъ этихъ фактовъ, не потому только, что они не поучительны для насъ, а, главнымъ образомъ, потому, что мы знаемъ, что эти факты не исключаютъ возможности въ будущемъ уменьшенія заработной платы, не исключаютъ возможности выписыванья дешевыхъ китайскихъ работниковъ,—однимъ словомъ, для насъ рассказы объ этихъ фактахъ то-же, что рассказы о милліонахъ, нажитыхъ на золотыхъ прискахъ въ Калифорніи простыми работниками: эти работники наживали милліоны, но вѣдь мы съ вами, роя землю гдѣ-нибудь въ Чугуевѣ, не можемъ нажить этихъ милліоновъ; эти работники наживали милліоны, но это не мѣшало нисколько ихъ дѣтлмъ не нажить ни копейки, роясь на томъ-же самомъ мѣстѣ. Это все понимали мы, читая восторженные описанія о сыпавшихся въ карманы рабочаго долларахъ; еще лучше понимали это враги Америки, и потому, чѣмъ восторженнѣе были эти гимны, тѣмъ ядовитѣе усмѣхались враги, вполне сознавая, что чрезмѣрной густотой розовой краски прикрываются нѣкоторыя черныя пятна на картинѣ. Но, подозрѣвая существованіе этихъ пятенъ, враги шли дальше и утверждали, что картина вся состоитъ изъ черныхъ пятенъ, что именно потому-то и тратится „друзьями“ столько розовой краски,

чтобы нельзя было замѣтить эти пятна. Конечно, враги глубоко ошибались.

Мы не принадлежимъ къ числу этихъ восторженныхъ поклонниковъ и не стараемся скрывать ни отъ другихъ, ни отъ себя всего того, что дурно въ сѣверо-американскихъ Штатахъ. Мы твердо убѣждены въ томъ, что это ненужно, что въ этой странѣ сумма недостатковъ все-таки съ избыткомъ превышаетъ суммою достоинствъ, что съ этими недостатками тамъ легче бороться, чѣмъ гдѣ-нибудь въ западной Европѣ. Вотъ почему мы всегда готовы повторять: поменьше усердія, господа друзья! Мы готовы повторять это въ то время, когда неизмѣнные друзья слагаютъ свои хвалебныя гимны сѣверной Америкѣ. Вотъ почему насъ смущали хвалебныя статьи, написанныя и по поводу первоначальнаго образованія въ этой странѣ. Мы спрашивали: дѣйствительно-ли такъ безукоризненно это образованіе? Можетъ-ли быть, чтобы въ немъ не было пятенъ, когда оно создалось такъ недавно? Не трудно-ли вѣрить этому, когда мы знаемъ, что оно создано тѣми-же европейскими выходцами, которые еще далеко не довели въ Европѣ до совершенства всего того, что касается этого образованія? Не потому-ли хвалятъ такъ безусловно это образованіе пишущіе статьи друзья Америки, что они, эти друзья, смотрѣли на него поверхностно, изъ вагоновъ желѣзныхъ дорогъ, останавливаясь на день, на два въ томъ или другомъ городѣ? Не пишутъ-ли они эти гимны еще и потому, что они не изучали спеціально вообще вопроса о народномъ образованіи и смотрятъ на него, какъ диллетанты, которыхъ поражаетъ внѣшность школъ, число учительницъ, масса педагогическихъ журналовъ, свобода учениковъ, — однимъ словомъ, все то, что такъ ярко бросается въ глаза европейцу, привыкшему видѣть убогія лачуги, отданныя за негодность подъ помѣщеніе школъ, привыкшему сѣтовать на недостатокъ народныхъ учительницъ, на недостатокъ народныхъ педагогическихъ журналовъ, на подавленность и хмуря лица учениковъ? Но вѣдь за этой внѣшностью есть болѣе тонкіе штрихи, недоступныя ни туристу, ни диллетанту, и, быть можетъ, эти-то штрихи и ускользаютъ отъ глазъ восторженныхъ друзей? Отвѣты на эти вопросы имѣются въ нѣмецкихъ и американскихъ педагогическихъ сочиненіяхъ.

Посмотримъ-же и постараемся не скрывать отъ читателя ни того,

что дурно, ни того, что вполне достойно подражанія въ этой странѣ, какъ не скрываютъ этого сами американцы въ своихъ педагогическихъ журналахъ.

II.

Въ тѣ смутныя времена, когда въ старой Европѣ уже становилось людямъ тѣсно, когда начинались безпрерывныя броженія, вызванныя экономическими и религіозными причинами, когда воздвигались новыя гоненія на протестующія массы, — Америка явилась страной спасенія для всѣхъ этихъ бродившихъ, стремившихся къ новой жизни силъ. Отважные смѣльчаки, пострадавшие на родинѣ, стремились туда, за океанъ, полные самыхъ разнообразныхъ надеждъ: обогащеніе, политическая независимость, свобода совѣсти, устройство жизни на новыхъ началахъ, иногда стремленіе спастись отъ заслуженнаго наказанія, — все это манило ихъ туда. Рядомъ съ этимъ явилось желаніе и у самыхъ правительствъ освободиться отъ безпокойныхъ элементовъ — отъ протестующихъ личностей, отъ нищенствующихъ работниковъ, отъ лѣнивыхъ бродягъ, отъ преступниковъ, и они начинали заботиться объ устройствѣ компаній для переселенія своихъ подданныхъ въ новую страну и о колонизаціи этой страны. Такимъ образомъ, образовались два рода поселенцевъ: люди полные энергіи и люди ни на что не годные. Эти двѣ партіи долго сторонились другъ отъ друга и послѣдняя партія нерѣдко мѣшала первой. Къ счастью, какъ это всегда бываетъ, добровольные выходцы, полные свѣтлыхъ стремленій, брали перевѣсъ надъ преступниками, высланными въ новую страну, и колоніи этихъ преступниковъ были недолговѣчны и вымирали или исчезали сами собою. Такимъ образомъ, страна, въ которой образовались въ настоящее время Соединенные Штаты, обитаемая прежде разбросанными индѣйскими племенами, мало-по-малу заселилась самыми разнообразными элементами, людьми германской и романской расы. Изъ людей романской расы французы явились здѣсь только какъ бы мимоходомъ, тогда-какъ испанцы удерживали вплоть до 1820 года вполне за собою одну изъ граничившихъ съ возникшимъ потомъ на сѣверѣ союзомъ колоній. Изъ людей германской расы голландцы и шведы играли роль, подобную роли французовъ,

тогда какъ англичане заняли прочное положеніе въ странѣ, давъ ей свой характеръ, свой языкъ, свои нравы и свои права. Нѣмцы и ирландцы явились сюда, когда положеніе страны уже болѣе или менѣе опредѣлилось, и только исключительнымъ образомъ успѣли сохранить за собою самостоятельное положеніе. Болѣе столѣтій длилась борьба между романскою и германскою расами за главенство, но, съ паденіемъ Квебека въ 1759 году, побѣда окончательно осталась за германскою расою. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ европейцевъ стать твердою ногою въ Америку, однимъ изъ первыхъ прочныхъ поселеній нужно считать поселеніе французовъ въ теперешней Южной Каролинѣ, сдѣланное въ 1562 году подъ покровительствомъ Колиньи. Это поселеніе должно было служить убѣжищемъ для преслѣдуемыхъ у себя на родинѣ гугенотовъ. Жапъ Рибо основалъ въ Портъ-Роялѣ первую колонію и назвалъ мѣстность, въ честь короля Карла IX, Каролиною. Далѣе на югѣ поселеніе, основанное на рѣкѣ С.-Джонсъ въ 1565 году, было разрушено испанцами, которые и основали здѣсь старѣйшій городъ Соединенныхъ Штатовъ С.-Августинъ. Англія, въ свою очередь, считала себя собственницею сѣверныхъ береговъ Америки, открытыхъ, по ея порученію, венеціянцемъ Себастьяномъ Каботомъ, и предприняла въ лицѣ Гумфри Джильберта и Вальтера Ралей нѣсколько экспедицій въ ту мѣстность, которая была названа въ честь дѣвственницы королевы Елизаветы—Виргинією. Ралей основалъ на одномъ изъ острововъ Сѣверной Каролины колонію, просуществовавшую, впрочемъ, недолго. Въ 1606 году король Іаковъ I раздѣлилъ на двѣ части ту мѣстность, на которую Англія заявляла свои права, — на Южную и Сѣверную Виргинію, и согласился на основаніе двухъ компаній для колонизаціи Америки. Лондонская компанія занялась колонизаціей Южной Виргиніи, а плимутская—Сѣверной Виргиніи. Мѣстность между Потомакомъ и Гудзономъ считалась нейтральною и на ней могли дѣлать поселенія обѣ компаніи. Лондонская компанія послала въ 1607 году первые корабли и основала Джемстоунъ. Во главѣ поселенія стоялъ очень недюжинный человекъ, извѣстный Джонъ Смитъ; но колонія все-таки не могла процвѣтать, такъ-какъ она составила большую часть изъ празднующаго отребья англійской черни и, несмотря на новыя, прибывавшихъ переселенцевъ, пала лѣтъ черезъ десять. Между тѣмъ,

въ это время на американскую почву вступали и лучшіе люди, и уже въ 1619 году американскія поселенія получили право представительства. Въ это-же время произошли два событія, очень сильно повліявшія на будущность Америки: въ августѣ 1619 года на рѣкѣ С.-Джемса появился голландскій корабль, привезшій съ собою 20 африканцевъ, которые были проданы въ рабство плантаторамъ, нуждавшимся въ рабочихъ рукахъ, а черезъ два года началось рядомъ съ воздѣлываніемъ табаку воздѣлываніе хлопка. Это было первое начало американскаго рабства.

Тогда какъ англійское правительство стремилось, иногда очень неудачно, переселить въ Америку всякій сбродъ, на сѣверѣ началось переселеніе болѣе достойныхъ уваженія элементовъ. Послѣ того, какъ Джонъ Смитъ описалъ новую страну и издалъ карты этой мѣстности, въ Англии начался сильный энтузіазмъ по поводу заселенія этихъ новыхъ территорій и король отдалъ почти въ неограниченную власть плимутской компаніи всю страну, лежащую между 40 и 48 градусами широты и между Атлантическимъ и Тихимъ океанами. Но первыя переселенія сюда совершились безъ помощи короля и безъ вѣдома компаніи. Уже въ 1610 году выселилась изъ Англии въ Голландію гонимая на родинѣ за вѣру община пуританъ; черезъ нѣсколько лѣтъ пуритане задумали основать себѣ убѣжище въ Америкѣ. Эта мысль быстро привелась въ исполненіе. 16 сентября 1620 года отъ Сутгамптона отплылъ корабль, подъ названіемъ „Майскій цвѣтокъ“, и 21 декабря того-же года онъ бросилъ якорь у береговъ нынѣшняго Массачузета, у мѣста, которому дано было названіе Плимута. На кораблѣ было 102 пассажира, въ числѣ которыхъ были женщины и дѣти. Предводительствовали надъ переселенцами Джонъ Карверъ, Вильямъ Бревстеръ, Вильямъ Брэдфордъ, Эдуардъ Уинслоу и Мильсъ Стэндишъ. Прежде, чѣмъ высадиться на берегъ, эти люди добровольно и торжественно заключили договоръ, начинающійся слѣдующими словами: „Во имя Бога, аминь! Мы, нижеподписавшіеся, вѣрноподданные нашего могущественнаго государя, короля Іакова, предприняли во славу Божию, для развитія христіанской религіи и къ чести нашего короля и отечества, морское путешествіе, чтобы основать первую колонію въ сѣверной части Виргиніи, и этимъ договоромъ мы соединяемся торжественно, во-первыхъ, передъ Богомъ, а во-вторыхъ, другъ пе-

редь другомъ, и образуемъ политическое и гражданское общество для того, чтобы водворить и установить лучший порядокъ и достигъ вышеупомянутыхъ цѣлей“. Этотъ серьезный взглядъ отцовъ-пилигримовъ и до сихъ поръ еще не утратилъ своего значенія и онъ-то, главнымъ образомъ, является тою силою, которая не только сдерживаетъ всѣ эти разнообразныя и смѣшанныя элементы въ извѣстныхъ границахъ, но и связываетъ ихъ и заставляетъ служить общему дѣлу. Въ незнакомомъ, дикомъ краю отцамъ-пилигримамъ приходилось устраивать свою колонію, заботиться о кускѣ насущнаго хлѣба, бороться съ тысячами препятствій, наконецъ, воевать съ индѣйцами. Это была тяжелая, трудовая и полная опасностей жизнь. „Отцы-пилигримы“ устроили у себя чисто-республиканскій образъ правленія. Управляющій дѣлами общины избирался народомъ и вель дѣла при помощи совѣта, состоявшаго сначала изъ пяти, а послѣ изъ семи лицъ. Когда населеніе увеличилось, въ общинѣ было введено народное представительство. Первая колонія, основанная послѣ плимутской колоніи, былъ Салемъ, возникшій въ 1628 году. Въ 1630 году прибыло еще 840 переселенцевъ, во главѣ которыхъ стоялъ Джонъ Уинтропъ, извѣстный своею личною энергіей и набожностью. Эти поселенцы основали Бостонъ, названный въ честь мѣсторожденія ихъ пастора. Мало-по-малу возникло, такимъ образомъ, сначала шесть колоній, которыя образовали штаты Новой Англіи и были и остались главными выразительницами американскаго республиканизма. Отъ 21,200 лицъ, которыя поселились въ Новой Англіи съ 1620 по 1634 годъ, происходятъ, по словамъ Бенкрофта, цѣлая треть блага населенія Соединенныхъ Штатовъ. Для дальнѣйшаго развитія Новаго Свѣта было очень важно, что это основное ядро состояло не изъ европейскихъ шалопаевъ; не изъ политическихъ авантюристовъ, не изъ ищущихъ прибылей купцовъ, но изъ простыхъ людей съ глубоко-религіознымъ образомъ мыслей, съ строгой нравственностью, которые оставляли родину не для матеріальныхъ выгодъ, а, напротивъ, жертвовали матеріальными выгодами, чтобы спасти свободу своей совѣсти въ новомъ, купленномъ жертвами и сохраняемомъ терпѣливой настойчивостью, отечествѣ. Первые переселенцы, создавшіе Новую Англію, принадлежали къ числу мелкаго бюргерства. Это были незначительныя и бѣдныя люди; они

не могли гордиться какими-нибудь гениальными вожаками, но за то каждый изъ нихъ сознательно или безсознательно являлся носителемъ великихъ идей политической реформы, которыми оканчивалось реформаціонное движеніе въ Европѣ. Они перенесли сюда свои общинныя учрежденія, свое стремленіе къ самоуправленію. Они работали до истощенія силъ, добиваясь своей цѣли—учрежденія новаго государства на новой землѣ.

Мы не станемъ слѣдить за всею исторіею заселенія Америки. Довольно сказать, что съ небольшимъ во сто лѣтъ возникли 13 колоній, изъ которыхъ потомъ образовались Соединенные Штаты. Хотя главный контингентъ населенія составлялся изъ англичанъ, но народонаселеніе пополнялось и изъ Шотландіи, Ирландіи, Германіи, Голландіи, Франціи и Скандинавіи. Почти всѣ христіанскія секты имѣли здѣсь своихъ представителей; кальвинизмъ господствовалъ въ Новой Англій, квакерство въ Пенсильваніи, римскій католицизмъ въ Мэрилэндѣ, а въ Нью-Йоркѣ и на югѣ брала перевѣсъ англиканская церковь. Земледѣліе было первымъ занятіемъ колонистовъ, но они не пренебрегали и мануфактурною дѣятельностью и торговлею.

Уже въ 1660 году ихъ старая отчизна начала смотрѣть не безъ зависти на возрастающее богатство отдѣлившихся отъ нея ея дѣтей и постаралась сосредоточить ихъ торговлю исключительно въ англійскихъ рукахъ. Палата общинъ въ 1719 году объявила, что возведеніе фабрикъ въ колоніяхъ имѣетъ цѣлью уменьшить зависимость колоній отъ Англій и потому добилась закона, запрещавшаго устраивать желѣзные и тому подобныя заводы. Затѣмъ запрещено было вывозить куда-бы то ни было, кромѣ шестъ, принадлежащихъ Англій, сахаръ, табакъ, перецъ, индиго, хлопокъ и т. д. Ввозъ европейскихъ издѣлій могъ дѣлаться только на англійскихъ корабляхъ, т. е. Англій привозила только свои издѣлія или тѣ издѣлія иностранныхъ государствъ, которыя уже вовсе не годились для нея. Несмотря на эти стѣсненія, колоніи процвѣтали: духъ предприимчивости, прилежаніе и значительная свобода побуждали все.

Среди этого матеріальнаго процвѣтанія не могли забыть эти дѣти реформаціоннаго и политическаго движеній о томъ, что образованіе и свѣтъ науки являются необходимыми для каждаго, кто хочетъ быть свободнымъ и сознательно дѣйствующимъ человекомъ,

Въ 1620 году, какъ мы сказали, была основана первая пуританская колонія въ Америкѣ—Плимуть, теперь составляющая часть Массачузета. Пуритане болѣе всего заботились объ образованіи юношества и имѣли полное право утверждать, что „они пріѣхали въ новую страну, чтобы воспитать своихъ дѣтей“. Какъ только они срубили достаточное количество деревьевъ, чтобы очистить мѣсто для своихъ жилищъ, они уже стали думать объ устройствѣ школы. „Даже среди самой суровой обстановки, говорить въ своемъ прекрасной, хотя односторонней статьѣ г. Э. Циммерманъ,— колонистовъ, въ постоянной борьбѣ съ трудностями и лишеніями всякаго рода, никогда не покидала забота о просвѣщеніи. Сознавая, что будущее благосостояніе ихъ дѣтей немислимо безъ прочнаго образованія, они среди первобытныхъ лѣсовъ поставили свои школы. Наскоро сколоченныя изъ неотесанныхъ бревенъ, эти школы, съ кое-какою мебелью внутри, походили скорѣе на сараи. Однако, въ нихъ обучалось молодое племя и зрѣло для будущихъ гражданскихъ подвиговъ. По недостатку средствъ, самое преподаваніе было, конечно, весьма несовершенно“. При устройствѣ школъ болѣе всего имѣлось въ виду сдѣлать доступнымъ для каждаго пониманіе священнаго писанія и дать возможность самостоятельно избрать себѣ вѣру. Рядомъ съ попытками самихъ переселенцевъ устроить народное образованіе шли попытки разныхъ компаній. Въ послѣднемъ своемъ трудѣ— „Англійская колонизація Америки въ XVII столѣтіи“—Эдуардъ Нейлль сообщаетъ много интереснаго о первыхъ попыткахъ устроить учебныя заведенія въ Виргиніи. Подъ покровительствомъ виргинской компаніи была уже въ 1618 году сдѣлана первая общая складчина для основанія коллегіи на территоріи Генрико и на этотъ предметъ были отведены 10,000 акровъ земли. Денегъ было собрано болѣе 2,000 фунтовъ. Кромѣ того многіе жертвователи впоследствии и наличными деньгами и книгами. Въ лондонскихъ гостиницахъ предлагалось и обсуждалось множество плановъ, какъ лучше устроить коллегію въ пустыняхъ Новой Англій. Главной цѣлью учрежденія коллегіи было желаніе дать дѣтямъ индѣйцевъ полезное элементарное образованіе и научить ихъ истинамъ христіанской религіи. Но прошли мѣсяцы и даже годы, а виргинская компанія все-таки не сдѣлала ничего. Послѣ реорганизаціи этой компаніи, подъ предсѣдательствомъ сэра Едвина Сендиса дѣла Виргиніи пошли

лучше. Въ концѣ 1621 года 9 кораблей съ 800 колонистовъ прибыли благополучно въ Джемстоунъ. Извѣстіе о ихъ благополучномъ прибытіи достигло до Лондона и компанія рѣшила отпраздновать это счастливое событіе. Въ одной изъ главныхъ лондонскихъ церквей 18 апрѣля 1622 года капеланомъ Патрикомъ Каплэндомъ была сказана по этому случаю краспорѣчивая и горячая проповѣдь, придававшая еще болѣе популярности и интереса вопросу объ американскихъ колоніяхъ. Каплэндъ, душа предпріятія, былъ избранъ ректоромъ предполагавшейся коллегіи. Казалось, что теперь должны были осуществиться надежды филантроповъ. Но, къ сожалѣнію, вышло не такъ. Новости, полученные изъ Америки, разрушили эти надежды. Въ пятницу 12 марта 1622 года на плантаціи Джемстоуна напали дикари и опустошили поселеніе, убивъ до 350 человекъ. Въ виду этого ужаснаго бѣдствія компанія отказалась отъ прямого вмѣшательства въ дѣло образованія въ Виргиніи и просила Джоржа Сендиса, жившаго въ то время въ Джемстоунѣ, принять на себя на время хлопоты объ учрежденіи коллегіи. Гораздо успѣшнѣе продолжали дѣйствовать сами поселенцы. Имъ уже въ 1638 году удалось основать въ Новой Англіи гарвардскій университетъ. Такъ-какъ первою цѣлью пуританъ въ этомъ случаѣ было стремленіе образовать набожныхъ и ученыхъ священниковъ, то старые писатели и называютъ этотъ университетъ „школой пророковъ“. Первымъ президентомъ этого учрежденія былъ Денстеръ. Уже въ 1642 году онъ роздалъ девяти молодымъ людямъ дипломы на степень бакалавровъ искусствъ. Это были первые молодые люди, получившіе ученую степень въ Америкѣ. Около этого-же времени, въ 1637 году, прибылъ въ Бостонъ изъ Лондона одинъ изъ извѣстнѣйшихъ школьныхъ учителей, Езекиль Чиверъ, продолжавшій свою педагогическую дѣятельность до 1707 года. Въ эту-же пору вездѣсущіе и дѣятельные іезуиты уже успѣли основать коллегію и школу миссіонеровъ въ Квебекѣ, въ 1637 году.

Но англійскія компаніи, англійское общество и англійское правительство не только не умѣли содѣйствовать развитію образованія въ Америкѣ, — нѣтъ, они своими неумѣлыми и безразсудными поступками губили и благосостояніе, и образованіе, и нравственность поселенцевъ Америки. Нейлль говоритъ, что со вре-

жени основанія Плимута люди образованные и религіозные предпочитали селиться на сѣверѣ, потому что король Іаковъ устроилъ на югѣ „колонію уголовныхъ преступниковъ“. „Въ 1620 году, говоритъ Нейлль, — прибылъ въ первый разъ въ Виргинію большой корабль съ толпой мошенниковъ, бродягъ и нищихъ. Число ихъ ежегодно возрастало и соразмѣрно съ его увеличеніемъ уменьшалось стремленіе строить церкви и школы“. Чтобы читатель могъ судить объ умственномъ состояніи народа, бывшемъ прямиъ послѣдствіемъ этого заселенія страны отребьемъ Англій и этого неумѣнья Англій поддержать образованіе въ Америкѣ, мы можемъ привести выдержку изъ предисловія къ статутамъ коллегіи Вильяма и Маріи, основанной въ 1691 году въ Виргиніи, въ Вильямбургѣ. „Сильнѣйшее невѣжество и полнѣйшій недостатокъ образованія господствовали въ англійскихъ колоніяхъ въ Америкѣ, говорится въ этомъ предисловіи. — Первые переселенцы только тяжелымъ трудомъ могли заработать кусокъ насущнаго хлѣба въ странѣ, поросшей плевелами и терновникомъ и подверженной нападениамъ индѣйцевъ. Тогда не было школъ и образованіе было недоступно. Немногіе, очень немногіе переселенцы, которые были по-богаче, посылали своихъ дѣтей въ Англію на воспитаніе. Но опасности морского путешествія и различныя болѣзни, происходящія отъ перемѣны климата и страны, вліяли на нихъ сильно и большинство изъ нихъ умирало отъ оспы и другихъ недуговъ. Неудивительно, что въ Америкѣ господствовало полнѣйшее незнаніе литературы и что являлось новое поколѣніе людей, которое въ умственномъ отношеніи стояло гораздо ниже своихъ отцевъ и которое, имѣя случай выучиться только читать и писать, проводило все время въ работѣ за плугомъ или лопатой. Но все-таки былъ небольшой кружокъ людей, которые воспользовались благами высшаго образованія на родинѣ или, по крайней мѣрѣ, слышали объ образованіи отъ другихъ. Частными усиліями и стараніями этихъ-то людей и былъ созданъ планъ свободной школы и коллегіи“.

Правительственныя лица Англій въ сущности не только не поощряли развитія образованія въ Америкѣ, но старались ставить народной школѣ различныя препятствія и радовались, что эта школа развивается медленно. Такъ въ 1671 году Вильямъ Берклей, пробывшій около сорока лѣтъ губернаторомъ Виргиніи,

писалъ въ Англiю съ наивностью кавалера, принадлежащаго къ высокой (англиканской) церкви и прѣхавшаго въ Новый Свѣтъ съ тѣмъ, „чтобы ничему не научиться и ничего не забыть“: „Благодаря Богу, у насъ нѣтъ ни свободныхъ школъ, ни прессы, и я надѣюсь, что и черезъ сто лѣтъ у насъ не будетъ ни того, ни другого, потому что ученiе порождаетъ еретичество, непокорность и расколъ, а пресса, рядомъ съ порицанiями лучшаго изъ правительствъ, распространяетъ эти язвы. Боже сохрани насъ и отъ этихъ школъ и отъ этой прессы!“ Сужденiе Берклея прямо вытекало изъ склада убѣжденiй тогдашнихъ англiйскихъ правительственныхъ лицъ, но эти надежды были горько осмѣяны жизнью, такъ-какъ ровно черезъ сто лѣтъ сѣверо-американскiя колонiи открыто возстали противъ этого „лучшаго изъ правительствъ“, напрасно предостерегаемаго Питтомъ.

Уже въ 1642 году, т. е. двадцать лѣтъ послѣ того, какъ „отцы-пилигримы“ высадились на массачузетскомъ заливѣ, возникла мысль объ учрежденiи даровыхъ общественныхъ школъ. „Пять лѣтъ спустя, говоритъ Гиппо,—законодательное собранiе штата Массачузета установило законъ, по которому каждая община или township, состоящая изъ пятидесяти семействъ, должна содержать преподавателя, обязаннаго обучать всѣхъ мѣстныхъ дѣтей чтенiю и письму. Каждая-же община во сто семействъ должна имѣть грамматическую школу, ученики которой должны быть приготовляемы способными учителями къ слушанiю университетскаго курса наукъ“. На нарушителей этого закона налагались штрафы. Интересно взглянуть, какъ мотивировали эти люди свой образъ дѣйствiя. Колонiя Массачузетъ постановила, что „такъ какъ главная цѣль сатаны удержать людей отъ пониманiя священнаго писанiя, то онъ отсовѣтываетъ имъ употребленiе иностранныхъ языковъ. Но, чтобы съ божьей помощью ученость не лежала зарытою въ могилахъ нашихъ предковъ въ церкви и въ государствахъ, мы приказываемъ, чтобы каждая община, когда Господь увеличитъ число ея жителей до 50 семей, назначила члена, который училъ-бы всѣхъ дѣтей читать и писать, а когда городъ возрастетъ до 100 семействъ, тогда всѣ должны основать грамматическую школу, учителя которой обязаны приготовлять юношество къ университетскому образованiю“. Здѣсь мы встрѣчаемъ тѣ-же мотивы, которые развивалъ Лютеръ въ своемъ письмѣ къ

совѣтникамъ нѣмецкихъ городовъ, настаивая на необходимости грамотности и изученія языковъ, безъ которыхъ нельзя вполне понимать священное писаніе. Всѣ штаты такъ или иначе слѣдовали послѣдовать этому примѣру и курсъ наукъ мало-по-малу расширялся съ каждымъ годомъ.

Но, говоря о первыхъ шагахъ развитія образованія въ Америкѣ, нельзя упустить изъ виду такого дѣятеля, какъ Вильямъ Пеннъ. Пеннъ былъ квакеръ. Въ 1681 году ему была уступлена часть земли, гдѣ въ слѣдующемъ году онъ основалъ Филадельфію и названную его именемъ Пенсильванію, которую и заселилъ квакерами. Между людьми, приглашенными имъ, было много нѣмцевъ, которые и основали въ 1683 году Джерманстоунъ. Счастливое положеніе поселенцевъ, полнѣйшая вѣротерпимость, гуманное отношеніе къ индѣйцамъ,—все это сдѣлало эти колоніи одними изъ самыхъ цвѣтущихъ на континентѣ. Самъ Вильямъ Пеннъ глубоко и ясно понималъ всю важность народнаго образованія. „Создать хорошую конституцію, говорилъ онъ, можно только при тѣхъ-же условіяхъ, при которыхъ возможно и поддержать ее,—я говорю о добродѣтеляхъ и образованности людей, т. е. о качествахъ, не наследуемыхъ съ кровью, но передаваемыхъ однимъ поколѣніемъ другому, при помощи такихъ учреждений, для созданія которыхъ не слѣдуетъ останавливаться ни передъ какими издержками и въ отношеніи которыхъ слѣдуетъ сказать, что каждый сбереженный на этомъ пути грошъ является чистою потерей“. Вильямъ Пеннъ былъ такъ дальновиденъ, что уже въ 1683 году онъ писалъ, чтобы всѣхъ дѣтей съ 12-лѣтняго возраста учили какому-нибудь полезному ремеслу или искусству, „чтобы никто не лѣнился и бѣдныя могли бы заработать себѣ кусокъ хлѣба трудомъ“.

Первые поселенцы западной Пенсильваніи отличались своей преданностью наукѣ и религіи. Подобно поселенцамъ Новой Англіи, они выстроили школу подлѣ церкви. Многіе священники открыли школы и учили всему, даже и древнимъ языкамъ, въ бревенчатыхъ избахъ близъ своихъ жилищъ. „Изъ всѣхъ повинокъ, представленныхъ міру Филадельфіей, пишетъ Диксонъ,—школа и типографія едва-ли были не самыя удивительныя, такъ-какъ подобная роскошь въ американскихъ колоніяхъ была результатомъ благоденствія жителей“. Во время совѣта, собравша-

госа въ Филадельфiи 26 октября 1683 года, въ которомъ за-сѣдалъ и Вильямъ Пеннъ, былъ назначенъ за извѣстную плату первымъ учителемъ общественной школы Енохъ Флауэръ. „Въ декабрѣ 1683 года Енохъ Флауэръ открылъ свою школу въ хижинѣ, выстроенной изъ кедровыхъ досокъ и раздѣленной легкой перегородкой на двѣ комнаты. Современные жители Филадельфiи могутъ смѣяться надъ скромными цифрами таксы за преподаванiе въ этой школѣ, но ихъ предки считали этотъ вопросъ довольно важнымъ, чтобъ обсуждать его въ совѣтѣ; на-примѣръ, вотъ нѣкоторыя изъ этихъ цифръ: „за ученiе чтенiю—4 шил. въ три мѣсяца; за писанiе—6 шил., за полное содер-жанiе ученика, т. е. за ученiе, квартиру, пищу и стирку—10 фунтовъ въ годъ“.

Черезъ шесть лѣтъ была открыта общественная школа, въ которой знаменитый Джонъ Китъ былъ первымъ учителемъ. Званiе учителя пользовалось большимъ уваженiемъ; Китъ получалъ 50 фун. въ годъ, квартиру для своего семейства и помещенiе для школы, кромѣ платы, получаемой имъ съ учениковъ; приче-му ему былъ гарантированъ доходъ въ 120 фун. въ годъ, что составляло въ то время и въ подобномъ первобытномъ обществѣ большую сумму. Вильямъ Брандфордъ, типографчикъ, выѣхавшiй изъ Англiи вмѣстѣ съ Пенномъ, немедленно принялся за устройство своего дѣла. Въ Массачузетѣ прошло восемнадцать лѣтъ, а въ Нью-Йоркѣ двадцать три со времени основанiя колонiи до напечатанiя первой книги; въ Виргинiи-же и въ Мэрилэндѣ губернаторы воспротивились открытiю типографiи. Первая книга, напечатанная въ Филадельфiи, была альманахъ на 1687 годъ, который, вѣроятно, изданъ въ предыдущемъ году. Двѣнадцатая статья закона, составленнаго Пенномъ и принятаго для управленiя провинцiей Пенсильванiей, гласитъ, что губернаторъ и провинциальный совѣтъ должны устраивать общественныя школы и поощрять и награждать ученыхъ и изобрѣтателей, приносящихъ пользу странѣ своими трудами и открытiями. Въ 1701 году была дарована хартiя на основанiе новой школы и эта хартiя гласила, что „въ Филадельфiи можно основать общественную школу, куда будутъ приниматься всѣ дѣти мужескаго и женскаго пола, родители, опекуны или хозяева которыхъ пожелаютъ подчинить ихъ порядкамъ и правиламъ школы; дѣти, съ согласiя

„Дѣло“ № 9.

надзирателей школы, должны быть принимаемы—богатые за плату, бѣдные даромъ“. Въ 1711 году эта хартія была измѣнена. Слѣдующая выдержка изъ предисловія къ закону показываетъ, на какіе широкіе принципы общественной политики опирались наши древніе законодатели, говорить „пенсильванскій школьный журналъ“. „Благосостояніе и счастье народа зависятъ въ сильной степени отъ хорошаго образованія юношества, отъ ранняго обученія его истинамъ религіи и добродѣтели; юношество надо приготовить такъ, чтобы оно могло приносить пользу родиѣ и себѣ; надо научить юношей читать, писать, языкамъ и полезнымъ наукамъ и искусствамъ, соответствующимъ ихъ полу и возрасту, а этой цѣли можно достигъ только устройствомъ общественныхъ школъ.“ Таково было начало нашей великой системы общественныхъ школъ, таковъ былъ посѣвъ, давшій намъ такую обильную жатву“. Уже въ 1755 году въ Пенсильваніи существовала коллегія или школа общаго образованія, представляющая нѣчто въ родѣ университета. Конечно, въ первые годы своей дѣятельности эта коллегія приносила не очень обильные плоды, но все-таки она была въ то время лучшимъ воспитательнымъ учрежденіемъ на всей американской почвѣ. Въ 1765 году былъ организованъ медицинскій факультетъ этой коллегіи, знаменитый, какъ по славѣ и извѣстности основателей и учителей, такъ и по числу замѣчательныхъ личностей, обязанныхъ ему своимъ образованіемъ. Въ 1776 году первая конституція штата говоритъ относительно образованія, что „законодательная власть должна устраивать въ каждомъ округѣ школу или школы для надлежащаго обученія юношества; общество должно платить учителямъ такое жалованье, чтобы они могли образовывать юношество за умѣренную плату, и полезныя знанія должны распространяться однимъ или нѣсколькими университетами“.

Таковы первые шаги переселенцевъ въ дѣлѣ распространенія народнаго образованія.

III.

Но какъ-бы ни были прекрасны эти попытки создать народное образованіе, а все-таки онѣ не могли пріобрѣсти прочнаго характера. И здѣсь война, какъ и въ Швейцаріи, являлась

на первыхъ порахъ тормазомъ въ дѣлѣ развитія народнаго образованія.

Дѣйствительно, трудно было устраивать прочныя, хорошо организованныя школы, трудно было разбрасывать ихъ по всей занятой территоріи, когда ежедневно приходилось или бояться нападенія враговъ, или отражать этихъ враговъ, уже вторгнувшихся въ заселяемую страну. Прежде всего поселенцамъ приходилось воевать съ индѣйскими племенами. Эта борьба не обходилась безъ жестокостей, безъ несправедливостей со стороны самихъ колонистовъ, изгонявшихъ индѣйцевъ изъ ихъ родныхъ лѣсовъ. Рядомъ съ этою борьбою шла война съ французами, предъявлявшими тоже права на владѣніе Америкой. Каждый разъ, какъ только въ старой Европѣ Англія приходила въ столкновение съ Франціей, въ Америкѣ отзывались недружелюбныя отношенія метрополій и ожесточенныя битвы вспыхивали между двумя враждующими націями поселенцевъ. Въ 1688 году англійскіе поселенцы воевали съ французами, подъ тѣмъ предлогомъ, что во время англійской революціи Людовикъ XIV поддерживалъ Стюартовъ. Только въ 1697 году былъ заключенъ миръ. Среди этой войны особенно пострадали колонисты Нью-Йорка и Новой Англіи, вслѣдствіе нападеній и французовъ и индѣйцевъ. Къ несчастію, миръ продолжался недолго. Въ 1701 году началась испанская война за престолонаслѣдіе и англичане и французы снова вступили въ враждебныя отношенія. Съ 1701 по 1713 годъ шли отчаянныя битвы. Утрехтскій миръ положилъ конецъ этой войнѣ, но черезъ тридцать лѣтъ европейская война снова отозвалась и въ Америкѣ. Австрійская война за престолонаслѣдіе заставила въ 1744 году англичанъ и французовъ поднять оружіе. Оно было положено только въ 1748 году, но опять не надолго. Въ 1754 году началась новая война, вызванная чисто-мѣстными интересами. Миръ послѣдовалъ только въ 1763 году. Эти войны имѣли печальные результаты для развитія народнаго образованія, но онѣ были благотворны въ томъ отношеніи, что англійскія колоніи сознали свою силу и въ нихъ сдѣлался поворотъ въ отношеніяхъ къ Англіи.

Между Англіей и колоніями давно уже начались натянутыя отношенія. Англія все болѣе и болѣе завидовала колоніямъ, при-

тѣсня ихъ, и стремилась поправить свои финансы, обременяя колоніи. Колоніи стали стараться освободиться отъ стѣсненій и завоевать болѣе самостоятельности. Эта пора была порою чисто-политической агитаціи.

Первымъ поводомъ, вызвавшимъ дѣйствительное сопротивленіе англійскому правительству, говорить Шлоссерь, -- было сохраненіе небольшой пошлины на чай или, лучше сказать, распоряженіе, по которому чай остъ-индской компаніи, оплаченный уже пошлиною, могъ быть по мелочамъ продаваемъ англичанами или американцами. Но, несмотря на всѣ старанія губернатора, ни въ одной американской провинціи не хотѣли допустить продажу чая остъ-индской компаніи; только по различію въ народонаселеніи и смотря по формѣ управленія, болѣе или менѣе демократической, жители были болѣе или менѣе осторожны въ способѣ сопротивленія. Въ Пенсильваніи—странѣ людей набожныхъ и квакеровъ—жители протестовали противъ принятія шестисотъ ящиковъ, назначенныхъ для этой провинціи и ни одинъ гражданинъ Филадельфіи не хотѣлъ терпѣть въ своемъ домѣ или подвалѣ назначеннаго для него чая. Въ Нью-Йоркѣ не допустили выгрузки чая; въ Чарльстоунѣ его положили въ сырые погреба, для того, чтобы онъ скорѣе испортился; только въ демократическомъ Массачузетѣ открытою силою нарушили законъ и право собственности, чѣмъ, разумѣется, министры стали оправдывать мѣры англійскаго парламента. Въ Бостонѣ, гдѣ еще въ 1796 году жители были въ постоянной враждѣ съ губернаторомъ Френсисомъ Бернердомъ и требовали его отозванія, а съ 1770 года въ такомъ-же раздорѣ съ Гѣтчинсономъ, хотя онъ и былъ уроженецъ массачузетской провинціи,—городской магистратъ, призвавъ капитановъ кораблей, взялъ съ нихъ обязательство не выгружать на берегъ привезеннаго ими чая. Уполномоченные остъ-индской компаніи протестовали противъ этихъ дѣйствій городского магистрата, и губернаторъ, высшее правительственное лице, приказалъ выгрузить чай. Противъ этого приказанія, совершенно сообразнаго съ государственными постановленіями, граждане дозволили себѣ самоуправство. 18 декабря 1773 года нѣсколько бостонскихъ гражданъ, переодѣтыхъ американскими индѣйцами, явились на корабли и весь грузъ чая, до 342 ящиковъ, былъ брошенъ въ море. За нѣсколько времени передъ тѣмъ Франк-

линъ, своими осторожными и хитрыми дѣйствіями въ Лондонѣ, сдѣлалъ многихъ врагами англійскихъ министровъ и приобрѣлъ по всей Англій многочисленныхъ друзей для своихъ демократическихкихъ земляковъ и убѣждений... Въ это-же время конфиденціальныя, предательскія письма губернаторовъ, посланныя Франклиномъ въ Америку, были читаны въ массачузетскомъ провинціальномъ собраніи (въ іюнь 1773) и послѣ жаркихъ преній провинція объявила, что не имѣеть довѣрія ни къ Гётчinsonу, ни къ Оливеру. Была написана просьба къ королю, чтобы онъ отозвалъ обоихъ своихъ губернаторовъ, неправившихся имъ. Эту настоятельную просьбу Франклинъ передалъ лорду Дертмету, который незадолго передъ тѣмъ принялъ зазѣдываніе колоніальнымъ департаментомъ вѣсто лорда Хилльборо. Министерство сначала колебалось, не зная, согласиться ли на просьбу; наконецъ, было рѣшено производить это дѣло публичнымъ судебнымъ порядкомъ въ тайномъ совѣтѣ, чрезъ англійскаго генеральнаго прокурора, чтобы доказательства за и противъ могли быть объявлены посредствомъ докладчиковъ и газетъ во всей Европѣ и Америкѣ. Засѣданіе королевскаго тайнаго совѣта, т. е. всѣхъ тѣхъ, которые когда-либо занимали высшія общественныя должности, судей и всего министерства, подъ предсѣдательствомъ короля, было назначено 11 января 1774 г. „Въ этомъ засѣданіи юристы сдѣлали изъ простаго политическаго совѣщанія судебное разбирательство по поводу писемъ, сообщенныхъ Франклиномъ американцамъ, потому что тайный совѣтъ былъ дѣйствительно высшею судебною инстанціей въ дѣлахъ, касавшихся колоній. Это заставило Франклина, на котораго упала теперь вся тяжесть дѣла, просить трехнедѣльной отсрочки, для того, чтобы ему можно было воспользоваться совѣтами адвокатовъ для судебного производства, къ которому онъ совершенно не былъ приготовленъ. 29 числа происходило это вторичное засѣданіе, въ которомъ присутствовало необыкновенное число, именно 35 члѣвъкъ тайныхъ совѣтниковъ и безчисленное множество слушателей. Въ этомъ засѣданіи Уэддербѣрнъ всѣ нападенія свои направилъ единственно противъ личности самого Франклина и осыпалъ его за пересылку писемъ величайшими грубостями. По обыкновенію адвокатовъ, Уэддербѣрнъ бранилъ Франклина самымъ дерзкимъ образомъ и въ выраженіяхъ, неслыханныхъ въ такихъ собраніяхъ; онъ ругалъ Америку и палату массачузетскихъ пред-

ставителей и вообще всю провинцію. Этимъ отлично съумѣлъ воспользоваться Франклинъ для привлеченія на сторону свою и своихъ земляковъ всей публики, отличавшейся тогда космополитическимъ духомъ. Пристрастіе, неприлично выраженное громкими одобреніями большинства членовъ тайнаго совѣта при запальчивыхъ выходкахъ Уэддербёрна, явно обнаружилось и въ ихъ рѣшеніи, которое, по утверженіи королемъ, сдѣлалось приговоромъ. Они объявили, что жалоба колоніи основывается на заключеніяхъ, выведенныхъ изъ совершенно ложныхъ и искаженныхъ свѣденій, вслѣдствіе чего она признается злобною, оскорбительною и неосновательною, направленною единственно въ демагогической цѣли постоянно поддерживать въ провинціи духъ вражды и громкихъ неудовольствій. На другой-же день послѣ засѣданія тайнаго совѣта, Франклинъ получилъ увѣдомленіе объ удаленіи своемъ отъ должности почтоваго начальника въ Америкѣ. Съ такою-же опрометчивою горячностью, съ какою дѣйствовалъ въ концѣ января тайный совѣтъ въ угожденіе королю и министерству, поступилъ и парламентъ въ концѣ марта, когда въ Англію пришло извѣстіе о предосудительныхъ сценахъ, происходившихъ въ Бостонѣ въ декабрѣ минувшаго года. 14 марта состоялось строгое рѣшеніе. Оно называется биллемъ бостонской гавани, потому что имъ запрещалось, начиная съ 1 іюня, выгружать на всемъ пространствѣ гавани какіе-бы то ни было товары, исключая съѣстныхъ припасовъ и военныхъ снарядовъ для королевской службы. 31 марта этотъ билль былъ уже утвержденъ королемъ, въ Бостонъ посланы четыре военныхъ корабля и на мѣсто Гётчинсона губернаторомъ сдѣланъ генералъ Гэдждъ. Въ данной ему инструкціи, скрѣпленной большою печатью, ему предоставлялась неограниченная власть даровать прощеніе обвиненнымъ въ государственной измѣнѣ и въ другихъ преступленіяхъ, а состоявшимися вслѣдъ затѣмъ и утвержденными королемъ актами парламента онъ былъ уполномоченъ, съ помощію сопровождавшихъ его четырехъ полковъ, ввести въ провинціи военное управленіе вмѣсто прежняго демократическаго. Онъ прибылъ въ Бостонъ 13 мая, раньше своихъ полковъ, и былъ встрѣченъ съ обыкновенными почестями, хотя не задолго до его пріѣзда было получено извѣстіе о закрытіи бостонской гавани. Но его порученіе было не такого рода, чтобы онъ могъ сохранить дружелюбныя отношенія свои къ гражданамъ.

Сначала, несмотря на сильное всеобщее сопротивление, онъ перевелъ собраніе провинціальныхъ депутатовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ резиденцію управленія въ Салемъ, а изъ Бостона сдѣлалъ военный городъ. Когда прибыли полки, то онъ расположилъ ихъ вокругъ города и приказалъ укрѣпить косу, соединявшую его съ твердою землею. Жители провинціи приняли это нѣкоторымъ образомъ за объявленіе войны; они всѣ запаслись оружіемъ, учредили военныя упражненія и всѣми средствами старались затруднить главнокомандующему привозъ съѣстныхъ припасовъ для англійскихъ войскъ. Собраніе, переведенное изъ Бостона въ Салемъ, стало такъ спорить съ губернаторомъ, что онъ принужденъ былъ совершенно его распустить. Но прежде, чѣмъ собраніе разошлось, оно отправило во всѣ провинціи приглашеніе назначить депутатовъ для общаго конгресса, который долженъ былъ принять мѣры къ справедливому сопротивленію насиліямъ метрополи. Смотри по своей величинѣ, провинціи посылали большее или меньшее число депутатовъ; высшее число было семь, а низшее—два, но всѣ депутаты одной провинціи вмѣстѣ имѣли только одинъ голосъ. Сперва своихъ депутатовъ (въ числѣ 51 человѣка) прислали только одиннадцать провинцій; черезъ четыре дня къ нимъ присоединились депутаты Сѣверной Каролины, а тринадцатая провинція пристала къ нимъ уже годъ спустя. Эти люди соединяли осторожность съ хитростью и мягкостью рѣчи. Они тотчасъ по открытіи конгресса потребовали, чтобы засѣданіе, противъ прежняго обыкновенія происходило при закрытыхъ дверяхъ. Только при достиженіи вѣлаго результата собранія и послѣ того, какъ оно разоидется, хотѣли они обнародовать письма, просьбы, представленія и воззванія, имъ одобренныя. Комитетъ изъ чрезвычайно искусныхъ людей, съ кротостью, умѣренностью, краснорѣчіемъ, постоянно ссылаясь на англійское право и приводя статьи закона, написалъ рѣшенія, которыя были продолжительно и хладнокровно обдумываемы, потому что они не только предназначались для американцевъ, до которыхъ непосредственно касались, но и для распространенія въ цѣломъ свѣтѣ въ видѣ манифестовъ. Мастерски обработанные акты, обсужденныя втеченіи восьми недѣль засѣданій конгресса и обнародованныя съ 17 сентября, были слѣдующіе: объясненіе положенія дѣлъ въ Массачузетѣ; письмо къ генералу Гэджу, изложеніе правъ и жалобъ, вслѣдствіе которыхъ

возникло условіе ничего не ввозить въ Великобританію и не вывозить оттуда, въ томъ числѣ и чаю (этотъ актъ написанъ былъ въ родѣ требованія англійскихъ правъ, представленнаго парламентомъ Карлу II); далѣе, просьба королю, адресы: одинъ къ жителямъ Великобританіи, другой къ гражданамъ присоединенныхъ провинцій и третій къ народонаселенію Канады. Объясненіе о положеніи дѣлъ въ Массачузетѣ было обнародовано 17 сентября; потомъ были изданы и другіе акты, о которыхъ мы должны упомянуть здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ, потому что они были написаны такъ ловко, умно, спокойно и умѣренно и вмѣстѣ съ тѣмъ съ такою волнующею силою, что когда ихъ напечатали во всѣхъ европейскихъ газетахъ, то они сдѣлались учебникомъ новаго государственнаго права для народовъ. Даже въ объясненіи отношеній массачузетской провинціи былъ сохраненъ внѣшній видъ союза съ Англійей. Но, несмотря на эту тѣнь зависимости, въ этомъ актѣ одобрялись предпринятые американскими правительственными мѣстами мѣры противъ англійскихъ распоряженій. За объясненіемъ отношеній провинціи, угрожаемой въ своемъ государственномъ устройствѣ, слѣдовало замѣчательное объясненіе человѣческихъ правъ, которое, съ нѣкоторыми измѣненіями, составило введеніе къ объявленію независимости провинцій, а во Франціи было яблокомъ раздора и поводомъ къ самымъ несчастнымъ недоразумѣніямъ у пылкихъ французовъ, легко увлекающихся минутными впечатлѣніями. Эти положенія разъяснены были съ ясностью и искусствомъ избранными редакторами, которые, безъ сомнѣнія, имѣли въ ловкости мало соперниковъ. Но эти дѣловые люди не остановились, подобно большей части систематиковъ, на однихъ положеніяхъ умозрительнаго естественнаго права. Они соединили голыя теоріи Руссо, Кондорсе и другихъ съ объясненіемъ положительныхъ правъ свободныхъ англичанъ, съ изслѣдованіемъ въ духѣ писемъ Юніуса, сущности англо-саксонскихъ древнихъ обычаевъ и народныхъ учрежденій, и приведеніемъ льготныхъ грамотъ провинціи доказали, что все это есть положительное и на статутахъ основанное право. Тѣмъ-же способомъ, какимъ искусные адвокаты придали всѣмъ своимъ жалобамъ видъ весьма скромной просьбы къ королю, они счумѣли облечь свои конституціонныя разсужденія въ форму представленія парламенту. Наконецъ, письмомъ, адресованнымъ ко всему англійскому народу, они, несмотря

на угрозы, выраженные тонкимъ образомъ, привлекли всю массу его на свою сторону. Просьбу къ английскому королю должны были подать всѣ находившіеся въ Лондонѣ агенты сѣверо-американскихъ провинцій, но они отклонили это отъ себя, потому что президентъ конгресса, приславшій имъ просьбу, не былъ ни официальнымъ, ни публично уполномоченнымъ лицомъ. Только три агента, Болланъ, Ли и Франклинъ, не сочли этого препятствіемъ и въ половинѣ декабря передали просьбу лорду Дертмену. Цѣлый день онъ былъ въ раздумьи, прежде чѣмъ объявилъ имъ, согласенъ-ли король принять просьбу и передать ее въ парламентъ; тамъ она съ презрѣніемъ была отвергнута. Впрочемъ, естественно было со стороны английскаго парламента то, что онъ не обратилъ вниманія на смиренныя просьбы юристовъ Филадельфіи и на представленія агентовъ, съ виду такихъ смиренныхъ и тихихъ, похожихъ на квакеровъ. Но тѣ-же самые юристы, которые написали представленіе, осмѣлились объявить, прекращая засѣданія конгресса, что въ маѣ 1775 года будетъ собранъ второй конгрессъ, а провинція массачузетская въ продолженіи трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ 1774 года уже дѣйствовала относительно Англій, какъ независимое и враждебное ей государство. Народъ повсемѣстно вооружился; не только стали устраивать милицію лучше прежняго и въ большемъ порядкѣ, но и начали формировать, съ помощью иностранныхъ офицеровъ и оставившихъ английскую службу американцевъ, постоянныя войска на жалованьи. У англичанъ отнимали, гдѣ только было возможно, снаряды и орудія и даже принудили ихъ въ декабрѣ 1774 года уступить въ Нью-Гэмпширѣ два небольшіе форта американской милиціи, которая завладѣла и орудіями и фортами, охраняемыми только полуротой. Въ Массачузетѣ, противъ воли губернатора, составилось новое собраніе въ Салемѣ, потомъ оно было переведено въ Конкордъ, ближе къ Бостону. Это произвольно созданное законодательное собраніе овладѣло управленіемъ и удаленнаго губернаторомъ отъ службы полковника Гэнкока сдѣлало начальникомъ войска, составленнаго противъ англичанъ, занимавшихъ Бостонъ. Тогда-же всѣ американскіе кадеты, пользовавшіеся отъ англійскаго правительства большими преимуществами, пожертвовали ими и вступили въ службу массачузетской провинціи“. „Зимю 1774—1775 годовъ между бывшими въ Бостонѣ англичанами и массачузетской мили-

ціей дѣло дошло уже до открытой непріязни. Случайное происшествіе подало поводъ къ первымъ непріязненнымъ столкновениямъ; имъ въ послѣдствіи воспользовались американцы для того, чтобы сдѣлать настоящее нападеніе на Бостонъ или, лучше, на укрѣпленную косу, соединяющую городъ съ твердою землею. 26 февраля завязалось дѣло между солдатами и народомъ, когда англичане хотѣли привезти орудія изъ Салема. Но одному духовному лицу тогда удалось съ величайшимъ трудомъ предотвратить настоящее сраженіе; въ апрѣлѣ-же произошло первое кровопролитіе. Для Массачузета былъ устроенъ въ Конкордѣ складочный магазинъ для военныхъ принадлежностей. Его хотѣлъ разрушить генералъ Гэдждъ въ половинѣ апрѣля 1775 года, почему и послалъ 800 человекъ въ Конкордъ, отстоящій отъ Бостона на шесть часовъ пути. Быстро разнесшіеся слухи говорили, что этотъ отрядъ посланъ для арестованія Адамса и Гэнкока, потому милиціонеры и старались препятствовать этому походу англичанъ и очистили дорогу (18—19 апрѣля) только тогда, когда тѣ встрѣлили по нимъ и убили человекъ десять американцевъ. Хотя послѣ этого сраженія при Лексингтонѣ, которое обыкновенно считается началомъ сѣверо-американской войны, англичане, посланные въ Конкордъ, и исполнили данное имъ порученіе, но, вѣроятно, на возвратномъ пути они были-бы уничтожены подоспѣвшею со всѣхъ сторонъ милиціею, если-бы Гэдждъ не послалъ имъ на встрѣчу изъ Бостона до шестнадцати ротъ войска. Битва, которую англичане вынуждены были дать при Лексингтонѣ 19 апрѣля 1775 года, у моста, занятаго взбунтовавшимся народомъ, была гораздо кровопролитнѣе, нежели какъ могло быть сраженіе съ регулярными войсками, потому что американцы прятали своихъ стрѣлковъ за заборами, деревьями, стѣнами и домами, и убили нѣсколько сотъ человекъ англичанъ. Послѣ этого войска провинціи Массачузетъ выступили противъ англичанъ, подъ предводительствомъ четырехъ генераловъ. Провинція Массачузетъ, наконецъ, формально отказала губернатору въ повиновеніи и объявила ему войну еще до окончательнаго прекращенія всѣхъ сношеній съ метрополіею...“ „Второй генеральный конгрессъ, открытый 5 мая 1775 года въ Филадельфіи, избралъ въ президенты того самаго Гэнкока, который еще недавно вмѣстѣ съ Самюэлемъ Адамсомъ былъ исключенъ губернаторомъ изъ данной имъ всеобщей амни-

сти, объявлявшей забвеніе всѣхъ демагогическихъ поступковъ и прощеніе въ государственной измѣнѣ. Конгрессъ послалъ новую просьбу къ королю, но въ то-же время выставилъ союзное американское войско. Къ счастью, онъ могъ поручить начальство надъ этимъ войскомъ человѣку, который въ предъидущую войну оказалъ необыкновенныя способности военачальника и приобрѣлъ большую опытность въ военномъ дѣлѣ. Георгъ Уашигтонъ, новый американскій главнокомандующій, былъ виргинскій помѣщикъ и въ началѣ семилѣтней войны начальствовалъ надъ милиціею въ должности генераль-адъютанта; онъ счастливо сражался съ французами въ то время, какъ англійскій генераль и предводитель имъ регулярныя войска терпѣли большія неудачи. Съ военными способностями Уашигтонъ соединялъ замѣчательныя политическія дарованія и проникательность. "Такъ началась эта великая война Америки за освобожденіе, а уже 15 мая 1776 года конгрессъ потребовалъ, чтобы различныя собранія и конвенціи Соединенныхъ Штатовъ (какъ онъ выражался) установили въ каждой провинціи конституцію, соответствующую благосостоянію и безопасности государства, если не избрали еще формы правленія, необходимой при настоящемъ положеніи дѣлъ. Газеты уже говорили: „Такъ-какъ его великобританское величество, съ согласія парламента, отнимаетъ у жителей колоній свое покровительство, то признается необходимымъ и полезнымъ отмѣнить государственное устройство и управленіе, происшедшія изъ этого источника“. Первая американская конституція, впоследствии нѣсколько разъ измѣнявшаяся, была тогда съ помощью Франклина набросана въ главныхъ чертахъ, потомъ обсуживаема въ конвентѣ, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ сряду, и, наконецъ, въ апрѣлѣ 1777 года принята конгрессомъ. А 30 ноября 1782 года были подписаны предварительныя условія мира, которыя и были утверждены окончательно 3 сентабря 1783 года. Колоніи были свободны.

Война не дешево обошлась Соединеннымъ Штатамъ. Кромѣ разоренія собственности, она унесла 135 милліоновъ долларовъ и 70,000 способныхъ къ военной службѣ людей. Конгрессъ сдѣлалъ 45 милліоновъ долларовъ долгу при помощи французскаго и голландскаго займовъ и выпустилъ ассигнацій на 359 милліоновъ долларовъ. Республика не имѣла кредита, не имѣла настоящей вла-

сти, не имѣла дѣйствительнаго законодательства. Но республику не покидала энергія. У нея была завоевана свобода и теперь дѣло шло объ утвержденіи этой свободы на будущія времена. Передовые люди Америки очень хорошо поняли, что свобода и правильное управленіе государствомъ лучше всего поддерживаются распространеніемъ просвѣщенія въ народѣ. Въ этомъ духѣ говорилъ Уашигтонъ, избранный въ февралѣ 1789 года въ президенты.

„Въ каждой странѣ, говорилъ онъ на конгрессѣ 8 января 1790 года,—образованіе есть важнѣйшая основа общественнаго счастья, но у народа, у котораго принимаемыя правительствомъ мѣры такъ сильно зависятъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, отъ господствующихъ въ обществѣ идей, образованіе является неизбѣжнымъ. Оно различными способами содѣйствуетъ обезпеченію свободной конституціи: съ одной стороны, оно убѣждаетъ управляющихъ страной, что цѣль правительства можетъ быть лучше всего достигнута при помощи просвѣщеннаго довѣрія народа; съ другой—оно научаетъ народъ цѣнить и уважать свои права, отличать притѣсненія отъ примѣненія къ дѣлу законной власти, отличать несправедливыя обремененія отъ того, что необходимо для поддержанія общественнаго строя, не смѣшивать свободы съ своеволіемъ, уважать первое и презирать второе, наконецъ, никогда не отдѣлять неварушимаго уваженія къ законамъ отъ твердаго и бдительнаго противодѣйствія всякому превышенію власти“. Въ своей прощальной рѣчи, обращенной къ американцамъ 17 сентября 1796 года, Уашигтонъ говоритъ: „Покровительствуйте, какъ предмету первой необходимости, учрежденіямъ, имѣющимъ цѣлью общее распространеніе образованія. Чѣмъ болѣе даетъ извѣстная форма правленія власти общественному мнѣнію, тѣмъ необходимо, чтобы это мнѣніе было просвѣщеннымъ“. Эти слова невольно напоминаютъ тѣ мысли, которыя высказывались Штапферомъ, о которыхъ, вѣроятно, не забыли наши читатели.

Убѣжденія Уашигтона сказались и въ его завѣщаніи 9 іюля 1799 года. Онъ завѣщалъ болѣе 150 акцій, цѣнность которыхъ простиралась до 30,300 долларовъ, на основаніе центральнаго университета и мотивировалъ это завѣщаніе слѣдующими словами: „Я всегда чувствовалъ серьезное опасеніе, видя, что юношество Соединенныхъ Штатовъ посылается ради образованія въ чужія

страны, прежде, чѣмъ умъ его успѣетъ самостоятельно развиваться, прежде, чѣмъ эти юноши могутъ понять преимущество и выгоды положенія своей родины. При этомъ они приобрѣтаютъ не только привычки къ расточительности и распущенности, но и убѣжденія, несомнѣсныя съ республиканскимъ образомъ правленія и съ истинной, естественной свободой человѣка, и рѣдко отказываются отъ этихъ убѣжденій впоследствии. Потому я искренно желалъ, чтобы былъ начертанъ свободный, обширный планъ устройства моей родины, всѣ подробности котораго были-бы разработаны во всѣхъ частяхъ этого возрастающаго штата (Виргиніи) и которой устранилъ-бы всѣ мѣстныя самолюбыца и предрасудки изъ нашихъ національныхъ совѣщаній на столько, на сколько это дозволяетъ или, скорѣе, требуетъ природа вещей. Добиваясь съ живѣйшимъ интересомъ возможности достиженія такой, по моему мнѣнію, желанной цѣли, я не нашелъ болѣе соответствующаго средства, какъ основаніе въ одномъ центральномъ пунктѣ Соединенныхъ Штатовъ университета, куда можно-бы было посылать состоятельныхъ и даровитыхъ юношей для окончанія образованія по всѣмъ отраслямъ литературы, науки и искусства, для приобрѣтенія политическихъ убѣжденій и понятій о хорошемъ образѣ правленія и для того, чтобы—по моему мнѣнію это обстоятельство первой важности—юноши, соединяясь между собою и завязывая дружескія связи съ юношескихъ лѣтъ, могли впоследствии освободиться отъ вышеупомянутыхъ мѣстныхъ предрасудковъ и обычной зависти, отъ чувствъ, которыя, взявъ верхъ надъ другими чувствами, будутъ неисчерпаемымъ источникомъ безпорядковъ въ общественной жизни и поведутъ къ грустнымъ послѣдствіямъ для всей страны.“

„Такимъ образомъ, замѣчаетъ Вауеръ,—въ религіозному мотиву распространенія народнаго образованія присоединился политическій мотивъ, который становился все сильнѣе и сильнѣе, чѣмъ свободнѣе и самостоятельнѣе развивалось гражданское устройство Соединенныхъ Штатовъ. Чѣмъ менѣе высшіе слои общества участвуютъ въ управленіи какимъ-нибудь политическимъ союзомъ личностей, тѣмъ скорѣе можно примѣнить къ этому обществу изреченіе одного изъ извѣстныхъ нѣмецкихъ политиковъ, говорящаго, что „вліяніе законодательныхъ учрежденій государства зависитъ отъ его образовательныхъ учрежденій, потому что для удачнаго

выполненія закона мало одного приказанія, а нужно и желаніе“.

„Въ странѣ, говорилъ американецъ Бэрдъ, — гдѣ существуетъ почти всеобщее право подачи голоса, гдѣ порядокъ, миръ и благоденствіе, которые должны быть главной цѣлью каждаго дѣйствительно хорошаго правительства, въ сильной степени зависятъ отъ лицъ, непосредственно выбираемыхъ изъ среды народа, нужно учить народъ, чтобы сдѣлать изъ него собраніе здравомыслящихъ, честныхъ, добродѣтельныхъ и полезныхъ гражданъ. Невѣжество несовмѣстно съ приобрѣтеніемъ и сохраненіемъ свободы, заслуживающей это названіе, и именно республика, подобная Соединеннымъ Штатамъ, должна основывать свое существованіе на распространеніи здравыхъ знаній и религиозныхъ началъ среди всѣхъ слоевъ народонаселенія“. Въ этомъ духѣ говорили и дѣйствовали всѣ замѣчательные люди сѣверной Америки послѣ ея освобожденія. Франклинъ, Мадисонъ, Джефферсонъ, Джонъ Адамсъ придерживаются этихъ взглядовъ. „Чтобы приготовить народъ къ самоуправленію, говоритъ Бернаръ, — нужно развить прежде всего его нравственное чувство; если будутъ воспитывать одинъ разумъ, то изъ этого ничего не выйдетъ“. „Воспитаніе должно, по словамъ Гораса Грилли, — имѣть цѣлью развитіе всего человѣческаго существа, въ нравственномъ, умственномъ и физическомъ отношеніяхъ. Оно должно сдѣлать человѣка такимъ, чтобы его умъ былъ просвѣщенъ и дѣятеленъ, чувства чисты и тверды, тѣло прекрасно и сильно. Трудъ человѣка тѣмъ производительнѣе, чѣмъ болѣе образованъ умъ человѣка. Трудъ невѣжды имѣетъ не болѣе цѣны, чѣмъ трудъ животнаго равной силы съ человѣкомъ. Собственники должны очень сильно интересоваться тѣмъ, чтобы образованіе было болѣе распространено. Нѣтъ ни одной фермы, ни одного банка, ни одной мануфактуры, ни одной лавки за исключеніемъ кабака, которые не имѣли-бы большихъ доходовъ въ томъ случаѣ, когда они помѣщаются въ мѣстности, гдѣ народонаселеніе образовано и нравственно. Значитъ, во имя своихъ личныхъ интересовъ собственники должны содѣйствовать распространенію образованія во всѣхъ слояхъ общества“. Опасенія невыгодныхъ сторонъ усиленнаго народнаго образованія, которыя могутъ имѣть основаніе тамъ, гдѣ нѣсколько образованныхъ противостоятъ грубой массѣ невѣжественныхъ людей и гдѣ низшіе слои съ завистью глядятъ на привилегированные классы, исчезаютъ, когда образованіе

становится общимъ достояніемъ и когда таланту и терпѣливой усидчивости дѣлаются доступными всѣ мѣста и положенія въ свѣтѣ. „Всякая болѣзнь подобныхъ враждебныхъ отношеній быстро исчезаетъ въ прогрессивныхъ штатахъ союза, говоритъ Лайелль въ описаніи своего второго путешествія въ Соединенные Штаты, гдѣ онъ обращалъ особенное вниманіе на учрежденія и результаты народнаго образованія. — Богачи признали, что тамъ, гдѣ существуютъ лучшія даровыя школы, народъ менѣе предается пьянству и излишествамъ, что онъ бережливѣе, болѣе уважаетъ собственность и законъ, что онъ консервативнѣе и менѣе увлекается социалистическими и другими революціонными ученіями. Наконецъ, многіе, утверждающіе, что рабочіе лѣнятся тогда, когда они лучше образованы, не правы, такъ-какъ жители Новой Англіи, напротивъ того, работаютъ слишкомъ много и духомъ, и тѣломъ. Они являются лучшими піонерами; они выдерживаютъ суровую жизнь въ бревенчатой избѣ, выстроенной въ отдаленныхъ лѣсахъ, лучше, нежели необразованные шотландцы и ирландцы. Фабричныя работницы Лоуеля, выказывающія свои способности и свое развитіе своими сочиненіями, работаютъ по двѣнадцати часовъ въ день и до сихъ поръ еще не требовали „десятичасового“ закона. Мы должны прибавить къ этому, что болѣе живая и богатая результатами работа людей мыслящихъ и самостоятельныхъ все болѣе и болѣе отгѣсняетъ работу рабовъ южныхъ штатовъ, и потому если эти штаты и одержатъ минутную побѣду, благодаря своему политическому фанатизму, то главнымъ краеугольнымъ камнемъ національнаго богатства и могущества и главной надеждой на будущее Соединенныхъ Штатовъ останутся все-таки образованные сѣверные штаты“.

Такимъ образомъ эти государственные люди ясно сознавали, что только просвѣщенный народъ можетъ пользоваться правильно своею свободою, что свобода налагаетъ на народъ обязанность стремиться къ просвѣщенію.

IV.

Слова Уашигтона и тому подобныхъ людей не были праздными фразами. „Образовавшееся союзное правительство, пишетъ г. Э. Циммерманъ, — занято было внутреннимъ устройствомъ только-

что возникшей республики. Несмотря на всѣ заботы народныхъ представителей о средствахъ поднять край, раззоренный недавно окончившейся войной, объ уплатѣ долга, о законахъ для новаго союза, — народное образованіе не было упущено изъ виду. Умудренные опытомъ своихъ предковъ, при содѣйствіи просвѣщенія достигшихъ довольства и независимости, руководясь тѣмъ вѣрнымъ началомъ, что истинная свобода можетъ упрочиться лишь на основаніи всеобщаго народнаго образованія, граждане новой республики вмѣнили въ обязанность своимъ представителямъ озаботиться о средствахъ для повсемѣтнаго распространенія школъ, доступныхъ для всѣхъ жителей безъ исключенія. Вслѣдствіе этого конгрессомъ были издапы новыя постановленія, которыми, однако, нисколько не стѣснялась частная инициатива гражданъ. Въ Европѣ администрація до сихъ поръ забираетъ въ свои руки всѣ средства отъ общества и затѣмъ тормозитъ его начинанія на каждомъ шагу, тогда какъ въ Америкѣ уже сто лѣтъ тому назадъ убѣдились, что главная забота объ устройствѣ образовательныхъ заведеній должна быть предоставлена на усмотрѣніе мѣстныхъ обществъ. Согласно съ этимъ новыя постановленія конгресса давали лишь большій просторъ свободнымъ начинаніямъ гражданъ, снабжая мѣстныя общества средствами для устройства школъ во вновь заселяемыхъ странахъ. Средства эти нашлись въ тѣхъ незанятыхъ еще земляхъ, которыя, по соглашенію штатовъ между собой, были предоставлены въ распоряженіе центрального правительства, съ условіемъ, чтобы эти пустыни со временемъ, по надлежащемъ ихъ заселеніи, были организованы въ новыя самостоятельные штаты. Пользуясь доходомъ съ продажи этихъ земель, правительство и постановило, чтобы $\frac{1}{36}$ часть ихъ, а именно одна секція въ каждомъ округѣ, была отведена въ пользу народнаго образованія: доходы съ этихъ участковъ, называемыхъ школьными секціями, должны поступать въ кассы мѣстныхъ учебныхъ вѣдомствъ.^а

Къ этимъ землямъ принадлежатъ лежація въ опредѣленныхъ уже въ 1783 году границахъ Союза штаты: Огіо, Индіана, Иллинойсъ, Мичиганъ, Висконсинъ и лежащая на сѣверѣ отъ 31 градуса широты часть Миссисипи и Алабамы. Къ нимъ постепенно присоединились Луизіана съ лежащей на югъ отъ 31 градуса широты частью Миссисипи и Алабамы (въ 1803 году),

а также Арканзасъ, Миссури, Иова, лежащая на западъ отъ Миссисипи часть Миннесоты и территоріи Канзасъ, Небраска и Орегонъ вмѣстѣ съ областью индѣйцевъ; далѣе Флорида (въ 1819 году) и, наконецъ, Новая Мексика и Калифорнія (въ 1828 году). Общую сумму общественныхъ земель во всѣхъ этихъ штатахъ оцѣниваютъ, по словамъ американскаго альманаха за 1857 годъ, въ 1,584,000,000 акровъ; если исключить изъ этой суммы земли, лежащія въ Орегонѣ, Новой Мексикѣ, Утахѣ и Калифорніи, то эти земли, по точному измѣренію, простираются на 471,892,439 акровъ. Но кромѣ земель, принадлежащихъ по основному закону на пользу школъ, территоріи, предназначаемыя на школьное дѣло, нерѣдко увеличиваются съ помощью пожертвованій союзнаго правительства; такъ до 1849 года были подарены въ общемъ итогѣ еще 10,785,253 акра на народныя школы и 623,951 акръ на университеты. Къ этимъ пожертвованіямъ Союза отдѣльные штаты присоединяютъ особня пожертвованія. Кромѣ этихъ средствъ, народное образованіе имѣетъ еще другіе источники доходовъ. Въ 1835 году, вслѣдствіе исключительныхъ обстоятельствъ, конгрессъ, имѣя въ виду блистательное состояніе государственныхъ финансовъ, счелъ возможнымъ обратить 40,000,000 долларовъ на образованіе неприкосновеннаго государственнаго фонда на пособіе училищамъ. Конгрессъ постановилъ, что двѣ трети этой суммы будутъ распределены между штатами, съ правомъ употреблять это приращеніе дохода такъ, какъ они найдутъ это наиболѣе выгоднымъ. Штаты обязывались возвратить взятое государству, если того потребуетъ національный интересъ. Но этого возврата денегъ не было потребовано даже во время гражданской войны и, вѣроятно, правительство никогда не возьметъ эту сумму назадъ. Во многихъ штатахъ, по свѣденіямъ, сообщаемымъ у Гишо, ежегодный доходъ съ этого капитала идетъ на общественныя школы. Часть суммы, пришедшейся на долю Нью-Йорка, состоитъ изъ 20,072,600 франковъ, приносящихъ около 1,300,000 франковъ дохода, изъ которыхъ 830,000 франковъ ежегодно отпускается на школы. Въ Иллинойсѣ этотъ фондъ доходитъ до 1,677,960 франковъ, съ доходомъ въ 100,000 франковъ. Въ Коннектикутѣ— въ 3,818,300 франковъ, съ доходомъ въ 225,000 франковъ. Надо замѣтить, что этотъ фондъ увеличивается другими дохо-

дами, какъ, напримѣръ, доходы съ соляныхъ промысловъ Индианы, извѣстный процентъ съ основныхъ капиталовъ вновь учреждаемыхъ банковъ, пошлины съ аукціоновъ, пошлины съ концессій, съ страховыхъ и другихъ акціонерныхъ обществъ, денежные штрафы и т. д. Далѣе средства для содержанія школъ получаютъ, главнымъ образомъ, съ налоговъ. Эти налоги въ пользу школъ направлены не на доходъ, но на капитальную стоимость всякой дѣйствительной личной собственности. Сумма налога опредѣляется самими гражданами, смотря по числу дѣтей, могущихъ вступить въ школы, и по матеріальнымъ издержкамъ, требуемымъ этими школами. Касса школъ обогащается еще нѣкоторыми налогами, направленными преимущественно на крѣпкіе напитки. Училищный фондъ, образуемый мѣстными налогами и утверждающій за всѣми право дарового обученія, въ двѣнадцати штатахъ составлялъ въ 1867 году капиталъ въ 27,171,090 долларовъ, ежегодный доходъ котораго, принося 6⁰/₁₀, доставлялъ до 8,151,327 франковъ. Въ томъ-же самомъ году эти двѣнадцать штатовъ издерживали на школу сумму въ 97,762,162 франка, то-есть школьный фондъ покрывалъ только приблизительно одиннадцатую часть общаго расхода. Общій доходъ училищъ, по словамъ Блока, доходитъ до 105 милліоновъ франковъ, хотя по другимъ свѣденіямъ это число кажется опредѣлено слишкомъ низко. Такъ, напримѣръ, штатъ Массачузетъ обращаетъ на народное образованіе, при народонаселеніи въ 1,231,066 жителей, не считая издержекъ на постройку училищъ,—7,600,000 франковъ или 6 франковъ съ души; Нью-Йоркъ съ 3,880,000 жителями—24,500,000 франковъ; Огіо съ 2,339,502 жителями—13,700,000 франковъ; Мичиганъ съ 749,113 жителей — 11,000,000 франковъ; Иллинойсъ съ 1,711,951 жителемъ—11,000,000 франковъ и т. д.

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ штатахъ, какъ, напр., въ Родъ-Айлендѣ и Мичиганѣ, когда доходъ съ школьнаго фонда и съ обложенія податью недостаточенъ, остатокъ распредѣляется на тѣхъ родителей школьниковъ, которые способны платить, и, такимъ образомъ, взимается родъ платы за ученіе; но вообще многіе не сочувствуютъ этой мѣрѣ, потому что, при отсутствіи обязательнаго обученія, она даетъ многимъ родителямъ поводъ не пускать дѣтей своихъ въ школу. Разумные педагоги Союза не

считаютъ и очень большой школьный фондъ счастиемъ, потому что онъ легко усыпляетъ педагогическій интересъ народонаселенія. Такъ случилось, наприимѣръ, въ Коннектикутѣ съ его громаднымъ школьнымъ фондомъ, содержащимъ болѣе двухъ милліоновъ долларовъ, и если этотъ штатъ втеченіи послѣдняго десятилѣтія, съ помощью постепенно распространяющагося убѣжденія въ неопцѣненной важности дѣльнаго народнаго образованія, достигъ замѣчательныхъ педагогическихъ результатовъ, то это не *благодаря* значительнымъ школьнымъ фондамъ, а *несмотря* на нихъ. „Школьные фонды, замѣчаетъ мѣтко докторъ Вейлендъ, — драгоценны, какъ приправа, а не какъ питательное вещество, и они не должны никогда быть такъ велики, чтобы сдѣлать каждое личное участіе со стороны родителей *неу*жнымъ“.

Такія соображенія убѣдили правительство Массачузета запретить увеличеніе школьнаго фонда, когда онъ достигъ въ 1850 году опредѣленнаго закономъ 1834 года максимума. Разсчеты были вѣрны: въ 1852 году въ Массачузетѣ, при населеніи, состоящемъ изъ 994,514, было доставлено добровольныхъ денежныхъ пожертвованій въ пользу школъ 910,216,04 доллара и разнымъ товаромъ на сумму 39,778,87 долларовъ, — значить, въ цѣломъ круглая сумма 950,000 долларовъ, почти по одному доллару съ человѣка, или 2,200,000 флориновъ при народонаселеніи, немногимъ превышающемъ населеніе герцогства Гессенскаго. Въ 1855 году сумма, доставленная въ пользу школъ посредствомъ обложенія, простиралась до 1,137,407,46 долларовъ при 1,133,123 жителей. При этомъ единственно существующее принужденіе состоитъ въ томъ, что для того, чтобы получить свою долю отъ штата, каждый городъ обязанъ доставлять самъ опредѣленную сумму въ 1½ доллара за каждого способнаго посѣщать школу ребенка; но большею частью доставляемая такимъ образомъ сумма превышаетъ требуемую втрое, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ болѣе, нежели вшестеро. Въ Менѣ не существуетъ никакого школьнаго фонда, но каждый округъ обязанъ, по мѣрѣ числа его жителей или его состоянія, вносить известную сумму на содержаніе школъ. Если округъ или городъ не сдѣлаютъ этого, они подвергаются денежному штрафу. Конечно, эта готовность жертвовать педагогическимъ цѣлямъ, которою, рядомъ со штатами въ новой Англій, отличаются и нѣкоторые изъ сред-

нихъ штатовъ, а именно Нью-Йоркъ и Пенсильванія, а изъ западныхъ Мичиганъ и Огіо, рѣдко встрѣчается въ южныхъ штатахъ. Конечно, и здѣсь издаются школьные законы и образуются школьные фонды посредствомъ обыкновенныхъ школьныхъ земель.

Я останавливаюсь на этихъ подробностяхъ довольно долго нарочно для того, чтобы читатель понялъ все различіе этихъ громадныхъ средствъ, предоставленныхъ въ распоряженіе школъ въ Америкѣ, отъ тѣхъ жалкихъ средствъ, которыми располагають школы въ Европѣ. Что-же мудренаго, что Америка можетъ устраивать хорошія школы, похожія на дворцы и замки и уже никакъ не походящія на тѣ свинные хлѣва, на тѣ смрадные конуры, на тѣ кабаки, въ которыхъ происходило обученіе народа во Франціи еще въ тридцатыхъ годахъ.

Но я нѣсколько забѣжалъ впередъ, не желая раздроблять свѣденій о матеріальныхъ средствахъ школъ, и мнѣ придется теперь сказать еще нѣсколько словъ о постепенномъ развитіи школьнаго дѣла послѣ освобожденія Америки.

А. Михайловъ.

(Продолженіе будетъ.)

ВЪ РОДНОМЪ СЕЛѢ.

Люблю тебя, село мое родное,
Приютъ моей измученной души!
Люблю твое радушіе простое
И твой привѣтъ для странника въ глуши.

Какъ въ пристани корабль тревожно мчится
Избитый весь мятежною волной,
Такъ я спѣшу подъ сѣнь твою укрыться,
Съ напрасной жалобой души моей больной...

Но жалко мнѣ тѣхъ дней очарованья,
Когда всему такъ вѣрилось легко,
За дружбою летѣло вслѣдъ признанье,
Жилось такъ искренно, любилося глубоко!..

Ужь пожилъ я и жизнь узналъ немножко, —
И грустно мнѣ становится порой:
Душа въ душѣ чужой не встрѣтитъ отголоска
И не откликнется на зовъ души чужой!..

Ив. Я—въ.

ЗАБОТА ОБЩЕСТВА О СУДЬБѢ МАЛОЛѢТНИХЪ ПРЕ- СТУПНИКОВЪ.

(Окончаніе.)

IV.

Изложивъ краткій очеркъ исторіи развитія и современнаго состоянія двухъ учреждений для спасенія и исправленія дѣтей въ Германіи и въ Швейцаріи, обратимся теперь къ тому, что сдѣлано по этому вопросу у насъ въ Россіи и займемся спеціально описаніемъ современнаго положенія колоніи и ремесленнаго пріюта въ Петербургѣ.

Въ Россіи мысль объ устройствѣ учреждений для исправленія порочныхъ дѣтей въ первый разъ выразилась практически основаніемъ въ 1843 году при с.-петербургскомъ исправительномъ заведеніи отдѣленія для исправленія малолѣтнихъ заключенныхъ. Затѣмъ на частныя средства открывались пріюты: въ 1848 г. въ Нарвѣ, въ 1850 г. въ Ревелѣ, въ 1863 г. въ Москвѣ, въ 1864 г. въ Петербургѣ (заведеніе для исправленія нравственно падшихъ дѣвочекъ); наконецъ, въ Москвѣ, въ прошломъ году, при московскомъ исправительномъ пріютѣ для малолѣтнихъ преступниковъ открыты мастерскія; въ нихъ производятся работы по различнымъ предметамъ домашняго обихода, принимаются заказы на шитье обуви, вязанье, переплетныя работы и т. п. Дѣти работаютъ подъ руководствомъ опытныхъ мастеровъ. Въ Вольскѣ существуетъ ремесленное заведеніе для исключенныхъ за проступки воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Въ 1870 г. въ Петербургѣ столичнымъ тюремнымъ комитетомъ открытъ пріютъ для 20 мальчиковъ, дѣтей арестантовъ. Мы не можемъ ничего сказать о томъ, какъ шло воспитательное дѣло въ этихъ заведе-

ніяхъ, какъ упрочивалось ихъ исправительное вліяніе, потому что ни одно изъ нихъ не имѣетъ привычки публиковать своихъ подробныхъ отчетовъ и наша литература очень бѣдна сколько-нибудь обстоятельными описаніями этихъ учрежденій.

Впрочемъ, эти заведенія и не задавались тѣми задачами, которыя преслѣдуютъ заведенія для исправленія испорченныхъ дѣтей въ западной Европѣ и наше общество земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ. Всѣ они практиковали у себя крайне-неудовлетворительныя и недостаточныя мѣры для исправленія дѣтей. Скучивая одновременно большое число, нравственно, и при томъ въ разной степени, испорченныхъ дѣтей; занимая ихъ работами въ родѣ щипанья пеньки или штампованія карточекъ для билетовъ желѣзныхъ дорогъ, поручая дѣтей присмотру сторожей изъ отставныхъ солдатъ или людей, неимѣющихъ серьезной педагогической подготовки, эти заведенія не только не достигали исправленія, но нерѣдко выпускали дѣтей еще болѣе испорченными, чѣмъ они были до поступленія въ заведеніе. Возьмемъ, напримѣръ, исправительное отдѣленіе для малолѣтнихъ при больницѣ св. Николая въ Петербургѣ. Сюда поступали несовершеннолѣтніе преступники, приговоренные къ заключенію на срокъ менѣе трехъ лѣтъ, а также испорченныя дѣти по желанію родителей. Здѣсь содержалось до 70 малолѣтнихъ. Какими путями дошли они до тюрьмы—угадать нетрудно. Пріѣхавъ изъ провинціи на заработки, они нерѣдко попадаютъ къ хозяевамъ, которые своимъ жестокимъ обращеніемъ заставляютъ ихъ бѣгать, куда глаза глядятъ; бѣдныя дѣти начинаютъ слоняться по городу, попадаютъ въ разрядъ бездомныхъ, крадутъ; ихъ ловятъ и предають суду. Умирають или просто исчезаютъ, неизвѣстно куда, родители—и опять несчастныя дѣти остаются безъ пропитанія, крова и надзора; ведя бродяжническую жизнь, они находятъ пріютъ въ одномъ изъ ночлежныхъ домовъ близъ Сѣнной и тамъ сходятся съ учителями воровскаго промысла; а тутъ еще голодъ,—(случается нерѣдко, что нѣкоторые изъ несчастныхъ покинутыхъ дѣтей буквально голодаютъ сутокъ по-двое,)—и бѣдняга попадаетъ на скамью подсудимыхъ. По рѣшенію суда обвиненнаго помещаютъ въ отдѣленіе для исправленія малолѣтнихъ преступниковъ, но каково идетъ тамъ дѣло исправленія, показываютъ слѣдующія цифры: въ январѣ 1872 г. изъ 70 содержавшихся въ отдѣле-

ни малолѣтнихъ преступниковъ было: 38 мальчиковъ, поцавшихъ въ отдѣленіе во второй разъ; 10—въ третій и 5—въ четвертый разъ. Случайно, конечно, но въ томъ-же огромномъ зданіи, гдѣ помѣщалось отдѣленіе для исправленія дѣтей, устроена больница для сумасшедшихъ и помѣщеніе для содержанія порочныхъ женщинъ. Понятно, что такое сосѣдство не могло способствовать успѣшному ходу дѣла исправленія дѣтей.

Въ послѣднее время это отдѣленіе уничтожено, а въ замѣнъ его открыто въ с.-петербургской тюрьмѣ такое-же отдѣленіе для малолѣтнихъ. Воспитателемъ ихъ назначенъ человѣкъ, знающій дѣло и относящійся съ полнымъ участіемъ къ порученнымъ ему дѣтямъ. Но, конечно, усилій воспитателя, находящагося съ дѣтьми лишь нѣсколько часовъ въ день, далеко не достаточно, чтобъ уничтожить тотъ вредъ, который является неминуемымъ результатомъ тюремной обстановки, ея порядковъ, ея правилъ, наказаній, а еще больше,—отъ совмѣстнаго заключенія до 70 человѣкъ несовершеннолѣтнихъ, оставляемыхъ безъ присмотра.

Вообще, до введенія гласнаго суда, обнародованія судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. и уложенія о наказаніяхъ 1866 г., участь несовершеннолѣтнихъ преступниковъ не обращала на себя особеннаго вниманія.

Со времени-же введенія судебныхъ уставовъ 1864 г. и уложенія о наказаніяхъ 1866 г. начали создаваться новыя, лучшія отношенія общества къ несовершеннолѣтнимъ преступникамъ, а высочайше утвержденное 5 декабря 1866 г. мнѣніе государственнаго совѣта о правилахъ при учрежденіи пріютовъ для нравственнаго исправленія несовершеннолѣтнихъ, отдаваемыхъ туда по судебнымъ приговорамъ, дало возможность кружку жителей Петербурга, въ числѣ 275 чел., въ 1869 г. представить на утвержденіе правительства уставъ общества земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ. Уставъ этотъ утвержденъ 15 января 1870 г. и съ этого дня открыты дѣйствія новаго общества.

По смыслу устава, это общество „имѣетъ цѣлью содѣйствовать улучшенію участи несовершеннолѣтнихъ обоаго пола, впавшихъ въ пороки и преступления, также безпріютныхъ сиротъ и малолѣтнихъ нищихъ, которые, вслѣдствіе бѣдности и вреднаго вліянія окружающей среды, не могли получить правильнаго воспитанія и знанія какого-нибудь ремесла, и потому лишены возможности за-

рабатывать себѣ пропитаніе и вести трудолюбивую жизнь“. Опре- дѣливъ такъ широко свою дѣятельность, общество, однакожь, на первое время ограничилось устройствомъ колоніи и пріюта только для однихъ мальчиковъ, въ возрастѣ не моложе 10 лѣтъ, при- говоренныхъ судомъ къ тюремному заключенію на срокъ не менѣе трехъ лѣтъ, такъ-какъ только при такомъ, довольно продолжи- тельномъ, пребываніи дѣтей подѣ благотворнымъ вліаніемъ коло- нии можно разсчитывать на успѣхъ ихъ нравственнаго перерожденія. Впрочемъ, для дѣтей, имѣющихъ болѣе 15 лѣтъ, дѣлается, по уставу колоніи, исключеніе: ихъ принимаютъ и на два года.

По своему уставу, общество „заботится о правильномъ физиче- скомъ, нравственномъ и умственномъ воспитаніи порученныхъ ему дѣтей, въ примѣненіи къ практическимъ цѣлямъ“. Устраивая земледѣльческія колоніи и ремесленные пріюты, общество „даетъ воспитанникамъ элементарное теоретическое образованіе и обучаетъ ихъ практически земледѣлію и ремесламъ“. Общество состоитъ въ вѣденіи министерства внутреннихъ дѣлъ (на основаніи 1520 — 1524 ст. т. XIII Уст. общ. призр. и указа правительствую- щаго сената 21 декабря 1866 г.). Лучшихъ изъ своихъ питом- цевъ, окончившихъ курсъ въ колоніи или пріютѣ, оно можетъ опредѣлять въ земледѣльческія и ремесленные училища, какъ пансіонеровъ общества; вообще-же питомцы, окончившіе курсъ въ колоніяхъ и пріютахъ, пользуются содѣйствіемъ директора и членовъ наблюдательной комиссіи и ихъ рекомендаціями до тѣхъ поръ, пока они сами не перестанутъ ежегодно доставлять въ за- веденіе краткія свѣденія о своихъ занятіяхъ.

Въ земледѣльческой колоніи, устроенной обществомъ близъ Пе- тербурга, воспитанники получаютъ элементарное образованіе; въ составъ этого курса входятъ: „чтеніе, письмо и черченіе, начало арифметики, общія понятія по естествознанію, сообщаемыя пре- имущественно въ видѣ объясненій при производствѣ сельско-хо- зяйственныхъ и техническихъ работъ, и важнѣйшія свѣденія изъ исторіи и географіи Россіи — въ формѣ бесѣдъ“. Ознакомленіе воспитанниковъ съ сельскимъ хозяйствомъ заключается „въ прак- тическомъ обученіи ихъ на хуторѣ“. Съ этой цѣлью, кромѣ по- леводства, воспитанники обучаются скотоводству, огородничеству и тѣмъ техническимъ производствамъ, которыя могутъ быть съ поль- зою введены въ крестьянскихъ хозяйствахъ.

Не преслѣдуя цѣли образовать изъ своихъ воспитанниковъ „въ строгомъ смыслѣ опытныхъ ремесленниковъ“, колонія, одна-кожь, даетъ имъ возможность изучить въ извѣстной степени портняжное, сапожное, плотничное, печное, бондарное, телѣжное, кузнечное и другія ремесла.

Въ земледѣльческую колонію принимаются дѣти изъ населенія петербургской губерніи, въ ремесленный-же пріютъ — преимущественно несовершеннолѣтніе преступники изъ жителей столицы. Задача пріюта заключается въ образованіи честныхъ, знающихъ и трудолюбивыхъ ремесленниковъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1870 г. общество открыло свои дѣйствія. Прежде всего оно, конечно, озаботилось подыскать удобную мѣстность близъ столицы и собрать денежные средства. Министерство государственныхъ имуществъ предоставило обществу безвозмездно участокъ земли и лѣса въ 260 десятинъ, отстоящій въ 14 верстахъ отъ Петербурга, за охтенскимъ пороховымъ заводомъ, а членскіе взносы и частныя пожертвованія составили основной капиталъ; въ то-же время двое будущихъ руководителей колоніи и пріюта были отправлены за-границу для ознакомленія съ ходомъ дѣла въ лучшихъ исправительныхъ заведеніяхъ и колоніяхъ въ Англіи, Германіи, Франціи и Швейцаріи.

Прошло полтора года и 10 октября 1871 г. общество земледѣльческихъ колоній открыло свой первый пріютъ для малолѣтнихъ преступниковъ. Понятно само собою, что это время ушло на постройку первыхъ помѣщеній, устройство для нихъ площадки и вырубку нѣкоторой части лѣса. Когда все необходимое для помѣщенія питомцевъ было готово, общество 18 ноября того-же года приняло первыхъ поселенцевъ.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что колонія и пріютъ въ размѣщеніи дѣтей приняли за образецъ систему дѣленія на семьи, уже давно испытанную во французской колоніи Меттрэ и въ нѣкоторыхъ колоніяхъ Швейцаріи и Германіи. Великое преимущество этой системы въ сравненіи съ „казарменной“ системою, при которой множество дѣтей помѣщается и воспитывается вмѣстѣ и подъ надзоромъ нѣсколькихъ, по-очереди дежурящихъ личностей, состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что она даетъ возможность группировать дѣтей по степени ихъ порочности и возрасту, а слѣдовательно, въ извѣстной мѣрѣ ограждаетъ менѣе испорченныхъ

отъ заимствованія вредныхъ наклонностей и привычекъ субъектовъ болѣе грубыхъ. Кромѣ того дѣленіе на семьи даетъ возможность воспитателю вполне сродниться съ порученными ему дѣтьми, изучить характеръ и привычки каждаго изъ нихъ, избрать тотъ или другой способъ вліянія на ребенка, и постоянно имѣть всю семью у себя на глазахъ.

Первыми поселенцами ремесленнаго пріюта были три мальчика, уроженцы г. Вильно (одинъ изъ нихъ имѣлъ около 16 лѣтъ), переданные въ колонію изъ существовавшего тогда исправительнаго заведенія, куда они поступили за то, что во время минувшихъ беспорядковъ въ Вильно обливали платья дамъ сѣрной кислотой. Поступившіе, конечно, сильно отличались другъ отъ друга въ нравственномъ отношеніи. Одинъ изъ нихъ скрылся изъ родительскаго дома, затѣмъ, ловко обманувъ наблюдавшаго за нимъ полицейскаго, бѣжалъ изъ-подъ слѣдствія по дѣлу объ обливкѣ сѣрной кислотой, укралъ и продалъ чью-то корову и три мѣсяца скрывался подъ чужимъ именемъ. Поступивъ въ колонію, онъ вскорѣ добился вліянія надъ товарищами, подбивалъ ихъ на воровство и, съ цѣлью подслужиться, доносилъ на подговоренныхъ, нагло галѣ и обманывалъ. Не мало труда и терпѣнья приходится удѣлять на него даже и теперь, хотя онъ видимо исправляется. Довольно рѣзко отличались отъ него двое другихъ его товарищей, по характеру мальчики мягкіе и кроткіе. Въ первую же семью поступило еще четверо безпріютныхъ нищихъ, взятыхъ на уликахъ Петербурга за собираніе милостыни и переданныхъ въ пріютъ изъ комитета о нищихъ. Одинъ изъ этихъ мальчиковъ, младшій сынъ отставнаго солдата, бывалъ свидѣтелемъ пьянства и всякаго безобразія родителей и вращался въ кругу обитателей Сѣнной площади. Что онъ тамъ видѣлъ и чему могъ научиться, легко вообразить каждый. Всѣ эти пагубныя вліянія развили въ бѣдномъ мальчикѣ лживость, склонность къ воровству, обжорству и завистливости. Второй мальчикъ, незнавшій ни отца, ни матери, воспитывался въ провинціальному сиропитательному домѣ; оттуда, когда ему наступилъ одинадцатый годъ, онъ былъ отправленъ въ Петербургъ на заработки, въ извозъ. Но, вмѣсто извоза, онъ попалъ въ мастерскую портного; посланный хозяиномъ въ какую-то лавку, онъ очутился на Толкучемъ рынкѣ, гдѣ стянулъ старый бобровый воротникъ; за это его отдали въ исправи-

тельный домъ, откуда онъ былъ выпущенъ безъ всякихъ задатковъ къ исправленію; не находя нигдѣ работы, онъ принужденъ былъ ночевать подъ заборами, въ домѣ Вяземскаго, предавался онанизму, и теперь еще имѣетъ склонность къ лѣни и неряшливости. Третій ребенокъ, лѣтъ 13, давно покинутый матерью, безъ всякихъ средствъ и пріюта, явился въ полицейскую часть, препровожденъ въ комитетъ, затѣмъ былъ помѣщенъ на какой-то фабрикѣ, откуда бѣжалъ, отыскалъ свою мать въ Петергофѣ, но, вторично оттолкнутый ею, что-то напроказилъ, попалъ въ исправительный домъ, затѣмъ уже въ колонію. Странно то, что мать, отысканная нѣсколько разъ, скрывалась вновь, не оставляя адреса, и опять покидала свое дитя, обрекая его, несчастнаго, на всякія невзгоды. Четвертый мальчикъ лѣтъ 14, прислуживалъ въ Юсуповомъ саду при каруселяхъ; онъ отличался большой склонностью къ лѣности, но въ настоящее время онъ замѣтно исправляется. Остальные девяттеро поступили въ первую семью пріюта по приговору мировыхъ судей и окружного суда за кражу. Одинъ изъ приговоренныхъ до настоящаго времени уже шесть разъ содержался въ исправительномъ заведеніи, куда попадалъ за мелкую кражу; другой мальчикъ, лишившись матери и отдаленный отъ отца, поступившаго въ мастеровые, поставленъ былъ въ безпріютное положеніе и остался безъ всякихъ средствъ къ существованію; онъ попался въ кражѣ. Третій провелъ свои первые годы у родителей, потомъ прислуживалъ въ кафе-ресторанѣ, гдѣ выучился многимъ порокамъ; онъ сильно испорченъ и требуетъ для своего исправленія много труда и умѣнья отъ воспитателя; къ изученію мастерства онъ питаетъ отвращеніе; часто мечтаетъ о возвратѣ къ прежней жизни и хвастаетъ ловкостью воровства. Четвертый мальчикъ, очень хорошій и добрый, вѣроятно, не долго пробудетъ въ колоніи, такъ-какъ онъ въ скоромъ времени уже вполне исправится отъ своихъ пороковъ; срокъ его пребыванія въ колоніи придется уменьшить еще и потому, что родители его рассчитываютъ имѣть въ немъ не малую поддержку въ матеріальномъ отношеніи и потому возвращеніе его въ семью крайне желательно.

Дѣти, собранныя въ пріютѣ, обнаруживали иногда склонность къ ссорамъ и дракамъ. Ихъ приходилось обуздывать и предупреждать столкновенія постояннымъ надзоромъ воспитателя. Новой, чистой одеждѣ они радуются только какъ новинкѣ, затѣмъ

относятся къ ней неряшливо и лохмотья видимо остаются имъ милы, по привычкѣ. Лѣность и нерадивость пока туго поддаются искорененію. Одинъ изъ воспитанниковъ, сильно испорченный, побывавшій въ исправительномъ заведеніи, вынесшій всѣ замашки взрослоаго арестанта и наглость, приобрѣлъ нравственное вліяніе надъ другими, но воспитателю удалось подмѣтить въ немъ пороки трусости, которымъ онъ воспользовался, выставилъ его на судъ другихъ и тѣмъ окончательно уронилъ въ глазахъ товарищей. Воровство въ первое время случалось и въ самомъ пріютѣ: пропадали съѣстные припасы, сахаръ и т. п. Былъ случай кражи денегъ у воспитателя; одинъ изъ старшихъ по лѣтамъ питомцевъ подучилъ украсть деньги у воспитателя, а потомъ самъ-же донесъ на ребенка. Но чаще всѣхъ пороковъ проявлялась лживость и для ея искорененія требовались огромныя усилія со стороны директора и воспитателей. Они привели, однакожь, къ цѣли и питомцы стали откровенны съ директоромъ и воспитателемъ; склонность къ лжи мало-по-малу исчезла и теперь всѣ воспитанники отличаются правдивостью. Къ числу недостатковъ, которые не удалось замѣтно искоренить въ питомцахъ, относятся нечистоплотность и неряшливость, отчасти ссорливость и завистливость. Нечего и говорить, что всѣ эти недостатки въ настоящее время, въ сравненіи съ огромнымъ запасомъ ихъ во время поступленія питомцевъ въ пріютъ, значительно ослабѣли и измѣнились къ лучшему.

Въ отношеніи обученія наукамъ и занятій въ мастерскихъ, питомцы пріюта раздѣлялись на двѣ группы; нѣкоторые изъ питомцевъ были грамотными при поступленіи, но, конечно, едва понимали, что читали; теперь-же умѣютъ бѣгло разсказать прочитанное, пишутъ подъ диктовку, рѣшаютъ арифметическія задачи въ умѣ, въ предѣлѣ чиселъ до 100, срисовываютъ геометрическія тѣла и фигуры и имѣютъ нѣкоторое понятіе о географіи. Незнавшіе вовсе грамоты теперь читаютъ, пишутъ достаточно четко, рѣшаютъ задачи на числа первыхъ трехъ десятковъ и чертятъ прямолинейныя фигуры. Въ столярной мастерской воспитанники, неумѣвшіе взяться за инструментъ, теперь пилятъ, строгаютъ, долбятъ и умѣютъ связывать вещи на шиши; дѣлаютъ табуреты, столы, рамы и т. п.

Благодаря заказамъ со стороны и пожертвованію г. Фридланда 3,000 рублей, кромѣ всѣхъ необходимыхъ матерьяловъ на возве-

деніе и устройство новой, отдѣльной мастерской для обученія ремесламъ при пріютѣ, можно быть увѣреннымъ, что эта воспитательная задача учрежденія будетъ выполнена и воспитанники, оставляя пріютъ, вынесутъ знакомство съ нѣкоторыми ремеслами и будутъ настолько подготовлены въ этомъ отношеніи, что каждый хозяинъ-ремесленникъ возьметъ выходящихъ изъ пріюта воспитанниковъ на хорошее жалованье и охотнѣе, чѣмъ мальчиковъ, совсѣмъ незнающихъ ремесла. Выпускать своихъ питомцевъ прямо мастерами ремесла руководители пріюта и колоніи не считаютъ возможнымъ и, по нашему мнѣнію, вполнѣ основательно; правильность ихъ мнѣнія доказывается опытомъ многихъ ремесленныхъ училищъ и заведеній въ Россіи и исправительныхъ колоній за границей, гдѣ задача, при обученіи ремесламъ сдѣлать изъ питомцевъ готовыхъ мастеровъ дѣла, весьма часто остается неосуществленною. Всякому ремеслу серьезно и вполнѣ прагматично учиваются юноши только тогда, какъ они поступаютъ въ качествѣ подмастерьевъ и рабочихъ въ дома хозяевъ-ремесленниковъ въ городахъ.

Къ 1 января 1873 года въ пріютѣ была одна семья питомцевъ, состоявшая изъ 16 человекъ. Имѣя уже готовое отдѣльное помѣщеніе, руководители пріюта предполагаютъ втеченіи 1873 года образовать *вторую* семью питомцевъ изъ 15 мальчиковъ.

Предоставляя себѣ, при послѣдующемъ изложеніи, касаться, гдѣ будетъ необходимо, описанія ремесленного пріюта, перейдемъ къ краткому обзорнѣю постепеннаго образованія земледѣльческой колоніи. Какъ мы уже сказали, пріютъ и колонія въ первое время размѣщались въ домикахъ, устроенныхъ на одной, главной площадкѣ; теперь же, когда перевели пріютъ въ особое помѣщеніе, на разстояніи одной версты отъ главной площади и мѣста расположенія домиковъ колоніи, питомцы послѣдней имѣютъ въ своемъ распоряженіи столько жилыхъ помѣщеній, что, кромѣ состоящихъ нынѣ 36 воспитанниковъ колоніи, предполагается въ текущемъ году принять еще пятерыхъ. Первая семья колоніи земледѣльцевъ могла составиться только въ январѣ 1872 года, когда были вполнѣ готовы необходимыя для помѣщенія дѣтей постройки. Втеченіи января мѣсяца поступило трое питомцевъ; затѣмъ въ февралѣ прибыло еще 4, въ мартѣ—7, и, такимъ образомъ, чрезвычайно быстро составила первая семья колоніи.

Поступленіе въ короткій промежутокъ времени 14 питомцевъ, крайне различныхъ между собою, какъ по лѣтамъ (отъ 10 до 18 лѣтъ), такъ и по степени испорченности и привычкамъ, чрезвычайно усложнило обязанности директора колоніи. Едва удавалось достигнть нѣкоторой податливости и замѣтнаго исправленія дѣтей, какъ поступающій вновь питомецъ, внося свои привычки и замашки, разрушалъ всѣ надежды директора; дѣтскія впечатлительныя натуры снова перерождались; начавшіе исправляться питомцы примыкали къ новому товарищу, вспоминали прежнее и нравственно подчинялись новичку. Снова директору предстояла работа кропотливая, но въ высокой степени достойная уваженія; снова приходилось ему терпѣливо и съ умѣньемъ привлекать къ себѣ питомцевъ, сглаживать и искоренять ихъ дурныя наклонности. Особенно вредно отзывалось въ этомъ отношеніи крайнее разнообразіе въ лѣтахъ питомцевъ, — десятилѣтніе находились въ одной семьѣ съ восемнадцатилѣтними. Но дѣлать было нечего, приходилось терпѣть, пока, наконецъ, не явилась возможность (16 марта) отдѣлнить болѣе взрослыхъ питомцевъ колоніи въ отдѣльное помѣщеніе (подъ кухней), поручивъ ихъ особому воспитателю. Втеченіи 1872 года принято было еще нѣсколько питомцевъ, такъ что къ настоящему времени число ихъ въ колоніи достигло 36 и дальнѣйшій приѣмъ прекращенъ. Всѣ питомцы земледѣльческой колоніи попали въ это учрежденіе по приговорамъ окружного суда и мировыхъ судей. Родъ совершеннаго ими преступленія у всѣхъ общій — мелкая кража: кто укралъ съѣстное, кто водку, кто деньги или вещи. Безъ сомнѣнія, по факту воровства, на которомъ малолѣтній попался, нельзя еще судить о степени порочности ребенка. Добратъся до источника зла или причины нравственной порчи дѣтей, попавшихъ въ колонію, нѣсколько легче, такъ-какъ причины эти болѣе или менѣе у всѣхъ ихъ одинаковы. Голодъ, холодъ, безпріютность, отсутствіе надзора и честнаго вліянія старшихъ, во многихъ случаяхъ поощреніе къ воровству со стороны родителей, въ иныхъ, строгость и гнетъ родныхъ, — этими обстоятельствами объясняются причины, натолкнувшія дѣтей на совершеніе преступленія. Многія изъ дѣтей, озлобленныя и неперенесшія самодурства и побоевъ, убѣгали изъ дома; другихъ просто-на-просто выгоняли или ихъ хозяева, или даже родители... Что-же оставалось дѣлать этимъ несчастнымъ? Средствъ къ существованію нѣтъ;

пріютиться на ночлегъ негдѣ, а между тѣмъ и спать и ѣсть хочется. Скитаются несчастные по разнымъ труппамъ, пустырямъ и канавамъ; ночуютъ и подъ заборами, и въ кустахъ садовъ и парковъ, пока зоркая полиція не накроетъ ихъ въ этихъ теплыхъ углахъ или не попадутся они съ поличнымъ — украденной вещью.

Попадая въ колонію, дѣти съ первыхъ-же дней поступления обнаруживали болѣе или менѣе сходные пороки: ложь, обманъ, хитрость, раздражительность, упрямство. Трудно было совладать особенно съ первою формировавшеюся семьею колоніи: безпрестанныя драки, шумъ, ссоры изъ-за пустяковъ; тяжела была борьба за искорененіе разныхъ арестантскихъ ухватокъ и выраженій. Наиболѣе усвоенное дѣтми выраженіе — „слабо“, равнозначущее съ словами „трусись, просишь прощенія“, считается между ними наиболѣе оскорбительнымъ и, сказанное другъ другу, возбуждаетъ сору и драку. Насмотрѣвшись на страданія и лишенія ближняго, перетерпѣвъ лично голодь, болѣзни и холодъ, дѣти, поступившія въ колонію, выказывали крайнее жестокосердіе; даже въ играхъ проявлялась постоянная жестокость: проигравшій, напр., въ извѣстной игрѣ въ камешки получалъ щипки и удары; иные цапалали ему до крови руку, со смѣхомъ приговаривая: „мама бьетъ, тятя колотить, киска мажетъ, карета ѣдетъ“, или слѣдующая шалость, извѣстная на тюремномъ жаргонѣ подъ названіемъ „мушки“: спящему товарищу ночью къ ногъ прикладываютъ осторожно кусокъ бумаги, напитанной керосиномъ, и зажигаютъ его. Можно себѣ представить испугъ и страданія несчастнаго, надъ которымъ такъ зло подшутили товарищи. Подобныя жестокости ни въ комъ изъ нихъ не возбуждали чувства состраданія; впрочемъ, они рѣшались на такія продѣлки не изъ ненависти или мщенія, а просто изъ желанія потѣшиться, посмотрѣть на муку другого. Подобными привычками особенно рѣзко отличались дѣти, побывавшія въ исправительномъ заведеніи; усиліями воспитателей въ колоніи онѣ мало-по-малу ослабѣвали и теперь уже болѣе не проявляются.

Всѣхъ питомцевъ, какъ мы уже говорили, въ пріютѣ 16 и въ колоніи 36. По сословіямъ они распредѣлялись такимъ образомъ: дворянъ 4, мѣщанъ 14, крестьянъ 16, солдатскихъ дѣтей 17, иностранцевъ 1.

Срокъ ихъ пребыванія въ колоніи—отъ 2 до 9 лѣтъ. На девятилѣтній срокъ приговоренъ одинъ мальчикъ, о которомъ скажемъ ниже. По приговорамъ мировыхъ судей и окружного суда поступило 45 человѣкъ; передано изъ исправительнаго заведенія 3; комитетомъ призрѣнія нищихъ 4.

По возрасту дѣти группируются такъ: 8-ми-лѣтній 1, 9—1, 10—2, 11—2, 12—5, 13—4, 14—11, 15—11, 16—11, 17—2, 18—1, 19—1.

Слѣдуя порядку изложенія сдѣланнаго нами очерка ремесленнаго пріюта, представляемъ читателямъ коротенькія характеристики нѣкоторыхъ изъ питомцевъ колоніи *).

Интересны свѣденія объ образѣ жизни одного изъ питомцевъ земледѣльческой колоніи, мальчика Б., до поступленія его въ колонію.

Б. было только 5 лѣтъ, когда умерла его мать, жена крестьянина смоленской губерніи. Отецъ женился на другой; явились еще дѣти, и бѣдному ребенку отъ первой жены, конечно, стало жить очень худо. Не говоря уже о томъ, что мальчику не удѣлялось ни надзора, ни доли ухода, его, едва достигшаго семилѣтняго возраста, отдали на заработки, помощникомъ къ деревенскому пастуху. Занятіе непріглядное. Рано, съ восходомъ солнца, во всякую погоду, ребенокъ въ своихъ лохмотьяхъ обязанъ былъ слѣдовать за стадомъ, и до поздняго вечера, кормясь корками хлѣба и квасомъ, исполнять обязанности пастуха въ открытомъ полѣ. За провинности его, конечно, били. Однако, черезъ нѣсколько времени отецъ съ ребенкомъ и двумя дочерьми отъ второй жены отправился въ Петербургъ съ цѣлью найти работу. Кое-какъ они нашли мѣста себѣ на фабрикахъ и, въ началѣ, живя съ сестрами, мальчугану удавалось даже накопить нѣсколько рублей; но сближеніе съ разгульными товарищами по фабрикѣ дурно отзывалось на безхарактерномъ, легкомысленномъ ребенкѣ. Безшабашная жизнь многихъ фабричныхъ, пропивавшихъ въ одинъ праздникъ весь недѣльный заработокъ, завлекла его; онъ, вмѣстѣ съ ними, сталъ погуливать; едва тринадцати лѣтъ, онъ напивался до-пьяна и шатался по трактирамъ. Сестры сначала его угова-

*) При этомъ мы пользовались отчасти отчетами директоровъ и воспитателей учреждений, отчасти собственными наблюденіями и разспросами на мѣстѣ.

ривали, — не помогло; послѣ каждаго загула его стали бить; ребенокъ, озлобленный побоями, гулялъ пуще прежняго; порка увеличивалась; наконецъ, онъ ушелъ отъ отца и сестеръ и поселился гдѣ-то отдѣльно. Малый заработокъ, при безобразномъ пропиваніи денегъ, конечно, далъ себя почувствовать; жить стало нечѣмъ и тринадцатилѣтній мальчуганъ началъ поворовывать, къ чему мало-по-малу привыкъ; наконецъ, пойманный на кражѣ нитовъ съ той-же фабрики, на которой работалъ, онъ попалъ въ земледѣльческую колонію. Образъ жизни послѣдняго времени и утомительная работа сильно отозвались на его здоровьѣ. При поступленіи въ колонію онъ былъ крайне изнуренъ: съ впалой грудью, кривыми ногами, сторбленный и худой, онъ говорилъ едва слышнымъ, слабымъ голосомъ. Отсутствие душевныхъ отношеній къ кому-либо, одиночество и предшествовавшая безобразная жизнь отразились на его характерѣ въ формѣ крайней раздражительности; при малѣйшемъ поводѣ ребенокъ истерически рыдалъ, проклиная свою жизнь, хватался за что попало, полѣно-ли, ножикъ-ли, и обѣщавъ зарѣзаться или утопиться. Таковъ былъ этотъ ребенокъ при своемъ поступленіи въ колонію, гдѣ на первыхъ порахъ онъ не разъ попадался въ воровствѣ; но теперь уже прошло полгода, какъ Б. не попадался ни въ одномъ изъ своихъ прежнихъ проступковъ; онъ замѣтно исправился и стоитъ на ряду съ честными питомцами первой семьи. Къ сожалѣнію, несчастный, несмотря на всѣ употребленныя предупредительныя мѣры, до сихъ поръ не можетъ отстать отъ онанизма.

Другой мальчикъ, Ш., представляетъ собою примѣръ, крайне поучительный для матерей, которыя безумной любовью и безграничнымъ баловствомъ могутъ довести своихъ дѣтей до преступленія. Ш. едва помнитъ своего, давно умершаго, отца-писаря. Живя у нѣжно-любившей его матери, онъ свыкся съ мыслью, что ѣсть, пить и ничего не дѣлать для него составляетъ всю цѣль жизни. Пользуясь безумной любовью матери, Ш. началъ мало-по-малу своевольничать и грубить ей; въ такихъ случаяхъ она приглашала своего знакомаго городского, который и расправлялся съ ея сыномъ; сама-же она въ это время, чтобы не слышать его криковъ, уходила изъ дома. Послѣ подобной экзекуціи Ш. убѣгалъ отъ матери и пропадалъ по цѣлымъ днямъ, зная, что она его ищетъ. Послѣ долгихъ исканій занятія, его удалось опредѣлить въ кап-

скульное заведеніе для дневныхъ работъ; но не долго онъ пробылъ и тамъ; исключенный за неисполнительность и лѣность, Ш. пустился на мелкое воровство; пойманный въ этомъ проступкѣ, онъ попалъ въ колонію. Съ тринадцати лѣтъ онъ обнаруживаетъ крайнюю безхарактерность и вспыльчивость; всякая неудача приводитъ его въ отчаяніе и онъ теряетъ желаніе продолжать занятіе. Настроеніе духа его мѣняется по нѣсколько разъ въ минуту; провинившись, онъ тотчасъ-же со слезами проситъ прощенія, а черезъ пять минутъ повторяетъ проступокъ. Страшная вспыльчивость Ш. проявилась однажды въ рѣзкой формѣ. Во время ужина, исполняя обязанность дежурнаго, онъ разставлялъ тарелки. Воспитанникъ К. взялъ у него изъ рукъ нѣсколько тарелокъ и разставилъ ихъ передъ своими сосѣдами. Это очень не понравилось Ш. и онъ ударилъ К. суповой ложкой по головѣ. Недолго думая, К. тотчасъ-же бросился, чтобы тѣмъ-же отвѣтить обидчику, но былъ удержанъ воспитателемъ. Просидѣвъ минутъ пять, К. не выдержалъ: повинуюсь закипѣвшей злости, онъ выскочилъ изъ-за стола, подерался къ Ш. и ударилъ его сзади. Началась свалка, при чемъ Ш. схватилъ въ обѣ руки по ножу, бросился за убѣгающимъ противникомъ, крича и визжа и угрожая его зарѣзать. Положеніе воспитателя стало критическимъ. Все это совершилось въ одну минуту; встрепенулись и остальные дѣти семьи; надо было тотчасъ-же принять самыя энергическія мѣры. Воспитатель схватилъ пальто, чтобы укрыть убѣгавшаго, и громко закричалъ: „Ш., ни съ мѣста!“ Какъ громомъ пораженный, остановился Ш.; ножи выпали изъ его рукъ, изъ глазъ хлынули слезы и черезъ минуту онъ истерически рыдалъ. Всякая неприятность вызывала въ немъ, кромѣ страшныхъ рыданій и проклятій, цѣлый рядъ бессознательныхъ поступковъ и вполне безотчетныхъ дѣйствій. Такъ, передъ праздникомъ Свѣтлаго Христова Воскресенья Ш. что-то напроказилъ и его не отпустили въ городъ повидаться съ родными. Когда воспитатель повезъ съ собой другихъ воспитанниковъ для свиданія, Ш. съ рыданіями и мольбами побѣждалъ сзади экипажа, прося взять и его. Долго воспитатель удерживалъ мальчика отъ бесполезной прогулки за убѣгающимъ экипажемъ, долго увѣщевалъ вернуться домой въ колонію, Ш. не слушался; наконецъ, видя, что мольбы не помогаютъ, повернулъ назадъ; крича и визжа, какъ обезумѣвшій, онъ бросился

по дорогѣ, потомъ въ лѣсъ, сталъ бѣгать между деревьями, наконецъ, вернулся домой и, схвативъ веревку, кричалъ: „удавлюсь!“ Но на этомъ онъ долго не останавливается: неудерживаемый никѣмъ, онъ бѣжитъ опять въ лѣсъ, влѣзаетъ на дерево и сидитъ тамъ нѣсколько минутъ, потомъ опять соскакиваетъ и бѣгаетъ по лѣсу безъ всякой цѣли. Тутъ подходитъ къ нему воспитатель и спокойно приказываетъ слѣдовать за собою. Ш. повинется безпрекословно. Доведенный до своей койки, онъ, по приказанію воспитателя, садится безмолвно и остается въ такомъ положеніи долгое время. Приходитъ дядя Ш., приноситъ ему гостинцы, заговариваетъ съ нимъ, но провинившійся сидитъ, какъ неживой, не выражая ни словомъ, ни взглядомъ, что онъ радъ приходу родственника, съ которымъ такъ пылко желалъ видѣться. Озадаченный дядя собирается, наконецъ, уходить домой. Тутъ только Ш. очнулся; бросившись въ ноги воспитателю, онъ молилъ и рыдалъ безотчетно. Успокоившись послѣ этого, Ш. окончательно пришелъ въ себя. Ш. мальчикъ задумчивый; вспоминаетъ свое прошлое съ оживленіемъ, съ самыми мелочными подробностями рассказываетъ о свѣтлыхъ минутахъ своей прежней жизни; имѣетъ дарованіе къ музыкѣ, хорошій слухъ и часто напѣваетъ свои любимыя мотивы, которые когда-то, живя у матери, слышалъ въ садахъ и на гуляньяхъ.

Расскажемъ теперь о третьемъ, уже взросломъ, воспитанникѣ, въ разговорахъ съ которымъ намъ привелось пріятно провести время въ колоніи. Судьба его весьма замѣчательна. Сынъ русскаго матроса, служившаго на частномъ коммерческомъ суднѣ, мальчикомъ еще онъ отправился въ далекій путь по океану. Былъ въ Англіи, долго прожилъ въ Бразиліи; затѣмъ судьба кинула его на Сандвичевы острова. Во время этихъ путешествій мальчикъ учился ремесламъ, шилъ и портняжничалъ. Вернувшись въ Кронштадтъ и внезапно лишившись отца, мальчикъ остался безъ средствъ и безъ крова. Недолго боролся онъ съ лишеніями: побуждаемый голодомъ, онъ началъ вскорѣ воровать, попался и былъ переданъ въ колонію. За все время пребыванія его здѣсь онъ велъ себя почти всегда хорошо; воспитанникъ этотъ усердно и съ большимъ умѣньемъ работаетъ въ кузницѣ.

Въ числѣ питомцевъ колоніи есть одинъ мальчикъ, круглый сирота, сынъ генераль-маіора. Испорченный безобразнымъ воспи-

таніемъ опекуна, онъ приобрѣлъ, между другими дурными качествами, привычку обманывать. Въ колоніи ему, какъ генеральскому сыну, испытывшему сравнительно роскошную жизнь, въ началѣ было весьма тяжело свыкнуться съ простой обстановкой и съ своими товарищами. Ихъ колкости и намеки на его происхожденіе доставляли ему много горькихъ минутъ. Въ послѣднее время между этимъ воспитанникомъ и другими дѣтьми замѣтно сближеніе; но все-таки въ общихъ играхъ онъ рѣдко участвуетъ, предпочитая сидѣть отдѣльно и читать, что доставляетъ ему много удовольствія.

Типъ крайне испорченнаго ребенка, имѣющаго теперь едва 8 лѣтъ, представляетъ воспитанникъ М. Въ колонію онъ поступилъ 11 марта 1872 г., блѣдный, худой, въ оборванной одеждѣ. Родина его—новгородская губернія. Прибывъ въ Петербургъ съ матерью года три тому назадъ, они оба съ первыхъ-же дней пустились на воровской промыселъ. Мать послала сына на воровство, давая ему практическія наставленія, какъ ловчѣ совершать кражи. Возвращался М. съ добычей—мать поила его кофеемъ, возвращался съ пустыми руками—порола и била. Въ такой школѣ росъ ребенокъ; ему скоро уже не составляло большого труда подмѣтить, что сосѣдь-купецъ, регулярно въ пьяномъ видѣ возвращается домой и сообразить, что у пьянаго легко что-нибудь украсть. Онъ аккуратно при каждой встрѣчѣ съ пьянымъ сосѣдомъ одной рукой здоровался съ нимъ, а другой шарилъ въ его карманѣ и кралъ мелочь—деньги. Это не мѣшало ему практиковать и на Щукиномъ дворѣ, гдѣ онъ воровалъ сельди, яблоки и другое съѣдобное. Попался М. на кражѣ сѣмянъ изъ пакгаузовъ николаевской желѣзной дороги. Первое время въ колоніи онъ велъ себя изрядно, но, обжившись, снова принялся за воровство. Не мало помогала ему и мать, посѣщавшая его тамъ. По ея настоянію, мальчикъ началъ воровать шейные платки, полотенца, мыло, сахаръ и т. п., все это передавая ей при свиданіяхъ. Безъ сомнѣнія, воровство и передача краденаго скоро обнаружили и матери запрещено было видѣться съ сыномъ. Послѣ этого М. не пересталъ воровать; бывали недѣли, когда въ журналѣ воспитателя записывалось чуть-ли не каждый день: сегодня М. укралъ сахаръ; на слѣдующій день онъ кралъ изъ вармана воспитателя папиросы, кралъ со стола, изъ комнаты

воспитателя, деньги, затѣмъ мыло, сахаръ, спички, молоко и т. д., что попадало подъ руку. Чего только ни предпринимали воспитатели противъ пагубной страсти М., ничто не помогало; даже полное отдѣленіе его отъ товарищей, мѣра самая строгая, нисколько не повліяло на М. Страсть къ воровству, даже не съ пѣлюю присвоенія себѣ краденаго, а просто, какъ упражненіе, какъ занятіе, заставляющее обдумать, согласить всѣ обстоятельства при его исполненіи, брала свое—онъ пуще воровалъ. Никогда на предлагаемый вопросъ, не онъ-ли взялъ то-то, М. не отвѣчалъ сознаниемъ,—напротивъ, напускалъ на себя видъ оскорбленнаго подозрѣніемъ, плакалъ и т. д., спустя-же нѣкоторое время признавался самъ и возвращалъ украденное; было замѣчено, что самый процессъ разбирательства кражи, разпросы и показанія другихъ воспитанниковъ и, вообще, вся форма дѣлопроизводства вращается М., и онъ съ видимымъ удовольствіемъ слѣдилъ за обнаруженіемъ факта воровства и виновной личности. Какъ скоро это подмѣтили, подобныя разбирательства были прекращены. Когда-же М., въ свою очередь, увидѣлъ, что уже нѣтъ болѣе эффекта въ его поступкахъ, онъ сталъ воровать рѣже и, утачивъ что-нибудь, скоро возвращалъ, говоря: „а я взялъ то-то“. М. остается пробыть еще 8 лѣтъ въ колоніи, и можно съ увѣренностью сказать, что спеціальныи порокъ его за это время будетъ искорененъ.

Вообще, чаще всѣхъ другихъ провинностей питомцы колоніи попадались въ воровствѣ. Это ясно показываетъ, что не желаніе присвоить предметъ, не сознание, что украденное сдѣлается собственностью укравшаго (всякій изъ питомцевъ убѣжденъ, что ему некуда и невозможно скрыть украденное, такъ-какъ его выдадутъ товарищи), руководили поступкомъ, а чаще всего просто привычка, потребность украсть; дорогъ былъ только самый процессъ воровства, ловкаго и хитро обдуманнаго; при чемъ не малую долю удовольствія провинившемуся доставляетъ право похвастаться предъ товарищами своей ловкостью и хитростью.

Однажды случилось, что во время классныхъ занятій группа мальчиковъ сидѣла за работой; одинъ изъ нихъ нарочно напроказилъ, за что былъ посаженъ отдѣльно, на табуретѣ, къ окну. Въ присутствіи воспитателя, нѣсколькихъ, случившихся въ это время, посѣтителей и всѣхъ товарищей отдѣленный мальчикъ

сбумѣль добратся до полки у печки, вынуть изъ жестянки горсть сахару и, какъ ни въ чемъ не бывало, сѣсть на мѣсто. По окончаніи занятій онъ отдалъ сахаръ воспитателю, при чемъ съ удовольствіемъ рассказывалъ весь процессъ кражи. Боротся съ подобными патурами, конечно, чрезвычайно трудно. Въ такихъ случаяхъ остается надѣяться только на терпѣливое ежедневное напоминаніе, на занятія и трудъ, а главное, на *время*—это великое и могучее средство, ломающее и не дѣтскія, болѣе податливныя натуры, но даже характеры вполне сформировавшіеся.

Быль случай въ колоніи, что посѣтители, приходившіе подъ видомъ дядей и тетокъ, склоняли знакомаго имъ ребенка-воспитанника къ кражѣ и побѣгу изъ колоніи. Мальчикъ, однако, не поддался соблазну и остался—вѣроятно, между прочимъ, и потому, что, вспомнивъ отвратительную обстановку и частое голоданье во время жизни на свободѣ и сравнивъ ее съ удобнымъ и хорошимъ положеніемъ своимъ въ колоніи, не нашелъ ничего соблазнительнаго въ побѣгѣ. Этотъ фактъ свидѣтельствуесть также, что дѣти признаютъ жизнь въ колоніи хорошею, хотя они съ утра до ночи заняты или въ классѣ, или дома, или въ полѣ, тогда какъ прежде пользовались полной свободой. Отстранить совершенно свиданія воспитанниковъ колоніи и пріюта съ ихъ родственниками, которыхъ нравственность, понятно, не можетъ быть извѣстна руководителямъ колоніи, неудобно; но, дозволяя ихъ, необходимо строго наблюдать, чтобы они не мѣшали исправительной системѣ, примѣняемой въ отношеніи питомцевъ заведенія, и если будетъ замѣченъ вредъ отъ такихъ свиданій, немедленно ихъ прекращать. Не надо забывать, что воспитателямъ въ пріютѣ и колоніи пришлось употребить много терпѣнія и труда, чтобы стать въ хорошія отношенія съ своими питомцами, чтобы вызвать въ нихъ самихъ желаніе отвыкнуть отъ скверныхъ привычекъ. Путемъ долгихъ усилій это достигнуто и замѣтно стремленіе воспитанниковъ сдѣлаться лучше, чѣмъ прежде,—слѣдовательно, вполне законно устранять все, что становится преградой на пути сближенія съ питомцами и ихъ исправленіемъ.

Колонія и ремесленный пріютъ устроены въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петербурга, за пороховымъ заводомъ. Проѣхавъ версты четыре по шоссе, приходится свернуть направо, въ лѣсъ, за которымъ въ колонію ведетъ довольно широкая дорога. Какъ

устройство самой дороги въ колонію, такъ выкорчевываніе и выжиганіе корней срубленныхъ деревьевъ, вырытіе канавъ, уборка сучьевъ и мусора и вообще работы по дому исполнялись и исполняются воспитанниками. Почти шестиугольная площадка, выровненная и обрамленная канавами, послужитъ образцовымъ участкомъ для нагляднаго ознакомленія дѣтей съ различными видами плодоперемѣннаго хозяйства. Какъ слышно, на слѣдующій годъ площадка будетъ засѣяна льномъ. По сторонамъ этой площадки вполне готовы: домъ для директора колоніи, два домика для помѣщенія дѣтей, отдѣльное зданіе для кухни и помѣщенія прислуги, баня и прачечная. Нѣсколько дальше, въ лѣсу, устроены 4 дома, въ которыхъ втеченіи лѣта 1872 года помѣщались наемные работники, строившіе лѣтомъ новые дома для ремесленнаго пріюта, а также сохранялись запасы продуктовъ, утварь, земледѣльческія орудія, сбура, телѣги и т. п. Тутъ же помѣщаются лошади и коровы, принадлежація колоніи. Въ первомъ домикѣ живетъ директоръ земледѣльской колоніи А. Я. Гердъ. Далѣе, близъ площадки, расположены два двухъ-этажные домика. Въ верхнемъ этажѣ помѣщены спальни питомцевъ; въ нижнемъ этажѣ перваго домика лѣтомъ 1872 года помѣщалась столярная мастерская, а во второмъ—квартира служащихъ въ колоніи. Въ прошломъ году, если не ошибаемся, 25 сентября 1872 года, совершилось освященіе двухъ новыхъ домиковъ, построенныхъ отдѣльно въ лѣсу и назначенныхъ собственно для помѣщенія ремесленнаго пріюта съ его директоромъ, Ф. Ф. Резенеромъ, и помощникомъ послѣдняго, молодымъ челоувѣкомъ, обучающимъ дѣтей ремесламъ. Эти два домика, построенные въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ дома на площадкѣ, дали возможность пріюту размѣститься отдѣльно отъ земледѣльской колоніи, завести свое хозяйство, отчетность и стать въ совершенно независимое, самостоятельное положеніе отъ колоніи въ хозяйственномъ отношеніи, такъ-какъ въ воспитательномъ они, по самому ходу дѣла, были уже совершенно другъ отъ друга независимы. Конечно, такое раздвоеніе хозяйства, отдѣльная кухня и т. д., обойдется нѣсколько дороже, но за то выигрывается огромное преимущество—самостоятельность дѣйствій директоровъ того и другого учрежденія.

Наружный видъ домиковъ напоминаетъ отчасти русскую избу,

только огромныя окна и узкій передній фасадъ, вытянутый въ два этажа, даетъ имъ нѣкоторое сходство съ англійскими фермерскими домами. Красивое крылечко, по сторонамъ котораго сдѣланы навѣсы, ведетъ въ комнату нижняго этажа. Войдемъ въ первый домикъ, въ нижній этажъ, гдѣ помѣщается столярная мастерская. По срединѣ комнаты расположена печь; вдоль оконъ — столы, верстаки, тесъ и доски; вдоль стѣнъ-же разставлены готовые столы, табуреты и оконныя рамы. Предметы эти приготовляются дѣтьми подъ руководствомъ наемнаго мастера и каждый изготовленный предметъ помѣчается именемъ работника. Столярная содержится чисто и опрятно. Въ верхній этажъ, т. е. въ спальню дѣтей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, классную комнату семьи, ведетъ деревянная лѣстница. Эта комната, достаточно просторная, отлично освѣщается, благодаря огромнымъ окнамъ. Вдоль стѣнъ устроены, откидывающіяся на шарнирахъ, койки. Каждый воспитанникъ ежедневно самъ убираетъ свою постель и прикрѣпляетъ на день свою койку крючкомъ за петлю, вбитую въ стѣнѣ. Жаль только, что при этомъ способѣ откидыванія коекъ самая постель, а въ тюфякахъ даже и солома, сбивается въ головы. Такимъ образомъ, комната, только-что служившая спальней, превращается въ просторную классную. Тюфякъ и подушка каждаго воспитанника, набитые соломой, покрыты простынями и сѣрымъ байковымъ одѣяломъ. Около изголовья, на гвоздяхъ висятъ принадлежности одежды, полотенца, шапки, устроены полки для помѣщенія разныхъ мелочей. Помѣщающійся въ той-же комнатѣ воспитатель спитъ на такой-же, какъ и дѣти, постели, и во всѣхъ подробностяхъ обстановки не позволяетъ себѣ ничѣмъ отличаться отъ той обстановки, въ которую поставлены дѣти семьи. Вдоль одной изъ стѣнъ верхней комнаты устроены полки съ книгами, тетрадами, письменными принадлежностями и глобусами; тутъ-же размѣщены, склеенные дѣтьми домики и разныя мелочи и игрушки. Въ этой комнатѣ недостаточна вентиляція и для очищенія въ ней воздуха приходится нерѣдко прибѣгать къ открыванію печной трубы. Краткое описаніе одного домика обрисовываетъ общій типъ помѣщенія для дѣтей колоніи; другіе жилые дома мало отличаются другъ отъ друга. Вообще-же руководители колоніи и пріюта видимо заботятся, чтобъ обстановка во всѣхъ помѣщеніяхъ и самый образъ жизни дѣтей въ ко-

лоніи, по своей простотѣ и отсутствію роскоши, подходили къ условіямъ простой и безъискусственной жизни поселянъ.

Слѣдующее зданіе представляетъ собою кухню и столовую. Просторная комната, имѣющая обстановку чистой русской избы, раздѣлена перегородкою на двѣ неравныя части. За перегородкой живетъ кухарка, въ первомъ-же, большемъ отдѣленіи, вдоль стѣнъ тянутся лавки, передъ которыми стоятъ деревянные столы. Уголь комнаты занимаетъ огромная русская печь и плита. За нѣсколько минутъ до обѣда дежурный воспитанникъ приготовляетъ все для стола: ставитъ посуду, кладетъ ножи, вилки и ложки. Посуда состоитъ изъ деревянной чашки и оловянной тарелки. Приходитъ семья; по прочтеніи молитвы всѣ садятся и воспитатель разливаетъ супъ большой деревянной ложкой; онъ-же раздаетъ слѣдующее блюдо. Хлѣбъ и квасъ даются воспитанникамъ безъ опредѣленія количества — каждый ѣсть и пьетъ сколько ему угодно. Кухарка хлопочетъ у печи, а дежурный подноситъ купанье отъ печи къ столу. При такомъ порядкѣ воспитатели и директора, имѣющіе каждый свои отдѣльныя семьи, ѣдятъ совершенно то-же, что и дѣти. По окончаніи обѣда каждый воспитанникъ моетъ свою посуду, ложки, ножи и вилки и показываетъ воспитателю, хорошо-ли это имъ исполнено. Ежедневно одинъ изъ воспитанниковъ назначается дежурнымъ. Его обязанность: подметать полы въ помѣщеніяхъ, убирать соръ, колоть дрова, топить печи, выносить помои, чистить и заправлять лампы, сметать снѣгъ съ крыльца и т. д. Кромѣ этого дежурнаго, на двѣ недѣли назначается еще дежурный по кладовой, которому выдаются ключи отъ складовъ и запасовъ провизіи. Онъ выдаетъ и принимаетъ мясо, хлѣбъ и др. припасы; слѣдитъ за порядкомъ въ кладовыхъ и т. д. Исполняя эти обязанности, питомецъ не избавляется тѣмъ отъ ежедневныхъ работъ и занятій вмѣстѣ съ другими своими товарищами.

Въ томъ домѣ, гдѣ помѣщается кухня, живутъ наверху нѣкоторыя изъ лицъ, служащихъ въ колоніи, а также помѣщались семеро воспитанниковъ, имѣющихъ отъ 15 до 18 лѣтъ отъ роду. Этихъ болѣе взрослыхъ воспитанниковъ пришлось отдѣлить отъ прочихъ малолѣтнихъ и отдать подъ надзоръ особаго воспитателя. Отдѣльно, но близко отъ кухни, стояла деревянная баня. Въ концѣ лѣта, вслѣдствіе слишкомъ низко устроеннаго

потолка и высокой печи, зданіе вспыхнуло и сгорѣло до тла, но, къ счастью, всѣ прочія зданія уцѣлѣли; на деньги, полученныя изъ страхового общества, выстроена новая, просторная баня, прачечная и помѣщеніе для сторожа. Втеченіи 1872 года выстроены еще: сарай для помѣщенія телѣжной мастерской, два ледника, караулка, теплицы и парники.

День въ колоніи и пріютѣ проходитъ приблизительно такъ: Встаютъ воспитанники въ 6 часовъ; до 7^{1/2} моются, одѣваются, убираютъ постели, молятся Богу; затѣмъ завтракаютъ. Въ 8 садятся за ученье, что продолжается до 9 часовъ. Отъ 9^{1/2} до 12 дѣти заняты разными работами по дому и въ лѣсу. Отъ 12 до часу — обѣдъ; до 3 часовъ рекреція, дѣтямъ разрѣшается въ это время гулять по полю; въ 3 часа опять начнутся работы, а отъ 6 до 7 снова урокъ. Въ этомъ промежуткѣ времени назначенъ краткій отдыхъ для полдника. Въ 7^{1/2} часовъ ужинъ, а въ 9 дѣти ложатся спать. Воспитанники получаютъ вполне питательную пищу. Два раза въ недѣлю они ѣдятъ постную пищу, а въ остальные дни скоромную. Супъ готовится овсяной мукѣю съ масломъ или крупѣю и картофелемъ; три раза въ недѣлю дается молоко. Второе блюдо послѣ супа за обѣдомъ составляетъ каша, чаще всего гречневая. Мясо кладется въ супъ. Всего въ недѣлю каждый получаетъ около 2^{1/2} фунтовъ говядины и молока въ количествѣ ³/₄ бутылки на человѣка въ день. Полдникъ состоитъ изъ хлѣба съ масломъ; на ужинъ подается кушанье, оставшееся отъ обѣда. Въ праздники подается, кромѣ того, къ обѣду пирогъ съ рисомъ или брусничнымъ вареньемъ. Четыре раза въ недѣлю воспитанники получаютъ чай съ чернымъ хлѣбомъ и одинъ разъ съ ситникомъ. Пища и платье на каждого воспитанника колоніи и пріюта обходится ежедневно около 15 коп., и то только благодаря строгой экономіи и заблаговременному заготовленію овощей.

Свободное время дѣти проводятъ или сидя подъ навѣсами своихъ домиковъ, и тутъ рассказываютъ, что на умъ взбрѣдетъ, или поютъ пѣсни. Нѣкоторые завели себѣ птицъ и кроликовъ и копошатся около нихъ. Лѣтомъ по нѣсколько разъ купаются. Протекающей у колоніи рѣченкой Лупой, при ея достаточно быстрой теченіи, можно было-бы съ выгодѣю воспользоваться для приведенія въ движеніе водяной мельницы. Какъ ни желательно

осуществленіе такого выгоднаго для колоніи проекта, но за недостаткомъ средствъ общества проектъ этотъ, вѣроятно, долго еще останется невыполненнымъ.

Привычка къ жизни въ одиночку и незнакомство съ условіями совмѣстной жизни рѣзко выражаются въ дѣтяхъ колоніи. Въ началѣ дѣти семьи держали себя каждый отдѣльно, не знали даже общихъ игръ и пѣсенъ, но мало-по-малу совмѣстное пребываніе сблизило членовъ семей и завелись игры въ городки, въ бары, въ лапту, въ камешки и другія.

Одежда дѣтей: тиковая блуза и панталоны изъ той-же матеріи; поддевка, панталоны изъ толстаго сукна и шейные платки. Обувь: сапоги и лапти, а зимой и валенки. На зиму запасаютъ рукавицы, варежки и полшубки. Бѣлья 2 пары на каждого питомца обходятся колоніи приблизительно 8 руб.; одежда каждого стоитъ до 4 руб.; обуви расходуется много, почти на 12 руб., и теплой одежды на 5 руб. Такимъ образомъ, заготовленіе новой одежды и починка ея обходятся въ 40 руб. въ годъ на каждого питомца. Съ жадностью набрасываются дѣти на выдаваемую имъ новую одежду, но такъ-же скоро проходитъ и всякая о ней забота.

Съ наступленіемъ зимы приходится прискивать дѣтямъ занятія въ домѣ, а не внѣ его, что представляетъ не малое затрудненіе.

Ремесленный пріютъ, до развитія новой ремесленной мастерской, предполагаетъ остаться при столярной работѣ, а затѣмъ установить обученіе слесарному дѣлу; въ колонію-же былъ приглашенъ на зиму опытный переплетчикъ; у него занимались преимущественно малолѣтніе воспитанники. Кромѣ этихъ двухъ ремеслъ, въ существующей при колоніи небольшой кузницѣ, въ 4 горна, нѣкоторые изъ мальчиковъ обучаются кузнечному дѣлу. Четверо изъ нихъ очень успѣшно отковываютъ гвозди, гайки и оковки къ санямъ и телѣгамъ, дѣлаютъ и чинятъ бороны и т. д. Дѣло это стоитъ достаточно прочно и отъ сосѣднихъ колонистовъ получаютъ даже несложные заказы на издѣлья. Какъ кажется, не представило-бы трудности и обученіе сапожному ремеслу, представляющему большой спросъ; а также считающему весьма пригоднымъ и сильнымъ для дѣтей малаго возраста обученіе щеточному дѣлу, такъ-какъ, при относительно несложныхъ

приспособленіяхъ, которыя требуетъ это производство, въслѣдствіи оно доставляло-бы знающимъ дѣло порядочный заработокъ. Развивая, такимъ образомъ, обученіе ремесламъ, общество, вѣроятно, займется и разработкою проекта объ учрежденіи особой кассы; сюда отдѣлялась-бы извѣстная часть собственнаго заработка воспитанниковъ, полученнаго отъ частныхъ заказовъ. Сознаніе каждаго изъ работавшихъ, что его трудъ оцѣненъ и доставилъ ему возможность приобрести собственныя, ему безусловно принадлежащія деньги, безспорно будетъ имѣть огромное вліяніе на дѣтей. Они увидятъ въ трудѣ не наказаніе, а средство добыть заработокъ. Понятно, установить такой порядокъ будетъ не легко. Онъ встрѣтитъ на практикѣ много затрудненій, такъ-какъ до тѣхъ поръ, пока каждый изъ рабочихъ не будетъ мастеромъ своего дѣла или не въ состояніи будетъ одинъ провести матеріалъ черезъ всѣ виды разработокъ, т. е. сдѣлать вещь вполне готовую, оцѣнять справедливо долю участія другихъ въ изготовленіи ея будетъ дѣломъ крайне-труднымъ. Работы, исполняемыя воспитанниками колоніи, лѣтомъ состоятъ въ обработкѣ поля, посѣвѣ и сборѣ хлѣба, овса и сѣна, уходѣ за огородами и сборѣ овощей; воспитанниками исполняются также работы въ парникахъ, въ лѣсу; они роютъ канавы, чинятъ дороги, изгороди и т. д. Зимой-же воспитанники заняты близъ дома; въ лѣсу рубятъ и пилятъ бревна, свозятъ ихъ къ площадѣ, заготавливаютъ дрова и т. д. Какъ видно, работы нелегкія, требующія и привычки и много физическаго напряженія. Работы въ полѣ составляютъ любимый воспитанниками родъ занятій, хотя, вообще говоря, въ началѣ, отношенія дѣтей къ физическому труду вообще были очень плохи, и только личное участіе воспитателя во всѣхъ работахъ, его примѣръ приохотили и дѣтей. Лучшимъ средствомъ отъ лѣни оказалось наказаніе полнымъ бездѣйствіемъ въ то время, когда другіе трудятся.

Занятія съ воспитанниками въ школѣ достигли сравнительно отличныхъ результатовъ; дѣти охотно учатся и приобрѣли значительные успѣхи. Хотя около двухъ третей всего числа питомцевъ колоніи обучались грамотѣ ранѣе своего поступленія туда, но знаніе ихъ было очень немногосложно. По закону Божию только 17 воспитанниковъ знали нѣкоторыя молитвы, а 19 чело-вѣкъ не знали ни одной. Читали хорошо 6, порядочно 6, пло-

хо 12, не знали грамотѣ вовсе 12. Писали хорошо 4, порядочно 7, плохо 9, вовсе не умѣло писать 16 человекѣ. Рѣшали арифметическія задачи въ предѣлѣ двухъ десятковъ 6, не умѣли рѣшать вовсе 30 человекѣ. Такое крайнее разнообразіе въ степени научной подготовки дѣтей еще не было особенно тяжелой задачей для руководителей школы; гораздо большее затрудненіе въ этомъ случаѣ представляло условіе одновременнаго поступленія дѣтей въ колонію. До тѣхъ поръ, пока достаточно не обрисовался одинаковый уровень познаній въ нѣсколькихъ воспитанникахъ, нельзя было и думать о правильномъ дѣленіи ихъ на группы или классы. Въ настоящее время организовано два класса, въ первомъ 10 человекѣ, собирающихся изъ разныхъ семей колоніи, учатся у директора, остальные-же 26, въ свою очередь раздѣленные на группы, занимаются у воспитателя.

Экзаменъ, сдѣланный въ послѣднихъ числахъ декабря 1872 года, обнаружилъ слѣдующіе результаты: главныя молитвы знаютъ всѣ, кромѣ 3; съ исторіей новаго завѣта знакомы 10; изъ I класса читаютъ и рассказываютъ прочитанное хорошо 5, порядочно 2, плохо 3. Рѣшаютъ умственные и письменныя задачи въ предѣлахъ первой сотни хорошо 6, порядочно 4. Во II классѣ читаютъ порядочно 24, не умѣютъ читать 2; пишутъ 24; изъ нихъ 6 плохо, двое-же совсѣмъ не умѣютъ писать. Задачи рѣшаютъ хорошо 9, порядочно 11, плохо 6.

Обученіе грамотѣ идетъ по звуковому методу; для чтенія воспитанниковъ пользуются „Роднымъ Словомъ“ Ушинскаго и книгою Резенера и Волкова. Арифметикѣ обучаютъ по руководству Грубе и сборнику задачъ Евтушевскаго. Въ старшемъ классѣ знакомятъ учениковъ съ географіей; лѣтомъ устраиваются экскурсіи въ лѣсъ и по полямъ для составленія гербаріумовъ и ознакомленія съ ботаникой.

Что касается исправительныхъ мѣръ, примѣняемыхъ въ колоніи и пріютѣ, то въ основаніе воспитанія малолѣтнихъ въ этихъ учрежденіяхъ положенъ принципъ, что тѣлесное наказаніе не должно употребляться, какъ мѣра недостигающая цѣли. Эта-же мысль была выражена и въ проектѣ устава, представленнаго на утвержденіе правительства. Въ такомъ видѣ уставъ былъ утвержденъ, но было добавлено, что правительство соглашается на исключеніе тѣлеснаго наказанія изъ числа исправительныхъ мѣръ, которыя

предположено употреблять въ колоніи и пріютѣ, но съ тѣмъ, чтобы общество послѣ двухгодичнаго опыта снова вошло съ представленіемъ, что оно можетъ довольствоваться употребляемыми исправительными мѣрами безъ примѣненія тѣлеснаго наказанія.

Въ настоящее время срокъ этотъ наступаетъ. Сколько намъ извѣстно, общее собраніе членовъ земледѣльческой колоніи и ремесленнаго пріюта, состоявшееся 21 апрѣля 1873 г., положило просить г. министра внутреннихъ дѣлъ оставить безъ измѣненія § 29 устава, въ которомъ перечислены исправительныя мѣры, примѣняемыя въ колоніи и пріютѣ, и, имѣя въ виду двухгодичный опытъ, доказавшій, что не было случая и надобности къ примѣненію какихъ-либо другихъ, болѣе строгихъ, мѣръ наказаній, тѣлеснаго наказанія *не вводитъ*. Если въ началѣ дѣйствій этихъ учрежденій, когда, понятно, труднѣе было справляться съ дѣтьми, поступившими не одновременно, а явившимися въ заведеніе одинъ послѣ другого, не пришлось ни разу и подумать объ употребленіи розогъ, то теперь и подавно вводить эту мѣру было-бы совершенно излишне. Безусловное устраненіе тѣлеснаго наказанія изъ ряда мѣръ, употребляемыхъ въ колоніи, есть одна изъ самыхъ яркихъ сторонъ, отличающихъ нашу петербургскую колонію отъ подобныхъ-же заведеній за-границей, гдѣ розги въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ, хотя и рѣдко, но все-таки имѣютъ еще примѣненіе.

Въ колоніи и пріютѣ примѣняются слѣдующія мѣры наказанія: выговоръ и замѣчаніе наединѣ, выговоры публичныя, недопущеніе провинившагося къ общимъ играмъ, занятіямъ и работамъ; работа отдѣльно отъ товарищей, лишеніе довѣрія, т. е. отдѣленіе виновнаго отъ другихъ и отдача его подъ надзоръ служителя колоніи, который обязанъ слѣдить за провинившимся и не отходить отъ него. Эта мѣра, равно какъ и полное отдѣленіе на день или на мѣсяць, съ лишеніемъ права разговаривать, оставаясь въ общей съ другими комнатѣ, составляютъ самое тяжелое наказаніе, вызывавшее очень скоро искреннее раскаяніе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ воспитатель отдаетъ на судъ всѣхъ членовъ семьи постоупъ ихъ товарища, отбираетъ ихъ мнѣнія и затѣмъ уже произноситъ приговоръ.

Изъ перечня этихъ мѣръ, примѣняемыхъ въ пріютѣ и колоніи, нельзя не замѣтить, что наказаніе занимаетъ весьма незначительное мѣсто въ ряду мѣръ, которыми достигается ослабленіе и унич-

тоженіе дурныхъ склонностей и привычекъ, съ которыми питомцы поступаютъ въ это учрежденіе. Воспитатели достигаютъ благотворныхъ результатовъ терпѣливымъ, сдержаннымъ отношеніемъ въ виновному и влияніемъ труда и порядка.

По нашему мнѣнію, еще невозможно говорить опредѣленно о результатахъ, достигнутыхъ руководителями колоніи и пріюта, такъ какъ недавнее существованіе этихъ учреждений не даетъ тѣхъ фактовъ, на основаніи которыхъ можно было-бы вывести какое-нибудь окончательное заключеніе. Сказать, что колонія и пріютъ теперь достигли своей цѣли, нельзя уже потому, что сдѣланное до сихъ поръ составляетъ только небольшую долю всей предположенной задачи.

Отстранить отъ ребенка возможность впадать въ усвоенные имъ пороки, приучить его къ труду, побороть въ немъ своеволіе, грубость и дерзость, конечно, нелегко, но, при регулярной жизни, постоянномъ надзорѣ, существующемъ въ каждомъ учрежденіи для исправленія дѣтей, — возможно. Пробывъ два, три года, дѣти дѣйствительно измѣнятся; они будутъ не тѣ, какими явились въ колонію; но этимъ еще не закончена задача исправленія или, по крайней мѣрѣ, по этому нельзя судить, выполнѣ-ли и навсегда исчезли въ воспитанникѣ его недостатки. Наша колонія еще не испытала себя въ этомъ отношеніи. Когда выйдутъ первыя поступившія дѣти, когда, при возвращеніи ихъ въ общество, соблазны, обстановка и пр. не собьютъ ихъ съ пути честной и трудовой жизни, на которую поставила ихъ колонія, тогда только можно будетъ утвердительно сказать, что руководители колоніей исполнили свою задачу. Однакожь, и теперь уже можно сказать, что все, что до сихъ поръ сдѣлано въ нашей колоніи и пріютѣ, говоритъ за выполнѣ раціональное и успѣшное веденіе дѣла. Отношенія между директорами, воспитателями и питомцами самыя гуманныя и искреннія. Они сумѣли достигнуть значительныхъ результатовъ безъ примѣненія суровой строгости, угрозъ, а тѣмъ болѣе толчковъ и пинковъ. Несмотря на частыя проявленія непослушанія, повторенія одного и того-же проступка, воспитатели относятся къ дѣтямъ съ истинно-рѣдкимъ терпѣніемъ. Оба директора, г. Гердъ и г. Резенеръ, обладая огромной педагогической опытностью, достигаютъ уже теперь того желаемого исправленія большинства дѣтей, къ которому направлены были ихъ усилія.

Во все время существованія колоніи и пріюта были, если не ошибаемся, всего три случая побѣга изъ заведенія питомцевъ; одинъ изъ бѣжавшихъ не найденъ, но онъ, собственно говоря, не былъ воспитанникомъ колоніи: онъ былъ препровожденъ туда неправильно, такъ-какъ ему было около 20 лѣтъ отъ роду; его еще не успѣли принять, какъ онъ бѣжалъ. Конечно, эти прискорбные случаи нисколько не говорятъ противъ относительной свободы, которой пользуются питомцы, и, разумѣется, ради возможности побѣга изъ колоніи не слѣдуетъ измѣнять принятаго правила— не строить ни стѣнъ, ни заборовъ и не учреждать лишнихъ надсмотрщиковъ. Этими мѣрами нельзя избѣжать побѣговъ, за то ими не трудно ожесточить дѣтей; порядокъ, основанный на довѣріи къ питомцамъ и принятый въ нашей петербургской колоніи, безспорно слѣдуетъ считать самымъ рациональнымъ. Надобно желать, чтобъ онъ удержался и на будущее время и честнымъ, неутомимымъ труженикамъ-воспитателямъ удалось-бы вселить въ дѣтяхъ убѣжденіе, что на довѣріе къ нимъ они обязаны отвѣчать честнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей.

По правиламъ учрежденія слѣдуетъ избѣгать пріема воспитанниковъ старше 16 лѣтъ, между тѣмъ мировые судьи иногда присылаютъ молодыхъ людей, которымъ по виду лѣтъ подъ 20, хотя въ прилагаемомъ присланномъ спискѣ значится лѣтъ 13 или 14. По наводимымъ потомъ справкамъ оказывается, что присланному, напримѣръ, 18 лѣтъ, но дѣло уже сдѣлано—воспитанникъ принять. Случаюсь, приводили въ колонію даже дѣвочекъ, хотя каждому мировому судѣ должно быть извѣстно, что наша колонія существуетъ только для однихъ мальчиковъ. Положеніе директоровъ колоніи, при такихъ ошибочныхъ и несогласныхъ съ ея уставомъ постановленіяхъ мировыхъ судей, бываетъ весьма затруднительное. Какъ приведенные молодые люди, такъ и сопровождающіе ихъ чины полиціи, пройдя иногда болѣе 17 верстъ въ колонію, ропшутъ, если ихъ тотчасъ-же отправляютъ обратно въ городъ. Приходится принимать присланнаго на-время до наведенія окончательныхъ справокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ брать на себя за него тяжелую отвѣтственность. Было-бы крайне желательно, чтобы подобныя ошибки на будущее время не повторялись, чтобы не присылали въ колонію такихъ обвиненныхъ, которые по своему возрасту явно не подходятъ подъ требованія устава этого заведенія. Нельзя требовать

отъ учрежденія, чтобы оно дѣлало то, что ему не по силамъ; невозможно помѣщать въ одну семью 10-лѣтняго вмѣстѣ съ 18-лѣтнимъ, такъ-какъ мѣры для ихъ исправленія естественно должны примѣняться разныя.

Въ нашей колоніи воспитателямъ удалось развить въ своихъ воспитанникахъ охоту къ труду раздѣленіемъ ихъ на разряды, причемъ первому разряду назначается сравнительно тяжелѣйшая работа и болѣе долгій срокъ для ея исполненія. Странно, но этимъ раздѣленіемъ удалось развить въ дѣтяхъ соревнованіе и желаніе попасть въ первый разрядъ; они рвутся, чтобы заслужить это право, хотя знаютъ, что имъ придется работать болѣе. Провинившагося уединяютъ отъ товарищей, тутъ-же на работѣ; лишаютъ права говорить съ товарищами, права уйти, лечь, заняться тѣмъ, что дѣлаютъ товарищи, вообще ставятъ въ положеніе ничего-недѣланія. Это средство оказалось настолькоъ удачнымъ, что на него дѣти смотрятъ какъ на строгое наказаніе. Проведя нѣсколько часовъ въ этомъ положеніи, провинившійся умоляетъ допустить его къ работѣ и разговору съ товарищами.

Здоровье дѣтей находится въ удовлетворительномъ состояніи.

Матерьяльныя средства земледѣльческой колоніи и ремесленного пріюта находятся также въ удовлетворительномъ состояніи, благодаря частнымъ пожертвованіямъ. Однакожъ дальнѣйшее необходимое развитіе и расширеніе колоніи и пріюта немислимы безъ участія со стороны всего населенія Россіи. Если наше русское общество поддерживаетъ всевозможныя благотворительныя учрежденія и доставляетъ матерьяльныя средства на содержаніе и устройство ихъ, то нѣтъ сомнѣнія, что начатое полезное дѣло спасенія и исправленія испорченныхъ дѣтей, будущихъ полезныхъ членовъ этого-же общества, будетъ поддержано и развито. Втеченіи 1872 г. отъ попечительствующаго о тюрьмахъ комитета получено 10,000 рублей; отъ с.-п.-б. городской думы на ремесленный пріютъ 5,000 руб.; членскихъ взносовъ отъ 571 прежнихъ и 36 недавно вступившихъ членовъ общества собрано болѣе 5,500 р. Получено платы за содержаніе дѣтей 2,000 р.; процентовъ съ капитала 1,279 р. Въ послѣднее время пожертвовано государемъ Императоромъ и членами императорскаго дома 1,850 р.; гг. Фридландомъ 1,000 р. и Утиними 500 р.; разными лицами 1,443 р.; г-жи Ланскія пожертвовали 2,000 р.; г-жи Воронина и Суцова внесли собран-

ныя съ двухъ концертовъ 6,500 р. За предстоящими втеченіи 1873 г. расходами предполагается имѣть свободнаго капитала до 13,496 р. Г-мъ Смирновымъ пожертвовано 5,000 р. специально на устройство церкви при колоніи, такъ-какъ воспитанникамъ приходится по праздникамъ ходить къ обѣднѣ за четыре версты на пороховые заводы. Въ числѣ суммъ, составляющихъ капиталъ общества, заключается денежный билетъ, пожертвованный тюремнымъ комитетомъ, по номинальной стоимости 10,000 руб., но размѣненъ онъ можетъ быть только за 8,000 р.

Этимъ мы оканчиваемъ наши краткія замѣтки о петербургскихъ колоніи и пріютѣ, которые должны послужить образцомъ для другихъ колоній въ губерніяхъ.

Поставивъ себѣ задачей дать читателямъ по возможности точное описаніе колоніи и пріюта, мы не входили въ разсмотрѣніе и обсужденіе дѣятельности ихъ директоровъ, гг. Герда и Резенера, и воспитателей, потому что не считали этого идущимъ къ нашему описанію. Впрочемъ, и безъ насъ уже много разъ было писано о полномъ самопожертвованіи, съ какимъ ведутъ дѣло гг. Гердъ и Резенеръ, о ихъ глубокомъ знаніи дѣтской природы, о ихъ неутомимыхъ трудахъ и пр. Прибавлять что-либо къ похваламъ ихъ дѣятельности, выраженнымъ въ нѣкоторыхъ газетныхъ и журнальныхъ статьяхъ, мы считаемъ совершенно лишнимъ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о необходимости скорѣйшаго учрежденія при колоніи и пріютѣ отдѣла для подготовленія воспитателей и учителей.

Важность этого отдѣла понятна каждому. Безъ прочнаго основанія и обезпеченія колоніи достаточнымъ числомъ воспитателей веденіе дѣла въ будущемъ немислимо. И теперь уже, если воспитатель заболѣетъ или принужденъ будетъ отлучиться на продолжительное время, его нечѣмъ замѣнить; что-же будетъ послѣ? Обязанности воспитателя чрезвычайно сложны, требуютъ полного самопожертвованія и любви къ дѣлу перевоспитанія испорченныхъ дѣтей; создать вдругъ воспитателей для этихъ учреждений, и при томъ такихъ, которые повели-бы дѣло въ принятомъ и заведенномъ уже направленіи, едва-ли возможно. Необходимо, чтобы подготовляющійся къ должности воспитателя слѣдилъ и изучалъ пріемы, употребляемые настоящимъ воспитателемъ. Устройство отдѣла для приготовленія воспитателей желательно при петербургской ко-

лоніи еще и потому, что земства другихъ губерній, вѣроятно, обратятся къ петербургской колоніи за совѣтомъ и руководствомъ, если захотятъ устроить у себя такія-же колоніи. Сколько намъ извѣстно, въ Казани и Самарѣ дѣло объ устройствѣ колоній для малолѣтнихъ уже въ ходу. Въ Саратовѣ, въ засѣданіи губернскаго земскаго собранія 11 декабря 1872 г. доложено было отношеніе начальника губерніи относительно учрежденія тамъ пріюта для малолѣтнихъ преступниковъ. Собраніе единогласно постановило: ассигновывать ежегодно на содержаніе этого заведенія по 2,000 р. со дня его открытія.

Также есть данныя предполагать, что въ Рязани скоро устроится подобная-же колонія. Понятно, что обезпеченіе всего будетъ для вновь учреждающихся колоній въ губерніяхъ взять воспитателей изъ петербургской колоніи, уже испытавшей себя. Но это будетъ возможно только тогда, если при этой колоніи будетъ сверхкомплектъ въ воспитателяхъ. Въ настоящее-же время такихъ едва хватаетъ на потребность колоніи.

Хотѣлось-бы при этомъ коснуться вопроса и о томъ, возможно ли будетъ изъ питомцевъ колоніи приготовить настоящихъ *земледѣльцевъ*, которые-бы по окончаніи курса отправились въ деревни и тамъ поселились; но едва ли возможно дать на этотъ вопросъ утвердительный отвѣтъ. Скорѣе можно полагать, что питомцы колоніи, окончивъ курсъ, поселятся въ Петербургѣ, гдѣ они, какъ люди грамотные, конечно, найдутъ себѣ большее вознагражденіе за работу, чѣмъ въ деревнѣ.

Въ послѣднее время петербургскій опекунскій совѣтъ обратился въ общество земледѣльческихъ колоній съ запросомъ объ условіяхъ, на которыхъ можно было-бы помѣщать въ колонію и пріютъ нравственно-порочныхъ питомцевъ воспитательныхъ домовъ. Послѣ переговоровъ вопросъ этотъ обусловленъ только высочайшимъ разрѣшеніемъ на приведеніе въ исполненіе этого проекта, такъ-какъ вопросъ финансовый уже рѣшенъ. Опекунскій совѣтъ согласился или платить по 150 р. ежегодно за каждаго своего питомца и выстроить отдѣльный для таковыхъ (на 10 или 15 человекъ) домъ или отпустить обществу одновременно 3,000 р. Если не ошибаемся, то уже въ этомъ году будетъ приступлено къ постройкѣ новаго домика для будущихъ воспитанниковъ.

V.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года намъ удалось побывать въ Бѣхтеленѣ и узнать о ходѣ дѣла въ этомъ учрежденіи за послѣднее время. Намѣтимъ нѣкоторые факты въ дополненіе къ нашему очерку объ этомъ заведеніи, напечатанному въ прошлой книжкѣ „Дѣла“.

Въ настоящее время въ Бѣхтеленѣ воспитываются 53 мальчика, подъ руководствомъ директора (г. Шнейдера), двухъ учителей и двухъ воспитателей.

Исторія съ прежнимъ директоромъ, Куратли, чувствительно отозвалась въ финансовомъ отношеніи, такъ-какъ сумма пожертвованій значительно уменьшилась. Несмотря на продажу части земли и строеній, принадлежавшихъ заведенію, комитетъ по управленію Бѣхтеленомъ принужденъ былъ сдѣлать долгъ и сократить денежный бюджетъ по заведенію. Въ настоящее время заведенію принадлежатъ 104 юхарта земли, которые обрабатываются воспитанниками и воспитателями. Средній сборъ продуктовъ съ двухъ юхартовъ прокармливаетъ одного человѣка. Введены регулярныя занятія въ школѣ также и втеченіи лѣта, такъ-какъ количество работы въ полѣ уменьшилось. Втеченіи всего года воспитанники практически обучаются портняжному и сапожному ремесламъ.

Плохое финансовое положеніе вынудило комитетъ упразднить отдѣлъ для молодыхъ людей, подготовлявшихся въ воспитатели. Мѣра эта, вынужденная обстоятельствами, какъ и слѣдовало ожидать, нанесла ущербъ ходу дѣла въ заведеніи. Прошло лишь полгода и Бѣхтеленъ былъ поставленъ въ тяжелое положеніе, ему угрожала перспектива остаться безъ воспитателей и руководителей работъ въ полѣ и мастерскихъ. Второй разъ пришлось заведенію стать въ критическое положеніе; первый опытъ въ 1859 году, когда одновременно выбыло трое и заболѣлъ четвертый воспитатель, доказалъ огромное, важное значеніе отдѣла для подготовленія воспитателей. Но прошли года,—и финансовое положеніе заставило отказаться отъ него. Упраздненіе этого отдѣла доставило случай заведенію второй разъ убѣдиться въ важности его существованія. Пришлось хоть закрывать заведеніе. Цифра воспи-

танниковъ (съ 33 на 53) увеличилась, а воспитательныя силы уменьшились до невозможности сладить и съ четвертью комплекта дѣтей. Бросились подыскивать уже готовыхъ воспитателей; нѣсколько молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ одной изъ швейцарскихъ семинарій, предложили свои услуги, но вскорѣ оказалось, что они не умѣютъ обращаться съ дѣтьми, въ особенности съ такими, нравственные задатки и пороки которыхъ дѣлаютъ отношенія къ нимъ особенно трудными; тѣ-же изъ нихъ, которые оказывались способными выполнить тяжелыя обязанности воспитателей, весьма скоро отказывались отъ мѣста, считая вознагражденіе за свой трудъ слишкомъ недостаточнымъ. Такимъ образомъ, воспитатели мѣнялись чуть не каждый мѣсяць, что, разумѣется, вредно отражалось на дѣтяхъ, принужденныхъ испытывать на себѣ то одно, то другое вліяніе. Волей-неволей пришлось испробовать слѣдующую мѣру: пожертвовать запасомъ и уровнемъ научныхъ познаній воспитателей въ пользу ихъ практичности и умѣнія руководить полевыми работами дѣтей. Въ помощь къ двумъ учителямъ, окончившимъ курсъ въ семинаріи, взяли двоихъ молодыхъ людей (изъ нихъ одинъ женатый), бывшихъ наемныхъ работниковъ заведенія, едва знающихъ читать и писать, но зато способныхъ руководить работами въ полѣ, и, что не менѣе важно, знакомыхъ съ порядками и обстановкою заведенія и довольствующихся небольшимъ вознагражденіемъ. Безъ сомнѣнія, такая мѣра приноситъ много неудобствъ. Двумъ учителямъ приходится не по силамъ записаться съ 53 ребятами въ школѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, исполнять обязанности воспитателей, чередуясь съ двумя другими такъ-называемыми воспитателями, но въ сущности людьми, не соответствующими этому званію.

Позволяемъ себѣ обратить на этотъ фактъ изъ исторіи Бѣхтелена особое вниманіе лицъ, руководящихъ нашею петербургскою земледѣльческою колонією и пріютомъ, и посоветуемъ имъ, — что дѣлаемъ уже не въ первый разъ, — теперь-же удѣлить хотя скромную долю изъ имѣющихся суммъ общества на учрежденіе при колоніи и пріютѣ отдѣла для подготовленія молодыхъ людей на должности воспитателей. Если въ средѣ лицъ, кончившихъ курсъ нашихъ учительскихъ семинарій, безъ сомнѣнія, и найдутся люди вполне способные быть воспитателями, то врядъ-ли они на долго будутъ оставаться въ колоніи, имѣя полную возможность получить

значительно большее вознагражденіе въ другихъ учрежденіяхъ и имѣть при томъ гораздо болѣе свободнаго времени. Лица-же, свыкшіяся съ простою обстановкою жизни въ колоніи, съ ея порядками, способныя вести воспитательное дѣло въ томъ-же самомъ направленіи и съ тою-же систематичностью, какъ вели дѣло ихъ предшественники, обезпечать колонію въ этомъ важномъ отношеніи.

А. Фонъ-деръ-Ховенъ.

НАДЪ МОГИЛОЙ.

Какъ былинка, въ родимомъ краю
Ты убита зимою морозною.
Часто слышу я пѣсню твою
Невеселую, тихую, слезную.
Разцвѣла ты, какъ ландышь лѣсной,
Да вьюга налетѣла нежданная,
И поникла ты вся подъ грозой
Захирѣла родная, желанная...

Видать слезы и пѣсни твои
Слышитъ ночка одна безразсвѣтная.
Тяжкій крестъ пережитой любви
Ты несешь, никому незамѣтная.
Сколько разъ разцвѣтала весна—
Все сіяло, горѣло, лучилося,
Только ты не воскресла одна
Словно ландышь подъ снѣгомъ томилася.

Я хотѣлъ-бы рыдать надъ тобой
Надъ болѣзною, тихой, унылою,
Чтобъ растаялъ-бы снѣгъ подъ слезой,
Чтобъ воскресла ты чистой и милою,
Чтобъ лѣснымъ ароматомъ опять
Ты наполнила жизнь одинокую,
Чтобы вновь и любить, и сіять
Той-же дѣвушкой чудной, высокою.

Красота этихъ худенькихъ рувъ,
Эта прелесть очей умоляющихъ,
Этихъ устъ мелодическій звукъ,
Словно къ сердцу чужому взывающихъ,—
Пусть болѣзненны эти черты,
Пусть полны они скорби томительной

Все-же выше иной красоты,
Ослѣпляющей и повелительной...

Разцвѣла ты, какъ ландышъ лѣсной,
Да вьюга налетѣла нежданная
И склонилася ты подъ грозой,
Захирѣла родная, желанная.
Часто слышу я пѣсню твою
Невеселую, тихую, слезную...
Какъ былинка въ холодномъ краю
Ты убита зимою морозною!..

В. Славянский.

ВАРЯ НОВОЙ ЖИЗНИ.

РОМАНЪ

Фридриха Герштекера.

X.

ИНОГДА СЛУЧАЕТСЯ!

Возстаніе въ Нью-Орлеанѣ было подавлено, но спокойствіе возстановлено не было, потому что негры думали — и не безъ основанія—что обѣщанными правами они никогда не воспользуются, если бѣлые въ первые-же дни стануть нарушать ихъ. Въ Нью-Орлеанѣ было достаточно состоятельныхъ свободныхъ негровъ и мулатовъ, на которыхъ все-таки тяготѣлъ гнетъ, какъ и на всей ихъ расѣ. Они не смѣли входить ни въ одинъ отель, не смѣли ѣздить въ общественныхъ каретахъ и не имѣли доступа ни въ какое общество бѣлыхъ. Добиться послѣдняго они не могли, это они сознавали отлично, да и едва-ли-бы захотѣли добиваться, потому что навѣрное тамъ встрѣтили-бы только одно оскорбленіе. Дѣло другое конно-желѣзныя дороги, пользоваться которыми они не могли только вслѣдствіе надменности бѣлыхъ. Но они очень хорошо сознавали, что, платя столько-же, сколько бѣлые, они имѣли такое-же право, какъ бѣлые, ѣздить въ этихъ каретахъ, и, зная, что правительство въ этомъ случаѣ на ихъ сторонѣ, рѣшили не уступать.

До этихъ поръ негры рѣдко садились въ конно-желѣзныя кареты; такъ-какъ до конца войны это имъ было запрещено, то въ нихъ и не развилось потребности въ этого рода комфортахъ,

потому они и не спѣшили имъ пользоваться. Имъ довольно было и того, что они теперь имѣли на это право. Но послѣ исторіи съ дядей Питтомъ дѣло приняло другой оборотъ.

На слѣдующій день вооруженныхъ негровъ не видно было на улицахъ; чуть показывался какой-нибудь буйный негръ, тотъ часъ же товарищи спѣшили увести его. Они не хотѣли подавать бѣлымъ повода принимать противъ нихъ какія-нибудь насильственные мѣры; но за то по всеѣмъ улицамъ, по которымъ проходила конно-желѣзная дорога, толпились цвѣтные, но толпились въ качествѣ мирныхъ прохожихъ, которыхъ патрули сѣверныхъ солдатъ безпрятственно пропускали и которые сами никого не задѣвали.

Не проѣзжало ни одного вагона конно-желѣзной дороги, въ которомъ не сидѣло-бы двухъ или трехъ цвѣтныхъ мужчинъ или женщинъ; они очень аккуратно платили деньги за проѣздъ, и солдаты, скоро понявшіе смыслъ ихъ демонстраціи, отъ души смѣялись ей. Они сами ненавидѣли южныхъ аристократовъ. Они помогли неграмъ добиться человѣческихъ правъ. Хлопчато-бумажные бароны со своими приверженцами могли изъ этого ясно видѣть, что изданные ими законы уже не имѣли никакого значенія и что они должны подчиниться новымъ порядкамъ.

Патрули ходили по городу цѣлый день, и бѣлые чувствовали себя совершенно спокойными относительно того, что ни негры, ни цвѣтные не произведутъ никакихъ безпорядковъ, но за то и они уже не смѣли оспаривать у негровъ мѣста въ конно-желѣзныхъ каретахъ; побѣда была обезпечена за неграми. А жертвы лежали на потерсфильдскомъ кладбищѣ и палающее солнце юга свѣтило надъ ихъ могилами.

Было еще очень рано, когда Вольфъ фон-Берге пришелъ къ своему другу Дюбену.

— Что съ тобой случилось, Вольфъ: куда ты это вечеромъ такъ быстро исчезъ? Всѣ спрашивали о тебѣ, дамы въ особенности были нѣсколько обижены, думая, что ихъ общество показало тебѣ недостаточно порядочнымъ.

— Мой милый Дюбенъ, улыбнулся Вольфъ печально, — я обѣдалъ вмѣстѣ съ неграми и мудатами за кипой хлопка вмѣсто стола и упрекать меня въ гордости, право, не приходится; но вчера я... чувствовалъ себя не всеѣмъ хорошо.

— Ты ужасно былъ блѣденъ.

— Вся зала начала кружиться передъ моими глазами и я счелъ за лучшее пойти подышать свѣжимъ воздухомъ.

— Значить, ты не слышалъ пѣсню г-жи Бѣдингъ?

— О, часто, очень часто, отвѣчалъ Вольфъ тихо.

— Часто? воскликнулъ Дюбенъ изумленно.

— Пойдемъ, Дюбенъ, возьми свою шляпу и пойдемъ: надо помочь бѣдной дѣвочкѣ квартирантѣ. Сегодня утро прохладное, дорогой ты все узнаешь и... намъ надо кое-о-чемъ потолковать.

— Что съ тобой, Вольфъ? спросилъ съ удивленіемъ молодой художникъ. — Ты такой странный сегодня утромъ, ты точно не спалъ всю ночь. Ты и, въ самомъ дѣлѣ, не боленъ-ли?

— Послѣ вчерашняго головокруженія у меня сдѣлалась сильная головная боль, которая продолжается отчасти и теперь. Я всю ночь не спалъ, но теперь, на свѣжемъ воздухѣ, мнѣ будетъ лучше. Идемъ-же, а то послѣ солнце станетъ жарить.

— Что-жь, сядемъ въ омнибусъ?

— Нѣтъ, лучше пойдемъ пѣшкомъ. Въ омнибусахъ такъ шумно, что намъ не удастся поговорить.

— Что съ тобою сегодня, Вольфъ? спросилъ Дюбенъ, когда они пошли по улицѣ. — Ты такой странный, такой серьезный, а еще вчера, даже когда мы шли къ Бѣдингамъ, ты былъ совсѣмъ другой — веселый, счастливый. Не получилъ-ли ты письма?

— Помнишь-ли ты, заговорилъ Вольфъ, не отвѣчая на вопросъ Дюбена, — что я тебѣ говорилъ, что давно уже не имѣю никакихъ извѣстій съ родины, — помнишь? Во время войны это было вполне понятно. Я могъ писать самъ сколько угодно, но какъ я могъ дать свой адресъ, когда не зналъ, гдѣ я буду? Впрочемъ, я написалъ, чтобы мнѣ адресовали *poste restante* въ Цинцинати на Огіо, и надѣялся найти тамъ письма, но не нашелъ ни одного, и успокоился на томъ, что, вѣроятно, во время войны всѣ мои письма пропали. Поэтому я рѣшился самъ ѣхать въ Германію за моей невѣстой и привезти ее сюда, потому что не могъ рассчитывать, чтобы тамъ отецъ мой когда-нибудь отказался отъ своихъ аристократическихъ предрасудковъ.

— И онъ не откажется отъ нихъ послѣ такой долгой разлуки съ тобою?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Вольфъ, медленно покачивая головою. — Я нашелъ въ Цинцинати письмо отъ моей сестры, которая пишетъ

мнѣ, что отецъ все еще виѣ себя отъ того, что я, какъ онъ выражается, обезчестилъ имя своихъ предковъ тѣмъ,—но ты будешь хототать,—тѣмъ, что боролся за дѣло грязныхъ республиканцевъ!..

— Да, трудно осилить подобныя предубѣжденія.

— Невозможно, когда они вкоренились такъ сильно. Трудъ не позорить человѣка—это панацея Соединенныхъ Штатовъ, это доставило имъ величіе и процвѣтаніе и съ каждымъ годомъ приближаетъ ихъ къ положенію могущественнѣйшаго государства въ мірѣ; пренебреженіе этимъ великимъ правиломъ задержало наше развитіе и создало у насъ, въ Германіи, громадный пролетаріатъ, который царитъ во всѣхъ классахъ общества. Но я, однако, не объ этомъ хотѣлъ поговорить съ тобою. Итакъ, какъ я говорилъ тебѣ еще вчера, я порѣшилъ ѣхать въ Германію съ первымъ пародомъ.

— А развѣ теперь уже не поѣдешь?

— Нѣтъ, теперь незачѣмъ: моя невѣста сама пріѣхала сюда.

Дюбенъ быстро и испуганно взглянулъ на своего друга: все его обращеніе было такъ странно, такъ необычно. Ироническое спокойствіе было не въ его характерѣ, между тѣмъ его рѣчи... онъ въ нихъ не понималъ ни слова.

— Твоя невѣста, Вольфъ, сюда пріѣхала?

— Ну да, разумѣется. Ты тоже знакомъ съ нею: г-жа Бѣдингъ.

— Вольфъ! вскричалъ Дюбенъ съ испугомъ, вырывая свою руку изъ руки пріятеля.

— И какъ часто, продолжалъ Вольфъ мягко, не обращая вниманія на волненіе Дюбена,—пѣла она мнѣ свою любимую пѣсню: „По дорогѣ почтальонъ трубитъ“, какъ просила не забывать писать ей!..

— Вольфъ, ты бредишь или говоришь правду? волновался Дюбенъ.

— Я самъ вчера думалъ, что вижу все это во снѣ, отвѣчалъ Вольфъ, медленно качая головой;—я никакъ не могъ повѣрить, чтобы это было на самомъ дѣлѣ. Но теперь я убѣдился, что все это въ порядкѣ вещей, все такъ, какъ должно быть; измѣнить ничего уже нельзя. Девять лѣтъ я трудился надъ тѣмъ, чтобы создать себѣ положеніе въ жизни и обзавестись семьей.

Теперь у меня есть все, кромѣ невѣсты, — которая, вѣроятно, по ошибкѣ, вышла за-мужъ за другого.

— Вольфъ, да можетъ-ли это быть?

— Можетъ или не можетъ, но это фактъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ спокойно, — фактъ, съ которымъ я самъ до сихъ поръ еще не могу освоиться. Но это пройдетъ, Дюбенъ, и если ты согласенъ, мы съ тобой совершимъ пресекую экскурсію въ Арканзасъ; я тебѣ во многомъ пригожусь: у меня тамъ есть знакомые, если только они не погибли во время войны.

— А она узнала тебя? спросилъ Дюбенъ тихо.

— А развѣ ты не замѣтилъ этого по ея глазамъ? засмѣялся Вольфъ. — Мы встрѣтились, какъ ты это долженъ былъ замѣтить, съ величайшей вѣжливостью; ни малѣйшее требованіе этикета не было нарушено, и я уже начиналъ примѣняться къ моему положенію... но пѣсня, — добавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, — когда она запѣла ее, когда въ ея голосѣ зазвучали воспоминанія о тѣхъ минутахъ...

Онъ замолчалъ — слова остановились у него въ горлѣ. Черезъ нѣсколько минутъ ему удалось снова овладѣть собою. Раздраженіе его исчезло; оно перешло въ тихую грусть. Воспоминаніе о пѣснѣ пробудило въ его душѣ другія воспоминанія и онъ продолжалъ мягко:

— Ты не можешь себѣ представить, Дюбенъ, какъ я люблю эту женщину. Ни разу не заснулъ я, не произнося: „храни ее, Господи!“ и при этомъ думалъ не о себѣ, а только о ней. Дѣтьми обыкновенно мы научаемся разнымъ повѣрьямъ, которыя не забываемъ и впослѣдствіи, напримѣръ, мы вѣримъ, что если пожелать себѣ чего-нибудь въ то время, когда увидишь падающую звѣзду, то это желаніе исполнится. Сколько тысячъ падающихъ звѣздъ видѣлъ я за эти годы, и при каждой невольно шепталъ: жениться на Лаурѣ! Для меня не существовало болѣе высокой цѣли, болѣе желаннаго счастья. Сколько разъ среди своей полной приключеніями жизни, въ минуту опасности, въ пылу битвы, когда по сторонамъ падали товарищи, я думалъ: слава Богу, Лаура въ безопасности! Сколько разъ на меня падали огненные взгляды какой-нибудь красавицы, но я оставался холоденъ и равнодушенъ, потому что въ воображеніи моемъ рисовалась кроткая улыбка моей возлюбленной, кроткій, непорочный взглядъ ея ясныхъ голубыхъ

глазъ; я только о ней и думалъ, только ее и видѣлъ во снѣ. Вотъ посмотри, продолжалъ онъ, останавливаясь, вынимая изъ кармана бумажку и показывая ее Дюбену:—видишь ты это безвѣчное число черточекъ? Я отмѣчалъ ими, сколько дней придется мнѣ провести въ разлукѣ съ нею; ты видишь, всѣ онѣ перечеркнуты за исключеніемъ какихъ-нибудь двадцати-тридцати; съ какимъ наслажденіемъ зачеркивалъ я каждый вечеръ одну изъ этихъ черточекъ и думалъ о той минутѣ, когда вычеркну послѣднюю, а теперь?..

Онъ разорвалъ бумажку на мелкіе клочки и пустилъ ихъ по вѣтру.

— Вотъ такъ-то разлетаются мои мечты и надежды... такъ-то разлетаются воздушные замки счастья и семейной жизни, любви и вѣрности... посмотри, какъ вѣтеръ крутитъ эти клочки. Такъ бываетъ и съ человѣческими расчетами.

— Бѣдный Вольфъ, проговорилъ Дюбенъ тихимъ, взволнованнымъ голосомъ,—какъ это могло случиться?

— Какъ-же я-то могу знать? Но бросишь этотъ разговоръ! Все кончено; я теперь вольный человѣкъ. Лѣсъ будетъ моею родиной. Поѣдемъ въ Арканзасъ, Дюбенъ, ты увидишь, какой вольной, сумасшедшей жизнью ты тамъ заживешь. Но вотъ, кажется, и улица, въ которой живетъ бѣдняжка. Да, я ее узнаю по пальмѣ и по этой стѣнѣ, изъ-за которой видѣются банановыя вѣтви. Идемъ, теперь намъ остается всего какихъ-нибудь сто шаговъ.

Дюбенъ ничего не отвѣчалъ. Разсказъ Вольфа такъ взволновалъ его, что онъ не рѣшался заговорить. Вольфъ первый прервалъ молчаніе.

— Какія бываютъ странныя стеченія обстоятельствъ, заговорилъ онъ совершенно спокойно.—Я ѣхалъ на озеро покататься со скуки, а по дорогѣ встрѣтилъ несчастную дѣвушку, желая помочь которой, нашель Лауру. Такъ всегда бываетъ на свѣтѣ. Мы воображаемъ, что дѣйствуемъ самостоятельно, гордимся своей свободой воли, твердостью своего характера, а если присмотрѣться хорошенько, такъ мы дѣлаемъ только то, что предопредѣлено. Мысли, сомнѣнія, планы, надежды, ожиданія—все это чистѣйшая ерунда. Мы не можемъ рассчитывать даже на слѣдующую минуту.—Ну, вотъ мы и подходимъ. Видишь ты этотъ маленькій домикъ?

— Изъ котораго выходитъ какая-то женщина?

— Да. Въ этотъ домикъ я свелъ вчера бѣдную сиротку негритянку, какъ говорили въ каретѣ, хотя она такъ-же бѣла, какъ мы съ тобой, и вдобавокъ прекрасна, какъ ангелъ. Сведи ты ее къ Бѣдиагамъ, Дюбенъ; Лаура будетъ съ ней хорошо обращаться: сердце у нея мягкое и я знаю, что она не потерпитъ никакой несправедливости.

— А развѣ ты не пойдешь съ нами?

Дюбенъ не получилъ отвѣта на этотъ вопросъ, такъ-какъ дѣвушка выпешшая изъ указаннаго Вольфомъ домика, поровнялась въ эту минуту съ ними. Замѣтивъ молодыхъ людей, она не подняла на нихъ глазъ, — напротивъ, еще пристальнѣе стала глядѣть въ землю, — а поровнявшись съ ними, сошла съ тротуара и пошла по мостовой.

— Геба, окликнуть ее Вольфъ, замѣтившій ее минуту назадъ, но не сразу узнавшій, — это вы?

Дюбенъ тоже взглянулъ на дѣвушку; такъ было странно, что бѣлая женщина видимо избѣгала двухъ молодыхъ людей, какъ-будто боялась встрѣчи съ мужчинами среди бѣлаго дня. Въ первую минуту онъ взглянулъ только на необыкновенно миловидное ея личико и отъ его вниманія ускользнуло, что она была одѣта въ грубое ситцевое платье и руки ея были безъ перчатокъ, безъ которыхъ ни одна бѣлая женщина не выходила на улицу.

Услышавъ свое имя, Геба подняла глаза и съ удивленіемъ взглянула на молодого человѣка, который ее окликнулъ; она сначала его не узнала, но когда убѣдилась, что это онъ, ея миловидное личико покраснѣлось; она почтительно поклонилась Вольфу и уже хотѣла пройти мимо, но тотъ остановилъ ее.

— Милое дитя мое, обратился онъ къ ней дружескимъ тономъ, — помните-ли вы, что я вчера обѣщалъ постараться найти вамъ мѣсто въ какомъ-нибудь семействѣ? Въ настоящее время у меня — благодаря этому господину — есть въ виду такое мѣсто... но, быть можетъ, я пришелъ ужъ слишкомъ поздно — вы идете съ узелкомъ въ рукахъ. Куда вы отправляетесь?

У Гебы въ рукахъ, дѣйствительно, былъ узелокъ, завязанный въ пестрый платокъ, и при первомъ обращеніи Вольфа она, повидимому, хотѣла робко уклониться отъ разговора съ нимъ. Но вчера онъ былъ такъ добръ и любезенъ съ нею, обращеніе его такъ отли-

чались отъ обращенія другихъ бѣлыхъ молодыхъ людей, что, когда она услышала послѣднiя его слова, то наклонила голову и произнесла тихо и печально:

— Куда я отправляюсь? О, я сама этого не знаю; тетка Питтъ такъ сердита на меня. Она обвиняетъ меня въ смерти дяди Питта и говоритъ, что долѣе не желаетъ держать меня въ своемъ домѣ, такъ что теперь... мнѣ надо искать работу и... добрыхъ людей.

— А если мы вамъ предложимъ и то, и другое, въ одномъ нѣмецкомъ семействѣ?

Геба окинула Вольфа пристальнымъ и испытующимъ взглядомъ; въ ея глазахъ все еще свѣтилось недовѣрiе; какъ она ни была молода, но уже обладала достаточнымъ опытомъ, чтобы не вѣрить всякому, кто приближался къ ней съ ласковыми рѣчами.

— Въ нѣмецкомъ семействѣ? сказала она, наконецъ, тихо.

— И у добрыхъ, хорошихъ людей, которые не питаютъ никакой ненависти къ цвѣтной расѣ и не призираютъ васъ.

— И вы хотите свести меня туда?

— Не самъ я, сказалъ Вольфъ съ какимъ-то страннымъ выраженiемъ въ лицѣ,—но васъ сведетъ туда вотъ этотъ мой другъ, хорошiй, честный человекъ, находящiйся въ тѣсныхъ, дружескихъ отношенiяхъ съ этимъ семействомъ, и которому вы вполне можете довѣриться, быстро прибавилъ онъ, замѣтивъ, что дѣвочка робко взглянула на Дюбена.

Серьезно, внимательно глядѣли на молодого художника большiе голубые глаза Гебы. Тотъ отвѣчалъ ей открытымъ, искреннимъ взглядомъ. Впрочемъ, это продолжалось недолго. Дѣвочка уже такъ хорошо знала людей, что умѣла читать по ихъ глазамъ. Поглядѣвъ на Дюбена всего какую-нибудь минуту, она сказала спокойно:

— Я пойду съ нимъ. Богъ да вознаградитъ его за то добро, которое онъ сдѣлаетъ бѣдной сиротѣ.

— Такъ идемте, дитя мое, дружески сказалъ Дюбенъ,—довѣрьтесь намъ и я почти увѣренъ, что мы будемъ въ состоянiи доставить вамъ мѣсто, на которомъ вамъ будетъ хорошо.

Молодые люди повернули назадъ и медленно пошли по улицѣ.

— Я васъ провожу до дома Бѣдинговъ, сказалъ Вольфъ, пройдя нѣсколько шаговъ,—поручу судьбу этого бѣднаго ребенка тебѣ и... г-жѣ Бѣдингъ.

— Ты не хочешь болѣе съ ней встрѣчаться?

— Зачѣмъ? встрѣча со мною будетъ ей непріятна. Ты знаешь какъ вообще неохотно встрѣчаются съ людьми, которыхъ...

И онъ закусилъ губы, не окончивъ начатой фразы.

Молча прошли они нѣсколько шаговъ; Геба шла за ними слѣдомъ.

— Да, почему-же ты думаешь, что виновата непременно она, снова заговорилъ Дюбень, — не считаетъ-ли она, въ свою очередь, виноватымъ тебя?

— Меня? засмѣялся Вольфъ.

— Да, сказала Дюбень, — я могу только сказать тебѣ, мой другъ, что если-бы вчера она стояла передъ тобою, какъ извинница и клятвopеступница, то я-бы это замѣтилъ; я не повѣрю, чтобы эта маленькая, искренная женщина могла такъ ловко притвориться. Она была взволнована, съ этимъ я согласенъ, я замѣтилъ даже, что она была нѣсколько блѣднѣе обыкновеннаго, но такъ мало блѣднѣе, что я не обратилъ на это серьезнаго вниманія. Къ тому-же развѣ она въ состояніи была-бы спѣть твою любимую пѣсню? О, въ такомъ случаѣ она была-бы чистымъ дьяволомъ. Нѣтъ, Вольфъ, здѣсь скрывается что-то другое, и хотя и на мнѣ этотъ случай отзывается очень тяжело, но, право, милѣйшая г-жа Бѣдингъ навѣрно не такъ виновата, какъ ты это полагаешь и, по-моему, вамъ необходимо объясниться.

— И я долженъ искать этого объясненія? сказалъ Вольфъ, тихо покачивая головою. — Нѣтъ, Дюбень, она жена другого. Всякія сношенія между нами должны быть прерваны; хладнокровное объясненіе между нами невозможно, а всякое другое — грѣхъ.

Дюбень прошелъ нѣсколько шаговъ молча, потомъ сказалъ:

— Значитъ, вы цѣлую жизнь будете мучиться, подозревая другъ друга? Я не предлагаю свиданія, но я-бы желалъ, чтобы вы поговорили другъ съ другомъ. Послѣ объясненія вамъ-бы легче было вспоминать другъ о другѣ.

— Почему? сказалъ Вольфъ мрачно. — Сдѣланнаго не воротить. Самое сверное, что могло случиться, уже случилось. Между нами пропасть, которую не перешагнешь. Мнѣ очень непріятно, что я долженъ былъ оскорбить добраго, любезнаго Бѣдинга моимъ внезапнымъ исчезновеніемъ, но я не могъ поступить иначе; видитъ Богъ, Дюбень, я не могъ остаться. Когда я услышалъ мою до-

рогую, незабвенную пѣсню, о которой я такъ часто и горячо мечталъ, когда я слышалъ голосъ Лауры, когда я увидѣлъ ее и не могъ къ ней... не могъ прижать ее къ своему сердцу, не могъ сказать ей, какъ я любилъ ее... какъ еще люблю до сихъ поръ... я не въ состояннн былъ остаться въ той комнатѣ, я долженъ былъ уйти. Только на улицѣ, на вольномъ воздухѣ, стало мнѣ лучше, только тамъ я могъ собраться съ силами, очнуться.

— Но ты не долженъ такъ бросать Вѣдинга, сказала Дюбенъ послѣ небольшого колебанія. — Что онъ подумаетъ о тебѣ да и обо мнѣ, что я привелъ къ нему такого страннаго чело-вѣка? Да, если я и скажу ему, что ты почувствовалъ себя нездоровымъ, то онъ, хотя сначала и повѣритъ мнѣ, но все-таки будетъ ждать, что ты сдѣлаешь ему визитъ, какъ только выздоровѣешь. Пойдемъ теперь вмѣстѣ, теперь у тебя будетъ и оправданіе твоего посѣщенія, такъ-какъ ты обязанъ привести къ нимъ твою протезе. Пойди, по крайней мѣрѣ, проститься съ Вѣдингомъ,—это такой милый, прекрасный чело-вѣкъ.

— Мы только будемъ бесполезно мучить другъ друга.

— Сдѣлай это ради меня.

— Хорошо... но завтра утрожь я уѣду.

— Куда? Въ Германію?

— Я—въ Германію? горько засмѣялся Вольфъ. — Что мнѣ тамъ нужно? Въ лѣсъ—вотъ куда! Я думалъ, что и ты отпра-вившись на западъ?

— Я? Да, конечно... но только не теперь, не такъ скоро: у меня здѣсь еще много дѣлъ. Я останусь здѣсь до конца іюля.

— Такъ я поѣду впередъ и напишу тебѣ, если найду порядочное мѣстечко.—Но, кажется, здѣсь живутъ Вѣдинги?

— Да, отвѣчала Дюбенъ, оборачиваясь къ Гебѣ, смиренно слѣдовавшей за ними. — Какой милый ребенокъ! я-бы никогда не догадался, что она негритянка.

— Съ этой страны снято тяжелое провлятіе, сказалъ Вольфъ серьезно.—Будемъ надѣяться, что новый законъ одна сторона будетъ примѣнять благоразумно, а другая—пользоваться имъ уиѣренно; но намъ все-таки придется пережить переходное время.— Но вотъ мы и пришли. Дюбенъ, сердце мое бьется лихорадочно, когда я подумаю, что мнѣ еще разъ придется съ нею встрѣ-титься. Не знаю, хорошій-ли ты далъ мнѣ совѣтъ.

— Тебѣ нельзя поступить иначе, чтобы твое поведеніе не показалось подозрительнымъ, а ты, вѣроятно, этого не захочешь.

— Такъ идемъ, но даю тебѣ слово, что я съ большимъ удовольствиемъ отправился-бы брать штурмомъ какую-нибудь батарею, чѣмъ войти въ этотъ домъ... но если ужъ это необходимо, то не будемъ медлить...

И онъ позвонилъ.

— Галло, графъ! вскричалъ Бѣдингъ, отворяя двери.— Однако, вы вчера вечеромъ ускользнули отъ насъ.

— Тысяча извиненій, почтеннѣйшій г-нъ Бѣдингъ, заговорилъ Вольфъ.— Но у меня такъ закружилась голова, что если-бы я сію-же минуту не вышелъ на свѣжій воздухъ, то вамъ пришлось-бы увидѣть у себя въ домѣ далеко не пріятную сцену. Со мной очень часто бываютъ обмороки.

— Тысячу чертей! Глядя на васъ, нельзя этого подумать. Здравствуйте, Дюбенъ. А, вы привели съ собою дѣвушку, о которой говорили вчера. Войдите, дитя мое, не бойтесь, вы здѣсь между добрыми людьми; я не сомнѣваюсь, что вы поладите съ моею женою.

Дюбенъ придержалъ дверь рукою, чтобы она не затворилась, и пропустилъ впередъ Гебу, которая робко, застѣнчиво вошла въ комнату. Бѣдингъ пристально и добродушно посмотрѣлъ на нее и сказалъ:

— Теперь, господа, я попрошу васъ подождать минутку: я познакомлю нашу молодую... Какъ васъ зовутъ, дитя мое?

— Геба, сэръ.

— Поэтическое имя... я отведу ее къ женѣ, которая одѣвается, и сейчасъ-же вернусь; мы позавтракаемъ вмѣстѣ, а потомъ ужъ я отправлюсь въ свою контору. Пойдите, Геба, я отведу васъ къ женѣ; надѣюсь, что вамъ у насъ понравится.

Пріятели остались вдвоемъ; Дюбенъ сѣлъ за рояль, принялся перелистывать ноты и затѣмъ началъ бѣгло наигрывать легенькіе романсы.

Вольфъ стоялъ посреди комнаты и сердце его сжималось. Это была комната Лауры: вотъ ея рабочій столикъ, вотъ надъ софою два большіе фотографическіе портрета, — она въ подвѣчнонъ платьѣ, мужъ въ официальномъ черномъ фракѣ. И какъ она мила на этомъ портретѣ! Этотъ образъ онъ носилъ въ своемъ сердцѣ втеченіи

столькихъ лѣтъ, ради него онъ трудился и боролся; этотъ образъ было высшею цѣлью его жизни. Вотъ бѣлокурые локоны, одинъ изъ которыхъ еще спрятанъ у него на груди; сколько разъ онъ страстно прижималъ его къ своимъ губамъ! Вотъ милые глаза, въ которыхъ для него отражалось небо; вотъ очаровательная улыбка, но она обращена не къ нему. Возлѣ нея виситъ портретъ ея жениха, которому она черезъ какой-нибудь часъ послѣ того, какъ эти портреты были сняты, подала свою руку у алтаря.

Вольфъ забылъ, гдѣ онъ. Мягкіе тоны, которые его другъ извлекалъ изъ инструмента, гармонировали, какъ нельзя лучше, съ охватившимъ его настроеніемъ, и онъ невольно подходилъ все ближе и ближе къ портрету, который производилъ на него какое-то обаятельное дѣйствіе.

Дверь тихо отворилась; онъ не слышалъ этого. На порогѣ показалась Лаура и глаза ея устремились на любимаго ею когда-то человѣка.

Но это была одна секунда; Дюбенъ, услышавъ, что кто-то вошелъ, повернулъ голову и увидѣлъ хозяйку дома.

— Ахъ, милѣйшая г-жа Бѣдингъ, извините, что мы обезпокоили васъ такимъ раннимъ посѣщеніемъ; но если-бы мы пошли за дѣвочкой позже, то уже не застали-бы ее: она встрѣтилась намъ на дорогѣ въ ту минуту, какъ шла искать себѣ пріюта по бѣлу-свѣту.

Вольфъ быстро повернулся и почтительно раскланялся съ хозяйкой дома. Г-жа Бѣдингъ казалась чѣмъ-то разстроенною. Она была блѣдна и глаза ея припухли отъ слезъ.

— Вы совсѣмъ не рано пришли, сказала она, пытаясь улыбнуться. — Это я сегодня замѣшкалась за своимъ туалетомъ. Но я получила письма изъ дому и никакъ не могла отъ нихъ оторваться; они меня немного разстроили. Очень вамъ благодарна, прибавила она, быстро перемѣняя разговоръ, — за вашу маленькую протезу.

— Меня не за что благодарить, отвѣчалъ Дюбенъ, смотря въ упоръ на молодую женщину. — Ее нашелъ фон-Берге, она протеза его, а не моя. Но, признаюсь, я рѣдко встрѣчалъ болѣе очаровательное созданіе; она съ полнымъ правомъ можетъ называться Гебой; это не то, что разныя Авроры, Венеры, Юноны, Сильфиды и Клеопатры съ отвислыми губами и жесткими, какъ вой-

лобъ, волосами. Теперь она какъ-будто нѣсколько пришиблена, но постарайтесь-ка заставить ее смѣяться и она будетъ обворожительна. Тогда я непременно срисую ее: болѣе очаровательной головки для этюда не найти.

— Ей будетъ очень хорошо у насъ, сказала г-жа Бѣдингъ мягко, и отъ вниманія Дюбена не ускользнуло, что она была печальнѣе и серьезнѣе, чѣмъ наканунѣ.

— Это будетъ истинно добрымъ дѣломъ съ вашей стороны, сударыня, заговорилъ Вольфъ спокойно, — и вы приобрѣтете себѣ въ ней помощницу. По всему видно, что эта дѣвочка умѣетъ быть благодарной. Но мы не станемъ долѣе мѣшать вамъ; пойдемъ, Дюбенъ.

— Какъ, отъ завтрака-то? вскричалъ Бѣдингъ, входя въ комнату съ бутылками въ рукахъ. Онъ слышалъ послѣднія слова Вольфа. — Что, голубушка, столъ накрытъ?

— Завтракъ поданъ. Томъ уже два раза просовывалъ голову въ дверь, чтобы доложить объ этомъ.

— Такъ прошу васъ, господа; ведите, пожалуйста, мою жену, фон-Берге: у меня обѣ руки заняты. Я вамъ дамъ попробовать превосходнѣйшаго хересу, Дюбенъ: я получилъ его только вчера; великолѣпное вино.

Гольфъ не могъ отказаться. Онъ предложилъ г-жѣ Бѣдингъ руку и чувствовалъ, какъ ея рука дрожала, но онъ не сказалъ ей ни слова, церемонно и почтительно подвелъ ее къ украшенному цвѣтами столу и хотѣлъ такъ-же церемонно удалиться, но его посадили рядомъ съ ней. Къ счастью, за завтракомъ Бѣдингъ болталъ за всѣхъ, такъ-что молчаливость Вольфа не бросалась въ глаза. Онъ разговаривалъ съ своей сосѣдкой о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, но Лаура была смущена не менѣе его и разговоръ не клеился.

-- Вы ужь не взъщите съ моей жены сегодня, любезный фон-Берге, сказала вдругъ Бѣдингъ, отъ котораго это не ускользнуло. — Она получила утромъ письма изъ Германіи, въ которыхъ ее извѣщаютъ о смерти одной ея тѣтушки.

— Отъ души сочувствую вамъ, любезнѣйшая г-жа Бѣдингъ, заговорилъ Дюбенъ; — это извѣстіе васъ, видимо, сильно разстроило; вы такъ блѣдны, у васъ такой утомленный видъ.

— Просто разстройство нервовъ, вмѣшался Бѣдингъ, — вчера

она была въ нѣсколько возбужденномъ настроеніи и у нея всю ночь проболѣла голова. Съ этой тёткой она была совсѣмъ не въ особенной дружбѣ. Я не знаю, мнѣ она ужасно не нравилась и прислуга называла ее „крылатымъ дракономъ“, потому что она всюду совала свой носъ.

— Съ тобой она всегда была любезна, Карлъ, остановила его молодая женщина.

— Да, это правда, поддакнулъ мужъ:—по какой-то непонятной для меня причинѣ, она была очень любезна со мной, но только со мной однимъ; она никого не любила, кромѣ самой себя, и стоило ей забрать себѣ что-нибудь въ голову, она во что-бы то ни стало ставила на своемъ. Она приходилась сестрой отцу Лауры; старая дѣва; вѣроятно, твоя мать, другъ мой, благодарить теперь Господа Бога, что у нея спокойно въ домѣ.

— Какъ не хорошо такъ говорить о покойницѣ, Карлъ!

— Упокой Господи душу ея, произнесъ Вѣдингъ, вытирая ротъ салфеткой.

— А пророс, любезный Вѣдингъ, обратился Дюбенъ къ хозяину, замѣтивъ, что онъ уже поглядываетъ на часы.—О чемъ вамъ нужно было со мной поговорить?

— Ахъ, да, Дюбенъ, хорошо, что вы напомнили, а я чуть-было не забылъ. Лаура, проводи, пожалуйста, нашего дорогого гостя въ свою комнату. Я сейчасъ приду къ вамъ.—Пойдемте-ка наверхъ, Дюбенъ; у меня двѣ великолѣпныя старыя картины, которыя нужно реставрировать, а то краски почти совсѣмъ стерлись. Мнѣ-бы хотѣлось узнать ваше мнѣніе по этому поводу. Кто мнѣ приходилъ какой-то нѣмецъ, который берется за реставровку; я просилъ его зайти сегодня вечеромъ. Вы понимаете въ этомъ толкъ?

— Еще-бы! на что-же я и живописецъ; да стоять-ли картины реставровки? Вѣдь этотъ баринъ съ васъ недешево возьметъ.

— Вотъ объ этомъ-то я и хотѣлъ потолковать съ вами—пойдемте-ка; намъ придется откупорить ящики, потому что картины еще упакованы.

Онъ взялъ Дюбена подъ руку и увелъ его съ собою; въ комнату вошелъ слуга и сталъ убирать со стола.

— Неудобно-ли вамъ, графъ, перейти пока ко мнѣ въ ком-

нату? сказала г-жа Бёдингъ, блѣдная, какъ смерть. Ей, видимо, стоило большихъ усилій произнести эту простую фразу. Вольфъ молча поклонился въ отвѣтъ и послѣдовалъ за ней. По несчастному стеченію обстоятельствъ, мужъ вышелъ изъ комнаты именно въ ту минуту, когда Вольфъ хотѣлъ распротиться съ ними, разстаться съ нею навсегда. Это неожиданное свиданіе съ глазу на глазъ было въ высшей степени тяжело для обоихъ. Что могли они сказать другъ другу послѣ того, что случилось? Все было кончено для нихъ; съ этой минуты дороги ихъ должны были разойтись навсегда.

Къ счастью для Вольфа, ему не приходилось извиняться передъ хозяйкой дома за свою молчаливость: она сама не говорила ни слова. Молча сѣла она за свой рабочій столикъ и указала ему рукой на стулъ. Но она далеко не такъ владѣла собою, какъ Вольфъ: она непрерывно мѣнялась въ лицѣ—кровь то прилиwała къ ея щекамъ, то отхлынывала прочь и она становилась блѣдна, какъ мраморная статуя. Она, очевидно, находилась въ борьбѣ съ самой собою.

„Но вѣдь нужно-же завязать какой-нибудь разговоръ“, думалъ Вольфъ; онъ не хотѣлъ сидѣть болваномъ въ присутствіи этой женщины. Онъ не былъ виноватъ передъ ней, онъ не нарушилъ своего слова. Всю жизнь преслѣдовалъ онъ одну цѣль: честнымъ трудомъ заслужить право на ея руку и назвать ее своей женой, когда станетъ свободнымъ человекомъ. Нѣтъ, онъ не чувствовалъ за собою ни малѣйшей вины; но, его молчаніе, его смущеніе, она, пожалуй, приметъ за сознаніе виновности.

— Я слышалъ отъ Дюбена, прервалъ онъ, наконецъ, молчаніе, — что вы недавно пріѣхали сюда съ вашимъ мужемъ. Какъ вамъ понравился Нью-Орлеанъ?

Лаура не отвѣчала ни слова, она снова помертвѣла; сердце ея такъ и стучало въ груди, ей было тяжело дышать.

— Графъ, сказала она, наконецъ, прерывающимся голосомъ. — Все утро боялась я этой минуты, она наконецъ наступила. Я должна оправдаться передъ вами.

Вольфъ посмотрѣлъ на нее съ грустью и тихо отвѣчалъ:

— Я не добивался этой минуты, даю вамъ слово, потому что мнѣ оправдываться передъ вами не въ чемъ. Избавьте и себя отъ всякихъ объясненій. Я не стану допытываться, что побудило васъ посту-

пить такъ, а не иначе. Все кончено; дай Богъ, чтобы вы никогда не раскаялись въ своемъ поступкѣ и чувствовали себя счастливою съ своимъ превосходнымъ мужемъ.

— Прочтите это, произнесла она дрожащимъ голосомъ, протягивая ему, вмѣсто всякаго отвѣта, распечатанное письмо, — это письмо отъ моей сестры. Прочтите только то, что подчеркнуто краснымъ карандашемъ. Остальное вамъ будетъ не интересно. Я получила это письмо сегодня утромъ.

Съ изумленіемъ взявъ Вольфъ письмо; что могло въ немъ быть такого, что такъ страшно разстроило молодую женщину?

Онъ быстро пробѣжалъ глазами указанное мѣсто, затѣмъ перечелъ его еще разъ, медленно, и у него также случилось сердце тоской; указанное ему мѣсто дѣлало излишнимъ всякое дальнѣйшее объясненіе между ними. Оно было слѣдующаго содержанія:

„Мнѣ нужно сообщить тебѣ еще одну вещь; я долго не рѣшалась писать тебѣ объ этомъ, думая, что, можетъ быть, лучше, если-бы ты объ этомъ никогда не узнала, но я чувствую, что не въ правѣ скрыть отъ тебя это. Вообрази себѣ, перебирая письменный столъ тетюшки, который мнѣ поручено было осмотрѣть и привести въ порядокъ, я нашла пакетъ, въ которомъ было двѣнадцать писемъ вскрытыхъ и затѣмъ запечатанныхъ тетюшкиною печатью: восемь отъ графа Вольфа фон-Берге къ тебѣ, съ американскимъ штемпелемъ, и четыре отъ тебя къ нему: три безъ всякаго штемпеля, — значитъ, вовсе и не бывшія на почтѣ, — и одно съ здѣшнимъ штемпелемъ; она, вѣроятно, какъ-нибудь достала его съ почты. Вотъ почему отъ него не приходило писемъ. Можетъ быть, и напечатанное въ здѣшней газетѣ извѣстіе о томъ, что Вольфъ фон-Берге былъ убитъ въ сраженіи, также было доставлено тетюшкой. Но послѣднее его письмо писано очень недавно; въ немъ онъ говоритъ, что пріѣдетъ за тобою, и жалуется на твое молчаніе. Тетя очень подло поступила съ вами. Бѣдный графъ! Мнѣ страшно подумать о томъ, какъ онъ пріѣдетъ къ намъ. Что я ему скажу? Придется сказать правду“.

Вольфъ взглянулъ на Лауру; она сидѣла противъ него блѣдная, съ полными слезъ глазами и съ выраженіемъ глубокаго горя на миловидномъ личикѣ.

— Это ужасно! проговорилъ, наконецъ, Вольфъ съ усиліемъ; —

это ужасно! Что я ей сдѣлалъ, за что она испортила мнѣ всю жизнь?

И онъ положилъ письмо на рабочій столѣеъ.

Лаура встала, взяла письмо и стиснула его въ рукѣ; она хотѣла что-то сказать, но языкъ отказывался служить ей. Чаша переполнилась; судорожно прижавъ платокъ къ глазамъ, она выбѣжала изъ комнаты.

Сколько времени Вольфъ пробылъ одинъ въ уютной комнатѣ, онъ и самъ того не помнилъ. Скрестивъ руки на груди, стоялъ онъ передъ открытой дверью на балконъ; мысли его путались, онъ сознавалъ только одно, что онъ безконечно несчастливъ.

— Какъ, графъ, вы одни? раздался вдругъ позади него веселый голосъ Бѣдинга;—гдѣ-же моя жена?

— Ее зачѣмъ-то вызвали, отвѣчалъ Вольфъ спокойно.

— Вотъ что! Такъ вы, Дюбенъ, устроите мнѣ это? А теперь мнѣ пора; я и то уже запоздалъ. Мы пойдемъ вмѣстѣ, господа? Дюбенъ пристально посмотрѣлъ на Вольфа.

— Только до калитки, отвѣчалъ тотъ;—у меня дѣла въ Алжирѣ, поэтому я сяду въ лодку. Позвольте мнѣ, почтеннѣйшій господинъ Бѣдингъ, здѣсь-же распротиться съ вами и просить васъ передать мой поклонъ вашей женѣ, если я ее не увижу болѣе.

— Да вы куда-же? Развѣ вы уѣзжаете изъ Нью-Орлеана?

— Да; сегодня у меня еще куча дѣлъ, а завтра я отправляюсь на западъ—можетъ быть, побываю на желѣзной дорогѣ къ Тихому океану.

— А мнѣ казалось, что вы ѣдете въ Германію.

— Да; но я сегодня получилъ оттуда письма, по которымъ вижу, что могу отложить на время свою поѣзду, а мнѣ хотѣлось-бы до отъѣзда изъ Америки посмотреть на это чудо XIX столѣтія.

— Въ такомъ случаѣ прощайте, любезный графъ, сказалъ Бѣдингъ добродушно, крѣпко пожимая руку Вольфа.—Очень радъ, что познакомился съ вами. Дюбенъ мнѣ рассказывалъ очень много хорошаго про васъ. Пожалуйста, если на возвратномъ пути съ запада вы заѣдете въ Нью-Орлеанъ, то побывайте у насъ; я-бы хотѣлъ, чтобы вы мой домъ считали своимъ,—повѣрьте, это не пустая фраза на американскій ладъ.

— Любезнѣйшій г. Бѣдингъ...

— А вотъ и жена моя, вы можете попрощаться съ нею сами, лично; но, дитя мое, ты опять плакала; извини, пожалуйста, при всемъ уваженіи къ твоей покойной тетюшкѣ, я долженъ сказать, что ты ужъ черезчуръ] грустишь по ней; вѣдь такъ ты сама можешь заболѣть. Чортъ возьми, [одинадцать бьетъ: мнѣ нужно сейчасъ-же идти. Графъ желалъ попрощаться съ тобою, дружечекъ; онъ отправляется въ лѣса къ индѣйцамъ. Готовы вы, Дюбенъ?

Вольфъ подошелъ къ Лаурѣ, взявъ ея руку и тихо пожалъ со словами: „будьте счастливы“, затѣмъ онъ быстро вышелъ и, распрощавшись съ Дюбеномъ и Бѣдингомъ, пошелъ въ противоположную отъ нихъ сторону.

XI.

Бюро Фриджана.

Богатый городъ Савонна — одинъ изъ самыхъ значительныхъ городовъ Юга послѣ Нью-Орлеана и Чарльстоуна. Онъ долгое время былъ твердымъ оплотомъ южанъ, но, отрѣзанный смѣлымъ походомъ Шермана отъ всякихъ подкрѣплений, блокированный съверною эскадрою, онъ былъ очищенъ своимъ гарнизономъ при первыхъ приготовленіяхъ къ серьезной бомбардировкѣ и сдался безъ выстрѣла.

Съверныя войска вступили въ городъ торжественнымъ маршемъ; вступление ихъ не ознаменовалось ни малѣйшими беспорядками; само населеніе города, казалось, радовалось, что съ гавани его снята блокада и оно можетъ возобновить сношенія съ остальнымъ міромъ.

Впрочемъ, бѣлое населеніе Савонны ненавидѣло съверянъ еще болѣе, чѣмъ прежде: походъ Шермана доказалъ ему, что освобожденіе негровъ не подлежитъ сомнѣнію. Во время похода Шермана черезъ Георгію и на возвратномъ пути его черезъ Южную Каролину къ его арміи примкнули, какъ свободные люди, 10,000 невольниковъ, и союзное правительство допустило это. Да и какъ ему было не допустить? Упорство мятежниковъ было сломано, полуразбитая армія ихъ окончательно уничтожена; Съверъ могъ совер-

шенно спокойно преобразовывать строй южных штатовъ на основаніи новыхъ законовъ.

Негры сдѣлались людьми и нужно было прежде всего позаботиться о школахъ для нихъ. Учить стариковъ было-бы бесполезно, но необходимо было обратить вниманіе на дѣтей и молодежь; для этой молодежи устроены были особыя лекціи.

Южные штаты не только не устраивали сами школъ для цвѣтнаго населенія, но даже запрещали частнымъ лицамъ устраивать ихъ; всякій, кто попытался-бы обучать негровъ чему-нибудь кромя развѣ закона божія, рисковалъ тѣмъ, что фанатическое населеніе публично высѣчетъ его и выгонитъ изъ штата. Союзному правительству предстояло поэтому взять на себя новыя обязанности относительно своихъ цвѣтныхъ гражданъ; оно приняло на свое попеченіе больныхъ и стариковъ, которыхъ ихъ господа бросили безъ всякаго призрѣнія, и позаботилось о томъ, чтобы подрастающее цвѣтное поколѣніе получило образованіе, которое дало-бы ему возможность служить своей родинѣ не одною силою своихъ мускуловъ.

Ничто такъ рельефно не обнаруживало всю гнусность рабства, какъ та масса запросовъ относительно потерянныхъ изъ виду родственниковъ, которыми цвѣтные запружали правительственныхъ чиновниковъ. Въ первые-же дни уничтоженія рабства во всѣхъ большихъ городахъ Юга были устроены спеціальныя конторы для приѣма негровъ и въ особенности негритянокъ, являвшихся за различными надобностями, и служащимъ при этихъ конторахъ дѣла было по горло. То нужно было записывать, согласно новому закону, выбранныя неграми для себя фамиліи и при этомъ опрашивать о числѣ членовъ семьи, чтобы возможно было собрать статистическія данныя о численности цвѣтнаго населенія; то приходилось принимать безкончныя просьбы о вспоможеніи больнымъ и старикамъ, находившимся въ безпомощномъ состояніи, то выслушивать запросы относительно потерянныхъ много лѣтъ тому назадъ родственниковъ, справки о которыхъ очень рѣдко увѣнчивались успѣхомъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ, во время существованія рабства, было воспрещено закономъ разрывать семьи и продавать членовъ одной и той-же семьи въ одиночку разнымъ господамъ; на публичныхъ аукціонахъ законъ этотъ строго соблюдался, но рабовладѣльцы

всегда старались обходить его. Торговцы невольниками, состоявшіе исключительно изъ сѣверянъ, соблюдали этотъ законъ только тогда, когда невозможно было обойти его. Благодаря пароходамъ и желѣзнымъ дорогамъ, они могли очень быстро переѣзжать изъ штата въ штатъ и распродавать, такимъ образомъ, невольниковъ въ одиночку. Но само собою разумѣется, что они въ собственномъ своемъ интересѣ старались скрывать отъ невольниковъ, какая судьба постигла ихъ ближайшихъ родственниковъ, и въ этомъ отношеніи имъ охотно помогали плантаторы и городскіе жители.

Какому-нибудь содержателю гостиницы, напримѣръ, нужна была служанка или кухарка, но ему вовсе не желательно было покупать въ придачу, и за большіе куши, ея отца, мать, а иногда еще и кучу братишекъ и сестреноекъ, которыхъ онъ не могъ употребить ни на какую работу. Поэтому онъ покупалъ только дѣвушку; ее послали съ парохода въ городъ съ какимъ-нибудь порученіемъ, торговецъ получалъ условленные деньги, пароходъ отчаливалъ и, какъ ни плавали родители въ междупалубномъ помѣщеніи о потерянной дочери, янки не было никакого дѣла до ихъ горя. За нѣсколько сотъ миль южнѣе какому-нибудь плантатору нуженъ былъ здоровый чернорабочій или женщина, умѣющая хорошо стирать или ходить за маленькими дѣтьми. У торговца неграми были подходящіе люди на пароходѣ. За негровъ, распродаваемыхъ такимъ образомъ, въ одиночку, платили гораздо дороже, чѣмъ за цѣлыя семьи. На такой продажѣ торговецъ могъ выручить лишнихъ сотни двѣ долларовъ, — стоило-ли ему въ виду этого обращать вниманіе на то, что онъ отрывалъ мать отъ дѣтей, отца отъ семьи? Вѣдь этимъ путемъ онъ могъ скорѣе нажиться и затѣмъ, удалившись отъ дѣлъ, проживать на Сѣверѣ на свои доходы богатымъ и уважаемымъ человекомъ.

Такимъ образомъ, нерѣдко случалось, что негритянская семья была разсѣяна по четыремъ-пяти штатамъ и члены ея не имѣли ни малѣйшаго понятія о томъ, гдѣ находятся ихъ близкіе. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ негровъ оставляли тамъ, гдѣ ихъ продавали, по большей части ихъ уводили на плантаціи, миль за тридцать, за сорокъ въ глубь страны, и они переставали существовать для остального міра; новые господа зачастую мѣняли имъ имена, не спрашивая ихъ согласія, такъ-какъ имена давались имъ, какъ клички собакамъ.

Такимъ образомъ, несчастные, оторванные отъ своихъ близкихъ, почти никогда не имѣли никакихъ данныхъ, которые могли-бы помочь бѣлымъ напасть на слѣдъ ихъ родныхъ. Но теперь имъ, по крайней мѣрѣ, была предоставлена возможность наводить справки, и они хватались за эту возможность, какъ утопающій за соломенку. Новооткрытые freed man's bureau или „конторы освобожденнаго человѣка“ осаждались ими буквально съ утра до ночи и чиновникамъ этихъ конторъ приходилось отъ нихъ очень жутко.

Впрочемъ, чиновники, пока ищутъ какого-нибудь мѣста, обыкновенно изъявляютъ готовность взяться за какую-угодно работу; людей самоотверженнѣе ихъ не сыщешь. Но стоитъ имъ получить мѣсто, — въ Германіи-ли, въ Австраліи-ли, это все равно, — какъ они тотчасъ-же начинаютъ тяготиться временемъ, проводимымъ ими на службѣ, отправляютъ свои обязанности какъ-будто изъ милости и вообще обнаруживаютъ желаніе только получать жалованье и не опаздывать къ своему обѣду.

Чиновники въ Савоннѣ не составляли исключенія изъ общаго правила, несмотря на то, что были назначены только для того, чтобы оказывать всякаго рода содѣйствіе несчастнымъ неграмъ, и сильно добивались этихъ мѣстъ, за ихъ высокіе оклады. Дѣло велось самымъ рутиннымъ образомъ, и если въ первые дни нѣкоторые изъ чиновниковъ и проявляли усердіе и энергію, то уже черезъ нѣсколько недѣль занятія ихъ опротивѣли имъ, — Впрочемъ, можетъ быть, отчасти и потому, что казались черезчуръ безнадежными.

Къ тому-же служба въ этихъ конторахъ имѣла еще другую неприятную сторону. Климатъ тамъ былъ очень жаркій, а комнаты, въ которыхъ тѣснились негры, приходившіе за справками о своихъ родныхъ, были очень не велики, такъ что, несмотря на открытыя окна и двери, они наполнялись испареніями негровъ и воздухъ въ нихъ становился крайне неприятнымъ. Но этимъ господамъ вѣдь за это платили, и платили очень хорошо, и потому они отлично могли-бы обойтись безъ надменнаго обращенія и безъ затѣванія носовъ при появленіи всякаго просителя.

Собственно говоря, негры и не особенно часто являлись за справками; чаще приходили за ними женщины. А такъ-какъ чиновниковъ было очень мало, притомъ они большею частью были люди очень молодые, то понятно, что очень немногіе изъ несча-

стныхъ получали справки, да и то самыя поверхностныя, по дѣлу которое такъ близко было ихъ сердцу и стоило имъ столько безсонныхъ ночей.

Въ самой комнатѣ были поставлены перилы такимъ образомъ, что негры могли подходить къ столу только по одиночѣ, такъ что чиновники были избавлены отъ града просьбъ за-разъ и могли спокойно откладывать на завтра то, чего не успѣвали кончить сегодня.

Въ одной изъ такихъ конторъ въ Савоннѣ подошла къ столу чиновника старая, довольно толстая негритянка, которая во время рабства пользовалась извѣстнымъ авторитетомъ въ городѣ. Она была невольницей главнаго шерифа и ей приписывали — богъ-знаетъ почему — вліяніе на него. Въ то время всякая другая цвѣтная женщина съ величайшею готовностью уступила-бы ей мѣсто и ея просьба была-бы разсмотрѣна ранѣе остальныхъ, но теперь ей приходилось ждать очереди, и она ждала терпѣливо, потому что на сердцѣ у нея было тяжело.

— Джентльмэнъ, сказала она, когда молодой чиновникъ обратился къ ней со словами:

— Ну-съ, что вамъ угодно? Пора обѣдать, мы сейчасъ закрываемъ контору!

— Ахъ, джентльмэнъ, повторила старуха, съ испугомъ глядя на молодого человѣка, — если-бы вы мнѣ только сказали, гдѣ мой маленький Люси?

— Вашъ маленький Люси? Какъ-же мы это можемъ знать? Гдѣ вы его потеряли? Только говорите, пожалуйста, поскорѣе.

— Ахъ, я жила за пятнадцать миль отъ южной Каролины, за рѣкой. Масса переѣхалъ туда въ прошломъ году и взялъ насъ всѣхъ съ собой.

— Это не относится къ дѣлу; скажите коротко, что вамъ нужно, обрѣзалъ ее юный чиновникъ.

— Ахъ, джентльмэнъ, повторила женщина. — Мы жили въ Луизианѣ, въ приходѣ Фелиціана, на Поэнтъ-Купе; Люси было 14 лѣтъ; онъ былъ такой славный, здоровый мальчуганъ; а въ Вотерловѣ, городѣ, который лежитъ на самой рѣкѣ, господа собирались обыкновенно по вечерамъ въ отелѣ у одного француза и играли въ карты. Люси свезъ туда массу въ маленькихъ дрожкахъ и масса проигралъ всѣ свои деньги, сталъ играть на дрожки,

проигралъ и тѣ, проигралъ и лошадь и, наконецъ, — Господи Боже мой! — онъ проигралъ и моего Люси и долженъ былъ ночью вернуться домой пѣшкомъ, и съ тѣхъ поръ мы не видѣли больше Люси.

— Куда-же его отправили?

— Охъ, Господи Боже мой! вскричала старуха, всплеснувъ руками, — этого-то мы и не могли узнать. На слѣдующее утро мимо Ватерлова проѣзжалъ пароходъ, — онъ ѣхалъ вверхъ по рѣкѣ — и на немъ-то бѣлый увезъ моего Люси.

— Что-же я-то тутъ могу сдѣлать? замѣтилъ чиновникъ, прищуривъ одинъ глазъ и устремивъ другой на несчастную мать, — я-же не знаю, куда шель пароходъ и гдѣ бѣлый сошелъ съ него съ вашимъ мальчикомъ.

— Ахъ, масса, просила женщина, — если-бы вы только потрудились навести справки. У Люси былъ большой рубецъ на лѣвой щекѣ: его разъ надсмотрщикъ, въ пьяномъ видѣ, пырнулъ въ щеку ножомъ, и на лѣвой ногѣ, надъ самымъ колѣномъ, у него слѣды четырехъ зубовъ крокодила: разъ, когда онъ купался, это скверное животное схватило его за ногу.

— И съ тѣхъ поръ вы ничего о немъ не слышали?

— Нѣтъ, но мнѣ сказали, что бѣлые джемманы отыщутъ намъ нашихъ пропавшихъ дѣтей. Мнѣ-бы только разокъ посмотреть на моего бѣднаго Люси!

— Да, моя милая, замѣтилъ чиновникъ, вставая, вытирая перо и поправляя свою прическу, — если вы знаете только одно, что вашъ сынъ увезенъ, то я не могу вамъ помочь — мы не колдуны; но мы люди и способны ощущать голодъ; поэтому, я думаю, лучше намъ всѣмъ отправиться 'обѣдать. — Что, Спрайтли, вы готовы?

— Сейчасъ, вотъ только нужно отпустить этого стараго джентльмена.

— М-ръ Блоссамъ! раздался вдругъ голосъ какого-то господина пожилыхъ лѣтъ, съ умнымъ лицомъ и пронзительными сѣрыми глазами. Онъ уже минутъ десять стоялъ въ полуотворенной двери и прислушивался къ тому, что происходило въ конторѣ. — М-ръ Блоссамъ, вы отпустили уже эту женщину?

— Да, м-ръ Врангли! отвѣчалъ м-ръ Блоссамъ съ видимымъ смущеніемъ. М-ръ Врангли былъ его главный начальникъ, завѣ-

дующій бюро, и не любилъ шутить—молодые чиновники это очень хорошо знали.—Да, теперь уже часъ.

Пожилой господинъ съ лысой, заостренной маковкой посмотрѣлъ на него пристально и продолжалъ:

— Я-бы васъ попросилъ, м-ръ Блоссамъ, прочитать объявленіе въ газетахъ, въ которомъ сказано, что цвѣтные могутъ являться сюда съ 9 часовъ утра до 2 пополудни и съ 4 до 6 вечера.

— Я знаю, м-ръ Врангли, но...

— Къ тому-же вы отпустили эту женщину ни съ чѣмъ, если не считать любезностей, которыя вы ей наговорили. Неужели вы воображаете, что вамъ платять 50 долларовъ въ мѣсяць за то, чтобы вы никогда не опаздывали къ обѣду? Ступайте теперь обѣдать, и можете не торопиться, потому что вамъ не зачѣмъ больше приходить сюда!

— Но, м-ръ Врангли...

— Вы поняли меня, надѣюсь? Можете искать себѣ другого мѣста; завтра утромъ приходите въ кассу, вы получите жалованіе за мѣсяць, такъ-какъ завтра кончается мѣсяць. Надѣюсь, что вашъ примѣръ послужитъ урокомъ вашимъ сотоварищамъ.

— Чортъ побери! проворчалъ отставленный чиновникъ, небрежно надѣвая шляпу на голову и закуривая сигару.—Впрочемъ, очень радъ. Мнѣ уже надоѣло возиться съ этими прокл...—Бранное слово готово было сорваться съ его языка, но, бросивъ взглядъ на комнату, наполненную неграми, мимо которыхъ ему предстояло проходить, онъ счелъ за лучшее не договорить этого слова и закончилъ фразу:—съ этими цвѣтными лэди. Доброго утра, сэръ.

И, поклонившись небрежно своему начальнику, передъ которымъ не снялъ даже шляпы, онъ вышелъ изъ комнаты, проталкиваясь между негритянками.

М-ръ Врангли не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на его неприличную выходку. Онъ зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и рассчитывалъ, что примѣръ этого юноши подѣйствуетъ на остальныхъ его товарищей. Подозвавъ къ себѣ отпущенную старуху, онъ съ величайшимъ терпѣніемъ сталъ снова допрашивать ее.

Дѣло ея обстояло очень плохо. Мальчикъ былъ, судя по всѣмъ вѣроятіямъ, взятъ на пароходъ, шедшій на сѣверъ, и находился, можетъ быть, гдѣ-нибудь по близости, а, можетъ быть, въ Кен-

туки или Миссури. Страна была обширная; невозможно было справиться на всѣхъ плантаціяхъ, разсѣянныхъ на сотни миль, не тамъ-ли негръ по имени Люси; къ тому-же теперь его, вѣроятно, звали не Люси, а Бобъ или Нэдъ. Оставалось розыскать господина, который выигралъ въ Ватерловѣ негра; этимъ путемъ можно было напасть на какой-нибудь, хотя и очень ненадежный, слѣдъ. М-ръ Врангли обѣщалъ старой негрятинѣ написать туда и затѣмъ навести дальнѣйшія справки. Несчастная старуха вышла изъ комнаты съ сіяющими глазами; въ сердцѣ ея зародилась надежда.

Вслѣдъ за ней къ столу протолкалась чистокровная негрятинка—воплощенное безобразіе; на рукахъ у нея былъ ребенокъ; она, казалось, едва могла дожидаться своей очереди.

— Что вамъ угодно, моя милая? обратился къ ней мистеръ Врангли.

— Букрасы увели моего мужа, заговорила несчастная женщина;—они говорили, что онъ подстреваетъ другихъ цвѣтныхъ къ возстанію; ему завязали руки назадъ такъ крѣпко, что у него кровь показалась, бросили его въ телѣгу и увезли.

— Куда?

— Боже милостивый! я не знаю, я никакъ не могла узнать; они меня били, когда я спрашивала у нихъ объ этомъ. Ахъ, масса, масса, мы съ нимъ пріѣхали вмѣстѣ по большому морю; мы чуть не задохлись въ тѣсномъ, душномъ помѣщеніи, чуть не умерли съ голоду, а теперь они его увели отъ меня и мнѣ остается только броситься въ воду съ моимъ милымъ ребенкомъ.

— Гдѣ-же это случилось? Здѣсь, въ Георгіи?

— Да, но далеко отсюда, въ Милледжевилѣ, и добрые бѣлые сказали мнѣ, чтобы я шла сюда и справилась у васъ, джеимэны.

— Какъ-же звали вашего мужа?

— Тамъ у насъ его звали Огельцико; онъ былъ храбрый воинъ, но королевскія шайки напали на нашу деревню, увели насъ и продали бѣлымъ, которые привезли насъ сюда.

— Ну, а здѣсь какъ-же его звали?

— На плантаціи его звали Цезарь.

— Когда-же его схватили?

— Четыре мѣсяца тому назадъ, на плантаціи массы Гролея, близъ Милледжевиля.

— Хорошо, замѣтилъ мистеръ Врангли, записывая необходимыя для него свѣденія въ приготовленной для этой цѣли книгѣ.—Мы посмотримъ, нельзя-ли какъ-нибудь розыскать его; навѣдайтесь черезъ недѣлю.—Что тебѣ нужно, дитя мое? обратился онъ къ маленькому, грязному негртенку, который подошелъ въ эту минуту къ столу.

— Мнѣ-бы хотѣлось знать, гдѣ дэдди (дэдди—все-равно, что папа)? прошепталъ мальчуганъ робко; большіе глаза его бѣгали во всѣ стороны, а правымъ рукавомъ онъ утиралъ себѣ носъ. Ему было лѣтъ семь не больше, головой онъ чуть-чуть доставалъ до стола.

— Куда-же онъ дѣвался, дитя мое?

— Разъ они бросили дэдди въ воду, потомъ масса Бэль повѣсилъ его.

— Кто таковой масса Бэль, мой милый?

— Надсмотрщикъ... Потомъ они вырыли яму и положили туда дэдди.

Среди столпившихся въ конторѣ женщинъ обнаружилось волненіе. Однѣ изъ нихъ всплеснули руками и заголосили, другія подтвердили слова мальчика.

— Знаетъ кто-нибудь изъ васъ объ этомъ происшествіи? обратился Врангли къ тѣмъ, кто стоялъ ближе къ нему.

— О, да, масса! вскричали двѣ старухи разомъ, — все, что ребенокъ сказалъ, чистѣйшая правда. Когда разнеслась вѣсть, что мы свободны, Буль, такъ звали отца мальчика, хотѣлъ уйти на Сѣверъ съ женою и сыномъ... онъ говорилъ, что онъ свободный человѣкъ, но масса Рубенъ очень злой господинъ.

— Рубенъ изъ Кюксвила, который разводитъ индигу?

— Да, масса... Они набросились на бѣднаго Булля, держали его подъ водою такъ, что онъ чуть не умеръ, и затѣмъ повѣсили его на орѣшникѣ.

— Когда-же это случилось?

— Двѣ недѣли тому назадъ, масса.

— И съ тѣхъ поръ дэдди не возвращался и мама тоже, произнесъ мальчуганъ, оглядывая всѣхъ присутствующихъ, и крупныя слезы выступили у него на глаза.

Врангли сдѣлалъ замѣтку въ своей книгѣ.

— У кого-же теперь живетъ ребенокъ? спросилъ онъ. — Гдѣ его мать?

— Мать утопилась съ горя, отвѣчали женщины,—а мальчуганъ бродитъ себѣ-безъ призора; то тотъ, то другой кормитъ его изъ милости.

— Мистеръ Бѣдгоузъ, сказалъ Врангли, обращаясь къ одному изъ молодыхъ чиновниковъ, который, по крайней мѣрѣ, разъ десять поглядывалъ на свои часы.

Былъ уже третій часъ и онъ рисковалъ не получить обѣда въ отелѣ. Но пока мистеръ Врангли сидѣлъ, уйти было невозможно.

— Что вамъ угодно, сэръ? отвѣчалъ мистеръ Бѣдгоузъ. Онъ видѣлъ, что со старикомъ сегодня шутить было невозможно.

— Возьмите-ка мальчугана съ собою въ номеръ третій, къ мистеру Бенду.

— Онъ, вѣроятно, теперь обѣдаетъ: уже третій часъ, замѣтилъ молодой человѣкъ, воспользовавшись случаемъ, чтобы напомнить о времени своему начальнику, у котораго, повидимому, не было часовъ.

— Вотъ какъ! произнесъ мистеръ Врангли;—вы всѣ, господа, очень акуратно смотрите на часы, когда пора уходить, но приходите не спѣшите. Впрочемъ, надѣюсь, что завтра въ девять часовъ я найду васъ всѣхъ на мѣстахъ.—Пожалуйста, моя милая, обратился онъ къ стоявшей около него негритянкѣ, сунувъ ей въ руку монету, — возьмите съ собою мальчугана, накормите его и приведите сюда въ четыре часа. Эти господа будутъ на своихъ мѣстахъ ровно въ четыре. А теперь пора обѣдать. Вы приходите сюда понавѣдываться, обратился онъ къ остальнымъ неграмъ, — всего не обдѣлаешь за одинъ разъ.

И, дружески кивнувъ головою неграмъ, которые провожали его благословеніями, какъ своего истиннаго друга, онъ вышелъ изъ залы, чтобы пообѣдать въ ближайшемъ отелѣ.

— Что, онъ ушелъ, наконецъ? спросилъ молодой человѣкъ, просовывая голову въ дверь изъ сосѣдней комнаты. — А я ужъ думалъ, что онъ заночуетъ здѣсь. Что, онъ прогналъ Блоссама, а?

— Это сущій тиранъ, проговорилъ вполголоса чиновникъ, сидѣвшій около дверей, не желая, чтобы его слышали неуспѣвшіе еще выйти изъ комнаты негры.—Чортъ побери! онъ обращается съ нами, какъ-будто онъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ. Онъ

прогналъ Блоссама прехладнокровнѣйшимъ образомъ, и если-бы кто изъ насъ попробовалъ заступиться за него, то навѣрно также-бы слетѣлъ съ мѣста. Чортъ-бы его дралъ! Онъ протягиваетъ проклятымъ неграмъ бархатныя лапки, а съ нами обходится ужъ черезчуръ безцеремонно, какъ-будто подобралъ насъ съ улицы. Неужели мы будемъ терпѣть такое обращеніе?

— А что-же намъ дѣлать? возразилъ другой чиновникъ, пожимая плечами.

Они отправлялись всѣ вмѣстѣ обѣдать.

— Онъ пользуется громаднымъ вліяніемъ у генераль-губернатора и негры готовы съѣсть его отъ любви. Но, Господи, какъ здѣсь воняетъ черною кожею — просто невыносимо; уйдемте поскорѣе.

— Да, а если въ четыре часа мы не будемъ на своихъ мѣстахъ, вмѣшался третій, — въ ожиданіи, пока цвѣтнымъ вонючкамъ заблагоразсудится пожаловать, то старый чортъ опять подниметъ дымъ коромысломъ. Если-бы только я могъ прискаты себѣ какую-нибудь другую работу, я-бы отправилъ ко всѣмъ чертямъ эти бюро freed man'a.

— Ахъ, джемэны, остановилъ молодыхъ людей у подъѣзда толстый мулатъ, — какъ я радъ, что еще засталъ васъ! я шелъ за справкою въ контору, а черезъ полчаса мнѣ надо на поѣздъ.

— Очень жалко, сказалъ мистеръ Бѣдгоузъ, приподнимая шляпу и отвѣшивая мулату насмѣшливый поклонъ, — что я самъ не буду имѣть чести оказать вамъ услугу. Пожалуйста, поднимитесь наверхъ, тамъ все заперто и вы можете подышать ароматическимъ воздухомъ!..

И молодые люди со смѣхомъ повернулись къ нему спиной и отправились въ свой отель.

Въ томъ-же домѣ, выстроенномъ іезуитами и затѣмъ брошенномъ ими по неизвѣстнымъ причинамъ, — вѣроятно, вслѣдствіе того, что мѣсто было нездоровое и сырое, — находилась огромная зала, бывшая до сихъ поръ безъ употребленія; теперь въ нее велѣно было собраться неграмъ, чтобы сообщить свои новыя имена и фамиліи.

Въ комнатѣ было поставлено шесть столовъ, за каждымъ сидѣло по два писмоводителя; во избѣжаніе давки, неграмъ было наказано, чтобы приходили только отцы семействъ или, еще лучше, чтобы они приносили записки, на которыхъ значились-бы имена сперва отца, какъ главы семейства, затѣмъ матери, сыновей и дочерей. Но правительственныя власти не приняли въ расчетъ, что цвѣтныя леди непременно захотятъ присутствовать при такомъ торжественномъ актѣ. Какъ-же имъ не посмотрѣть, какъ будутъ записывать ихъ имена?

Запись должна была начаться въ восемь часовъ, но уже съ самаго разсвѣта передъ зданіемъ толпилась самая пестрая толпа, представлявшая любопытную смѣсь костюмовъ и цвѣта кожи.

Большинство собралось спозаранку, чтобы скорѣе отдѣлаться. Но предметъ собранія возбуждалъ слишкомъ живой интересъ и потому зрѣлище, которое представляла эта собравшаяся толпа, было въ высшей степени любопытно. Негры, пришедшіе ранѣе остальныхъ, человѣкъ восемь, стояли у самыхъ дверей; остальные образовали громадный хвостъ, который тянулся черезъ всю площадь и захватывалъ противоположную улицу. Но это не мѣшало толпѣ, въ которой всѣ знали другъ друга, вести самыя оживленные разговоры по поводу выбранныхъ именъ, которыя они громогласно общали другъ другу.

Относительно костюма трудно представить себѣ что-нибудь комичнѣе стараго, почтеннаго негра или, еще лучше, [матроны-негрятянки. Многіе находятъ въ неграхъ большое сходство съ обезьяной, но это оскорбительное для нихъ мнѣніе совершенно неосновательно. Бываютъ, правда, негры, очень похожіе на обезьяну лицомъ, но такое сходство встрѣчается и у бѣлыхъ, въ особенности въ низшихъ классахъ ирландцевъ, иногда даже и у нѣмцевъ. Подражательность у негровъ, правда, сильно развита, но больше-ли, чѣмъ у европейцевъ, — это еще вопросъ.

Возьмите, напримѣръ, нашихъ горничныхъ, которыя въ воскресенье отправляются на балъ въ шляпкахъ новѣйшаго фасона, украшенныхъ цвѣтами и перьями, въ огромнѣйшихъ кринолинахъ и исполнскихъ шиньонахъ, напяливъ на грубыя красныя руки свѣтлыя лайковыя перчатки и граціозно закрываясь шелковыми зонтиками для сбереженія нѣжности цвѣта лица. Или возьмите путешественныхъ прикащиковъ, обвѣшанныхъ поддѣльными и не-

поддѣльными украшеніями, нанизывающихъ себѣ кольца на пальцы, щеголяющихъ булавками, брелочками, гигантскими запонками, лорнетками, флакончиками, брюками новѣйшаго фасона, до того узкими, что того и гляди лопнуть, — право, эти обезьяны ни на іоту не превосходятъ негровъ.

Относительно негровъ нельзя отрицать, что еще за долго до уничтоженія рабства свободные негры и негритянки въ сѣверныхъ городахъ старались, насколько позволяли имъ ихъ средства, перенимать внѣшность и приемы бѣлыхъ. Съ ними повторилась старая исторія:

Его отхаркиванья и плевки

Вы переняли какъ нельзя удачнѣй.

Впрочемъ, эта исторія повторяется и съ нѣмцами. Первое, чему выучиваются нѣмцы изъ неинтеллигентныхъ сословій, едва вступятъ на американскую почву, это: „God damn it“ и жеванью табаку. Можно-ли послѣ этого осуждать негритянокъ за то, что онѣ наряжаются въ бѣлыя шляпки съ красными цвѣтами или перьями и стараются подражать плавной походкѣ знатныхъ леди? Что-же касается черныхъ жеманно-пошлыхъ щеголей, то вѣдь ихъ не мало встрѣчается и среди бѣлыхъ.

Разряженные въ пухъ и прахъ явились негры и на сегодняшнюю торжественную для нихъ церемонію. До сихъ поръ эти люди употребляли всѣ свои заработки на то, чтобы приготовить себѣ на воскресенье, для выхода въ церковь, особенно бросающійся въ глаза, затмѣвающий всѣ прочіе костюмъ. Что-же удивительнаго, что площадь пестрѣла черными фраками, бѣлыми жилетами, лайковыми перчатками, шумящими шелковыми платьями, шляпками съ пестрыми лентами и цвѣтами, ярко-красными и свѣтло-голубыми платками? Черныя и желтыя лица этого разряженнаго люда представляли для бѣлыхъ въ высшей степени комичное зрѣлище.

Цвѣтныя леди не ожидали такой давки; стоило имъ только выйти изъ образовавшейся цѣпи, какъ толпа отбрасывала ихъ богъ-знаетъ куда, разлучая съ дѣтьми, такъ-что имъ приходилось стоять на мѣстѣ, не шевелясь; къ тому-же ихъ сильно возмущало, что негры съ плантацій, въ оборванныхъ курткахъ и даже просто въ рубахахъ и негритянки въ грязныхъ бѣлыхъ коленчорныхъ платьяхъ, толпились тутъ-же и не давали мѣста имъ, настоящимъ леди.

Тѣмъ не менѣе, подъ перекрестнымъ огнемъ восклицаній и ругательствъ, бесѣда шла очень оживленная, хотя вертѣлась исключительно на выборѣ именъ.

— Эй, Сипъ! старый дружище, какъ поживаешь? кричалъ голосъ изъ третьяго и четвертаго ряда кому-то въ восьмомъ или девятомъ.

— Ахъ, джентльмэнъ Бэнъ! раздался отвѣтъ, — очень радъ, что вы достали себѣ хорошее мѣсто; всѣ ваши леди, надѣюсь, здоровы?

— Здоровы, джентльмэнъ Сипъ.

Джентльмэнъ Бэнъ почувствовалъ, что поступилъ безтактно, назвавъ своего пріятеля просто Сипомъ. Негры со времени своего освобожденія величали себя всѣми титулами бѣлыхъ и зачастую, какъ и въ настоящемъ случаѣ, совершенно невпопадъ. Но это ихъ ни мало не смущало.

— Очень вамъ благодаренъ за участіе, продолжалъ джентльмэнъ Бэнъ, — выбрали вы себѣ имя?

— Безъ сомнѣнія, джентльмэнъ Бэнъ, и очень хорошее. Когда предоставлена свобода выбирать, такъ, конечно, выберешь себѣ самое лучшее. Я выбралъ себѣ имя—Георгъ Вашингтонъ.

— И я также, и я также! раздалось съ разныхъ сторонъ.

И самъ джентльмэнъ Бэнъ произнесъ съ недоумѣніемъ:

— И я также.

— Но, джемэны, раздался голосъ изъ заднихъ рядовъ, — не можемъ-же мы всѣ взять однѣ и тѣ-же имена. Здѣсь еще три Георга Вашингтона и семь Абрамовъ Линкольновъ. Намъ-бы слѣдовало прежде устроить совѣщаніе и согласиться на счетъ именъ, которыя мы выберемъ.

— Джентльмэны, раздался изъ переднихъ рядовъ голосъ джентльмэна Бэна, — совѣщаніе мы можемъ устроить и теперь. Я, какъ передній, удерживаю имя, и было-бы желательно, чтобы господа позади выбрали себѣ какія-нибудь другія имена. Джентльмэнъ Сипъ, не можете-ли вы мнѣ сказать, какъ звали жену генерала Вашингтона?

— Полли, вмѣшался маленькій, горбатенькій негръ, котораго, повидимому, очень забавляла начинавшаяся ссора.

— Полли, въ самомъ дѣлѣ? переспросилъ джентльмэнъ Бэнъ, — странно, но это служить намъ новымъ довазательствомъ

того, какой простой человекъ былъ генералъ Вашингтонъ. — И такъ Полли, голубчикъ! обратился онъ къ своей женѣ, толстой, дородной мулаткѣ, съ огромною красною птицею на шляпѣ.

Но въ эту минуту большія двери распахнулись и въ залу впустили четыре переднія ряда негровъ; вслѣдствіе этого распоряженія половина семейства джентльмена Бэна осталась за дверьми; онъ поднялъ громкій протестъ и ему удалось-таки втащить свое семейство на томъ основаніи, что цѣлыя семьи должны быть записаны за-разъ. Запись началась, работа была нелегкая.

Неграмъ было, правда, заранѣе объявлено, чтобы они выбрали себѣ имена, но они все еще не могли окончательно остановиться на какомъ-нибудь одномъ имени. Каждому хотѣлось имѣть звучное, извѣстное имя, но при этомъ вкусы мужа и жены часто расходились, и если они, наконецъ, и приходили къ соглашенію, то подѣ тѣмъ условіемъ, что послѣ можно будетъ переимѣнить взятое имя. Они не понимали, что разъ принятое имя не можетъ уже быть переименовано. Мало того, очень многіе разрѣшали свои недоразумѣнія такимъ образомъ, что мужъ называлъ себя одною фамиліею, а жена — другою, и чиновникамъ приходилось объяснять имъ, что это невозможно, что у жены должна быть та-же фамилія, какъ и у мужа, что только имена должны быть разныя. Но вообще дѣло шло довольно мирно; упрямыхъ леди убѣждали тѣмъ, что такъ заведено и у бѣлыхъ леди, и этотъ аргументъ совершенно успокаивалъ ихъ.

Ни одинъ изъ негровъ не удержалъ имени, которое ему было дано во время рабства, и это совершенно понятно. Правда, отцы не прочь были оставить дѣтямъ ихъ прежнія имена, но матери поднимались на дыбы и тотчасъ-же начинали прибирать всѣ имена, которыя слышали въ городахъ и домахъ плантаторовъ.

Женщинамъ наиболѣе нравились имена: Ефросинія, Юлія, Аделаида, Сидонія, Фелиціана, Франциска, Евгенія, Роза и т. п.; мальчикамъ давали имена Гвидо, Жоржъ, Вильямъ, Викторъ, Лео, Чарльзъ и т. д. Популярныя въ Америкѣ фамиліи Вашингтона, Джефферсона, Франелина, Линкольна, Гранта, Шермана привлекали бездну соискателей и создавали кучу однофамильцевъ, что могло впоследствии повести къ серьезной путаницѣ. Но объ этомъ никто не думалъ. Какъ ни одинъ нѣмецъ не выбралъ-бы себѣ фамиліи Мейеръ, если-бы ему была предоставлена

свобода выбора, такъ и цвѣтные старались прискаты себѣ звучныя, замѣчательныя по чему-нибудь имена. Индѣйцы въ подобныхъ случаяхъ всегда выбираютъ себѣ прозвища, имѣющія символическій, лестный для нихъ смыслъ, какъ, напр.: большой медвѣдь, прыгающая пантера, быстроногій волкъ, летучее облако, черная туча и т. п. Негры довольствовались тѣмъ великихъ именъ изъ американской исторіи и скоро Джефферсоны и Франклины расплодился, какъ морской песокъ.

При этомъ случалось такъ, что многіе изъ негровъ колебались между двумя или тремя именами до той самой поры, пока имъ не приходилось объявить свое имя для внесенія его въ книгу. Вслѣдствіе этого они забывали, какое изъ именъ они сказали, и, выходя изъ залы, они уже спорили со своими домашними о томъ, подъ какимъ именемъ они записаны. Но чиновникамъ до этого не было ни малѣйшаго дѣла. Они вписывали всѣ имена безъ разбора и изготовленные ими списки должны были служить руководствомъ при составленіи списковъ избирателей.

Принятіе неграми фамилій подало поводъ въ послѣдующіе за записью дни ко множеству комическихъ сценъ. Цвѣтныя леди и джеммэны, встрѣтившись на улицѣ, освѣдомлялись другъ у друга о фамиліи и затѣмъ величали другъ друга новымъ именемъ съ полнымъ сознаниемъ своего достоинства. Они при этомъ никогда не употребляли слово мистеръ, которое слишкомъ напоминало имъ запрещенное у нихъ слово мастэръ или масса. Но слово джентльмэнъ имъ ужасно нравилось и они ставили его передъ фамиліей вмѣсто мистера; самый послѣдній негръ съ плантаціи оскорбился-бы, если-бы кто-нибудь въ разговорѣ съ нимъ опустил слово „джентльмэнъ“.

Бѣдняги чувствовали, что они стали людьми, и, конечно, ни у кого не хватить духа упрекать ихъ за то, что они выражали это чувство въ нѣсколько комичной, смѣхотворной формѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

У ЦИРЮЛЬНИКА.

Доннерсвилъ въ Индіанѣ принадлежитъ къ числу такихъ американскихъ городовъ, которые вырастаютъ изъ земли, какъ грибы, и въ самомъ непродолжительномъ времени принимаютъ размѣры, о которыхъ основатели ихъ и не мечтали. Эзра Людкинсъ, положившій начало городку Грагамстоуну и рассчитывавшій, что желѣзная дорога направится чрезъ этотъ городъ, сильно ошибся въ своемъ предположеніи. Ее провели черезъ Доннерсвилъ. Городъ обстраивался во все стороны, населеніе его постоянно увеличивалось пришельцами съ юга и востока, надѣявшимися извлечь выгоды изъ быстрого роста города.

Негры массаами повидали Югъ и селились въ свободныхъ штатахъ Сѣвера, не довѣряя заключенному миру. Сѣверъ, правда, одержалъ побѣду, но кто могъ поручиться, что не вспыхнетъ новой революціи, при которой неграмъ придется жутче всехъ. Потому они считали за лучшее заблаговременно устраниться отъ опасности. Все бывшіе невольники, которымъ только дозволяли ихъ средства, забравъ свои семьи и убогій скарбъ, переправлялись за Огіо; иные добирались даже до самой Канады, чтобы совершенно обезопасить себя.

До двадцати такихъ бездомныхъ негровъ явились и въ Доннерсвилъ, гдѣ ихъ встрѣтилъ самый радушный пріемъ. Среди нихъ были искусные ремесленники, въ особенности великолѣпный кузнецъ и отличный плотникъ; они тотчасъ-же получили работу. Все-же ремесленники были родомъ изъ Кентуки, изъ самыхъ сѣверныхъ городовъ и плантацій Ковингтона и Баррольтона; они уже выбрали себѣ новыя имена и не прошло и мѣсяца, какъ надъ дверями маленькихъ барачковъ красовались двѣ новыя вывѣски: Эдуардъ Гамильтонъ, кузнецъ; Чарльзъ Банерофтъ, плотникъ.

Большая часть прїѣхавшихъ съ послѣднимъ пароходомъ нѣмецкихъ переселенцевъ также порѣшила остаться въ Доннерсвилѣ или, во всякомъ случаѣ, въ штатѣ Индіанѣ. М-ру Шерарду удалось, съ помощью своего нѣмецкаго переводчика, уговорить только пять семей перебраться на Югъ, въ Георгію, чтобы воспользоваться тѣми выгодами, которыя онъ имъ сулилъ. Они, само собою разумѣется, должны были тутъ-же дать ему задатокъ, а Шерардъ обѣщалъ имъ за это или самъ отправиться съ ними до мѣста или дать имъ провожатаго. Затѣмъ имъ были выданы купчія на пріобрѣтенные ими участки, но у м-ра Шерарда не было времени ѣхать съ ними самому и онъ далъ имъ въ провожатые молодого американца. На самомъ дѣлѣ, Шерарду просто-на-просто не хотѣлось показываться на глаза чернымъ, которымъ онъ уже черезчуръ насолилъ; онъ только переписывался съ молодымъ Ургардомъ и нѣкоторыми другими плантаторами, которые продавали при его посредствѣ свои земли заочно. О томъ, каково будетъ жить переселенцамъ на Югѣ, онъ ни мало не заботился.

Доннерсвилъ состоялъ теперь уже далеко не изъ однихъ деревянныхъ домиковъ и бараконъ. Предпримчивые американцы устроили тамъ кирпичный заводъ, нѣмцы послѣдовали ихъ примѣру, и черезъ нѣсколько лѣтъ въ городѣ уже было нѣсколько красивыхъ кирпичныхъ домовъ и много другихъ строилось. Большинство населенія состояло изъ нѣмецкихъ переселенцевъ; впрочемъ, не мало было и американцевъ; всѣ общественныя должности были монополизированы ими. Здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ нѣмецкихъ колоніяхъ, нѣмцы обнаруживали полнѣйшій индифферентизмъ во всему, что касалось области политики и ихъ политическихъ правъ. Даже тамъ, гдѣ ихъ было вдесятеро больше, чѣмъ американцевъ, они очень рѣдко выставляли своихъ соотечественниковъ кандидатами на выборахъ, а тамъ, гдѣ выставляли, эти соотечественники постоянно проваливались, и проваливались вовсе не потому, чтобы возникало сомнѣніе относительно ихъ способностей или познаній, а потому, что ни одинъ нѣмецъ не хотѣлъ признавать другихъ нѣмцевъ умнѣе или способнѣе себя. Словомъ, нѣмецъ былъ насквозь пропитанъ партикуляризмомъ, мелочностью, которая не въ состояніи понять никакой великой идеи, которой невыносимо подчиненіе всѣхъ лицамъ, выбраннымъ ими самими. Американцу тотъ-же нѣмецъ подчинялся, хотя и зналъ, что аме-

риканецъ вовсе и не думаетъ преимущественно объ его интересахъ, но своему соотечественнику онъ подчиняться не хотѣлъ. Потому-то нѣмцы и играли такую жалкую роль въ политической жизни Соединенныхъ Штатовъ, несмотря на то, что представляли своей численностью дѣйствительную силу въ странѣ. Только въ самое послѣднее время нѣмцы начинаютъ обнаруживать болѣе активности, благодаря толчку, полученному ими изъ Германіи, благодаря сознанію, что они члены могущественнѣйшей изъ европейскихкихъ націй. Конечно, они никогда не приобрѣтутъ господства въ Соединенныхъ Штатахъ, да этого вовсе и не нужно, даже вовсе не желательно; довольно и того, что они теперь изъ году въ годъ начинаютъ сознать все яснѣе и яснѣе права, которыя имъ даетъ ихъ численность и ихъ интеллектуальное развитіе. Впродолженіи послѣдняго полустолѣтія нѣмцы создавали Америкѣ каждыя пять лѣтъ по новому штату; пора-же имъ, наконецъ, занять приличествующее имъ положеніе, превратиться изъ орудій американскихъ избирательныхъ происковъ въ дѣйствительныхъ избирателей великой страны.

Эти новыя стремленія нѣмцевъ начинали уже проявляться въ Доннерсвилѣ, хотя еще смутно. Городакъ этотъ представлялъ собою удивительное смѣшеніе людей, которыхъ можетъ выслать только Германія, — людей, принесшихъ съ собою свои рутинныя взгляды и привычки, свои сословныя предразсудки и предубѣжденія.

Крестьяне и ремесленники обыкновенно скоро осваиваются въ Америкѣ; они стараются какъ можно скорѣе войти въ свою старую, привычную колею, и такъ-какъ не бѣгаютъ ни отъ какой работы, а заработки въ Америкѣ хорошіе, то очень скоро разживаются и чувствуютъ себя въ новомъ своемъ отечествѣ, какъ нельзя лучше. Напротивъ, такъ-называемые образованные или привилегированные классы нескоро осваиваются съ чуждою для нихъ жизнью, имъ бываетъ очень трудно отрѣшиться отъ своихъ предразсудковъ и стать настоящими американцами. Въ Доннерсвилѣ проживало много подобныхъ личностей. Въ немъ, какъ и во всякомъ новомъ американскомъ городѣ, собрались представители всѣхъ слоевъ европейскаго общества, и много времени нужно было на то, чтобы слить ихъ въ однородную массу, вылить по американскому шаблону.

Среди этого хаоса разнородныхъ элементовъ Якобъ Росвейнъ открылъ свою цирюльню. Вопреки американскимъ обычаямъ, это было въ высшей степени скромное заведеніе.

Нѣмцы изъ интеллигентнаго сословія утверждали, правда, что Росвейнъ—человѣкъ съ придурью, чудакъ, полусумасшедшій, хотя отлично знаетъ свое дѣло; крестьяне находили, что онъ очень искусенъ, но „страшно грубъ“. Какое ему дѣло до того, что они хотятъ пускать себѣ кровь всякій мѣсяць? А онъ за это ругается и выталкиваетъ ихъ изъ своей цирюльни.

Дѣйствительно, Росвейнъ былъ грубъ, и не съ одними только крестьянами, а со всякимъ, кто его сердилъ. Но знакомые его и пріятели знали, что онъ по образованію стоитъ выше своего положенія, что онъ обладаетъ весьма обширными медицинскими познаніями, знаетъ, какъ древніе, такъ и новыя языки, собаку съѣлъ на исторіи, естественныхъ наукахъ, химіи и литературѣ. Но никому не рассказывалъ онъ о своей прошлой жизни. Отъ него могли вывѣдать только одно,—да и то пріятели его сомнѣвались, чтобы это была правда,—а именно, что отецъ его былъ также цирюльникъ и онъ продолжаетъ его ремесло.

Обстановка его лавчонки, какъ онъ называлъ свою цирюльню, была самая неказистая. Посрединѣ стѣны висѣло довольно большое зеркало—самая изящная вещь во всей цирюльнѣ; подъ зеркаломъ стоялъ столъ, на которомъ лежали щетки, гребенки и стояла гигантская банка съ помадой; по стѣнамъ торчало три-четыре самыхъ обыкновенныхъ стула, на полѣ стояло нѣсколько банокъ съ пъявками и цѣлая батарея рожковъ. Въ маленькомъ шкапчикѣ, который былъ постоянно подъ ключомъ, находились его хирургическіе инструменты; ихъ у него былъ, какъ говорили, большой запасъ и содержались они въ необыкновенной чистотѣ, но никому не удавалось заглянуть въ шкафъ, изъ котораго онъ, смотря по надобности, самъ вынималъ тотъ или другой инструментъ.

Впрочемъ, у Росвейна была и еще одна диковина для Доннерсвилля—библіотека, въ которую, однако, никто не имѣлъ доступа; она находилась въ каморкѣ верхняго этажа и здѣсь, среди своихъ книгъ, Росвейнъ проводилъ вечера и половину ночи. Сосѣди удивлялись, что у него всегда былъ свѣтъ далеко за полночь, но если кто изъ нихъ обращался къ нему съ вопросомъ, что онъ

дѣлаетъ по ночамъ, онъ отвѣчалъ обыкновенно: чешусь, москиты не даютъ покоя, потому и зажигаю свѣчу.

Росвейнъ былъ, дѣйствительно, страннымъ или, лучше сказать, необыкновеннымъ человѣкомъ; онъ вовсе не подходилъ подъ то представленіе, которое имѣютъ въ Германіи о цирюльникѣ. Онъ былъ высокаго роста, глаза у него были каріе, волосы темнорусые и слегка вьющіеся, лобъ высокій и покатый; выраженіе рта его свидѣтельствовало о необыкновенной твердости его характера. Но на всемъ лицѣ былъ отпечатокъ какой-то грусти; жморъ его постоянно отличался горечью и сарказмомъ. Тѣмъ не менѣе онъ съ величайшею внимательностью исполнялъ свои скромныя обязанности.

Разъ онъ сидѣлъ въ своей цирюльнѣ и отъ нечего дѣлать точилъ бритвы, вдругъ дверь отворилась и вошелъ Кельманъ, зять Доннера.

— Какъ поживаете, г. Росвейнъ? сказалъ онъ, протягивая руку цирюльнику. — Что подѣлываете? Все еще не довольно острѣ? Росвейнъ усмѣхнулся.

— Эти бритвы, г. Кельманъ, я приточиваю для особенно почетныхъ посѣтителей и для такихъ, которые приходятъ въ первый разъ. Пусть они себѣ воображаютъ, что я всегда такъ брѣю, что борода отлетаетъ, будто ее смахнули шелковымъ платкомъ. Для постоянныхъ посѣтителей я, конечно, не хлопочу такъ много: имъ хоть кожу сдери, они все-таки не перестанутъ ходить ко мнѣ.

— Благодарствуйте, засмѣялся Кельманъ. — Я это запомню. Но согласитесь, что точенье—прескучная работа.

— Да, если нѣтъ при этомъ другого дѣла; но я здѣсь на обсервационномъ пунктѣ: слѣжу за моими сосѣдями. Вы не можете себѣ представить, какъ скоро проходитъ время за такими наблюденіями.

— А у васъ есть интересное сосѣдство?

— Да вотъ посмотрите сами. Какъ вамъ нравится эта дама?

— Чортъ возьми! расхохотался Кельманъ, бросивъ взглядъ въ окно. — Видная женщина, вѣситъ пудовъ шесть. А что-же за баринъ ведетъ ее подъ руку?

— Старый осель, г. фон-Пасседовъ. Я сильно подозреваю, что онъ нажѣренъ жениться на этомъ вусѣѣ сала. Но посмотрите, пожалуйста, какъ она разрядилась: лиловая тальма, свѣтло-го-

лубое шелковое платье, шляпа аркадской пастушки и подъ ней такая расплывшаяся рожа!..

По противоположной сторонѣ улицы, дѣйствительно, шель фон-Пасседовъ, старикъ съ аристократической осанкой, одѣтый нѣсколько небрежно, и велъ подъ руку толстую барыню, туалетъ которой сильно бросался въ глаза; старикъ, видимо, увивался за толстухой.

— По лѣтамъ они-бы подошли другъ къ другу, продолжалъ Росвейнъ:— ему подъ шестьдесятъ, ей—за сорокъ; онъ сухопарь, она толста, онъ бѣденъ, она богата; вотъ только бѣдная дѣвочка не кстати.

— Какая бѣдная дѣвочка?

— Развѣ вы не видите въ окнѣ это ангельское личико, это мраморное изваяніе?

Дѣйствительно, въ противоположномъ домѣ у окна стояла молодая дѣвушка лѣтъ двадцати. Кельманъ никогда въ жизнь свою не видалъ болѣе правильнаго, болѣе красиваго лица. Это была головка не Венеры, а Психеи, чудная, очаровательная головка. Но на лицѣ дѣвушки было замѣтно выраженіе глубокой тоски. Можетъ быть, она видѣла, какъ прошелъ мимо окна ея отецъ съ своей спутницей.

— Она дочь этого старика? спросилъ Кельманъ съ удивленіемъ.

— Къ сожалѣнію, да. Она ведетъ все хозяйство, заправляетъ всѣмъ домошъ, стряпаетъ, стираетъ, шьетъ, никогда ей не удается лечь въ свою жесткую постель раньше полуночи, а старый дуралей еще заводитъ любовныя шашни. Ей-бы нуженъ лебяжій пухъ.

— Что? переспросилъ Кельманъ, посмотрѣвъ съ изумленіемъ на своего собесѣдника.—Лебяжій пухъ? Кому?

— Да этой дѣвочкѣ, бѣдной Еленѣ.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Знаете-ли, любезный г. Кельманъ, сказалъ Росвейнъ, продолжая наблюдать за блѣдной дѣвушкой, стоявшей въ окнѣ, пока она не ушла внутрь комнаты,—я человѣкъ холостой, живу здѣсь одинъ, а въ такомъ положеніи приходятъ всевозможныя мысли; по безстыдству, свойственному каждому человѣку, воображаешь, что можешь сдѣлать всякую штуку лучше, чѣмъ это обыкновенно дѣлается; кажется, Господу Богу даль-бы совѣтъ, какъ Ему поступить

практичнѣе. Вотъ, напримѣръ, съ одеждой. Богъ пустилъ насъ въ мѣръ голыми. Я не буду разсуждать о томъ, прилично или неприлично это, но о томъ, насколько это практично? Что стоитъ какому-нибудь несчастному отцу семейства туалетъ его жены и дочерей; какъ было-бы просто, если-бы мы, какъ и всѣ остальные млекопитающія, къ числу которыхъ естественная исторія причисляетъ и насъ, получили, сообразно нашему положенію, соотвѣтственную шубу, которая, разумѣется, обновлялась-бы каждую зиму.

— Это было-бы недурно, засмѣялся Кельманъ.

— Недурно? воскликнулъ Росвейнъ, — это было-бы превосходно; такимъ образомъ, можно было-бы сразу отличить общественное положеніе всякаго человѣка. Возьмите, напримѣръ, хоть г. фон-Пасседова, — барона фон-Пасседова, хотѣлъ я сказать, — какимъ паршивцемъ онъ выглядить! Его-бы слѣдовало одѣть въ козлиную шкуру, пусть-бы щеголялъ въ ней всю жизнь. Но, начнемъ снизу: простому народу — чортъ-бы дралъ всѣхъ республиканцевъ! — а даль-бы тюленью шкуру. Она не особенно красива, но за то практична: предохраняетъ отъ холода и непромокаема, потому что вода съ нея сбѣгаетъ; бѣднымъ рабочимъ, которымъ приходится такъ часто работать въ холодѣ и сырости, она пришлась-бы какъ нельзя болѣе кстати.

— А себѣ какой-бы мѣхъ вы выбрали?

— Гм... не знаю. По-настоящему не слѣдовало-бы никому позволять самому выбирать себѣ шубу, иначе-бы всѣ захотѣли ходить въ соболяхъ. Нужно, чтобъ природа роздала эти мѣха, тогда никто-бы не могъ жаловаться на несправедливость. Впрочемъ, если-бы мнѣ предоставили выборъ, я вполне удовольствовался-бы змѣиной шкурой. Военные, смотря по различнымъ родамъ оружія, получили-бы медвѣжьи, волчьи, тигровыя, пантеровыя шкуры, офицеры — львиныя; доктору Гюелеру я даль-бы ослиную шкуру, а толстухѣ, которую вы сейчасъ видѣли, шкуру пингвина.

— А г. Пасседову?

— Ему козлиную; изъ него вышелъ-бы великолѣпный козелъ; тогда онъ приобрѣлъ-бы себѣ приличную бородку. Вообще это была-бы благодѣтельная мѣра для всѣхъ правительствъ: теперь имъ нечего драть съ голышей, а тогда они могли-бы сдирать съ нихъ шкуры.

— И намъ не нужно было-бы портныхъ, прибавилъ Кельманъ съ улыбкой; мысль эта ему видимо понравилась.

— Не нужно, и вдобавокъ мы могли-бы выколачивать другъ другу шкуры. Господи, если-бы баронъ фон-Пасседовъ приходилъ ко мнѣ за этимъ по утрамъ! Но, чертъ возьми, вѣдь это, кажется, нашъ преосвященный идетъ сюда. Развѣ сегодня воскресенье?

— А вы этого не знали?

— Да здѣсь немудрено сбиться; но преосвященный замѣняетъ мнѣ календарь; по будничнымъ днямъ онъ самъ себя спаралычиваетъ бороду, чтобы съэкономничать 12½ центовъ, но по воскресеньямъ онъ всегда приходитъ бриться ко мнѣ, чтобы явиться въ церковь въ благоприличномъ видѣ.

— Здравствуйте, любезнѣйшій Росвейнъ, здравствуйте! заговорилъ пасторъ, входя въ своемъ священническомъ облаченіи и строя кислую мину.

— Ваше высокопреподобіе, отвѣчалъ Росвейнъ, отвѣшивая ему низкій, почтительный поклонъ.—Вы дѣлаете мнѣ большую честь вашимъ посѣщеніемъ; мы видѣлись въ послѣдній разъ, кажется, недѣлю тому назадъ; надѣюсь, что вы были совершенно здоровы въ это время?

При этомъ онъ сдѣлалъ Бессеру знакъ садиться и съ самымъ дѣловымъ видомъ вынулъ всѣ принадлежности для бритья.

— Да, любезнѣйшій Росвейнъ, заговорилъ пасторъ, ничего не возразивъ противъ даннаго ему титула: ваше высокопреподобіе, развязалъ свой бѣлый галстухъ, отстегнулъ мантию и обвязался поданной ему салфеткой.

— Но мнѣ было-бы во всякомъ случаѣ пріятнѣе, если-бы я могъ по воскресеньямъ видѣть васъ у себя. Неужели этого нельзя устроить? Мнѣ такъ неудобно, я нахожу даже унижительнымъ для себя, идя къ алтарю Господа, заходить въ цирюльню и думать болѣе о внѣшней сторонѣ человѣка, чѣмъ о духовной.

— Прошу садиться, сухо сказалъ Росвейнъ, принимаясь намыливать ротъ пастора кистью и кладя этимъ конецъ его разсужденіямъ.—Я не могу этого сдѣлать. По воскресеньямъ утромъ у меня обыкновенно бываетъ очень много народу (нынче у него было всего только два человѣка) и я пересталъ ходить по домамъ съ тѣхъ поръ, какъ сталъ хозяиномъ. Знаете-ли, ваше

высокопреподобіе, продолжалъ онъ съ особенной ловкостью и быстротою сбривая бороду пастору, что въ этомъ случаѣ было и не трудно, такъ-какъ лицо пастора было безусловно кругло и гладко,—здѣсь, въ Америкѣ, намъ не съ руки пріучать своихъ кліентовъ обращаться съ нами гордо и надменно; въ Европѣ они немножко избалованы на этотъ счетъ. Но разъ уже они рѣшились поселиться въ республикѣ, нужно имъ сразу показать, что мы здѣсь всѣ варимся въ одномъ котлѣ, какъ праведные, такъ и грѣшники. Съ вашего позволенія, прибавилъ онъ, отступая на шагъ и снова отвѣшивая поклонъ, въ насмѣшку или серьезно, этого пасторъ никакъ не могъ разобрать,—здѣсь всѣхъ брѣютъ одною бритвою.

— Любезнѣйшій Росвейнъ, замѣтилъ пасторъ Бессеръ, вытирая салфеткой остатки мыла и подходя къ умывальнику, чтобы умыться,—какъ это ни прискорбно, но вы сами, кажется, принадлежите къ числу грѣшниковъ; я васъ еще ни разу не видалъ въ церкви.

— Я не охотникъ поддерживать спекуляцій, въ которыхымъ падеи здѣшнія церкви.

— А знаете-ли вы, куда пойдутъ насмѣшники? вскричалъ пасторъ, оскорбленный или, по крайней мѣрѣ, разсерженный.—Вѣрите вы или не вѣрите въ адъ, это все равно, геенна огненная существуетъ, любезнѣйшій Росвейнъ, геенна огненная существуетъ, на этотъ счетъ вы можете быть совершенно спокойны.

Пасторъ вздохнулъ отъ глубины души. Онъ завязывалъ въ эту минуту галстукъ, и никакъ не могъ завязать; лицо его побагровѣло, а Росвейнъ и не думалъ помочь ему. Впрочемъ, пасторъ Бессеръ зналъ по опыту, что увѣщевать этого азычника все равно, что бить горохомъ въ стѣну. Поправивъ свой туалетъ передъ зеркаломъ, онъ посмотрѣлъ на часы, затѣмъ положилъ на столъ монету въ двѣнадцать съ половиною центовъ и, взявъ шляпу, направился къ двери. Но на порогѣ опять остановился и, полубернувшись къ Росвейну, сказалъ:

— Вотъ о чемъ я васъ хотѣлъ еще спросить, любезнѣйшій Росвейнъ:—у меня желудокъ все не въ порядкѣ: ужасно плохо варить; стоитъ мнѣ выпить стаганъ вина, какъ я чувствую боль и...

— Извините, ваше высокопреподобіе, перебилъ его Росвейнъ,—вѣдь я не докторъ внутреннихъ болѣзней; я, правда, иногда даю лекарства внутрь, но только лошадямъ и коровамъ.

— Я знаю, что вы не практикуете, отвѣчалъ пасторъ,—но вы иногда очень здраво судите о томъ, что касается тѣла, хотя, конечно, спасеніе своей души я-бы вамъ не довѣрилъ. Не посоветуете-ли вы мнѣ чего-нибудь, что могло-бы облегчить мои желудочныя боли?

Росвейнъ пожалъ плечами.

— Я могу посоветовать только одно: избѣгайте всякихъ спиртныхъ напитковъ, сказалъ онъ съ самою серьезною миною,—выпивайте каждое утро по ведру парного ослинаго молока, а когда почувствуете себя лучше, начните леченіе сывороткой изъ-подъ простокваши.

— Вы все шутите, замѣтилъ пасторъ Бессеръ, качая головой,—а я просилъ-бы у васъ серьезнаго медицинскаго совѣта.

— За 12¹/₂ центовъ? разсмѣялся Росвейнъ. — Я не въ состояніи его дать. Но, знаете-ли что; сюда пріѣхалъ на-дняхъ новый докторъ, Гюклеръ; отправьтесь къ нему. Онъ закатитъ вамъ четверть фунта каломеля и вы можете на этомъ приѣмѣ испытать свой желудокъ. Если вы вынесете этотъ приѣмъ, то, значить, вашъ желудокъ въ порядкѣ, а не вынесете—во всякомъ случаѣ вамъ уже не нужно будетъ больше лечиться.

— Извините, г. Росвейнъ, заговорилъ пасторъ Бессеръ,—что я отнял у васъ столько дорогого времени. Клиенты такъ и осаждаютъ васъ; по всей вѣроятности, я никогда болѣе не стану тревожить васъ. По моему приглашенію, сюда на этой недѣлѣ переѣдетъ мулатъ, который великолѣпно брѣветъ.

— Очень пріятно слышать, отвѣчалъ Росвейнъ сухо.—Но, смотрите, ваше высокопреподобіе, не опоздайте къ проповѣди. Это будетъ большою потерей для многихъ.

Бессеръ, не отвѣчая ни слова, бросилъ на цирюльника молніеносный взглядъ и вышелъ, не удостоивъ его даже поклона. Росвейнъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, посмѣиваясь. Кельманъ спокойно, но съ видимымъ удовольствіемъ, слѣдившій, за всей этой сценой, замѣтилъ:

— Вы отвадили отъ себя клиента, г. Росвейнъ: онъ ни за что къ вамъ больше не придетъ.

— Ну, я отъ этого не заплачу, отвѣчалъ цирюльникъ, пожимая плечами. — Только мнѣ сдается, что вы ошибаетесь. Онъ ужасно боится смерти, постоянно жалуется на приливы крови и

ставить себѣ пивки и рожки; мулату онъ не довѣрится въ этомъ отношеніи. Но посмотрите-ка, кто это скачетъ сюда во весь галопъ? Это не доннерсвилецъ, — по крайней мѣрѣ, я въ первый разъ вижу его.

Ѣхавшій на лошади молодой человѣкъ въ статскомъ платьѣ и военной фуражкѣ, завидѣвъ нашихъ пріятелей въ дверяхъ цирюльни, тотчасъ-же направился въ ихъ сторону. Всѣ лавки еще были заперты, такъ-какъ большинство населенія было у обѣдни.

Остановившись у дверей цирюльни, молодой человѣкъ по-военному приложилъ руку къ фуражкѣ и спросилъ по-нѣмецки, — по вывѣскѣ и наружности двухъ пріятелей онъ догадался, что имѣеть дѣло съ соотечественниками:

— Господа, не можете-ли вы мнѣ указать гдѣ-нибудь по близости кузнеца? У меня лошадь потеряла подкову, а мнѣ-бы хотѣлось поскорѣе подковать ее.

— У насъ здѣсь, кажется, два кузнеца, сказалъ Кельманъ: — одинъ, негръ, живетъ тутъ возлѣ, другой, нѣмецъ, въ одной изъ боковыхъ улицъ; Росвейнъ знаетъ его адресъ и расскажетъ вамъ.

Росвейнъ пристально оглядывалъ незнакомца, пока онъ говорилъ, и произнесъ теперь вполголоса, нерѣшительнымъ тономъ:

— Гельдорнъ?!

— Росвейнъ! вскричалъ незнакомецъ, подсказывая на сѣдлѣ. — Можетъ-ли это быть? Докторъ! Какъ вы очутились въ Доннерсвилѣ, въ Америкѣ? Что это значить?

— Гельдорнъ! Вотъ встрѣча! вскричалъ Росвейнъ, протягивая ему руку. — Вы-то сами откуда?

— Былъ на войнѣ, теперь получилъ отпускъ, отвѣчалъ Гельдорнъ, соскакивая съ лошади. — А вы что тутъ подѣлываете? Брились?

На минуту Росвейнъ какъ-будто смутился; онъ покраснѣлъ и не сразу нашелся, что отвѣтить. Впрочемъ, черезъ минуту-же онъ оправился и сказалъ съ нѣсколько принужденнымъ смѣхомъ, закидывая голову на сторону:

— Брился. Я всегда брѣюсь самъ, у себя на дому, и даже брѣю другихъ. Видите вы мою вывѣску? Если вы поселитесь здѣсь, то прошу васъ поступить въ число моихъ кліентовъ.

— Какія глупости! вскричалъ молодой человѣкъ; — вы смѣетесь надо мной, вы, который...

— Извините, любезный Гельдорнъ, прервалъ его Росвейнъ самымъ рѣшительнымъ тономъ, — вы давно уже въ Америкѣ?

— Безъ малаго четыре года.

— Въ такомъ случаѣ вы имѣли возможность убѣдиться на опытѣ, что нѣмецкіе переселенцы большею частью принимаются въ Америкѣ не за ту спеціальность, которою занимались въ Германіи, и такимъ людямъ не всегда бываетъ пріятно, когда имъ напоминаютъ объ ихъ прошлой дѣятельности.

— Ну вамъ-то вашей дѣятельности нечего стыдиться.

— До этого никому нѣтъ дѣла. Чѣмъ я занимаюсь здѣсь, это вы можете видѣть по моей вывѣскѣ; зовутъ меня Якобъ Росвейнъ; а теперъ пойдите-ка, выпьемъ по стаканчику.

Гельдорнъ понялъ, что Росвейнъ избѣгаетъ всякихъ намековъ на прошлое, хотя рѣшительно недоумѣвалъ, почему онъ это дѣлаетъ; въ Германіи они были очень хорошо знакомы и даже жили въ одномъ городѣ. Тѣмъ не менѣе онъ тотчасъ-же переимѣнилъ разговоръ и согласился пойти выпить.

— Только мнѣ хотѣлось-бы прежде отвести лошадь къ буз-нецу, сказалъ онъ, — чтобы онъ ее тотчасъ-же подковалъ.

— Это совершенно напрасно, сказалъ Росвейнъ, качая головой, — рабочіе всѣ теперъ въ церевѣ; пока идетъ обѣдня, они не смѣютъ работать, да по-настоящему они и все воскресенье не имѣютъ права работать, иначе нашъ преосвященный, т. е. пасторъ, сейчасъ залѣзаетъ имъ въ душу или, вѣрнѣе, въ карманъ. Знаете, Кельманъ, что сказалъ нашъ преосвященный на-дняхъ съ кафедры во время церковнаго сбора? Онъ нѣсколько времени молча слѣдилъ за сторожемъ, ходившимъ за сборомъ, затѣмъ обратился къ народу съ словами: Благочестивые прихожане, не сжимайте рукъ такъ, что потомъ вамъ трудно ихъ разжать, когда подходятъ за сборомъ... Но я вамъ и не представилъ моего пріятеля Кельмана, — онъ здѣсь женился, у него прехорошенькая жена, премиленькая ферма и пять очаровательныхъ ребятшекъ. А это мой старый пріятель, хотя и не по годамъ, докторъ Гельдорнъ. А ргоро, Гельдорнъ, вы куда-же отправляетесь?

— Да у меня нѣтъ еще никакой опредѣленной цѣли; можетъ быть, я вернусь назадъ въ Нью-Йоркъ. Мнѣ сказали, что здѣсь, въ Доннерсвилѣ, я могу встрѣтить одного своего родственника, я затѣмъ и пріѣхалъ.

— Ну такъ, въ такомъ случаѣ, мы васъ не отпустимъ отсюда, замѣтилъ Росвейнъ сухо. — Хорошій докторъ намъ нужнѣй насущнаго хлѣба, и я ручаюсь вамъ, что у васъ будетъ превосходная практика.

— А вы сами гдѣ-же живете?

— Здѣсь, въ Доннерсвилѣ, вотъ въ этомъ домѣ.

— Такъ неужели здѣсь мало одного хорошаго доктора.

— Въ томъ-то и дѣло, что у насъ нѣтъ ни одного, вспылалъ Росвейнъ: — я хирургъ, если званіе цирюльника вамъ кажется недостаточно почетнымъ, и не лечу внутреннихъ болѣзней, не лечу по принципу, — надѣюсь, что это довольно ясно?

Гельдорнъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него, но въ присутствіи третьяго лица счелъ за лучшее оставить этотъ разговоръ и потому отвѣчалъ уклончиво:

— Ну, объ этомъ мы поговоримъ послѣ; гдѣ-же вашъ ресторанъ? Мнѣ ужасно хочется пить.

— Тутъ возлѣ.

— А что-же лошадь, оставить здѣсь?

— Съ какой стати? мы возьмемъ ее съ собою: ее тамъ накормятъ и напоятъ. Мы вѣдь здѣсь, позвольте вамъ замѣтить, не въ безлюдной степи, а среди цивилизованныхъ людей, добавилъ онъ, замѣтивъ, что фон-Пасседовъ съ толстой дамой возвращаются назадъ. Пасседовъ велъ даму къ себѣ и ему пришлось проходить возлѣ самаго Росвейна, но онъ такъ пристально разглядывалъ крыши сосѣднихъ домовъ, что, повидимому, и не замѣтилъ цирюльника.

— Странно, сказалъ Кельманъ, когда они скрылись въ подъездѣ ресторана. — У этой барыни ужасно знакомое мнѣ лицо, а между тѣмъ я увѣренъ, что никогда прежде не встрѣчалъ ее. Я-бы не позабылъ такого жирнаго куска мяса.

— Она также очень пристально посмотрѣла на васъ, поддакнулъ Росвейнъ, — но по лицу ея не замѣтно было, чтобы она васъ узнала.

— Странно, пробормоталъ Кельманъ, — у меня отличнѣйшая память.

— Вѣроятно, вы гдѣ-нибудь встрѣчались съ нею, замѣтилъ Росвейнъ. — Но она такъ толста, что я непременно выпью за ея

здоровье. Пойдемте, мы теряемъ самое удобное время. Въдь когда обѣдня отойдетъ, мы не найдемъ свободныхъ мѣстъ.

II.

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ.

Самымъ лучшимъ отелемъ въ Доннерсвилѣ была „Русалка“ Эзры Людвинса, такъ-какъ тамъ были комнаты для прїѣзжающихъ. Его очень охотно посѣщали американцы, а нѣмцы собирались по праздникамъ въ его танцевальной залѣ. Эзра Людвинсъ выписывалъ нѣсколько нѣмецкихъ и англійскихъ политическихъ и иллюстрированныхъ газетъ и, такимъ образомъ, стоялъ на высотѣ своего времени.

Нѣмецкая гостинница была скорѣе рестораномъ, чѣмъ-то въ родѣ клуба, въ которомъ по вечерамъ собирались доннерсвилскіе нѣмцы и такъ-же безцѣльно и бессмысленно толковали о политикѣ, какъ толкуютъ въ пивныхъ ихъ стараго отечества въ настоящее время и будутъ толковать до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать пивныя, пиво и длинныя трубки. Во флигелѣ гостинницы были только двѣ большія комнаты для переселенцевъ.

Докторъ Гюклеръ остановился у Эзры Людвинса и проводилъ тамъ свои вечера большею частью въ обществѣ американцевъ; онъ не любилъ быть съ нѣмцами и охотнѣе говорилъ по-англійски, чѣмъ по-нѣмецки. Но по утрамъ, въ особенности въ воскресенье, въ гостинницѣ не бывало никого; Гюклеръ-же имѣлъ намереніе, на зло Доннеру, поселиться здѣсь въ качествѣ доктора, и ему приходилось познакомиться съ здѣшнимъ обществомъ, своими будущими паціентами, — слѣдовательно, и съ нѣмцами. Къ несчастію, онъ усвоилъ себѣ такой тонъ, который нѣсколько отдавалъ высокомѣріемъ, и потому многихъ оскорблялъ; но на крестьянъ ему, однако, удавалось нерѣдко импонировать, потому что

«Когда вы сами вѣрите въ себя,

«То и другіе въ васъ имѣютъ вѣру»,

а докторъ Гюклеръ вполне вѣрилъ въ себя.

Было еще рано, а обыкновенно публика собиралась въ гостинницу не ранѣе, какъ по окончаніи обѣдни. Только въ билліардной—здѣсь былъ даже билліардъ—играли два француза, у ко-

торыхъ въ Доннерсвилѣ была парикмахерская; игра эта была возможна во время обѣдни, такъ-какъ биллиардная выходила во дворъ; будь она окнами на улицу—этого-бы не позволили. Въ буфетѣ сидѣло два нѣмецкихъ крестьянина, которые на сегодня „уволили“ себя отъ обѣдни и отправили вмѣсто себя своихъ женъ; они дышали здоровьемъ и, видимо, пользовались благосостояніемъ; хотя они были и не въ національномъ костюмѣ нѣмецкаго крестьянина, но на скртукахъ ихъ все-таки блистали большія пуговицы массивнаго серебра, которыя они носили еще на родинѣ.

— Здравствуйте, Браугедъ, сказалъ Росвейнъ, входя въ буфетъ вмѣстѣ съ Кельманомъ и Гельдорномъ.—Какъ поживаете? Здравствуйте, Менцель. Что, опять понадобилось въ городъ?

— Здравствуйте, г. Росвейнъ, отвѣчали крестьяне, тряся цилиндромъ за руку.—Поживаемъ-себѣ помаленьку. Вотъ только-бы дождичка.

— Вѣчно все не по васъ, размѣялся Росвейнъ, —мало вамъ было ливня на прошлой недѣлѣ; вѣдь по улицамъ можно было въ лодкахъ ѣздить.

— Да это такъ здѣсь, въ городѣ, кажется, а намъ-бы нужно еще дожда. Трава плохая, да и маисъ не больно хорошъ.

— Правда, что вы думаете переселиться на Югъ? спросилъ Росвейнъ, которому надоѣло слушать въ сотый разъ однѣ и тѣ же жалобы крестьянъ.—Кто это говорилъ мнѣ какъ-то надняхъ?...

— Чепуха все, отвѣчалъ Менцель, постукивая кружкой, чтобы ему подали еще пива.—Уговаривать-то насъ, уговаривали. Пріѣзжалъ къ намъ какой-то американецъ и рассказывалъ о сахарныхъ плантаціяхъ да объ апельсинныхъ рощахъ, такъ что у насъ слюнки изо рта текли. Только Браугедъ и я не поддались на удочку. Разъ провели—и довольно.

— Такъ вы проучены уже?

— А какъ-же? Здѣсь мы, по крайней мѣрѣ, знаемъ, что у насъ есть; а тамъ Богъ-знаетъ что намъ достанется. Такъ ужъ лучше оставаться при старомъ.

— И отлично дѣлаете, поддакнулъ Росвейнъ;—эти оборвыши, что теперь всюду разѣзжаются да предлагаютъ купить земли, просто-на-просто мазурики.

— Это точно, согласился Браугедъ.

Росвейнъ вернулся къ своимъ спутникамъ, уже усѣвшимися къ

столу, куда хозяинъ гостинницы принесъ имъ, по ихъ требованію, пива.

Тишина въ ресторанѣ продолжалась недолго. Пасторъ Бесеръ имѣлъ то преимущество передъ остальными священниками, что говорилъ всегда очень коротенькія проповѣди. Не прошло и получаса, какъ его прихожане сидѣли уже въ ресторанѣ.

Между ними находился и переводчикъ Шерарда Вейгель. Онъ очень любилъ посѣщать подобныя мѣста, такъ-какъ тутъ ему было всего удобнѣе устраивать свои спекуляціи. Въ Доннерсвилѣ ему какъ-то не везло, потому что въ мірѣ нѣтъ людей болѣе консервативныхъ, чѣмъ нѣмецкіе крестьяне: они упрямо держатся за скорлупу, въ которую разъ засѣли. Но уже пріѣхавъ въ Доннерсвилъ, Вейгелю, конечно, не хотѣлось терять времени даромъ.

Онъ не сѣлъ за столъ, и хотя спросилъ себѣ кружку пива, но оставилъ ее на выручкѣ, а самъ прохаживался между столами, заговаривая то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ публики.

Не прошло и двухъ педѣль съ тѣхъ поръ, какъ онъ пріѣхалъ въ Доннерсвилъ, а онъ былъ уже знакомъ съ большинствомъ населенія, хотя, правда, не съ лучшею его частью.

Окинувъ взглядомъ всѣ столы, онъ замѣтилъ столъ, за которымъ сидѣли Кельманъ и новопріѣзжій капитанъ Гельдорнъ. „Цирюльника“ онъ уже зналъ раньше и терпѣть его не могъ, потому что тотъ отпустилъ уже раза два на его счетъ очень ядовитыя замѣчанія. Поэтому, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія, онъ подошелъ къ его собесѣдникамъ, взялъ стулъ и безцеремоннѣйшимъ образомъ усѣлся возлѣ нихъ.

— Съ вашего позволенія, господа, сказалъ онъ, ставя свою кружку на край ихъ стола.—Мое почтеніе, г. Кельманъ! Сегодня здѣсь будетъ тѣсновато. Странно, что у людей всегда бываетъ жажда, когда они возвращаются отъ обѣдни.

Кельманъ нѣсколько разъ встрѣчался съ нимъ на улицѣ, но никогда не обращалъ на него особеннаго вниманія. Вяжность его была настолько непривлекательна, что Кельманъ невольно сторонился отъ него, однако, зналъ его въ лицо. Безцеремонное обращеніе Вейгеля огорошило его. Не отвѣчая на поклонъ, онъ сказалъ:

— Да развѣ вы меня знаете, господинъ?... Я даже не знаю вашего имени.

— Какъ-же мнѣ васъ не знать! отвѣчалъ Вейгель, улыбаясь;— вѣдь я вашъ старшій кліентъ: Вейгель изъ Гейлингена; вспомнили?

— Эмиграціонный агентъ? вскричалъ Кельманъ, подсакивая на стулъ.

— Опъ самый, продолжалъ Вейгель самымъ добродушнымъ тономъ;—я тогда столько читалъ и писалъ объ Америкѣ, что, наконецъ, не въ состояніи былъ противостоять искушенію самому посмотреть на обѣтованную землю.

— Но вы уже давно уѣхали изъ Гейлингена, замѣтилъ Кельманъ, все еще недоувѣрчиво поглядывая на своего собесѣдника.

— Очень давно. Гейлингенъ такая жалкая нора, что въ немъ нашему брату нечего дѣлать. Мнѣ нуженъ былъ болѣе широкій кругъ дѣятельности, поэтому я отправился въ Гамбургъ, прожил нѣкоторое время тамъ и затѣмъ пріѣхалъ въ Нью-Йоркъ. Что, хорошо въ Америкѣ, а?

— А вамъ нравится, г. Вейгель? спросилъ Росвейнъ, прихлебывая пиво и не глядя на него.

— Еще-бы, г. Росвейнъ! отвѣчалъ онъ;—только на Сѣверѣ теперь трудно себя нажить копейку. То-ли дѣло Югъ: вотъ куда нужно отправляться людямъ предприимчивымъ. Я самъ купилъ тамъ, въ долъ съ нѣсколькими другими лицами, огромную плантацію въ Георгіи, гдѣ земля продается просто за безцѣнокъ, и какая земля!..

— Въ Георгіи? переспросилъ Гельдорнъ, въ первый разъ въ жизни видѣвшій Вейгеля и заинтересовавшійся его словами потому, что самъ недавно былъ въ Георгіи.—А гдѣ именно?

— Около Вельвила, отвѣчалъ Вейгель, увлекаясь своимъ конькомъ.—Что за страна—настоящій рай! и земля тамъ теперь отдается просто за безцѣнокъ; только нужно умѣть пользоваться минутой и черезъ нѣсколько лѣтъ пріобрѣтешь себѣ золотыя горы.

— А вы хорошо знаете эту мѣстность, г. Вейгель? спросилъ Росвейнъ самымъ невиннымъ тономъ.

— Какъ свои пять пальцевъ; я только-что оттуда и при-скиваю свѣжія силы, чтобы основать тамъ настоящую нѣмецкую колонію. Въ этихъ силахъ тамъ только и недостатковъ; невольники освобождены, южные плантаторы массами выселяются, а черные, которымъ нечего ѣсть, готовы работать на васъ за кусокъ хлѣба.

— Не ошибаетесь-ли вы, милостивый государь, возразилъ Гельдорнъ, съ изумленіемъ слушавшій этотъ разсказъ.—Черные еще нескоро примутся за работу и сомнительно, чтобы положеніе нѣмцевъ, которые переселятся туда, было сколько-нибудь сносно.

— О, вы можете вполне положиться на меня, отвѣчалъ Вейгель, самодовольно улыбаясь.— Съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

— Моя фамилія Гельдорнъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, смущенный развязностью Вейгеля.

— Вы вполне можете положиться на меня, повторилъ тотъ. Я отлично знаю ту мѣстность, иначе съ какой-бы стати мнѣ было самому туда переѣзжать? Во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ вы не встрѣтите лучшаго климата, лучшей почвы; а нѣмецкихъ земледѣльцевъ тамъ встрѣчаютъ съ распростертыми объятіями.

— Знаете-ли что, г. Вейгель, вмѣшался въ разговоръ Росвейнъ, дружески наклонясь къ агенту,—съ этими господами вы ничего не подѣлаете; они не видятъ дальше своего носа; вы хоть колъ имъ на головѣ тешите, они не переселятся въ обѣтованную страну. Но, видите, вонъ тамъ двое крестьянъ съ большими серебряными пуговицами, у одного въ рукахъ чубукъ, въ которомъ, по крайней мѣрѣ, два фунта серебра: они, кажется, не прочь убраться отсюда. Недавно они что-то говорили о Георгіи; кажется, они колеблются между этимъ штатомъ и Луизианой.

— Въ Луизианѣ нездоровый климатъ, поспѣшилъ замѣтить Вейгель.

— Я уже это имъ говорилъ, замѣтилъ Росвейнъ,—но кто-то вбилъ имъ въ голову эту Луизиану и, пожалуй, что они останутся на ней.

— Гм... проговорилъ Вейгель какъ-то сдержанно.—Если они надѣются тамъ нажитья, то я, конечно, не стану имъ поперекъ дороги. Всякій самъ судья въ своемъ дѣлѣ, джентльмены, я держусь этого правила, никого не слѣдуетъ ни на что подбивать,—это, по крайней мѣрѣ, мой принципъ.

— Это очень благородно съ вашей стороны, замѣтилъ Росвейнъ.

Кельманъ между тѣмъ разговаривалъ съ Гельдорномъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на агента. Вейгель какъ-то

присмирѣлъ и безпрестанно оглядывалъ комнату, повидимому, безъ всякой особенной цѣли, но Росвейнъ съ удовольствіемъ подмѣтилъ, что взглядъ его особенно пристально останавливается на крестьянахъ. Вейгелю какъ-то несидѣлось на мѣстѣ, онъ безпокойно двигалъ стулъ, наконецъ, осушилъ свою кружку и всталъ за спичками, чтобы закурить сигару. Потомъ онъ прошелся по комнатѣ и, въ концѣ концовъ, остановился у стола, за которымъ сидѣли Браугедъ и Меяцель.

Росвейнъ не спускалъ съ него глазъ и, увидѣвъ, у какого стола онъ остановился, сказалъ:

— Попался на удочку; теперь, господа, раздвиньте, пожалуйста, стулья такъ, чтобы больше не было мѣста и эта гадина не могла къ намъ присоединиться. Оборони Господи всякаго отъ такой акулы. Смотрите, ужъ онъ примостился туда.

Дѣйствительно, Вейгель завязалъ разговоръ съ крестьянами и присѣлъ къ ихъ столу.

— Охота вамъ заниматься съ этимъ противнымъ человѣкомъ! сказала Гельдорнъ. — Если онъ находитъ еще ословъ, которые его слушаютъ, такъ и пусть ихъ; я ужъ, конечно, не стану ихъ разубѣждать. Слава Богу, что мы-то отъ него избавились.

Вейгель завязалъ съ крестьянами разговоръ съ своего обыкновеннаго вопроса: каковы хлѣба, надѣются-ли они на урожай, хорошо-ли окупается ихъ работа?

Лучшаго вопроса онъ не могъ сдѣлать. Нѣмецкій крестьянинъ какъ извѣстно, никогда не бываетъ доволенъ своей судьбой и постоянно ропщетъ на погоду; такъ и въ этомъ случаѣ: крестьяне отвѣчали, что и годъ былъ неурожайный, и зимы въ Америкѣ черезчуръ холодныя; въ Германіи не бывало такихъ холодовъ, а тамъ и дома, и платья теплѣе, чѣмъ тутъ.

— Но въ такомъ случаѣ, любезнѣйшіе, заговорилъ Вейгель, распуская всѣ паруса,—я рѣшительно не понимаю, что васъ здѣсь удерживаетъ, когда черезъ какіе-нибудь четыре, пять дней вы можете очутиться на Югѣ, въ настоящемъ раю?

— Да объ Югѣ-то много болтаютъ, заговорилъ Браугедъ, который одинъ поддерживалъ разговоръ,—но разъ уже здѣсь устроился, обзавелся всѣмъ, такъ не охота ѣхать Богъ знаетъ куда; еще каково-то тамъ будетъ; говорятъ, тамъ климатъ нездоровый.

— Ну да, въ Луизианѣ, подхватилъ Вейгель быстро.—Оттуда

пріѣхали сюда два господчика и убѣждаютъ всѣхъ перебраться въ Луизиану. Но я-бы не посовѣтоваль этого худшему врагу своему; тамъ свирѣпствуетъ желтая лихорадка, а нѣмецкому поселянину нужна здоровая почва, на которой-бы онъ могъ работать. Въ этомъ отношеніи нѣтъ лучшей страны, какъ Георгія. Вы знаете, гдѣ Георгія?

Браугедъ отрицательно покачалъ головою; но въ это время Менцель, пристально разглядывавшій Вейгеля и неразслышавшій вопроса, сказалъ:

— Послушайте-ка, господинъ, не встрѣчались-ли мы съ вами когда-нибудь? Ужасно у васъ знакомое мнѣ лицо. Какъ ваша фамилія?

— Мога? размѣялся Вейгель.—Вейгель. О, меня всѣ знаютъ: я съ столькими людьми сталкивался на своемъ вѣку, что немудрено, что мы съ вами старые знакомые.

— Вейгель? повторилъ, въ свою очередь, Браугедъ и посмотрѣлъ пристально, почти недовѣрчиво, на агента.

— Это онъ, шепнулъ Менцель своему пріятелю:—это лицо мнѣ на всю жизнь осталось въ памяти.

— Нѣтъ, замѣтилъ Браугедъ какъ-то нерѣшительно, — не можетъ этого быть. Вы, сами изъ какого города, г. Вейгель, смѣю васъ спросить?

— Я? Изъ Гейлингена. Знаете вы, гдѣ это?

— А была у васъ тамъ контора, спросилъ, въ свою очередь, Менцель,—или какъ она тамъ называется?.. Навывѣсѣ были нарисованы большіе корабли, и вы оттуда посылали людей въ Америку?

— Ну, посылать-то я не могъ, размѣялся Вейгель,—но я давалъ имъ добрые совѣты и прискивалъ оказіи. Скажу вамъ по совѣсти, господа, очень многихъ изъ тѣхъ, которые теперь чортъ-знаетъ какъ богаты, я знавалъ чуть не голышами и помогъ имъ составить себѣ счастье.

— Вы продавали тамъ также землю, цѣлыя фермы и билеты на проѣздъ, да? спросилъ Браугедъ, чтобы вполнѣ убѣдиться въ основательности предположеній Менцеля.

— Я добросовѣстно занимался всѣмъ, что касалось блага эмигрантовъ, и такъ-какъ я состоялъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Америкой...

— Разрази меня Богъ, это онъ! вскричалъ Менцель, ударивъ кулакомъ по столу, такъ, что стаканы запрыгали.—Послушай, Крамеръ, обратился онъ къ нѣмецкому фермеру, сидѣвшему за однимъ столомъ съ ними,—вотъ тотъ мерзавецъ, тотъ мазурикъ, о которомъ я вамъ говорилъ; вотъ онъ-то и продавалъ намъ въ Германіи фермы, которыя 8 мѣсяцевъ въ году стоятъ подъ водой, и фальшивые билеты на проѣздъ, которые нигдѣ не принимались.

— Милостивый государь! вскричалъ Вейгель негодующимъ голосомъ, съ испугомъ вскакивая со стула. Разочарованіе было слишкомъ жестокое: ему было такъ сладко слышать, что онъ извѣстенъ въ Америкѣ, и вдругъ такой ударъ! Онъ, однако, не растерялся и, съ видомъ оскорбленной невинности, воскликнулъ:—Я не имѣю оружія, чтобы бороться противъ такихъ площадныхъ оскорбленій; я человѣкъ порядочный, образованный.

— Ты мошенникъ! закричалъ Браугедъ,—низкій, подлый мошенникъ! Нѣтъ, прибавилъ онъ, замѣтивъ, что Вейгель, презрительно повернувъ къ нему спину, намѣревается уйти изъ ресторана,—нѣтъ, ты не уйдешь такъ отъ меня: я давно ждалъ этой минуты.

И онъ схватилъ его за шиворотъ своей желѣзной рукой.

— Оставьте меня, кричалъ Вейгель,—я позову полицію. Помогите, убиваютъ, помогите!

Крики эти были вызваны ударами и пинками, которыми угощали злополучнаго агента Браугедъ и Менцель. Въ нѣсколько секундъ все лицо его вспухло и побагровѣло.

— Господа, прошу васъ убѣдительноше, вмѣшался хозяинъ ресторана, стараясь пробиться сквозь окружившую крестьянъ толпу,—пожалуйста, безъ драки у меня въ ресторанѣ и еще въ воскресенье. Вѣдь мое заведеніе закроютъ.

— Да это не драка, Мейеръ, замѣтилъ Росвейнъ, съ удовольствіемъ любовавшійся этой сценой,—г. Вейгель, по крайней мѣрѣ, не дерется...

Хозяинъ ресторана Мейеръ употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы добраться до Вейгеля и возстановить порядокъ, потому что Вейгель кричалъ, какъ посаженный на колъ; но всѣ его усилія оставались тщетными. Едва въ залѣ стало извѣстно, кого бьютъ и за что, какъ всѣ бывшіе тамъ крестьяне, такъ или иначе обманутые при эмигрированіи или, по крайней мѣрѣ, считавшіе себя

обманутыми, приняли участіе въ экзекуціи. А тѣ, которые сами не били, принимали мѣры къ тому, чтобы ничто не мѣшало раздѣлѣ съ негодяемъ.

— Слушайте, Мейеръ, убѣждалъ хозяина здоровенный, широкоплечій крестьянинъ съ необыкновенно добродушнымъ лицомъ,— когда два человѣка разговариваютъ другъ съ другомъ по душѣ, такъ третьему нечего мѣшаться.

— Пропустите меня, Каррельсъ, говорю вамъ, пропустите меня; я хочу, чтобы у меня въ заведеніи было чинно и мирно; хотятъ они драться, пусть идутъ на улицу. Я ничего противъ этого не имѣю.

— Это хорошо съ вашей стороны, Мейеръ, поощрилъ его Каррельсъ, дружески кивая головой толстяку, котораго былъ выше, по крайней мѣрѣ, на полторы головы.—И не слѣдъ мѣшаться; потомъ мы урезониимъ ихъ всѣхъ; порядокъ—вещь необходимая во всякомъ домѣ.

— Пропустите меня, Каррельсъ, закричалъ Мейеръ угрожающимъ тономъ,—пропустите или вы отвѣтите.

— Да вонъ они ужъ сами выходятъ, Мейерхенъ, урезонивалъ его Каррельсъ;—эй вы тамъ, посторонитесь, не загораживайте дверей.

Дѣйствительно, Менцель и Браугедъ подвигались къ выходу, таща за шиворотъ злополучнаго, избитаго агента. Мейеръ хотѣлъ ихъ разнять, но Браугедъ схватилъ его лѣвой рукой и отшвырнулъ, какъ кулъ съ мякиной; Менцель отпустилъ плѣнника; Браугедъ вытащилъ его за дверь, а Менцель на прощанье далъ ему такого пинка, что онъ отлетѣлъ шаговъ на десять и упалъ посреди улицы.

На улицѣ собралась уже толпа, привлеченная необычнымъ шумомъ въ нѣмецкомъ ресторанѣ. Появленіе Вейгеля объяснило имъ, въ чемъ дѣло. Онъ быстро поднялся на ноги, бросая разъяренные взгляды на толпу. Впрочемъ, онъ нашелъ неудобнымъ оставаться тамъ долѣе, тѣмъ болѣе, что онъ былъ весь въ синякахъ и однимъ глазомъ не могъ смотрѣть. Онъ отправился прямо къ мировому судѣ; но такъ-какъ судья жилъ довольно далеко, то по дорогѣ онъ имѣлъ время обсудить свое положеніе. Правда, онъ былъ избитъ, ему были нанесены личныя оскорбленія, онъ могъ жаловаться на нападеніе и побои; но потому-ли, что онъ

боялся, чтобы не раскрылись нѣкоторые побочныя обстоятельства, потому-ли, что онъ считалъ ниже своего достоинства заводить дѣло съ этою „подлою сволочью“, — только, не доходя до дома мирового судьи, онъ повернулъ назадъ, пошелъ къ себѣ на квартиру и въ тотъ-же вечеръ выѣхалъ изъ Доннерсвила искать себѣ новый кругъ дѣятельности.

Недовольнымъ въ нѣмецкомъ ресторанѣ былъ только самъ хозяинъ; онъ считалъ розыгравшуюся сцену оскорбленіемъ своего авторитета и боялся, чтобы его не привлекли къ отвѣтственности за драку въ его заведеніи въ воскресенье. Нѣмецъ съ молокомъ матери всасываетъ трепеть передъ полиціей. За то публика была въ полномъ восторгѣ; ни для кого не было тайной, что за люди янки Шерардъ и его нѣмецкій толмачъ, и потому всѣ радовались полученной послѣднимъ потасовкѣ.

Гельдорнъ, незнавшій, что за человекъ Вейгель, и видѣвшій только, что его нещадно бьютъ, тотчасъ-же всталъ, расплатился за пиво и сказалъ Росвейну, что ему хотѣлось-бы поскорѣе подковать свою лошадь; обѣдня отошла и, вѣроятно, кузнецъ теперь не откажется работать. Росвейнъ и Кельманъ тоже не прочь были уйти отъ гвалта и вызвались проводить молодого офицера.

Кузница была недалеко, и Гельдорнъ, взявъ лошадь подъ-узцы, отправился въ сопровожденіи двухъ пріятелей къ бараку, въ которомъ открылъ кузницу переселившійся съ Юга негръ.

Кузница выходила на улицу; надъ ней была вывѣска. Самое-же жильё было на задахъ и находилось посреди только-что разбитаго, но очень чистенькаго садика. Кузница оказалась запертою, но Росвейнъ провелъ ихъ черезъ калитку, по длинному переулку, въ новоотстроенному дому, дверь котораго была полуотворена.

Росвейнъ вошелъ въ домъ и засталъ кузнеца съ его женою за столомъ; онъ пришелъ, видимо, не во-время, потому что женщина горько плакала, а мужъ, чистокровный негръ, сидѣлъ возлѣ нея, сложивъ руки и мрачно глядя въ землю.

— Эй, м-ръ Гамильтонъ, заговорилъ Росвейнъ, знавшій негра и еще на прошлой недѣлѣ оказавшій пособіе его женѣ.—Что съ вами? Что случилось? Надѣюсь...

Негръ медленно покачалъ головой.

— Ничего новаго, м-ръ Росвейнъ, сказалъ онъ спокойно;—это старая исторія; намъ приходится не лучше, чѣмъ тысячамъ другихъ, такъ что, по-настоящему, намъ и жаловаться-то не слѣдуетъ.

— Но, однако, въ чемъ-же дѣло, Гамильтонъ? Вы знаете, что я спрашиваю изъ участія къ вамъ.

— Знаю, м-ръ Росвейнъ, знаю; нѣмцы никогда насъ не презирали такъ, какъ американцы, потому я и переселился въ нѣмецкій городъ. Сказать—отчего не сказать, только вы ничѣмъ тутъ не поможете. Это страшное послѣдствіе рабства, при которомъ злой человѣкъ, чтобы заработать два лишнихъ доллара, отрываетъ ребенка отъ матери. Сегодня годовщина того дня, когда отъ насъ отняли нашихъ дѣтей и увели Богъ-вѣсть куда. Погибли-ли они, умерли-ли на чужой сторонѣ или блуждаютъ безпомощныя, потому что въ ихъ лѣта нельзя еще зарабатывать себѣ хлѣбъ тяжелой работой, — мы ничего этого не знаемъ.

— Проклятые! пробормоталъ Росвейнъ севозъ зубы;—а тамъ, у насъ въ Германіи, наши писаки, которые столько-же знаютъ о неграхъ, сколько негры о нихъ, расписываютъ, что рабство необходимо и что эфіопы не настоящіе люди. Чурбаны проклятые! Пусть-бы сами пріѣхали, да посмотрѣли. Такъ нѣтъ, воды бо-ятся. А писать куда какіе охотники: исписываютъ цѣлые томы о томъ, что негры во время рабства были гораздо счастливѣе, чѣмъ теперь, и тому подобную чепуху. И сами вѣдь вѣрятъ тому, что врутъ. Ну, да чортъ съ ними, къ чему портить хорошій день этою сволочью.

— Что съ вами, Росвейнъ? вскричалъ Гельдорнъ, входя вмѣстѣ съ Кельманомъ:—опять сердитесь?

— Это старая исторія, отвѣчалъ Росвейнъ,—зло, которое существовало цѣлыя столѣтія, но только теперь, съ уничтоженіемъ рабства, сказалось во всей своей наготѣ. Слыхали вы о разлученіи семей? Ну, такъ вотъ этотъ человѣкъ также потерялъ своихъ дѣтей и не знаетъ, гдѣ они и живы-ли еще.

— Что-же вы не обратитесь въ freed man's bureau? спросилъ Гельдорнъ;—чиновники этихъ бюро съ тою цѣлью и назначены, чтобы производить розыски.

Негръ тяжело вздохнулъ.

— Я тамъ былъ, сударь, въ Ковингтонѣ; тамъ господа меня

очень ласково приняли, но это ни къ чему не повело. Я не могъ имъ дать никакихъ указаній, куда увезены дѣти. Насъ везли всѣхъ вмѣстѣ на пароходѣ; въ Падукуѣ намъ велѣли сойти на берегъ. Мы должны были повиноваться и пошли съ дѣтьми на носъ, откуда былъ перекинутъ трапъ. Мы сошли первые; смотримъ, дѣтей нѣтъ. Я хотѣлъ бѣжать назадъ за ними, но бѣлые меня не пустили; трапъ сняли... жена и я кричали и плакали... кому было дѣло до насъ: вѣдь мы были негры... пароходъ отчалилъ и пошелъ дальше, а...

Негръ не могъ продолжать отъ волненія. Онъ не плакалъ, онъ уже разучился плавать,—но слова остановились у него въ горлѣ и онъ не могъ произнести ни одного слова.

Наступило тяжелое молчаніе. Что можно было сказать въ утѣшеніе этому несчастному? Жена его, забившись въ уголъ, плакала навзрыдъ.

Гельдорнъ первый прервалъ молчаніе.

— Еще не вся надежда потеряна, сказалъ онъ. — Надпись правительствомъ опубликуеть списокъ всѣхъ бюро fredman'овъ; вы ужь не жалѣйте расходовъ, напишите или попросите кого-нибудь написать заявленіе,—я вамъ, пожалуй, напишу, а вы дайте кому-нибудь переписать,—и разошлите по всѣмъ бюро, сколько ихъ ни есть. Если вы опишете въ точности примѣты вашихъ дѣтей, то очень можетъ быть, что они и найдутся.

— Сдѣлай это, Сипъ, запросила жена, которая все еще называла мужа старымъ именемъ,—сдѣлай сейчасъ. Подумай только, какое это будетъ блаженство, снова прижать дѣтей къ сердцу!

— Такъ вы мнѣ напишете? спросилъ негръ.—Насъ этому не обучали; насъ стегали плетью за всякую попытку выучиться грамотѣ.

— Съ удовольствіемъ, сказалъ Гельдорнъ,—да и м-ръ Росвейнъ, и м-ръ Кельманъ, конечно, не отказались-бы сдѣлать это. А теперь у меня до васъ просьба: у меня лошадь потеряла подкову, такъ не можете-ли вы ее подковать теперь-же?

Негръ съ нѣкоторымъ смущеніемъ опустилъ глаза.

— Нашъ пасторъ ужасно строгъ, сказалъ онъ; — если онъ узнаетъ, то наложить на меня штрафъ долларовъ въ пять.

— Куда-же идутъ эти штрафы? спросилъ Росвейнъ.

— Не знаю; я думаю, въ церковь.

— Само собою разумѣется; церковь — понятіе очень широкое. Впрочемъ, этого нѣтъ не узнаеть: мы запремъ двери съ улицы; работы вѣдь всего на какіе-нибудь полчаса.

— Да я готовъ, джеммэны, вы утѣшили меня и жену; вы намъ подали надежду; что за важность, если мнѣ придется заплатить штрафъ: я теперь свободный человѣкъ и зарабатываю сколько мнѣ нужно, даже больше. Я сейчасъ-же и примусь за работу. У васъ лошадь съ собою?

— Тутъ, у дверей.

— Хорошо, такъ я сейчасъ ее и подвю.

Эдуардъ Гамильтонъ сдержалъ слово: онъ тотчасъ-же развелъ огонь въ вузницѣ, подыскалъ подходящій кусокъ желѣза и исполнилъ работу со всевозможнымъ тщаніемъ и чрезвычайно быстро. Когда дѣло дошло до расплаты, то онъ отказался самымъ рѣшительнымъ образомъ отъ всякаго вознагражденія.

— Вѣрите мнѣ, сказалъ онъ, — что когда съ тобой столько лѣтъ, всю жизнь, обращались какъ съ собакой, когда бѣлые масса смотрѣли на тебя, какъ на вещь, какъ на скотину, такъ ужасно отрадно встрѣтить бѣлыхъ джемменовъ, которые говорятъ съ тобою ласково, по-человѣчески. Къ тому-же вы сдѣлаете для меня гораздо больше, чѣмъ я сдѣлалъ для васъ; пожалуйста, не отнимайте у меня удовольствія оказать и вамъ какую-нибудь услугу.

Гельдорпъ чувствовалъ, что оскорбитъ негра, продолжая называть ему деньги, и пересталъ говорить о нихъ.

— Въ такомъ случаѣ я вашъ должникъ, замѣтилъ онъ и сегодня-же напишу вамъ заявленіе. Дайте мнѣ только всѣ нужныя свѣденія. Во-первыхъ, какъ звали дѣтей, сколько имъ было лѣтъ, какой они были приблизительно наружности, на какой плантаціи вы въ послѣдній разъ были вмѣстѣ и гдѣ васъ разлучили? Дайте мнѣ также ваши имена, т. е. не теперешнія, а какъ васъ съ женой звали въ то время. Пойдите, я запишу все это въ свою памятную книжку, затѣмъ я вамъ составлю заявленіе, а Росвейнъ похлопочетъ о переписчикахъ. На почту вы заплатите пустяки. Ну такъ, прежде всего, какъ звали вашихъ дѣтей, мальчики это были или дѣвочки?

— Дѣвочки, сэръ, дѣвочки, семи и восьми лѣтъ; младшую звали Полли, старшую Лидди.

— Цвѣтъ кожи?

— Почти совсѣмъ черный; большіе свѣтлые, добрые глаза...

— У Полли былъ маленькій рубецъ на лбу, перебила его мать,—надъ самымъ лѣвымъ глазомъ: она расшиблась еще совсѣмъ маленькая. Пожалуйста, не забудьте рубца.

— Нѣтъ, какъ можно: вѣдь это примѣта, по которой ее можно найти, успокоилъ ее Гельдорнъ, продолжая записывать.—Ну, а ваше имя?

— Эдуардъ Гамильтонъ, сэръ.

— Нѣтъ, это-то мнѣ не зачѣмъ; а какъ васъ звали прежде, когда еще у васъ былъ хозяинъ?

— Сипъ, сэръ.

— А вашу жену?

— Сара.

Гельдорнъ записалъ первое имя, затѣмъ взглянулъ на негра какъ-то разсѣянно; онъ, казалось, что-то припоминалъ.

— Какъ звали дѣтей?

— Лидди и Полли, сэръ.

— Лидди, Лидди! повторилъ Гельдорнъ въ раздумьѣ;—двѣ сестры; Сипъ и Сара?.. Гдѣ-же я уже слышалъ эти имена? А!.. вдругъ вспомнилъ онъ что-то. — А какъ звали вашего хозяина? Пстойте, не говорите: у меня у самого былъ пріятель, котораго такъ звали. Какъ-же это его звали? Бойдъ?

— Бойдъ, сэръ, сказалъ негръ, смотря на него съ удивленіемъ.—Вы не могли припомнить его имени: я вамъ еще его не говорилъ.

— Бойдъ, Бойдъ! такъ, такъ! вскричалъ Гельдорнъ въ волненіи,—и Лидди, такъ звали дѣвочку, маленькая, замѣчательно красивая, совершенно черная дѣвушка, полу-ребенокъ...

— Вы ее видѣли?! вскричала мать, вскакивая со стула.—О, благодарю тебя, Господи Иисусе! Гдѣ-же, гдѣ она? О, не разрывайте сердца бѣдной матери!

— Гдѣ, гдѣ? повторилъ Гельдорнъ, схватываясь за лобъ, — гдѣ-же это было? Во время нашего похода черезъ Георгію и Южную Каролину, но гдѣ?..

Онъ зашагалъ быстрыми шагами по комнатѣ; глаза матери такъ и впились въ него, какъ-будто ожидая отъ него слова жизни или смерти.

— Вспомнил! вскричалъ онъ вдругъ. — И разскажь ея подходить. Вы были разлучены на пароходѣ на Сѣверѣ?

— Гдѣ-же вы ее видѣли, сэръ? заговорилъ теперь и негръ, — о, ради самого Господа, скажите намъ, гдѣ?

— Бывали вы когда-нибудь въ Георгіи?

— Нѣтъ, сэръ, я родился въ Теннесси, затѣмъ меня купилъ масса Бойдъ въ Кентуки; на его плантаціи я познакомился съ Сарой и женился на ней.

— Слышали вы когда-нибудь о Савоннѣ?

— Это большой городъ на Югѣ. Многіе изъ нашихъ друзей были проданы туда.

— Неподдалеку отъ него лежитъ въ горахъ маленькій городокъ Велльвилъ; изъ Савонны вамъ легко найти туда дорогу, не советесь.

— И дѣти тамъ? вскричала мать, простирая къ бѣлому дрожащія руки, сложенные какъ-будто на молитву.

— Они были тамъ, сказалъ Гельдорнъ, — т. е. не въ самомъ городѣ, а на какой-то фермѣ или плантаціи по близости, но названія ея я теперь не помню. Вѣроятно, они и до сихъ поръ тамъ. Старшая, Лидди, говорила со мною, спрашивала о родителяхъ.

— О, Боже мой! Боже мой! застонала мать.

— Какъ-же мнѣ туда доѣхать? спросилъ отецъ.

— Ну, это очень далеко отсюда, сказалъ молодой нѣмецъ, пожимая плечами. — Всего лучше вамъ ѣхать въ Нью-Орлеанъ: оттуда постоянно отправляются пароходы и парусныя суда въ Савонну и Чарльстоунъ. Но вамъ надо торопиться: осенью тамъ бываетъ желтая лихорадка, тогда опасно ѣхать. Впрочемъ, теперь, я думаю, опять уже ходитъ желѣзная дорога въ Савонну, — это самый короткій и дешевый путь. Вы можете съѣсть на желѣзную дорогу съ самаго Луисвиля.

Негръ схватилъ руку молодого человѣка и, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ догадаться объ его намѣреніи, страстно прижалъ ее къ губамъ.

— Что вы, другъ мой! вскричалъ тотъ въ замѣшательствѣ.

— Вамъ я обязанъ своимъ счастіемъ! вскричалъ негръ. — Я далъ себѣ слово никогда не унижаться передъ бѣлымъ, но вы заставили меня нарушить его, возвративъ моей женѣ счастье и жизнь.

— Такъ вы ѣдете?

— Завтра-же, съ первымъ пароходомъ, который отправляется въ Луисвиль. У меня денегъ не-много, но все-таки хватитъ да и друзья помогутъ. Только какъ мнѣ васъ благодарить, сэръ?

— Полноте, полноте, вѣдь еще дѣтей у васъ нѣтъ; вы только попали на слѣдъ ихъ. Отъ души буду радъ, если вамъ удастся найти ихъ. А теперь прощайте, м-ръ Гамильтонъ; сударыня, счастливо оставайтесь!

И, вскочивъ на лошадь, онъ поскакалъ къ воротамъ, чтобы избавиться отъ благодарности негра и его жены. Кельманъ и Росвейнъ медленно пошли вслѣдъ за нимъ.

(Продолженіе будетъ.)

Б У Р Я.

Проклятой бурей мачты сбиты,
Щены остались отъ руля
И волны днѣя сердито
Бьютъ въ жалкій остовъ корабля.

Несется шваль. Напрасно стонуть
Десятки женщинъ и дѣтей.
Спасенья нѣтъ! Они утонуть
Вдали отъ мпыхъ и друзей.

А тамъ, далеко, какъ нарочно,
Уже рѣдѣетъ масса тучъ
И начинается въ часъ урочный
Свергать разсвѣта первый лучъ.

М. Н.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПУШКИНЪ и ЛЕРМОНТОВЪ.

II.

Замѣчательно, что большинство нашихъ лучшихъ поэтовъ имѣло въ своихъ жилахъ значительную долю иностранной крови или не принадлежало къ великорусскому племени. Первый нашъ сатирикъ, Кантемиръ, родился отъ молдаванина и гречанки, Фон-Визинъ и Хемницеръ происходили отъ нѣмцевъ, Державинъ имѣлъ въ числѣ своихъ предковъ татаръ, мать Жуковского была турчанка, Пушкинъ по материнской линіи происходилъ отъ арапа; Гоголь и Шевченко были малороссы. При этомъ большинство замѣчательныхъ поэтовъ, за немногими исключеніями въ родѣ Кольцова и Шевченко, принадлежало къ дворянскому сословію *). Предки Лермонтова тоже были иностранцы, — шотландскіе дворяне, и въ числѣ ихъ одинъ знаменитый шотландскій бардъ XIII вѣка (Русская Старина, т. VII, 543—563.) Переселившись въ Россію въ XVII вѣкѣ, они скоро обрусѣли. Мать Лермонтова принадлежала къ богатой помѣщичьей фамиліи Арсеньевыхъ; влюбившись въ простаго армейскаго офицера, Лермонтова, она вышла за него противъ воли родителей, къ общему неудовольствію своей блестящей родни, и, родивъ сына въ 1815 году, скоро умерла отъ изнурительной чахотки. Отца Лермонтова, челоуѣка простаго и бѣднаго, Арсеньевы терпѣть не могли и отношенія между ними

*) Напротивъ, большинство критиковъ и публицистовъ выходило изъ среднихъ сословій, и преимущественно изъ духовнаго, которое менѣ всѣхъ другихъ сословій сближалось съ людьми чуждыхъ національностей. Мерзляковъ и Полевой были купцы, Бѣлинскій—внукъ дьякона, Надеждинъ, Арсеньевъ, Плетневъ, Кудрявцевъ, Добролюбовъ, Щаповъ—изъ духовнаго званія; Писаревъ—сынъ капитана и т. д.

были самыя натянутыя. Послѣ смерти матери Лермонтова, послѣдняго не отдали отцу и онъ остался воспитываться у своей бабушки Арсеньевой. Какъ ни любила, какъ ни баловала Арсеньева своего внука, но ея враждебныя отношенія къ отцу Лермонтова производили на послѣдняго тяжелое, болѣзненное впечатлѣніе, несомнѣнно повліявшее на образованіе его характера. Лермонтовъ впослѣдствіи горько жаловался,

Что люди угасить въ душѣ моей хотѣли
Огонь божественный, отъ самой колыбели
Горѣвшій въ ней,—

огонь сыновней любви, и довели до того, что отецъ, жившій розно съ сыномъ, умеръ въ разлукѣ съ нимъ (Соч., II, 112). Въ юношеской трагедіи Лермонтова „Menschen und Leidenschaft“, которой приписываютъ автобіографическое значеніе, выведены на сцену бабушка и ея внукъ Юрій Николаевичъ. Бабушка не любитъ его отца. Отецъ Юрія бѣденъ, бабушка богата; отецъ требуетъ, чтобы сынъ жилъ съ нимъ, бабушка-же оставляетъ его у себя. Бабушка представлена въ трагедіи сварливою; она безпрестанно бьетъ горничныхъ по щекамъ. Юрій борется между желаніями ѣхать къ отцу и остаться у бабушки. Онъ говоритъ: „Надо ѣхать къ отцу. Но отецъ едва можетъ прокормить себя. О, какую глупость я сдѣлалъ! Но тутъ нѣтъ поправки, нѣтъ дороги, которая вывела-бы изъ сего лабиринта“. Однако, онъ скоро передумываетъ и рѣшаетъ, что „лучше ѣсть сухой хлѣбъ и пить воду въ кругу людей любезныхъ сердцу, нежели здѣсь веселиться среди змѣй и, пируя за столомъ, думать, что каждое роскошное блюдо куплено на счетъ кровавой слезы отца моего... Это ужасно!“ (ib., 500). Трудно сказать, какова была-бы судьба Лермонтова, если-бы онъ воспитывался не у богатой бабушки, а у бѣднаго отца,—замотался-бы онъ и погибъ-бы, подобно Полежаеву, или-же окрѣпъ-бы въ борьбѣ съ жизнью и развился въ цѣлостнаго, честнаго человѣка, въ родѣ Бѣлинскаго; но несомнѣнно одно, что воспитаніе въ домѣ отца спасло-бы его отъ тѣхъ наклонностей, какія были развиты въ немъ пребываніемъ въ аристократическомъ семействѣ бабушки. Арсеньева любила своего внука безъ памяти, баловала его безъ всякой мѣры, въ домѣ ея все было разсчитано для его пользы и удовольствія. Сильное чувство и фантазія ребенка рано развились подъ вліяніемъ впечат-

лѣній разнообразной жизни. Еще въ дѣтствѣ Лермонтовъ видѣлъ Кавказъ, куда бабушка брала его съ собой на воды. Онъ учился живописи и музыкѣ и увлекался ими; еще въ дѣтствѣ онъ познакомился съ французской литературой и съ Байрономъ; ребенкомъ уже онъ началъ вздыхать о барышняхъ и ухаживать за ними. Такимъ образомъ, развивалась въ немъ наклонность къ разсѣянной свѣтской жизни. Но, съ другой стороны, Лермонтову старались дать хорошее образованіе; онъ превосходно учился, овладѣлъ языками французскимъ, англійскимъ, нѣмецкимъ и итальянскимъ; хорошо познакомился съ русскою и иностранными литературами; читалъ много и хотя читалъ безъ системы, но съ толкомъ. Слѣдующія, напр., замѣтки свидѣтельствуютъ о чрезвычайно сильномъ умѣ пятнадцатилѣтняго юноши. „Наша литература такъ бѣдна, что я ничего не могу изъ нея заимствовать, въ пятнадцать-же лѣтъ умъ не такъ быстро принимаетъ впечатлѣнія, какъ въ дѣтствѣ; но тогда я почти ничего не читалъ. Однакожь, если захочу вдаваться въ поэзію народную, то, вѣрно, нигдѣ больше не буду ея искать, какъ въ русскихъ пѣсняхъ. Какъ жалко, что у меня была мамушкой нѣмка, а не русская, — я не слыхалъ сказокъ народныхъ: въ нихъ, вѣрно, больше поэзіи, чѣмъ во всей французской словесности“ (id., 498). „Я читаю „Новую Элоизу“. Признаюсь, я ожидалъ больше генія, больше познанія природы и истины. Ума слишкомъ много, идеалы — что въ нихъ? Они прекрасны, чудесны; но несчастные софизмы, одѣтые блестящими выраженіями, не мѣшаютъ видѣть, что они все идеалы. Вертеръ лучше: тамъ человѣкъ — болѣе человѣкъ. У Жанъ Жаба даже пороки не таковы, какіе они есть. У него герои насильно хотятъ увѣрить читателя въ своемъ великодушіи. Но краснорѣчіе удивительное. И послѣ всего я скажу, что хорошо, что у Руссо, а не у другого родилась мысль написать „Новую Элоизу“ (стр. 500)“. Между тѣмъ какъ Пушкинъ въ своихъ лицейскихъ стихотвореніяхъ исключительно воспѣвалъ Венеру, Вакха да Марса, Лермонтовъ въ своихъ ученическихъ сочиненіяхъ постоянно затрогивалъ общественные мотивы. Вотъ, напр., его князь Мстиславъ мучится страстнымъ желаніемъ освободить отечество отъ татаръ и всѣ свои помыслы устремляетъ на то, чтобы добыть своему народу „святую вольность“ (стр. 54—56). Въ то-же время и въ стихахъ, и въ прозѣ даровитый юноша воз-

мущался характеромъ окружавшаго его общества, „людей безчувственныхъ, самолюбивыхъ въ высшей степени и полныхъ зависти къ тѣмъ, въ душѣ которыхъ сохраняется хотя малѣйшая искра небеснаго огня“ (стр. 181). Конечно, и въ этихъ увлеченіяхъ, и въ этомъ недовольствѣ много подражательности, даже фальши, много плохо понятаго байронизма, но въ то-же время мы видимъ здѣсь ясные признаки дѣйствительнаго, сознательнаго недовольства и здоровой рефлексіи. Въ драмѣ „Странный Человѣкъ“, въ первый разъ напечатанной нынѣ, съ одной стороны, дѣйствуетъ честный и благородный юноша, а съ другой, испорченное общество съ его семейнымъ деспотизмомъ (стр. 181, 192), съ злоупотребленіями крѣпостнаго права (стр. 200—201), съ господами, которымъ весело „видѣть передъ собой бумажку, которая содержитъ въ себѣ цѣну многихъ людей, и думать: своими трудами ты достигнулъ способа мѣнять людей на бумажки“ (стр. 204). Въ другой трагедіи, „Испанцы“, высказываются такіа, напр., мысли: „благородные для того не сближаются съ простымъ народомъ, что боятся, дабы не увидали, что они еще хуже его“. Сюжетъ третьей, ненаписанной трагедіи: „молодой человѣкъ въ Россіи, который недворянскаго происхожденія, отвергаемъ обществомъ, любовью, унижаемъ начальниками. (Онъ изъ поповичей или мѣщанъ, учился въ университетѣ и вояжировалъ на казенный счетъ.). Онъ застрѣливается“ (стр. 497). „Прежде отъ матерей и отцовъ продавали дочерей казакамъ на ярмаркахъ, какъ негровъ. Это въ трагедіи помѣстить“ (стр. 499). Подобныя замѣтки Лермонтова, когда ему было всего 13—15 лѣтъ, свидѣтельствуютъ, что его умъ рано обратился къ серьезнымъ вопросамъ и реальной жизни. Въ юношескихъ стихотвореніяхъ Лермонтова есть мотивы и сюжеты, которыхъ вы не найдете во всей тогдашней русской литературѣ и которые появились въ ней только недавно. Вотъ что говоритъ у него, напр., павшая женщина:

«Печать презрѣнья на моемъ челѣ,
 Но справедливъ-ли міра приговоръ?
 Что добродѣтель, если на землѣ
 Проступокъ — не несчастье *), но позоръ?..

*) Въ сочиненіяхъ его напечатано *не безчестье*, но это кажется намъ явной опечаткой, лишающей стихи смысла.

Родителей не знала я своихъ:
 Воспитана старухою чужой;
 Не знала я веселья лѣтъ молодыхъ
 И даже не гордилась красотой.
 Въ пятнадцать лѣтъ, по волѣ злой судьбы,
 Я продана мужчинѣ... Ни мольбы,
 Ни слезы не могли спасти меня...
 Съ тѣхъ поръ я гибну, гибну день отъ дня! (стр. 62).

Даровитый мальчикъ рано началъ сознавать свои необыкновенныя силы и стремиться къ совершенію чего-нибудь великаго. Сравнивая свою жизнь съ біографіей „властиеля думъ“ того времени, онъ находилъ много сходства между собой и Байрономъ. Въ дѣтствѣ онъ также пишетъ стихи, какъ Байронъ, и влюбляется, какъ Байронъ; въ Шотландіи одна старуха предсказала Байрону, что онъ будетъ великимъ человѣкомъ; то-же самое предсказывала на Кавказѣ какая-то старуха и бабушкѣ Лермонтова (XXI, XXXVIII; т. II, 497). Занятый исключительно своими мыслями и фантазіями, Лермонтовъ въ дѣтствѣ и въ юности былъ несообщителенъ, неразговорчивъ; мечты о славѣ и величій боролись въ немъ съ сомнѣніемъ въ осуществимости ихъ. „Тайное сознаніе, что я кончу жизнь ничтожнымъ человѣкомъ, мучитъ меня“, писалъ онъ (I, 337). Стремленіе къ великой дѣятельности, стремленіе неопредѣленное, невыясненное, было главнымъ мотивомъ его психической жизни въ юности.

«Всегда кипить и зрѣеть что-нибудь
 Въ моемъ умѣ. Желанье и тоска
 Тревожатъ безпрестанно эту грудь.
 Но что-жь? Мнѣ жизнь все какъ-то коротка
 И все боюсь, что не успѣю я
 Свершить чего-то...»

Дальше высказывается увѣренность, что онъ „свершить что-то“, но долженъ будетъ пострадать за свой подвигъ:

Смерть моя
 Ужасна будетъ. Чуждые края
 Ей удивятся, а въ родной странѣ
 Всѣ проклянутъ и память обо мнѣ (II, 95).

Нѣтъ сомнѣнія, что эти неясныя, частію навѣянные Байрономъ, частію самостоятельныя стремленія юноши развились-бы въ прочныя, ясныя убѣжденія, если-бы дальнѣйшее воспитаніе и жизнь

его пошли по должному пути, если-бы онъ попалъ въ такую общественную среду, которая могла-бы поддерживать и развивать его нравственно. Школьное образованіе Лермонтова началось хорошо. Онъ отлично учился въ университетскомъ пансіонѣ и перешелъ изъ него въ московскій университетъ. Но недолго ему суждено было оставаться здѣсь. У профессора Цвѣтаева былъ адъюнктъ уголовного права Маловъ, „глупый, грубый и необразованный профессоръ.“ Студенты презирали его и смѣялись надъ нимъ. „Сколько у васъ профессоровъ въ отдѣленіи?“ спросилъ какъ-то попечитель у студента въ политической аудиторіи. „Безъ Малова девять“, отвѣчалъ студентъ. Вотъ этотъ-то профессоръ, котораго надо было *вычестъ*, чтобы осталось девять, сталъ больше и больше дѣлать дерзостей студентамъ“. Студенты рѣшились устроить противъ него демонстрацію. „Любимою темой лекцій Малова было разсужденіе о человѣкѣ. Всѣ такія лекціи Маловъ начиналъ словами: „человѣкъ, который...“ Маловъ заставлялъ и студентовъ писать по-очередно на эту тему. Всѣ писали неохотно и начинали словами: „человѣкъ, который...“ Однажды, едва Маловъ взошелъ на кафедру и началъ обычное „человѣкъ, который...“, студенты зааплодировали и крикнули „гога, прекрасно!“ Это повторялось каждый разъ, какъ только Маловъ раскрывалъ ротъ. Маловъ, обращаясь къ студентамъ, говоритъ: „господа, я долженъ буду уйти“, а ему кричатъ: „прекрасно!“ Маловъ идетъ изъ аудиторіи, изъ университета, студенты идутъ за нимъ, крича: „человѣкъ, который...“ „bis“, „прекрасно!“ И проводили его, такимъ образомъ, довольно далеко. За эту исторію Лермонтова исключили изъ университета (т. I, стр. XXIII—XXV). Переѣхавъ около 1831 г. въ Петербургъ, Лермонтовъ увлекся свѣтскою жизнью и стремленіями тогдашней аристократической молодежи, поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и, какъ онъ самъ писалъ впоследствии, —

*«Отъ цѣли благородной
Оторванъ бурей страстей,
Я позабылъ въ борьбѣ безплодной
Преданья юности моей...»*

Да, мудро было и не „позабыть“. Перейдя изъ московскаго университета, въ которомъ и около котораго сосредоточивались тогда Бѣлинскій, Станкевичъ, К. Аксаковъ, Грановскій и др., въ консер-

скую школу, страстный, увлекающійся, неокрѣпшій нравственно юноша не могъ найти здѣсь никакой опоры, которая поддержала-бы мечты и „преданья юности“. Въ программѣ юнкерской школы того времени первое мѣсто занимали фронтъ и дисциплина; не позволяли даже читать книгъ чисто-литературнаго содержанія, хотя юнкера и не исполняли этого (Записки Хвостовой съ приложен. др. матеріаловъ о Лермонтовѣ, стр. 195). „Между товарищами своими, рассказываетъ одинъ изъ нихъ,—Лермонтовъ ничѣмъ особенно не отличался отъ другихъ. Въ школѣ онъ имѣлъ страсть приставать съ своими остроумными и часто даже злыми насмѣшками къ тѣмъ изъ товарищей, съ которыми онъ былъ болѣе друженъ“ (Соч., XXVIII). Эта назойливость, доходившая до нахальства, осталась у Лермонтова на всю жизнь. Грубныя юнкерскія шалости сильно испортили его. Даже его литературныя занятія приняли исключительно юнкерское направленіе. Въ школѣ Лермонтовъ писалъ преимущественно циническія стихотворенія, какъ, напр., „Уланша“, „Праздникъ въ Петергофѣ“ и другія. „Уланша“ была любимымъ стихотвореніемъ юнкеровъ (Записки Хвостовой, 193). Какое направленіе дала школа Лермонтову, можно видѣть, напр., изъ слѣдующаго его письма: „Мы возвратились (изъ лагеря) въ городъ и скоро опять начнутся наши занятія. Одно меня ободряетъ—мысль, что черезъ годъ я офицеръ! И тогда, тогда... Боже мой! Если-бы вы знали, какую жизнь я намѣренъ повести! О, это будетъ восхитительно. Во-первыхъ, чудачества, шалости всякаго рода и поэзія, залитая шампанскимъ. Я знаю, что вы возопіете, но увы! пора моихъ мечтаній миновала; нѣтъ больше *стыри*; мнѣ нужны чувственныя наслажденія, счастье осязательное, такое счастье, которое покупается золотомъ, чтобы я могъ носить его въ карманѣ, какъ табакерку“ (Соч., I, 347). „По производствѣ въ офицеры, говоритъ товарищъ Лермонтова,—онъ началъ вести разсѣянную и веселую жизнь, проводя время зимою въ высшемъ кругу петербургскаго свѣтскаго общества и въ Царскомъ Селѣ, въ дружескихъ пирушкахъ гусарскихъ; лѣтомъ—на ученьяхъ и въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ, откуда одинъ разъ онъ совершилъ *романическое* путешествіе верхомъ, сопровождая ночью своего товарища (Столыпина) на одну изъ дачъ. Путешествіе это описано имъ въ стихотвореніи „Монго“ (Зап. Хвостовой, 196; Библ. Записки, 1861, № 20). Это „романическое“ путешествіе

было самымъ отчаяннымъ скандаломъ, какихъ не мало совершалъ Лермонтовъ съ своими товарищами. Но офицерскіе разгуль и скандалы не могли удовлетворить Лермонтова. „Лермонтовъ, говоритъ Панаевъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, — хотѣлъ слыть во что-бы то ни стало и прежде всего за свѣтскаго человѣка, и оскорблялся точно такъ-же, какъ Пушкинъ, если кто-нибудь разсматривалъ его, какъ литератора. Несмотря на сознаніе, что причиною гибели Пушкина была, между прочимъ, наклонность его къ великосвѣтскости, несмотря на то, что Лермонтову хотѣлось иногда бросать въ свѣтскихъ людей „желѣзный стихъ, облитый горечью и злостью“, — онъ никакъ не могъ отрѣшиться отъ свѣтскихъ предразсудковъ и высшій свѣтъ дѣйствовалъ на него обаятельно“ (Современникъ, 1861, II, 656). Свѣтскіе успѣхи Лермонтова были блистательны. „Петербургскій beau-monde, говоритъ г. Лонгиновъ, — встрѣтилъ его съ увлеченіемъ; онъ сейчасъ вошелъ въ моду и сталъ являться по приглашеніямъ на балы, гдѣ бывалъ дворъ“ (Р. Старина, VII, 387). Особенно большіе успѣхи оказывалъ Лермонтовъ между женщинами, вель интриги съ нѣсколькими за-разъ и забавлялся разбиваніемъ женскихъ сердецъ. Хвостова рассказываетъ, что Лермонтовъ ухаживалъ за ней, какъ самый пошлый, безсердечный ловеласъ, что онъ являлся такимъ-же волокитой относительно „Любеньки В.“, „хорошенькой дурочки Т.“, „бѣдной Лизы, у которой не было довольно силы характера, чтобы противостоять ему, — и она погибла“ (Записки, 158, 167, 178). Подобными подвигами и свѣтской пустотой Лермонтовъ, по замѣчанію Панаева, даже „щеголялъ, желая еще примѣшивать къ ней иногда что-то сатанинское, байроническое: пронзительные взгляды, ядовитыя шуточки и улыбочки, страсть показать презрѣніе къ жизни, а иногда даже и задоръ бреттера“ (Современникъ). Но наслаждаясь видною ролью въ обществѣ, Лермонтовъ все-таки не могъ стать къ нему въ чисто-дружественныя, искреннія отношенія. Сосредоточенность, какою отличался онъ еще въ дѣтствѣ, развилась и окрѣпла съ годами. „Онъ, говоритъ Панаевъ, — не отыскивалъ людей равныхъ себѣ по уму и по мысли внѣ своего круга. Натура его была слишкомъ горда для этого; онъ былъ весьма глубоко сосредоточенъ въ самомъ себѣ и не нуждался въ посторонней опорѣ“. Увлекаясь свѣтскою суетой, Лермонтовъ, подобно Пушкину, не могъ окончательно отдаться

ей, никогда не мирился съ окружавшимъ его обществомъ. ненавидѣлъ его. Онъ пробовалъ свои силы въ этомъ обществѣ и убѣждался въ ничтожности послѣдняго. „Я бываю въ свѣтѣ, писалъ онъ, — для того, чтобы меня знали, для того, чтобы доказать, что я способенъ находить удовольствіе въ хорошемъ обществѣ. Я волочусь, и велѣдъ за объясненіемъ въ любви говорю дерзости. Вы думаете, что за такіе подвиги меня гонять прочь? О, нѣтъ, совсѣмъ напротивъ: женщины ужь такъ сотворены. Я начинаю пріобрѣтать надъ ними власть. Ничто меня не трогаетъ, ни гнѣвъ, ни нѣжность“ (Соч. I, 359). Отвращеніе къ обществу, къ которому онъ въ то-же время льнулъ, и постоянно тревожное душевное состояніе возбуждали въ Лермонтовѣ, какъ и въ Пушкинѣ, желаніе путешествовать, быть „цыганомъ“, переѣзжать съ мѣста на мѣсто, „ѣхать куда-бы то ни было, хоть къ чорту“ (стр. 337, 356). Своему раздраженію онъ давалъ исходъ въ ѣдомъ, часто нахальному издѣвательствѣ надъ окружавшими его людьми. „Въ обществѣ, говоритъ Меринскій, — Лермонтовъ былъ очень злорѣчивъ, но душу имѣлъ добрую. Многіе его недоброжелатели увѣряли въ противномъ и называли его *безпокойнымъ человекомъ*“ (Зап. Хвостовой, 203). По службѣ Лермонтовъ былъ неисправенъ и, вмѣстѣ со Столыпинымъ, служилъ центромъ гусарскаго кружка, имѣвшаго постоянныя контры съ своимъ начальствомъ, которое эту гусарскую оппозицію приписывало исключительно вліянію Лермонтова и Столыпина и собиралось „разорить это гнѣздо“ (Р. Стар., VII, 383).

Смерть Пушкина глубоко взволновала пылкаго Лермонтова, который справедливо считалъ ее результатомъ интриги. Онъ написалъ извѣстное стихотвореніе на смерть Пушкина. Обращаясь къ людямъ, въ средѣ которыхъ вращался убитый поэтъ, Лермонтовъ бросалъ имъ въ лицо открытый упрекъ въ интригѣ:

«Не вы-ль сперва такъ долго гнали
Его свободный, чудный даръ,
И для потѣхи возбуждали
Чуть затаившійся пожаръ ..
Что-жь! Веселитесь! Онъ мученій
Послѣднихъ перенестъ не могъ;
Угасъ, какъ свѣточъ, дивный геній,
Увяль торжественный вѣнокъ!»

Стихи эти быстро распространились по Петербургу, возбуждая

въ однихъ восторгъ, въ другихъ негодованіе. Многіе даже лично были обижены ими. Послѣ встрѣчи и спора съ однимъ свѣтскимъ человѣкомъ, который нападалъ на стихи и доказывалъ, что Пушкинъ самъ былъ виноватъ въ своей смерти, взволнованный Лермонтовъ тутъ-же набросалъ извѣстныхъ шестнадцать заключительныхъ стиховъ:

Эти стихи такъ-же быстро разошлись, какъ и предыдущіе. Лермонтова перевели на Кавказъ, на службу, при чемъ одно лицо напутствовало его такимъ изрѣченіемъ: „Что это вы вздумали писать стихи? на это есть поэты, а вы корнетъ—ваше дѣло заниматься своимъ взводомъ и болѣе ничего“. (Зап. Хвост., 187).

„Ссылка Лермонтова на Кавказъ, говоритъ А. Муравьевъ,—надѣлала много шума; на него смотрѣли, какъ на жертву, и это быстро возвысило его поэтическую славу. Съ жадностью читали его стихи съ Кавказа, который послужилъ для него источникомъ вдохновенія“. Благодаря хлопотамъ бабушки, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его возвратили въ Петербургъ, который встрѣтилъ его съ восторгомъ, какъ „преемника славы Пушкина“, по свидѣтельству Муравьева (Соч., стр. XLIX—L). Но общество, которое такъ интересовалось Лермонтовымъ и ухаживало за нимъ, возбуждало въ немъ отвращеніе еще болѣе, чѣмъ прежде. „Втеченіи мѣсяца, писалъ онъ,—на меня была мода, меня искали наперерывъ. Весь народъ, который я оскорблялъ въ стихахъ моихъ, осыпаетъ меня ласкательствами; самыя хорошенькія женщины просятъ у меня стиховъ и торжественно ими хвастаются. Тѣмъ не менѣе мнѣ скучно“. Лермонтовъ въ это время хотѣлъ выйти въ отставку, но помѣшали родные. „Наконецъ, я таки упалъ духомъ, говоритъ онъ,—и хотѣлъ-бы, какъ можно скорѣе, бросить Петербургъ и уѣхать куда-бы то ни было, въ полкъ или хоть къ чорту“. Но не давали и временного отпуска. „Я просился въ полугодовой отпускъ—мнѣ отказано, на двадцать-восемь дней—отказали, на четырнадцать дней—опять отказъ... Я просился на Кавказъ—отказъ: не хотятъ даже, чтобы меня убили“ (I, 356, 358—359). На Лермонтова смотрѣли подозрительно, а личные враги, которыхъ онъ нажилъ такъ много, еще болѣе усиливали эту подозрительность. Лермонтовъ раздражался больше и больше. Въ 1840 году онъ повздорилъ изъ-за какой-то особы съ молодымъ французомъ Барантомъ, дрался съ нимъ на дуэли,

былъ вторично сосланъ на Кавказъ, въ концѣ того-же года пріѣзжалъ на-время въ Петербургъ, но вскорѣ опять, въ четвертый разъ въ своей жизни, отправился на Кавказъ и уже не возвращался болѣе.

Литературно-печатная дѣятельность Лермонтова продолжалась только четыре года, и въ это время онъ написалъ столько превосходныхъ вещей и напечаталъ такъ много, что сразу сталъ въ разрядъ первостепенныхъ поэтовъ. Подобно Пушкину, Гоголю и другимъ прежнимъ писателямъ, жившимъ или на свои деньги или на казенныя пенсіи и неимѣвшимъ поэтому нужды заниматься срочной литературной работой,—Лермонтовъ очень долго и тщательно обрабатывалъ свои произведенія. „Демона“, напр., онъ передѣлывалъ пять разъ. Относительно художественной формы Лермонтовъ сравнился съ Пушкинымъ, а энергіею и силою языка даже превзошелъ его. Его картины природы (многія мѣста въ „Демонѣ“ и другихъ поэмахъ, „Три нальмы“ и др.), равно его мелкіе рассказы, баллады и лирическія пьесы (Пѣснь про Калашникова, Бородино, Тамара, Вѣтка Палестины, Валерикъ, Парусъ, Памяти Одоевского и др.) принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ русской поэзіи и заняли-бы почетное мѣсто въ любой европейской литературѣ. Будучи образцовымъ поэтомъ въ частностяхъ, Лермонтовъ, однакожь, подобно Пушкину, не успѣлъ выработать себѣ цѣлостнаго, рациональнаго міросозерцанія. Лермонтовъ началъ подражаніемъ Байрону; его юношескія произведенія, написанныя подъ этимъ вліяніемъ, рѣшительно несостоятельны въ цѣломъ, какъ, напр., „Демонъ“. Но оцѣнивать его дѣятельность по этимъ произведеніямъ, которыхъ онъ не предназначалъ къ печати, невозможно, тѣмъ болѣе, что Лермонтовъ еще въ то время, когда писалъ ихъ, старался уже выйти на самостоятельную дорогу и чувствовалъ себя достаточно сильнымъ для этого. Но онъ какъ-будто сознавалъ, что обстоятельства не дозволяютъ ему развиваться окончательно и стать во главѣ умственнаго развитія своего народа.

«Нѣтъ, я не Байронъ, а другой,
Еще невѣдомый избранникъ,
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой.

Я раньше началъ, кончу равнѣ,
Мой умъ немного совершить.» (II, 119).

Во всѣхъ произведеніяхъ Лермонтова проходитъ чувство недовольства обществомъ и идея непреклонной борьбы съ нимъ. Въ этомъ отношеніи Лермонтовъ вполне выдержанъ и гораздо выше Пушкина; для него невозможно примиреніе съ грязью и пошлостью жизни. Но онъ не вполне выяснилъ себѣ, въ чемъ собственно состоятъ эти грязь и пошлость, въ чемъ заключаются породившія ихъ причины и средства для борьбы съ ними. Вся его философія сводится къ тому, что жизнь — „пустая и глупая шутка“. Только сильные природные характеры, неиспорченные цивилизованнымъ обществомъ, гордые и независимые, въ родѣ „Мцыри“, эти *теоретическіе герои*, по выраженію одного критика, — заслуживаютъ сочувствія Лермонтова. Къ своему-же поколѣнію онъ относится съ полнымъ презрѣніемъ, какъ къ людямъ слабымъ, преждевременно отжившимъ, какъ къ „презрѣннымъ рабамъ, передъ опасностью позорно малодушнымъ“, прахъ которыхъ

«Со строгостью судьи и гражданина
Потомокъ оскорбить презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ...»

Но вполне понять и оцѣнить людей своего времени Лермонтовъ все-таки не могъ. Въ предисловіи ко второму изданію „Героя нашего времени“ онъ говоритъ, что Печоринъ — портретъ, составленный изъ пороковъ всего современнаго ему поколѣнія. Это вполне вѣрно. Но Лермонтовъ, видимо, сочувствовалъ этому портрету и, слѣдовательно, не вполне понималъ изображенные имъ пороки, считая нѣкоторые изъ нихъ даже доблестями. Чего хотеть Печоринъ, за что онъ ненавидитъ общество, чѣмъ онъ выше его, какое нравственное право имѣетъ онъ презирать и губить людей, будучи самъ человѣкомъ безъ сердца, бездушнымъ развратникомъ, дошедшимъ до полного пресыщенія и рисующимся своею пустотой? Между тѣмъ, если-бы Лермонтовъ прожилъ дольше или-же побольше обращался въ сферахъ тогдашней интеллигенціи, то онъ увидѣлъ-бы, что, кромѣ отвратительныхъ Печоринныхъ, были другіе герои того времени, разочарованіе которыхъ имѣло реальныя основанія, а стремленія — смыслъ и высокое значеніе. И такихъ людей Лермонтовъ встрѣтилъ-бы не въ одномъ

только кружкѣ Станкевича и Бѣлинскаго. Въ то время жилъ, напр., не вымышленный лермонтовскій, а дѣйствительный *Печоринъ*, и сравните послѣднаго съ Печоринымъ, котораго изображаетъ и которому симпатизируетъ нашъ поэтъ! Дѣйствительный Печоринъ учился въ петербургскомъ университетѣ и въ его запискахъ мы находимъ нѣкоторыя черты, которыя объясняютъ многое въ его интересной, но мало извѣстной у насъ судьбѣ. (Р. Арх., 1870, стр. 2,134—2,138).

Положимъ, что трудно составить понятіе объ убѣжденіяхъ В. Печорина, но каковы-бы ни были эти убѣжденія, несомнѣнно то, что подобныя люди вполне еознательно относились къ русской дѣйствительности; отрицаніе ихъ было реально; они, по выраженію Печорина (стр. 2,138), „подписали окончательный договоръ съ дьяволомъ, а этотъ дьяволъ—мысль“. Какимъ-же ничтожествомъ являлся передъ ними Печоринъ Лермонтова! Авторъ былъ не въ силахъ отнестись къ нему вполне критически; сатира смѣшалась съ идеализаціей, какъ раньше въ Онѣгинѣ, а позднѣе въ Базаровѣ, и въ то время, какъ часть публики бранила Печорина и возмущалась имъ, другая восторгалась имъ, подражала ему. Но „Героя нашего времени“, какъ и многія другія произведенія Лермонтова, нужно считать только первыми шагами его на литературномъ поприщѣ, которое продолжалось всего четыре года. Лермонтовъ не успѣлъ выработать себѣ цѣлостнаго міросозерцанія, но онъ трудился надъ его выработкою, шелъ впередъ, работалъ умомъ, и въ это время, подобно всякому, даже самому великому уму, нерѣдко сбивался съ пути, подчинялся предрасудкамъ или отжившимъ традиціямъ. Во многихъ его стихотвореніяхъ мы видимъ не самостоятельно выработанныя идеи, а только „плѣнной мысли раздраженіе“. Такъ, напр., стихотвореніе „Опять, народные витія“ (т. II, стр. 118) есть ничто иное, какъ перефразировка извѣстныхъ пушкинскихъ стиховъ: „О чемъ шумите вы, народные витія?“. Написанное не задолго передъ смертью „Послѣднее Новоселье“ заключаетъ въ себѣ самыя узкіе и пристрастныя взгляды на новѣйшую исторію Франціи.

«Негодованію и чувству давъ свободу,

Мнѣ хочется сказать великому народу:

Ты жалкій и пустой народъ!

Ты жалокъ, потому что вѣра, слава, геній,
 Все, все великое, священное земли,
 Съ насмѣшкой глупою ребяческихъ сомнѣній
 Тобой растоптано въ пыль.
 Изъ славы сдѣлалъ ты игрушку лицемѣрья,
 Изъ вольности—орудье палача,
 И всѣ завѣтныя отцовскія повѣрья
 Ты имъ рубилъ, рубилъ съ плеча».

Поклоненіе Наполеону въ этихъ стихахъ было совершенно въ духѣ пушкинскаго времени, а это ребяческое озлобленіе на людей и событія французскаго переворота оказывается просто-на-просто переложеніемъ въ стихи одной статьи „Московского Наблюдателя“, который, увлекаясь новѣйшей германской философіей, увлекался и господствовавшимъ тогда въ Германіи французоѣдствомъ (franzosenfresserei). Впослѣдствіи Лермонтовъ, безъ сомнѣнія, отрекся-бы отъ этихъ произведеній, какъ онъ отрекся отъ „Демона“. Онъ не походилъ на Пушкина. „Пушкинъ, говоритъ Боденштедтъ, — сѣумѣлъ впослѣдствіи примириться и сжиться съ людьми и съ обстоятельствами, на которыхъ такъ горячо ополчался, которымъ клялся въ непримиримой враждѣ; Лермонтовъ никогда не хотѣлъ дойти до такого примиренія, потому что оно не могло-бы быть полнымъ, а половинныхъ мѣръ онъ не терпѣлъ. Пушкинъ былъ прежде всего художникомъ и, огородивъ себѣ мирный уголокъ, гдѣ-бы онъ могъ спокойно жить съ своимъ искусствомъ, онъ уже не такъ строго смотрѣлъ на все остальное. У Лермонтова, напротивъ, искусство и жизнь были нераздѣльны, онъ никогда не могъ отдѣлить художника отъ человѣка. Вотъ въ чемъ великая между ними разница“ (Зап. Хвост., 235). Въ то время, какъ Пушкинъ презиралъ толпу и ставилъ поэта на пьедесталъ, недосягаемый для нуждъ и страданій жизни, Лермонтовъ все болѣе и болѣе приходилъ къ сознанію, что поэзія должна служить жизни. Обращаясь къ поэту, онъ говорилъ:

Бывало, мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
 Воспламенялъ бойца для битвы;
 Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
 Какъ финіамъ въ часы молитвы.
 Твой стихъ, какъ божій духъ, носился надъ толпой,
 И отзывъ мыслей благородныхъ

Звучаль, какъ колоколь на башнѣ вѣчевой
 Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ,
 Но скученъ намъ простой и гордый твой языкъ.
 Насъ тѣшутъ блески и обманы:
 Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ
 Морщины прятать подъ румяны...
 Проснешься-ль ты опять, осмѣянный пророкъ,
 Иль никогда на голось ищенья,
 Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ,
 Покрытый ржавчиной презрѣнья!

(т. I, стр. 76).

Последнее изъ написанныхъ Лермонтовымъ стихотвореній, „Пророкъ“, показываетъ, что онъ уже окончательно освободился отъ традицій теоріи искусства для искусства. Онъ все болѣе и болѣе вводилъ въ свою поэзію общественные мотивы. Вслѣдъ за трагедіей „Странный человѣкъ“ онъ пишетъ трагедію (кажется, „Маскарадъ“) въ родѣ „Горя отъ ума“, рѣзкую критику на современные нравы (стр. XLV). Его стихотворенія „Умирающій гладиаторъ“, „На смерть Пушкина“, „Дума“, „Сказка для дѣтей“, „Казначейша“, „Памяти Одоевского“ и другія проникнуты всѣ общественною мыслью. Съ „Пѣсней про царя Ивана Васильевича и про купца Калашникова“ Лермонтовъ началъ высказывать рѣшительное сочувствіе къ *народу*. Это сочувствіе не успѣло вполне сформироваться и выясниться, но въ стихотвореніи „Родина“ Лермонтовъ отрекся уже отъ всего, что возбуждало фальшивый, псевдо-патріотическій энтузіазмъ Пушкина:

Люблю отчизну я, но странною любовью;
 Не побѣдитъ ея разсудокъ мой.
 Ни слава, купленная кровью,
 Ни полный гордаго доверія покой,
 Ни темной старины завѣтныя преданья
 Во мнѣ не шевелятъ отраднана мечтанья...»

Но, разрывая связь съ отжившими традиціями, Лермонтовъ вѣрилъ въ будущность своего народа. „У Россіи нѣтъ прошлаго, она вся въ настоящемъ и будущемъ“, писалъ онъ (I, 375). Вмѣстѣ съ развитіемъ такихъ идей и чувствъ Лермонтовъ все болѣе и болѣе отчуждался отъ лжи и недостатковъ общественной среды. Онъ мало видѣлъ здѣсь отраднана:

Преступный сонъ подъ сѣнію палатъ,
 Корыстный трудъ предъ тощею лампадой

И страшныхъ тайнъ вездѣ печальный рядъ.
 Я сталъ ловить блуждающіе звуки,
 Веселый смѣхъ и крикъ послѣдней муки:
 То ликовалъ иль мучился порокъ!
 Въ молитвѣ я подслушивалъ упрекъ,
 Въ бреду любви—безстыдное желанье,
 Вездѣ обманъ, безумство иль страданье!

Изъ Лермонтова готовъ былъ развиваться великій, первостепенный сатирикъ. Объ его сатирическомъ талантѣ лучше всего можно судить по тѣмъ стихотвореніямъ, которыя потеряны въ подлинникѣ, но сохранились въ превосходномъ нѣмецкомъ переводѣ Боденштедта, переводившаго ихъ съ рукописи.

По всей вѣроятности, эти стихотворенія принадлежатъ къ послѣдней, предсмертной эпохѣ жизни Лермонтова, когда всѣ знаніе его замѣчали, что въ его душѣ совершается окончательный переломъ, послѣ котораго онъ пошелъ-бы съ своимъ гордымъ величіемъ и съ своей желѣзной волей по той дорогѣ, на которую онъ уже давно выбирался. Бѣлинскій, видѣвшій Лермонтова во время послѣдняго пріѣзда его въ Петербургъ, пишетъ о немъ: „Лермонтовъ немного написалъ, безконечно меньше того, сколько позволялъ его громадный талантъ. Беззаботный характеръ, пылкая молодость, жажда впечатлѣній бытія, самый родъ жизни отвлекали его отъ мирныхъ кабинетныхъ занятій, отъ уединенной думы, столь любезной музамъ, но уже кипучая натура его начала устывать, въ душѣ пробуждалась жажда труда и дѣятельности и орлиный взоръ сталъ спокойно вглядываться въ глубь жизни“.

Лермонтовъ самъ говорилъ объ этомъ переломѣ, но въ то-же время выражалъ убѣжденіе въ своей близкой и насильственной смерти (I, 133, 134 и др.). Не знаемъ, считалъ-ли онъ это тѣмъ, что называлось въ то время предчувствіемъ, или-же выводилъ это мнѣніе яснымъ, логическимъ путемъ изъ своихъ отношеній къ обществу,—во всякомъ случаѣ, жизнь его и его характеръ естественно вели къ тому-же концу, какимъ завершилась и жизнь Пушкина. „Выросшій среди общества, гдѣ лицемеріе и ложь считаются признаками хорошаго тона, Лермонтовъ до послѣдняго вздоха остался чуждъ всякой лжи и притворства“, говоритъ Боденштедтъ. „Оскорбленный въ томъ, что казалось

ему святымъ; въ разладѣ со всѣмъ окружающимъ, преслѣдуемый, когда начиналъ говорить, подозрѣваемый, когда молчалъ, окруженный со всѣхъ сторонъ непріязнью и неспособный подавлять надолго свои мысли и чувства“ (Зап. Хвост., 223) Лермонтовъ не могъ не относиться враждебно къ окружающему его обществу.

„Въ Лермонтовѣ, говоритъ кн. Васильчиковъ,—было два чело-
вѣка: одинъ добродушный, для небольшо́го кружка ближайшихъ своихъ друзей и для тѣхъ немногихъ лицъ, къ которымъ онъ имѣлъ особенное уваженіе, другой—заносчивый и задорный, для всѣхъ прочихъ его знакомыхъ... Ко второму разряду принадлежалъ, по его понятіямъ, весь родъ человѣческій, и онъ считалъ лучшимъ своимъ удовольствіемъ подтрунивать и подшучивать надъ всякими мелкими и крупными странностями, преслѣдуя ихъ иногда шутивными, а весьма часто и язвительными насмѣшками“ (Р. Арх., 1872, 206—207). Между тѣмъ, въ сферѣ, въ которой вращался Лермонтовъ, подобныя выходы считались глубокими оскорбленіями, которыя могли быть смываемы только кровью. Дуэли были тогда въ большомъ ходу. „Я помню, говоритъ М. Н. Лонгиновъ—что Столыпинъ (другъ Лермонтова), къ которому, изъ уваженія къ его тонкому пониманію чувства чести, нерѣдко обращались, чтобы онъ разсудилъ какой-либо щекотливый вопросъ, возникшій между молодыми противниками,—показывалъ мнѣ привезенную имъ изъ за-границы книгу „Manuel du duelliste“ или что-то въ этомъ родѣ. Въ ней описаны были всѣ правила, безъ соблюденія которыхъ поединокъ не могъ быть признанъ состоявшимся „по всѣмъ правиламъ искусства“ (Р. Стар., VII, 388). При подобныхъ условіяхъ Лермонтовъ съ своимъ характеромъ неминуемо долженъ былъ рано или поздно погибнуть, и эта неизбежность гибели могла устраниться только въ томъ случаѣ, если-бы онъ прервалъ всякія сношенія съ средой, въ которой онъ вращался... 15 іюля 1841 г. Лермонтовъ вышелъ на дуэль съ майоромъ Мартыновымъ, котораго онъ постоянно преслѣдовалъ своими насмѣшками и который, наконецъ, вызвалъ его. „У Лермонтова, говоритъ Боденштедтъ,—была твердость заклеить дуэль, какъ отвратительнѣйшее порожденіе человѣческой глупости, но не достало твердости отказаться отъ этой глупости. Онъ ея не искалъ, но и не уклонился отъ нея, отъ этой „отваги дерзости слѣпой“ (Зап. Хвост., 226)“. Подобно тому, какъ на первой своей

дуэли съ Барантомъ Лермонтовъ выстрѣлилъ въ сторону, на воздухъ, такъ и на дуэли съ Мартыновымъ онъ, „взвѣда курокъ, поднялъ пистолетъ дуломъ вверхъ“, и въ такомъ положеніи Мартыновъ убилъ его („Рус. Арх.“, 1872, 211). Комендантъ распорядился отвезти тѣло поэта на гауптвахту; вскорѣ-же, впрочемъ, этотъ посмертный арестъ былъ отмѣненъ. За то Лермонтова долго не соглашались хоронить, вслѣдствіе наущеній многочисленныхъ враговъ его, мстившихъ мертвому за его уже окоченъый теперь языкъ. Городъ раздѣлился на двѣ партіи: одна защищала Мартынова, другая, болѣе многочисленная, оправдывала Лермонтова и была такъ раздражена, что не будь Мартыновъ подъ арестомъ, ему-бы не избѣжать опасности (Соч., т. I, стр. LXII—LXIII). Въ высшихъ сферахъ, въ которыхъ Лермонтовъ считался человѣкомъ сомнительной репутаціи, дурнымъ по фронту офицеромъ, смерть его не взволновала никого, а одна особа выразилась: „туда ему и дорога!“ Все петербургское великосвѣтское общество отнеслось точно такъ-же, какъ и эта особа, къ преждевременной смерти поэта („Рус. Арх.“, 1872, 209). Объ его гибели даже не говорилось въ печати, и извѣстіе о смерти было сообщено газетами въ такой формѣ: „15 іюля около 5 часовъ вечера разразилась (надъ Пятигорскомъ) ужасная буря съ молніей и громомъ; въ это самое время между горами Машукомъ и Бештау скончался лечившійся въ Пятигорскѣ М. Ю. Лермонтовъ“.

Убитый 26 лѣтъ отъ роду, Лермонтовъ палъ жертвою тѣхъ-же условій, какія погубили и Пушкина. Оба они по своимъ дарованіямъ стояли гораздо выше окружавшаго ихъ общества, но по своему умственному развитію, по наклонностямъ и привычкамъ, по образу жизни они вполне были дѣтьми своей среды, которая затерла и стубила ихъ. При этомъ Пушкинъ, съ своимъ мягкимъ характеромъ и слабою волею, хотя до конца своей жизни не переставалъ обнаруживать по временамъ сильное стремленіе выбиться изъ подавлявшей его сферы, но это стремленіе ослабѣвало все болѣе и болѣе, и, въ концѣ концовъ, Пушкинъ, вѣроятно, вполне примирился-бы съ жизнью, какъ примирились съ нею многіе друзья его, напр., кн. Вяземскій. Лермонтовъ-же по своему характеру былъ неспособенъ къ квіэтизму; онъ не могъ, подобно Пушкину, мириться и жить долго, наслаждаясь своею чисто-художническою дѣятельностью и наличными благами русской общественной жизни.

Смерть или *примиреніе*—вотъ что предлагала подобнымъ ему людямъ тогдашняя русская жизнь, — смерть, если не отъ пули бреттера, то отъ чахотки, какъ у Бѣлинскаго, отъ пьянства, какъ у Полежаева, отъ гражданской скорби, какъ у Грановскаго. Лермонтовъ вполне сознавалъ это. Печоринъ, говоря, что, вѣроятно, ему предстояло высокое назначеніе, продолжаетъ: „Мало-ли людей, начиная жить, думаютъ кончить ее, какъ Александръ Великій или лордъ Байронъ, а между тѣмъ цѣлый вѣкъ остаются титулярными совѣтниками... Геній, прикованный къ чиновническому столу, долженъ умереть или сойти съ ума, точно также, какъ человѣкъ съ могучимъ тѣлосложеніемъ, при сидячей жизни и скромномъ поведеніи, умираетъ отъ апоплексическаго удара“. Лермонтовъ былъ не въ состояніи приковаться не только „къ чиновническому столу“, но и ни къ чему другому въ той жизни, которую онъ презиралъ. Вся его жизнь, всѣ его сочиненія были протестомъ противъ этой жизни. Несмотря на невыработанность міросозерцанія, невыясненность идеи, несмотря на то, что въ этомъ протестѣ было еще много бессознательнаго и инстинктивнаго, — онъ все-таки имѣлъ въ свое время большое вліяніе. „Онѣгины и Печорины, — говорилъ въ 1859 г. одинъ современникъ Лермонтова, — выражали дѣйствительную скорбь и разорванность тогдашней русской жизни. Печальный типъ *мишяго*, потеряннаго человѣка, — только потому, что онъ развился въ *человѣка*, — явился тогда не только въ поэмахъ и романахъ, но на улицахъ и въ гостиныхъ, въ деревняхъ и городахъ... Но время Печоринныхъ прошло: кто теперь не найдетъ дѣла, тому пенять не на кого“. Въ то-же время никакая практическая дѣятельность въ извѣстномъ направленіи была немислима. Люди, подобные Лермонтову могли, правда, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ своего развитія указать на эту дѣятельность обществу, пробудить его, но они не были приготовлены къ такой роли, и самые способные изъ нихъ, какъ тотъ-же Лермонтовъ, погибли, не умѣвъ даже приготовиться къ ней, не успѣвъ перейти изъ области теоретическаго скептицизма и инстинктивнаго протеста на почву реальныхъ потребностей и задачъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что и то немногое, что сдѣлалъ Лермонтовъ для общества въ продолженіи своей четырехлѣтней литературной дѣятельности, имѣло большое значеніе для общественнаго развитія и для перехода литера-

туры на реальную почву. А если-бы русское общество могло сохранять и развивать тѣхъ „собственныхъ Ньютоновъ и гордыхъ разумовъ Платоновъ“, которыхъ оно способно рождать. если-бы Лермонтовъ прожилъ дольше, то—каковы-бы ни были обстоятельства и вѣроятныя несчастія его жизни—Россія давно уже имѣла-бы первостепеннаго общественнаго поэта и такія первоклассныя произведенія, въ блескѣ которыхъ совершенно потонулъ-бы талантъ г. Некрасова. Некрасовъ можетъ служить лишь слабымъ намекомъ на то, чѣмъ-бы могъ быть Лермонтовъ.

С. Шашковъ.

(Продолженіе будетъ.)

ПЬЯНСТВО И ВРАЧИ ЕГО.

О вліяніи пьянства на общественное здоровье, нравственность, дѣятельныя силы и о мѣрахъ къ ограниченію его. Доктора медицины М. Лещинскаго. С.-Петербургъ 1873.

Лежащая передъ нами брошюрка, судя по ея оглавленію, представляетъ не только полную картину всѣхъ физическихъ, нравственныхъ и экономическихъ послѣдствій пьянства, анализъ фізіологическаго дѣйствія спиртныхъ напитковъ на организмъ, но и исторію попытокъ государственнаго и общественнаго противодѣйствія этому пороку, и въ заключеніи она предлагаетъ новую мѣру для уничтоженія пьянства въ Россіи,—мѣру, которая, по словамъ автора, вытекаетъ изъ „разсмотрѣнія причинъ пьянства (,) вѣшнихъ и внутреннихъ“. Мы не остановились-бы особенно на этой брошюркѣ и удовольствовались-бы краткимъ отчетомъ, если-бы она была одною изъ тѣхъ сотенъ и тысячъ публикацій, высказывающихъ взгляды ихъ авторовъ на разные общественные пороки и бѣдствія и предлагающихъ радикальнѣйшія мѣры къ уничтоженію ихъ и никогда и ничего неуничтожающихъ. Но брошюра доктора Лещинскаго не есть только заявленіе личныхъ взглядовъ автора: она выходитъ въ свѣтъ, такъ-сказать, подъ покровительствомъ вольнаго экономического общества, и мѣра, предлагаемая авторомъ, одобрена III отдѣленіемъ того-же общества, что даетъ ей уже извѣстное значеніе, какъ-бы офіціального манифеста авторитетнаго общества или такого, которое могло или должно было-бы быть авторитетнымъ, если-бы оно было не тѣмъ вольнымъ экономическимъ обществомъ, которое мы знаемъ.

Вопросъ объ усиленіи пьянства въ Россіи сдѣлался въ послѣдніе годы одною изъ обыкновеннѣйшихъ и любимѣйшихъ

темъ журналистики и былъ даже эксплуатируемъ извѣстною партией нашего общества, какъ орудіе противъ новыхъ условій народной жизни, какъ печальныйъ результатъ измѣненій, совершившихся въ этихъ условіяхъ... Сталь-ли народъ не *пить*, а именно *пьянствовать* больше прежняго? Точнаго доказательства на это нѣтъ, но общее впечатлѣніе, повидимому, подтверждаетъ это. Но общее впечатлѣніе можетъ быть обманчиво, и во всякомъ случаѣ, допускаемая это усиленіе пьянства, мы еще ничего не знаемъ о его причинахъ. Извѣстная партія утверждаетъ, что всему причиною уничтоженіе крѣпостного состоянія, снявшее съ народа узду,—но отчего во Франціи уничтоженіе крѣпостного состоянія произвело, какъ извѣстно, обратное явленіе, именно почти полное прекращеніе пьянства, которое стало усиливаться приблизительно съ 1800 года, и съ того времени шло постоянно возрастая, за исключеніемъ небольшого перерыва первыхъ четырехъ мѣсяцевъ февральской республики? Отчего во Франціи народъ, *разнузданный* въ 90—95 годахъ, почти вовсе не употреблялъ спиртныхъ напитковъ, и сталъ больше пить именно съ того времени, какъ Наполеонъ I снова надѣлъ на него узду? Отчего пьянство, снова умѣрившееся въ 1811—1814 годахъ, въ періодъ „последнихъ битвъ, отчаянныхъ усилій“ усилилось вдругъ, разомъ, и усилилось съ такою страшною силою въ первне-же годы реставраціи, на которую, конечно, нельзя жаловаться, чтобы она не затянула крѣпко-на-крѣпко узду?

Разбираемая нами брошюра имѣетъ, какъ мы сказали, притязаніе разсмотрѣть вопросъ народного пьянства чрезвычайно разносторонне; она раздѣлена на двѣ части, изъ которыхъ первая доказываетъ вредъ пьянства въ фізіологическомъ, экономическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, а вторая излагаетъ исторію государственнаго и общественнаго противодѣйствія алкоголизму. Первая часть заключаетъ девять параграфовъ, именно: „какъ дорого обходится нашему народу страсть къ спиртнымъ напиткамъ; усиленіе пьянства въ последнее десятилѣтіе; фізіологическое значеніе спиртныхъ напитковъ для животнаго организма; потребность возбуждающихъ напитковъ для человѣка; вліяніе пьянства на случаи (авторъ, конечно, хотѣлъ сказать: на число случаевъ) скоропостижной смерти; вліяніе пьянства на здоровье и долго-

вѣчность человека; вліяніе пьянства на *случаи* (sic) сумасшествія и самоубійства; вліяніе пьянства на дѣятельныя силы въ государствѣ; вліяніе пьянства на семейную жизнь“.

Авторъ начинаетъ заявленіемъ, что хотя человѣчество „несомнѣнно идетъ по пути цивилизаціи вообще и съ теченіемъ времени отрѣшается отъ грубыхъ обычаевъ и привычекъ, заповѣданныхъ ему старымъ невѣжественнымъ прошлымъ“, — тѣмъ не менѣе, однако, онъ рѣшительно не хочетъ бросить пьянства, и алкоголизмъ, напротивъ, прогрессируетъ не хуже цивилизаціи, а въ Россіи, „несмотря ни на что, даже на дарованное право самостоятельно устраивать свой экономическій бытъ, нашъ народъ хуже прежняго предался употребленію спиртныхъ напитковъ“. Нѣкоторые найдутъ, можетъ быть, что мысль автора не совсѣмъ ясна; въ чему тутъ приплетено „дарованное право устраивать самостоятельно свой экономическій бытъ“? Надо полагать для современности и либерализма, какъ въ былыя времена дѣло не обходилось безъ „благотѣльной масности“. И почему авторъ думалъ, что это „дарованное право“ должно было сдѣлаться талисманомъ, ограждающимъ отъ всякихъ пороковъ, дѣло рѣшительно непонятное, — тѣмъ болѣе непонятное, что дворянство, напр., имѣвшее это право и прежде, никогда не отличалось, сколько извѣстно, неумѣренною воздержностью и трезвостью, въ чемъ сознается ниже и самъ авторъ. Когда „Zeitschrift für Psychiatrie“ помѣстила отчетъ петербургскаго штейновскаго заведенія для умалишенныхъ, — заведенія, въ которое помѣщаются лица, принадлежащія къ привилегированнымъ сословіямъ, то число алкоголистовъ между ними привело въ ужасъ нѣмецкихъ психіатровъ, которые не хотѣли вѣрить приведеннымъ въ этомъ отчетѣ цифрамъ. Народъ много пьетъ — это очень печально, — но только въ нашей литературѣ слову *народъ* придали въ этомъ случаѣ очень тѣсное значеніе, какъ-будто пьютъ исключительно рабочіе классы, хотя и статистическіе отчеты, и простая очевидность несомнѣннѣйшимъ образомъ убѣждаютъ насъ, что дѣло идетъ вовсе не о *рабочихъ классахъ*, а о народѣ въ смыслѣ націи вообще, и что привилегированные классы въ этомъ отношеніи не только не уступаютъ непривилегированнымъ, но еще далеко опережаютъ ихъ. Это общее, повальное пьянство, конечно, составляетъ

очень грустное явленіе, но мы нѣсколько не уменьшимъ его печальнаго значенія, если будемъ фари́сейски сожалѣть объ одномъ сословіи, которое будто-бы зашло, умалчивая объ остальныхъ; такъ-же можно со стороны подумать, что эти остальные всѣ гуртомъ поступили въ общество трезвости и не только сами въ ротъ хмѣльнаго не берутъ, но еще болѣютъ душою о „*меньшемъ братѣ*“, предавшемся такому пагубному пороку. Всѣ эти фари́сейскія сожалѣнія, всѣ эти разсужденія о народномъ пьянствѣ, о необходимости принять мѣры для его ограниченія,—все это отзывается нѣкоторою ложью; пьютъ одинаково всѣ сословія—вышія еще болѣе низшихъ, пьютъ дворяне, пьютъ чиновники (и какъ еще пьютъ!), пьютъ купцы, и пьютъ ничуть не меньше крестьянъ, и трудно себѣ объяснить, чѣмъ пьянство въ клубахъ лучше пьянства въ кабакахъ. Провинціальныя корреспонденціи со всѣхъ концовъ Россіи только и разсказываютъ о пьянствѣ,—о томъ, какая была выпивка при открытіи желѣзной дороги и при закрытіи земскаго собранія, какія кровопролитныя битвы задаются въ залахъ клубовъ,—а мы лицемѣрно толкуемъ о томъ, какъ-бы распространеніемъ грамотности, устройствомъ чайныхъ заведеній и тому подобными средствами отучить отъ пьянства безграмотный народъ. Земское собраніе, постановившее, съ цѣлю уничтоженія сифилиса, обязать подпискою священниковъ вѣнчать не иначе, какъ чтобы *женить и невѣста были подвергнуты предварительно медицинскому осмотру при мѣстной полиціи*, т. е. обрекавшее своихъ сестеръ и дочерей на самую гнусную и оскорбительную изъ всѣхъ полицейскихъ мѣръ, которой не охотно подвергаются публичныя женщины,—было, конечно, на-веселѣ, чѣмъ только и можно объяснить подобное постановление. Если только пьянство приняло втеченіи послѣдняго десятилѣтія, дѣйствительно, такіе ужающе-широкіе размѣры, какъ это утверждаютъ, то нечего сваливать всю отвѣтственность на народъ; пьютъ всѣ, въ чемъ, какъ мы замѣтили, сознается и авторъ разбираемой нами брошюры. „*Пьетъ народъ, говоритъ онъ,—но, что еще грустнѣе, пьютъ въ такой-же степени и люди изъ привилегированныхъ сословій*“. Дѣйствительно-ли это обстоятельство *еще грустнѣе*? Отвѣтъ на это зависить, какъ намъ кажется, болѣе отъ личнаго вкуса, и въ этомъ отношеніи авторъ, столь осторожный, что въ предисловіи заявилъ, какъ свой собственный, личный взглядъ,

вредъ пьянства и безсиліе противъ него полицейскихъ мѣръ („Пьянство, по моему мнѣнію, такъ начинается д-ръ Лецинскій Предисловіе къ своей брошюрѣ, — составляетъ такое зло, которое не въ состояніи сдержать никакіе регламенты, никакія административныя мѣры) *), нѣсколько поторопился съ своимъ нарѣчіемъ. Конечно, кто-бы ни пьянствовалъ, фактъ пьянства самъ по себѣ уже всегда явленіе довольно печальное, — но если ужъ разсматривать вопросъ, какъ дѣлаетъ именно при этомъ авторъ, съ экономической точки зрѣнія и въ особенности съ точки зрѣнія „дѣятельныхъ силъ“ страны, то едва-ли можно согласиться съ такимъ разсужденіемъ, что, какъ-бы ни печально было, что „пьянствуютъ и спиваются съ кругу производители, но еще будто-бы грустнѣе, когда спиваются безплодные потребители“, и мы, съ своей стороны, удивились-бы весьма умѣренно, если-бы услышали кого-нибудь защищающимъ обратное мнѣніе.

Разбирая экономическое зло, причиняемое пьянствомъ, авторъ, въ доказательство того, „какъ дорого обходится нашему народу страсть къ спиртнымъ напиткамъ“, приводитъ два примѣра. Первый состоитъ въ томъ, что въ селѣ Бояркинѣ крестьяне пили двѣ недѣли, пока стояла хорошая погода, а потомъ настало ненастье, и они остались безъ сѣна. Насколько этотъ примѣръ убѣдительно, — предоставляемъ судить читателю; несомнѣнно, что, — если только дѣло было дѣйствительно такъ, какъ его разсказываютъ, — крестьяне много потеряли отъ своего кутежа; но неужели этотъ случай можетъ служить образчикомъ того, „какъ дорого обходится нашему народу страсть къ спиртнымъ напиткамъ“? Предполагать это было-бы болѣе, чѣмъ наивно. А если-бы крестьяне провели эти двѣ недѣли не въ кабакѣ, а въ чайномъ заведеніи, которымъ хотятъ замѣнить кабакъ, — въ какомъ положеніи было-бы ихъ сѣно? И развѣ такіе случаи бывають только съ крестьянами и изъ-за водки? Вѣроятно, самому автору не разъ случилось сожалѣть о времени, потерянномъ въ веселой компаніи и за пріятной бесѣдой, вслѣдствіе чего онъ сдѣлалъ упущеніе въ сво-

*) Надо полагать, что это *larynx colami* и что авторъ хотѣлъ сказать, что пьянство есть зло, которое не можетъ быть сдержано никакими административными мѣрами.

ихъ дѣлахъ. Подобнаго раскаянія въ бесполезной тратѣ времени и дѣловыхъ потерь, происшедшихъ отъ такой траты, не испытываютъ только люди, вообще никогда ничего не дѣлающіе, у которыхъ все время проходитъ безъ дѣла и безъ пользы. Конечно, г. Аксаковъ, рассказывающій этотъ случай и имѣющій, вѣроятно, ровно двадцать-четыре часа бесполезныхъ въ сутки, — и такъ втеченіи 365 дней въ году, исключая высокосныхъ, когда онъ имѣетъ одинъ свободный день лишній, — строго осуждаетъ лѣнившихся мужиковъ, — ну, а доктору Лещинскому неужели никогда не случилось просидѣть день, вмѣсто препаровочной, у знакомыхъ, вечеръ не за патологіей, а за бесѣдой съ пріятелями? То-то и есть, что, несмотря на всю фарисейскую любовь и заботливость, мы, ой-ой, какъ строги къ „меньшому брату“, и чуть онъ погулядъ, мы, точно щедринскіе генералы на необитаемомъ острову, тотчасъ кричимъ, что онъ лѣвится и явнымъ образомъ отъ работы уклоняется, а сами всегда готовы принять участіе въ желѣзно-дорожныхъ банкетахъ, клубныхъ семейныхъ вечерахъ, дружескихъ попойкахъ земскихъ дѣятелей и губернскихъ folles jougnées. Отчего это различіе въ сужденіи, зачѣмъ двѣ мѣры и два вѣса? До нѣкоторой степени это объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что человѣкъ невольно, безъ собственнаго вѣдома, незаметно для самого себя, требуетъ отъ людей логики, судить ихъ съ точки зрѣнія занимаемаго ими положенія, однимъ словомъ, съ точки зрѣнія ихъ специальности; тѣ-же самые субъекты, которые строго требуютъ цѣломудрія отъ католическаго священника, съ насмѣшкой будутъ говорить о цѣломудріи гусарскаго поручика, если только отыщется на бѣломъ свѣтѣ цѣломудренный поручикъ; трусость считается позоромъ, безчестіемъ для военнаго, и, напротивъ, однимъ изъ „милыхъ, привлекательныхъ достоинствъ женщины“, какъ выраженіе ея „женственности“.

Мы приведемъ и второй примѣръ того, „какъ дорого обходится нашему народу страсть къ спиртнымъ напиткамъ“; это — такой перлъ наивности, что приходится только жалѣть, что Богъ не далъ намъ поэтическаго таланта Розенгейма. Будь у насъ такой талантъ, мы непременно переложили-бы этотъ примѣръ съ сопровождающими его разсужденіями въ стихи, — можетъ быть, написали-бы романсъ, который распѣвался-бы на консервативно-либеральныхъ вечерахъ

и разучивался-бы наизусть всѣми либерально-консервативными журналистами.

„Тиганьчская волость, коневского уѣзда, кievской губерніи, рассказываетъ авторъ разбираемой нами брошюры, — имѣвшая въ 1864 году 2,478 крестьянъ мужескаго пола, получила за полевныя и фабричныя работы 54,739 р. 9 к. Посмотримъ ея расходы“. Нѣтъ, прежде, чѣмъ говорить о расходахъ, остановимся на минуту на доходахъ. Волость эта имѣла 2,478 душъ мужескаго пола, слѣдовательно всего, круглымъ числомъ, пять тысячъ душъ; эти пять тысячъ душъ получили за всѣ работы, какъ полевныя, такъ и фабричныя, исполненныя въ волости, всего 54,739 р. 9 к., что составляетъ 10 р. 25 к. на душу въ годъ, за годовою полевой и заводскій трудъ. Такимъ образомъ, семейство, состоящее, по обыкновенному статистическому предположенію, изъ мужа, жены и троихъ дѣтей, имѣетъ своимъ годовымъ бюджетомъ 51 р. 25 к., что на французскія деньги составляетъ 180 франк. Когда во Франціи, составлены были комиссіи для практическаго изслѣдованія экономическихъ вопросовъ, и одна такая комиссія представила, что бюджетъ рабочаго семейства составляетъ 600 франк. въ годъ, то это заявленіе вызвало изумленіе и ужасъ и было одною изъ главныхъ причинъ, почему вторая имперія приняла цѣлый рядъ экономическихъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью возвысить рабочую плату, что, нельзя отрицать, и было достигнуто, конечно, въ ущербъ другимъ сторонамъ въ государственной и народной жизни. У насъ-же крестьянское семейство получаетъ въ *три съ третью* раза меньше той цифры, которая произвела такое сильное впечатлѣніе во Франціи (въ сущности, болѣе чѣмъ втрое, потому что при расчетѣ мы предположили, что всѣ жители мужчины, женщины и дѣти зарабатываютъ одинаково, — предположеніе, очевидно, невѣрное, но которое мы сдѣлали для краткости) *).

Строгіе моралисты упрекаютъ крестьянина, что онъ такъ бѣдствуетъ, должно быть, потому, что отъ лѣности не читаетъ Миля

*) Разница еще значительнѣе потому, что въ волости, какъ видно, крестьяне исполняютъ и земледѣльческую, и фабричную работу, а при этихъ условіяхъ надо прибавить, по Морису Блоку (*Statistique de la France*, II, 34) 190 франк. Такимъ образомъ, цифровое отношеніе представляется таковымъ: въ волости, о которой идетъ рѣчь, крестьянское семейство, по невѣрному по своей выгодности огульному расчету, получаетъ въ годъ 180 франк., во Франціи-же—800 фр.

и Молилари, этихъ столповъ экономической мудрости, „*дурно и неправильно распределяетъ зарабатываемый капиталъ*“ (а капиталъ этотъ, какъ мы видѣли, всего-то 50 р. въ годъ на цѣлое семейство). Приведемъ-же это распределеіе, которое нашъ авторъ находитъ столь неправильнымъ, что приводитъ, какъ при- мѣръ пагубнаго экономическаго вліянія пьянства.

„Тиганьская волость, говоритъ авторъ разбираемой нами бро- шюры, — платила тогда (въ 1864 г.) ежегодно:

Подушной подати	3,269 р.	64 коп.
Государств. земск. повинност.	2,873 „	3 „
Сбора на обществ. продовольств.	74 „	31 „
На губернс. повинности	142 „	42 ³ / ₄ „
На губернс. земск. повин.	39 „	99 „
На учрежденія по крестьян. дѣл.	219 „	94 ¹ / ₂ „
Выкупныхъ	10,417 „	56 „
Общихъ волостныхъ	820 „	— „
Частныхъ сельскихъ	544 „	— „
На школы и учителей.	250 „	— „
Водки выпито, по весьма тща- тельному исчисленію, 10,075 вед. средней крѣпостью въ 43 ¹ / ₂ ⁰ (при 5 к. акциза на градусъ) на	31,366 „	75 „

Авторъ совершенно правъ, находя новое распределеіе зарабо- тнаго капитала неправильнымъ, и мы, конечно, можемъ только со- гласиться съ нимъ. Дѣйствительно, въ этомъ волостномъ бюджетѣ мы видимъ нѣсколько крайне любопытныхъ особенностей. Сумма всѣхъ приведенныхъ здѣсь чиселъ составляетъ 50,017 р. 65¹/₄ к., *вся-же* волость и за *ося* работы получила въ суммѣ 54,739 р. 9 к.; такимъ образомъ, оказывается, что населеніе въ пять тысячъ душъ втеченіи года на всѣ свои потребности издержало *четыре тысячи семьсотъ двадцать одинъ рубль сорокъ четыре ко- пейки*, что составляетъ на человѣка *девяносто четыре и четыре десятыхъ копейки въ годъ*. Какъ ни мало потребностей у русскаго крестьянина, какъ ни мало онъ избалованъ и прихотливъ, однако трудно себя представить, чтобы онъ могъ обойтись *девяносто четырьмя* копейками въ годъ, — это ужъ что-то очень мало. Нѣтъ-ли въ бюджетѣ какой-нибудь ошибки? Нашъ прежде всего, ко- нечно, поражаетъ крупная цифра 31,366 р., на которую было

выпито волостью водки, „по весьма тщательному исчисленію“, предупреждаетъ авторъ. Мы принимаемъ цифры на вѣру, но намъ вѣтъ причины принимать также на вѣру и то объясненіе, которое даютъ имъ. Изъ бюджета волости мы видимъ, что она заплатила выкупныхъ около десяти съ половиною тысячъ рублей; такимъ образомъ, въ волости существуютъ, кромѣ крестьянъ, и помѣщики; затѣмъ мы видимъ далѣе, что волость получала заработную плату не только за земледѣльческій, но и за фабричный трудъ, что имплицитно существованіе въ волости фабрикъ или заводовъ съ ихъ персоналомъ приказчиковъ, управляющихъ, надсмотрщиковъ, писарей и т. д. Авторъ говоритъ, что водки было выпито, по весьма тщательному вычисленію, 10,075 ведеръ,—да, но это вычисленіе относится именно только къ количеству водки, а никакъ не къ общественному положенію выпившихъ ее лицъ; если водки въ волости было выпито 10 т. ведеръ, то отсюда еще никакъ не слѣдуетъ, чтобы ее выпили крестьяне. Самъ авторъ сознается, что „лица изъ привилегированныхъ сословій подвержены этому пороку въ такой-же степени, какъ и простой народъ“, а далѣе мы увидимъ, что они подвержены ему даже въ значительно сильнѣйшей степени, почему-же непремѣнно предполагать, что всѣ 10 т. ведеръ водки выпили крестьяне? А сколько выпилъ фабричный персоналъ, принадлежащій, какъ извѣстно, довольно рѣдко къ обществу трезвости? Что за оригинальная статистика! Идя далѣе этимъ путемъ, можно было-бы высчитать, тоже „весьма тщательно“, сколько было съѣдено мяса въ волости и на какую именно сумму, и затѣмъ горько упрекать крестьянъ, что они свой скудный заработокъ проѣдаютъ на масѣ, которое они въ дѣйствительности рѣдко видятъ. Это уже что-то похоже на злую иронию.

Мы видѣли, что волость получила за земледѣльческій и фабричный трудъ всего 54,740 рублей, но изъ этой суммы ей пришлось заплатить:

На государственныя нужды.	6,142 р. 67 коп.
На губернсвія „	256 „ 72 ³ / ₄ „
На мѣстныя „	1,364 „ — „
На народное образованіе	250 „ — „
Выкупныхъ	10,417 „ 56 „
На учрежденія по крестьян. дѣламъ	219 „ 94 ¹ / ₂ „

Такимъ образомъ, крестьянину приходится изъ своего дохода за-

платить слишкомъ 11⁰/₀ податей на государственныя потребности, болѣе 3¹/₃⁰/₀ на губернскія и мѣстныя нужды и слишкомъ 19⁰/₀ своимъ бывшимъ помѣщикамъ, такъ-что крестьянинъ всего платитъ болѣе *трети* (именно 33,6⁰/₀) всего своего заработка. Мы въ этомъ расчетѣ не приняли во вниманіе расходовъ волости на школы и учителей, такъ-какъ расходы эти слишкомъ ничтожны и составляютъ всего 250 р.,—правда, за то народъ, по французскому выраженію, у en a roug son argent. И представивъ приведенный выше волостной бюджетъ, авторъ имѣетъ наивность упрекать крестьянина, съ котораго только-что взяли треть его заработка, *въ неправильномъ распредѣленіи заработнаго капитала!*..

Въ заключеніе авторъ приводитъ еще одинъ, послѣдній уже аргументъ въ доказательство губительнаго вліянія пьянства на экономическій бытъ, а именно онъ говоритъ, такъ: „ежегодныя возвышенія цѣнъ на жизненныя продукты тоже частью зависятъ отъ усиленія пьянства, такъ-какъ извѣстно, что въ шестидесятыхъ годахъ, въ періодъ попытокъ распространить воздержаніе отъ спиртныхъ напитковъ, *сразу* (?) понизились цѣны на всѣ произведенія сельскаго хозяйства“. И зачѣмъ г. Лещинскій, докторъ медицины, слѣдовательно специалистъ, выходитъ изъ своей специальности и берется говорить о вещахъ, о которыхъ, очевидно, не имѣетъ ни малѣйшаго, даже отдаленнаго понятія, тѣмъ болѣе, что и перомъ онъ владѣетъ ужь изъ рукъ вонъ плохо? Какъ это совмѣстить, что цѣны понизились *сразу* и вмѣстѣ съ тѣмъ *въ періодъ нѣсколькихъ лѣтъ*? Говорить о пониженіи цѣнъ разомъ можно только тогда, когда пониженіе состоялось въ какіе-нибудь одинъ, два, много три мѣсяца, а тутъ дѣло идетъ о нѣсколькихъ годахъ. Но далѣе, не говоря уже о наивности предположенія, что общества трезвости могутъ имѣть такое огромное экономическое вліяніе, — наивности, до того колоссальной, что мы изъ вѣжливости не будемъ настаивать на ней, — какъ-же опять совмѣстить такіе странные факты: авторъ говоритъ, что *попытки распространить* воздержаніе отъ водки сразу понизили цѣны на земледѣльческія произведенія. а ниже самъ сознается, что эти попытки были совершенно безплодны и не имѣли никакого результата? И люди, пишущіе и печатающіе такія колоссальныя экономическія несообразности, имѣютъ смѣлость учить народъ и толковать о *необходимости распространенія въ народныхъ массахъ здравыхъ экономическихъ поня-*

тѣи, а сами способны думать, что ужь достаточно *попытокъ* распространять воздержаніе отъ водки, чтобы понизить цѣны на жизненные припасы! Если это справедливо, то, очевидно, надо употребить всѣ усилія, чтобы уничтожить въ Россіи пьянство; если одні *попытки* уже сразу понижаютъ цѣны, то надо думать, когда въ Россіи никто водки пить не будетъ, то хлѣбъ, овощи, молоко и т. д. не только будутъ даваться гражданамъ даромъ, но, можетъ быть, имъ будутъ еще приплачивать, только-бы брали. Ну, въ виду такихъ надеждъ можно было-бы даже просить правительство о совершенномъ уничтоженіи винокурени въ Россіи, — и тогда настанетъ вѣкъ счастливѣйшей Аркадіи. Только при этомъ меня одно ставитъ въ недоумѣніе: Россія страна исключительно земледѣльческая, фабричная промышленность въ ней совершенно ничтожна; крестьяне, составляющіе вообще значительное большинство въ государствѣ и огромное большинство производительнаго сословія, не только не покупаютъ хлѣба и прочихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и ѣдятъ свои собственные, но еще продаютъ хлѣбъ и другія земледѣльческія произведенія, чтѣ составляетъ, какъ извѣстно, главный, можно сказать, исключительный, ихъ доходъ. Если произведенія эти упадутъ въ цѣнѣ, то горожане фабричные, и въ особенности непродуцительныя сословія несомнѣнно много выиграютъ, — но что выиграютъ крестьяне? Намъ возражать, что они, въ концѣ концовъ, получаютъ столько-же, даже больше, продавая по дешевой цѣнѣ большее количество хлѣба, — но г. Лещинскій вовсе не обѣщаетъ большаго производства, лучшаго урожая, да и фактически извѣстно, что въ шестидесятыхъ годахъ количество производимаго Россіей хлѣба не только не увеличилось, но положительно уменьшилось. Чѣмъ-же думаютъ прельстить крестьянина и удержать его отъ пьянства. Тѣмъ, что если онъ воздержится отъ этого гибельнаго порока, то будетъ зарабатывать значительно менѣе, не прибавляя однако къ этому, что онъ и платить будетъ меньше. Что, если-бы самому автору, г. доктору медицины Лещинскому, предложили отказаться отъ рюмки водки передъ обѣдомъ, обѣщая за это воздержаніе, что больные его будутъ платить ему вдвое меньше противъ прежняго, — мы сомнѣваемся, чтобы это предложеніе ему особенно улыбнулось.

И что за идея связать какъ причину и слѣдствіе два такіе факта, — какъ *попытки* распространить воздержаніе отъ водки и

пониженіе цѣнности земледѣльческихъ продуктовъ, и, это только на основаніи ихъ одновременности! Такое полнѣйшее незнаніе самыхъ простыхъ и основныхъ фактовъ и положеній экономической науки удивительно, конечно, у каждаго, но авторъ разбираемой нами брошюры имѣетъ хоть извиненіе, что онъ специалистъ по совершенно другой отрасли знанія, но вольное-то экономическое общество, раздѣляющее и одобряющее такіа воззрѣнія, оно-то что можетъ привести въ свое оправданіе? И что за логика — потому, что два явленія были одновременны, то одно непрежѣнно должно быть слѣдствіемъ другого! Какъ-же это авторъ такъ забылъ одно изъ первыхъ правилъ научной логики: „*postea (a tѣмъ болѣе одновременно) не значитъ слѣдовательно*“. Въ шестидесятыхъ годахъ понизились цѣны на земледѣльческіе продукты и въ то-же время были сдѣланы попытки распространить воздержанность отъ водки, — да, но кромѣ этихъ попытокъ мало-ли еще другихъ явленій, событій и фактовъ произошло въ этотъ періодъ? Г. Громека поступилъ снова на службу, г. Ханъ сталъ издавать „Всемирный Трудъ“, г. Коршъ получилъ безъ торговъ казенное изданіе, — почему-же не смотрѣть на эти факты, какъ на причину пониженія цѣнъ на сельско-хозяйственныя произведенія или даже какъ на причину этихъ попытокъ къ ограниченію пьянства? На эту тему можно прибрать множество весьма интересныхъ варіанцій, изъ которыхъ нѣкоторыя навѣрно поразятъ своей смѣлостью и оригинальностью; мы даже рекомендуемъ это, какъ новую *petit jeu de société*. Такъ, напр., въ самый моментъ подписыванія седанской капитуляціи у вунца 1-ой гильдіи Тихона Дуйгороева родилась дочь, названная во святомъ крещеніи Агафьей, — которое изъ этихъ событій было причиною, которое слѣдствіемъ? Наполеонъ-ли сдался потому, что съ рожденіемъ Агафьи Тихоновны Дуйгороевой дальнѣйшая борьба французской арміи съ нѣмецкими силами сдѣлалась невозможною, или-же, наоборотъ, рожденіе Агафьи Тихоновны Дуйгороевой произошло именно отъ того, что Наполеонъ завелъ армію въ Седанъ и принужденъ былъ сдаться?

Выбравшись, наконецъ, на 11-й страницѣ изъ экономическихъ соображеній, очевидно, совершенно ему чуждыхъ, и въ которыя ему лучше-бы совсѣмъ не вдаваться, авторъ переходитъ, наконецъ, къ медицинской части своей брошюры и начинаетъ тѣмъ, что даетъ число алкоголиковъ, поступившихъ втеченіи послѣднихъ 12

лѣтъ въ петербургскіе госпитали. Въ оглавленіи, составляющемъ родъ программы, авторъ утверждаетъ, что пьянство особенно усилилось въ послѣднее десятилѣтіе; чтобы доказать это статистическими цифрами, надо было привести цифры за два десятилѣтія, чтобы, такимъ образомъ, дать возможность сравнить десятилѣтіе, втеченіи котораго пьянство, какъ думаютъ, усилилось, съ предшествовавшимъ десятилѣтіемъ. Авторъ не сдѣлалъ этого, а потому его утвержденіе объ усиленіи пьянства втеченіи послѣднихъ десяти лѣтъ такъ и остается недоказаннымъ, такъ что мы не можемъ смотрѣть на него иначе, какъ на совершенно голословное предположеніе, ни на чемъ неоснованное. Изъ цифръ видно, что, дѣйствительно, пьянство усиливается или, вѣрнѣе, что въ таблицахъ отчетовъ значится все большее и большее число алкоголиковъ, и поэтому аналогія позволяетъ намъ заключить, что въ предшествовавшемъ десятилѣтіи дѣйствительно было отмѣчено меньше алкоголиковъ въ госпиталяхъ, чѣмъ въ настоящемъ, точно такъ же, какъ въ послѣднія пять лѣтъ ихъ было больше, чѣмъ въ первой половинѣ текущаго десятилѣтія; но это доказываетъ только, — предполагая, что дѣйствительно доказываетъ, что, какъ мы увидимъ ниже, составляетъ еще нерѣшенный вопросъ, — что пьянство вообще идетъ, усиливаясь, и что въ этомъ отношеніи послѣднее десятилѣтіе не представляетъ ничего исключительнаго и аномальнаго. Цифра поступавшихъ въ госпиталь алкоголиковъ въ послѣднее пятилѣтіе больше, чѣмъ въ предшествующее пятилѣтіе, и мы на этомъ основаніи заключаемъ по аналогіи, что она и въ послѣднее десятилѣтіе больше, чѣмъ въ предшествовавшее, т. е. больше, чѣмъ въ пятидесятихъ годахъ, — но по той-же аналогіи должно заключить, что въ сороковыхъ годахъ цифра эта была еще меньше, а въ тридцатыхъ и того меньше, и что въ восьмидесятихъ она будетъ болѣе, чѣмъ въ настоящее время, и, слѣдовательно, нѣтъ никакого основанія кричать, что народъ вдругъ сталъ пьянствовать вслѣдствіе какихъ-то особенныхъ, специальныхъ причинъ, вслѣдствіе какихъ-то событій или измѣненій, совершившихся именно въ шестидесятихъ годахъ.

Цифры, приведенныя въ разбираемой нами брошюрѣ, были-бы очень интересны, если-бы авторъ былъ нѣсколько болѣе знакомъ съ статистическими приѣмами. Не всякіе цифровые столбцы со-

ставляютъ статистическую таблицу, а часто не составляютъ даже и статистическаго матеріяла; люди, толкующіе о „цифрахъ и только цифрахъ“, доказываютъ этимъ самымъ свое полное невѣжество въ статистикѣ; цифра, сама по себѣ, ничего не значить и вовсе не составляетъ статистической данной,—она становится ею только тогда, когда съ точностью извѣстно, какъ она была составлена, какимъ методомъ, при какихъ условіяхъ,—однимъ словомъ, статистическая таблица должна неизбѣжно сопровождаться комментариемъ, въ которомъ объясняется: какъ и откуда получены находящіяся въ ней цифры. Ничего подобнаго нѣтъ въ разбираемой нами брошюрѣ; авторъ ея, очевидно, совершенно незнакомый съ первыми основаніями статистики, думалъ, что все сдѣлано, какъ скоро приведены цифры, несоставляющія между тѣмъ даже сырого матеріяла и изъ которыхъ ровно ничего вывести нельзя. Статистическій методъ составляетъ драгоценнѣйшее орудіе изслѣдованія, но орудіе чрезвычайно тонкое, въ правильности котораго надо вполне убѣдиться, безъ чего рискуешь придти къ самымъ ложнымъ и невѣрнымъ выводамъ. Поэтому статистическія цифры тогда только пригодны,—но за то онѣ и составляютъ тогда неоцѣненный матерьялъ, — когда мы точно знаемъ, и что именно онѣ выражаютъ, и какъ онѣ собраны. Ничего подобнаго, къ сожалѣнію, мы не знаемъ относительно цифръ, приведенныхъ въ разбираемой нами брошюрѣ; авторъ, приводя ихъ, говоритъ: „вотъ таблица, показывающая число больныхъ въ гражданскихъ больницахъ Петербурга, страдавшихъ (надо полагать, что это причастіе *страдавшихъ* относится къ больнымъ, хотя, по грамматическому смыслу, выходитъ, что больницы страдали бѣлой горячкой) временнымъ помѣшательствомъ, извѣстнымъ публикѣ подъ именемъ бѣлой горячки“. Тутъ все непонятно и все слутано. Во-первыхъ, что значить „число больныхъ, находившихся въ больницахъ?“ Есть-ли это число больныхъ, находившихся въ больницахъ втеченіи года, или въ извѣстный моментъ, и, если такъ, то въ какой именно моментъ? Это послѣднее обстоятельство весьма важно, такъ-какъ иначе процентное количество случаевъ извѣстной болѣзни можетъ повести къ совершенно ложнымъ выводамъ; представимъ себѣ, что мы хотимъ узнать, какъ часты въ Петербургѣ случаи инсоляціи, и для этого справимся, сколько подобныхъ случаевъ было въ данный мо-

ментъ въ больницахъ и сколько въ нихъ было вообще больныхъ. Понятно, что въ этомъ случаѣ было-бы нѣсколько странно выбрать моментъ, особенно часто выбираемый при подобныхъ изслѣдованіяхъ въ статистикѣ, — именно 1 января. Затѣмъ говорится, что приведенныя таблицы показываютъ число больныхъ, страдавшихъ „временнымъ помрачениемъ“, извѣстнымъ публикѣ подъ именемъ бѣлой горячки. Но *delirium tremens* бываетъ или самостоятельную болѣзнь, или только complicationей другихъ острыхъ болѣзней; какъ былъ веденъ счетъ въ больницахъ — неизвѣстно, и, что и того хуже, неизвѣстно даже велся-ли счетъ одинаково въ разныхъ больницахъ или въ одной и той-же больницѣ въ разные годы. Разсматривая самыя таблицы, мы видимъ, что дѣло идетъ о числѣ *поступлений*; это обстоятельство и тѣ цифры общаго числа больныхъ, которыя можно вывести изъ таблицъ, разрѣшаютъ, такъ-сказать, косвеннымъ путемъ затрудненіе относительно того, какъ понимать „число больныхъ въ гражданскихъ больницахъ Петербурга“; очевидно, авторъ думалъ объ общемъ числѣ больныхъ, бывшихъ въ госпиталяхъ втеченіи года, но, по малому знакомству съ статистической терминологіей и статистическими приемами, не счелъ нужнымъ объяснить этого, вѣроятно, и неподозрѣвая, чтобы фраза его могла имѣть еще другой какой-нибудь смыслъ.

При сравненіи цифръ поступленія алкоголиковъ какъ въ разныхъ больницахъ, такъ и въ разные годы въ однихъ и тѣхъ-же больницахъ, насъ поражаетъ прежде всего чрезвычайно большое различіе между этими цифрами, — обстоятельство, которое уже само по себѣ подрываетъ довѣріе къ нимъ. Дѣйствительно, процентъ алкоголиковъ относительно общаго числа больныхъ втеченіи послѣдняго двѣнадцатилѣтія (отъ 1861 до 1872 гг.) былъ: въ маринской больницѣ 0,8 0/0; въ александровской уже 2,4 0/0; въ больницѣ Маріи Магдалины — 2,8 0/0; въ петропавловской уже 3,3 0/0; а въ обуховской онъ достигъ 4,1 0/0, т. е. онъ въ одной больницѣ былъ, при очень крупномъ числѣ больныхъ и въ двѣнадцатилѣтній періодъ времени, *слишкомъ въ пять разъ больше*, нежели въ другой. Чѣмъ обусловливается такая огромная разница, — характеромъ-ли больницы, т. е. тѣмъ, что въ нее принимаются преимущественно случаи извѣстнаго рода болѣзней или люди извѣстнаго сословія, или что въ больни-

пахъ статистика ведется различно? Сравнивая далѣе цифры одной и той-же больницы за различные годы, мы находимъ между ними еще большую разницу, и въ этомъ отношеніи колебанія цифръ дѣйствительно замѣчательны; такъ, напр., въ александровской больницѣ относительное число алкоголиковъ за 1872 г. безъ малаго въ *шестнадцать разъ* больше этого числа за 1862 г. Неужели пьянство дѣйствительно усилилось въ *шестнадцать разъ* въ Россіи втеченіи десяти лѣтъ? Сравнивая эти года между собою въ другихъ госпиталяхъ, мы находимъ, что относительное число алкоголиковъ увеличилось въ 1872 г. противъ 1862 г.: въ больницѣ Маріи Магдалины въ 2,4 раза, въ петропавловской въ 2,7 раза, въ маріинской въ $2\frac{1}{2}$, въ обуховской въ 1,6, т. е. въ александровской больницѣ разница между 1872 и 1862 годами была *ровно вдесятеро больше*, нежели въ обуховской. Уже эти два обстоятельства должны были-бы показать автору, что съ его статистикой что-то неладится, что дѣло какъ-то не въ порядкѣ и гдѣ-то навѣрно есть ошибка. Но авторъ, очевидно, и не подозрѣвалъ, что статистическія цифры обсуживаются, анализируются и провѣряются; какъ всѣ люди несвѣдущіе, онъ имѣетъ, повидимому, о статистикѣ самое превратное понятіе, что въ ней „цифры и только цифры“, краснорѣчіе которыхъ дѣлаетъ излишнимъ комментарий, и потому, приведя эти странныя статистическія данныя, онъ не только не упомянулъ объ указанныхъ нами странностяхъ, но и вовсе не прибавилъ ни единого слова въ своей таблицѣ.

Громадность отклоненій между приведенными авторомъ цифрами заставляетъ, какъ мы уже замѣтили, навѣрно заключить, что въ этихъ цифрахъ есть какая-то ошибка, что онѣ выражаютъ не одно и то-же условіе, и потому не могутъ быть сравниваемы между собою, пока дѣло не выяснится ближе. Вообще говоря, относительное число алкоголиковъ, дѣйствительно, идетъ постоянно возвышаясь, — но есть-ли это несомнѣнное доказательство соотвѣтственно усиливающагося пьянства? Больницы прежде могли дѣлать затрудненія при приѣмѣ больныхъ, страдающихъ острымъ алкоголизмомъ, принимать ихъ неохотно и въ маломъ количествѣ, а потомъ постепенно болѣе и болѣе открывать имъ двери; сама публика могла прежде не желать отдавать въ госпитали этого рода больныхъ, а потомъ стала привыкать въ этому; можетъ быть, нако-

нець, что подъ рубрику поступленій алкоголиковъ внесены и тѣ больные, у которыхъ delirium tremens явился вполнѣдствіи только, какъ complicація другой болѣзни; тогда общіе крики о постоянно усиливающеяся пьянствѣ въ Россіи могли обратить на это особенное вниманіе врачей, которые стали больше и больше отмѣчать, какъ алкоголистовъ, тѣхъ больныхъ, которые поступали въ госпитали вслѣдствіе другой болѣзни, но у которыхъ delirium tremens осложнилъ это первоначальное страданіе и т. д. Медицинская статистика представляетъ намъ много примѣровъ подобнаго *кажушагося* распространенія той или другой болѣзни вслѣдствіе подобныхъ чисто-внѣшнихъ обстоятельствъ и условій, и потому, прежде чѣмъ заключить, на основаніи увеличенія числа поступающихъ больныхъ, страдающихъ тою или другою болѣзью, объ усиленіи и большей частоты этой болѣзни, необходимо, какъ это извѣстно каждому врачу, мало-мальски знакомому съ медицинской статистикой, разсмотрѣть, не повліяло-ли на цифры поступленій какое-нибудь внѣшнее обстоятельство, напр., учрежденіе при больницахъ особеннаго отдѣла для этого рода больныхъ, большее вниманіе врачей, обращенное на случаи этой болѣзни, вслѣдствіе какой-нибудь вновь вышедшей работы, открытія, надѣлавшаго много шума, спора и т. д. У автора разбираемой нами брошюры нѣтъ даже намека на такой анализъ условій, при которыхъ были собраны приведенныя у него цифры. Онъ, очевидно, и не подозрѣваетъ всей этой стороны статистической работы, не подозрѣваетъ, что цифры — сродіе сомнительное, которое надо употреблять съ толкомъ и знаніемъ дѣла, принимая цѣлый рядъ предосторожностей противъ не только всегда возможной, но и вѣроятной ошибки. Авторъ, очевидно, не знаетъ, что набрать цифръ, не значить еще составить статистическую таблицу, что для этой послѣдней нужно еще навести справки относительно каждой цифры, убѣдиться, достойна-ли она довѣрія, что въ точности она выражаетъ, какимъ методомъ добыта и т. д. Обо всемъ этомъ авторъ, должно быть, и не слыхалъ, потому что ни единымъ словомъ не упоминаетъ всѣхъ этихъ соображеній. Его не поражаетъ разногласіе цифръ; онъ не замѣтилъ страннаго факта, что во всѣхъ больницахъ, приведенныхъ у него, число поступленій алкоголиковъ быстро увеличилось въ 1863 и 1864 годахъ и затѣмъ точно такъ-же быстро упало

въ 1865 г., или, если замѣтилъ, то не счелъ, надо полагать, достаточно интереснымъ, чтобъ остановиться на немъ или даже хоть-бы указать его читателю. Онъ довольствуется общимъ замѣчаніемъ, что вотъ пьянство усиливается въ Петербургѣ, но почему-то прибавляетъ, что именно усиливается „въ формѣ запою, доводящаго пьяницъ до временнаго помѣшательства“. Откуда-же это-то взялось? Въ приведенныхъ цифрахъ и таблицахъ о запоѣ нѣтъ и помину, а дѣло идетъ о *бѣлой горячкѣ*; неужели мы должны объяснять врачу, почему-то еще спеціально заинтересовавшемуся вопросомъ пьянства, что запоѣ и *бѣлая горячка*—страданія существенно различныя, неизмѣющія между собою ничего общаго, кромѣ этиологии, да и то еще этиологія запою—дѣло темное, и если бѣлая горячка есть слѣдствіе интоксикаціи алкоголемъ, то сказать то-же о запоѣ было-бы во всякомъ случаѣ малоосновательной гипотезой, предположеніемъ довольно смѣлымъ, противъ котораго могутъ быть приведены весьма вѣскіе аргументы. Затѣмъ изъ этого прибавленія мы еще узнаемъ, что запоѣ, т. е. *дипсоманія*, какъ называется это страданіе на медицинскомъ языкѣ, „доводитъ пьяницъ до временнаго помѣшательства“. Вотъ какъ! такъ дипсоманія только доводитъ до помѣшательства? А мы думали, что уже дипсоманія сама по себѣ составляетъ психическое разстройство! Намъ нѣсколько утѣшаетъ только одно обстоятельство, именно, что, можно сказать, всѣ безъ исключенія психіатры, начиная съ Гислена и Эскироля, дѣлали ту-же ошибку. Итакъ, дипсоманія только приводитъ къ душевному разстройству? Если ужъ авторъ не зналъ, что такое дипсоманія, и даже не полюбопытствовалъ заглянуть въ книжку, то какъ ужъ одно имя болѣзни: *дипсоманія*,—*манія*, замѣтете это окончаніе,—не навело его на истинное ея значеніе? Но авторъ, очевидно, смѣшиваетъ дипсоманію съ *delirium tremens*, съ чѣмъ мы не поздравляемъ того профессора патологіи, у котораго авторъ учился.

Затѣмъ авторъ говоритъ о множествѣ пьяныхъ въ Петербургѣ, причемъ горько сожалѣетъ, что „нельзя имѣть хоть приблизительной цифры всѣхъ пьяницъ, бродящихъ по улицамъ Петербурга въ одинъ изъ большихъ праздниковъ“ и сообщаетъ, что втеченіи 1869 года полиція задержала при частяхъ 34,662 пьяныхъ. Цифра, дѣйствительно, почтенная, но только

позвольте узнать, доказываетъ-ли она дѣйствительно, что именно *народъ* пьянствуетъ? Почему за эти 34,662 случая пьянства долженъ отвѣчать непременно „простой народъ“, какъ вы выражаетесь? Странный статистическій приемъ—сосчитать всѣ случаи какого-нибудь дѣйствія или состоянія и приписать всю эту цифру исключительно одному классу народонаселенія; а между тѣмъ этотъ приемъ кажется автору до такой степени естественнымъ, что онъ даже не дѣлаетъ оговорокъ, не приводитъ соображеній, которыя оправдывали-бы его или, по крайней мѣрѣ, объясняли-бы руководящую мысль,—а разсуждаетъ себѣ по-просту, что было случаевъ взятія въ часть 34,662 пьяницъ втеченіи года, слѣдовательно, рабочій классъ пьянствуетъ,—и дѣлу конецъ. Съ такими статистическими приемами, пожалуй, можно утверждать, что въ Петербургѣ всѣ грудные младенцы—горькіе пьяницы.

Статистическую часть своей брошюры авторъ заключаетъ слѣдующимъ курьезомъ: „Изъ наблюденій, сдѣланныхъ въ медико-хирургической академіи, при кафедрахъ судебной медицины, докторомъ Веревкинъ, которыя въ скоромъ времени появятся въ печати, видно, что въ послѣднія десять лѣтъ вообще начинаютъ пьянствовать раньше и опиваются скорѣе, чѣмъ прежде“. Итакъ, эти наблюденія докторъ Веревкинъ, по словамъ автора, сдѣлалъ *въ медико-хирургической академіи, при кафедрахъ судебной медицины!* Но надъ какими-же субъектами были сдѣланы эти наблюденія? Кого могъ наблюдать докторъ Веревкинъ *въ медико-хирургической академіи* да еще *при кафедрахъ*? Очевидно, не „простой народъ“, который бываетъ только въ клиникахъ академіи, а не въ самой академіи, и, во всякомъ случаѣ, не занимаетъ кафедры судебной медицины; но кого-же? Мы не рѣшаемся догадываться, но предупреждаемъ автора, что онъ рискуетъ процессомъ, который ему могутъ вчинить профессоръ судебной медицины и его ассистенты, на счетъ поведенія которыхъ за послѣднія десять лѣтъ онъ такъ неосторожно и неуважительно сообщаетъ публикѣ.

За статистической частью въ брошюрѣ слѣдуетъ объясненіе физиологическаго дѣйствія алкоголя на организмъ. Принимая въ соображеніе, что брошюра писана докторомъ медицины и имѣетъ цѣлью доказать вредъ пьянства, надо было-бы думать, что именно этой сторонѣ вопроса будетъ отведено наибольшее мѣсто, но на

дѣлѣ вышло обратное; объясненію дѣйствія алкоголя на организмъ авторъ посвятилъ всего *двадцать семь строчекъ*, по 40 буквѣ въ строчкѣ, что составляетъ меньше полустраницы „Дѣла“, да и изъ этихъ двадцати семи строчекъ *пятнадцать* заняты выпиской изъ статьи доктора Субботина, помѣщенной въ „Архивѣ Судебной Медицины“ за 1871 г. Авторъ почему-то находитъ, что „подробное описаніе *физиологическаго значенія алкогольныхъ напитковъ въ организмъ животныхъ* (sic!!!) не входитъ въ его задачу“. Отчего-же не входитъ? Казалось-бы именно оно-то главнымъ образомъ и входитъ, но мы объяснимъ читателю очень просто, отчего авторъ держится на этотъ счетъ другого мнѣнія. Когда дѣло доходитъ до физиологической и медицинской стороны вопроса, онъ предпочитаетъ отдѣливаться нѣсколькими словами, не потому, чтобы предметъ не имѣлъ особенной важности, а потому, что авторъ не знаетъ его и едва-ли понимаетъ его значеніе. Онъ ограничивается заявленіемъ: „вредное вліяніе алкоголя на питательные процессы животнаго организма доказано *многими современными учеными*“, и спѣшитъ снова перейти на экономическую почву, на которой ему кажется, что онъ стоитъ несравненно тверже, при чемъ увѣдомляетъ публику, что „если-бы слишкомъ 200 милліоновъ рублей, издерживаемыхъ населеніемъ Россіи только на водеу, употреблены были на развитіе *домашняго скота* (вотъ какъ, ужъ домашній скоть надо развивать!) Помилуйте, гдѣ намъ думать о такихъ психологическихъ фантазіяхъ,—намъ-бы хотъ докторовъ медицины немножко развить, такъ, чтобы они хотъ писали грамотно), то гигиеническія условія государства возросли-бы до значительной степени (*условія возросли-бы!!!*).“ Съ этимъ нельзя не согласиться, но только почему-же на этихъ условныхъ желаніяхъ—„если-бы“ да „кабы“, да „хорошо было-бы“—мы должны остановиться; мы, съ своей стороны скажемъ, что если-бы доктора медицины не пили вина и водки, а вмѣсто того получали-бы на эти деньги книги, и вечера свои проводили не за картами, а въ чтеніи этихъ книгъ, то условія ихъ грамотности и образованія, какъ общаго, такъ и спеціально медицинскаго *возросли-бы*, какъ выражается авторъ, до значительной степени.

Затѣмъ авторъ посвящаетъ 30 строчекъ изложенію историче-

скаго развитія пьянства и его географическаго распространенія, причеъъ начинается дѣло съ *потона* (!!) и говорить о спиртныхъ напиткахъ древнихъ и новыхъ народовъ Европы, Азии, Африки и Америки, — и все, замѣтите, въ тридцати строкахъ! Конечно, дѣло не обошлось безъ упоминанія, что германцы пили пиво, что камчадалы ѣдятъ мухоморъ и т. д. „Даже турки въ Каирѣ, прибавляетъ авторъ, увеселяютъ себя опьяняющимъ напиткомъ“, хотя рѣшительно неизвѣстно, почему турки, и притомъ именно въ Каирѣ, должны составлять исключеніе. При чтеніи этого ученаго суррогата, намъ невольно припоминалось одно замѣчаніе Гейне, который говорить о тупоголовыхъ нѣмецкихъ писателяхъ, желающихъ придать своимъ произведеніямъ умный, солидный и ученый видъ, дѣлая множество ссылокъ и примѣчаній, и при этомъ представляетъ образно, какъ пишутъ такіе свековичные мыслители: подвернулось имъ слово *псть*, — они тотчасъ дѣлаютъ сноску, въ которой объясняется, что древніе финикіяне, вавилоняне, персы *пм*, причеъъ ссылаются на Геродота; „римляне тоже ѣли“ — и опять ссылка, и т. д. Конечно, у нашего автора нѣтъ на проживаніе въ годъ 10 тысячъ цитатъ, о которыхъ говорить Гейне, — и въ этомъ отношеніи онъ даже свековичной ученостью похвастаться не можетъ, а скромно довольствуется цитатами изъ русскаго „Архива Судебной Медицины“, откуда и черпаетъ всѣ свои свѣденія, но претензіи (хотя и совершенно безосновательной) на свековичную ученость у автора, разбираемой нами брошюры, тоже отрицать нельзя, иначе къ чему-бы эти *тридцать строчекъ* будто-бы историческаго обзоренія, въ которомъ цитируются *семнадцать народосъ*? Авторъ, впрочемъ, не требуетъ отъ Россіи, чтобъ она совершенно отказалась отъ употребленія алкоголя, а разрешаетъ рюмку водки передъ обѣдомъ, что онъ находитъ гигиеническимъ и способствующимъ пищеваренію. Хотите знать, читатель, какое вліяніе имѣетъ водка на пищевареніе? Г. докторъ Лецинскій разъясняетъ вамъ это самымъ подробнымъ образомъ съ химико-физиологической точки зрѣнія: *«алкоголь, говоритъ онъ, приводитъ въ напряженіе всѣ пищеварительныя силы и побуждаетъ нудобоваримость пищи (sic!!!)»*. Отчего отъ опиума спятъ? Отчего отъ ревеню слабитъ? Очень просто, объяснялъ еще Мольеръ, — это потому, что въ опиумѣ есть *снотворная сила*,

vis dormitiva, а въ ревенѣ *слабительная сила*, vis purgativa. Отчего алкоголь способствуетъ пищеваренію? Отъ того, что онъ напрягаетъ *пищеварительныя силы*, отвѣчаетъ докторъ Леципскій. А вы, господинъ докторъ, прежде, чѣмъ объяснять, какъ алкоголь способствуетъ пищеваренію, спросили-бы у знающихъ людей, дѣйствительно-ли онъ способствуетъ пищеваренію. Вы думаете, что способствуетъ, потому, что въ Россіи его пьютъ передъ обѣдомъ „для пищеваренія“, и вы сами по опыту знаете, что жирный и чересчуръ плотный обѣдъ сходитъ легче съ рукъ, если при этомъ пропустить одну, другую рюмку водки,— это, дѣйствительно, справедливо, и при жирныхъ обѣдахъ и мы посоветуемъ вамъ продолжать пить водку,—но отчего? Вотъ догадайтесь! Вы полагаете, что отъ того, что алкоголь *«приводитъ въ напряженіе всѣ пищеварительныя силы»*? Нѣтъ, почему-то другому.

Мы не будемъ дальше слѣдить за авторомъ; указывать на грубые промахи, на доказательства его полнѣйшаго незнанія дѣла, на совершенную его профессиональную несостоятельность—было-бы и скучно, да и слишкомъ долго, такъ-какъ пришлось-бы цитировать чуть не всю брошюру. Авторъ, очевидно, понятія не имѣетъ о предметѣ, о которомъ вздумалъ трактовать, понятія не имѣетъ о нервныхъ расстройствахъ и болѣзняхъ, да и общія-то медицинскія его свѣденія болѣе, чѣмъ скудны, такъ скудны, что приходится только удивляться, какъ это при такомъ крайне-скромномъ запасѣ знаній авторъ могъ получить высшую ученую медицинскую степень — докторство. Перейдемъ теперь къ той мѣрѣ, которую предлагаетъ авторъ и которая была одобрена вольнымъ экономическимъ обществомъ, какъ вѣрнѣйшее средство для прекращенія пьянства.

Авторъ начинаетъ, конечно, историческимъ обзоромъ государственныхъ мѣръ, которыя были принимаемы въ разные періоды и у разныхъ народовъ съ цѣлью ограниченія пьянства. Обзоръ этотъ, по обыкновенію, изобилуетъ курьезами; изъ него мы узнаемъ, напр., что въ древней *Греціи* названія служебныхъ должностей были *латинскія*, при чемъ авторъ, очевидно, по незнанію латинскаго языка, смѣшиваетъ *учрежденія* съ служащими при нихъ *людьми*. Какъ вы думаете, читатель, кто былъ Драконъ? Вы,

навѣрно, убѣждены, что это былъ афинскій архонтъ? Вотъ какъ можно ошибаться! Г. докторъ Лещинскій открылъ намъ на этотъ счетъ глаза, сообщивъ, что Драконъ былъ римлянинъ, наказывавшій смертью за пьянство, но, къ сожалѣнью, не сказалъ, какую должность онъ занималъ въ Римѣ, облеченный такою странною спеціальностью. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ; далѣе авторъ смѣшиваетъ медиковъ съ провинціями, сообщаетъ намъ, что всѣ американцы принадлежать къ женскому полу, и потому называетъ ихъ „практическія американцы“, причисляетъ отрѣшеніе отъ должности духовныхъ лицъ за пьянство къ *варварскимъ наказаніямъ*, наравнѣ съ вливаніемъ расплавленнаго свинца въ ротъ и отрѣзываніемъ ушей, сообщаетъ, что „общества трезвости выпустили въ моря двѣ тысячи кораблей подъ флагомъ трезвости (?!?!!)“, и т. д. Этотъ послѣдній фактъ заимствованъ авторомъ изъ французскаго спеціальнаго журнала „*Annales d'hygiène publique*“, но тутъ что-то переврано въ переводѣ, вѣроятно, по незнанію языка, вслѣдствіе чего онъ и написалъ эту бессмыслицу. О Россіи авторъ выражается очень благосклонно, и хотя утверждаетъ, что наше любезное отечество есть страна неблагоустроенная, потому что въ благоустроенныхъ странахъ порокъ пьянства преслѣдуется, а у насъ терпится, но тѣмъ не менѣе онъ выдаетъ намъ весьма лестный атестатъ, утверждая, что „и у насъ издавна были *общечеловѣческія стремленія*“; впрочемъ, мы не совѣтуемъ читателю неумѣренно радоваться этому атестату, такъ-какъ строгій, но справедливый авторъ тутъ-же прибавилъ весьма печальный коррективъ къ нему, утверждая, что „*наши общечеловѣческія стремленія не достигли ничего*“.

По счастью, если какія печальныя судьбы и постигаютъ наше общество и наши общечеловѣческія стремленія, поражая ихъ полнѣйшей бесплодностью, но за то земля русская не оскудѣваетъ мыслителями и ревнителями о народной нравственности. И вотъ эти ревнители предлагаютъ наперерывъ, одинъ за другимъ, мѣры для прекращенія пьянства и происходящей отъ этого праздности. Одни изъ нихъ объявляютъ, что стоитъ только „произвести реформу питейныхъ заведеній съ установленіемъ пошлины за право питейной торговли въ пользу народныхъ школъ“ и пьянство исчезнетъ. Какъ это умно и либерально, — и *реформа*, и *народныя школы*; удивительно, какъ

это не предложилъ человѣкъ предавать *гласности* пьяницъ, чтобы ужь совсѣмъ дополнить либеральную формулу! Другой предлагаетъ замѣнить *кабакъ клубомъ*, хотя рѣшительно нельзя себѣ представить, какая собственно разница между этими заведеніями, если только члены клуба пожелаютъ обратить его въ кабакъ. Третій хочетъ дать крестьянамъ вмѣсто кабака „*нравственное и полезное развлеченіе*“, именно читальни, хотя какъ нельзя лучше извѣстно, что въ провинціи нашей огромное большинство читальнь и библіотекъ стоитъ пустыми и не посѣщается даже болѣе образованнымъ классомъ. Г. Аксаковъ, рассказавъ приведенный выше случай, какъ крестьяне *при сдачѣ кабака* пили двѣ недѣли сряду и остались безъ сѣна, нашелъ вѣрнѣйшимъ средствомъ противъ такихъ ужасовъ — *мірской кабакъ*; да, читатель, мы не ошиблись — *мірской кабакъ!!!* Мы себѣ позволимъ одинъ маленькій вопросъ: отчего крестьяне, пропивъ двѣ недѣли безъ просыпу по поводу *сдачи кабака* и оставшись вслѣдствіе этого безъ сѣна, не могутъ, при *основаніи* мірскаго кабака, пропить четыре недѣли и остаться безъ хлѣба? Такой сумбуръ понятій можно встрѣтить только у нашихъ публицистовъ. Представьте себѣ дальнѣйшую судьбу этого соціальнаго кабака: онъ будетъ, конечно, приносить доходъ (еще-бы! всякій пьяница станетъ увѣрять, что онъ пьянствуетъ исключительно въ интересахъ общины), но какъ будетъ дѣлиться этотъ доходъ? Пропорціонально капиталу, какъ въ потребительныхъ обществахъ? Но это будетъ значить выдавать дивидендъ съ пьянства, нѣчто въ родѣ преміи пороку! Или доходъ будетъ дѣлиться поровну между всѣми? Не говоря уже о коммерческой несправедливости новой системы, логика положенія заставитъ непьющихъ подстрекать пьяницъ къ дальнѣйшему пьянству, которое приносить имъ доходъ, сдѣлаетъ пьяницъ оброчными воздержанныхъ и, наконецъ, раздѣлитъ общину на обираемыхъ пьяницъ и обираль-кабатчиковъ. Утѣшительная перспектива, нечего сказать!

Какое-же средство предлагаетъ авторъ, а черезъ него и самовольное экономическое общество? Прежде, чѣмъ высказать свою мысль, авторъ дѣлаетъ родъ критическаго обзора мѣръ, предлагаемыхъ другими благодѣтелями русскаго народа и ревнителями о народной нравственности, и при этомъ встаетъ снова рисуетъ

картину ужасающих слѣдствій пьянства. Картина дѣйствительно приводитъ въ трепетъ: во-первыхъ, пьяный можетъ *проглотить вилку*, — а это, согласитесь сами, весьма непріятно. Конечно, *докторъ* (sic!) мѣсяца два спустя вынетъ ее, но все, знаете-ли, какъ-то какъ будто нехорошо, а хотя *докторъ* и пришлетъ, вѣроятно, вилку въ Петербургъ, гдѣ она и будетъ храниться въ музейѣ медико-хирургической академіи, а самый случай опишетъ въ „Медицинскомъ Вѣстникѣ“, но эту честь едва-ли можно считать достаточнымъ вознагражденіемъ за непріятность проглотить такой неудобоваримый предметъ. Притомъ-же надо сказать, что и честь-то, какъ она ни велика кажется на первый взглядъ, въ сущности относится къ вилкѣ, а не къ больному, такъ-какъ она, а не этотъ послѣдній, будетъ храниться въ музейѣ, и если больной, паче чаянія, тоже попадетъ въ музей, то это ужъ въ видѣ патологическаго препарата. Затѣмъ авторъ предупреждаетъ, что пьянство порождаетъ въ пятнадцать разъ больше самоубійствъ, чѣмъ *стыдъ за любовь* (???) и болѣзнь ячичниковъ, что у семействъ, *гдѣ* (sic!) глава пьяница, *очагъ не есть пріютъ радости, а юдоль скорби и плача* (стр. 57), и что *на всѣхъ предающихся пьянству смотритъ остальное общество* (???), преимущественно дѣтское и женское (!!!) (стр. 81). Объ этомъ обстоятельствѣ, т. е. о томъ, что на пьяницъ смотритъ остальное общество, преимущественно дѣтское, авторъ счелъ даже нужнымъ заявить два раза, причеиъ на стр. 57 ни съ того, ни съ сего, ни къ селу, ни къ городу вдругъ прибавилъ еще: „*чувства-же матери понятны всякому*“. Какой матери? Чьей матери? И почему, г. авторъ, вы полагаете, что чувства *матери* понятны всякому? Вы развѣ когда-нибудь были матерью, что такъ хорошо понимаете ея чувства?

Особенно трогательно описываетъ авторъ ужасныя экономическія и социальныя послѣдствія пьянства. Читая его краснорѣчивую и пустозвонную филипику противъ пьяницъ, подумаешь, что изверженіе Везувія, уничтожившее Геркуланумъ и Помпею, знаменитое лиссабонское землетрясеніе прошлаго столѣтія, марсельская чума, черная смерть и т. п., что всѣ эти бѣдствія произошли отъ того, что кто-нибудь напился до положенія ризъ? Что касается бѣдности, то докторъ Лещинскій убѣжденъ, что бѣдность

есть только слѣдствіе пьянства, — это онъ заявляетъ нѣсколько разъ въ своей брошюрѣ и утверждаетъ даже, что *пролетаріатъ происходитъ только отъ пьянства*. Пролетаріемъ, сколько намъ извѣстно, назывался римскій гражданинъ послѣдняго класса, потому, что онъ служилъ государству только тѣмъ, что давалъ ему дѣтей „proles“; въ настоящее время пролетаріемъ называютъ человѣка, неимѣющаго никакой собственности и живущаго своимъ трудомъ; такимъ образомъ, хозяинъ фабрики есть собственникъ, то, что называютъ „bourgeois“, а рабочіе его — пролетаріи. Предположимъ, что въ одинъ прекрасный день всѣ перестанутъ пить; пролетаріатъ долженъ уничтожиться, — но только какъ-же это сдѣлается? Въ рабочіе сдѣлаются владѣльцами фабрикъ, буржуа? Но тогда кто-же будетъ работать на этихъ фабрикахъ? Разсужденіе это достойно разсужденія знаменитой книжечки о сбереженіи, изданной для народа, въ которой убѣждали крестьянина не тратить денегъ на прихоти, а все отдавать въ ростъ да въ ростъ, при чемъ даже былъ приложенъ расчетъ, сколько дастъ откладываніе по копейкѣ; авторы не подумали только объ одной бездѣлицѣ: если всѣ будутъ копить, то кто-же будетъ зарабатывать проценты для увеличенія капитала?

Въ критическомъ обзорѣ мѣръ противъ пьянства авторъ отвергаетъ полицейскія и административныя распоряженія, какъ совершенно недействительныя и которыя всегда будутъ обойдены, хотя въ то-же время почему-то горько и „глубоко“ сожалѣетъ, что „наше прежнее законодательство не карало этотъ порокъ“ и вообще не принимало мѣръ противъ него. Тутъ ужъ все совершенно непонятно: авторъ говоритъ, что эти мѣры ни къ чему не ведутъ, и затѣмъ сожалѣетъ, что онѣ, *хотя и бесполезныя*, по его собственному признанію, не были приняты раньше; это сожалѣніе тѣмъ еще страннѣе, что авторъ самъ говоритъ, что прежнее русское правительство дѣлало распоряженія, имѣвшія цѣлью ограничить пьянство. Авторъ точно также отвергаетъ и общества трезвости, тоже какъ безплодныя, хотя общества эти „выпустили въ моря двѣ тысячи кораблей подъ флагомъ трезвости“, — но, разсуждаетъ авторъ, „мы не американцы (совершенно вѣрно! Святая и несомнѣнная истина!). Страна наша, *убогая* (sic!) винограднымъ виномъ, можетъ предложить народу только спиртные напитки“.

Затѣмъ авторъ „предлагаетъ еще обществу *мысль*—открыть пріюты для больныхъ запоевъ, содержать и лечить ихъ правильно“, на томъ, видите-ли, основаніи, что ни эти больные сами, ни ихъ родственники не обращаются къ правильной медицинской помощи. Мы уже не будемъ говорить о томъ, какъ странно выдавать подобное предположеніе за свою *мысль*,—но если даже „общество“ приметъ эту „мысль“ и откроетъ дѣйствительно подобныя заведенія, какая будетъ отъ нихъ польза, если ни больные, ни ихъ родственники не обращаются къ медицинской помощи? Что-же, насильно тащить ихъ въ эти заведенія? Кстати, мы тоже желали-бъ очень разъяснить одно маленькое затрудненіе: что больные не обращаются къ медицинской помощи—это, дѣйствительно, очень печально,—но зачѣмъ родственники-то будутъ обращаться? Если у меня болятъ зубы, неужели я пошлю своего брата къ дантисту? И отчего мнѣ будетъ легче, если мой братъ обратится къ „медицинской помощи“?

Затѣмъ еще одинъ вопросъ, съ которымъ мы обращаемся уже къ самому г. доктору медицины. Вы сожалѣете, что дипсоманы не обращаются къ *правильной медицинской помощи*, и предлагаете устроить заведенія, гдѣ ихъ будутъ *лечить правильно*? А вы знаете, какъ надо лечить дипсомановъ, — т. е. не вы лично, наука даетъ-ли,—я не скажу вѣрное средство, но хотя-бы указаніе, какъ лечить дипсомановъ? Вы этого, конечно, не знаете,—ну, такъ мы вамъ объяснимъ, что наука рѣшительно бессильна передъ дипсоманіей, что эта болѣзнь *вовсе и никакъ* не лечится и что она составляетъ въ частныхъ лечебницахъ для душевнобольныхъ отчаяніе директоровъ и врачей. Чего-же больные будутъ обращаться въ *правильной медицинской помощи*, когда таковой *вовсе* не существуетъ?

Въ заключеніе этого слишкомъ длиннаго разбора скажемъ, что брошюрка доктора медицины Лецинскаго, одобренная вольнымъ экономическимъ обществомъ, написана такъ безграмотно, что даже въ московской литературѣ трудно найти что-нибудь подобное. Что скажетъ, напр., читатель о такой фразѣ, которую мы цитируемъ отъ точки до точки: „это (повсемѣстное пьянство) фактъ, который можно *увѣнчать* (sic!) современемъ статистическими *цифрами*, по странно не видѣть въ настоящее время его *почвы* (???)—про-

стаго наблюдёнія и здраваго смысла“ ?!!! Или объ этой фразѣ: „эти причины виѣшнія и не выдержатъ всей массы зла, если ее опереть на нихъ“. Что-же сдѣлаеть эта масса съ причинами? Раздавить ихъ? Желали-бы мы посмотрѣть на давленныя причины! Или еще: „въ прогрессіи дефицита силъ организма, труда и заработка заключается начало всѣхъ послѣдствій пьянства“. Не дурно тоже и слѣдующее мѣстечко: „Недаромъ такъ (sic!) популярное (!!) у насъ спиртное вещество—водка считается нѣкоторыми (только нѣкоторыми???) учеными (вотъ какъ! а неучеными не считается?) напитокомъ, приводящимъ человѣка къ поступкамъ, которыя въ отвлеченномъ смыслѣ (только въ отвлеченномъ смыслѣ?) дѣйствительно безнравственны“.

Конечно, пить и терять время на пьянство — не хорошо; но развѣ лучше писать о томъ, чего не знаешь, и терять время на то, чтобы исписать нѣсколько листовъ и не высказать ни одной дѣльной и общеплезной мысли?

НОВАЯ КНИГА.

Сборникъ сочиненій по судебной медицинѣ, судебной психіатріи, медиц. полиціи, общественной гигиенѣ и пр., издаваемый медицинскимъ департаментомъ. Т. II. Спб. 1873.

Мы имѣли уже случай заявить свое мнѣніе о полезномъ значеніи этого изданія для русской общественной жизни. Съ развитіемъ цивилизаціи и усложненіемъ социальныхъ отношеній во всякомъ обществѣ накапливается громадное множество ненормальныхъ явленій, которыя начинаютъ играть весьма замѣтную роль въ общественной жизни людей, и тогда не только умѣстно, но и необходимо взглянуть на эти явленія съ медицинской точки зрѣнія. Поэтому потребность въ изданіяхъ, подобныхъ настоящему, будетъ ощущаться съ каждымъ годомъ сильнѣе и сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ будетъ возрастать авторитетъ медицины, какъ важнаго, если не единственнаго регулятора обыденной жизни. Статьи сборника по-прежнему носятъ живой, практической характеръ и обнимаютъ разнообразныя вопросы общественной медицины. Отдѣлу психіатріи посвящены небезынтересныя статьи проф. Бріера-де-Буамова (дѣло графа Аньолетти въ Миланѣ, новые факты, относящіеся къ folie raisonnante), д-ра Фрезе (о судебно-психологическомъ значеніи падучей болѣзни) и двѣ чрезвычайно любопытныя замѣтки д-ровъ Штейнберга и Шерганда о сутяжномъ умопомѣшательствѣ. Д-ръ Штейнбергъ приводитъ 5 случаевъ умопомѣшательства съ склонностью къ сутяжничеству, къ тяжбамъ и юридическимъ препирательствамъ, но онъ полагаетъ, что это не особая форма умственного расстройства, а одинъ изъ симптомовъ ненормальной дѣятельности мозга вообще. Докторъ Штейнбергъ считаетъ, однако, безусловно необходимымъ для развитія сутяжничества въ помѣшанномъ вліяніе спеціальной среды и

„Дѣло“, № 9.

соотвѣтствующей обстановки. Въ этомъ отношеніи наша судебная реформа, по всей вѣроятности, не избѣжитъ того-же печальнаго явленія, выдвинувъ на первый планъ юридическіе интересы и сосредоточивъ всѣ мысли и вниманіе общества на судѣ и процессахъ. Больные, на которыхъ указываютъ д-ра Штейнбергъ и Шергандтъ, горятъ однимъ желаніемъ—плодить клеузы, убѣжденные, что они составляютъ тѣмъ поправную сираведливость. Постоянная работа мозга въ этомъ направленіи, наконецъ, обращается въ мацію, что мы видимъ на каждомъ шагѣ среди многочисленной и голодной толпы нашихъ ходатаевъ по дѣламъ, наводняющихъ камеры мировыхъ судей.

Изъ статей по общественной медицинѣ заслуживаютъ вниманія изслѣдованіе врача Архангельскаго «Холерныя эпидеміи въ европейской Россіи въ 50-лѣтній періодъ 1823—1872 гг.», какъ весьма дѣльный опытъ научной систематизаціи статистическихъ данныхъ о холерѣ, и «Матерьялы для статистики сифилиса въ женскомъ населеніи Петербурга» д-ра Шюерка. Далѣе не лишена интереса компилятивная статья д-ра Шмелева «О вліяніи жилищъ на нравственность», которая составлена на основаніи изслѣдованія дерпгскаго профессора Лапэира (*Der Einfluss der Wohnung auf die Sittlichkeit*). Давно извѣстно, что дурныя жилища вредно дѣйствуютъ на физическое здоровье и располагаютъ къ разнообразнымъ болѣзнямъ. Но, разумѣется, и психическая организація, какъ почва для развитія нравственности, не можетъ сохранять нормальнаго характера въ жилищахъ съ дурной гигиенической обстановкой. Рекламъ утверждаетъ, что постоянное пребываніе въ комнатахъ съ тяжелымъ, испорченнымъ воздухомъ ослабляетъ силу умственныхъ способностей и развиваетъ съ теченіемъ времени идиотизмъ. «Безъ хорошаго, удобнаго жилища, говоритъ д-ръ Шмелевъ,—нѣтъ хорошей семейной жизни. Мрачный, сырой, лишенный свѣта и воздуха подвалъ не располагаетъ человѣка къ домовитости, не развиваетъ въ немъ семейныхъ добродѣтелей. Чувство спокойствія, довольства, удовлетворенности жизнью далеко отъ обитателей подобныхъ трущобъ; жители ихъ не заинтересованы въ поддержаніи законности и при всякомъ удобномъ случаѣ готовы содѣйствовать ея нарушенію. Мрачное настроеніе духа, недовольство жизнью, озлобленность на все и на всѣхъ, антисоціальныя наклонности, сдерживаемыя только вѣшнимъ давленіемъ,—вотъ послѣдствія такихъ жилищъ. Находясь постоянно подъ вліяніемъ подавляющихъ чувствъ, несчастные ихъ обитатели ищутъ хотя временнаго забвенія своего несноснаго положенія и въ каждую свободную минуту бѣгутъ въ кабакъ, не обращая никакого вниманія на то, что завтра семьѣ нечего будетъ ѣсть». Недостатокъ

свѣта—неизбѣжный элементъ дурныхъ жилищъ,—дѣйствуетъ самымъ губительнымъ образомъ на психическое и тѣлесное здоровье людей. По мнѣнію многихъ гигиенистовъ, темнота портитъ кровь, а дурная кровь перерождаетъ нервную систему, такъ что нормальное отправление ея дѣлается физически невозможнымъ. Поэтому-то англійскій гигиенистъ Винслау ставитъ въ тѣснѣйшую зависимость отъ недостатка свѣта не только физическія разстройства человѣка, но и душевныя болѣзни, преступленія и порочныя наклонности. Онъ справедливо говоритъ: «для того, чтобы привести въ нормальное состояніе нравственное чувство, мысли и поступки въ систему, недостаточно возжигать вѣчный свѣтъ правды и любви: для этого мы должны также снабжать въ изобиліи жилища бѣдныхъ свѣтомъ солнца». Исслѣдованія Лапэйра обнимаютъ собою общую совокупность вредныхъ вліяній дурного жилища, но они приводятъ къ результатамъ настолько яркимъ, что невозможно болѣе сомнѣваться въ причинахъ, порождающихъ безнравственность въ средѣ рабочаго класса. Лапэйръ дѣлаетъ выводы на основаніи обширнаго статистическаго матеріяла, распространяющагося на 400,000 парижскихъ рабочихъ; при такомъ обиліи фактическихъ данныхъ исслѣдованія профессора получаютъ особенную важность. Изъ таблицъ Лапэйра видно, что въ тѣхъ округахъ Парижа, гдѣ наиболѣе хорошихъ жилищъ, и цифра рабочихъ хорошаго поведенія превышаетъ среднюю норму; въ округахъ-же, гдѣ жилища дурны, число рабочихъ съ дурнымъ поведеніемъ необыкновенно велико. Здѣсь самъ собою навязывается, однако, вопросъ, не оказываетъ-ли поведеніе рабочихъ вліянія на выборъ жилищъ, не побуждаетъ-ли рабочихъ дурное поведеніе выбирать дурныя жилища и селиться, напр., въ меблированныхъ комнатахъ, а не у хозяевъ и не на собственной квартирѣ. Нельзя отрицать, что мысль эта до нѣкоторой степени справедлива, но тѣмъ не менѣе Лапэйръ твердо стоитъ на томъ, что дурное жилище сильнѣе вліяетъ на развитіе безнравственности, чѣмъ безнравственность на выборъ дурнаго жилища. И нельзя, въ самомъ дѣлѣ, не согласиться съ его соображеніями.

Если дѣйствительно поведеніе заставляетъ рабочаго выбирать то или другое жилище, то это должно одинаково относиться къ мужчинамъ и женщинамъ. Между тѣмъ, изъ 100 дурно ведущихъ себя рабочихъ 28 селятся въ меблированныхъ комнатахъ, а изъ 100 работницъ дурнаго поведенія живутъ въ нихъ только 18. То-же самое мы видимъ, если взять рабочихъ хорошаго поведенія: изъ 100 мужчинъ 19 занимаютъ меблированныя комнаты, а изъ 100 женщинъ хорошаго поведенія въ нихъ живутъ только 6. Если предположить у ра-

бочихъ свободу выбора, то почему-же она не одинакова у мужчинъ и женщинъ? Изъ приведенныхъ цифръ можно было-бы заключать, что мужчины безнравственнѣе женщинъ, но справедливо-ли это? Во всякомъ случаѣ, это не болѣе, какъ предположеніе, тогда какъ существующіе факты совершенно объясняютъ вышеупомянутое явленіе, если только допустить, что выборъ рабочими жилищъ не свободенъ. Дѣйствительно, большая часть рабочихъ временно приходитъ въ Парижъ и потому она по-необходимости должна занимать меблированные комнаты, не считая нужнымъ запастись мебелью на короткое время. Хозяева-же не даютъ у себя помѣщеній рабочимъ также потому, что они нанимаются на короткій срокъ. Но женщины, по словамъ Лапэйра, сплошь принадлежатъ къ осѣдлому населенію, и потому эта причина къ нимъ не относится. Наконецъ, понятно само собой, что выборъ того или другого жилища долженъ обуславливаться достаткомъ, родомъ занятій, а также брачнымъ или безбрачнымъ состояніемъ. Профессоръ Лапэйръ объясняетъ большій уровень нравственности между рабочими, живущими на собственныхъ квартирахъ, только тѣмъ, что они женаты. Пожалуй, что и такъ, но категоричность этого мнѣнія, однако, значительно ослабится, если мы подумаемъ, какъ шатки должны быть основы для нравственности рабочаго, обремененнаго многочисленной семьей и получающаго весьма скудный заработокъ. Матеріальное обезпеченіе—самый вѣрный залогъ нравственности, но въ этомъ отношеніи холостой рабочій превосходитъ женатаго. Съ другой стороны, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ итальянскихъ ученыхъ, брачное состояніе невыгодно отражается на душевномъ и умственномъ состояніи. Извѣстный итальянскій психіатръ, д-ръ Андреа Верга, обнаружилъ недавно статью, въ которой приписываетъ браку разрушительное вліяніе на психическое здоровье. Статья эта, между прочимъ, помѣщена и въ Сборникѣ медицинскаго департамента. Еще ранѣе д-ръ Верга доказывалъ, что большой процентъ помѣшанныхъ между холостыми можно объяснять тѣмъ угодно, только не холостою жизнью. Теперь-же онъ задумалъ обнаружить вліяніе брака на умопомѣшательство и пришелъ къ тому выводу, что брачное состояніе вреднѣе дѣйствуетъ на умъ и душу женщины, чѣмъ мужчины. Такъ на 1,148 помѣшанныхъ замужнихъ женщинъ приходится 807 женатыхъ мужчинъ. Между причинами, вслѣдствіе которыхъ замужнія женщины сходятъ съ ума, д-ръ Верга считаетъ самыми главными семейныя неспрїятности и различнаго рода домашнія огорченія и невзгоды; несчастные браки, которые такъ часто заключаются теперь въ видахъ денежныхъ расчетовъ, сопровождаются

всего чаще, по мнѣнію Верги, умопомѣшательствомъ. По этому случаю Бріеръ-де-Буамонъ, сообщившій отчетъ о статьѣ Верги, замѣчаетъ: «Можетъ быть, домашнія непріятности въ значительной мѣрѣ были-бы устранены, если-бы вмѣсто приданого искали въ женщинахъ челоуѣка. Я слышалъ, что въ Швейцаріи и особенно въ Женевѣ существуетъ обычай, который мнѣ кажется весьма разумнымъ: тамъ каждое воскресенье родители вмѣстѣ съ своими дѣтьми собираются въ обширныхъ залахъ, гдѣ молодые люди обонхъ половъ знакомятся, сближаются и, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, вступаютъ въ бракъ, повидимому, при условіяхъ, при которыхъ они должны быть наиболѣе счастливы». Обычай этотъ, дѣйствительно, прекрасенъ, но здѣсь, однако, важно не то, что молодые люди будутъ сближаться между собою, а то, какъ привыкнуть они смотрѣть другъ на друга и на свое будущее брачное состояніе. Они могутъ изучить другъ друга, проникнуться взаимными симпатіями, уваженіемъ и любовью, и тѣмъ не менѣе опытъ показываетъ, что при такихъ, повидимому, благопріятныхъ условіяхъ бракъ очень часто приноситъ супругамъ только огорченія и несчастія. Отчего это? Да оттого, конечно, что при этихъ сближеніяхъ юная пара задается лишь узкими требованіями чувства и больше смотритъ на себя, какъ на два различныя пола, чѣмъ на два равныхъ челоуѣческихъ существа. И чѣмъ сильнѣе первые порывы любви, тѣмъ сильнѣе обыкновенно она заслоняетъ общечелоуѣческій вопросъ убѣжденій и умственного развитія.

Провода послѣдовательно свои взгляды на бракъ, д-ръ Верга считаетъ и вдовство предрасполагающей причиною умопомѣшательства. Прежде всего смерть любимаго челоуѣка производитъ сильное психическое потрясеніе на вдовыхъ, а за тѣмъ является вліяніе одиночества и матеріальной безпомощности, потому что, какъ доказываютъ цифры, помѣшательство чаще всего поражаетъ вдовыхъ между 51—60 годами, когда, слѣдовательно, посторонняя помощь дѣлается абсолютно необходимой. По этой-же причинѣ вдовы чаще сходятъ съ ума, чѣмъ вдовцы, но, впрочемъ, это можно объяснить еще и тѣмъ, что вдовъ гораздо больше, чѣмъ вдовцовъ, не потому, что между послѣдними сильнѣе распространена смертность, а потому, что вдовцы чаще вступаютъ во второй бракъ, чѣмъ вдовы. Докторъ Верга полагаетъ, что «женщины болѣе вѣрны памяти своихъ мужей», но такое объясненіе, годное для нѣсколькихъ супружествъ, слишкомъ сантиментально для массы. Гораздо вѣрнѣе допустить, что по отношенію къ вдовамъ половой подборъ дѣйствуетъ неблагопріятно—ихъ рѣже берутъ замужъ, чѣмъ дѣвицъ.

Въ заключеніе укажемъ на помѣщенную въ «Сборникѣ» замѣтку «О школахъ въ санитарномъ отношеніи», которая извлечена изъ одного нѣмецкаго журнала. Пассаускіе врачи на одномъ изъ своихъ собраній избрали предметомъ преній школьную гигиену, но при этомъ собраніе настолько заинтересовалось вступительною рѣчью своего сочлена, доктора Ланге, что исключительно занялось ея разборомъ. Докторъ Ланге подвергаетъ безпощадной критикѣ темныя стороны школьной рутины и находитъ, что современное устройство школъ губитъ физическія и умственныя силы подросткающаго поколѣнія. «Съ глубокимъ огорченіемъ приходится ежедневно видѣть, сказалъ онъ въ началѣ своей рѣчи, — до какой степени грѣшатъ противъ юнаго поколѣнія, какъ веселую пору юности дѣлаютъ мрачною и школу превращаютъ въ какое-то мѣсто пытокъ, въ которомъ, вмѣсто поколѣнія, сильнаго тѣломъ и духомъ, воспитываются люди хилые и жалкіе». Докторъ Ланге требуетъ коренныхъ реформъ въ устройствѣ школьныхъ помѣщеній и въ методѣ обученія, на которое онъ налагаетъ по преимуществу, такъ-какъ до сихъ поръ врачи почему-то считали себя некомпетентными въ этомъ вопросѣ. Прежде всего докторъ Ланге считаетъ противоестественнымъ начинать ученіе съ шести лѣтъ; шестилѣтній ребенокъ еще слишкомъ малъ, чтобы можно было беззаказанно ломать его организмъ тисками суровой школьной дисциплины и отрывать его отъ веселыхъ игръ для заточенія въ мрачную школьную комнату. Достойно также сожалѣнія, что ученіе начинается (въ нѣмецкихъ школахъ) лѣтомъ въ половинѣ седьмого часа, а зимой — въ половинѣ восьмого, что слишкомъ рано, такъ-какъ ребенку необходимъ продолжительный, непрерывный сонъ. Далѣе, докторъ Ланге находитъ, что шестичасовое пребываніе въ школѣ, втеченіи котораго ребенокъ не смѣетъ ни двигаться, ни говорить, слишкомъ продолжительно, такъ-какъ въ ребенкѣ чрезвычайно сильны импульсы къ постоянному движенію, а это движеніе крайне необходимо для его развитія. Докторъ Ланге справедливо указываетъ также на недостаточность естественно-историческаго образованія педагоговъ и упрекаетъ ихъ въ незнакомствѣ съ физиологіей, особенно съ исторіей развитія ^{человѣческаго} мозга, надъ которымъ они, однако, позволяютъ себѣ производить всевозможные эксперименты. Рѣдкій педагогъ, напримѣръ, знаетъ, что развитіе мозга особенно дѣятельно происходитъ у ребенка во время смѣны зубовъ, и тогда оно сопровождается усиленнымъ притокомъ крови къ мозгу, а потому въ это время въ высшей степени вредно утомлять ребенка умственными занятіями. Въ выборѣ предметовъ для обученія докторъ Ланге видитъ существенныя погрѣшности.

Такъ, вмѣсто того, чтобъ знакомить малолѣтнихъ дѣтей съ окружающею природою, которая заключаетъ въ себѣ такой обильный матеріалъ для упражненія пробуждающихся чувствъ, ихъ прежде всего начинаютъ мучить чтеніемъ и письмомъ, а затѣмъ переходятъ къ безтолковому обремененію памяти отвлеченными понятіями. Изъ всѣхъ замѣчаній доктора Ланге, чрезвычайно мѣткихъ и всегда справедливыхъ, вытекаетъ тотъ выводъ, что въ школѣ царитъ полнѣйшая анархія и до тѣхъ поръ, пока она не подвергнется радикальному преобразованію, та частичка пользы, которую она приноситъ, поглощается цѣлою бездною зла. «Сглаго-ли наше поколѣніе нравственнѣе, сильнѣе, способнѣе, или-же, напротивъ, оно сдѣлалось болѣе вялымъ и безхарактернымъ? спрашиваетъ докторъ Ланге.— Не превзошли-ли насъ (т. е. вѣмцевъ) въ практическомъ отношеніи другіе народы и не въ Германіи-ли составила поговорка: «чѣмъ ученѣе чловѣкъ, тѣмъ превратнѣе его понятія (je gelehrter, desto verkehrter)?» Если эти ирраціональныя мысли навѣяны «образцовой школою», какою всегда считалась германская школа, то къ какимъ-же результатамъ привелъ-бы безпристрастный анализъ нашихъ школъ и порядковъ, которые въ нихъ господствуютъ?

Путешествія капли воды. Г. Пиццетты. Переводъ съ французскаго. Спб. 1873. Ц. 1 р.

Сочиненіе это можно рекомендовать читателямъ, какъ плодъ весьма усерднаго желанія изложить въ общедоступной формѣ ученіе о физическихъ явленіяхъ, въ которыхъ вода играетъ какую-либо роль. Плодъ этотъ, правда, немножко безвкусенъ и предлагается въ формѣ далеко не аппетитной; авторъ по временамъ бываетъ сухъ и скученъ, онъ видимо не вполне отдѣлался отъ роли ученаго спеціалиста и не вполне усвоилъ себѣ ясность и простоту популярнаго изложенія; но за то онъ достигъ другой, довольно важной, цѣли, расположивъ массу разрозненныхъ явленій въ порядкѣ ихъ естественной послѣдовательности и причинной зависимости. Задача писателя, популяризирующаго какую-либо отрасль знанія, заключается не въ одномъ только сообщеніи возможно большаго количества свѣдѣній. За всѣми фактами и явленіями природы невозможно услѣдить; всегда придется умолчать о большей половинѣ ихъ и предоставить ихъ разъясненіе и опредѣленіе мѣста ихъ въ ряду другихъ явленій личной сообразительности каждаго. Истинный популяризаторъ долженъ явиться лишь на помощь

этой сообразительности, отказавшись отъ невозможной задачи исчерпать всю массу фактическаго матеріала своей науки. Онъ долженъ разставить вѣхи лишь въ выдающихся пунктахъ обширной и безконечно длинной цѣпи явленій природы, предоставивъ каждому по своимъ силамъ измѣрять мелкія разстоянія между ея ближайшими звеньями. Въ этомъ отношеніи сочиненіе Пиццетты весьма полезно, такъ-какъ оно учитъ подмѣчать связь между фактами, повидимому, самыми отдаленными, и приучаетъ, такъ-сказать, правильно хозяйничать въ обширной лабораторіи физическихъ явленій. Авторъ сгруппировалъ около водяной капли важнѣйшія свѣденія изъ химіи, физики и физической географіи. Показавъ на простомъ опытѣ химическій составъ воды и ея способность являться въ трехъ различныхъ состояніяхъ, онъ очень обстоятельно, но не достаточно живо для популярной книги, описываетъ явленія, которыя зависятъ отъ присутствія воды въ атмосферѣ, и пользуется этимъ случаемъ, чтобъ познакомить съ важнѣйшими свойствами воздуха. Далѣе авторъ объясняетъ происхожденіе дождя, тумана, росы, снѣга и града и затѣмъ посвящаетъ большую часть своего сочиненія физической географіи морей, рѣкъ и ледниковъ. Въ послѣдней главѣ, наиболѣе живой по изложенію, авторъ разсматриваетъ воду, какъ важнѣйшую составную часть живыхъ организмовъ, и слегка касается ея употребленія въ домашнемъ и промышленномъ быту. Къ сожалѣнію, авторъ здѣсь весьма кратокъ, хотя безъ достаточныхъ основаній, такъ-какъ въ экономіи живой природы вода играетъ не менѣе важную и обширную роль, какъ и въ мірѣ неорганическомъ. Знакомство съ фізіологическимъ значеніемъ воды въ организмѣ человѣка, быть можетъ, важнѣе для читателя, чѣмъ самое обстоятельное знаніе тѣхъ физическихъ явленій, въ которыхъ она является преобладающимъ дѣятелемъ. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ всѣ популяризаторы естественныхъ наукъ одинаково заслуживаютъ упрека; они всегда стараются какъ можно рѣзче разграничить область жизненныхъ явленій отъ мертвыхъ силъ неодушевленной природы и, въ силу рутины, завѣщанной недостатками отжившей науки, избегаютъ или сами не замѣчаютъ непосредственнаго перехода отъ первыхъ къ послѣднимъ. Въ дѣйствительности-же природа не знаетъ никакихъ скачковъ, въ ней нѣтъ ни системъ, ни рѣзкихъ дѣленій. Вода дѣлаетъ свое дѣло какъ въ нѣдрахъ почвы, такъ и внутри человѣческаго организма, обуславливая иногда исключительно своими спеціальными свойствами наиболѣе жизненные явленія, тогда какъ намъ кажется, что они порождаются какими-то таинственными *организмическими* силами, въ погонѣ за которыми наука потратила столько

времени и труда. Между тѣмъ эти органическія силы оказываются мифомъ и сводятся, какъ показываютъ новѣйшія изслѣдованія, къ простымъ родамъ движенія. На первый взглядъ, что можетъ быть, кажется, сложнѣе, такъ-сказать, органичнѣе человеческой жизни, а между тѣмъ она обуславливается въ самыхъ существенныхъ своихъ проявленіяхъ простыми физическими законами. Та-же самая вода внутри организма производитъ своими ординарнѣйшими свойствами такія явленія, которыя всегда считаются принадлежностью организмовъ. Вода обладаетъ свойствомъ растворять твердыя тѣла, размельчать ихъ на мелкія частицы. Пока это свойство обнаруживается внѣ человѣка, оно никому не представляется удивительнымъ, но когда то-же свойство проявляется въ собственномъ нашемъ тѣлѣ, мы готовы тысячу лѣтъ ломать голову надъ разъясненіемъ явленій нашей жизни, чѣмъ допустить мысль о такой элементарной простотѣ ихъ. Между тѣмъ растворяющая сила воды служитъ почти главной причиной питанія въ человѣческомъ тѣлѣ. Безъ воды человѣкъ при самой обильной пищѣ умерь-бы съ голоду, потому что твердыя частицы пищи не могли-бы пройти чрезъ отверстія, находящіяся въ кишкахъ. Кусочки пищи, размельченной зубами и движеніями желудка, безъ воды напрасно толкались-бы у входа въ эти отверстія,—они не проскользнули-бы чрезъ нихъ, какъ широкая телега не пройдетъ чрезъ узкія ворота, и человѣкъ съ полнымъ желудкомъ принужденъ былъ-бы умереть голодной смертью. Въ сущности можно указать на огромную массу явленій въ живомъ организмѣ, которыя обуславливаются подобнаго-же рода простыми физическими причинами. Вода по преимуществу даетъ начало многимъ жизненнымъ процессамъ въ человѣческомъ тѣлѣ, которые сводятся къ проявленіямъ ея элементарныхъ свойствъ. Ничего не можетъ быть удивительнѣе явленія замѣны отжившихъ частицъ тѣла новыми, а между тѣмъ оно есть ничто иное, какъ послѣдствіе извѣстнаго свойства жидкихъ растворовъ. Если двѣ жидкости раздѣлены перепонкой и одна изъ нихъ гуще другой, то между ними происходитъ движеніе отъ болѣе густой въ сторону менѣе плотной. Этотъ опытъ можно произвести на глазахъ у всякаго человѣка, въ тѣлѣ-же онъ происходитъ ежеминутно и служитъ основаніемъ жизни. Авторъ разбираемаго нами сочиненія обошелъ всѣ эти явленія совершенно не ксатати, если только онъ разъ задался цѣлью разъяснить значеніе воды въ природѣ.

Двѣ королевы: Екатерина Арагонская и Анна Бoleйнъ. Соч. В. Г. Диксона, автора „Свободной Россіи“, „Новой Америки“, „Лондонской башни“ и пр. 2 тома. Спб. 1874.

Недавно, разбирая одно изъ послѣднихъ произведеній Диксона, мы удивлялись его необыкновенной плодовитости, видимо развивающейся въ ущербъ внутреннимъ достоинствамъ его неистощимаго творчества. Теперь же авторъ снова пускаетъ въ ходъ свое «бойкое» перо, которое расходилось на четыре огромныхъ тома историческаго повѣствованія. Въ русскомъ изданіи пока являются только два первыхъ тома, но они заставляютъ предвкушать качество и двухъ послѣднихъ. Вообще нужно замѣтить, что съ каждымъ новымъ сочиненіемъ этотъ писатель обнаруживаетъ въ возрастающей степени пустоту и безсодержательность своей литературной дѣятельности. В. Г. Диксонъ никогда не отличался опредѣленнымъ мировоззрѣніемъ, оригинальностью убѣжденій и тенденцій. Изъ современныхъ писателей Англіи онъ едва ли не самый плодовитый, но, перечитывая всѣ его сочиненія, невозможно составить понятія, какихъ мнѣній держится этотъ человѣкъ, какая внутренняя пружина двигаетъ его умственнымъ механизмомъ и побуждаетъ его писать о томъ, а не о другомъ предметѣ. Въ первыхъ трудахъ Диксона («Свободная Россія», «Новая Америка») можно было отыскать что-то похожее на критическій анализъ и стремленіе встать въ извѣстное отношеніе къ описываемымъ явленіямъ. Но во всѣхъ послѣдующихъ сочиненіяхъ авторъ отдается безпечальному созерцанію исторической дѣйствительности и хранитъ мертвый индиферентизмъ столько же безпристрастнаго, сколько и безцѣльнаго хроникера. Настоящее произведеніе Диксона отличается отъ прежнихъ его историческихъ трудовъ необыкновенной длиннотою и растянутостію, но въ этомъ обстоятельствѣ есть, однако, и хорошая сторона. Авторъ не удовлетворяется очеркомъ исторіи царствованія своихъ двухъ королевъ, но захватываетъ въ свою картину предшествовавшую эпоху и цѣлый рядъ государствъ, которыя играли роль въ событіяхъ англійской исторіи того времени. Онъ начинаетъ свой разсказъ съ рожденія Екатерины Арагонской въ мрачномъ убѣжищѣ католицизма и инквизиціи — Испанія Фердинанда и Изабеллы. Пользуясь этимъ случаемъ, Диксонъ посвящаетъ читателя во всѣ подробности жизни и политической дѣятельности этой роковой для

Испаніи царственной четы. Эти первая главы самая интересныя въ его книгѣ. У автора былъ подъ руками обширный матеріалъ и нѣкоторые неизданные и неизвѣстные историкамъ документы, которые проливаютъ новый свѣтъ на положеніе Испаніи въ концѣ XV вѣка. Иезуитскіе патеры и инквизиціонная цензура приложили все свое стараніе, чтобы скрыть отъ потомства наиболѣе темныя дѣянія знаменитыхъ испанскихъ вѣнценосцевъ. Историки вообще окружаютъ Фердинанда и Изабеллу ореоломъ государственной мудрости и объясняютъ самую возмутительную сторону ихъ внутренней политики безкорыстными мотивами глубокой религіозности. Между тѣмъ это не совсѣмъ такъ, по крайней мѣрѣ, относительно Фердинанда. Животная алчность, жажда золота и денежныхъ контрибуцій съ своихъ подданныхъ были главнымъ стимуломъ его дѣятельности и желѣзной твердости его характера. Въ своей книгѣ Диксонъ обрисовалъ весьма яркими чертами этотъ жизненный нервъ всѣхъ дѣйствій Фердинанда. Инквизиція никогда не пустила-бы такихъ глубокихъ корней въ Испаніи, если-бъ она не служила удобнымъ предлогомъ къ грабежу и конфискаціи. Интересы католицизма и римскаго двора всегда стояли у Фердинанда на послѣднемъ планѣ, онъ самъ былъ воспитанъ въ духѣ либерализма и по своей природѣ вовсе не былъ жестокъ. Въ земляхъ, подвластныхъ коронѣ Фердинанда, еще царилъ духъ свободы и благоразумный Фердинандъ никогда не рѣшился-бы воссружать противъ себя своихъ подданныхъ въ безкорыстныхъ видахъ служенія церкви. Но когда ему объяснили, что съ учрежденіемъ инквизиціи сокровища рѣкой потекутъ въ его карманъ, что для этого стоитъ лишь духовнымъ отцамъ и инквизиторамъ искать своихъ жертвъ въ богатыхъ и знатныхъ семействахъ, Фердинандъ немедленно далъ свое согласіе, и нечистовое дѣло монаховъ, начатое съ папскаго благословенія, съ тѣхъ поръ разрослось и крѣпло. Когда испанскимъ духовенствомъ былъ поднятъ вопросъ объ изгнаніи евреевъ, послѣдніе въ отчаяніи не знали, на что рѣшиться. Никакія мольбы и просьбы не помогали. Ходатайство знатныхъ и богатыхъ евреевъ, которые до тѣхъ поръ пользовались большимъ вліяніемъ при дворѣ, не имѣло успѣха. Наконецъ, ко двору Фердинанда явился ученый и весьма богатый еврей Авраамель, который очень хорошо зналъ, какъ смягчить непреклоннаго короля. «Я предлагаю вамъ выкупъ за свой народъ», сказалъ философъ, послѣ тщетныхъ переговоровъ. Онъ былъ не только богачъ, замѣчаетъ Диксонъ, — но и мудръ, и зналъ, какъ нужно было говорить съ Фердинандомъ. Онъ предложилъ шестьсотъ тысячъ золотыхъ ефимковъ за отпѣну несправедливой мѣры. Ко-

роль перемѣнилъ тонъ: онъ находилъ сдѣлку выгодной, такъ-какъ нуждался въ деньгахъ, и готовъ былъ внять мольбамъ евреевъ. Но королева, находившаяся подъ наитіемъ чудовищнаго фанатика, свирѣпаго Торквемады, не давала своего согласія и настояла на исполненіи требованія монаховъ. Личность Изабеллы охарактеризована Диксономъ довольно живыми красками, но онъ не прибавилъ ни одной новой черты къ ея портрету. Въ противоположность своему супругу, Изабелла была безусловно предана іезуитамъ и нерѣдко выказывала большую любовь къ кострамъ, чѣмъ сами святые отцы. Но это былъ сильный и дѣятельный умъ, который смѣло врывался въ самыя сложныя политическія предпріятія и обнаруживалъ страшную энергію и коварство.

Самая интересная и новая сторона историческаго изслѣдованія Диксона заключается въ установленіи того факта, что народъ Испаніи вовсе не думалъ подчиняться католическому духовенству и учрежденію инквизиціи съ той пассивной покорностью, о которой говорятъ іезуитскія хроникки и историческіе мемуары католическихъ патеровъ. Глухой ропотъ народа не умолкалъ во все царствованіе Фердинанда и Изабеллы, а либеральная интеллигенція выражала громко свой протестъ въ собраніи кортесовъ, постоянно напоминая королю о священныхъ правахъ народа, о древней конституціи и вольностяхъ раззоряемыхъ городовъ. Для противодѣйствія невѣжественному фанатизму католическихъ монаховъ организовалась сильная партія «Друзей Свѣта», которая состояла изъ людей всѣхъ сословіи и религій, не исключая евреевъ и даже монаховъ болѣе либеральнаго францисканскаго ордена. Фердинандъ не могъ не обратить вниманія на протесты оскорбленнаго народа, но, разъ вкусивъ сладость награбленнаго золота, онъ не измѣнялъ своей программы и старался лишь заглушить мятежные голоса нѣкоторыхъ смѣльчаковъ, ратовавшихъ открыто въ собраніи кортесовъ противъ дѣйствій короля. Фердинандъ скоро убѣдился, что инквизиція можетъ служить не только отличнымъ средствомъ для наполненія его сундуковъ, но и для уничтоженія возникшаго движенія въ средѣ недовольныхъ. «Святая инквизиція» пробралась въ кортесы и выхватывала оттуда самыхъ неукротимыхъ и независимыхъ членовъ по указанію короля. Такимъ образомъ, инквизиція является орудіемъ чисто-мірскихъ цѣлей, какъ средство наживы и укрощенія политическихъ страстей, и этимъ объясняется то покровительство, которымъ всегда пользовалась инквизиція со стороны свѣтской власти. Но этимъ-же объясняются и тѣ страшныя послѣдствія, которыя повлекла за собой инквизиція во всѣхъ сферахъ

народной жизни. Среди европейских націй конца XV и начала XVI в. Испанія стояла во главѣ умственного движенія и для того времени была даже идеаломъ политическаго развитія. Казалось-бы, что прогрессъ Испаніи нельзя было остановить никакими преслѣдованіями; по крайней мѣрѣ, въ наше время многіе склонны искать утѣшенія въ мысли о торжествѣ справедливости и неизбѣжномъ посрамленіи реакціи. Но Испанія не совѣмъ оправдываетъ это ожиданіе. Все зависитъ отъ искусства реакціонеровъ и выбора средствъ. Государства, современныя Испаніи XV и XVI вѣка, далеко не пользовались ея благоденствіемъ и католицизмъ уже заносилъ надъ ними свою руку, хотя давленіе его было не такъ ощутительно, какъ въ Испаніи. Германія, Англія, Франція, Швейцарія, Данія, Швеція и Норвегія служили также ареной для іезуитизма, но слабый приѣмъ этого яда оказалъ лишь возбуждающее дѣйствіе на организмъ этихъ государствъ, тогда какъ въ болѣе сильной дозѣ онъ убилъ Испанію на многіе вѣка... Не прошло и двухъ поколѣній, какъ въ ней убита была наука и подавлены всѣ задатки къ умственному движенію. Сѣмена политики, посеянные Фердинандомъ и Изабеллой, казалось, отравили духовную почву Испаніи и съ тѣхъ поръ на ней не можетъ прозябать здоровая жизнь. Въ сущности здѣсь виноваты не столько религіозныя преслѣдованія сами по себѣ, не духъ іезуитизма, сколько роковая связь его съ политическими цѣлями, которыя преслѣдовала свѣтская власть въ Испаніи со времени Фердинанда. Поголовный грабежъ и систематическія казни, которымъ подвергались отдѣльныя личности, носители народной свободы и интеллигенціи, были главными причинами одичанія націи и возвращенія ея къ первобытному варварству. Наука и даже политическое развитіе суть результаты народнаго богатства, свободныхъ матеріальныхъ ресурсовъ, сбереженныхъ предшествовавшими поколѣніями. Во всѣхъ государствахъ именно богатый классъ избѣгалъ преслѣдованій со стороны власти, въ Испаніи-же, наоборотъ, богатые семейства выносили всю тяжесть деспотизма политическаго и религіознаго, и когда они были истреблены, а съ ними и будущіе дѣятели науки и поборники народнаго просвѣщенія и политическаго развитія, вся страна представляла, такъ-сказать, сплошную равнину невѣжества и страшной нищеты, которая заглушала всѣ духовныя потребности, и надолго остановила всякое стремленіе къ прогрессу. Богатые классы лишены были, такимъ образомъ, возможности оказать націи единственную услугу, посредствомъ которой они могли отплатить ей за свои богатства. Результатъ 15 вѣковъ уничтоженъ былъ однимъ царствованіемъ, и

когда оно окончилось, Испанія снова родилась на свѣтъ слабымъ и беспомощнымъ младенцемъ, которому предстояло расти и развиваться тѣмъ-же длиннымъ и труднымъ путемъ, на которомъ ее застигъ хщный абсолютизмъ Фердинанда и Изабеллы.

Ничего замѣчательнаго не представляетъ та часть историческаго труда Диксона, которая посвящена событіямъ, совершавшимся въ Англіи. Здѣсь Диксонъ стоитъ на любимой имъ почвѣ мелочной исторической хроники, въ которой сообщаются съ пунктуальной точностью придворныя интриги и дипломатическіе поединки между дворомъ Фердинанда и Генриха VII, жаждавшаго закрѣпить посредствомъ брака своего сына Артура съ Екатериной Арагонской дружбу Англіи съ могущественной въ то время Испаніей. Каждый изъ монарховъ старается перехитрить и обойти другого въ политической дальнзоркости, выгадать въ свою пользу лишнюю тысячу монетъ и затѣмъ сохранить свое достоинство. Не пожалѣвъ красокъ на изображеніе личности Фердинанда, Диксонъ, видимо, щадитъ монарха Англіи, къ патріотической радости англійскихъ критиковъ. Онъ выставляетъ его предъ нами въ чрезчуръ привлекательномъ свѣгѣ и даже старается снять съ него всякую отвѣтственность за бракъ его второго сына съ Екатериной, что во всякомъ случаѣ сильно нуждается въ подтвержденіи. Но безпристрастный наблюдатель, слѣдя за параллелью, которую проводитъ Диксонъ между Генрихомъ VII и Фердинандомъ испанскимъ, невольно отдастъ во многихъ отношеніяхъ преимущество послѣднему. Сила ума, широта политическихъ плановъ и ловкость въ достиженіи цѣлей, которыя, кстати замѣтимъ, въ общихъ чертахъ одинаковы у того и у другого,—все это было скорѣе на сторонѣ Фердинанда, тогда какъ Генрихъ VII въ сущности отличался лишь отрицательными достоинствами. Въ двухъ первыхъ томахъ исторіи «Двухъ Королевъ» Диксонъ успѣлъ лишь рассказать первую половину событій изъ жизни Екатерины Арагонской. Второй томъ оканчивается ея бракомъ съ Генрихомъ VIII и описаніемъ коронаціи. Такимъ образомъ, важнѣйшіе моменты этой эпохи отнесены авторомъ къ будущимъ томамъ, о своевременномъ выходѣ которыхъ русскій издатель, какъ заявляетъ онъ въ своемъ предисловіи, думаетъ серьезно озаботиться. Что касается цѣны изданія, то она вовсе не высока, если принять въ расчетъ опрятность и многотомность изданія, но относительно самого содержанія книги она очень высока. Предпринимаемая изданіе „Двухъ королевъ“, издателю не мѣшало-бы подумать, что его задача состоитъ не столько въ выборѣ хорошей бумаги, сколько въ заботахъ о томъ, что будетъ на ней печататься.

Разказы изъ исторіи русскаго народа (отъ начала Руси до нашествія татаръ). Н. Алябьева. Изданіе народнаго журнала Грамотей. М. 1873.

«Я, говоритъ г. Алябьевъ,—старался не о томъ только, чтобы по возможности простымъ языкомъ *рассказать* историческія событія, но вмѣстѣ съ тѣмъ *объяснить* и *растолковать* ихъ, потому что русскому человѣку мало одного того, чтобы только *знать* исторію своего народа, но нужно и *понимать* ее».

Г. Алябьевъ сдержалъ свое слово, и русскій человѣкъ, прочитавъ его книжку, конечно, будетъ «знать и понимать исторію своего народа». Сколько чудныхъ, занятныхъ «исторій» найдетъ онъ въ этой исторіи! Онъ узнаетъ, напр., что сказочному «Гостомыслу снился однажды сонъ, что будто изъ утробы его дочери, Умилы, выросло огромное плодовитое дерево, которое осыпало городъ, а люди пытались отъ плодовъ этого дерева. Гостомыслъ послалъ къ вѣщунамъ, которые растолковали этотъ сонъ такъ: «сыновья Умилы наследуютъ ему и будутъ княжить въ землѣ его». Умила вышла за мужъ за русскаго князя, отъ котораго у ней родилось трое сыновей: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ; этихъ-то сыновей и призвали славяне». Г. Алябьеву показалось мало легенды о призваніи варяговъ и мифическомъ Гостомыслѣ и онъ откопалъ еще гдѣ-то Умилу, личность столь-же историческую, какъ и какой-нибудь богатырь Полканъ. Далѣе, русскій человѣкъ узнаетъ не менѣе чудныя исторіи о томъ, какъ корабли Олега шли подъ Константинополь по сушѣ (стр. 31); какъ исполнилось надъ Олегомъ предсказаніе кудесника, что онъ получитъ смерть отъ своего коня (стр. 34—35), какъ мстила Ольга древлянамъ (стр. 36—38); какъ «историческій» богатырь Кожемяка «ухватилъ рукой за бокъ разъяреннаго казенымъ желѣзомъ быка и выхватилъ столько кожи съ мясомъ, сколько рукой могъ загребсти», а потомъ обратился въ бѣгство полчища печенѣговъ (стр. 58). Далѣе слѣдуетъ чудная исторія о томъ, что когда въ Новгородѣ свергли идола Перуна, то онъ закричалъ: «о, горе мнѣ, попалъ я въ немилостивыя руки!» Потомъ, подплывши къ мосту, онъ бросилъ на мостъ палку и сказалъ: «поминайте меня этими, новгородскія дѣти!» (стр. 61). Затѣмъ идутъ былины объ *историческихъ* герояхъ—Соловѣ разбойникѣ, Ильѣ Муромцѣ и дру-

гихъ (стр. 62—86), ужь очень занятныя «исторіи»!.. За былинами слѣдуютъ не менѣ правдоподобныя «исторіи» о разныхъ людяхъ и событіяхъ, въ родѣ того, напр., что одинъ русскій, замученный бѣсами, «не могъ ни встать, ни сѣсть, но лежалъ на одной *сторонѣ* (?), ходилъ подь себя и оттого завелись у него подь бедрами черви». Это продолжалось *два года*. «Впродолженіи этого времени онъ ни хлѣба не ѣлъ, ни воды не пилъ» (стр. 117). Что-же, очень возможно!.. Большая часть исторій г. Алябьева составлена изъ подобныхъ исторій. Остальная половина этой уморительной книжицы состоитъ тоже преимущественно изъ отрывковъ,—тутъ вы найдете и изложеніе Русской Правды (стр. 95—98), объемистое письмо Владимира Мономаха (стр. 123—125), его «поученіе» (стр. 137—142), крайне вялый и сухой рассказъ объ удѣльномъ періодѣ, наполненный подробностями и собственными именами, приводящими въ отчаяніе каждаго ученика (стр. 143—194). Наконецъ, собственный г. Алябьева переводъ «Слова о Полку Игоревѣ» (стр. 200—222), переводъ, вполне достойный Тредьяковского. Какъ вамъ нравятся, напр., такіе стихи (стр. 203):

Ночь стенающей грозю птицъ поразбудила;
Кричитъ филинь-диковище на вершинѣ древа!..

Впрочемъ, не одни вирши г. Алябьева, но и проза его больно плоха,—по крайней мѣрѣ, для народа. Авторъ хорошо, конечно, дѣлаетъ, что не поддѣлывается подь простонародный жаргонъ и не паясничаетъ, какъ какой нибудь Максимовъ въ своемъ «Кулѣ хлѣба». Всѣ эти поддѣлки фальшивы и нецѣлесообразны уже по одному тому, что общаго для всего простого народа языка у насъ нѣтъ, а есть нѣсколько областныхъ жаргоновъ, на которыхъ народъ говоритъ въ разныхъ провинціяхъ. Языкъ, которымъ объясняются мужики Н. Успенскаго и другихъ подобныхъ писателей, языкъ не живой, а искусственный, сочиненный, хотя въ составъ его и вошло много элементовъ изъ живыхъ областныхъ жаргоновъ. Народная литература должна приучать народъ къ общерусскому, правильному, развитому языку литературному. Но много пройдетъ времени, пока этотъ языкъ сдѣлается совершенно удобопонятнымъ для народа. До тѣхъ-же поръ литература должна по-возможности приуменьшать свой языкъ къ языку народа, т. е. избѣгать иностранныхъ словъ, слишкомъ искусственныхъ оборотовъ и т. д. Алябьевъ-же почти не обращаетъ на это никакого вниманія, употребляя такіе слова, какъ, напр., *опозиція* (стр. 184), *эпоха* (стр. 169) и т. д., или такіе обороты: «гражданскій бытъ у всѣхъ народовъ складывался самъ собою и

развивался естественнымъ образомъ» (стр. 22). Слова тутъ все русскія, но значеніе этого, ничѣмъ не разъясненнаго, афоризма все-таки останется непонятнымъ для мужика. А такихъ мѣстъ въ книгѣ не мало, и большая часть глубокомысленныхъ разсужденій автора останется невразумительною для простонародья. Еще менѣе понятны будутъ для простаго человѣка тѣ многочисленныя страницы книги, на которыхъ г. Алябьевъ, не мудрствуя лукаво, пересказываетъ содержаніе лѣтописей и другихъ древнихъ источниковъ. Здѣсь его рѣчь пересыпана старинными словами и выраженіями, которыя въ современномъ языкѣ или вовсе не употребляются или имѣютъ другое значеніе и которыя, между тѣмъ, авторъ оставилъ безъ всякихъ объясненій. Напр., «брака у нихъ не было, но уводили дѣвиць у воды» (стр. 5). Неужели мужикъ пойметъ, о чемъ тутъ говорится? Или: «если мужъ убьетъ мужа, то за него мстятъ», и т. д. (стр. 97). Ужели простой читатель пойметъ, что подъ *мужемъ* тутъ разумѣется человѣкъ, мужчина, а не женатый человѣкъ, который въ современномъ языкѣ называется этимъ словомъ? вмѣсто того, чтобы выраженіе—«ряды рядить» передать словомъ *править*, авторъ передаетъ его буквально (стр. 163). Прибавьте къ этому не малое количество опечатокъ, напр. «у Генриха затѣвалась своя борьба съ *покоса*» (стр. 106), вѣроятно, борьба—«съ папой»,—и книжка окажется совершенно непонятной для народа, который и запомнить изъ нея однѣ только сказки. Охъ, ужъ эти «чудныя исторіи»! вмѣсто того, чтобы просвѣщать народъ положительными знаніями и приучать его къ серьезному мышленію, наши писатели, въ родѣ г. Алябьева, только набиваютъ его голову разной небывальщиной, извращаютъ фангазію, поддерживаютъ легковѣріе и суевѣріе. И когда-же, наконецъ, исчезнуть изъ историческихъ руководствъ эти баснословныя Гостомыслы, небывалые походы подъ Царьградъ и другія легенды, недостовѣрность которыхъ такъ остроумно доказываетъ г. Костомаровъ въ своемъ послѣднемъ изслѣдованіи о преданіяхъ русской лѣтописи? Когда-же, наконецъ, у насъ будетъ исторія народа, а не исторія Сидоровъ, Андреевъ, Акулинь? Вѣдь теперь въ такихъ книжкахъ, какъ алябьевскіе «Разказы изъ исторіи русскаго *народа*», народу отводится то-же мѣсто и посвящается такое-же вниманіе, какъ въ театралныхъ труппахъ лицамъ, изображающимъ на сценѣ «народъ».

Самый методъ сочиненія г. Алябьева тоже замѣчателенъ. Вѣроятно, по неспособности къ составленію общихъ историческихъ картинъ, онъ описываетъ историческія событія большею частію посред-

ствомъ раздѣленнаго на параграфы изложенія источниковъ. Напр.: «Время Владиміра. I, по лѣтописнымъ сказаніямъ (стр. 52—62; здѣсь пересказываются извѣстія и легенды изъ лѣтописей). II, по былинамъ» (стр. 62—86; излагаются и приводятся въ подлинникѣ былины). Трудъ очень легкій, и, вѣроятно, иной грамотный писарь выполнилъ-бы его не хуже г. Алябьева. Но при всемъ этомъ г. Алябьевъ далеко не остается простымъ рассказчикомъ и честно выполняетъ данное имъ въ предисловіи обязательство «не только *рассказать* историческія событія, но вмѣстѣ съ тѣмъ *разяснить* и *рас-толковать* ихъ». Разясненія г. Алябьева очень глубокомысленны. Напр.: «гражданскимъ бытомъ называется сожителство людей между собою. Развитие и улучшение гражданского быта зависитъ отъ улучшения нравовъ: чѣмъ грубѣе были нравы, чѣмъ хуже былъ образъ жизни и *отношенія людей другъ къ другу*, тѣмъ несовершеннѣе былъ и гражданскій бытъ; чѣмъ человѣчнѣе дѣлались отношенія между людьми, тѣмъ больше было нравственныхъ связей между людьми, а слѣдовательно, улучшался и гражданскій бытъ» (стр. 22). Хорошо разясненіе: чѣмъ болѣе улучшались взаимныя человѣческія *отношенія*, тѣмъ болѣе совершенствовался и *гражданскій бытъ*, т. е. чѣмъ лучше былъ гражданскій бытъ, тѣмъ лучше былъ гражданскій бытъ, ибо, по опредѣленію-же г. Алябьева, «гражданскимъ бытомъ называется сожителство людей между собой», т. е. «отношенія людей другъ къ другу», отъ развитія которыхъ зависитъ, по его словамъ, развитіе гражданского быта! Хорошо также разясняетъ авторъ происхожденіе новгородскаго вѣча. Вѣче, по г. Алябьеву, сначала было ничто иное, какъ купеческая биржа, на которую новгородцы собирались потолковать о торговыхъ дѣлахъ (стр. 25)! «Мѣстничество имѣло и хорошую сторону: оно возбуждало соревнованіе въ людяхъ: каждый старался отличиться подвигомъ, сдѣлать что-нибудь доброе; потомъ оно сдѣлалось источникомъ ненависти и зависти. Оттого-то и начали появляться сословныя предразсудки» (стр. 59). Удѣльная система и удѣльныя междоусобицы развились потому, что наши князья не имѣли «политическаго образованія» (стр. 100). Всѣхъ глубокомысленныхъ изрѣченій г. Алябьева не перечесть и, оставивъ ихъ въ сторонѣ, мы должны упомянуть еще объ иллюстраціяхъ, которыми авторъ украсилъ свою книгу. Иллюстраціи эти—прелесть, что такое. Вотъ, напр., «Крещеніе русскаго народа»: весь народъ стоитъ въ рѣкѣ въ полныхъ національныхъ костюмахъ, женщины въ кокошникахъ и другихъ головныхъ уборахъ и т. д. Подъ картинкою, изображающею что-то въ родѣ драки пьяныхъ мужиковъ, подивсь: «жрецы

привносятъ при Владимірѣ чловѣческія жертвы». Это все еще ничего; верхъ совершенства—картинка, приложенная къ страницѣ 81-й. Изображена зала желѣзно-дорожнаго вокзала, въ которой за длиннымъ столомъ ѣдятъ и пьютъ пассажиры третьяго класса. Къ нимъ съ патетическою рѣчью, съ театральными приемами обращается стоящій посреди залы здоровенный баринъ, съ красивой бородой, съ англійскимъ проборомъ, въ сюртукѣ; и по наружности, и по позѣ онъ похожъ на моднаго адвоката, тѣмъ болѣе, что сидящій рядомъ съ нимъ мужикъ съ арфой очень смахиваетъ на преступника на скамьѣ подсудимыхъ. Но у этого адвоката за спиной кожанъ со стрѣлами и лукъ, и адвокатъ этотъ оказывается вовсе не адвокатомъ, а Ильей-Муромцемъ, вокзальная-же зала 3-го класса—дворцовымъ покоемъ, а вся картина изображаетъ «пиръ у великаго князя Владиміра».

Древніе города Россіи. Историко-юридическое изслѣдованіе Д. Я. Самоковасова. Слб. 1873.

Мы не знаемъ, кто такой г. Самоковасовъ, но по всему видно, что это ученый новѣйшаго приготовления, а его книга — диссертация на ученую степень; послѣднее можно видѣть уже изъ одного того, что въ концѣ ея все ея содержаніе резюмировано въ 41-ти тезисахъ, какъ это дѣлается въ каждой диссертации. Поэтому къ разбору ея мы приступаемъ со страхомъ и трепетомъ, которые совершенно естественны въ обыкновенномъ смертномъ, дерзающемъ приближаться къ свѣтиламъ науки, особенно къ свѣтиламъ современной россійской науки. Послѣднія крайне враждебно относятся ко всякой журнальной критикѣ ихъ произведеній и еще недавно на одномъ диспутѣ офиціальнѣйшій оппонентъ публично совѣтовалъ докторанту быть ноосторожнѣе, чтобы не давать матеріяла для неблагопріятныхъ толковъ «разнымъ писакамъ». Такая вражда свѣтилъ къ свѣту критики и гласности понятна и очень естественна. Читателю, вѣроятно, памяты недавніе примѣры, какъ нѣкіе ученые мужи преслѣдовали даже судебнымъ порядкомъ рецензентовъ за разборъ ихъ диссертаций. Впрочемъ, все это совершенно естественно и понятно; такія враждебныя отношенія между переучившимися россиянами новѣйшаго приготовления и недоучившимися, по ихъ мнѣнію, рецензентами, неизбежно вытекаютъ изъ современнаго положенія нашей парниковой науки и журналистики. Какъ

ни пала въ послѣднее время наша журналистика, но стремленіе къ жизни все-таки не убито въ ней и она требуетъ жизни отъ науки, какъ и отъ всѣхъ другихъ элементовъ соціальнаго быта. Наука-же наша отдалилась отъ жизни и контингентъ ея дѣятелей пополняется преимущественно людьми, которые и по своимъ способностямъ, и по своему характеру вполне соответствуютъ этому искусственному повороту въ развитіи русской мысли. Вотъ первая причина упомянутыхъ отношеній ученыхъ мужей и журнальной критики. Далѣе, эти отношенія поддерживаются еще другимъ, не менѣе важнымъ, обстоятельствомъ, имѣющимъ, однакожь, тѣсную связь съ сейчасъ объясненными условіями. У насъ чрезвычайно мало хорошихъ учебниковъ и руководствъ какъ для высшихъ, такъ для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Но при этомъ наши магистранты и докторанты, вмѣсто составленія этихъ необходимыхъ пособій по своимъ спеціальностямъ, для полученія степени должны представлять диссертациі, въ которыхъ-бы, какъ говорится, «проливался новый свѣтъ» на науку вообще или на извѣстные ея отдѣлы. Но много-ли найдется въ Россіи людей, способныхъ проливать новый свѣтъ, и возможно-ли, чтобы каждый изъ нашихъ профессоровъ и профессорантовъ пролилъ какой-нибудь новый свѣтъ? А между тѣмъ это—непремѣнное условіе для полученія докторской степени. Свѣтъ долженъ быть пролитъ и basta! Ну, и проливають... Возьмите вотъ хоть г. Самоквасова: человекъ онъ, какъ видно, грамотный, начитанный, трудолюбивый и, вѣроятно, способный написать довольно сносную книгу о предметѣ, уже разработанномъ для него. Но вотъ тотъ-же самый человекъ начинаетъ проливать свѣтъ—и выходитъ вмѣсто свѣта переливаніе нелѣпостей изъ пустого въ порожнее.

Въ книгѣ г. Самоквасова столько неточностей, искаженій, ложныхъ выводовъ, что нѣтъ никакой возможности указать всѣ ихъ въ коротенькой журнальной рецензіи. Поэтому мы остановимся только на главной мысли книги и ея развитіи.

Что возникло раньше: городъ или деревня? Если даже à priori рѣшать этотъ вопросъ, то выйдетъ, что люди, переходя къ осѣдой жизни, жили сначала въ деревняхъ, а потомъ уже выучились и начали строить себѣ укрѣпленные города. Наши лучшіе историческіе изслѣдователи говорятъ то-же самое. «Въ глубокой древности славяне жили дворами. Съ развѣтвленіемъ семей дворы размножились. Ихъ соединяла сначала родовая связь. Дворы, соединенные между собою, составляли села. Частыя опасности отъ иноземцевъ вызвали потребность самозащиты и самосохраненія. Это поневолѣ сближало и

соединяло жителей отдѣльныхъ селъ. Необходимы оказались центры такого соединенія. И вотъ жители расположенныхъ близко между собою селъ строили укрѣпленныя мѣста, принадлежавшія всѣмъ имъ вмѣстѣ и для всѣхъ въ равной степени служившія, въ случаѣ надобности, убѣжищемъ. Такія укрѣпленныя мѣста назывались градами или, по русскому нарѣчію, городами» (Костомаровъ). Но г. Самоквасову нужно совершить переворотъ въ наукѣ, и онъ положительно отвергаетъ этотъ вполне естественный и основанный на фактическихъ данныхъ порядокъ историческаго развитія. Вся суть его многоученой диссертациі выражена въ слѣдующемъ, девятомъ тезисѣ: «Въ Россіи историческаго времени незаселенныя мѣстности или заселенныя русскимъ народомъ заселялись русскимъ народомъ при посредствѣ городовъ, позже которыхъ возникали села и хутора» (стр. 164). Этотъ порядокъ г. Самоквасовъ признаетъ общимъ не только для всего славянскаго племени (id.), но и для всѣхъ народовъ. «Занимая чужую страну, славяне должны были поступать такъ, какъ поступали всѣ народы, занимая чужую страну. Острова и побережья Средиземнаго и Чернаго морей заселялись выселками изъ Финикіи, Карфагена, Греціи и Рима при посредствѣ колоній-городовъ» (стр. 151). «Но позвольте, скажетъ читатель, — тутъ есть разница: основатели этихъ колоній-городовъ, финикіане, греки, римляне, были народы цивилизованные, а славяне...» Но г. Самоквасовъ перебиваетъ читателя и съ изумительною развязностью утверждаетъ, что славяне, «при первомъ появленіи ихъ въ исторію», были народомъ, «знакомымъ съ высшею цивилизаціей своего времени»; а «исторія не представляетъ фактовъ, гдѣ-бы ослѣдлый земледѣльческій народъ, по мѣсту своего прежняго жительства знакомый съ высшею цивилизаціей своего времени, переселившись въ новую страну, занятую туземнымъ населеніемъ, селился въ этой странѣ не скученно, въ городахъ, а разсыпавшись по странѣ, сталъ жить «въ хуторахъ», отдѣльно, на особыхъ мѣстахъ» (стр. 151—152). Позвольте, г. Самоквасовъ, первые колонисты сѣверной Америки селились и городами, но также селились и селами, и «хуторами», отдѣльными фермами, что продолжалось и до позднѣйшаго времени. Но г. Самоквасовъ, еще съ большею развязностью, чѣмъ прежде, снова перебиваетъ васъ и съ авторитетомъ знатока американской исторіи голословно утверждаетъ, что «въ Америкѣ первоначально появлялись города съ европейскимъ населеніемъ, а потомъ уже сельскіе виды народныхъ поселеній» (15)! Впрочемъ, читатель не долженъ думать, что, искажая исторію, г. Самоквасовъ говоритъ одними только голословными афоризмами, — нѣтъ,

онъ пускаетъ въ ходъ всю свою эрудицію, всю діалектику, къ какой только онъ способенъ. Ему прежде всего необходимо было доказать, что города были уже въ древнѣйшей Россіи. Здѣсь онъ съ перваго-же шага наталкивается на свидѣтельство Юрнанда, что у славянъ «вмѣсто городовъ служатъ лѣса и болота», и объясняетъ это свидѣтельство въ свою пользу такъ: «Это *должно быть понимаемо* не въ смыслѣ: «славяне, не имѣя городовъ, въ лѣсахъ и болотахъ искали спасенія отъ враговъ», а буквально: «славяне лѣса и болота вмѣсто городовъ имѣютъ», или: «лѣса и болота служатъ славянамъ вмѣсто городовъ», т. е. что характеръ страны славянъ защищалъ ихъ отъ непріятельскихъ нападений» (стр. 130). Почему это такъ «должно быть понимаемо» и въ чемъ заключается неуловимый смыслъ этой перефразировки, понятно развѣ одному Аллаху, но, по всей вѣроятности, не понятно даже самому г. Самоквасову.

Далѣе, что древнѣйшіе славяне жили исключительно городами, авторъ доказываетъ свидѣтельствами, изъ которыхъ можно видѣть только то, что города, въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ, дѣйствительно были у славянъ, какъ и у всякаго, даже самаго дикаго народа, какъ, напр., у троглодитовъ, которые тоже защищались отъ вражескихъ нападений въ своихъ пещерахъ. Но дальше слѣдуетъ доказательство еще забавнѣе. «Молчаніе историческихъ источниковъ въ отношеніи городовъ у вятичей и радимичей еще не даетъ права на заключеніе о дѣйствительномъ несуществованіи городовъ у этихъ племенъ. *Скорѣе, напротивъ*, скудость извѣстій Нестора объ этихъ племенахъ и указаніе на одинаковый общественный бытъ ихъ съ другими племенами русскихъ славянъ... даютъ право на противное заключеніе: радимичи и вятичи, въ эпоху присоединенія ихъ къ владѣніямъ Олега, *имѣли многіе города*» (стр. 135). Какова логика: источники ничего не говорятъ о городахъ,—слѣдовательно, было много городовъ!.. Затѣмъ г. Самоквасовъ притягиваетъ къ дѣлу и извѣстную, неизвѣщую историческаго значенія, легенду о путешествіи Андрея. Изъ нея онъ дѣлаетъ такой выводъ. Во время этого путешествія славяне мылись въ баняхъ «по вся дни»,—слѣдовательно, были большіе города (стр. 136). Свидѣтельство Нестора, что поляне жили не городами, какъ хотѣлось-бы г. Самоквасову, а отдѣльными родами, авторъ старается опровергнуть посредствомъ слѣдующаго изворота: это свидѣтельство высказано Несторомъ по поводу извѣстной легенды о Кіѣ и его братьяхъ; но такъ-какъ доказано, что легенда о Кіѣ—мифъ и вовсе не имѣетъ исторической достоверности, то, слѣдовательно (!), и высказанное по поводу ея извѣ-

стіе Нестора о жизни полянъ отдѣльными родами тоже «не имѣть значенія историческаго свидѣтельства» (стр. 138—141). Но черезъ нѣсколько страницъ легенду о Кіѣ, передаваемую Несторомъ и признанную за мифъ г. Самоквасовымъ, послѣдній уже употребляетъ какъ вполне историческое свидѣтельство, доказывая существованіе городовъ въ древнѣйшей Россіи тѣмъ, между прочимъ, что «Кій построилъ городъ Кіевецъ» (стр. 151)... Таковы ученые приемы, посредствомъ которыхъ г. Самоквасовъ несомнѣнно (для самого себя, конечно) доказалъ, что города были уже въ самодревнѣйшей Россіи, что чуть-ли славяне не принесли ихъ съ Дуная съ собой на своихъ плечахъ. По Самоквасову, русскіе, «знакомые съ высшею цивилизаціей своего времени» и уже вышедшіе изъ состоянія родового быта, пришли съ Дуная незначительными партіями, имѣвшими не родовой, а политическій характеръ, и каждая изъ этихъ партій строила себѣ городъ, который давалъ начало селамъ, а потомъ хуторамъ (стр. 145). Невозможно доказать этого научными аргументами, а потому г. Самоквасовъ подтверждаетъ справедливость выдуманнаго имъ процесса развитія русскихъ поселеній примѣрами позднѣйшей военной правительственной колонизаціи. Такъ, говоритъ онъ, «южныя и юговосточныя окраины московскаго государства заселялись при посредствѣ *городовъ и городковъ*» (стр. 145). Во-первыхъ, это была правительственная, военная колонизація, въ родѣ присоединенія Амура или Туркестана, и заключать на основаніи этого примѣра о способѣ первоначальной чисто-народной колонизаціи могутъ только такіе ученые, какъ г. Самоквасовъ. Во-вторыхъ, авторъ сдѣлалъ тутъ передержку, замѣтную даже для неопытнаго глаза. Изъ приведеннаго нами курсива читатель видитъ, что онъ отличаетъ *городъ* отъ *городка*, разумѣя, конечно, подъ послѣднимъ небольшое укрѣпленіе, въ родѣ новѣйшихъ казачьихъ пикетовъ въ киргизской степи. Между тѣмъ далѣе, какъ и въ другихъ мѣстахъ своей книги, онъ постоянно смѣшиваетъ эти два понятія. Говоритъ онъ, напр., что въ концѣ XVII вѣка на извѣстномъ протяженіи береговъ Дона все не было селъ, а «стояло 52 *города*»; но изъ приведеннаго подъ чертой списка оказывается, что это были не *города*, а *городки*, т. е. пикеты или станицы (стр. 148)! Въ-третьихъ, авторъ, говоря объ этой военной колонизаціи, умалчиваетъ, что во многихъ мѣстахъ, независимо отъ нея, шла другая, мирная колонизація посредствомъ монастырей, селъ, хуторовъ. Этимъ способомъ на памяти исторіи заселялось сѣверное поморье. По увѣренію г. Самоквасова, Сибирь заселилась при посредствѣ военныхъ городовъ и городковъ

(стр. 146). Дѣйствительно, партіи, покорившія Сибирь, строили городки или зимовья; но ужели г. Самоквасовъ вовсе не знакомъ съ исторіей Сибири; ужели онъ не знаетъ, что, независимо отъ этихъ партій и безъ вѣдома ихъ, въ Сибирь бѣжали тысячи народа и селились здѣсь деревнями, раскольничьими скитами, заимками, т. е. хуторами; эти поселенія сплошь и рядомъ не только не искали защиты городовъ и городковъ, но даже избѣгали ея, страшась административной опеки.

Лучшіе наши историки насчитываютъ въ до-татарской Россіи около 300 *городовъ*; г.-же Самоквасовъ полагаетъ ихъ *нѣсколько тысячъ*, приводя въ подтвержденіе своего мнѣнія тѣ источники, которые говорятъ о «многихъ городахъ», объ истребленіи татарами городовъ, «имъ-же нѣсть числа», и т. п. (стр. 74 и слѣд.). Но подобныя неопредѣленныя и гиперболическія выраженія, притомъ заимствованныя изъ такихъ, напр., «историческихъ» источниковъ, какъ скандинавскія саги, даже въ глазахъ г. Самоквасова не могутъ имѣть важнаго значенія. Для подтвержденія своего открытія онъ нуждался въ болѣе вѣскомъ аргументѣ и нашелъ его въ нѣсколькихъ тысячахъ *городковъ* и *городищъ*, разбѣянныхъ по Россіи. Мнѣніе автора, что *городищемъ* называется мѣсто, гдѣ прежде стоялъ городъ, очень правдоподобно, хотя и недостаточно доказано имъ (стр. 98—99) и не можетъ быть принято безусловно, такъ-какъ городищами въ настоящее время нерѣдко называются мѣста, на которыхъ стояли села. Но если даже всѣ городища считать остатками городовъ, то и въ такомъ случаѣ «нѣсколько тысячъ» самоквасовскихъ городовъ должно сократиться болѣе, чѣмъ на половину, такъ-какъ изъ приложеннаго при книгѣ списка городковъ и городищъ видно, что число послѣднихъ вдвое меньше числа первыхъ. Къ тому-же г. Самоквасовъ, можетъ быть, знаетъ, что въ древней Россіи сплошь и рядомъ одинъ и тотъ-же городъ переносился по нѣскольку разъ съ мѣста на мѣсто, вслѣдствіе разнообразныхъ мѣстныхъ условій; нѣкоторые даже изъ существующихъ теперь городовъ оставили вслѣдствіе такого перенесенія по нѣскольку городищъ каждый, и нелѣпо считать эти городища остатками древнихъ городовъ. Но г. Самоквасовъ далекъ отъ всякихъ подобныхъ соображеній и возраженій, которыя онъ обходитъ съ ловкостью почти военнаго челоуѣка. Съ неменьшею развязностью онъ распоряжается и *городками*. Мы уже видѣли, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ проговаривается, дѣлая различіе между *городомъ*, *городкомъ* и *городищемъ* (стр. 148), но чѣмъ отличается *городъ* отъ *городка*—онъ не говоритъ, а въ концѣ

концовъ, отождествляетъ оба эти названія, да кромѣ того отождествляетъ *городокъ* съ *городищемъ*. Городками, какъ извѣстно, называются теперь остатки небольшихъ укрѣпленій, слошъ и рядомъ воздвигавшихся на короткое время, какъ, напр., пикеты, лагеря, окопы казаковъ, шведовъ, поляковъ, татаръ, русскихъ войскъ. Стоитъ только прочесть исторію войнъ малороссовъ съ поляками и съ крымскими татарами, чтобы видѣть, какъ каждая война, каждый походъ, нерѣдко даже самое незначительное передвиженіе арміи сопровождалось сооруженіемъ этихъ окоповъ или городковъ для защиты отъ непріятеля. И очень можетъ быть, что народныя преданія черниговской губерніи совершенно справедливы, приписывая сооруженіе значительной части городковъ шведамъ Карла XII (прилож., стр. 1 и слѣд.). Въ Сибири тоже до сихъ поръ можно видѣть остатки многихъ *городковъ*, которые, во время покоренія страны, строились *на-время* не одними казаками, но *даже кочевыми инородцами*, доказательство чему г. Самоквасовъ можетъ отыскать въ Актахъ Историческихъ и въ дополненіяхъ къ нимъ. Что-же, и въ Сибири до прихода русскихъ было много городовъ, такъ-какъ здѣсь сохранилось до сихъ поръ много инородческихъ городковъ! Создавая въ древней Россіи нѣсколько тысячъ городовъ и очень густое народонаселеніе, потомъ истребляя это народонаселеніе и разрушая эти города при помощи татарскаго нашествія, г. Самоквасовъ, кромѣ этой главной струи свѣта, проливаемого имъ на науку, проливаетъ множество мелкихъ струекъ, изъ которыхъ многія тоже стоятъ кое-чего... Но частности мы касаться не будемъ, такъ-какъ и безъ того уже посвятили книгѣ г. Самоквасова гораздо больше мѣста, чѣмъ она заслуживаетъ. Это мы сдѣлали съ тою цѣлью, чтобы показать читателямъ на примѣрѣ г. Самоквасова, чѣмъ занимаются наши новые ученые и какъ они проливаютъ свѣтъ на науку. Г. Самоквасовъ назвалъ свою книгу *«историко-юридическимъ изслѣдованіемъ»*. Въ настоящее время, при усиленномъ сравнительно развитіи городской жизни, при введеніи городского самоуправленія, историко-юридическое изслѣдованіе о русскихъ городахъ, ихъ характерѣ, отличіи отъ западныхъ, ихъ значеніи въ государственной жизни, было бы чрезвычайно интересно и полезно. Но авторъ написалъ вовсе не юридическое, а *археологическое* изслѣдованіе о старинныхъ городахъ. Такъ отнесся онъ къ запросамъ жизни и такъ относится къ нимъ большая часть ученыхъ свѣтилъ, проливающихъ, подобно г. Самоквасову, новый свѣтъ на науку. Ужь лучше-бы они его не проливали!

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Вы хотите судить на основаніи фактовъ? Такъ судили Дарвинъ и Бокль, и Лавуазье, и Кантъ, и Контъ. Вы хотите думать сами?—это еще лучше. Вы говорите: „довольно словъ, нужно дѣло“,—это тоже хорошо; но тутъ есть недоразумѣніе. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ люди говорили тоже на основаніи фактовъ. Тогда люди говорили недурно и понимали, что они говорили. Что не всѣ понимали, что они говорили, — это тоже понятно; что были люди, которые ничего не говорили, потому что ничего не понимали, что были люди, которые еще учились говорить,—это законъ роста. Но неужели вы думаете, что дважды два перестало быть четырьмя, что зло стало добромъ и глупость превратилась въ умъ?

Въ пятнадцать лѣтъ въ Россіи народилось много людей. Кто не умѣлъ читать, сталъ теперь уже думать, кто былъ тогда въ первомъ классѣ гимназіи, теперь земскій дѣятель, строитель желѣзныхъ дорогъ, прокуроръ, адвокатъ, а можетъ быть, и предсѣдатель окружного суда. Россія выросла на полпоколѣнія.

Всегда-ли настоящее лучше предъидущаго и будущее лучше настоящаго, всегда-ли дѣти умнѣе отцовъ и всегда-ли внуки глупѣе дѣтей? Говорятъ, исторія идетъ отливами и приливами,—значить, дѣти могутъ быть и умнѣе, и глупѣе отцовъ, смотря по тому, при какихъ условіяхъ они развиваются.

Да, мы выросли на полпоколѣнія. Это я знаю потому, что пятнадцать лѣтъ тому назадъ у меня не было дѣтей, а теперь есть пятнадцати-лѣтній сынъ. И всякій сталъ старше на пятнадцать лѣтъ.

Бывали-ли вы въ лѣсу? Замѣтите, какъ среди старыхъ дубовъ является сначала подсѣдь, потомъ подростъ, потомъ молодой, изъ котораго и выравнивается молодое насажденіе, вытѣсняющее старыя деревья. Если ихъ не срубить, то они упадутъ и сгниютъ. Людей рубить нельзя, но имъ можно сказать: „продайте!“ Такъ и поступаютъ со стариками въ Китаѣ. И все-таки я люблю больше старыя мачтовые деревья, чѣмъ молодякъ, изъ котораго выростетъ только обыкновенный строевой лѣсъ.

Видите, и я разсуждаю на основаніи фактовъ; я-бы и не могъ разсуждать, если-бы ихъ у меня не было. Или для васъ мои факты не годятся,—а чѣмъ они хуже вашихъ? Или у васъ другія стремленія,—а чѣмъ ваши стремленія лучше моихъ? Если мы будемъ спорить, кто изъ насъ умнѣе, мы наговоримъ много глупостей, но не рѣшимъ ничего, и потому обратимся лучше прямо къ дѣлу.

„Внутреннее обозрѣніе“, конечно, очень важный отдѣлъ современной русской журналистики; это мѣрка, которою, вершокъ на вершокъ, мы можемъ измѣрять свой ростъ. „Внутреннее обозрѣніе“, отражая русскую жизнь, должно пріучить насъ вглядываться въ общественные факты, настраиваться въ общественныхъ интересахъ, думать въ ихъ направленіи; оно должно пріучить насъ уравнивать свой личный интересъ съ общественнымъ и общественный съ личнымъ. Конечно, труднѣйшая историческая задача—примирить лицо съ обществомъ, такъ, чтобы лицо не подавляло общества и общество не проглатывало-бы лица. Мы только-что начинаемъ учиться этому искусству; но человѣкъ у насъ все еще очень спѣшитъ глотать человѣка, а общество зачастую молчитъ, потому что каждому хочется дѣлать то-же самое или люди не понимаютъ, что передъ ними совершается.

Стало-ли лучше у насъ лицу и насколько, спросите у себя и у своего сосѣда. Я-же, какъ внутренній обозрѣватель, знаю, что у насъ стало думать большее число лицъ, и это несомнѣнно. И въ этомъ доказательство, что мы въ послѣднія пятнадцать лѣтъ выросли. Но что мы думаемъ, какъ мы думаемъ, много-ли мы думаемъ? Гдѣ узнать это?

Россія не Петербургъ и между провинціей и Петербургомъ существуетъ старый антагонизмъ. Еще недавно прогрессивный Петербургъ ждалъ своего спасенья отъ провинціи, но потомъ мах-

нуль на нее рукою. То была поспѣшность. Прогрессирующая провинція тоже махнула рукою на Петербургъ. Люди факта ошибаются чаще другихъ только потому, что по прошедшему судятъ о будущемъ. Дѣти всё лгутъ, они всё хвастуны, но развѣ всё дѣти вырастаютъ въ лгуновъ и Хлестаковыхъ?

И въ то-же время мы говоримъ, что только тогда будемъ умны, когда будетъ уменъ мужикъ; только тогда мы разбогатѣемъ, когда разбогатѣетъ деревня. А развѣ провинція не мужикъ и деревня не провинція? Слѣдовательно, только по росту провинціи вы узнаете объ общемъ русскомъ ростѣ.

Еще не пришла пора судить о ростѣ Россіи по деревнѣ; но если сто лѣтъ назадъ судили о ростѣ Россіи по Петербургу, то теперь наступила пора судить о немъ по провинціальному городу. Губернскій городъ есть нинѣшній Петербургъ провинціи и каждая губернія имѣетъ уже свой Петербургъ.

Еще недавно журналистика жила только въ Петербургѣ, теперь она явилась и въ провинціи. Это ростъ несомнѣнный, очевидное пробужденіе сознанія, потребность знать о своихъ нуждахъ, думать о нихъ. Провинція, конечно, ничего не дѣлаетъ, да въѣдъ и Петербургъ тоже ничего не дѣлаетъ.

Чтобы узпать, на-сколько мы выросли въ пятнадцать лѣтъ, нужно опредѣлять, какими мы были и какими стали. Но кто-же не знаетъ, какими мы были, и кому неизвѣстно, какими человекъ и общество должны быть!

Не знаю, удастся-ли мнѣ совершить удачно свое путешествіе по провинціи, не знаю, что я съумѣю подмѣтить и какой я сдѣлаю выводъ.

Возьмите любой маленькій городокъ, проживите въ немъ недѣлю — и вамъ будутъ извѣстны остальные городки. Нѣтъ ничего легче и безошибочнѣе подобнаго обобщенія. Я читаю, на-примѣръ, корреспонденціи изъ Царево-Козьмашска, помѣщенную въ „Волжско-Камской газетѣ“: „Общественная жизнь здѣсь во-все не развита и если представляетъ ея зачатки, то они всегда своеобразно изуродованы. Преимущественнымъ развлеченіемъ служитъ игра въ карты, и занятіе это издавна обратилось въ хроническую болѣзнь. Играютъ съ вечера и до утра и съ утра до вечера, и такъ непрерывно. Играютъ въ праздники, не перестаютъ играть и въ будни, заводятъ игру вездѣ и всегда и со-

проводяють ея всё свои семейные и торжественные дни: крестины, именины и чуть-ли не похороны“. Если-бы къ этому корреспондентъ присоединилъ, что люди невыносимо скучають, что они не знаютъ, что имъ дѣлать съ своимъ временемъ, что они пьютъ и ѣдятъ, что они спятъ и плодятся, то вы имѣли-бы полную картину высшей интеллектуальной жизни уѣзднаго города, а обобщивъ это описаніе, получили-бы ясное представленіе и о всякомъ городишкѣ Поволжья.

Другой, анонимный корреспондентъ даетъ намъ описаніе приволжскаго губернскаго города и потому, что онъ этого города не называетъ, онъ придаетъ своему описанію интересъ общій. Въ этомъ анонимномъ губернскомъ городѣ, какъ и во всѣхъ благоустроенныхъ городахъ русскихъ, существуютъ учрежденія административныя, судебныя, мировыя, земскія, сословныя. Существуетъ безчисленное множество комитетовъ и обществъ: статистическихъ, экономическихъ, благотворительныхъ, увеселительныхъ; процвѣтаетъ нѣсколько банковъ и прозябають два такъ-называемыхъ клуба. Отличительными чертами города служатъ безобразіе городскихъ улицъ и отсутствіе какихъ-бы то ни было средствъ для умственныхъ развлеченій. Въ городѣ есть, правда, одна публичная бібліотека, но книжныхъ лавокъ нѣтъ. За то городъ изобилуетъ различными сценическими развлеченіями, какъ-то: театральными представленіями, концертами, живыми картинами и пр. Одна изъ мѣстныхъ барынь сняла городской театръ, сформировала, преимущественно изъ любителейницъ, большую труппу для драматическихъ представленій, которыя и давались впродолженіи всего зимняго сезона на пользу страждущихъ воиновъ и музыкантовъ.

Въ этихъ-ли фактахъ жизнь провинціи и по нимъ-ли судить о ней? Нѣтъ, это вырожденіе, это регрессъ. Вы не ошибетесь, если обобщите стремленіе высшаго нашего общества губернскихъ городовъ къ легкомысленному препровожденію времени, — препровожденію, во главѣ котораго стоитъ всегда провинціальная женщина. Возьмите именной списокъ каждаго губернскаго города и вы увидите, что его составляютъ одинъ, два процента всего населенія, а двигающая сила заключается именно въ высшемъ женскомъ элементѣ. Я не стану говорить много въ защиту мужчинъ высшаго провинціального общества, но еще меньше стану защищать вырож-

дающуюся провинціальную женщину. Провинціальная женщина по преимуществу заражена тѣмъ жалкимъ провинціализмомъ и тѣмъ особнячествомъ, по-которому она рѣшительно еще не въ состояніи понять истинныхъ общественныхъ нуждъ, дѣйствительныхъ общественныхъ интересовъ и не можетъ подняться мыслию выше сценической благотворительности, музыкальнаго препровожденія времени и суетнаго стремленія играть видную роль и считать себя лучше другихъ. Провинціальная женщина добродушно думаетъ, что ею управляетъ чувство достоинства, тогда какъ въ сущности она лѣзетъ на ходули аристократизма, нисколько не подозревая своей ограниченности.

Я знаю, что удовольствіе вездѣ удовольствіе, — въ цѣломъ свѣтѣ существуютъ танцы и балы; но они вездѣ на второмъ планѣ и только въ нашей провинціи занимаютъ первое мѣсто. Въ нихъ у насъ вся общественная женская жизнь и все общественное дѣло. Мы, губернскія аристократки, и до сихъ поръ копируемъ французскіе салоны прошедшаго столѣтія и дворъ Людовика XIV. Я не за грубое демократическое препровожденіе времени уѣздныхъ подъяческихъ компаній съ водкой и пьянствомъ; но развѣ губернское аристократическое суетныя не тоже пьянство, только безъ водки? Скажите, кто отъ него становится умнѣе? У этой жизни нѣтъ будущаго, она отживающее прошлое.

Я беру еще цѣлый рядъ фактовъ. На первыхъ дняхъ Пасхи произошла въ Казани, въ полѣ, позади Мокрой улицы кровавая сцена. Найдены неизвѣстный челоѣкъ, покрытый смертельными ранами. 17 апрѣля утромъ, во время нагрузки баржъ купца Жубравлева, четверо рабочихъ, которые несли девяти-пудовые булы съ мукою, упали въ воду вмѣстѣ съ обрушившимися мостями. 28 апрѣля утромъ изъ озера Кабана была вынута, безъ всякихъ признаковъ жизни, дѣвочка, приблизительно лѣтъ четырнадцати, которая и была потомъ приведена въ чувство. На вопросъ, отчего она утонула, дѣвочка отвѣчала, что, находясь въ услуженіи, разбила миску, за что ей пригрозили полиціей и хорошей поркой. Пароходъ „Казань“ (общества „Самолетъ“) проходилъ по участку Волги, прилегающему къ мѣстности села Бургасы. Пассажиры „Казани“ видѣли крушеніе баржи, на которой находились люди, просившіе капитана парохода знаками о помощи.

Капитанъ не только не подалъ помощи, но даже не оказалъ ни малѣйшей попытки подать ее, ссылаясь на то, что просившіе о помощи спасутся и безъ него. Въ селѣ Качуровѣ, княгининскаго уѣзда нижегородской губерніи, какъ-то на праздникахъ поссорились два крестьянина и ссора эта кончилась дракой. Побѣжденный не могъ перенести нанесеннаго ему оскорбленія и задумалъ отомстить своему врагу. Онъ поджегъ домъ побѣдителя, конечно, не думая, что могутъ сгорѣть и другіе деревенскіе дома, какъ это и случилось. Одинъ изъ ходящихъ по частнымъ уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ былъ 21 апрѣля въ камерѣ мирового судьи 5-го участка города Казани. Выйдя изъ камеры, адвокатъ сталъ переправляться черезъ улицу и утонулъ въ грязи противъ оконъ мировой камеры. Его вытащили мертвымъ и отправили, куда слѣдуетъ. Въ адмиралтейской слободѣ находится кожевенный заводъ и ткацкая мануфактура купца Алафузова, есть и другіе заводы, различныхъ казанскихъ капиталистовъ, — и никому изъ нихъ не приходится въ голову позаботиться объ уменьшеніи грязи, въ которой гибнутъ люди. Между путешниками, принадлежащими болѣе или менѣе къ образованному классу, слышатся очень часто такіе діалоги: „А я сегодня, братецъ, собираюсь устроить скандалъ въ клубъ“, говоритъ одинъ. — „Какого сорта?“ спрашиваетъ другой. — „А вотъ какого: подлеца N. N. выругаю непечатными словами, а подлецу M. M. надаю въ морду“. — „Ты, Петя, отличную штуку выдумалъ и я пойду съ тобой“. И вотъ путешники отправляются въ клубъ и совершаютъ скандалъ, стараясь придать ему грандіозные размѣры. Торговцы Милліонной улицы, въ Нижнемъ-Новгородѣ, вздумали разъ, для забавы, зажать платье проходившей мимо нихъ женщины. Недавно нѣсколько нижегородскихъ путешниковъ, желая поразвлечься и от души поохотать, заманили въ кабакъ одиннадцатилѣтняго мальчика, велѣли подать водки и напоили его. Путешники, вполне насладившись спектаклемъ, стоявшимъ имъ не болѣе пятнадцати копеекъ, разошлись по домамъ, а пьяный мальчикъ былъ выброшенъ за дверь кабака. Въ томъ-же апрѣлѣ мѣсяцѣ у ограды Благовѣщенскаго собора замѣчено тѣло младенца, какъ предполагаютъ, только-что рожденнаго. Младенецъ, вѣроятно, брошенъ болѣе двухъ или трехъ недѣль, такъ-какъ находился подъ снѣгомъ и замѣченъ уже только тогда, когда часть снѣга стаяла.

Развѣ это не жертва какого-нибудь русскаго шутника, доведшаго несчастную мать до преступленія? Въ ночь 1 мая толпа молодыхъ людей, проходя улицей отъ дома Нагибина къ театру, — дѣйствіе происходило въ Казани, — рвала ставни и стучала въ окна почти въ каждомъ домѣ, такъ что многіе жители въ испугѣ выбѣгали на улицу. Говорятъ, что въ нынѣшнемъ году число членовъ нижегородскаго клуба убавилось на половину, и если не примется никакихъ мѣръ къ его поддержанію, то болѣе года едва-ли онъ просуществуетъ. Причиной упадка считаютъ неспособность старшинъ и безпрестанные скандалы со стороны нѣкоторыхъ членовъ. Надняхъ, служившій въ белибеевскомъ судѣ надсмотрщикомъ, а потомъ въ полицейскомъ управленіи столоначальникомъ, нѣкто В. З., человекъ еще молодой, вѣхалъ верхомъ на лошади въ полицейское управленіе, находящееся во второмъ этажѣ каменнаго зданія. Присутствіе не было еще закрыто, въ немъ засѣдалъ старшій непремѣнный засѣдатель, а въ канцеляріи находились всѣ чиновники. Джигитъ хотѣлъ-было вѣхать и въ присутствіе, но его удержали, такъ что ему удалось побывать только въ канцеляріи. Въ концѣ апрѣля въ Казани, на какомъ-то обѣдѣ, разодрались двѣ солидныя особы.

Развѣ въ Европѣ возможны такія безобразія? Развѣ возможна тамъ хотя десятая часть этого? Я не знаю, что выиграетъ вѣжливый Китай, если пойдетъ его цивилизовать наше Поволжье!

Подобнымъ фактамъ „Волжско-Камская Газета“ даетъ мало мѣста. Они помѣщаются такъ, кое-гдѣ, въ „мѣстномъ отдѣлѣ“, и печатаютъ ихъ нерѣдко мелкимъ шрифтомъ. А между тѣмъ въ нихъ цвѣтъ и корень Поволжья. Свершающіяся безобразія, какъ видно, никого не возмущаютъ, они терпятъ, къ нимъ привыкли, въ нихъ усматриваютъ зачастую комическое и смѣшное. Неужели такъ смѣшно и остроумно вѣхать верхомъ въ полицейское управленіе или отравить водкой ребенка, или довести дѣвушку до дѣтубійства, или идти въ клубъ, чтобы подраться!?

Вотъ вамъ и факты! И что-же вы дѣлаете съ фактами? Не фактъ нуженъ намъ, а смыслъ факта; нужно научить насъ находить живую связь факта съ нашимъ личнымъ и общественнымъ существованіемъ, нужно, чтобы всякій зловредный фактъ царапалъ насъ за живое, а не печатать его въ видѣ „затычки“ или курьеза. Конечно, это трудно, мы этого сдѣлать еще не можемъ;

мы больше умѣемъ разсуждать вообще, относиться къ жизни механически, резонируя и разсуждая, чѣмъ найти живую и вредную сторону каждаго факта и связать о немъ такъ, чтобы это понялъ и ребенокъ.

И мы-же еще говоримъ о мужикѣ! Да развѣ мужикъ пошелъ-бы дѣлать скандалы въ клубъ, развѣ мужикъ вѣхалъ-бы верхомъ въ полицейское правленіе? Я даже думаю, что мужику и не пришла-бы въ голову такая глупость. О, губернской интеллектъ!

Какое безбрежное и безконечно глубокое море провинція, губернія, когда войдешь внутрь ея жизни, войдешь въ душу каждаго отдѣльнаго факта и захочешь каждый фактъ приурочить въ клѣточку или человѣческой глупости, или недомыслія, или въ клѣточку ума. Я знаю, что нельзя заставить каждаго относиться такимъ глубокимъ образомъ ко всякому обыденному явленію, заставить видѣть и понимать въ каждомъ фактѣ не объективную его сторону, а субъективную. Я знаю, что если-бы каждый частный случай портилъ въ насъ кровь, ни у какого человѣка не достало-бы столько крови, чтобы прожить даже десять дней. Но мы не чувствуемъ ни одного факта какъ слѣдуетъ, потому что не понимаемъ ни одного изъ нихъ какъ слѣдуетъ.

Научись мы понимать—завтра мы стали-бы совершенны какъ ангелы. И кто насъ учить? Наши беллетристы насъ увѣряютъ, что въ русской жизни они не находятъ фактовъ, и это говорилъ мнѣ еще недавно одинъ русскій беллетристъ. Нѣтъ, не фактовъ недостаетъ намъ, а мы утратили зрѣніе, приглядѣлись къ тому, что недавно насъ еще возмущало, и, по-просту, состарѣлись. Я привелъ выше, можетъ быть, тысячную долю того, что совершалось и совершается повсюду. Вѣдь это матерьялъ для цѣлой Одиссеи, а вы говорите, что нѣтъ фактовъ! Для такой поэмы, какъ „Мертвая душа“, вы, конечно, и не найдете матерьяла, потому что это пѣсня спѣтая и умирающаго трогать нечего. Но затѣмъ остается еще громадный матерьялъ для стараго, для новаго и возникающаго, для изображенія той новой дороги, по которой мы пошли теперь. Мы по-старому хотимъ работать изъ чрева и творить безъ труда и знанія; но жизнь выдумывать нельзя,—и вотъ почему мы пишемъ такъ много вздоръ. Отчего романы Каразина читаются съ удовольствіемъ? Только потому, что мы находимъ въ нихъ Америку. Мы живемъ внутри факта и не видимъ его,

вотъ приходитъ человѣкъ и рассказываетъ намъ о нашихъ безобразіяхъ—и мы точно падаемъ съ облаковъ на землю. Да, не факта недостаетъ намъ, а нѣтъ у насъ глазъ его видѣть. Я думаю даже, что „Волжско-Камская Газета“ не совсѣмъ права, если пользуется безобразіями для „затычки“, а не создаетъ для нихъ цѣлаго отдѣла. Если у насъ недостаетъ беллетристовъ, которые сужѣли-бы воспользоваться этимъ матеріаломъ,—пусть имъ пользуются публицисты, и если въ публицистской обработкѣ фактъ не пріобрѣтетъ большой популярности, можетъ быть, онъ надумитъ беллетристовъ и мы встрѣтимъ, наконецъ, въ ихъ произведеніяхъ живую дѣйствительность и живыхъ людей. Что вы не ищите идеаловъ и добродѣтели—ну ее!

Возьму еще рядъ фактовъ. Новоузенскій корреспондентъ „Саратовскаго Справочнаго Листка“ пишетъ, что ему случилось быть прѣздомъ въ одноѣ селѣ, гдѣ онъ и посѣтилъ земское училище. Въ классѣ уже занимался учитель; посѣтитель попросилъ позволенія присутствовать при занятіяхъ и ему позволили. Сначала 7 — 8-ми-лѣтніе мальчики напряженно слушали чтеніе, но, какъ замѣтно, плохо понимали читанное. И вотъ они начали зѣвать, потягиваться и въ классѣ раздался шопотъ.

— Какъ, вы слушать не хотите? закричалъ учитель,—вы по сторонамъ смотрите! Мухъ ртомъ ловите, дуботолки! Да что я стѣнамъ читаю, что-ли?..

Въ классѣ, наконецъ, воцарилась тишина. Учитель прошелъ разъ-другой по комнатѣ и вдругъ, какъ-бы съ налета, крикнулъ на одного мальчика:

— Какой урокъ я читалъ?

Восьмилѣтній мальчикъ, къ которому относился этотъ вопросъ, поблѣднѣлъ и смотрѣлъ тупыми, стеклянными глазами, очевидно, не понимая, о чемъ его спрашиваютъ.

— Что стоишь? Стоишь дуботолкъ неотесанный!.. кипятится учитель.

— Слушайте, я вамъ расскажу, о чемъ я читалъ. Я читалъ вамъ объ Авраамѣ и Саррѣ... Сидоръ, кто такой былъ Авраамъ?

— Патріархъ, отвѣчаетъ мальчикъ.

— Такъ. Сколько у него было именъ?

Сидоръ молчитъ.

— Два, дуботолкъ!.. Какое первое имя?

Опять молчаніе.

— Что-жь ты молчишь? Развѣ я не читалъ вамъ объ этомъ? Первое имя его „Авраамъ“, а второе какое? — „Аврамъ“... Гаврило! сколько у Сарры было именъ?

— Три, отвѣчаетъ мальчикъ.

— Врешь, два! Какое первое?

— Сарра.

— Такъ! А второе?

— Жѣнщина.

— Врешь, дуботолкъ. Второе имя „Сара“, съ однимъ *арчы*...

Что значить слово „Авраамъ“?

Молчаніе.

— Отецъ. А что — Сарра?

Опять молчаніе.

— Мать, дуботолки вы эдакіе...

Для разъясненія умственныхъ наслажденій Поволжья, на которое жалуются, между прочимъ, одинъ изъ корреспондентовъ, могутъ служить слѣдующіе факты. Въ спискѣ губерній, по числу подписчиковъ на періодическія изданія, казанская губернія занимаетъ 39-е мѣсто и имѣла одного подписчика на 664 жителя. Оренбургская губернія занимаетъ 24-е, саратовская 20-е. Въ самарской — одинъ подписчикъ на 932 жителя, и послѣднее мѣсто изъ губерній великороссійскихъ занимаетъ губернія уфимская, гдѣ одинъ подписчикъ на 1,166 жителей. Чѣмъ ближе къ восточнымъ границамъ Россіи, тѣмъ болѣе уменьшается интересъ къ литературѣ и умственная жизнь. На востокѣ, за Ураломъ просвѣщеніе и литературное вліяніе ослабѣваютъ еще болѣе. Вникая ближе въ вопросъ, мы наталкиваемся на очень характеристическія подробности. Такъ оказывается, что въ нынѣшнемъ году выписывается въ Казани официальныхъ изданій 168 экземпляровъ, частныхъ газетъ и журналовъ, преимущественно съ консервативнымъ направленіемъ, 463, съ либеральнымъ направленіемъ 215, ученыхъ журналовъ 79, модныхъ 98, журналовъ съ переводными романами 24, иллюстрированныхъ 81, духовнаго содержанія 10, военныхъ 67, педагогическихъ 10 экземпляровъ; предназначенныхъ для народнаго чтенія 33, включая сюда „Чтеніе для Солдатъ“, провинціальныхъ и иногородныхъ

изданій 6 экземпляровъ и музыкальныхъ 4. Въ нынѣшнемъ году подписка противъ прошлаго года уменьшилась въ Казани на 441 экземпляръ. Интересно, что, несмотря на горячность, съ какой наше общество относится къ дѣлу воспитанія, педагогическіе журналы выписываются въ самомъ ограниченномъ числѣ. Такъ „Дѣтскаго Сада“ выписывается 5 экземпляровъ и „Народной Школы“ тоже 5 экземпляровъ. За-то маменьки выписываютъ 98 модныхъ журналовъ. Еще понятнѣе будетъ эта цифра, если мы скажемъ, что 10 экземпляровъ педагогическихъ журналовъ должны быть распредѣлены между 80-ю тысячами жителей. Изъ 33-хъ народныхъ изданій, получаемыхъ Казанью, „Чтеніе для Солдатъ“ составляетъ 31 экземпляръ и на 70 тысячъ мѣщанскаго населенія остается только 2 экземпляра „Грамотея“ ученыхъ журналовъ получается 79, но за-то изданій посвященныхъ романами, модами и иллюстрированными—203 экземпляра. Безразличность читателей видна, между прочимъ, изъ того, что „Вѣстникъ Европы“ и „Русскій Вѣстникъ“ и „Всемирная Иллюстрація“ выписываются по 37-ми экземпляровъ каждая, „Нива“ выписывается въ числѣ 28-ми экземпляровъ, а „Гражданинъ“ 19-ти. Въ Нижнемъ-Новгородѣ выписывается въ нынѣшнемъ, 73 году, 79 названій, въ числѣ 1,637-ми экземпляровъ, въ томъ числѣ газетъ 758 экземпляровъ, модныхъ журналовъ 180, литературно-политическихъ 178, историческихъ 44, специальныхъ 90, переводовъ иностранной литературы 43, духовныхъ 37, сатирическихъ 51, педагогическихъ 59, иллюстрированныхъ 165, народныхъ 21. Сравнительно съ прошедшимъ годомъ число періодическихъ изданій увеличилось въ Нижнемъ на 69 экземпляровъ. Но не торопитесь радоваться нижегородскому умственному прогрессу; всѣ эти 69 экземпляровъ выпадаютъ на долю модныхъ журналовъ и Всемирной Иллюстраціи. И въ Нижнемъ, какъ въ Казани, модные журналы занимаютъ первое мѣсто и цифра ихъ краснорѣчивѣе говоритъ о высотѣ умственного уровня, на которомъ стоитъ провинціальная маменька. Корреспондентъ, отъ котораго я заимствую эти свѣденія, выражаетъ свое негодованіе такимъ образомъ: „По вѣдѣности мы красивы, одѣты нарядно, но заговорите съ нами—и вы увидите, насколько мы олухи царя небеснаго, насколько головы наши несостоятельны при столкновеніи хотя-бы съ самымъ немудрымъ вопросомъ, са-

мымъ обиденнымъ нравственнымъ явленіемъ“. Выраженія эти не отличаются литературнымъ изяществомъ, но, можетъ быть, въ такомъ-то видѣ они и понятнѣе.

Въ нижегородской библіотекѣ всѣхъ подписчиковъ въ 72-мъ году было 291, а всѣхъ требованій на книги предъявлено 12,395. Изъ нихъ по отдѣлу исторіи и путешествій 711, на книги духовно-нравственнаго содержанія 40, по политической экономіи 12, юриспруденція 8 разъ, а словесность требовалась 6,151 разъ. Въ томъ числѣ русскіе писатели требовались 1,002 раза, а остальные 5,000 требованій падаютъ на Габорію, Понсонъ-дю-Терайля, Поль-де-Кова и т. д. Подписчики изъ дворянъ, чиновниковъ, требовали по преимуществу журналы, газеты, романы или, въ рѣдкихъ случаяхъ, сочиненія историческаго содержанія, по естествознанію и другія. Посѣтители библіотеки, въ числѣ 18,576 человекъ, пробавлялись преимущественно иллюстрированными журналами въ родѣ „Нивы“ или „Всемирной Иллюстраціи“ и относительно журналовъ стоятъ на одномъ уровнѣ съ подписчиками. Высшая нижегородская интеллигенція требовала преимущественно романы въ родѣ „Золотой Шайки“, „Охотника за Черепами“ и „Дѣвушки о трехъ юбкахъ“. Желчный корреспондентъ даже полагаетъ, что эти сальные романчики, кроиѣ смѣха, который они возбуждаютъ въ своихъ читателяхъ, прогоняя ихъ скуку, наталкиваютъ ихъ на устройство скандаловъ. Мысль эта нѣсколько жестка, но совершенно вѣрно, что если все умственное наслажденіе людей заключается только въ чтеніи романовъ, то, конечно, уровень мысли людей не можетъ быть высокъ и понятія ихъ должны вращаться только въ очень узкой сферѣ. Понятно, что жалованье библіотекаря, завѣдующаго такимъ ничтожнымъ и мало нужнымъ дѣломъ, не можетъ быть значительно, какъ не дадутъ, на примѣръ, большого содержанія сторожу, который бережетъ огородъ. Помощникъ библіотекаря получаетъ всего въ мѣсяцъ 15 р., на которые онъ долженъ одѣваться, имѣть квартиру и столъ. „А между тѣмъ у нашихъ коммерсантовъ есть вучера, получающіе больше этого“, замѣчаетъ съ горечью корреспондентъ.

Вѣру еще факты и даже безъ системы. На примѣръ, въ Казани съ незапамятныхъ временъ и до сихъ поръ держится обычай въ день Крещенія купаться въ проруби послѣ водосвященія. Къ подоб-

ному омовенію прибѣгаютъ обыкновенно тѣ, кто на святкахъ надѣвалъ маски. Для купальщиковъ строится всегда на озерѣ Кабанѣ особая палатка надъ прорубью, а на рѣкѣ Казанкѣ купаются просто подъ открытымъ небомъ. Въ нынѣшнемъ году обычай этотъ, какъ говорятъ, исполнялся съ особымъ усердіемъ и, несмотря на рѣзкій вѣтеръ и сильный морозъ, какими отличалось 6-е января, на Казанкѣ купалось 10 человѣкъ, а на Кабанѣ еще больше. Въ Чистополѣ живетъ цѣлая масса нищихъ. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ они соединяются въ одну общую партію, человѣкъ въ полтора, и цѣлымъ полкомъ перековываютъ отъ одного богатаго купеческаго дома къ другому. Сердобольныя купеческія жены и бабушки надѣляютъ нищихъ деньгами и отпускаютъ съ пожеланіемъ „идти съ миромъ“. Если случится въ купеческомъ домѣ радость, напримѣръ, свадьба, то для нищей братіи покупается ведеръ 15 водки и выставляется она, съ ковшами и калачами, на дворѣ. Въ полночь, послѣ пира, многихъ изъ братіи нижніе полицейскіе чины подбираютъ на улицѣ и сажаютъ въ чижовку. Въ дни печали и семейныхъ несчастій мы поступаемъ точно такъ-же, хотя нѣсколько въ другой формѣ. Напримѣръ, нынѣшнимъ постомъ, въ одномъ домѣ въ Саратовѣ, по случаю похоронъ домохозяйки, раздавали нищимъ по гривенничкамъ, пятиалтыннымъ и двугривенничкамъ; затѣмъ къ вечеру только въ одномъ питейномъ заведеніи на Пѣшемъ Базарѣ гривенниками, пятиалтынными и двугривенными выручили за водку 170 рублей. Я зналъ еще одинъ подобный случай,— правда, не изъ нынѣшняго времени. По случаю свадьбы одинъ очень богатый купецъ назначилъ въ раздачу бѣднымъ тысячу рублей и все рублевыми бумажками. Откупщикъ, подсмѣиваясь, говорилъ, что напрасно эти деньги раздавать нищей братіи, а лучше прямо отдать ему, потому что они непременно придутъ въ его питейное заведеніе. Купецъ сердился, откупщикъ предложилъ пари. Нумера бумажекъ были переписаны и черезъ два дня откупщикъ показалъ благотворителю 800 перенумерованныхъ билетовъ. Только 200 изъ тысячи не попали въ кабакъ. Это было въ Великомъ-Устюгѣ. Въ Вяткѣ,— правда, это не совсѣмъ Поволжье,— какъ говорятъ, была попытка ходатайства объ устройствѣ особыхъ исправительныхъ гимназій для учениковъ, исключенныхъ за дурное поведеніе и за лѣность.

Очень можетъ быть, что этотъ слухъ выдуманъ, но самая возможность подобной выдумки доказываетъ только вѣроятную возможность и самаго факта. На дняхъ въ Казани разыгралась курьезная исторія, въ которой на первомъ планѣ одинъ изъ „судейскихъ“. Нѣкая Елена, недовольная Менеласемъ, обратилась къ Парису, который уже давно и самъ помышлялъ сойтись съ Еленой поближе. Случай представился и новые знакомые скоро достигли цѣли. Влюбленнымъ этого было мало: они не хотѣли тайны, они хотѣли юридическаго освященія своей неюридической связи. Парисъ, подмѣтивъ у Менелая слабость къ женскому полу, задумалъ слѣдующій адски-юридическій планъ. Онъ устраиваетъ у себя вечеръ и приглашаетъ на него Менелая съ супругой. Все идетъ благополучно, всѣ очень довольны, всѣ настроены сердечно и любовно и въ серединѣ вечера Парисъ объявляетъ Менелая, что въ сосѣдней комнатѣ его ждетъ какая-то сильфида. Менелай, ничего не подозрѣвая и потирая отъ радости руки, отправляется въ указанную комнату. Парисъ зорко слѣдитъ за ходомъ дѣла и, какъ только оно приняло благоприятный оборотъ, накрываетъ съ свидѣтелями преступниковъ. Составляется немедленно актъ и за симъ жена подаетъ просьбу о разводѣ.

„Колокольчики подвязаны,—значить, вѣзжаемъ въ городъ. Покуда таятся только заборы и заборы; впрочемъ, вотъ избушка, вотъ предмѣстье. Кой-гдѣ красуются „купеческіе“ дома, не отличить которыхъ отъ жилищъ другихъ смертныхъ нельзя: разукрашенные окна, скамейки у воротъ для праздничныхъ наслажденій „молодцевъ“—все говоритъ, что здѣсь живутъ люди, именующіе себя купцами“,—такъ начинается свою корреспонденцію отъ 10-го марта спасскій корреспондентъ и затѣмъ перечисляетъ факты мѣстной отсталости. Въ уѣздѣ чуть-ли не въ каждой деревушкѣ живутъ „господа“ и хозяйство ведется на первобытныхъ началахъ. Въ уѣздѣ и до сихъ поръ нѣтъ врача,—правда, въ Гусихъ врачъ есть, но онъ лечитъ *не всѣ* болѣзни. Специальность его—кровопусканіе. „Передъ новолуніемъ развѣзжаетъ онъ по татарскимъ деревнямъ и изображаетъ изъ себя мясника; кровь льется рѣкой“. Конечно, этотъ фактъ изложенъ въ литературно-образной формѣ; но кто имѣетъ право сказать, что отъ фигуры преувеличенія фактъ перестаетъ быть фактомъ? Василь-сурскій корреспондентъ говоритъ, что втече-

ни всей прошедшей зимы сосѣднія селенія терпѣли страшныя набѣги волковъ. Какъ только начинало темнѣть, волки входили въ усадьбы деревенскихъ жителей, ища себѣ добычи. Не проходило недѣли, чтобы у кого-нибудь не было зарѣзано теленокъ или двухъ-трехъ овецъ. На одного черемиса изъ деревни Шешмары, рано утромъ, въ разстояніи одной версты отъ деревни, напало до десяти волковъ.

Неужели вы думаете, что это частныя факты? Неужели вы думаете, что наше суевѣріе только въ томъ, что мыкупаемся въ Крещенье? Неужели вы думаете, что нашъ юридизмъ, въ которомъ ищеть своего легальнаго спасенія всякое своекорыстіе, плутовство и мошенничество, случай единичный и исключительный? Со времяя Рюрика и Ивана Грознаго мы ушли неоспоримо впередъ. Новгородцы, когда имъ нужна была пожива, плавали на Волгѣ на ушеуяхъ. Всякій маленькій Стенька Разинъ превращался въ разбойника. Теперь своекорыстію нельзя облекаться въ форму насилія и оно прикрывается легальными формами, затѣвая процессы и подкапываясь такъ, чтобы выйти юридически сухимъ изъ воды. Приведенные факты только отдѣльные случаи, выхваченные изъ цѣлой ихъ массы. Волки бѣгаютъ не въ одномъ Спаскѣ и купцы и юристы живутъ не въ одной Казани и Василь-Сурскѣ. Приведенные факты—точка нашего общественнаго міровоззрѣнія; они центральная точка нашего сужденія. Вы скажете, гдѣ-же эта точка? Да, вы правы, эта точка именно въ томъ, что ее нельзя уловить, и вотъ причина разброда русской жизни.

„Камско-волжская газета“ относится тоже съ скорбнымъ упрекомъ къ тому, что у насъ не существуетъ *направленія* или, яснѣе, что мы не знаемъ отъ чего мы идемъ и къ чему мы стремимся. Свое негодованіе „Камско-волжская газета“ обрушиваетъ на литературу и въ лицѣ своего критика говоритъ вотъ что: указывая на мелочную полемику и безцѣльное препирательство, критикъ спрашиваетъ: есть-ли въ настоящее время опредѣленные направленія даже въ лучшихъ органахъ нашей печати? Если есть, то въ чемъ они заключаются? Пусть каждый опредѣлитъ свое направленіе и затѣмъ давайте спорить, которое направленіе вѣрнѣе ведетъ къ цѣли. Но вмѣсто того каждый органъ старается дѣлать видъ, что у него есть свое направленіе, и это-

му многіе вѣрятъ, потому что мы вѣримъ всему. И сами-же наши литературные органы признаются въ этомъ, хотя дѣлаютъ видъ, что обвиняютъ другихъ. „Русскій Вѣстникъ“ обвиняетъ литературу въ „административно-канцелярско-слѣдственномъ направленіи“, видя въ этомъ признакъ „скудости умственной“. Г. Михайловскій въ „Отечественныхъ Запискахъ“ называетъ это „недурной характеристикой“ и обвиняетъ въ „скудости нравственной“. „Вѣстникъ Европы“, устами автора „Десять лѣтъ реформъ“, заявляетъ, что „современная литература, имѣвшая прежде такое вліяніе и значеніе, утратила ихъ совершенно и никого не интересуется“. „Недѣля“ говоритъ, что мнѣній въ литературѣ не существуетъ почти никакихъ, и цитируетъ Щедрина, по словамъ котораго литература „безсвязно лепечетъ о томъ, что попадетъ подъ руку“; „писателю не хочется писать, читателю читать“, говоритъ Щедринъ. „Можетъ-ли быть что-нибудь ужаснѣе? „И кто говоритъ это? спрашиваетъ критикъ „Камско-волжской газеты“. Сама наша печать, наша пресса и не случайно, не мимоходомъ, имѣтъ, всѣ эти выводы и заключенія взяты изъ статей болѣе или менѣе посвященныхъ спеціально разсмотрѣнію современнаго состоянія литературы. Все это высказано въ разное время, высказывалось впродолженіи цѣлаго года, и чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ рѣзче. Я могъ-бы привести цѣлую массу однородныхъ сужденій изъ другихъ органовъ печати, повторяющихъ то-же самое, потому что горькія сѣтованія на современный упадокъ литературы сливаются въ какой-то общій вопль всѣхъ газетъ и журналовъ. Но что толку въ этомъ горькомъ сознаніи въ современномъ упадкѣ литературы, когда въ отдѣльности каждый органъ печати дѣлаетъ видъ, что онъ-то и свободенъ отъ общаго недостатка? Это сознаніе вынужденное, оно вырывается какъ-то невольно. Посмотрите, какъ всѣ эти обличенія напоминаютъ басню Крылова: „На взятки Климычу пѣнаютъ, а онъ киваетъ на Петра“. Развѣ какой-нибудь органъ печати согласился-бы сдѣлать признаніе, что „мнѣній въ литературѣ не существуетъ почти никакихъ“, развѣ „Отечественныя Записки“ согласятся назвать самихъ себя „безсвязнымъ лепетомъ о томъ, что первое попадетъ подъ руку“? Въ современной литературѣ развѣ только у „Московскихъ Вѣдомостей“, у „Гражданина“ и у „Русскаго міра“ программа опредѣляется точными и ясны-

ми цѣлями. Въ органахъ-же „хорошаго направленія“ слишкомъ ясно проглядываетъ, что они и сами не знаютъ, что дѣлать“.

А вы знаете?

Когда мы начинаемъ вглядываться въ нашу частную и общественную жизнь, мы не находимъ въ ней ничего, кромѣ неясности, путаницы и несогласія. Наше литературное недовольство на безсвязный лепетъ о томъ, что попадетъ подъ руку, есть только повтореніе того, что мучить каждаго въ отдѣльности; хотите фактовъ? „Какъ въ исторической жизни народовъ иногда возникаютъ роковыя сцѣпленія, выпирающія роковыя послѣдствія, говоритъ сотрудникъ „Камско-волжской газеты“, — такъ и въ менѣе заслуживающей вниманія обывденной жизни какаго-нибудь муравейника подчасъ вдругъ все взбудоражится, и, кто знаетъ, въ силу какихъ невѣдомыхъ причинъ произошла кутерьма и для чего она произошла и кому она понадобилась. Чуть не ежедневно доводится человѣку присутствовать при такой кутерьмѣ въ качествѣ зрителя и невольно привыкать къ созерцанію ея, такъ что не обращаешь на нее вниманія, точно также какъ не обращаешь вниманія на прогулкѣ на каждую раздавленную мошву. Но какъ отъ нашего невниманія ни чуть не легче самой мошкѣ, которую мы, не замѣчая, давимъ подъ ногой, точно также не легче тому, кто въ кутерьму попадетъ собственной персоной“. Или одинъ корреспондентъ пишетъ: „Общественная дѣятельность если и способна увлечь насъ, то вовсе не въ той степени, въ какой хороша сама по себѣ цѣль, къ которой она направлена, а лишь по столыку, по скольку замѣшаны въ ней наши личныя выгоды или находятъ въ ней удовлетвореніе наше личное самолюбіе. Случись, напримеръ, что это самолюбіе сочтетъ себя ни съ того, ни съ сего узвлненнымъ, тогда прощай общественное дѣло, прощай священное знамя, подъ которымъ мы вышли на поле дѣятельности. Прекраснымъ образчикомъ служить фактъ, обнаружившійся въ Симбирскѣ на общемъ собраніи мѣстныхъ членовъ общества ораненыхъ и больныхъ воинахъ. Въ Симбирскѣ, кромѣ мѣстнаго управленія общества, съ 1871 года существовалъ еще дамскій комитетъ. Онъ дѣлалъ свое дѣло, имѣлъ возможность приносить и дѣйствительно приносилъ своею дѣятельностью посильную пользу обществу. 3 декабря 1872 года онъ вдругъ закрываетъ свои дѣйствія. Члены его остаются лишь членами общества подъ усло-

вѣшь извѣстныхъ ежегодныхъ взносовъ, но безъ прямого дѣятельнаго участія въ служеніи его интересамъ. И отчего все это? Просто оттого, что объ этомъ комитетѣ не упомянуто въ печатномъ возваніи къ жителямъ губерніи, адресованномъ отъ мѣстнаго управленія и заключающимъ въ себѣ приглашенія къ вступленію въ члены общества, къ образованію уѣздныхъ отдѣловъ общества и къ пожертвованіямъ въ его пользу. Не упомянуто! Значить, существованіе комитета игнорируется, значить—оно позабыто, значить—комитету ничего не остается, какъ проникнуться живѣйшимъ чувствомъ уязвленнаго самолюбія, выйти изъ дѣла и сложить руки!“ Въ той-же „Камско-волжской газетѣ“ пошѣщается цѣлый рядъ фактовъ приволжскаго земскаго несогласія, преппрательствъ, недоразумѣній, непониманія другъ друга, незнанія, какъ думать, незнанія, что дѣлать, и въ то-же время непошѣрно гордаго и любовнаго отношенія къ своей собственной личности. И отчего это мы всё воображаемъ себя сажеными людьми, безошибающимися и непогрѣшимыми, какъ римскій папа? Кого-же мы винимъ, когда винимъ литературу?—винимъ мы только себя, ибо наше самолюбивое раздраженіе, обидчивость и претендательность въ отношеніи другихъ происходятъ отъ сознанія, что у насъ нѣтъ ариадниной нити. Въ то-же время мы хотимъ, чтобы кто-нибудь за насъ создалъ эту ниточку и далъ намъ въ руки спасительное зернышко и волшебный ключъ, отворяющій всѣ тайны общественнаго и личнаго существованія. Но нужно сознаться, что у людей литературы точно также нѣтъ этого ключа, какъ нѣтъ его у васъ, у меня, у третьяго, десятаго, потому что мы переживаемъ моментъ поисковъ и никто еще ничего не нашелъ и никто еще не условился, что дѣлать.

Не хотите-ли видѣть образчикъ общественнаго согласія, когда люди выработали извѣстныя общія понятія и когда у большинства есть общія идеи, съ которыми всѣ согласны? Опять обращаюсь къ той-же „Камско-волжской газетѣ“ и приглашаю васъ выслушать то, что она говоритъ своимъ читателямъ о Японіи. „Въ тотъ промежутокъ, когда Европа какъ-бы замолкла отъ недавнихъ бурь и жаждетъ отдыха, когда она, усталая, потрясенная войнами и разочарованіями, стоитъ надъ развалинами прошлаго и недошѣрчиво смотритъ въ будущее, до нея доносится вѣсть о пробужденіи жизни на далекомъ Востокѣ... Азія, которая счи-

талась отсталюю, неспособною къ жизни, олицетвореніе вѣкового застоя, вдругъ въ одномъ изъ своихъ государствъ начала рядъ реформъ совершенно въ европейскомъ смыслѣ. Она выступила съ девизомъ, который написанъ на знамени европейской цивилизаціи: „просвѣщеніе“. И, дѣйствительно, Японія можетъ показаться чѣмъ-то сказочнымъ, удивительнымъ и невѣроятнымъ. Все въ ней сдѣлалось вдругъ и какъ-то съ разу. Когда Петръ Великій приступилъ къ русскимъ реформамъ, онъ долженъ былъ сочинить азбуку, потому что даже и ея у насъ не было, а Японія, начавшая въ декабрѣ 1872 года свою учебную реформу, основываетъ сразу восемь университетовъ, 33 высшихъ учебныхъ заведенія и 210 другихъ школъ. Элементарныхъ школъ открыто 53,760 и обученіе въ нихъ принято бесплатное и обязательное. Ежегодно для воспитанія въ заграничныхъ университетахъ назначено посылать 30 стипендіатовъ и нынче въ Европѣ учится больше тысячи молодыхъ японцевъ. Кромѣ учебной реформы объявлена свобода всѣхъ религій, учреждена академія искусствъ и наукъ, введено почтовое управленіе, введены сельско-хозяйственныя машины, строятся пароходы и желѣзныя дороги. Въ Японіи уже и прежде промышленность стояла на высокой степени. Многія изъ ремеслъ и искусствъ достигли до изумительной высоты и земледѣліе оставляетъ далеко за собою земледѣліе европейское“.

Претендуя на свое родное несогласіе и на отсутствіе направленія, мы этииъ обнаруживаемъ свое большое мѣсто и, обвиняя другого, каждый винить себя. Кто-же вамъ мѣшаетъ согласиться? Кто-же вамъ мѣшаетъ по развитію на японца? Не могъ-бы нивадо учредить въ странѣ 50,000 школъ, если-бы въ ней не было желающихъ учиться. Да, исторія! Я думаю, что даже Александръ Македонскій не добылъ-бы нынче въ Европѣ общаго согласія. Если-бы онъ объявилъ всемірный походъ, едва-ли-бы у него явилось сильное войско. Теперь и война, наиболѣе, повидимому, удовлетворяющая первобытнымъ, некультурованнымъ инстинктамъ человѣка, уже утратила свою соглашающую силу. И чѣмъ дальше, тѣмъ такое соглашеніе будетъ труднѣе, потому что въ каждомъ человѣкѣ пробуждается уже сознаніе своихъ собственныхъ интересовъ, которые нужно удовлетворить. Каждый человѣкъ начинаетъ чувствовать свое я, въ каждомъ пробуждается его личность, каждый требуетъ такихъ обще-

ственныхъ отношеній, при которыхъ всѣмъ было-бы хорошо. А мы, порицатели литературы, хотимъ, чтобы какой-нибудь беллетристъ успокоилъ цѣлый міръ романомъ; мы думаемъ, что вся русская бѣда оттого, что умеръ Гоголь и пересталъ писать Тургеневъ. О, дѣти!

Мы живемъ теперь натугой, и если намъ нужны факты, то только для того, чтобы убѣдить насъ, что мы ничего не знаемъ и, прежде всего, не знаемъ себя. 15 лѣтъ назадъ мы считали себя гениальнымъ народомъ и вообразили, что можно научиться думать и понимать свои дѣла по щучьему велѣнью. Теперь мы начинаемъ убѣждаться, что процессъ правильного мышленія, ведущаго къ безошибочному выводу, самый трудный и многосложный процессъ. Мы видимъ теперь, что его должна продѣлать каждая голова; чтобы общественное дѣло шло хорошо, каждый долженъ привыкнуть думать въ общественномъ направленіи, приобрести умственный навыкъ соглашенія своихъ личныхъ интересовъ съ интересами общины. Развѣ это легко для 80 милліоновъ, когда зачастую у насъ не припиришь мужа съ женою?

Но что мы начинаемъ проникаться потребностью мысли и знанія—доказательствомъ служитъ возникновеніе провинціальной журналистики. А что мы стоимъ едва на началѣ этого дѣла—доказательство въ томъ, что мы до сихъ поръ не знаемъ, какъ намъ организовать порядокъ этого мышленія и съ чего начать. Доказательство въ томъ, что мы только хотимъ знать себя, что мы жаждемъ фактовъ русской жизни и въ то-же время не можемъ опредѣлить, что первое, что второе, что третье.

Опять беру ту-же „Камско-волжскую газету“. Изданіе это ведется людьми умными и развитыми, при составѣ умныхъ и знающихъ сотрудниковъ. Общественною честностью вѣетъ отъ каждой статьи газеты и читатель чувствуетъ себя легко и хорошо, точно въ живомъ обществѣ хорошихъ и доброжелательныхъ людей. Но я васъ спрошу, почему газета эта „камско-волжская“? Напишите на ней „московская“, „всеобщая“, „современная“ — она останется той-же космополитической. По этой газетѣ вы можете судить только о томъ, что и въ провинціи явились уже люди, какихъ еще недавно было очень мало и въ Петербургѣ. Вы можете судить, что людей съ общественной мыслью въ Россіи прибыло. Но Поволжье, Поволжье, гдѣ ты? Вы его въ газетѣ не найдете.

Больше. Только теперь газета эта задалась вопросомъ: что такое край, что такое мѣстные интересы, чему служить, о чемъ говорить? „Отвѣчать на эти вопросы категорически невозможно, говорить газета, — потому что и приблизительный отвѣтъ на нихъ можетъ быть полученъ только путемъ всесторонняго изученія, — путемъ многолѣтнихъ подробныхъ изслѣдованій. Но уже самые эти вопросы опредѣляютъ программу, съ которой должны-бы соображаться не одни только мѣстные изданія, но и мѣстные учрежденія — общественныя и ученныя“.

Совершенно справедливо, что отвѣтить категорически на этотъ вопросъ такъ-же трудно, какъ на вопросъ: что такое жизнь? Обыкновенно подъ выраженіемъ „мѣстныхъ интересовъ“ понимается что-то очень узкое и недалекновидное. Но что значитъ узкое и недалекновидное? Органъ Поволжья замѣчаетъ, что и постройка мостовъ и даже мощеніе какой-нибудь Засыпкиной улицы могутъ быть названы „мѣстными интересами“. Но каждому ясно, что ограничивать ихъ такой узкой сферой — значитъ, совершенно не понимать ихъ истиннаго значенія. Совершенно справедливо! Совершенно справедливо, что нужно расширять горизонтъ провинціального міросозерцанія до его „естественныхъ предѣловъ“. Но что значать „естественные предѣлы“? Развѣ мощеніе Засыпкиной улицы виѣ этихъ предѣловъ? Развѣ заниматься дезинфекціей нашихъ улицъ, ихъ освѣщеніемъ — интересъ не „мѣстный“? Нѣтъ, онъ мѣстный и очень мѣстный; онъ узокъ только тогда, когда мы не станемъ ничѣмъ заниматься, кромѣ мощенія улицъ. „Волжско-камская газета“ говоритъ, что „слѣдуетъ подниматься выше обыденныхъ явленій нашей обыденной жизни и окидывать взоромъ цѣлый край, имѣющій нѣчто общее и отличительное отъ того, что слѣдуетъ за его предѣлами“. Эта мысль вѣрна, но она выражена или слишкомъ осторожно, или-же въ ней можно усмотрѣть излишнее тяготѣніе къ широкому, большому и нѣкоторое игнорированіе мелочей.

Мнѣ казалось-бы, что мѣстные интересы начинаются съ мѣстныхъ песчинокъ и что изъ песчинокъ затѣмъ образуются горы. Геологія, конечно, очень интересная наука, а кругозоръ минералогіи уже. Но геологія невозможна безъ минералогіи и нельзя быть истиннымъ геологомъ не зная минералогіи, минералогомъ — не зная геологіи. Самыя мелкія песчинки, какъ и самыя мелкіе

факты жизни, всегда имѣютъ свой корень въ общихъ причинахъ; но развѣ можно изучить общество, не зная лица и не опредѣливъ ихъ взаимодействія? Не въ томъ дѣло, чтобы миновать мелкіе факты, и не въ томъ дѣло, чтобы говорить о нихъ безъ разума, но только мелкимъ фактомъ мы опредѣлимъ общее и только вѣрнымъ приуроченіемъ къ общему мы поймемъ безошибочно фактъ. Не вымостивъ Засыпной улицы и всѣхъ грязныхъ переулковъ Казани, мы не устроимъ мостовой въ цѣломъ городѣ. Нѣтъ, давайте намъ фактовъ и побольше фактовъ! Давайте намъ ихъ цѣлую массу, — но выясненныхъ, приуроченныхъ къ широкому кругозору, имъ освѣщенныхъ и потому ясныхъ, понятныхъ и дающихъ нашей мысли вѣрный цвѣтъ и направленіе. Только вѣрная мысль дастъ вѣрное направленіе нашему общественному направленію, и пока мы не начнемъ думать отъ факта, и самаго мелочного факта, мы не усвоимъ себѣ вѣрнаго приема мышленія и всегда будемъ витать въ общемъ и теоретическомъ. Практики и люди дѣла создаются только индукціей, и пока мы будемъ разсуждать отъ общаго, мы всегда останемся болтунами, резонерами, фразерами и юристами.

„Камско-волжская газета“ говоритъ, что уже простое, непосредственное чувство указываетъ намъ, что у насъ не только есть свое отечество, но и свой „край“. Но что такое свой край? Своя губернія, что-ли? Но вотъ я переѣзжаю границу своей губерніи и за ней нахожу тѣ-же травы, тѣ-же деревья, такіа-же поля съ жалкими хлѣбами, такихъ-же мужиковъ и бабъ, тотъ-же говоръ и тѣ-же пѣсни, и тѣ-же мысли, и тѣ-же чувства. „Значитъ, губернія тутъ не при чемъ, но должны быть естественныя границы, говоритъ „Камско-волжская газета“. — Отыскать и опредѣлить ихъ приблизительно — первая задача каждаго патріота, если патріотизмъ его живетъ не въ головѣ, а въ сердцѣ, не вычитанъ, а вложенъ природой и воспитанъ не въ учебномъ заведеніи, а въ школѣ жизни“.

Охъ, противъ этого можно сказать очень много! Развѣ природа въ насъ что-нибудь влагаетъ и ея уроками пользуемся мы, чтобы устроить свою домашнюю и общественную жизнь? Дѣйствительно, лучше всего учиться въ школѣ жизни, но что такое жизнь? Согласитесь-ли вы учиться въ школѣ жизни папуаса или новозеландскаго дикаря? Развѣ не школа жизни воспитала Китъ Би-

тыча и развѣ въ Домостроѣ изложены не ея уроки? Есть разныя школы жизни, какъ есть разныя школы грамотности и разныя методы обученія. Воспитаніе въ учебномъ заведеніи не тѣмъ худо, что заведеніе *учебное*, а, можетъ быть, худо потому, что оно учить не тому. И гдѣ-же мы научимся понимать недѣлности Домостроя и глупыя самодурства Кить Китычей? Ужь, конечно, не въ школахъ Поволжья или какого-нибудь чувашскаго Мелевеса, не на пароходѣ „Самолета“, въ пьяномъ обществѣ „верховныхъ“. Неужели развивающій университетъ хуже деревни?

„Камско-волжская газета“ старается указать на необходимость опредѣленія естественныхъ границъ краевъ. Въ учебникахъ географіи она справедливо не находитъ никакихъ указаній на областныя особенности Россіи. „Официальныя изданія статистическихъ кабинетовъ и описанія губерній, составленныя заѣзжими офицерами генеральнаго штаба — вотъ почти все, чѣмъ вы можете располагать. Но едва только вы ориентировались въ этомъ мертвомъ матеріалѣ, вы начинаете уже замѣчать, что отличительныя черты „вашего края“ начинаютъ понемногу проясняться передъ вашимъ умственнымъ взоромъ. Вашъ интересъ возрастаетъ и „мѣстный патріотизмъ“ получаетъ нѣкоторое твердое объективное существованіе. Мало-по-малу цѣлая область „мѣстныхъ интересовъ“ возстаетъ передъ вами съ своими вопросами: какія естественныя историческія условія создали эти особенности, эти отличительныя черты, благодаря которымъ „вашъ край“ получаетъ характеръ обособленнаго въ организмъ того государства, часть котораго онъ составляетъ. И если вы естественникъ, съ этихъ поръ ваша наука: геологія, минералогія, ботаника, зоологія, метеорологія получаютъ въ вашихъ глазахъ какъ-бы новую цѣну, потому что вы можете употребить ихъ орудіемъ изученія своего края, можете обратить ихъ на служеніе мѣстнымъ интересамъ въ широкомъ значеніи этого слова“. Ужь будто-бы это такъ широко, ужь будто-бы вся дѣятельность человѣческой души можетъ быть занята приложеніемъ геологіи къ дѣлу мѣстнаго интереса!

„Камско-волжская газета“ не уклоняется и отъ необходимости изученія бытовыхъ особенностей каждой мѣстности. Она думаетъ искать отвѣтовъ и въ антропологіи, и въ этнографіи, и въ исторіи, и въ политической экономіи. Но изъ тѣхъ примѣровъ, которыми она поддѣрживаетъ свою мысль, не выясняется вполнѣ

рельефно значеніе этихъ философскихъ знаній, какъ говорятъ англичане, въ ихъ полномъ приложеніи къ мѣстному интересу. Или, можетъ быть, я худо понимаю слова „Камско-волжской газеты“? Но отъ словъ ея,—по крайней мѣрѣ, той статьи, о которой я говорю (№ 39, „Что такое мѣстные интересы“?)—вѣтъ эпопомизмъ, чѣмъ-то сухимъ и книжнымъ.

Газета сѣтуетъ, что въ литературѣ господствуетъ централизмъ и монополія столичной печати, что лучшія силы бѣгутъ на берега Невы, верѣдко сами не зная зачѣмъ, вмѣсто того, чтобы трудиться дома, что Петербургъ только помогаетъ закрывать глаза на нужды своей родины, — и заключаетъ свое сѣтованіе латинскимъ афоризмомъ: *ubi bene — ibi patria*. Но, скажите ради Бога, почему-же бѣгутъ лучшія силы изъ провинціи? Неужели только потому, что они не знаютъ мѣстной минералогіи? И почему незаконно бѣжать въ Петербургъ и почему гораздо законнѣе жить въ чувашскомъ Мелекесѣ даже тогда, когда жить тамъ очень северно? Этотъ вопросъ — вопросъ тоже патриотизма и Петербургъ можетъ быть такимъ-же отечествомъ и такимъ-же русскимъ краемъ, какъ и Казань.

Вы хотите, чтобы интеллигенція, посвятивъ себя служенію интересамъ своего края, вложила новое животворное содержаніе въ бессодержательныя фразы о мѣстныхъ интересахъ и мѣстныхъ вопросахъ, и тогда она почувствуетъ себя болѣе удовлетворенной? Не значить-ли это возбуждать вопросъ о доброй и злой волѣ и толковать пьяницамъ, что у нихъ нѣтъ денегъ потому, что они пьянствуютъ? Если-бы отъ каждаго изъ насъ зависѣло вложить душу въ бессодержательныя формы, неужели вы думаете, что мы этого-бы не сдѣлали? Наука началась съ геологіи вовсе не потому, что у людей вовсе не было доброй воли и желанія изучать болѣе близкое. И сельское хозяйство до сихъ поръ не разработано не потому, что люди накинудись только на ремесла и фабричныя производства. Нѣтъ, они накинудись на ремесла и фабричность потому, что у нихъ нѣтъ еще силъ узнать законы сельско-хозяйственной промышленности. Вы обвиняете современную интеллигенцію за ея слишкомъ кабинетное направленіе и за ея стремленіе къ обобщеніямъ, минуя мѣстные интересы. Но все, что вы говорите, только частныя случаи изъ того общаго момента, въ которомъ пребываетъ теперь русская мысль. Вы могли-

бы привести еще болѣе интересные факты изъ общаго настроенія русской мысли. И эти факты у васъ есть. Я читаю, напримѣръ, въ одномъ изъ номеровъ „Камско-волжской газеты“ такое замѣчаніе: „Наша дѣятельность начинается всегда съ самаго грандіознаго проекта: господства на Восточномъ океанѣ, постройкой цѣлаго флота гдѣ-нибудь на Бѣломъ морѣ, миллионной компаніей на Амурѣ, устремленіемъ торговли прямо въ Индію черезъ Пешеваръ. Одинъ говоритъ, что намъ необходимо драться съ Китаемъ, другой идетъ прямо на сипая. Въ послѣднее время по поводу средне-азіатскихъ владѣній разные доморожденные политики набрасывали самыя обширныя планы, сыпали самыя смѣлыя, какъ военныя, такъ и промышленныя проекты. Ужъ на что „Вѣстникъ Европы“, партикулярный человекъ самаго тихаго нрава, но и тотъ въ мартовской книжкѣ помѣстилъ статью, въ которой доказываетъ, что намъ безъ Бухары жить невозможно“. Припомните Ермака, припомните Дежнева, припомните походы русскихъ удалцовъ на Волгу, въ Персію,—что это такое? А все тотъ-же геологическій моментъ русской мысли, для которой лишь доступны луна и отдаленныя звѣзды, но еще недоступны песчинки, лежащія къ ней ближе всего.“

Правда, что говоря это, я тоже только констатирую фактъ отсутствія въ насъ стремленія къ мѣстнымъ интересамъ, но, во-первыхъ, я не издаю никакой газеты, а во-вторыхъ, я усматриваю не то, чтобы противорѣчіе, а неясность въ сѣтованіяхъ „Камско-волжской газеты“. „Если вы родились на Волгѣ, говорить она,—вы совершенно съ иными чувствами будете декламировать Некрасова:

Волга, Волга! Весною многоводная и т. д.

чѣмъ продекламируетъ эти стихи уроженецъ Малороссіи или Сибири. Сибирякъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ о своихъ широкихъ рѣкахъ, которыя наведутъ тоску своею пустынною на человека, привыкшаго видѣть оживленную навигацію, наблюдать суету и шумъ пристаней. Безконечныя лѣса сѣвера приводятъ въ уныніе жителя средней полосы Россіи“. Авторъ приводитъ въ примѣръ русскихъ матросовъ, которые съ глубочайшимъ убѣжденіемъ утверждали, что гречихой не въ примѣръ лучше пахнетъ, чѣмъ въ лимонныхъ рощахъ Италіи. Какъ-же вы послѣ этого говорите, что у насъ нѣтъ мѣстнаго патріотизма! Значить, не

патріотизма въ насъ не хватаетъ, а чего-то другого, что мѣшаетъ намъ почувствовать, что аромать лимонныхъ рошъ нѣжтѣй и тоньше аромата гречихи, что мѣшаетъ намъ понять тонкія мысли, что мѣшаетъ нашимъ чувствамъ чувствовать нѣсколько лучше, чѣмъ мы чувствуемъ, мѣшаетъ понять все безобразіе опаиванія какого-нибудь 11-ти-лѣтняго мальчика, поджиганія платья у проходящей женщины или поджиганія для потѣхи волосъ на головѣ слѣпного семидесятилѣтняго бандуриста. Не даромъ-же наша публика накидывается только на беллетристику и отворачивается отъ статей, обращающихся къ голой, холодной мысли. Человѣкъ не въ одной мысли и душа его не въ одномъ процессѣ мышленія. Одной геологіей и минералогіей не удовлетворишь и не разожгешь человѣка и не вложишь въ него общественныхъ чувствъ, ибо безъ общественныхъ чувствъ нельзя имѣть общественныхъ мыслей. Справьтесь объ этомъ въ психологію; справьтесь, какъ путемъ хорошихъ чувствъ формируются хорошія мысли и какъ уже потомъ путемъ хорошихъ мыслей можно подавлять дурныя чувства. Но это потомъ. Если вы хотите создавать людей науки, давайте имъ голые факты и они поймутъ васъ. Но если вы хотите создавать людей для общества и для семьи, людей, которые-бы не жгли сѣднмъ бандуристамъ волосъ на головѣ, дѣйствуйте на ихъ душу, т. е. полный комплектъ всѣхъ представленій, ощущеній и чувствъ, отъ которыхъ зависятъ поведеніе человѣка.

Это трудно, но чего хотите вы—еще труднѣе. Никакой человеческой жизни, не одного, а десяти редакторовъ и десяти газетъ не достанетъ, чтобы изучить этнографію, исторію, минералогію, зоологію, метеорологію, всю бытовую и экономическую сторону не только цѣлаго края, но даже одного уѣзда. Пусть этимъ займутся ученые, а на долю насъ, публицистовъ и редакторовъ газетъ, выпала другая задача. Намъ нужны, пожалуй, всѣ научные факты и всѣ факты жизни, грандіозные или мелочные, все равно, но факты эти нужны намъ только для того, чтобы пропустить ихъ черезъ извѣстное выработанное нами міровоззрѣніе, служащее исходной точкой для пониманія того, что совершается вокругъ насъ. Вы жалуетесь на отсутствіе направленія ужъ, конечно, не потому, что отъ этого страдаютъ интересы геологіи или что отъ этого въ вашихъ рукахъ слишкомъ мало научныхъ фактовъ. Направленіе именно тотъ общій фокусъ, черезъ который

вы пропускаете каждый свой фактъ и пропускаете его именно такъ, чтобы въ головахъ вашихъ читателей являлась каждый разъ новая искорка свѣта. Для этого мы всѣ довольно патриоты и всѣ любимъ свое отечество достаточно. Я даже готовъ утверждать, что у насъ у всѣхъ есть направленіе.

О чемъ-же мы думаемъ, когда жалуемся на недостатокъ направленія? Мы думаемъ не о жизни, не о дѣйствительности насъ окружающей, не о земствѣ, не о банкахъ, не о мужикѣ, не о деревнѣ, какими они есть, — мы думаемъ о литературномъ человѣкѣ, о литературномъ мужикѣ, о художественныхъ, прогрессивныхъ типахъ. Намъ досадно, что у насъ нѣтъ новаго Тургенева и что намъ нечего читать и не отъ кого прониваться хорошими чувствами и не у кого найти идеала, за которыми можно брести, какъ стадо барановъ. Конечно, жаль! Но забудьте романы и скажите, неужели вы усматриваете направленіе въ однихъ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, „Русскомъ Мирѣ“ и „Гражданинѣ“? Оглянитесь вокругъ и посмотрите на людей, васъ окружающихъ: всѣ они трусы или нетрусы, консерваторы или либералы, сословники или земщики, классики или реалисты, глупцы или умные, своекорыстные и тупые эгоисты или-же люди мыслящіе въ направленіи общаго блага. Чего-же вамъ нужно еще? Что мы не можемъ столкнуться, что полземъ врозь, это именно потому, что насъ слишкомъ много и каждый хочетъ своего. Это, конечно, глупо; а помните, что говоритъ Бюль и Шиллеръ объ исправленіи сужденій? Мы не можемъ быть исключеніемъ изъ общаго правила, тѣмъ болѣе, что мы моложе всѣхъ и витаемъ еще мыслию въ геологическомъ туманѣ.

Боясь, что вы поймете меня не такъ. Я больше всего за мѣстные интересы, за изученіе песчинокъ, потому что безъ нихъ не узнаешь горь. Но я боюсь, что васъ увлечетъ *наука*, и вмѣсто живой жизни Поволжья, мы увидимъ только туманныя геологическія картины, за мѣстной географіей и зоологіей мы не увидимъ человѣка. Давайте все, но прежде всего не давайте скучныхъ статей; а скучной статьёй будетъ всякая, въ которой вы станете насъ подчивать *наукой*.

Въ томъ смыслѣ, какъ мы говоримъ, мы хотѣли-бы найти въ „Камской газетѣ“ больше Поволжья, больше картинъ съ натуры, снимковъ и фотографій, больше дѣйствующаго черезъ науку на всю душу. И занять такое мѣсто провинціальному органу

нынче гораздо легче, чѣмъ какому-бы то ни было органу общему, въ родѣ петербургскихъ журналовъ. Тѣ или раскидываются по всей Россіи и тогда ничего не выходитъ, или разсуждаютъ объ общихъ правительственныхъ мѣрахъ и превращаются въ доклады губернскаго правленія, или-же видятъ одинъ свой Петербургъ и становятся мѣстнымъ органомъ. Когда петербургскій журналъ становится петербургскимъ органомъ, онъ совсѣмъ отдѣляется отъ Россіи и становится сухъ, одностороненъ и узокъ. У Петербурга нѣтъ ни земли, ни земства, ни урожаявъ, ни личнаго производительнаго труда; у него есть только городская дума, банковыя операціи, ажіотажъ, спекуляція и гостинный дворъ.

Цвѣтушая пора петербургской журналистики была лѣтъ пятнадцать назадъ, и это понятно, потому что мы думали тогда отъ общаго къ частному; „мѣстные-же интересы“ есть мышленіе отъ частнаго къ общему. Тогда мы думали отъ Петербурга къ провинціи, теперь начинаемъ думать отъ провинціи къ Петербургу. Пора провинціального пробужденія явилась вмѣстѣ съ земствомъ и вмѣстѣ-же съ земствомъ родилась провинціальная пресса. Это два параллельныхъ явленія, которыя не могутъ существовать одно безъ другаго, какъ сіамскіе близнецы. Какую-же роль долженъ играть мѣстный органъ, какъ душа земской мысли?

Согласитесь, что до сихъ поръ все, что говорилось о земствѣ, заключалось почти исключительно въ томъ, что не всѣ гласные являются въ собраніе и что намъ чужды *общественные интересы*. Это ужъ надоѣдаетъ! Давно, давно всѣ это слышать и земскія собранія полнѣе не становятся. Что-же касается вопросовъ, разрабатываемыхъ земствомъ, то, скажите по совѣсти, въ какомъ мѣстномъ органѣ вы найдете прямыя на нихъ отвѣты, насколько мѣстные органы помогаютъ земскому пониманію? Укажу вамъ въ доказательство только на одинъ фактъ: въ Англіи всѣ вопросы, какіе приходится обсуживать въ парламентѣ, на митингахъ и вообще во всякихъ общественныхъ собраніяхъ, выясняются и разрабатываются преніями. Ясно, что говорятъ люди, которымъ извѣстно, о чемъ они разсуждаютъ. У насъ-же, при разрѣшеніи какихъ-бы то ни было земскихъ вопросовъ, всегда избираются комиссіи, которымъ и поручается составить докладъ. Ясно, что нашимъ дѣльцамъ нужна работа секретарей. Вотъ въ

какомъ смыслѣ мы-бы хотѣли, чтобы мѣстный органъ былъ земскимъ органомъ, чтобы онъ шелъ впереди земскихъ вопросовъ и подготовлялъ земскихъ дѣятелей къ правильному ихъ разрѣшенію.

Но рядомъ съ этимъ мы хотѣли-бы видѣть въ мѣстномъ органѣ мѣстную душу, чувствовать въ немъ бытовую сторону жизни, какъ-бы чувствовать себя и въ губернскомъ и уѣздномъ городѣ, и въ полѣ и въ деревнѣ, и съ земскимъ дѣятелемъ и мужикомъ, быть въ обществѣ и съ подроставшимъ поколѣніемъ. Это, конечно, труднѣе, да и форма газеты едва-ли для этого удобна. Газета говорить о летучихъ новостяхъ, о короткихъ извѣстіяхъ дня, и вотъ почему она ежедневное изданіе, и вотъ почему чтеніе газеты такъ развито у народовъ, живущихъ политическою жизнью. Для русской провинціи полезнѣе журналъ.

Въ „Саратовскомъ Справочномъ Листкѣ“ я нашелъ превосходное описаніе одной изъ волжскихъ сценъ. Плыветъ пароходъ. Раннее утро. Едва пробиваются первые проблески разсвѣта. Дымная каюта пропитана какимъ-то запахомъ гари, пота и амброй, свойственной нецеремоннымъ людямъ. „Верховой купецъ“ возсталъ отъ сна и началъ будить несчастныхъ пассажировъ, убѣждая, что долго спать великій грѣхъ. Черезъ полчаса уже все населеніе каюты на ногахъ. Заспавный лакей едва успѣваетъ исполнять многочисленныя требованія.

— Эй! графинъ водки подай! приказываетъ „верховой“.

— Порцію чаю! кричитъ другой.

— Двѣ порціи бифштекса и графинъ водки въ счетъ Ивана Астафьевича! распоряжается адвокатъ съ наполеоновской бородкой, указывая на одного купчика.

Шумъ и толкотня.

Въ одномъ углу каюты пассажиры успѣли выпить и закусить и рѣзались уже въ карты.

— Это моя взятка! говорилъ прикащикъ, отправляющійся въ Москву за товаромъ.

— Па-ами-луйте! козырный тузъ мой—значить, и взятка моя! не соглашался какой-то таинственный господинъ.

— Вотъ оно что!.. Нѣтъ-съ, тузъ мой! возвысилъ голосъ первый.

— Что-съ? Вашъ тузъ? Это мило!

- Нечего тутъ мило, мой!
- Нѣтъ-съ!
- Мой!
- Да будетъ вамъ, господа! вмѣшались партнеры.
- Да помиуйте! онъ говорить тузь его!
- Да, мой!
- Это безсовѣстно!
- Па-адлецъ!
- Какъ?!..

Баць, баць!.. Кому принадлежалъ тузь—осталось неизвѣстно.
Другая сцена.

Около одной койки собралась кучка пассажировъ, окружившихъ комерсанта съ рыженькой бородкой, на подобіе возлиной. Комерсантъ читалъ „Донъ-Кихота“, а слушатели то-и-дѣло разражались взрывами единодушнаго хохота. „И вотъ къ Санчо, читаетъ бородка,—явился въ одно утро какой-то человѣкъ и попросилъ его рѣшить такой вопросъ: широкая и глубокая рѣка раздѣляетъ землю двухъ владѣльцевъ. На концѣ моста, перекинутого черезъ рѣку, стоитъ висѣлица и при ней устроенъ трибуналъ, въ которомъ засѣдаютъ четверо судей. Судьи должны наблюдать за исполненіемъ закона, постановленнаго владѣльцемъ рѣки, а законъ гласитъ: „всякій, кто пройдетъ по этому мосту, съ одного берега на другой, долженъ сказать подъ присягой: кто онъ, куда идетъ и зачѣмъ. Если онъ скажетъ правду—пропустить его; ежели солжетъ—повѣсить“. Случилось такъ, что одинъ человѣкъ, перешедшій мостъ, сказалъ подъ присягой: „влянусь Богомъ, я отправился, чтобы быть повѣшеннымъ на этой висѣлицѣ“. Услышавъ это, судьи сказали: „Если мы пропустимъ его, то выйдетъ, что онъ совралъ, а по закону лжець долженъ быть повѣшенъ; если-же мы его повѣсимъ—выйдетъ, что онъ сказалъ правду, и по закону вѣшать его мы не имѣемъ права“.

— Вотъ это „дыкъ“! протянули слушатели, — вотъ и раскуси тутъ!

И началось раскусываніе. И какого вздора ужъ не лаговорили кричавшіе въ одинъ голосъ ораторы.

— Эхъ, да ну его къ лѣшему! рѣшилъ „верховой“,—чай, мы, въ самомъ дѣлѣ, не судьи... Пойдемте-ка, лучше, выпьемъ водочки... Человѣкъ! графинъ водки!

Всѣ разбрелись. Одинъ только мѣщанинъ съ рыжей бородкой остался на старомъ мѣстѣ, усиливаясь разрѣшить задачу; подумавъ, онъ сказалъ: „Фу! ну его къ чорту! ничего не понимаю! Отпустить—нельзя, повѣсить—нельзя!..“ Мѣщанинъ ожесточенно плюнулъ и тоже пошелъ пить водку.

Сцена третья:

„Верховой“ устраиваетъ попойку, которая продолжается до четырехъ часовъ утра. Всѣ пьяны. Стоитъ гулъ десятевозъ пьяныхъ голосовъ. Проходить жидъ.

— Эй! жидовское отродье! кричитъ кто-то изъ толпы.—Иудино племя! Стой!

— Ай! вей! Не рвите мнѣ скюртукъ! пищитъ тоненькимъ фальцетомъ потомокъ Израиля.

— Стой! говори: свинья ты или нѣтъ? пристааетъ все тотъ-же хриплый голосъ.

— Ну, что вы меня ругаете, Боже мой!

— Молчать!.. Свинья ты, или нѣтъ?

— Я такой-же подданный русскаго царя, какъ и вы... Что вы пристааете?..

— Хо-хо-хо! пронесся какой-то гулъ.

— Вей его!

Бацъ, бацъ!.. Явился помощникъ капитана съ матросами и возстановилъ порядокъ. Еврей плачетъ.

Милое Поволжье, я вижу тебя; я узнаю тебя въ этихъ сценахъ, хотя давно не плаваю на твоихъ пароходахъ! Я знаю, что это только одна сторона поволжской души, но кто-же вамъ мѣшаетъ показать и всѣ?

Время и поправка сужденій учить человѣка мыслить безошибочно и не спать. Если въ пятнадцать лѣтъ мы дожили до „мѣстныхъ органовъ“, черезъ пятнадцать лѣтъ, можетъ быть, доживемъ до того, что увидимъ въ нихъ дѣйствительный центръ мѣстной мысли. Теперь-же пока идетъ путаница. Конечно, это скучно.

ВѢНСКАЯ ВСЕМІРНАЯ ВЫСТАВКА.

(ПИСЬМА НАШЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА.)

Печальный видъ вѣнскихъ предмѣстій.—Отрицаніе холеры вѣнскими жителями.— Выставка, какъ неудачная спекуляція.—Причина вздорожанія квартиръ въ Вѣнѣ.—Еврейскій характеръ новой Вѣны.—Красота построекъ.—Оборотная сторона медали.—Курьезное заблужденіе агента выставки.—Ротонда.—Хаосъ, господствующій на выставкѣ.—Повѣсть о постройкѣ пратерскаго купола.—Отсутствие классификаціи и системы на вѣнской выставкѣ лишаетъ возможности производить на ней изслѣдованія.—Международная школа искусства, комерціи и промышленности, какъ средство сдѣлать болѣе полезными всемірныя выставки.—Нѣмцы желаютъ взять если не качествомъ, то, по крайней мѣрѣ, количествомъ.—Характеръ промышленности англійской, французской и нѣмецкой.—Русское отдѣленіе.—Степень участія различныхъ странъ въ художественной выставкѣ.—Замѣчательные швейцарскіе пейзажисты.—Отсутствие оригинальности и самостоятельности въ картинахъ бельгійскихъ художниковъ.—Паденіе искусства въ Голландіи.—Спеціальныи колоритъ норвежскихъ и шведскихъ картинъ.—Датская скульптура. — „Первый шагъ“ Каменскаго. — Русскіе художники: Семирадскій, Рѣпинъ, Гунъ, Гэ, Виллевалдь.

I.

Я вѣхалъ въ Вѣну въ полдень одного изъ августовскихъ дней. Предшѣствя мимо которыхъ пришлось проѣзжать нашему поѣзду, произвели на меня довольно тягостное впечатлѣніе. День, правда, былъ очень жаркій, палило точно подъ экваторомъ. Надъ сѣрыми, непривлекательными домиками висѣло сѣрое, тяжелое небо; сѣрый, густой туманъ пыли стѣной стоялъ въ воздухѣ. Здѣсь, въ этихъ предмѣстьяхъ, холера хозяйничала по всей своей волѣ. Незачѣмъ было обладать слишкомъ сильнымъ воображеніемъ или быть въ трусливомъ настроеніи, чтобы собственнымъ носомъ обонять миазмы, носившіяся въ пыльной тучѣ, чтобы простымъ глазомъ замѣтить, какъ въ этой густой, неподвижной массѣ тумана образуются зародыши смерти. Въ предмѣстьяхъ полная

тишина, на улицахъ почти невидать прохожихъ. Трава, даже кустарники совсѣмъ сожжены солнцемъ, а немощныя деревья, опустивъ свои большыя вѣтви, убѣленные пылью, смотрятъ безотрадно, печально, почти мертво...

Выйдя изъ вагона я, вмѣстѣ съ пріятелемъ, встрѣтившимъ меня на станціи и вызвавшимся быть моимъ жоатаемъ, сѣли въ коляску и помчались по улицамъ и площадямъ центральной части города, производящей, конечно, иное впечатлѣніе, чѣмъ предмѣстья. На улицахъ и площадяхъ толпилась и сновала гудящая толпа, которая казалась веселой и оживленной. Было воскресенье; массы народа высыпали на улицу и направлялись въ разныя стороны: кто шель на выставку, а кто въ сады и увеселительныя заведенія, которыхъ множество какъ за заставами, такъ и въ самомъ городѣ.

— Здѣсь всегда воскресенье, сказалъ мой пріятель. — «Wir führen ein flotttes Leben» (мы ведемъ жизнь полишинеля). Мы забавляемся съ утра до ночи; въ холерное время мы веселимся такъ-же, какъ и во всякое время; мы наслаждаемся на землѣ, гдѣ пребываемъ только временно, въ полной увѣренности, что будемъ наслаждаться также и въ будущей жизни.

— А холера? замѣтилъ я.

— О, наши вѣнцы относятся къ ней довольно равнодушно; на 900-тысячное население столицы умираетъ вѣдь всего какая-нибудь сотня человѣкъ въ день, что составляетъ не болѣе двойного числа обычной средней смертности. Вотъ когда начнетъ валиться сотни по двѣ и больше народа въ день, вѣнскіе жители воспрянутъ и схватятся за мѣры къ ослабленію зла. А теперь самыя газеты стараются обходить щекотливый вопросъ; даже въ печатаемыхъ ими перечняхъ ежедневной смертности, они осторожно обходятъ слово «холера» и замѣняютъ ее «поносомъ, хроническими страданіями желудка» и пр. Онѣ избѣгаютъ всего, что можетъ напугать иностранцевъ и остановить приливъ посѣтителей на всемірную выставку. Въ гостиницахъ поступаютъ еще рѣшительнѣе: тамъ смѣло отрицаютъ самое существованіе эпидеміи. Если-же посѣтитель сомнительно покачаетъ головой, ему отвѣтятъ, что холера безсильна надъ почтенными людьми, которые въ состояніи прожить отъ 10 до 20 флориновъ (отъ 6 до 12 руб.) въ день. Къ тому-же, какъ вы сами можете замѣтить, наши улицы обильно поливаются; разные порошки и кислоты, очищающія воздухъ, расходуются въ непомѣрномъ количествѣ.

— А удалась-ли выставка?

— Гм! гм! ну по этой части намъ похвастаться нечѣмъ; не явилось и половины посѣтителей, въ которыхъ мы нуждались, чтобы сборомъ съ нихъ покрыть расходы. Эта спекуляція всемірной выставкой такъ-же плохо удалась, какъ и множество другихъ нашихъ спекуляцій. Вообще въ послѣднія 12 лѣтъ у насъ все какъ-то плохо клеится, хотя до тѣхъ поръ, какъ извѣстно, Австрія непопомѣрно везло. На устройство выставки набросились съ бѣшенымъ азартомъ; на это предпріятіе возлагали самыя несбыточныя надежды; инициаторамъ этого дѣла никакой расходъ не казался слишкомъ большимъ, потому что они были убѣждены, что подъ сѣнію Пратера соберется цѣлый міръ. Вслѣдствіе финансовыхъ потрясеній, произведенныхъ «Кракомъ», влияние котораго почувствовалось далеко за предѣлами Австріи, необходима была спекуляція, рассчитанная на широкую эксплуатацію иностранцевъ. Слѣдовало привлечь въ Австрію доллары, гринбаки, фунты стерлинги, червонцы, старые дублоны, полуимперіалы, наполеондоры и пр. Сильно рассчитывали на наплывъ «восточныхъ человѣковъ», которые порастрасутъ свои карманы, наполненные цехинами и станутъ щедро раскидывать направо и налево жемчугъ и алмазы. Но извѣстно, что изъ восточныхъ людей пожаловалъ одинъ персидскій шахъ и никакой щедрости на раскидываніе брилліантовъ не выказалъ.

— Но при всемъ томъ развѣ выставка не дастъ странѣ выгодъ, равносильныхъ съ потраченными на нее громадными средствами? Всѣ затраченныя деньги останутся въ самой странѣ; постройки ломать не захѣмъ, онѣ могутъ приносить постоянный доходъ. Нѣсколько сотъ тысячъ иностранцевъ, посѣщавшіе выставку, оставятъ въ Вѣнѣ весьма почтенную сумму денегъ. Къ тому-же выставка несомнѣнно повлияетъ на установленіе болѣе прочныхъ промышленныхъ и торговыхъ сношеній между Австріею и другими странами. Всѣ эти выгоды должны бы вознаградить съ лихвой за тѣ убытки, которые падаютъ на Австрію отъ недобора входной платы за посѣщеніе выставки.

— Конечно, со временемъ все уравнивается и потеря въ одномъ отношеніи пополняется выгодами въ другомъ. Но всѣмъ дѣламъ, даже къ довольно серьезнымъ соціальнымъ событіямъ примѣшивается много элементовъ, участія которыхъ трудно было предвидѣть, между тѣмъ, часто случается, они-то именно и оказываютъ рѣшительное влияние на конечные результаты. Нѣтъ сомнѣнія, что вѣнцы всегда будутъ недовольны результатами, полученными отъ ихъ выставки. Ужъ конечно останутся недовольны рабочіе и мелкіе буржуа, перегородившіе свои небольшія квартиры на нѣсколько клѣтокъ; уставившіе эти клѣтки

плохими кроватями, плохими столами, поломанными стульями и пожелавшіе за непомѣрныя цѣны отдать ихъ въ наемъ иностранцамъ; къ великому огорченію этихъ господъ, надежды ихъ не осуществились, потому что иностранцы пожаловали въ Вѣну далеко не въ томъ числѣ, какъ они предполагали. Останутся недовольными вообще потребители, которыми пришлось платить за предметы первой необходимости непомѣрныя цѣны, такъ называемыя выставочныя. Въ довершеніе бѣды, эти временныя выставочныя цѣны грозятъ обратиться въ постоянныя; это будетъ новымъ пониженіемъ цѣны денегъ, и безъ того стоявшихъ очень низко, а такое пониженіе, въ свою очередь, послужитъ къ всеобщему обѣднѣнію.

— Но какъ-же, при такомъ быстромъ повышеніи цѣнъ на предметы первой необходимости въ Вѣнѣ, могутъ существовать ея бѣднѣйшіе жители?

— Бѣдность у насъ постоянно увеличивается, но въ то-же время роскошь нисколько не уменьшается. По истинѣ непостижимо какъ мелкіе буржуа и чиновники, получающіе отъ 800 до 1200 флоринновъ (480 до 720 р.) въ годъ, могутъ сводить концы съ концами. Большая часть рабочихъ находится сравнительно въ лучшемъ положеніи, чѣмъ прежде, такъ-какъ заработокъ ихъ по случаю выставки значительно увеличился. Но такое положеніе чисто искусственное, оно будетъ держаться до тѣхъ поръ, пока существуетъ выставка. Но вѣнцы вообще народъ крайне легкомысленный, убѣжденія ихъ очень шатки, ну и по части совѣсти...

— Можеть-ли это быть? Нѣтъ-ли въ вашихъ словахъ преувеличенія?

— Нисколько. Замѣтили-ли вы, какъ у заставы поспѣшно подбѣжалъ къ нашей коляскѣ таможенный досмотрщикъ, получилъ съ насъ нѣсколько крейцеровъ, взаменъ выдалъ квитанцію, которая осталась у насъ, хотя мы должны были вручить ее контролеру, имѣющему свой постъ на другой сторонѣ заставы; мы тамъ его не нашли. Вы полагаете, что полученные съ васъ деньги пошли въ доходъ города. Ошибаетесь. Большая часть изъ нихъ остается въ рукахъ надсмотрщиковъ и контролеровъ. Городъ до сихъ поръ еще не могъ создать правильнаго контроля за сборомъ своихъ доходовъ. И вездѣ въ Вѣнѣ, на биржѣ, на рынкахъ и пр. дѣла идутъ такимъ-же образомъ. Вездѣ и во всемъ замѣчается легкомысленное отношеніе къ общественному дѣлу. Но не осуждайте слишкомъ строго вѣнцевъ: легкомысліе спасло ихъ отъ лицемерія. Не слѣдуетъ слишкомъ серьезно относиться ни

къ ихъ добродѣтелямъ, ни къ ихъ порокамъ... Начиная съ Мадженты и Сольферино катастрофы стали такимъ привычнымъ дѣломъ въ Австріи, что они здѣсь никого слишкомъ не смущаютъ. «Wir haben leichtes Blut», говорятъ вѣнцы. Какъ только проходитъ катастрофа, они съ прежнимъ легкомысліемъ кидаются на наслажденія; по прежнему они болѣе всего заботятся о забавахъ и развлеченіяхъ.

II.

Прогулка по лучшимъ вѣнскимъ кварталамъ помогла мнѣ отвѣтить на тревожившій меня вопросъ: почему все такъ вздорожало въ Вѣнѣ? Старая Вѣна Маріи-Терезіи и Иосифа II, которая оставалась неприкосновенной 15 лѣтъ тому назадъ, въ то время, какъ я въ первый разъ посѣтилъ столицу австрійской имперіи,—теперь совершенно измѣнилась. Между древними предмѣстьями и древнимъ городомъ возникъ новый—Рингъ или бульвары. Укрѣпленія были срыты; освободившаяся изъ-подъ нихъ земля была продана по участкамъ и на ней воздвиглись дворцы и роскошныя зданія. Мнѣ неизвѣстно, сколько, такимъ образомъ, построилось новыхъ домовъ; предположу, что ихъ выстроилось 2,000 и каждый изъ нихъ среднимъ числомъ (вмѣстѣ съ землей) стоилъ 200,000 флориновъ; а всѣ вмѣстѣ потребовали затраты капитала въ 40 милліоновъ флориновъ. Затративъ огромный капиталъ на роскошно-отдѣланныя зданія, домовладѣльцы неминуемо должны были сильно повысить наемную плату на квартиры. Наконецъ всѣ ихъ дома были заняты жильцами, но спросъ на квартиры продолжалъ постоянно увеличиваться, такъ-какъ Вѣна мало-по-малу превращалась въ городъ спекуляціи, куда стекались массы людей, желавшихъ, при помощи биржевой игры, быстро разбогатѣть; населеніе, такимъ образомъ увеличивалось далеко не соразмѣрно съ постройкой новыхъ домовъ. Въ виду всего этого, домовладѣльцы стараго города и предмѣстій, также старавшіеся по-возможности подновить свои дома часто вовсе ненужными и безвкусными лѣпными украшеніями, и хотъ снаружи сдѣлать ихъ нѣсколько похожими на роскошныя зданія на бульварахъ, также стали быстро повышать плату за квартиры. По самому легкому расчету наемная плата за квартиры въ послѣднее десятилѣтіе возвысилась, по крайней мѣрѣ, на 40 милліоновъ флориновъ. Вмѣстѣ съ возвышеніемъ платы за квартиры естественно повысилась цѣна на всѣ жизненные припасы; внося возвышенную плату за

квартиры торговцы съ излишкомъ вознаграждали себя сборомъ съ потребителей предметовъ ихъ торговли.

Замѣчательно, что перестройка Вѣны началась тремя зданіями: огромной казармой, монументальной церковью и роскошнымъ театромъ для оперныхъ и балетныхъ представлений. Съ подобныхъ-же зданій началась перестройка и Парижа. И это сближеніе вовсе не случайное. Въ австрійскія правительства, наслѣдовавшія правительству Меттерниха, въ главныхъ пунктахъ старались всегда слѣдовать политикѣ, какой держался Наполеонъ III. Эти три вышеназванные зданія послужили центромъ, вокругъ котораго стали группироваться роскошные дома, выстроенные почти по одному образцу. Дома эти населились одинаковой публикой; однородность, однакожъ, шла только по этажамъ, но каждый домъ, отдѣльно взятый, имѣетъ разношерстное населеніе. Такимъ образомъ, нижній этажъ дома обыкновенно занятъ кафе или лавками, почти такими-же роскошными, какъ въ Парижѣ и Лондонѣ; во второмъ этажѣ расположились банкирскія конторы, канцеляріи управленийъ желѣзныхъ дорогъ, разныхъ акціонерныхъ обществъ и проч.; въ третьемъ этажѣ поселились уволенные министры, крупные чиновники, состоящіе на государственной службѣ, директоры театровъ, члены высшей аристократіи, любимыя публикой актрисы, получающія большое жалованье; въ четвертомъ этажѣ занимаютъ квартиры адвокаты, начальники департаментовъ, депутаты рейхсрата и палаты господъ; въ пятомъ устроились простые буржуа и сами домовладѣльцы; въ шестомъ—артисты, писатели, журналисты, второразрядные чиновники; въ седьмомъ—лакеи знатныхъ особъ и, наконецъ, на вышкѣ, въ какой-то клѣткѣ—фотографіи. Въ новомъ городѣ послѣдовательно выстроились музеи, университетъ, домъ, гдѣ собирается рейхстагъ, городская дума и др.

Новая Вѣна создана банкократіей. Ее выстроили евреи, которые господствуютъ въ Вѣнѣ несравненно замѣтнѣе, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ; они здѣсь многочисленны, болѣе развиты и несравненно болѣе дѣятельны, чѣмъ остальное населеніе. Въ 1830 году въ западной части австрійской имперіи ихъ было всего 355,000 душъ, теперь-же 820,000; въ такой-же пропорціи число ихъ увеличилось и въ восточной части имперіи. Въ то время, какъ процентъ ежегоднаго приращенія христіанскаго населенія австрійскаго государства выражается цифрой $\frac{3}{4}$, въ еврейскомъ онъ доходитъ до $3\frac{1}{3}$. Еврейскія дома въ новой Вѣнѣ отличаются довольно изящной архитектурой. Впрочемъ, всѣ дома въ этой части столицы чрезвычайно

красивы; они построены въ стилѣ возрожденія, преобразованномъ на австрійскій манеръ. Они легки, граціозны, изящны и производятъ весьма пріятное впечатлѣніе; они вполне согласуются съ веселымъ, шутивнымъ, безпечнымъ и легкомысленнымъ характеромъ, которымъ отличается населеніе Вѣны, составленное изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ; въ составѣ вѣнскаго населенія самое крупное число принадлежитъ славянамъ. Вѣна единственный городъ въ Германіи, способный завлечь и удержать въ себѣ иностранца; иностранцу трудно прожить болѣе двухъ недѣль въ Дрезденѣ, Гамбургѣ, Бреславлѣ и въ Берлинѣ, самомъ педантическомъ изъ всѣхъ городовъ; онъ до того здѣсь скучаетъ, что старается какъ можно скорѣе вырваться изъ нихъ; Вѣну, напротивъ, трудно оставить, въ ней живетъ легко, весело. Архитектура новой Вѣны во многихъ отношеніяхъ превосходитъ архитектуру новаго Парижа: въ ней больше разнообразія, болѣе самостоятельности и оригинальности; въ ней несравненно рѣже встрѣчаются безконечныя казармы, выстроенныя въ такъ-называемомъ гаусмановскомъ стилѣ, которыми переполненъ Парижъ. Официальная, если можно такъ выразиться, архитектура всегда рѣжетъ глаза; но что парижскіе архитекторы тоже имѣютъ вкусъ, легко убѣдиться въ Отейлѣ, Пасси, Монморанси, т. е. въ тѣхъ частяхъ Парижа, которыя лежатъ за чертой официальныхъ построекъ; здѣсь встрѣчаются восхитительныя зданія, утонувшія въ зелени садовъ; части-же Парижа, подвергнушіяся перестройкамъ подъ руководствомъ Гаусмана, подъ чиновничьимъ контролемъ, имѣютъ характеръ какой-то тяжеловѣсности, казарменности и гнетущаго однообразія. Въ Вѣнѣ, благодаря счастливой случайности, постройка домовъ не подвергалась такому мелочному вмѣшательству администраціи, какъ во Франціи, и вѣнскіе архитекторы, предоставленные самимъ себѣ, изо всѣхъ силъ хлопотали, чтобы отличиться одинъ передъ другимъ.

Но всякая медаль имѣетъ оборотную сторону; Вѣна не составляетъ исключенія изъ общаго правила. Полюбовавшись красивыми постройками новой Вѣны, вы невольно почувствуете, что чего-то недостаетъ въ этомъ импровизированномъ городѣ, построенномъ на гласисѣ и эспланадахъ бывшихъ укрѣпленій; еще нѣсколько мгновений и вы убѣждаетесь, что онъ имѣетъ большое сходство съ оперными декораціями. Издали все такъ прекрасно, а подойдите ближе—половины очарованія какъ не бывало; то, что казалось вамъ розовымъ мраморомъ, въ дѣйствительности только кирпичъ, выкрашенный подъ мраморъ;

изящныя арабески превратятся въ грубую лѣпную работу. Кирпичъ и известка весьма благодарный матерьялъ; изъ нихъ можно надѣлать чудесъ, но только въ такомъ случаѣ, если отъ нихъ не требуютъ, чтобы они замѣнили собой мраморъ или шлифованный камень; поддѣлку замѣтитъ даже профанъ и если онъ находился подъ хорошимъ впечатлѣніемъ отъ красоты зданія, это впечатлѣніе неминуемо разсѣется. При внимательномъ наблюденіи роскошные, великолѣпные дома новаго города, выстроенные съ претензіей на аристократичность, оказываются домами, отдаваемыми внаймы, хозяева которыхъ, очевидно, прилагаютъ всѣ старанія, чтобы извлечь изъ каждаго окна какъ можно болѣе дохода; эти дома оказываются жилищами буржуазіи, завидующей аристократіи и страстно желающей получить приглашеніе на придворные балы, на которое она не имѣетъ права. На этихъ красивыхъ домахъ лежитъ печать роскоши выскочки; вездѣ и во всемъ количество преобладаетъ надъ качествомъ. Евреи и еврейки, какъ известно, любятъ украшать себя брилліантами, которыя носятъ во множествѣ на пальцахъ, на часовыхъ цѣпочкахъ, на груди, на шеѣ, въ ушахъ, на головѣ, но, какъ народъ расчетливый, они предпочитаютъ украшать себя фальшивыми, а не настоящими камнями. То же замѣчается и въ убранствѣ ихъ домовъ: мебель по виду роскошная, но все это поддѣлки, имитациі. Вся эта роскошь явилась результатомъ биржевой игры, вся она обязана своимъ существованіемъ повышенію фондовъ и, конечно, должна исчезнуть, когда послѣдуетъ ихъ пониженіе. Люди дальновидные съ безпокойствомъ спрашиваютъ: что станетъ черезъ 50 лѣтъ съ новой Вѣной, теперь такой кокетливой и нарядной?

Но стоитъ-ли размышлять о томъ, что станетъ съ Вѣной въ XX столѣтіи. Неужели потому только, что красивая, цвѣтущая 18-лѣтняя дѣвушка черезъ 40 лѣтъ превратится въ морщинистую старуху, слѣдуетъ отворачиваться отъ нея и не любоваться ея прелестями?

III.

Громадное зданіе выставки настолько велико, что, стоя на одномъ концѣ его, трудно различить простымъ глазомъ другой; оно выстроено въ довольно изящномъ, красивомъ и легкомъ стилѣ; благодаря своей безконечной протяжимости, оно кажется низкимъ, хотя высота его весьма внушительная. Планъ его очень простъ; большая, сильно раздѣвшаяся въ ширину доска, раздѣленная поперечно на правильныхъ

разстояніяхъ дощечками, даетъ о немъ весьма точное понятіе. Центральная часть зданія украшена куполомъ; маскированный широчайшимъ фасадомъ онъ снаружи не производитъ никакого впечатлѣнія. Чтобы судить о его дѣйствительной высотѣ, необходимо удалиться на довольно значительное разстояніе, но издали пропадаетъ его грандіозность, такъ-какъ съ этого разстоянія все зданіе кажется небольшихъ размѣровъ.

Главный входъ на выставку, расположенный въ центрѣ зданія, конечно, украшенъ статуями Торговли и Промышленности; тутъ-же, на боковыхъ стѣнахъ помѣщены медальоны красивой императрицы Елизаветы и императора Франца-Иосифа, исполненные, какъ видно, не особенно искуснымъ и талантливымъ скульпторомъ.

Едва я поднялся на лѣстницу, глаза мои были поражены блестящей бронзовой статуей, по всей вѣроятности, изображающей Генія прусской администраціи, держащаго въ своихъ рукахъ скрижали закона съ слѣдующей надписью: «Цольферейнъ (изъ котораго Австрія исключена). Муниципальные законы. Всеобщая воинская повинность. Основаніе берлинскаго университета. Гарантія авторскихъ правъ». На правой сторонѣ, сзади статуи Промышленности, для симетріи поставленъ какой-то громадныхъ размѣровъ дѣтина съ огромнымъ молотомъ въ рукахъ, вѣроятно, долженствующій изображать собой какого-нибудь полубога, олицетворяющаго физическую силу.

Вдругъ я замѣтилъ, какъ разъ передъ собою, въ стѣнныхъ нишахъ двѣ статуи съ коронами на головахъ, двѣ женщины со скиптрами, съ императорскими державами, въ королевскихъ мантияхъ. Кого изображаютъ эти женщины? спросилъ я самъ себя. Единственное отличіе одной отъ другой заключалось въ томъ, что у женщины, стоявшей въ лѣвой нишѣ, держава была увѣнчана двумя крестами. Мнѣ сейчасъ-же пришло на мысль, что эта женщина должна изображать собою Австро-Венгрію. Но другая?.. Я подошелъ къ агенту выставки, занятому разговоромъ съ какими-то двумя посѣтителями выставки.

— Сдѣлайте одолженіе, сказалъ я, — объясните мнѣ кого изображаютъ эти статуи.

Всѣ трое взглянули на меня съ изумленіемъ.

— Вотъ эта изображаетъ Германію, а эта — Австро-Венгрію.

— Благодарю васъ и прошу извиненія за безпокойство, я долженъ былъ угадать это самъ.

И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ были мои глаза? Какъ я не замѣтилъ съ перваго раза, что между обѣими статуями существуетъ очевидная

разница, заключающаяся въ положеніи, какое художникъ придалъ каждой королевѣ. Германія держится прямо и гордо; въ ея позѣ выражается привычка къ власти и господству; она смотритъ прямо передъ собою; твердой рукой она держитъ и скипетръ, и державу; рука ея нѣсколько вытянута; сильные мускулы напряжены. Австро-Венгрія стоитъ въ согнутомъ положеніи; она наблюдаетъ за своей сосъдкой; она смотритъ на Германію съ безпокойнымъ любопытствомъ, смѣшаннымъ съ завистью. Она приподняла немного подола своего платья; она видимо не знаетъ, что ей дѣлать съ знаками царскаго достоинства, которые она не смѣло держитъ въ своихъ рукахъ; кажется, она ожидаетъ только приказаній Германіи, чтобы положить ихъ къ ногамъ своей истинной повелительницы.

Судите-же о моемъ изумленіи, когда вечеромъ въ отчетѣ о выставкѣ, помѣщенномъ въ «Официальной Газетѣ», я прочелъ: «всѣхъ посѣтителей поражаютъ статуи, поставленныя на лѣстницѣ—на одной сторонѣ статуя Венгріи, на другой Австріи».

И агентъ выставки, и посѣтители, съ нимъ разговаривавшіе, и я, мы всѣ одинаково заблуждались. Какъ легко, однакожь, обмануться!

IV.

Ротонда, по словамъ австрійцевъ, составляетъ чудо не только выставки, но даже цѣлаго свѣта. Они говорятъ, что нѣтъ на свѣтѣ болѣе обширнаго и болѣе высокаго купола, какъ пратерскій, который можетъ служить чехломъ куполу св. Петра въ Римѣ, заключивъ его въ себя, какъ скорлупа заключаетъ орѣхъ. Не зная размеровъ римскаго купола я, конечно, не могу оспаривать этого утвержденія, но, признаюсь, мнѣ кажется, что тутъ есть преувеличеніе. Высота пратерскаго купола 92 метра (почти 132 аршина), діаметръ 107 (почти 150 аршинъ). Но не въ этомъ дѣло, посмотримъ, на сколько дѣйствительность отвѣчаетъ ожиданіямъ...

Полнѣйшее разочарованіе. Войдя въ ротонду невольно воображаешь, что вошелъ въ большой циркъ Ренца или Франкони, на время превращенный въ базаръ. Здѣсь довольно темно. Все пространство ротонды занято международной выставкой. Масса разнообразныхъ предметовъ нестрить въ глазахъ, производитъ впечатлѣніе аукціонной камеры, гдѣ безъ всякой системы разставлены различныя вещи, предназначенныя къ продажѣ. И чего тутъ нѣтъ! монументальный фонтанъ, шелковыя матеріи, коллекціи географическихъ картъ и фото-

графическихъ снимковъ, гигантскіе органы, стеклянные шкапы, наполненные искусственными цвѣтами, огромныя полосы мѣди, золотыя и серебряныя издѣлія, кондитерскія произведенія, ковры, цѣлое строеніе изъ стеарина съ колонами, фронтонами и пр., бюсты замѣчательныхъ людей, часы, мѣха, зеркала, чугуны, литыя металлическія вещи и проч., и проч. Все это представляетъ громадную лавку, наполненную произведеніями, сдѣланными по большей части въ увеличенныхъ размѣрахъ, какъ-будто они предназначены для бродячьяковъ (см. Путешествіе Гулливера), великановъ въ 20 футовъ роста, а не для обыкновенныхъ смертныхъ. Сдѣлавъ два или три тура въ ротондѣ, самый внимательный и сосредоточенный человекъ потеряется въ этомъ хаосѣ, гдѣ нельзя замѣтить никакой послѣдовательности, гдѣ нельзя отыскать никакой руководящей нити, гдѣ все, повидимому, разставлено случайно, безъ всякаго разумнаго соображенія.

Однакожъ, этотъ хаосъ явился вовсе не случайно, онъ произведенъ намѣренно въ томъ соображеніи, что собранная въ ротондѣ масса богатствъ сильно бросится въ глаза посѣтителѣмъ выставки и произведетъ на ихъ умы впечатлѣніе своей роскошной грандіозностью. Такой расчетъ, конечно, пахнетъ варварствомъ, однакожъ, говорятъ, предположенія инициаторовъ выставки вполне оправдались. Для помѣщенія въ ротондѣ выбраны, конечно, самыя объемистыя вещи; ихъ непоимѣрной величиной распорядители намѣревались удивлять посѣтителей, хотя рядомъ съ ними помѣстили, ужъ неизвѣстно почему, самыя микроскопическія вещицы. Но, къ несчастію, выставочная коммиссія не разочла, что собранная подъ куполомъ масса громадныхъ предметовъ неминуемо будетъ скрадывать собой величину самого купола, а огромный куполъ, въ свою очередь, умалитъ своими размѣрами объемистыя вещи, которыя, по сравненію съ нимъ, покажутся слишкомъ ничтожными. Вскорѣ по открытіи выставки, пришлось уменьшить струи воды, выкидываемой фонтаномъ, потому что казалось, будто она бьетъ до самого потолка купола; съ другой стороны, куполу придали такую неудачную форму, что скрадываются, по крайней мѣрѣ, двѣ трети его дѣйствительной высоты. Такимъ образомъ, предметы, выставленные въ громадной ротондѣ, несмотря на ихъ поразительно-громадные размѣры, нисколько не поражаютъ зрителя своей величиной.

Куполъ стоилъ громадныхъ денегъ. Учредители выставки заботились болѣе всего о томъ, чтобы удивить міръ постройкой небывалыхъ размѣровъ и для достиженія этой цѣли рѣшились не щадить никакихъ издержекъ. Задавшись этой, весьма вульгарной идеей, они конечно, очень мало думали о законахъ архитектуры, о требованіяхъ

изящнаго вкуса. Всѣ ихъ мысли были направлены на то, чтобы перещеголять послѣднюю парижскую выставку и они, много не размышляя, рѣшили открыть неограниченный кредитъ архитекторамъ и антрепренерамъ. Долго они не могли согласиться на счетъ того, кому изъ архитекторовъ поручить постройку, но ихъ вскорѣ вывелъ изъ затрудненія извѣстный англійскій инженеръ Скоттъ-Руссель. «Я построилъ «Гривъ-Истернъ» и «Левіафана морей», сказалъ онъ имъ,—вы видите, что я могу соорудать грандіозныя постройки. Я предлагаю вамъ построить куполъ въ формѣ зонтика безъ ручки. Мнѣ первому пришла счастливая идея подобной постройки и вы можете воспользоваться ею, конечно, если не станете жалѣть денегъ».

И Скоттъ Руссель нарисовалъ предъ изумленными баронами Шварцемъ и членами комиссіи куполъ въ формѣ зонтика безъ ручки. Проектъ былъ принятъ съ энтузіазмомъ. Баронъ Шварцъ отсчиталъ Русселю круглую сумму. Англійскій инженеръ немедленно отправился въ Англію; имѣя въ своемъ распоряженіи нѣсколько тысячъ фунтовъ стерлинговъ онъ началъ свою извѣстную пропаганду о заключеніи союза между рабочими и нѣсколькими лордами, представителями торійской партіи. Нашимъ читателямъ, конечно, извѣстно, къ какимъ результатамъ привела эта пропаганда.

Но когда пришлось приводить въ исполненіе планъ Русселя—устройство купола въ формѣ зонтика безъ ручки—встрѣтились непредвидѣнныя затрудненія. Математики, которымъ поручено было съ точностью высчитать вѣсъ, силу сопротивленія и пр., матеріаловъ, провозившись съ X и Z цѣлыя недѣли, доказали съ помощью синусовъ и косинусовъ, что форма купола, предложенная Русселемъ, непримѣнима, что ручка составляетъ неотъемлемую принадлежность зонтика, и что если комиссія она не правится, вмѣсто нея необходимо изобрѣсти что-нибудь подобное. Пришлось снова напрягать мозги, чтобы остановиться на чемъ-нибудь величественномъ, но вполне примѣнимомъ; послѣ долгихъ совѣщаній, наконецъ, приняли самую неловкую, самую некрасивую, какую только можно вообразить, форму купола и соорудили его. И вышелъ онъ огромнымъ въ дѣйствительности, но весьма не казистымъ, если смотрѣть на него снизу, т. е. съ того пункта, съ котораго могутъ смотрѣть на него посѣтители выставки, которыхъ предполагалось изумить его грандіозностью.

Куполъ куполомъ, а если разъ ротонда помѣщена въ центрѣ выставки, то слѣдовало, по крайней мѣрѣ, наполнить ее такими вещами, которыя не мѣшали-бы тому впечатлѣнію, какое желали произвести на посѣтителей. Но оставляя въ сторонѣ всякія *но, если, приемъ*

ротонду какъ она есть, и посмотримъ, что въ ней хорошаго. Куполь своей высотой можетъ подавить зданіе изъ стеарину, но какъ-бы высокъ и широкъ онъ ни былъ, ему не подавить тѣхъ великолѣпныхъ статуй, какія выставлены въ ротондѣ,—не подавить ему, напимѣръ, Венеры Милосской; передъ этой мраморной богиней всякій куполь покажется и низкимъ, и узкимъ.

V.

Въ остальныхъ зданіяхъ выставки безпорядокъ не доходитъ до такихъ гигантскихъ размѣровъ, какъ въ ротондѣ. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, принята классификація по происхожденію предметовъ, слѣдовательно, можно по качеству и количеству выставленныхъ предметовъ, хотя слишкомъ приблизительно, судить объ общемъ состояніи промышленности въ различныхъ странахъ. Во всякомъ случаѣ, посетитель будетъ имѣть право сказать: швейцарское отдѣленіе меня заинтересовало, оно доставило мнѣ больше удовольствія, чѣмъ нидерландское... однакожъ, не болѣе.

Но сравненія полезны только въ такомъ случаѣ, если сравниваются между собою предметы однородные, мало того, всѣ отдѣльныя подробности и части этихъ предметовъ. Серьезныя сравненія могутъ быть сдѣланы специалистами относительно группъ, ихъ подраздѣленій и, наконецъ, отдѣльныхъ вещей и только изъ всѣхъ этихъ отдѣльныхъ сравненій можно вывести одно общее, которое только и будетъ настоящимъ, вѣрнымъ. Такимъ образомъ, о желѣзномъ производствѣ въ различныхъ странахъ нельзя составить полнаго понятія по однимъ выставленнымъ образцамъ; необходимо ознакомиться съ системами, принятыми для обработки продукта, съ рудами, изъ которыхъ добывается продуктъ и т. п. Выставка давала возможность прослѣдить всѣ способы обработки, употребляемыя въ различныхъ странахъ. Но при всемъ томъ очень трудно было сдѣлать правильное сравненіе, что доказала сама коммисія специалистовъ, двѣ недѣли по цѣлымъ днямъ проводившая на выставкѣ, наблюдая за работой, которая производилась въ самомъ зданіи.

Для оцѣнки прядильной промышленности встрѣчается то-же не мало затрудненій, хотя самое производство, по крайней мѣрѣ, часть этого производства, у всѣхъ на глазахъ, на самой выставкѣ. Выставки могли-бы въ десять разъ приносить большую пользу, если-бы на нихъ можно было показывать самое производство, если-бы можно было судить о самой работѣ. Точно также необходимо устанавливать самую

правильную, самую удобную классификацію выставленныхъ предметовъ. Вѣнская выставочная коммисія впала въ огромную ошибку, отказавшись принять классификацію, имѣвшую мѣсто на послѣдней парижской выставкѣ. Въ Вѣнѣ предпочли хаосъ. Коммисія задалась мыслью удивить новизной, сдѣлать такъ, какъ никто не дѣлалъ прежде. «Мы сдѣлаемъ совсѣмъ иначе, какъ было въ Парижѣ», твердили члены коммисіи; имъ слѣдовало-бы сказать: «мы сдѣлаемъ лучше» и на самомъ дѣлѣ воспользоваться тѣмъ, что было хорошо и удобно въ Парижѣ, и прежде всего примѣнить тамощнюю классификацію, произведя въ ней такія перемѣны, какія обусловливались прямой необходимостью и еще болѣе-бы упрощали трудъ посѣтителя, желающаго серьезно, во всѣхъ подробностяхъ, ознакомиться съ состояніемъ извѣстной промышленности въ извѣстной странѣ.

Я желалъ произвести сравнительное изслѣдованіе первоначальныхъ школъ и учебныхъ средствъ въ различныхъ странахъ. Я надѣялся получить на выставкѣ полезныя для меня указанія. Но гдѣ я стану отыскивать школы, гдѣ найду учебныя пособія? Пришелъ я въ отдѣлъ, обозначенный «Испанія». Начинаю искать. Вотъ масса бутылокъ съ этикетками: хересъ, амонтиладо, малага; мавританское піано, весьма изящное и съ хорошимъ тономъ; фотографическій портретъ во весь ростъ Эмилио Кастеляра; цинковки; мозаичный полъ; весьма посредственныя сукна... Далѣе я встрѣчаю факъ-симиле стараго изданія дон-Кихота, но ничего, что относится къ школамъ. Смотрю въ каталогъ и тамъ не нахожу того, что отыскиваю. Однакожь, должно-же оно быть въ испанскомъ отдѣлѣ. Подобныя неисправности встрѣчаются на каждомъ шагу. Прибѣгаю къ плану выставки и нахожу, что въ паркѣ построены школьные домики шведскій, цюрихскій и т. д. Здѣсь помѣщены и учебныя пособія, принятыя въ этихъ странахъ. Конечно, такое специализированіе школьнаго дѣла нисколько не уменьшаетъ всеобщаго хаоса, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя государства выставили учебныя пособія въ главномъ зданіи, въ своихъ промышленныхъ отдѣлахъ. Но вообразите себѣ, что было-бы, если-бы и ко всѣмъ другимъ отдѣламъ была примѣнена подобная-же система специализированія, т. е. каждая страна для каждаго отдѣла своей промышленности выстроила отдѣльный домъ,—какое произошло-бы тогда вавилонское столпотвореніе!

Находя неудобнымъ блуждать изъ одного домика въ другой, я оставилъ намѣреніе произвести изслѣдованіе, мысль о которомъ легляла передъ своимъ отъѣздомъ въ Вѣну. Сколько времени потребовало-бы у меня хожденіе изъ дома въ домъ, сколько разъ я принужденъ-бы

былъ возвращаться назадъ въ только-что осмотрѣнный домъ, иначе могъ-ли-бы я достигнуть возможно-правильнаго сравненія. Употребивъ такъ много времени на подобное путешествіе, я вынужденъ-бы былъ выѣхать нисколько не ознакомившись съ прочими отдѣлами выставки, потому что человекъ не богатый, при существующей теперь въ Вѣнѣ дороговизнѣ, не можетъ долго жить въ столицѣ австро-венгерской монархіи. Къ тому-же я скоро замѣтилъ, что въ выставкѣ предметовъ, относящихся до школъ, также не существуетъ никакой системы, что всякая страна руководствовалась своими собственными соображеніями, и по этому нѣтъ никакой возможности для сравненія, которое вышло-бы дѣйствительно точнымъ и полезнымъ. Такъ, португальская выставка исходитъ изъ принципа самой строгой реальности: здѣсь выставлены классные столы, чернильницы, ручки для стальныхъ перьевъ, дѣйствительно употреблявшіяся учениками одной школы, самыя тетради этихъ учениковъ съ ихъ фотографическими карточками на заголовкахъ тетрадей. На австрійской-же выставкѣ, по каталогу представлявшей матерьяльную часть деревенской школы, выставлены значительныя и даже драгоценныя ботаническія, минералогическія и геологическія коллекціи и дорогая бібліотека. По выставленнымъ предметамъ можно подумать, что въ этой деревенской школѣ кромѣ естественной исторіи преподается также агрономія, помология и лѣсоводство. По обширности курса такую школу вѣрнѣе было-бы назвать нормальной, а не деревенскою первоначальною, да и многія-ли нормальныя школы могутъ похвастать такимъ курсомъ? Такихъ деревенскихъ школъ, конечно, нѣтъ въ дѣйствительности, и можно-ли, на самомъ дѣлѣ, подобную школу сравнивать съ существующей португальской школой. Вѣдь это все равно, если-бъ стали сравнивать выставленныя произведенія австралійскихъ колоній, Викторіи и Квинсланда, съ присланными оттуда-же и помѣщенными рядомъ съ ними, орудіями каменнаго и бронзоваго періода или съ орудіями свайныхъ построекъ, выставленными въ швейцарскомъ отдѣлѣ.

Этого примѣра, кажется, достаточно и никого не должны удивлять сѣтованія специалистовъ, которые жалуются, что совсѣмъ понапрасну потратились на безполезное путешествіе для осмотра вѣнской выставки. Сокровища, собранныя въ этомъ громадномъ дворцѣ, самыя богатыя, самыя драгоценныя, которыя когда-либо существовали собранными въ одномъ мѣстѣ (за исключеніемъ сокровищъ, собранныхъ въ лѣтнемъ дворцѣ въ Пекинѣ, безумно сожженныхъ вмѣстѣ съ дворцомъ англо-французской арміей),—лежатъ непроизводительно, благодаря отсутствію классификаціи, отсутствію синтетической идеи.

Выставка представляетъ видъ базара, громадной ярмарки, подобной тѣмъ, какія бывають въ Манчестерѣ, Бирмингемѣ, Лейпцигѣ, Нижнемъ Новгородѣ и др., но она вовсе не конкурсъ производителей цѣлаго міра, какъ величаютъ ее ея почитатели и какъ полагають многіе, кто не видалъ ея.

Экспертамъ предстоялъ-бы величайшій, невозможный трудъ, если-бы они вздумали отнестись къ своему дѣлу серьезно и только послѣ тщательнаго осмотра произвести настоящую оцѣнку выставленной вещи и рѣшить, достойна она награды или нѣтъ. Но ихъ трудъ былъ облегченъ, такъ какъ всѣ извѣстные экспоненты, получившіе награды на прежнихъ всемірныхъ выставкахъ, явились съ своими произведениями и на вѣнскую выставку. Понятно, что такимъ экспонентамъ, какъ строители «Гритъ-Истерна», инженеры Крезо, литейные заводы въ Эссенѣ и др. слѣдовало и на вѣнской выставкѣ назначить золотыя медали. Затрудненія начались, когда пришлось опредѣлять достоинства фабрикантовъ третьяго или четвертаго разряда или вообще экспонентовъ новыхъ, неизвѣстныхъ... здѣсь главную роль при назначеніи наградъ игралъ случай; иные изъ такихъ экспонентовъ получили награду только потому, что экспертъ по стеченію совершенно случайныхъ обстоятельствъ обратилъ вниманіе на ихъ произведенія и отмѣтилъ о томъ въ своей записной книжкѣ.

Будемъ надѣяться, что безпорядокъ, которымъ страдаетъ вѣнская выставка, не повторится на послѣдующихъ выставкахъ и на будущемъ международномъ конкурсѣ искусствъ и промышленности позаботятся о системѣ, о правильной классификаціи, безъ чего этотъ конкурсъ превращается въ простую лавку, торгующую самымъ смѣшаннымъ товаромъ.

VI.

Да будетъ позволено мнѣ сдѣлать предложеніе, которое—если оно будетъ принято—можетъ, какъ мнѣ кажется, значительно увеличить пользу, приносимую всемірными выставками.

Можно утвердительно сказать, что кромѣ ученыхъ спеціалистовъ, комерсантовъ и промышленниковъ, которыхъ выставка интересуетъ какъ предпріятіе, касающееся ихъ лично, очень немногіе посѣтители, люди интеллигентные, пріѣзжаютъ изучать выставку, и выносятъ оттуда свѣденія, которыя могутъ принести пользу, какъ имъ самимъ, такъ и обществу. Большинство-же посѣтителей осматривають вы-

ставку изъ простаго любопытства и выносятъ изъ этого осмотра развѣ одни предрасудки. Ужь разумѣется, такимъ личностямъ выставка не можетъ принести никакой пользы, какъ осмотръ химической лабораторіи не познакомитъ ихъ съ химіей, осмотръ минералогическаго кабинета—съ минералогіей и геологіей. Сколько туристовъ, пересѣкающихъ Европу съ сѣвера на югъ и съ запада на востокъ, по возвращеніи домой, остаются такими-же невѣждами въ исторіи и географіи, какими были до своего путешествія; они точно такъ-же не понимаютъ красоту природы, какъ и прежде, когда сидѣли дома за ворохомъ канцелярскихъ бумагъ или въ своемъ магазинѣ за прилавкомъ.

Число такихъ невѣжественныхъ туристовъ было-бы, конечно, еще большее, если-бъ на помощь къ болѣе развитымъ изъ нихъ не явились Муррей, Жоанъ, Бэдекеръ съ своими гидами и дорожниками. Вотъ эти-то болѣе развитые туристы, толкаясь изъ любопытства подъ пратерскимъ куполомъ, очень желали-бы научиться чему-нибудь, лишь-бы кто-нибудь помогъ имъ со стороны.

Ихъ вполне естественное и справедливое желаніе можетъ быть легко удовлетворено, если всемірныя выставки будутъ имѣть съ тѣмъ и обширными международными школами искусства, комерціи и промышленности. Этого достигнуть вовсе не трудно. Каждая страна, для которой на выставкѣ отведено значительное помѣщеніе, можетъ командировать нѣсколькихъ специалистовъ,—выбранныхъ, конечно, не изъ однихъ официальныхъ представителей науки и искусства, но изъ самаго общества,—обязанность которыхъ будетъ состоять въ толковомъ популярномъ объясненіи своимъ соотечественникамъ и вообще всѣмъ, кто пожелаетъ ихъ слушать, различныхъ видовъ производствъ, устройства машинъ, фабрикъ, состоянія горнаго дѣла, торговыхъ сношеній и пр. Въ каждой отдѣльной группѣ будетъ свой объяснитель; но, конечно, одинъ человекъ не можетъ цѣлый день читать лекціи, поэтому на каждую отдѣльную группу нужно имѣть, по крайней мѣрѣ, двухъ лекторовъ, такъ, чтобы одинъ исполнялъ эту обязанность утромъ, а другой вечеромъ. Отдѣльныхъ группъ на выставкахъ обыкновенно бываетъ отъ 25 до 30, слѣдовательно, объяснителей будетъ отъ 50 до 60. Личный составъ лекторовъ, если это на практикѣ окажется возможнымъ, можетъ мѣняться черезъ 3, 4 недѣли, чтобы дать возможность большому числу молодыхъ профессоровъ выказать свои знанія и способность заинтересовать своихъ слушателей, что, надо признаться, не легко, такъ какъ придется имѣть дѣло съ весьма сухимъ матерьяломъ. Поэтому самая практика покажетъ насколько будетъ практично перемѣнять лекторовъ.

Съ матеріальной стороны предлагаемая организація лекторовъ не представляетъ никакихъ затрудненій. Каждому лектору можно давать за его трудъ отъ 20—30 франковъ въ день, слѣдовательно 50-ти лекторамъ придется ежедневно выплачивать отъ 1,000 до 1,500 франковъ, а въ шесть мѣсяцевъ отъ 200—300,000 франковъ. Такая ничтожная сумма не можетъ отяготить бюджетовъ крупныхъ государствъ; такой расходъ покажется скромнымъ даже для маленькой Швейцаріи.

Изъ числа государствъ, присылавшихъ свои произведенія на всемірныя выставки, въ этомъ дѣлѣ могутъ принять участіе не менѣе двадцати государствъ. Такимъ образомъ, если мое предложеніе будетъ принято, на всемірныхъ выставкахъ появится корпусъ лекторовъ въ 1,000 человекъ; одна половина изъ нихъ будетъ занята утромъ, а другая вечеромъ.

На вѣнской выставкѣ ежедневно бывало отъ 20 до 50,000 посѣтителей; значить, среднимъ числомъ ихъ было 35,000. Предположимъ, что не болѣе трети изъ нихъ будутъ ходить съ лекторами и слушать ихъ объясненія; тогда на каждого лектора придется только отъ 20 до 25 слушателей, что для него, разумѣется, вовсе не обременительно.

Я не стану развивать здѣсь подробностей моего предложенія; нѣтъ сомнѣнія, что могутъ встрѣтиться затрудненія, которыхъ теперь нельзя еще предвидѣть. Примѣненіе моего проекта на практикѣ покажетъ, какія заключаются въ немъ слабыя стороны. Но, во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, что осуществленіе его принесетъ дѣйствительную пользу и потребуетъ ничтожныхъ издержекъ, почти не чувствительныхъ при тѣхъ расходахъ, какіе несутъ и правительства, и частныя лица, посылающія свои произведенія на всемірныя выставки.

VII.

Разъ я заявилъ прямо и категорически, что вѣнская выставка представляетъ изъ себя не болѣе, какъ обширный базаръ, тѣмъ самымъ я далъ себѣ право не касаться сравнительной оцѣнки отдѣльных выставокъ различныхъ государствъ; толково и правильно этой оцѣнки, благодаря существующему хаосу, и сдѣлать почти невозможно. Превжнія выставки, однакожь, облегчили въ этомъ отношеніи трудъ изслѣдователя. Теперь всякому, кто сколько-нибудь слѣдилъ за всемірными выставками, известно въ какомъ родѣ промышленности отли-

чается та или другая сторона. Можно всегда предвидѣть, кто выставитъ мануфактурныя издѣлія, кто минеральныя, кто металлическія; какая страна пришлетъ мраморъ, какая статуи и т. д.

Не трудно угадать впередъ, что на произведеніяхъ, выставленныхъ Англіей, идущей впереди всего свѣта въ дѣлѣ промышленности и торговли, будетъ непремѣнно лежать печать солидности, прочности, превосходной отдѣланности, нѣкоторой тяжеловатости, но вмѣстѣ съ тѣмъ и комфортабельности. Такія сужденія объ англійскихъ произведеніяхъ слышались на прежнихъ выставкахъ, слышатся и теперь на вѣнской. Такое самое впечатлѣніе производили онѣ всегда и на меня. Одно я замѣтилъ теперь, что англичане, слишкомъ увлекшись своимъ превосходствомъ въ металлургическихъ производствахъ, въ которыхъ они до сихъ поръ не имѣли себѣ соперника, нисколько не двигаютъ впередъ этого дѣла; мнѣ показалось, по крайней мѣрѣ, что все, что они выставили теперь по этому отдѣлу, я видѣлъ на прежнихъ выставкахъ совершенно въ такомъ-же видѣ, съ тѣми-же достоинствами и недостатками, какъ вижу теперь. За то я убѣдился, что въ послѣдніе годы они совершили большой прогрессъ въ смыслѣ артистическомъ. Напримѣръ, самая элегантная, граціозная, отличающаяся полнымъ отсутствіемъ вычурности и совершенной простотой мебель выставлена англичанами. Въ этомъ отношеніи они превзошли даже французовъ, вкусъ которыхъ до сихъ поръ принимался за образецъ всѣми образованными народами на землѣ.

Мнѣ кажется, однакожь, что англичане, увлекшись торговлей и на этомъ пути превзойдя всѣ безъ исключенія націи міра, все болѣе и болѣе negliжировали производствомъ, такъ что въ послѣднее время во многихъ его отрасляхъ уступили пальму первенства своимъ естественнымъ соперникамъ, французамъ. Французы, напротивъ, налегли на производство и, надо отдать имъ справедливость, въ этомъ отношеніи достигли поразительныхъ успѣховъ. За то въ торговлѣ они нѣсколько поотстали и, какъ показываютъ послѣднія событія, по этой части сдѣлали не мало непростительныхъ ошибокъ.

Что касается Германіи, то она не удовольствовалась обширнымъ мѣстомъ, отведеннымъ ей въ главномъ зданіи выставки, выстроила еще нѣсколько сараевъ, которые наполнила самыми разнообразными произведеніями своихъ экспонентовъ. Если она въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ хромаетъ относительно качества, за то беретъ количествомъ! Но извѣстно, что не всегда можно одержать побѣду только однимъ превосходствомъ численности своей арміи надъ арміей противника; такъ и германская выставка никого не поражаетъ массой выстав-

ленныхъ предметовъ и только наводитъ на мысль, что нѣмцы попустили-бы благоразуміе, если-бъ съ большимъ выборомъ отправляли на выставку образцы своего производства. Это замѣчаніе одинаково относится какъ къ ихъ промышленной, такъ и къ художественной выставкѣ. Каждый нѣмецкій поваренокъ, въ патріотическомъ рвеніи, выставилъ на удивленіе міру образцы нѣмецкой страши. Каждый нѣмецкій лавочникъ желалъ показать, что и въ промышленномъ отношеніи нѣмцы могутъ побѣдить весь міръ подобно тому, какъ въ военномъ Пруссія оставила далеко за собой Францію, до тѣхъ поръ считавшуюся первой военной державой въ мірѣ.

Эта погоня за количествомъ привела только къ тому, что и дѣйствительно хорошія германскія произведенія остаются незамѣченными. Наблюдателю представляется такая масса посредственностей, что утомленный ихъ обзорѣніемъ, онъ спѣшитъ поскорѣе пройти нѣмецкое отдѣленіе и не останавливается передъ образцами, дѣйствительно стоящими внимательнаго осмотра. Благодаря этой важной ошибкѣ, сдѣланной Германіей, ея выставку почти невозможно сравнивать съ выставками другихъ странъ. Но даже взявъ средній уровень ея промышленныхъ успѣховъ (впрочемъ, до крайности приблизительно), приходится сказать, что въ промышленномъ отношеніи Германія осталась далеко позади не только Англіи и Франціи, но даже и Вѣны; при чемъ необходимо прибавить, что въ дѣйствительности она отстала еще болѣе, чѣмъ это кажется, принимая въ расчетъ только выставленные предметы.

Выше мы сказали «Вѣна», а не «Австрія» потому, что вкусъ, искусство и знанія въ цислейтанской монархіи проявляются почти исключительно въ одной столицѣ. Все остальное, что выставлено австрійскими провинціями, ничѣмъ не отличается отъ вообще нѣмецкихъ произведеній: та-же жеманная тяжеловатость, тотъ-же причудливый педантизмъ и даже та самая вульгарность.

Когда вы входите во французское отдѣленіе выставки, васъ поражаетъ изящество и красота выставленныхъ предметовъ, вамъ невольно покажется, что вы находитесь въ квартирѣ челоуѣка, обладающаго большимъ вкусомъ. Нѣмецкое-же отдѣленіе оставляетъ впечатлѣніе богато убраннаго магазина, наполненнаго самыми разнообразными произведеніями средняго достоинства и вкуса. Осмотрѣвъ и англійское отдѣленіе и сравнивъ всѣ три отдѣленія между собою, вы неперемѣнно придете къ слѣдующему заключенію: съ своими бронзами, рѣшительно не имѣющими нигдѣ соперниковъ, съ своими издѣліями шелковыхъ фабрикъ въ Ліонѣ и Сен-Этьеннѣ, съ своей рос-

кошной мебелью, съ своимъ севрскимъ фарфоромъ, съ своимъ хрусталемъ, съ своими сен-гобеновскими зеркалами, съ своими обуюоновскими и гобеленовскими коврами, Франція представляетъ собою знатную даму промышленности и ея искусство имѣть аристократическій характеръ. Англія видимо хлопочетъ болѣе всего о прочности и полезности; она старается продавать свои произведенія какъ можно дешевле; она желаетъ дать имъ какъ можно болѣе широкое распространеніе; ея промышленность чисто демократическая. Германія желаетъ создать что-то среднее между французской и англійской промышленностями; въ ея произведеніяхъ нѣтъ ни французскаго изящества, ни англійской простоты; ея искусство правильнѣе всего назвать буржуазнымъ.

Кстати замѣтимъ здѣсь, что не во всѣхъ родахъ промышленности Германія отстала отъ Франціи; въ одномъ отношеніи она далеко опередила ее. Я говорю о хромолитографіи, съ помощію которой безъ большихъ денежныхъ затратъ легко имѣть самыя вѣрныя копіи съ лучшихъ произведеній живописи. Въ прежнее время французскія хромолитографіи считались лучшими; но на вѣнской выставкѣ обнаружилось, что англійскія и нѣмецкія значительно превосходятъ ихъ своими достоинствами. И въ Англіи и въ Германіи онѣ расходятся въ огромномъ числѣ экземпляровъ; тамъ на эти предпріятія всегда находятъ и деньги, и издатели; во Франціи-же эта промышленность прививается очень туго. Характеристическій недостатокъ нѣмецкихъ хромолитографій заключается въ ихъ относительной грубости и густотѣ красокъ; нѣмцы рабски копируютъ картины, упуская изъ виду, что хромолитографія не можетъ передать всѣхъ нѣжныхъ оттѣнковъ красокъ, какія передаются кистью живописца; они не хотятъ понять, что въ хромолитографическихъ снимкахъ должны быть болѣе нѣжныя тѣни, чѣмъ въ подлинникѣ. Англичане, плохіе живописцы, но лучшіе акварелисты въ мірѣ, дѣлаютъ болѣе удачныя копіи съ акварелей, чѣмъ съ картинъ, писанныхъ масляными красками; выставленныя ими хромолитографическія копіи съ пейзажей не оставляютъ желать ничего лучшаго; онѣ вполне передаютъ всѣ красоты подлинника.

VIII.

Иностранецъ, знающій Россію только по всемірнымъ выставкамъ, можетъ легко заключить, что она усеяна малахитовыми скалами, и что въ огромномъ числѣ ея домовъ вся мебель сдѣлана изъ этого

драгоценнаго матерьяла. Кромѣ малахита, въ русскомъ отдѣленіи выставки вниманіе посѣтителей обращаютъ на себя кожи, мѣха, ленъ, пенька, сало, икра, сушеная рыба. Судя по цифрѣ вывоза этихъ предметовъ торговли, видно, что они имѣютъ хорошій сбытъ на западно-европейскихъ рынкахъ и цѣнятся довольно высоко. Кромѣ выше-названныхъ предметовъ публику интересуютъ нѣкоторые, дѣйствительно хорошіе сорта суконъ и шерстяныхъ матерій, и еще болѣе парча, вытканная во вкусѣ русско-византійскомъ. Этотъ византійскій стиль встрѣчается также въ вышивкахъ, въ отдѣлкахъ драгоценныхъ камней и въ другихъ издѣліяхъ, служащихъ роскоши; конечно, въ этомъ стилѣ есть своя доля грубости; онъ отчасти напоминаетъ азіатскія подѣлки, но тѣмъ не менѣе онъ не лишенъ оригинальности и даже величія.

IX.

Картины, архитектурные рисунки и большая часть скульптурныхъ произведеній помѣщены въ отдѣльномъ зданіи, состоящемъ изъ трехъ павильоновъ. Здѣсь нѣтъ того хаоса, какой царствуетъ въ главномъ зданіи; въ расположеніи выставленныхъ предметовъ здѣсь замѣтна нѣкоторая система. Здѣсь возможно и даже очень легко дѣлать сравненія между выставками различныхъ націй.

Судя по каталогу 23 различныхъ страны прислали каждая слѣдующее число произведеній:

Бразилія . . .	1	Испанія	82
Китай	2	Данія	103
Монако	3	Нидерланды . .	167
Египетъ	3	Швейцарія . . .	202
Турція	7	Великобритан.	203
Соединенные		Венгрія	204
Штаты	16	Бельгія	298
Японія	38	Россія	437
Швеція	45	Италія	625
Греція	46	Австрія	869
Румынія	64	Германія	1,026
Норвегія	71	Франція	1,573

Любопытно вывести отношеніе между числомъ жителей въ известной странѣ и числомъ выставленныхъ произведеній искусства. Произведя такое вычисленіе, мы получимъ слѣдующую, не лишенную ин-

тереса таблицу (цифра, поставленная противъ имени страны показываетъ на какое число жителей она выставила одно произведеніе искусства):

Монако . . .	2,500	Венгрія . .	75,000
Швейцарія . .	13,300	Шведія . .	96,700
Бельгія . . .	17,000	Россія . . .	160,000
Данія	18,000	Великобрит.	175,000
Нидерланды .	22,000	Испанія . .	200,000
Франція . . .	23,260	Японія . . .	526,000
Норвегія . . .	25,000	Египетъ . .	1,666,000
Австрія . . .	27,000	Турція . . .	2,000,000
Греція	30,000	Соединенные	
Германія . . .	38,900	Штаты . . .	2,175,000
Италія	42,000	Бразилія . .	11,000,000
Румынія . . .	62,000	Китай . . .	250,000,000

Изъ этихъ цифръ выводится такое несомнѣнное заключеніе, что житель Монако въ отношеніи искусства такъ-же продуктивенъ, какъ 100,000 китайцевъ. Но, конечно, такой выводъ будетъ нѣсколько смѣлымъ.

Мнѣ-было приходила охота продолжать цифровыя сравненія и показать, какое число медалей и почетныхъ отзывовъ досталось на долю каждой страны. Но по зрѣломъ размысленіи я рѣшилъ, что можно будетъ обойтись безъ подобныхъ статистическихъ данныхъ, потому что эти цифры рѣшительно непригодны для сравненій. Медаль и почетный отзывъ не всегда даются тѣмъ, кто ихъ вполне заслужилъ. Въ дѣлѣ раздачи наградъ ошибки весьма естественны: извѣстное имя подкупаетъ экспертовъ; опасаясь, чтобы ихъ не сочли невѣждами въ дѣлѣ искусства, они назначаютъ награду за произведеніе, ея вовсе нестоящее; съ другой стороны, на начинающаго художника, по тѣмъ-же соображеніямъ, они смотрятъ съ недовѣріемъ и обходятъ его, хотя въ своемъ произведеніи онъ и выказалъ несомнѣнный талантъ. Во всякомъ случаѣ изъ этихъ цифръ и вообще изъ всѣхъ статистическихъ данныхъ, касающихся выставокъ, можно вывести прямое заключеніе, что наши такъ-называемые международныя выставки представляютъ собою конкурсъ между полудюжиною странъ, но ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть названы конкурсомъ народовъ всего міра.

X.

Безпристрастная статистика ставитъ Швейцарію на слѣдующее мѣсто за Монако въ дѣлѣ искусства, представленнаго на вѣнской выставкѣ. Въ Швейцаріи одинъ артистъ приходится на самое меньшее число жителей, чѣмъ въ каждой изъ другихъ странъ, кромѣ Монако. Однакожь, Швейцарія, подобно Бельгіи, не имѣетъ своей собственной школы. Въ ней цѣлыхъ три школы. Швейцарскіе кантоны, прилегающіе къ Италіи, заимствуютъ оттуда образцы для своей живописи и скульптуры. Нѣмецкіе кантоны въ искусствѣ тянутъ къ Германіи; французскіе воспроизводятъ французскую школу живописи. Говорятъ иногда о женевской школѣ, но только въ самомъ спеціальному смыслѣ; она на самомъ дѣлѣ чисто французская школа и достойно представляется Жирарде и Каламомъ (уже умершимъ), которыхъ по справедливости считаютъ великими пейзажистами; къ этой-же школѣ принадлежатъ хотя менѣе ихъ извѣстные, но также весьма талантливые пейзажисты Берту, Анкеръ, Кастанъ и Диде. Вообще женевскіе художники мастера писать пейзажи, но за исключеніемъ талантливаго Глейра, между ними нѣтъ ни одного сноснаго художника по части исторической живописи. Въ кантонѣ Цюрихѣ славится Карлъ Бодмеръ; большая часть его прекрасныхъ пейзажей находится во Франціи, гдѣ имя его очень популярно; почти на каждой парижской художественной выставкѣ въ последнее время появлялись его картины и на расхватъ покупались посѣтителями. Въ кантонѣ Ваадтѣ пользуется знаменитостью, какъ одинъ изъ лучшихъ жанристовъ нашего времени. Вотъ, весьма популярный въ Германіи. Скульпторъ Маральо, князь Кастильоне-Колонна, котораго до сихъ поръ считали итальянцемъ, оказывается уроженцемъ города Фрейбурга. Изъ 82 швейцарскихъ артистовъ, выставившихъ свои произведенія, 31 родомъ изъ нѣмецкой Швейцаріи, 36 изъ французской и 15 изъ итальянской.

Сравнивая эти цифры съ числомъ народонаселенія каждой изъ трехъ расъ, населяющихъ Швейцарію, получаются выводы, показывающіе что артистическая способность всѣхъ трехъ расъ далеко неодинакова. Принимая за единицу артистическую способность нѣмецкой части Швейцаріи, мы получимъ, что французская часть превосходитъ ее въ этомъ отношеніи въ $3\frac{1}{3}$ раза, а итальянская въ 6 разъ.

XI.

Бельгійская нація составлена изъ двухъ расъ: валонской и фламандской; бельгійскіе живописцы принадлежатъ также къ двумъ лагерямъ: на одномъ замѣтно вліяніе французской школы, на другомъ—нѣмецкой.

Не могу утвердительно сказать: дурное-ли расположеніе духа или что-нибудь иное, но только бельгійская выставка художественныхъ произведеній оставила во мнѣ далеко не отрадное впечатлѣніе. Эта классическая страна контрафакціи выставила произведенія, въ которыхъ очень мало оригинальнаго; нѣтъ его и въ произведеніяхъ сумазброднаго Вирца. Бельгійскіе живописцы подражаютъ Рубенсу, Рембрандту, подражаютъ старымъ фламандскимъ учителямъ, подражаютъ старымъ учителямъ итальянскимъ, подражаютъ новымъ французскимъ. Всѣ они воспитывались на хорошихъ образцахъ, но не сѣмѣли заимствовать силы и прелести своихъ учителей. Съ особенной ревностью они хватаются за жанръ и, желая быть реальными, впадаютъ въ грубую карриатуру. Какъ странно и нелѣпо они рисуютъ людей!—Всматриваясь въ человѣческія лица, фигурирующія въ ихъ картинахъ, пожимаешь съ изумленіемъ плечами и невольно задаешь себѣ вопросъ: человѣкъ-ли это? или существо, лишенное страстей, лишенное мысли и чувства? Бельгійскіе живописцы, кажется, считаютъ, что главная задача художника заключается въ вѣрномъ воспроизведеніи костюма и, дѣйствительно, по части рисовки одежды, въ особенности женскихъ костюмовъ, они большіе мастера.

Кромѣ прекрасной картины Галле «Искусство и свобода», распространенной въ тысячахъ гравюръ, и очень немногихъ другихъ картинъ, всѣ произведенія бельгійскихъ живописцовъ ниже посредственности. Такъ и кажется, что бельгійскимъ художникамъ запрещено имѣть воображеніе.

Скульптурныхъ произведеній бельгійцами выставлено очень немного и всѣ выставленные образцы также ниже посредственности.

XII.

Бельгійскіе живописцы подражаютъ Рубенсу, и послѣ Рубенса подражаютъ по немногу художникамъ всего міра. Голландскіе художники съ терпѣніемъ и твердостью подражаютъ Рембрандту и своимъ древнимъ пейзажистамъ. Бельгійскіе живописцы наводятъ уныніе;

голландскіе, за исключеніемъ Альма-Кадема, всеяютъ къ себѣ полное равнодушіе.

Тщетно я искалъ въ голландскомъ отдѣленіи статуи или бюста, ихъ нѣтъ на выставкѣ. Упадокъ искусства легче всего видѣть на скульптурѣ, самомъ идеальномъ, самомъ деликатномъ и самомъ трудномъ изъ всѣхъ родовъ искусства. Скульптура достигаетъ совершенства позже другихъ родовъ искусства, но падаетъ и совсѣмъ исчезаетъ несравненно скорѣе ихъ.

Однакожь, не слѣдуетъ забывать, что Нидерланды, имѣвшіе въ своей исторіи нѣсколько героическихъ моментовъ, въ особенности во время войны ихъ съ Испаніей за свою независимость, часто вдохновляли художниковъ всей Европы и было время, когда ихъ живопись стояла на высокой степени совершенства.

XIII.

Когда посѣтитель входитъ въ залу, гдѣ выставлены художественныя произведенія народовъ скандинавскаго племени, онъ непременно почувствуетъ, что температура понизилась на нѣсколько градусовъ, хотя термометръ и не раздѣляетъ этого ощущенія. Холодный колоритъ картинъ, сѣрые, бѣдные пейзажи показываютъ, что на этихъ картинахъ изображена природа сѣверныхъ странъ, гдѣ земля не добрая и нѣжная мать, а сварливая и угрюмая мачиха. Колоритъ скандинавскихъ картинъ совсѣмъ не тотъ, какой свойственъ картинамъ художниковъ южной и средней Европы. Въ ихъ тѣняхъ нѣтъ ни прозрачности, ни глубины, ихъ свѣтъ бѣлый, сѣрый, желтоватый. Ихъ любимые оттѣнки, фіолетово-сѣрый, грязно-зеленый, синевато-малиновый, не по вкусу южному живописцу; такое смѣшеніе красокъ ему кажется неестественнымъ, но онъ, конечно, ошибается: подъ сѣвернымъ, болѣе блѣднымъ освѣщеніемъ предметы кажутся освѣщенными иначе, чѣмъ на югѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ они кажутся болѣе плоскими; оттѣнки красокъ на картинахъ сѣверныхъ художниковъ, — это тѣ оттѣнки, какіе даетъ имъ ихъ природа. Нѣкоторыя картины сѣверныхъ художниковъ замѣтно грѣшатъ противъ законовъ соразмѣрности, что придаетъ имъ нѣсколько грубый видъ, извѣстную тяжеловатость.

На шведскихъ и норвежскихъ картинахъ замѣтно отражается вліяніе нѣмецкой живописи, преимущественно мюнхенской и дюссельдорфской школъ. Датскія картины отличаются большей самобытностью, хотя и на нихъ замѣтно вліяніе отчасти Франціи, отчасти Италіи.

Данія сильна въ скульптурѣ; прошлое поколѣніе ея гордилось по справедливости Торвальдсеномъ; нынѣшнее имѣетъ право гордиться Эрихо. Если взять число скульптурныхъ произведеній, сдѣланныхъ въ Даніи, и сравнить его съ числомъ ихъ, сдѣланныхъ въ другихъ странахъ, окажется, что пропорціонально своему населенію, Данія болѣе всѣхъ другихъ странъ занимается скульптурой.

«Сирена» г-жи Эрихо, жены скульптора, составляетъ одно изъ лучшихъ произведеній датскаго ваянія. Разъ увидѣвъ наивную и вмѣстѣ пагубную красоту соблазнительницы, нельзя позабыть ее.

Картины норвежскихъ пейзажистовъ, въ которыхъ выражается суровая природа ихъ страны, весьма грандіозны и замѣчательны по своему исполненію. Въ шведскихъ картинахъ мало стила, мало характера.

XV.

Русская художественная выставка не особенно велика, что, конечно, нисколько не умаляетъ ея достоинствъ; напротивъ, для нея это выгода, потому что посѣтитель, не утомляемый массой нагроможденныхъ предметовъ, относится къ выставленнымъ образцамъ благосклоннѣе; во всякомъ случаѣ, какъ-то съ большей симпатіей смотришь на начинающихъ, а Россія въ живописи еще юноша.

По каталогу значится, что Россіей прислано на выставку 437 предметовъ, а Италіей 625; изъ этихъ цифръ можно-бы заключить, что Россія, по крайней мѣрѣ, числомъ своихъ художественныхъ произведеній, скоро догонитъ Италію. Но оказывается, что къ цифрамъ каталога слѣдуетъ относиться съ большимъ недоумѣніемъ. Въ графѣ «Италія» показана цифра выставленныхъ только художественныхъ произведеній; въ число-же 437 русскихъ художественныхъ произведеній включено 300 номеровъ, относящихся къ архитектурѣ, въ которыхъ рисунки мебели играютъ не послѣднюю роль; между ними фигурируютъ рисунки чайныхъ сервизовъ, проекты печей, ящиковъ, шкаповъ и даже обыкновенныхъ рамъ.

Между русскими скульптурными произведеніями общее вниманіе обращаетъ на себя «Первый шагъ» г. Каменскаго. Въ скульптурномъ отношеніи это произведеніе выполнено прекрасно. Ребенокъ пытается держаться прямо; онъ тянется за своей игрушкой—локомотивомъ, обозначеннымъ именемъ «свобода».

Въ русскомъ отдѣленіи нѣсколько весьма хорошихъ картинъ. Г. Семирадскій выставилъ красивую, элегантную по формѣ и коло-

риту картину: «Грѣшница». Нѣтъ въ этой картинѣ ни одной фигуры, которая могла-бы не понравиться, нѣтъ движенія, которое не было-бы граціознымъ. Раскаившаяся грѣшница очаровательна, Христосъ красивъ, служанки кокетливы, ученики обворожительны. Баша картина очень красива, г. Семирадскій!—еще одинъ лишній штрихъ и она вышла-бы черезъ-чуръ красивой. Но будьте осторожны, погода за красивымъ можетъ помѣшать вамъ достигнуть прекраснаго.

Вниманіе посѣтителей останавливаетъ на себѣ картина г. Рѣпина, «Бурлаки на Волгѣ», одна изъ замѣчательнѣйшихъ картинъ на вѣнской художественной выставкѣ. Я не русскій, мнѣ незнакомы ни Волга, ни бурлаки, ни вообще типы русскихъ крестьянъ. Картина г. Рѣпина чисто-русская; на русскихъ она можетъ производить одно впечатлѣніе, на иностранцевъ другое. Я передаю о ней какъ своимъ личнымъ впечатлѣніямъ, такъ и вообще впечатлѣніямъ не-русскихъ посѣтителей выставки. Толпа сильныхъ людей тянетъ лямки, прикрепленные къ ихъ плечамъ и къ тяжелому судну; не человѣческая, утомительная работа точно отняла у работниковъ человѣческой образъ; на ихъ лицахъ тупое, если можно выразиться, животненное выраженіе; картина написана смѣло, искренно, въ тѣняхъ полная гармонія, колоритъ нѣсколько блѣдный, но вполне естественный, весь пейзажъ имѣетъ оранжевый оттѣнокъ. Типы выражены великолѣпно, они, правда, нѣсколько оживотнены, но облагорожены героическими усилями, непоколебимой энергіей. Повторяю, какъ не русскій я могъ замѣтить только одну сторону этого чисто-мѣстнаго произведенія. Передъ картиной г. Рѣпина постоянно толпится масса любопытныхъ.

Я замѣтилъ, что подобный-же сюжетъ для картины выбранъ однимъ итальянцемъ и однимъ нѣмцемъ, но они взяли его для созданія соціальной сатиры. Итальянецъ помѣстилъ на своей картинѣ 25-лѣтняго лакея, провожающаго на прогулкѣ мальчика богатой фамиліи и шпица сеньеры, противное маленькое животное, которое, кажется, сейчасъ лопнетъ отъ жира. Болѣе смѣлый нѣмецкій живописецъ нарисовалъ семью, которая, надрываясь, тянетъ дрянную тѣлешонку съ своимъ бѣднымъ скарбомъ; она перетѣзжаетъ на другую квартиру; съ ней встрѣтились два почтенные отцы іезуиты, полные, веселые; благосостояніе написано на ихъ лицахъ; съ улыбкой они даютъ свое благословіе бѣднякамъ. Контрастъ весьма яркій!

Съ удовольствіемъ я встрѣтилъ на выставкѣ «Канунъ варфоломеевской ночи» Гуна, уже видѣнную мною въ Парижѣ. Будущій убійца, съ кровавдымъ выраженіемъ на лицѣ, отточивъ свой кин-

жалъ, приготавливаетъ шпагу; на его шляпѣ бѣлый крестъ, знакъ признательности инициаторовъ ужаснаго событія къ исполнителямъ ихъ кроваваго фанатизма. Передъ нимъ стоитъ распятіе, съ боку образъ Богоматери, съ теплящейся лампадой. Всѣ мысли фанатика, видимо, заняты размышленіями о предстоящемъ убійствѣ.

Картина Гэ «Царь Петръ» производитъ странное впечатлѣніе. Изъ разговора съ русскими посѣтителями вѣнской выставки я узналъ, что художникъ своей картиной желалъ произвести впечатлѣніе совершенно противоположное тому, которое она производитъ теперь. На стулѣ сидитъ сильный мужчина, Петръ, съ покраснѣвшимъ отъ гнѣва лицомъ; холодомъ вѣетъ отъ всей его фигуры. Предъ нимъ стоитъ блѣдный, худой, длинный, съ меланхолическимъ выраженіемъ въ лицѣ юноша, онъ опустилъ глаза въ землю; это царевичъ Алексѣй, сынъ Петра. На лицѣ отца читается смертный приговоръ, который онъ намѣревается произнести надъ своимъ сыномъ. Симпатіи зрителя обращаются къ сыну, но, говорятъ, художникъ рассчитывалъ, что они будутъ обращены на отца, одного изъ величайшихъ умовъ своего времени.

Виллевиальдъ, пишущій въ жанрѣ Муассонье, пожелалъ создать въ одно время и величественное, и вполне изящное произведеніе, что, какъ извѣстно, почти никогда не удается. Въ своей картинѣ «Битва при Гравелотѣ», нѣжной и красивой, какъ будто она нарисована на шелку, онъ изобразилъ массу пруссаковъ, ринувшуюся на штурмъ позиціи французскихъ войскъ. Вечеръ. Лучъ заходящаго солнца сверкаетъ на шпагѣ Мольтке, тонкой, какъ игла. Дымъ отъ пушечныхъ выстрѣловъ сгустился на горизонтѣ, побагровѣвшемъ отъ зарева пожара. Все это громадно и величественно, если на картину смотрѣть черезъ микроскопъ.

Очень сожалѣю, что долженъ отказаться отъ описанія нѣсколькихъ дѣйствительно замѣчательныхъ пейзажей и жанровъ, выставленныхъ на русской выставкѣ; въ короткомъ описаніи трудно сказать все, что слѣдовало-бы сказать о нихъ, а длинное описаніе невозможно въ ограниченныхъ рамкахъ, отведенныхъ для моихъ корреспонденцій.

Е. Триго.

(Продолженіе будетъ.)

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

І. ЮРГЕНСОНА,

Коммиссіонера Русскаго Музыкальнаго Общества,
С. Петербургъ, Большая Морская № 9 (на углу Нев-
скаго проспекта) поступило въ продажу:

**НОВОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗДАНИЕ ПОЛНЫХЪ ОПЕРЪ ДЛЯ
ОДНОГО ФОРТЕПИАНО ПО 50 КОП.**

Норма, Пуритане, Соннамбула, Ромео и Юлія, Страніера, Пираты, Фи-
деліо, Эгмонтъ, Бѣлая дама, Красная шапочка, Калифъ Багдадскій, Вол-
шебный стрѣлокъ, Оберонъ, Преціоза, Четыре времени года, Сотвореніе міра,
Цампа, Орфей, Лючія, Любовный напитокъ, Юсіфъ прекрасный, Дон-
Жуанъ, Волшебная флейта, Свадьба Фигаро, Реквиемъ Моцарта, Отелло,
Сивильскій цирюльникъ, Фенелла и др. (Каждая опера 50 к.).

СБОРНИКЪ ЛЮБИМЫХЪ УВЕРТЮРЪ Бетховена, Беллини, Вебера,
Моцарта, Россина, Шуберта и др., для одного фортепиано, 8 выпусковъ,
въ каждомъ отъ 8 до 10 увертюръ (каждый выпускъ 50 к.). Такой-же
сборникъ въ 4 руки, 9 выпусковъ (по 65 к.). Такой-же сборникъ для
фортепиано и скрипки, 6 выпусковъ (по 75 к.).

ДЛЯ ОДНОГО ФОРТЕПИАНО: *Бетховенъ*, всѣ 32 сонаты въ одною
томъ (1 р. 85 к.). Тоже въ двухъ томахъ съ аппликатурою (3 р.). Тоже
роскошное изданіе (6 р.). Всѣ мелкія сочиненія (60 к.). Всѣ варьяціи
(1 р. 50 к.). Всѣ концерты (1 р. 50 к.). Всѣ симфоніи (2 р. 50 к.).
Септетты (50 к.). Романсы и сѣнады (50 к.). *Веберъ*, Всѣ сонаты
(60 к.). 8 знаменитыхъ пьесъ (50 к.). Концерты (60 к.). *Гайднъ*. Всѣ
34 сонаты, роскошное изданіе (3 р. 75 к.). 10 избранныхъ сонатъ
(60 к.). Избранныя симфоніи (90 к.). *Гуммельъ*, Всѣ сонаты (1 р.) Раз-
ныя сочиненія (50 к.) Концерты (50 к.) *Дуссекъ*, Избранныя сонаты и
пьесы (50 к.) *Клементи*, Прелюдій и Упражненія (50 к.) «Gradus ad
ragassum». Знаменитыя упражненія, три тома (по 75 к.) 12 знамени-
тыхъ сонатъ (1 р. 25 к.) 12 любимыхъ сонатинъ (60 к.) *Кулау*, Лю-
бимыя сонатинны (50 к.) *Моцартъ*. Всѣ сонаты (1 р. 25 к.) Мелкія
пьесы (50 к.) Всѣ варіаціи (1 р.) Концерты, 2 тома (по 1 р.) 6 из-

бренныхъ симфоній (1 р.) *Шубертъ*, Всѣ сонаты (1 р. 25 к.) Всѣ танцы (50 к.) Всѣ мелкія сочиненія (1 р.) 50 знаменитыхъ мелодій (50 к.) *Фильдъ*, 17 ноктюрнъ (60 к.)

ШКОЛЫ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО: *Гюнтенъ*. Полная школа. 14-е изданіе 1873 г., пересмотрѣнное и дополненное профессоромъ Московской Консерваторіи А. И. Дюбюкомъ, съ прибавленіемъ 20 новыхъ пьесъ, составленныхъ изъ любимыхъ оперъ и русскихъ пѣсенъ, съ приложеніемъ жизненныхъ правилъ для молодыхъ музыкантовъ Р. Шумана (3 р. 50 к.) *Лотти* и *Брассеръ*. «Сокровище для матерей семействъ». Элементарная школа, одобренная гг. Гензельтомъ, Герке, Лешетицкимъ, Рубинштейномъ и др. 6-е изданіе (5 р. съ пересылкою 6 р.) «Приложеніе къ сокровищу». Необходимое дополненіе или часть II къ элементарной школѣ, содержащее въ себѣ множество упражненій и избранныхъ пьесъ для дѣтей (4 р., съ пер. 5.) *Бейеръ*, первоначальная дѣтская школа съ перес. (3 р.)

Бурмиллеръ, первоначальная школа для дѣтей, съ перес. (2 р.)

За пересылку прилагается особо и взимается съ общаго вѣса посылки. Каталогъ дешевымъ изданіямъ высылается бесплатно. Требованія гг. иногородныхъ исполняются съ первоотходящею почтою. Въ магазинѣ Юргенсона можно получить всѣ музыкальныя произведенія, кѣмъ-бы они ни были изданы и объявлены.

Въ магазинѣ Юргенсона принимается подписка на *новый дешевый музыкальный журналъ «die Musikalische Welt»* (Музыкальный Свѣтъ), издаваемый г. Литольфомъ, въ Брауншвейгѣ, и содержащій ежемѣсячно отъ 5 до 6 избранныхъ пьесъ любимыхъ современныхъ композиторовъ. Всѣ эти пьесы совершенно новыя, появляются впервые въ этомъ журналѣ, имѣющемъ огромный успѣхъ, какъ по прекрасному содержанію, такъ и по дешевизнѣ. Годовая цѣна подписки 2 р. 70 к., съ пересылкою 4 р. Желающіе подписаться получаютъ всѣ вышедшія тетради сначала года. Принимается также подписка на 1874 г.

**ЗАНЕСЕНА
ВЪ
ИНВЕНТАРЬ**

Въ 1-хъ числахъ Октября

• ПОСТУПИТЬ ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

АССОЦІАЦІИ

ВО ФРАНЦІИ, ГЕРМАНИИ, АНГЛИИ И РОССИИ.

Сочиненіе А. Михайлова.

(Изданіе второе).

(СОДЕРЖАНІЕ).

Предисловіе.— Источники.

Книга первая: Жилища рабочихъ.

На фабрикахъ.— Въ своемъ углу.— Вліяніе дурныхъ жилищъ.— Попытки улучшить жилища рабочихъ въ Англіи.— Строительныя ассоціаціи въ Германіи.— Жилища рабочихъ во Франціи.— Мюльгаузенъ.— Фамилистерія въ Гизѣ.— Продолженіе предвѣдущей главы.— Гебвилль, Бокуръ, Кольмаръ и другіе города Франціи.— Попытки улучшить жилища бѣдняковъ въ Петербургѣ.— Заключеніе.

Книга вторая: Потребительныя общества.

Жизненные припасы.— Одно изъ средствъ удешевить пищу.— Речдэльскіе честные пионеры.— Очеркъ развитія потребительныхъ обществъ въ Англіи.— Потребительныя общества въ Германіи и Швейцаріи.— Потребительныя общества во Франціи.— Потребительныя общества въ Россіи.— Заключеніе.

Книга третья: Производительныя ассоціаціи.

Фабричный трудъ и задѣльная плата.— Продолженіе.— Производительныя общества въ Англіи.— Производительныя общества въ Германіи.— Производительныя ассоціаціи во Франціи до 1848 г.— Устройство ассоціацій при помощи правительства.— Ассоціаціи, основанныя безъ помощи правительства.— Взглядъ французскихъ рабочихъ на дѣло ассоціацій.— Ассоціаціи во Франціи послѣ 1866 г.— Производительныя ассоціаціи въ Россіи.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Уставы мюльгаузенаго общества жилищъ для рабочихъ.— Правила речдэльскихъ пионеровъ.— Уставъ столярной артели въ С.-Петербургѣ.

Цѣна 2 р. 50 к., на пересылку прилагается за 2 фунта. Съ требованіями покорнѣе просятъ обращаться въ контору Редакціи Журнала «Дѣло».

Подписчикамъ журнала «Дѣло» дѣляется уступка 20%.

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРЪ ЖУРНАЛА

„ДѢЛО“

(въ С.-Петербургѣ, по Надеждинской ул., д. № 39)

ВЫШЛИ И ПРОДАЮТСЯ:

ИЗБРАННЫЯ РѢЧИ ДЖОНА БРАЙТА

ПО ВОПРОСАМЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Съ биграфическими очерками и портретами автора.

Переводъ съ англійскаго подъ редакцію Г. Е. Благосвѣтлова.

Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

ВЫШЛА И ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА:

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГИГИЕНЫ

В. О. ПОРТУГАЛОВА.

Около 40 печатн. листовъ. Цѣна 3 р. с., съ перес. 3 р. 30 к.

Адресоваться въ контору редакціи журнала «Дѣло».

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ
НОВАЯ КНИГА:

ФРАНЦЪ ФОНЪ-ЗИНИНГЕНЪ.

Историческая трагедія въ 5 дѣйствіяхъ въ стихахъ

ФЕРДИНАНДА ЛАССАЛЯ.

Переводъ А. и С. Крыль. Цѣна 1 р. 50 к.

При этой книгѣ помѣщены слѣдующія объявленія: 1) объ изданіи журнала Дѣло въ 1874 году; 2) Отъ музыкальнаго магазина І. Юргенсона и 3) объ изданіи соч. А. Михайлова „Ассоціаціи во Франціи, Германіи, Англии и Россіи“.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Д Ъ Л О“

въ 1874 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ редакціи (по Надеждинской улицѣ, д. № 39), и у книгопродавцевъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфа, на Невскомъ проспектѣ, по Гостинному двору, №№ 18, 19 и 20, и въ Книжномъ Магазинѣ для Иногороднихъ, на Невскомъ, противъ Думы, въ д. № 36.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ книжномъ магазинѣ П. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева; а также въ книжномъ магазинѣ М. М. Черенина, на Рождественѣ, въ д. Торлецкаго.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „ДЪЛО“:

Безъ пересылки и доставки	14 р. 50 к.
Съ пересылкою иногородн.	16 »
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	15 » 50 к.

Подписная цѣна для заграничныхъ абонентовъ:

Пруссія и Германія—18 р. 50 к. Бельгія, Нидерланды и Придунайскія княжества—19 р. 50 к.; Франція и Данія—20 р. 50 к.; Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція и Греція—21 р. 50 к.; Швейцарія 22 р. 50 к.; Италія—23 р. 50 к.

Для служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе какъ за поручительство гг. казначеевъ.

Редакторъ-издатель Н. ШУЛЬГИНЪ.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

~~AUG 21 1961~~

~~342-523~~

ST
CHARGE
ANGEL

Widener Library

3 2044 079 302 030